63.3(5Каз)
И90 -4/3

История Казахстана

ОЧЕРК

АЛМАТЫ 1993

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ЭТНОЛОГИИ
ИМ. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А. Х. МАРГУЛАНА ФОНД
РАЗВИТИЯ «КАЗАХСТАН»

63.3(5Каз)
И90

54824-1545

ИСТОРИЯ КАЗАХТАНА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

(очерк)

Издательство «Дәуір»
Алматы, 1993

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А К Акишев, М, Х. Асылбеков, К. М. Байпаков, Ж. К. Касымбаев, М. К. Козыбаев (главный редактор). *Т. А. Мансуров, К. Н. Нурпеисов, К.А. Пищулин Ю. И. Романов*

Редактор Л. И. Дробжева

ISBN 5-86228-054-5

Книга написана авторским коллективом в составе:

Раздел I. Глава 1 - *Ж. К. Таймагамбетов;* главы 2 и 3 - *К. М. Байпаков;* Раздел II. Глава 1 - *Б. Е. Кумеков;* главы 2 и 7 - *К. М. Байпаков;* главы 3, 4, 6 *К. А Пищулина;* глава 5 - *О. И. Исмагулов (§ 1), К. А.Пищулина (§2, 3);* Раздел III. Главы 1 и 4 Ж *К. Касымбаев;* глава 2 - *Н.В. Ерофеева;* глава 3 - Ж *К. Касымбаев (§ 1, 4), Н. Е. Бекмаханова (§ 2), В. З. Галиев (§ 3), Э. Ж Валиханов (§ 5)*, глава5 - *Х. М. Абжанов, Д. И. Дулатова, В. З. Галиев; (§ 5)*, глава 6 - *М. Х. Асылбеков (§1-3,5), К.И. Кобландин (§ 3), К. Н. Нурпейсов (§ 1)* Раздел IV Глава 1 - *К. Н. Нурпейсов;* глава 2 -Ж *Б. Абылхожин (§ 1, 2), М. Х. Асылбеков (§ 3), К. С. Алдажуманов (§ 2, 4), К. Н. Нурпейсов (§ 4)*, глава 3 - Я *С. Белан, М. К. Козыбаев;* глава 4 - *Б. Аяганов (§ 1), М. Х -У. Асылбеков (§ 2 - 5)*, Ж. *Б. Абылхожин (§ 6);* глава 5 - *Ю. И. Романов (§ 1, 2, 3, 5), Ж. И. Куанышев (§ 2, 4);* глава 6 - *Х. М. Абжанов;* глава 7 - *М. Х.- У. Асылбеков, А. Б. Галиев;* глава 8 - *Т. А. Мансуров.*

В раздел IV главы 4, § 3, 5 использованы материалы Ж *М. Асылбековой.* Иллюстративный материал подготовлен Ж *А. Акановым*, карты - *К. А. Власовым.* Составительская работа проведена *Ю. И. Романовым.*

ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Технический редактор *Х. Ишимова* Корректор *Т. Панфилова.*
Сдано в набор 4.10.93. Подписано в печать 2.11.93-Формат 84x108 1/32. Бумага книжурнальная. Гарнитура Тип Таймс. Усл. п. л. 21.84. Уч.-изд. л 34,29.

Заказ 3699.

Республиканское газетно-журнальное издательство «Дауір»

ISBN 5-86228-054-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляемый читателю исторический очерк «История Казахстана с древнейших времен до наших дней» — первый обобщающий труд Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова и Института археологии им. А. Х. Маргулана, Национальной академии наук, подготовленный после обретения Республикой Казахстан подлинной государственной независимости. Авторский коллектив предпринял попытку по-новому осветить известные и открыть ранее скрывавшиеся факты истории республики, вернуть народу историческую память, славные имена героев борьбы казахского народа за национальную независимость, против колониального режима, имена выдающихся деятелей казахской культуры и науки, уничтоженных тоталитарным режимом.

Авторы не ставили перед собой задачу дать исчерпывающее изложение истории Казахстана. Это — задача будущих изданий. Цель книги — помочь читателю разобраться в сложных, порой противоречивых процессах давнего и недавнего исторического прошлого Казахстана. Главы книги различаются уровнем теоретического обобщения, стилистикой, фактологической насыщенностью. Возможно, на взгляд читателя, отдельные выводы и оценки недостаточно аргументированы, спорны. Редакционная коллегия не стремилась сгладить мировоззренческие различия авторов. По ряду концептуальных вопросов авторский коллектив не пришел к единому мнению и решил сохранить авторские позиции, что отражает поиск новых подходов к освещению тех или иных проблем. Такой поиск еще не завершен, он требует времени, выявления и осмысления новых фактов, новых методологических подходов. Очерковая форма позволила охватить широкий временной диапазон проблем — от древности до наших дней. При этом авторы не стремились переписать всю историю с противоположным знаком. Ими руководило чувство уважения к своим предшественникам, немало сделавшим для исследования истории Казахстана.

Разбуженное историческое сознание народа требует сегодня правдивого освещения прошлого. Откликаясь на это, авторский коллектив попытался подойти к исследованию прошлого казахского народа с объективных, научных позиций. Это лишь начало большой работы по воссозданию подлинной истории народа, раскрытию его роли и места в мировой цивилизации.

В ходе подготовки издания авторы учли рекомендации и выводы, состоявшихся на научно-теоретических конференциях, дискуссий по проблемам национально-освободительных движений в XIX в. в Казахстане, характеру национально-освободительного движения 1916 г., вопросам силовой коллективизации и голода в начале 30-х гг., государственной репрессивной политике тоталитарной системы в Казахстане и др.

Мы надеемся, что книга восполнит тот вакуум литературы и учебных пособий по истории Казахстана, с которыми сегодня сталкиваются преподаватели и студенты, привлечет внимание широких читательских кругов, интересующихся историей Казахстана, будем признательны за высказанные замечания.

Авторский коллектив выражает глубокую признательность Фонду развития «Казахстан» за оказанное содействие в издании книги.

РАЗДЕЛ I. КАЗАХСТАН В ДРЕВНОСТИ

Глава 1. КАЗАХСТАН В ЭПОХУ КАМЕННОГО ВЕКА

Современные представления о жизни далеких предков основываются на изучении мест стоянок, пещер, гротов, где сохранились остатки труда человека — каменные орудия, отходы при их изготовлении, остатки пищи — кости животных. Немалое значе-ние имеют и этнографические данные из жизни так называемых отсталых народностей современности. Они позволяют лучше объ-яснить некоторые стороны материальной и духовной культуры древнейшего человечества. Но главную информацию все же дает наиболее массовый материал первобытного общества — каменные орудия труда.

История человечества делится на большие периоды, связанные с развитием той или иной социально-экономической формации. В археологии разработана своя периодизация, согласно которой история человечества делится на эпоху камня, бронзы, железа и средневековья. В свою очередь, каждая из перечисленных эпох подразделяется на периоды и культуры. Каменный век делится на три периода — палеолит, мезолит и неолит.

Эпоха древнего каменного века — время становления челове-чества и его хозяйства — характеризуется низким уровнем производительных сил. Примитивная хозяйственная деятельность заключалась в использовании готовых продуктов природы. Первобытный человек собирал дикорастущие злаки, плоды и ягоды и охотился на диких животных. Взаимоотношения людей строились на экономическом равенстве членов коллектива, на естественном половозрастном разделении труда и были по своему характеру коллективистскими.

Общественная организация лгодей в эпоху палеолита прошла сложный и длинный путь развития. Начальным ее этапом было первобытное стадо — объединение для совместной защиты и нападения, охоты, собирательства. Это дородовое социальное образование отличалось аморфностью, неразвитостью общественных отношений, отсутствием общинно-домашнего хозяйства, в то же время ему была присуща некоторая упорядоченность брачных связей.

Первобытное стадо соответствует двум наиболее ранним ступе-ням нижнего палеолита — доашельскому и ашельскому периодам. В ашельское время постепенно вызревают предпосылки для нового социального организма — первобытной общины. В эпоху мустье уже существует оседлость, естественное разделение труда по полу и возрасту, возникают начальные формы общины. Человеческий коллектив позднего палеолита в социальном отношении характеризуется новой гранью — сложением зрелых форм первобытно-родовой общины. Это качественный скачок, как полагают многие исследователи, совпал с трансформацией неандертальца в человека современного физического типа (Homo sapiens)

§ 1. Природные условия и среда обитания древних гоминид

На обширных пространствах Евразии в зоне пустынь, полупустынь и степей за последние 15—20 лет обнаружены и изучены многочисленные стоянки каменного века. Их хронологический интервал охватывает отрезок от плиоцена до голоцена.

В устройстве поверхности аридной зоны Евразии принимают участие самые разнообразные типы рельефа, от высочайших гор и плоскогорий до низменных пустынь. Это великое разнообразие рельефа и ландшафтов, расположение их в аридной зоне обусло-вило не только разнообразие, но и сходство черт условий обитания древних гоминид (предков людей).

Для регионов аридной зоны характерны различия в эволюции и ее длительности, освоении территории, а также в эволюции гоминид. В аридной зоне преобладают стоянки открытого (наземного типа). Многие из них являются комплексными и несут следы длительного пребывания древних гоминид на одних и тех же геоморфологических позициях (нередко в течение сотен тысяч лет).

По своему положению в аридной зоне, величине территории и разнообразию природно-ландшафтных зон Казахстан может служить моделью изучения палеолита аридной зоны Евразии.

Предпосылки для появления древнейших гоминид на территории Казахстана следует искать исходя из геолого-географических условий в переходный и самый важный период в истории человечества, которым является вторая половина плиоцена. Следы наиболее ранних гоминид, зафиксированных на огромной террито-рии от африканского материка до современной аридной полосы и территории Сибири свидетельствуют о довольно обширном про-странстве расселения первобытных гоминид (на рубеже 1,5—1 млн. лет в сходных условиях на открытых пространствах Прикаспия, в Туранских пустынях, Монголии и Северном Китае уже существова-ли стоянки гоминид). Палеогеографические условия плиоцена позволяют считать, что равнины Азии с относительно невысокими горами и благоприятным климатом могли способствовать быстрой миграции далеко на север. Казахстан, Монголия и Северный Китай, видимо, были для ранних этапов заселения Евразии наиболее северными районами Ойкумены.

Природная катастрофа в конце плиоцена и четвертичное время (1 млн. лет) изменили ситуацию. Гиндукуш и Гималаи, Каракорум, Тянь-Шань и Алтай стали непреодолимым барьером не только для муссонов, но и полностью преобразовали ландшафты, которые постепенно приобрели современный вид. Растущие горные хребты покрытые ледниками и все большие территории, вовлекаемые в поднятие, предопределили, по-видимому, мозаику в ареалах палео-лита. Изменение движения муссонов и циклонов, увеличение континентальности климата в аридной зоне способствовали опус-тыниванию значительной территории.

Различные регионы Казахстана в этих изменяющихся условиях неодинаково реагировали на изменяющиеся условия. Наиболее устойчивыми условиями характеризуется регион Туранских и Прикаспийских пустынь. На побережье Каспийского моря и плато Устюрт сохранились многочисленные стоянки палеолита и неолита, свидетельствующие о непрерывной эволюции от ранних этапов палеолита до неолита. Палеолит Прикаспия и Устюрта базировался на кремневом сырье.

Основой для длительной эволюции в прибрежной полосе Каспия и плато Устюрт являлись стабильность палеографических условий (благоприятный климат, обилие объектов охоты и мест обитания), неограниченное количество сырья, наличие пресной воды. Топография сохранившихся стоянок подтверждает данные геологов о неоднократном изменении береговой линии.

Сары-Арка — с характерным сочетанием мелкосопочника и равнин, широкими плоскодонными долинами была и остается по геоморфологическим условиям наиболее стабильной областью.

Эволюция палеолита здесь начинается с достаточно поздних этапов ашеля и не прерывается до позднего палеолита.

Своеобразие топографии стоянок каменного века указывает на возможное проникновение первобытных гоминид по главному водоразделу Сары-Арки и дальнейшему расселению его в Северном Прибалхашье. Стабильность палеогеографических условий, установившиеся и, по-видимому, не изменяющиеся пути миграций и обитания животных (объектов охоты) и перелета птиц, многочисленные выходы хорошего сырья и постоянные источники воды (родники, плессы у обрывов и т. д.) обусловили возможность длительного обитания первобытных коллективов, носителей различных культур палеолита на одних и тех же стоянках, на конусах выносов, берегах рек, у глубоких плессов или у родников с пресной водой, которые, в значительной мере определяли местоположение стоянок и пути передвижения. Только экстремальные условия конца верхнего плейстоцена, когда было очень холодно и сухо (по Б. Ж. Аубекерову), окончательно разрушили гидросеть. На фоне развившейся многолетней мерзлоты во многих районах Сары-Арки были нарушены установившиеся связи животных, обитавших в Сары-Арке и гоминид, покинувших навсегда эти некогда тради-ционные места обитания. И только в переходных зонах, на периферии Сары-Арки в Прииртышье эволюция не прерывалась до неолита.

Первобытное стадо соответствует двум наиболее ранним ступе-ням нижнего палеолита — доашельскому и ашельскому периодам. В ашельское время постепенно вызревают предпосылки для нового социального организма — первобытной общины. В эпоху мустье уже существует оседлость, естественное разделение труда по полу и возрасту, возникают начальные формы общины. Человеческий коллектив позднего палеолита в социальном отношении характеризуется новой гранью — сложением зрелых форм первобытно-родовой общины. Это качественный скачок, как полагают многие исследователи, совпал с трансформацией неандертальца в человека современного физического типа (Homo sapiens)

§ 1. Природные условия и среда обитания древних гоминид

На обширных пространствах Евразии в зоне пустынь, полупустынь и степей за последние 15—20 лет обнаружены и изучены многочисленные стоянки каменного века. Их хронологический интервал охватывает отрезок от плиоцена до голоцена.

В устройстве поверхности аридной зоны Евразии принимают участие самые разнообразные типы рельефа, от высочайших гор и плоскогорий до низменных пустынь. Это великое разнообразие рельефа и ландшафтов, расположение их в аридной зоне обусло-вило не только разнообразие, но и сходство черт условий обитания древних гоминид (предков людей).

Для регионов аридной зоны характерны различия в эволюции и ее длительности, освоении территории, а также в эволюции гоминид. В аридной зоне преобладают стоянки открытого (наземного типа). Многие из них являются комплексными и несут следы длительного пребывания древних гоминид на одних и тех же геоморфологических позициях (нередко в течение сотен тысяч лет).

По своему положению в аридной зоне, величине территории и разнообразию природно-ландшафтных зон Казахстан может служить моделью изучения палеолита аридной зоны Евразии.

Предпосылки для появления древнейших гоминид на территории Казахстана следует искать исходя из геолого-географических условий в переходный и самый важный период в истории человечества, которым является вторая половина плиоцена. Следы наиболее ранних гоминид, зафиксированных на огромной террито-рии от африканского материка до современной аридной полосы и территории Сибири свидетельствуют о довольно обширном про-странстве расселения первобытных гоминид (на рубеже 1,5—1 млн. лет в сходных условиях на открытых пространствах Прикаспия, в Туранских пустынях, Монголии и Северном Китае уже существова-ли стоянки гоминид). Палеогеографические условия плиоцена позволяют считать, что равнины Азии с относительно невысокими горами и благоприятным климатом могли способствовать быстрой миграции далеко на север. Казахстан, Монголия и Северный Китай, видимо, были для ранних этапов заселения Евразии наиболее северными районами Ойкумены.

Природная катастрофа в конце плиоцена и четвертичное время (1 млн. лет) изменили ситуацию. Гиндукуш и Гималаи, Каракорум, Тянь-Шань и Алтай стали непреодолимым барьером не только для муссонов, но и полностью преобразовали ландшафты, которые постепенно приобрели современный вид. Растущие горные хребты покрытые ледниками и все большие территории, вовлекаемые в поднятие, предопределили, по-видимому, мозаику в ареалах палео-лита. Изменение движения муссонов и циклонов, увеличение континентальности климата в аридной зоне способствовали опус-тыниванию значительной территории.

Различные регионы Казахстана в этих изменяющихся условиях неодинаково реагировали на изменяющиеся условия. Наиболее устойчивыми условиями характеризуется регион Туранских и Прикаспийских пустынь. На побережье Каспийского моря и плато Устюрт сохранились многочисленные стоянки палеолита и неолита, свидетельствующие о непрерывной эволюции от ранних этапов палеолита до неолита. Палеолит Прикаспия и Устюрта базировался на кремневом сырье.

Основой для длительной эволюции в прибрежной полосе Каспия и плато Устюрт являлись стабильность палеографических условий (благоприятный климат, обилие объектов охоты и мест обитания), неограниченное количество сырья, наличие пресной воды. Топография сохранившихся стоянок подтверждает данные геологов о неоднократном изменении береговой линии.

Сары-Арка — с характерным сочетанием мелкосопочника и равнин, широкими плоскодонными долинами была и остается по геоморфологическим условиям наиболее стабильной областью.

Эволюция палеолита здесь начинается с достаточно поздних этапов ашеля и не прерывается до позднего палеолита.

Своеобразие топографии стоянок каменного века указывает на возможное проникновение первобытных гоминид по главному водоразделу Сары-Арки и дальнейшему расселению его в Северном Прибалхашье. Стабильность палеогеографических условий, установившиеся и, по-видимому, не изменяющиеся пути миграций и обитания животных (объектов охоты) и перелета птиц, многочисленные выходы хорошего сырья и постоянные источники воды (родники, плессы у обрывов и т. д.) обусловили возможность длительного обитания первобытных коллективов, носителей различных культур палеолита на одних и тех же стоянках, на конусах выносов, берегах рек, у глубоких плессов или у родников с пресной водой, которые, в значительной мере определяли местоположение стоянок и пути передвижения. Только экстремальные условия конца верхнего плейстоцена, когда было очень холодно и сухо (по Б. Ж. Аубекерову), окончательно разрушили гидросеть. На фоне развившейся многолетней мерзлоты во многих районах Сары-Арки были нарушены установившиеся связи животных, обитавших в Сары-Арке и гоминид, покинувших навсегда эти некогда тради-ционные места обитания. И только в переходных зонах, на периферии Сары-Арки в Прииртышье эволюция не прерывалась до неолита.

Переходные зоны всегда были объектами пристального внимания. Одним из таких интересных переходных участков является хребет Каратау (присырдарьинский). Своеобразие его географического положения заключается в том, что он является, с одной стороны, оконечностью хребтов Северного Тянь-Шаня и имеет характерную для них высотную поясность, а в наиболее холодные эпохи, видимо, имел ледник. С другой стороны — он ограничивает и разделяет две крупные области, песчаные пустыни Средней Азии и глинистые пустыни Бетпакдалы. В климатическом отношении хр. Каратау имеет исключительно благоприятные условия. Такая ситуация для хребта Каратау сохранялась в течение длительного времени начиная, по крайней мере, с верхнего плиоцена. В пользу этого свидетельствуют многочисленные реликтовые растения и животные, сохранившиеся с неогена.

Положение хр. Каратау в зоне пустынь обусловило и формиро-вание здесь мощных песчаных (по периферии) и лессовых толщ (во впадинах). Геологическое строение многих районов хр. Каратау также благоприятствовало постоянному обитанию здесь многочисленных стад животных, остатки которых известны здесь из многих местонахождений.

Не удивительно, что все это способствовало обитанию древнейших гоминид, которые находили здесь и пищу, и источники воды, а также хорошие места для обитания на берегах рек, в пещерах и лессовых районах.

Но, вероятно, особенностью переходных (пограничных) районов является фрагментарность и мозаичность событий и явлений. Так и палеолит хр. Каратау характеризуется по крайней мере двумя (а может быть тремя) линиями эволюции. Первая характерна для куэстового района гор М. Каратау и базируется почти на черных массивных кремнях (Борыказган, Танирказган — основные стоянки). Самые древние стоянки связаны с вершинами куэстовых останцов некогда обширной исходной поверхности пенеплена. Более «поздние» ашельские, мустьерские и поздний палеолит располагаются у подножий куэстов и имеют большой хронологический разрыв с местонахождениями раннего палеолита Борыказган и Танирказган.

Другая линия развивалась на кремнях светло-серого цвета, обладающих более хорошими физическими свойствами, и, позволяющими получать качественные сколы с заготовок. Основной стоянкой является стоянка им. Ч. Валиханова. Уникальность ее в том, что ее существование связано с историей массового плато, которое эродировалось долинами рек, врезаясь в лессы и по их зоне имея контакты с кайнозойскими отложениями. Возможно эволюция валихановского палеолита восходит к палеолиту из конгломератов у пос. Буденного и названного А. Г. Медоевым арыстандинской культурой.

Имеются следы третьей линии развития, или линии развития на осадочных породах (песчаниках). По данным геолога Б. Ж. Аубекерова, в районе стоянки им. Ч. Валиханова и некоторых других местах собрано несколько образцов позднего палеолита (определение А. Г. Медоева) по своим типологическим особенностям, напоминающим саякскую культуру Сары-Арки.

Наименее изученными остаются пока горные районы области Казахстана. Трудности поисков стоянок палеолита определяются здесь особенностями осадконакопления и скоростью преобразования рельефа. Разные природные условия, вызванные географическими и климатическими особенностями того или иного региона земного шара, явились основными факторами неповсеместного очеловечивания приматов, во многом определили различия в древнем хозяйстве и первобытной культуре населения разных широт. Они же влияли на темпы последующего развития человечества и цивилизации.

§ 2. Ранний палеолит

Ранний палеолит делится на три крупные эпохи: олдувайскую (2,6 млн лет — 700 тыс. лет назад), ашельскую (700 тыс. — 150—120 тыс. лет назад) и мустьерскую (150—120 тыс. — 35—30 тыс. лет назад). В течение всего каменного века главенствующая роль в изготовлении орудий труда принадлежала камню. И потому на стоянках мы находим в большинстве своем изделия из них, за исключением неолитических, где встречаются орудия из кости животных. Человек хорошо знал свойства камня. Чаще всего выбор материала зависел от назначения орудий. В зависимости от формы и характерных типов каменные изделия подразделяются на рубила, скребла, остроконечники, отбойники, сверла, ножи, про-колки и т. д.

К числу самых древних орудий труда относятся массивные прямоугольные кремневые отщепы, найденные у пос. Конырдек в толще сцементированных конгломератов, слагающих нижнечетвертичную, самую высокую надпойменную террасу р. Арыстанды на юго-западных склонах хребта Каратау. Эти древнейшие орудия так называемого клектонского типа отличаются от более поздних непропорционально большим ударным бугорком, занимающим более половины площади всего отщепа. Вместе с ними находились большие кремневые заготовки, желваки-нуклеусы, от которых были отбиты эти отщепы. Наибольший интерес представляют ашельские стоянки Борыказган и Танирказган, находящиеся на плоской вершине и сложенные галечниками, доломитами, алевро-литами и другими породами. Местонахождения расположены северо-восточнее г. Каратау в Таласском районе Жамбылской области. Распространение орудий в этих стоянках четко ограничено, за пределами определенной границы обработанные кремневые изделия встречаются редко. Древнепалеолитический инвентарь из Борыказгана и Танирказгана Х. А. Алпысбаев делит на четыре группы: двусторонние и односторонние рубящие орудия; архаические массивные отщепы; крупные желваки-нуклеусы. Первая группа преобладает. Рубящие орудия существенно не отличаются от грубого каменного инвентаря из доашельско-ашельских местона-хождений Юго-Восточной Азии и Африки[1]. Они почти всегда имеют четко выраженную валунообразную форму, один конец изделий обработанный, острый, а другой — с сохраненной галечной коркой или слегка подправленный.

В нижнем палеолите для раскалывания камня человек использовал другой камень, просто ударял их друг о друга. Такая техника получила название техники оббивки или галечной культуры, поскольку сырьевым материалом в большинстве случаев служила обыкновенная речная галька. Позже появились отбойники, которые позволяли добиться лучших результатов. Зачастую они цилиндрической или круглой формы с многочисленными следами вмятин и забитостей. К примеру, орудия выявленные Х. А. Алпысбаевым в районе хребта Каратау, обработаны вышеназванной техникой. Сырьем для изготовления орудий служила галька. При обработке орудий целенаправленные удары наносились с двух сторон камня и таким образом получали извилистый рабочий край. Полученные орудия использовались впоследствии как рубящие. Результаты изучения каменных орудий хребта Каратау противоречат основным положениям Мовиуса[2], выдвинувшего гипотезу о существовании в эпоху нижнего палеолита двух локальных областей. К одной из них он отнес Индостан, Южную и Западную Европу, Переднюю Азию и Африку, обитателям которых присуще только использование ручных рубил. Другой областью является северо-западная Индия, Верхняя Бирма, Китай, Ява, для индустрии которых характерны двусторонние и односторонние рубящие орудия. На основании обнаруженных каменных орудий в Южном Казахстане Х. А. Алпысбаев делает следующий вывод: «Факт совместного нахождения дву и односторонне рубящих орудий и ручных рубил не позволяет нам согласиться с утверждениями о существовании совершенно особой азиатской нижнепалеолитической культуры и о своеобразии пути развития Азии в эпоху нижнего палеолита»[3]. Сходство и тождество материалов из Южного Казахстана с орудиями труда, обнаруженными на территории Азии и Африки, позволяют высказать предположение о единстве развития нижнепалео-литических культур, в которых изменение и развитие шли единьш путем.

Памятники ашельского времени обнаружены в Центральном Казахстане. Орудия изготавливались здесь из кремневых пород черного и серо-зеленого цвета. Одна из таких стоянок — Кудай-коль — расположена на северо-восточной окраине Сары-Арки. Среди орудий можно выделить бифасы, т. е. орудия обработанные с обеих поверхностей камня, скребла предназначенные для выделки шкур животных и обработки дерева, а также многочисленные нуклеусы — ядрища, с которых скалывались отщепы и пластины и использовались как орудия. Среди других ашельских памятников Центрального Казахстана заслуживают внимания стоянки Жаман-Айбат, расположенного в 150 км от г. Джезказгана и Обалысай, выявленного в Джездинском районе Карагандинской области. Среди коллекции каменных изделий выделяются рубящие орудия со следами выветренности.

Самым древним памятником на территории Восточного Казах-стана считается на сегодняшний день местонахождение Козыбай, обнаруженное автором в полевом сезоне 1989 г. Находится стоянка на берегу р. Колгутты, недалеко от села Каратогай Курчумского района. Каменные изделия, изготовленные рукой первобытного человека, в том числе рубящее орудие, орудия с двусторонней обработкой и отщепы из кремнис-

той породы черного цвета обнаружены на склоне высокой террасы производственного участ-ка Козыбай.

В следующий период — мустьерский — появилась иная техника обработки камня, но местами продолжала существовать и галеч-ная. Подобных памятников известно много на территории Южного и Центрального Казахстана, и они нашли отражение в публикациях.

Одним из таких памятников является многослойная стоянка, обнаруженная Х. А. Алпысбаевым в 1958 г. и впоследствии названная именем казахского ученого-просветителя Ч. Ч. Валиха-нова. Стоянка содержит пять культурных слоев, в которых обнару-жены каменные изделия, кострища и очаги, кости животных — лошади, бизона, сайгака, благородного оленя. Слои располагаются горизонтально, на различных глубинах от современной поверхнос-' ти правого берега р. Арыстанды, в Алгабасском районе Южно-Казахстанской области. Это пока единственная стоянка на терри-тории Казахстана, каменные изделия и другие культурно-бытовые остатки находятся в первоначальном положении, т. е. в таком виде, каким его оставил человек в мустьерское время. Сложность раскопа состоит в том, что культурные слои залегают на глубине от 2,30 — до 7,20 м. Однако, несмотря на это обстоятельство, удалось полуЧить новое свидетельство о жизни первобытных охотников: раскопать мастерскую по изготовлению орудий труда и на основе этого сделать вывод о том, что люди непрерывно заселяли стоянки в течение длительного отрезка времени, фактически от мустье и завершая эпохой верхнего палеолита.

Новые памятники мустьерского времени обнаружены нами в 1984 г. в Агадырском районе Жезказганской области. Это стоянки Огиз-Тау I и II, Улкен Ак-Мая. Каменные изделия залегают на склоне небольших возвышенностей у родника. Обитанию людей в данной местности способствовали близость сырьевого материала и наличие родника.

Выявленные топоры односторонней и двусторонней обработки, скребла, выемчатые орудия и нуклеусы изготовлены из местного сырья — серого кварцита. Многие артефакты использовались вторично уже в последующие эпохи, о чем говорит наличие «свежих» сколов на каменных изделиях.

Наличие протопризматических нуклеусов наряду с дисковидны-ми, а также пластин с симметричными краями с отщепами треугольной формы свидетельствует о прогрессе в технике обра-ботки камня. Типологический анализ каменного инвентаря позво-ляет датировать коллекции стоянок ранним мустьерским, а воз-можно, и ашельской эпохой. На многих палеолитических стоянках Центрального Казахстана каменный инвентарь находится на по-верхности почвы и в первоначальном залегании. «Это явление,' — отмечает А. Г. Медоев, — обусловлено незначительными масшта-бами денудации и аккумуляции на территории Сары-Арки в антропогеновое время»[4].

Особый интерес представляют палеолитические памятники Западного Казахстана, в частности, расположенные на полуострове Мангышлак. Все стоянки, открытые ранее А. Г. Медоевым[5] и позднее Ж. К. Тай-

магамбетовым[6], расположены на площадках морских террас Каспийского моря.

Стоянки группы Онежек включают в себя семь местонахожде-ний; расположены близко друг от друга, но содержат различия в каменном инвентаре. Почти в каждой из них присутствуют ранние и поздние формы орудий и поэтому расчленить их сразу трудно. Это представляется возможным только при всестороннем и тща-тельном анализе индустрии. Итоговые результаты дают возмож-ность в какой-то мере проследить эволюцию развития техники в обработке камня на определенном этапе. Памятники выявлены на бортах оврага у горы Онежек. Район изобилует выходами кремния, что наложило отпечаток на индустрию стоянок. Среди каменных изделий выделены нуклеусы, скребла, бифасы, наконечники дроти-ков и большое количество отщепов, имеются и крупные сколы леваллуа. В числе нуклеусов есть заготовки, предназначенные для снятия леваллуазских пластин длиной 30 см. Для индустрии Онежек характерно наличие нуклеусов с площадкой, симметрич-ных пластин различных форм (треугольных, прямоугольных) и малое количество хорошо обработанных орудий. Различие орудий по размеру и характеру обработки объясняется пребыванием людей в разные периоды палеолита.

Древнейшие жители Казахстана были современниками пите-кантропа и синантропа, в эволюционном развитии соответствую-щие фазе Ного ?а?ійй. Первобытные обитатели Каратау уже могли добывать и поддерживать огонь, занимались охотой на крупных и мелких животных и сбором растительной пищи.

§ 3. Поздний палеолит

Поздний палеолит охватывает время от 35—30 тыс. лет до 12—10 тыс лет назад. Это время широкого расселения человека по всем климатическим зонам земли и формирования рас и расовых групп.

Существует непосредственная связь между появлением челове-ка разумного и дальнейшим развитием материальной и духовной культуры человеческого общества эпохи позднего палеолита. Это явление непосредственно связано с прогрессивным развитием общественных отношений, процессом формирования родовой об-щины, возникновением рода как первой специфической формы общественной организации человеческого коллектива. Предпола-гают, что родовая организация была повсюду матрилинейной и матрилокальной, а женщина занимала главенствующее положение в общине. Материнский род, таким образом, представлял собой экзогамную группу людей, объединенных узами кровного родства между собой и общим происхождением по материнской линии. Высокое положение женщин в общественной жизни определялось также спецификой общинного домашнего хозяйства, ролью жен-щины в семье как продолжательницы рода. Не случайно в идеологических представлениях древних людей возник культ жен-щины — родоначальницы и хозяйки очага.

Мировоззрение человека эпохи позднего палеолита усложнилось.

Получил распространение культ охотничьей магии, в основе которого лежала вера в получение власти над жйвотным через овладение его образомсимволом. Полагают, что универсальным орудием магчи было появившееся в это время яркое первобытное искусство.

Представления о душе и загробной жизни человека как продол-жении земного существования вели к появлению сложных обряд-ных церемоний. Тело умершего посыпали красной охрой, грудь украшали ожерельями из просверленных раковин и клыков хищника, ноги — браслетами из бивней мамонта, одежду расшивали гирляндами бус. Вместе с погребенным клали изделия из кремня и кости.

По сравнению с памятниками предыдущего периода стоянок этого времени обнаружено мало. В Восточном Казахстане известны стоянки Канай, Свинчатка, Пещера и Ново-Никольское. Наибольший интерес представляет стоянка у деревни Пещера.

Стоянка Пещера находится на правом берегу Бухтармы у входа в пещеру, расположенную на краю мыса, входом на запад и представляет собой два грота, объединенных навесом. С. С. Черников в результате разведочного раскопа на глубине 30—50 см в восточной части раскопа в 60—170 см в западной обнаружил палеолитические изделия, среди которых скребок с круговой ретушью, обломок ножевидной пластины, ножевидное орудие, нуклеус пирамидальной формы со следами сколов, отбойник и отходы производства из черного кремния и зеленоватой кварцевой породы. Кроме того, обнаружены обломки костей животных: носорога, бизона, пещерного льва и др. Характер орудий позволяет датировать стоянку верхним палеолитом. В верхнем палеолите обработка каменных орудий была более сложной: скалывались тонкие пластины с нуклеусов, которые предназначались в большинстве для вкладыша в костяные и деревянные оправы, а затем использовались как ножи и скребки. Широкое применение получила и отжимная техника, позволявшая получать орудия с тонким лезвием, например, наконечники копий дротиков.

С 1980 по 1983 гг. автором велись раскопки на Иртыше — стоянке Шульбинка, обнаруженной в Ново-Шульбинском районе Семипалатинской области. Среди 5000 каменных изделий в большом количестве присутствуют скребки на отщепах и пластинах, острия, резцы, проколки, нуклеусы разновидных форм и отходы производства. Кроме каменных изделий обнаружены очаги, сложенные из галек, слой золы, а вокруг очага на значительном расстоянии находились темные пятна небольшого диаметра и округлой формы. Не исключена возможность, что это остатки деревянных столбов, являвшихся основой жилища. Удобное распо-ложение местности, высокая терраса, река, лес — все это притягивало человека, а спасаясь от палящего солнца и дождя в летнее время, он строил себе легкие временные жилища, о чем свидетельствуют темные пятна и очаги. Помимо культурно-бытовых остатков обнаружено погребение человека, который был помещен в скорченном положении на левом боку и ориентирован головой на запад. Скелет очень плохой сохранности, поскольку залегал неглу-

ного, но сам факт нахождения его заслуживает внимания. Основным сырьевым материалом для изготовления орудий на стоянке Шульбинка служили халцедон, яшма, кремень и горный хрусталь. Как видно, по сравнению с предыдущими периодами каменного века использовалась разнообразная порода и не только местного происхождения. Коллекция находит аналогии в стоянках Алтая и Сибири, что позволяет их датировать возрастом 30—25 тыс. лет.

На территории Казахстана полностью изученных памятников позднего палеолита немного, но имеющиеся материалы дают возможность проследить непрерывность развития материальной культуры людей древнекаменного века, а также процесс заселения территории Казахстана[8].

§ 4. Неолит

Начало периода падает на V тыс. до н. э. Это время расцвета техники в обработке камня. Происходит все большая специализация в производстве орудий труда. Наряду с совершенствованием техники отжимной ретуши появились новые технологические приемы обработки камня: шлифование, сверление, пиление: использовались все труднообрабатываемые породы камня, изготавливались каменные топоры, мотыги, зернотерки, ступки, песты.

Важнейшей чертой эпохи является зарождение скотоводства и земледелия так называемого производящего хозяйства, пришедшего на смену присвоению готовых продуктов природы, — собирательству и охоте. Возникновение новых видов хозяйства имело огромное значение для развития человеческого общества, расширило область трудовой деятельности человека и в то же время качественно изменило характер. Вся дальнейшая многотысячная история экономической деятельности человека есть в значительной степени история развития, совершенствования двух этих форм хозяйства. Уровень развития производительных сил, достигнутый первобытным населением в эпоху неолита, обусловил появление и других культурно-бытовых новшеств. У древнего населения Казахстана возникают зачатки горного дела и ткачества, ему известна уже керамическая посуда.

В социальном отношении эпоха неолита была временем родовых общин, господства коллективного труда и общей собственности на средства производства. Вместе с тем это было время более высоких форм организации общества: образования племен или племенных объединений. Племена состояли из нескольких (большего или меньшего числа) родовых общин, объединенных кровнородственными узами и однородным характером хозяйства.

В настоящее время на территории Казахстана известно свыше 500 неолитических и энеолитических памятников, однако абсолютное большинство исследовано выборочно. Неолитические стоянки по характеру расположения на местности делятся на четыре типа: родниковые, речные, озерные и пещерные. Как правило, на стоянках речного и озерного типов содержится значительное количество находок, что свидетельствует о постоянном или продолжительном пребывании здесь человека. Основной инвентарь таких стоянок — ножевидные пластины и изделия на них.

Наиболее распространены на территории Казахстана родниковые стойбища, чаще всего временные, сезонные местопребывания бродячих охотников. Одна из особенностей неолитических памятников — пустынно-степного Казахстана в том, что большая их часть — стоянки открытого (наземного) типа. На всех стоянках найдены каменные орудия из местных материалов: наконечники стрел и копий, топоры, долота, ножи, скребки. Разнообразие сырья способствовало развитию разных технических приемов его обработки и их совершенствованию. Неолитические памятники Казахстана образуют несколько территориальных групп, возможно соответствующих районам обитания родственных племен, близких друг к другу по культуре.

Неолитическая стоянка в пещере Караунгур находится на правом берегу одноименной реки, в 1,5 км к северу от с. Караунгур, Тюлькубасского района Южно-Казахстанской области, или в 43 км к северо-востоку от г. Шымкента[9]. Сама пещера находится на высоте 7 м от русла реки. Ширина у входа 20—25 м, высота около 2—16 м. Пещера состоит из двух залов: передний, длиной 20 м, и дальний — 9 м. В процессе раскопок 1959 г. Х. А. Алпысбаев получил довольно большую коллекцию культурно-бытовых остатков (каменные и костяные изделия, керамика, кости животных и т. д.) древнейших обитателей пещеры.

Объектом охоты были куланы, медведи, олени, джейраны, косули, кабаны, лошади, волки, быки, кеклики, фазаны, черепахи. Об этом свидетельствуют костные остатки, обнаруженные в пещере[10].

В Западном Казахстане выделяется лишь один вариант кельте-минарской культуры — западно-казахстанский — предложенный еще С. П. Толстовым. Датируется кельтеминарская культура концом IV — началом II тыс. до н. э. и охватывает значительную территорию Казахстана и Средней Азии. Каменная индустрия характеризуется заготовками в виде пластин средних размеров и микропластин, обломков пластин и отщепов. В качестве примера можно привести неолитические стоянки и местонахождения, обнаруженные в 1989—1990 гг. в Атырауской области: Шатпаколь, Кульсары I—V, Шандыаул, Кыз-Емшек, Кайнар, Жылан-Кабак, Койкара, Сарыкамыс, Шаянды и др[11].

Местонахождение Шатпаколь находится в 12 км к северу от с. Шокпартогай Эмбинского района. Каменные изделия — ножевид-ные пластины, отщепы, фрагменты керамики — обнаружены на небольшом склоне у родника. Стоянки Кульсары 1—5 находятся вокруг пгт Кульсары. Почти все они разрушены в результате строительства дорог и прокладки газопровода. Среди множества индустрии выделены ножевидные пластины как с ретушью, так и без них, скребки на отщепах и пластинах, резцы, черешковые наконечники стрел двусторонней обработки, анкоши — орудия с боковыми выемками, нуклевидные сколы и призматические нуклеусы. Большинство фрагментов керамики без орнамента, только некоторые имеют вдавленные горизонтальные линии, от которых идут вниз прямые или вертикальные линии.

Шандыаул находится в 22 км на северо-восток от пгт Кульсары. Каменные изделия выявлены недалеко от современного кладбища с. Аккизтогай. Среди них скребки на пластинках, двухконцевые скребки, отщепы и керамика.

Местонахождение Кыз-Емшек обнаружено недалеко от горы Иманбара, в 37 км к юго-юго-востоку от железнодорожной станции Жантерек. На вершине горы подобраны нуклеусы призматического характера, ножевидные пластины с ретушью по граням со стороны спинки и фрагменты керамики. Подобные артефакты выявлены у высокого обрыва р. Кайнар.

Для местонахождений Жылан-Кабак и Койкара характерно наличие фрагментов керамики с орнаментом "елочка" и мелкой "гребенкой". Каменный инвентарь идентичен индустриям вышеназванных стоянок.

Стоянки Сарыкамыс и Шаянды обнаружены на дюнах в 3—4 км на юг от с. Сарыкамыс Эмбинского района Атырауской области. Здесь собрано большое количество ножевидных пластин без следов утилизации; несколько пластин с ретушью со стороны спинки, орудия с выемкой на пластинах и отщепы. На фрагментах керамики орнамент в виде косых насечек, вдавленных в сосуд, горизонтальные линии и геометрические фигуры в виде треугольников. Окрашенная керамика отсутствует.

Находки, относящиеся к неолитическому времени, выявлены в районе заброшенного с. Сатчы-Кыз на второй надпойменной террасе правого берега р. Кызыл-Су, в 2—2,5 км от с. Белокаменки Семипалатинской области. В данном месте террасу прорезают выходы кремнистого сланца и кварца. Стоянка Кызыл-Су находится на возвышенном участке, внизу которого находится маленький родник. Рядом, перпендикулярно к пойме реки, проходит глубокий овраг, на дне которого была обнаружена треугольная пластина с ретушью по боковым краям и отщеп из темно-кремнистой породы, что и послужило толчком к обнаружению стоянки. Каменные изделия (а их более 100) собраны на поверхности. Площадь распространения находок 30 х 30 м. В двух местах был заложен шурф, размером 1 х 0,5 м. В шурфе наблюдалась следующая стратиграфия: дерн, мощностью 0,05 м; серо-желтая супесь с мелкой щебенкой, мощностью галечник с мелкими валунчиками и крупнозернистый песок. Коллекцию подъемного материала составляют нуклеусы, наконечники стрел, скребки, ножевидные пластины, микролиты и отходы производства. Нуклеусы призматического скалывания, аморфные, небольшого размера. Присутствуют необработанные заготовки нуклеусов. Большее число орудий составляют концевые скребки на пластинах с овальным рабочим краем. У некоторых ретушированы боковые стороны. Имеются скребки высокой формы. Наконечники стрел двусторонней обработки, небольшие. Встречены и заготовки наконечников. Некоторые изделия представлены пластинками с притупленным краем, которые обработаны с двух или одной из сторон и невелики по размерам. Изделия в основном из яшмы, халцедона, опала.

На территории Казахстана обнаружено пока несколько неолитических погребений, в основном в Северном Казахстане. Ни одно из захоронений не имеет внешних признаков на поверхности. Во всех могилах вместе с костями лежали наконечники стрел, что указывает не только на то, что наши предки занимались охотой, но и на то, что они вступали в частые военные конфликты. В погребениях мало керамики, а в некоторых ее нет вовсе.

Тесные культурно-хозяйственные связи, существовавшие в пределах мира охотников и рыболовов, ярко отразились в археологических материалах. Наиболее четко они могут быть прослежены с племенами кельтеминарской культуры, или кельтеминарской культурной общности, обитавшими в северных областях Средней Азии. Рельефнее всего проступают у племен Южного и особенно Западного Казахстана. Цепочки древних контактов уходят и далеко на север и северо-запад в Приуралье и Западную Сибирь, проявляясь в особенностях форм кремневых орудий и в типах орнаментированной глиняной посуды. Культура племен Северного и Восточного Казахстана, обнаруживая признаки сходства с культурой населения Средней Азии, в то же время была более близка к алтайским и прибайкальским племенам новокаменного века. Сохраняя специфику и своеобразие культурных традиций, неолитические племена Казахстана развивались, таким образом, в тесном взаимодействии с племенами соседних регионов и областей.

1. *Алпысбаев Х. А.* Индустрия Олдувая. Магалевиана и их связь с каратаускими изделиями // Поиски и раскопки в Казахстане. 1972. С. 47—56 (на каз. яз).
2. *Movius H. L.* Early man and pleistocene stratigraphy in Southern and Eastern Asia Papers of the Peabody Museum of Am. archaeol and ethnol. Cambridge, Mass., 1944. Vol. XIV, № 3. 284 p.
3. *Алпысбаев Х. А.* Значение палеолита для расчленения антропогеновых отложений // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата. 1969. С. ! 19.
4. *Медоев А. Г.* Об истоках древнего палеолита Сары-Арки // Изв. АН Каз. ССР. Сер. общ. наук. 1965. Вып. 4. С. 77; Он же. Каменный век Сары-Арки в свете новейших исследований /7 Изв. АН Каз. ССР. Сер. общ. наук, 1964. Вып. 6. С. 92.
5. *Медоев А. Г.* Геохронология палеолита Казахстана. Алма-Ата, 1982.
6. *Таймагамбетов Ж. К., Нуркабаев М. С.* Исследования на Мангышлаке // Археологические открытия. 1985 г. М., 1987. С. 581; *Таймагамбетов Ж. К.* Проблемы палеолита Западного Казахстана // Тезисы докл. Всесоюз. арх. конф. "Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС". М., 1987. С. 244—245.
7. *Черников С. С.* Находка палеолитических стоянок в Восточном Казахстане // Вестник АН КазССР. 1951. № 12. С. 63-70.
8. *Костенко Н. Я., Алпысбаев Х. А.* Палеолит в районе Турланского перевала хребта Каратау // Вестник АН КазССР. 1966. М. 8. С. 67; *Алпысбаев Х. А.* Находки памятников каменного века в хребте Каратау / / Труды ИИАЭ АН КазССР. 1962. Т. 14. С. 20; Черников С. С. Находки палеолитических стоянок в Восточном Казахстане // Вестник АН КазССР. 1951. № 12. С. 63—70; *Таймагамбетов Ж. К.* Стоянка эпохи каменного века в зоне Шушенской ГЭС // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск, 1982. С. 27-29; *Клапчук М. Н.* К вопросу об археологических культурах Центрального Казахстана в верхнем плейстоцене // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата. 1969. С. 121 —135; *Медоев А. Г.* Геохронология палеолита Казахстана. Алма-Ата. 1982.
9. *Алпысбаев Х. А.* Неолитическая стоянка в пещере Караунгур // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1969. № 2. С. 85—87.
10. *Макарова Л. А.* Териофауна пещеры Караунгур // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата. 1973. С. 146—155.
11. *Самашев З. С., Таймагамбетов Ж. К. и др.* Отчет Западно-Казахстанской археологической экспедиции за 1989 г. // Архив Института археологии им. А. Х. Маргулана НАН РК.

Глава 2. БРОНЗОВЫЙ ВЕК

§ 1. Древние земледельцы и пастухи

Процесс овладения человеком навыками земледелия, переход от собирательства диких злаков, плодов и ягод к их выращиванию растянулся на многие тысячелетия. Время выведения культурных злаков определяется учеными VIII4VII тыс. до н. э., и произошло это скорее

[illegible] в горных районах Малой Азии. В VI—V тыс. до н. э. земледелие [illegible] распространилось в Средней Азии, вначале на юге Туркменистана, в [illegible] горных Копет-Дага. В горные и степные районы Казахстана земле[illegible] пришло в эпоху бронзы в конце III тыс. н. э.

Вместе с земледелием возникло и скотоводство. Ученые долго спорили, что возникло раньше — Земледелие или скотоводство. Сейчас ясно, что то и другое человек осваивал параллельно. Земледелие развивалось на плодородных почвах при достаточном количестве воды. В засушливых районах и на малоплодородных землях развивалось скотоводство. Там, где имелась вода, скотоводство сочеталось с земледелием.

На рубеже первой-второй четверти II тыс. до н. э. в евразийских степях была изобретена бронза. Древние люди смогли путем добавления в медь олова сделать металлические изделия прочными. Из бронзы научились отливать втульчатые топоры и копья.

Племена, обитавшие на территории Казахстана в эпоху бронзы, оставили археологические памятники (поселения, могильники, рудники, наскальные рисунки), которые относятся к андроновской археологической культуре (название дано по месту первых раско-* пок могильника у с. Андроново, рядом с городом Ачинском в Южной Сибири). Раскопки здесь были проведены в 1913 г. Б. В. Андриановым. В 1927 г. археолог М. П. Грязное обнаружил аналогичные погребения в Западном Казахстане и установил, что памятники андроновской культуры распространены на обширной территории — от Минусинска на востоке до Урала на западе. Позже андроновские памятники были найдены на юге Казахстана, в Семиречье и в Средней Азии.

Один из сложных вопросов в изучении андроновской культуры связан с хронологией, определением временных рамок. Большинство исследователей делят время существования андроновской культуры на три периода: ранняя бронза — XVIII—XVI вв. до н. э.; средняя — XV—XII вв. до н. э.; поздняя — XII — начало VIII вв. до н. э. Эти периоды по наименованию первых обследованных памятников получили названия федоровский, алакульский, замараев-ский. Считалось, что они отражают разные этапы развития андроновской культуры. Но выяснилось, что федоровские памятники датируются временем не ранней, а средней бронзы, и стройная картина развития андроновской культуры нарушилась. Удалось определить, что федоровские памятники распадаются на ранние и поздние. Первая группа относится к XV—XIV вв., а вторая к XIII—XII вв. до н. э. Если ранние памятники найдены в Центральном Казахстане и на Урале, то поздние — на очень широкой территории: в Западной Сибири, на юге и юго-востоке Казахстана, в Средней Азии. Центром расселения федоровских племен, видимо, был Казахстан; они были вытеснены отсюда племенами алакульцев, которые пришли в Центральный Казахстан из какого-то западного центра.

Таким образом, алакульские и федоровские племена существо-вали

одновременно, в результате их взаимодействия складываются памятники смешанного типа. В Семиречье формируются памятники "семиреченского типа", на западе — "кожумбердинского". Андроновская культура не была монолитной: в ней выделяются варианты, отражающие характер культуры некогда живших племен, поэтому принято говорить об андроновской культурной общности, объединяющей ряд близких культур.

Племена Центрального Казахстана. Одним из основных регионов распространения племен, входивших в состав андроновской общности, был Центральный Казахстан. Здесь обнаружены и обследованы многочисленные поселения, могильники, древние рудники, жертвенные места и наскальные рисунки — петроглифы, свыше 30 поселений и более 150 могильников[1]. Для андроновской культуры Центрального Казахстана характерны монументальность и сложность надмогильных сооружений, высокая строительная техника, связанная с обработкой камня.

Ранний этап — нуринский — характеризуется преобладанием в погребальном обряде кремации (трупосожжения). Встречаются захоронения, совершенные по обряду трупоположения. Могильники, небольшие по размерам, состоят из земляных насыпей, вокруг которых сооружались круглые или прямоугольные оградки из каменных плит. Внутри ограды находилась могила, представлявшая собой либо грунтовую прямоугольную яму, края которой " обложены плитками (циста), либо каменный ящик. Сверху, после погребения, ямы перекрывались плитами.

Керамика представлена горшками, украшенными орнаментом, состоящим из сочетаний треугольников и меадров, параллельных вдавлений. Украшалась только верхняя часть сосудов. Найдены бронзовые круглые зеркала, бронзовые бусы. В захоронениях рядом обнаружены кости домашних животных.

На следующем этапе — атасуйском — наблюдается, широкое освоение территории, в том числе и полупустынных районов. Резко возросли масштабы горных работ, о чем свидетельствуют многочисленные рудные разработки. Наиболее известные и исследованные могильники этого периода Былкылдак, Карасай, Темир-Астау, Карабие, Ельшибек, Бельасар. Большая группа могильников и поселений находится в долине р. Атасу. Внутри погребальных оград находились ямы, ящики, цисты. Преобладающим становится трупоположение в скорченном положении на боку.

Поселения имеют своеобразную планировку: жилища, а их бывает от 10 до 80, располагаются по кругу, в центре которого находится загон для скота. Одно из хорошо изученных поселений Атасу имело площадь 15000 кв. м. и состояло из 35 землянок и хозяйственных построек. На поселениях и в могильниках при раскопках найдено большое количество бронзовых орудий, оружия, украшений.

Поздний этап бронзы в Центральном Казахстане знаменуется формированием новой культуры — бегазы-дандыбаевской. Для нее характерно, с одной стороны, сохранение андроновских традиций, а с другой — появление новых элементов: особого типа надгробных сооружений, своеобразного погребального обряда, новых формглиняной посуды.

Наряду со скорченным трупоположением, встречаются трупоположения вытянутые на спине. К раннему этапу этой культуры относится могильник Аксу-Аюлы II южнее Караганды. Самый большой курган имеет высоту 2, диаметр 30 м. Под земляной насыпью находились три расположенных кольцами ради-ально каменных ограды.

В это время распространяются наземные жилища со стенами, сложенными из камня. В поселении Тагибай-Булак обнаружено шесть прямоугольных наземных жилищ. Стены домов сделаны из рядов параллельно вкопанных в землю плит, пространство между которыми забито мелкими камнями вперемешку с землей. В горных районах Центрального Казахстана в строительстве жилищ широко использовался лес. Стены землянок обшивались деревянными плахами, а перекрытие опиралось на систему деревянных столбов.

Огромную роль в развитии культуры играла добыча и выплавка металла. Центрально-Казахстанский палеометаллический центр оказывал влияние на культуру соседних районов — Алтая, Сибири, Зауралья.

В Северном и Западном Казахстане открыты и обследованы многочисленные андроновские памятники, среди которых широко известное поселение Алексеевское и могильник Тасты-Бутак[2].

Для лесостепной зоны характерны могильники, состоящие из курганов с земляными насыпями, круглыми и прямоугольными оградками. В западных районах распространены кольцеобразные каменные ограды и курганы. Всего в этом районе открыто более 80 поселений и около 90 могильников.

К периоду ранней бронзы относятся грунтовые погребения с трупосожжением. При раскопках поселения Вишневка в районе г. Петропавловска было открыто прямоугольное наземное жилище площадью 126 кв. м, деревянное перекрытие которого опиралось на деревянные стойки-бревна. В то же время появляются поселения, которые можно считать предшественниками (прототипами) древних городов. Одно из них — Аркаим — находилось на границе Челябинской и Кустанайской областей.

В период средней бронзы домостроительство, организация поселений, устройство погребений, погребальные обряды значительно изменились. Поселения уже не укрепляются, жилища-полуземлянки удлиненно-прямоугольной формы, площадью от 140 до 200 кв. м делятся на две части; на полу — от одного до восьми очагов. Такие жилища открыты на поселениях Явленка, Тасты-Бутак.

В эпоху поздней бронзы, на первом этапе племена северного Казахстана испытывали сильное влияние срубной культуры При-аралья, Западного Казахстана — срубной культуры Поволжья. На поселениях эпохи поздней бронзы преобладают полуземлянки — прямоугольной, овальной и восьмеркообразной в плане формы. Распространяются огромные землянки площадью до 300—400 кв. м, в которых зимой держали скот. В хозяйстве увеличивается роль скотоводства, особенно коневодства.

В Восточном Казахстане развитие андроновской культуры шло теми

же путями. В богатых травостоем долинах Иртыша, Бухтармы, Курчума, в горных районах Алтая, степных районах Тарбагатая и Саура найдены десятки поселений и могильников эпохи бронзы, на развитие и сложение которых оказали влияние богатейшие месторождения меди, олова, золота.

К периоду поздней бронзы относится большинство захоронений из могильника Канай и расположенного рядом поселения. На поселении на правом берегу Иртыша, раскопана полуземлянка прямоугольной формы площадью 50 кв. м и примыкающие к ней хозяйственные постройки. Стены дома обложены камышом и обмазаны глиной.

Южный Казахстан и Семиречье были освоены и "плотно" заселены уже в эпоху бронзы. В Семиречье существовал своеобразный (семиреченский) вариант андроновской культуры. Именно в Семиречье и на юге Казахстана обнаружены крупнейшие скопления наскальных рисунков Тамгалы и в Каратау.

Для Семиречья характерно смешение элементов культуры федоровских и алакульских племен. Могилы в виде прямоугольных и круглых оград характерны для федоровских традиций. Грунтовые могилы и ящики, а в горных районах срубы, сочетаются с трупопо-ложением и трупосожжением.

Средняя бронза Семиречья представлена могильниками Тамгалы, Каракудук[3].

На юге Казахстана, в Каратау, раскопан могильник Таутары. В низовьях Сырдарьи, в Приаралье открыты уникальные памятники эпохи бронзы — мавзолеи Тегискена[4]. Наиболее ранние мавзолеи Тегискена выстроены из сырцового кирпича, основой планировки является круг, вписанный в квадрат внешних стен. Внутрь от него, по кругу стоят 8 или 12 прямоугольных кирпичных колонн, сохранившихся на высоте двух метров. Далее внутрь — опять 8 или 12 таких же колонн, но стоящих по прямоугольнику. Наряду с кирпичными колоннами, как бы дублируя их, стояли деревянные столбы, от которых сохранились ямы в полу. Таким образом, внутри мавзолея образовывалась система обходных коридоров. В расположенной в центре комнате и в коридорах стояла керамика, лежало оружие из бронзы, золотые украшения. Покойника, положенного в центральном помещении, сжигали вместе с мавзолеем. Определить культурную принадлежность Тагискенских могильников сложно. С одной стороны, здесь прослеживается традиция андроновской культуры (планировка мавзолеев, близкая центрально-казахстанским мавзолеям Бегазы и Дандыбая, андро-новские формы и украшения лепной посуды), с другой — сильное влияние южных культур (сырцовый кирпич, стандарт которого близок к южно-туркменским культурам эпохи Намазга VI и более поздних памятников Теккем-тепе и Яз). Мавзолеи Тегискена свидетельствуют о начальном взаимодействии и взаимовлиянии степных и оседлых культур[5].

Хозяйство андроновцев. Большинство андроновских поселений располагалось на берегах маленьких степных рек или ручьев, стекавших с гор. Рядом с ними в поймах рек находились поля и огороды.

При раскопках поселений были найдены горшки с остатками пригоревшей каши из проса. В Алексеевском поселении, в северном Казахстане, в жертвенных ямах найдены принесенные в жертву богам стебли и зерна пшеницы. Отпечатки злаков сохранились на лезвиях серпов с поселения Мало-Красноярска в Восточном Казахстане. На всех поселениях обычными находками были зернотерки, прямоугольные и круглые песты для дробления и растирания зерна на муку, серпы, каменные мотыги.

Более существенную роль играло в жизни андроновцев скотоводство. Животные давали пищу, шерсть, кожи, кость для поделок, топливо в виде кизяка. Основной пищей андроновцев было молоко. Из него изготавливали творог и сыр, о чем свидетельствуют находки сосудов с дырочками для отцеживания сыворотки. Мясо было деликатесом, его ели в праздничные дни, приносили и в жертву богам. Основными животными были овцы, коровы, лошади. В пищу в основном шли молодые животные, в возрасте двух-трех лет, породистых особей оставляли на племя. Такая система позволяла поддерживать численность скота и его высокую продуктивность.

Исследованиями установлено, что в табунах, пасшихся в ковыльных степях и на разнотравьях альпийских лугов, были три разные породы: кони малорослые, высотой в холке до 128—136 см, с большой головой, мохнатой гривой, вислобрюхие. Они были похожи на современных монгольских лошадей. Наиболее многочисленными в табунах были средние и рослые лошади высотой в холке 136—152 см и весом до 350 кг. И, наконец, элитная порода высотой в холке 152—160 см, поджарая, с тонкими ногами, маленькой головой и высокой шеей. Они использовались для колесничной запряжки — наиболее грозной и мобильной военной силы того времени. Андроновцы были прекрасными скотоводами. Они первыми в мировой практике ввели стойловое содержание скота зимой. В морозное время молодняк помещали в отапливаемое жилище, отгораживая специальный отсек. К домам пристраивались загоны.

Андроновцы разводили двугорбых верблюдов-бактрианов. Их кости найдены на поселениях и в могильниках. Изображения верблюдов наносились на скалы, в одном случае, на поселении Ушкатты была найдена глиняная статуэтка верблюда.

Можно утверждать, что в период ранней и средней бронзы, то есть до начала I тыс. до н. э., андроновцы были оседлыми; вели смешанное хозяйство, занимались земледелием и скотоводством. Последнее было придомным. При такой форме животноводства пастбища быстро скудели. Для сохранения продуктивности скотоводства и увеличения стада нужны были новые формы содержания животных. У андроновцев ею был яйлажный (полукочевой) тип скотоводства, когда женщины и дети жили в селе, занимаясь земледелием, а мужчины и подростки вместе со стадом весной и летом уходили на дальние пастбища, а поздней осенью возвращались домой.

Расстояния сезонных перекочевок .был и различны: В Семиречье и Восточном Казахстане они составляли от 50 до 80 км., в Западном Ка-

захстане — путь от летних пастбищ тянулся на сотни километров, пересекая степи и пустыни. Так, постепенно из придомного выросло яйлажное, или отгонное скотоводство, а затем и кочевое, позволявшее использовать и степные и пустынные пастбища.

По мере перехода к кочевому и полукочевому скотоводству менялся состав стада: сокращалось количество крупного рогатого скота и увеличивалось число баранов и лошадей.

§ 2. Древние рудокопы, металлурги и гончары

Изучая месторождения Казахстана геологи обнаруживают, что их разработка велась уже за три тысячи лет до нашей эры. Добыча и плавка руды в эпоху бронзы имели огромные размеры. В районе Жезказгана, например, было выплавлено около 100 тыс. т. меди. На Успенском руднике добыто 200 тыс. т. руды.

Древние рудокопы разрабатывали окисленные руды (малахит, азурит, касетерит) с богатым содержанием меди и олова. Разрабатывали рудоносные жилы, рыхлые руды добывали "кайлованием", при помощи отбойников и молотков из камня. В плотных породах использовали метод "огневой проходки", при котором на поверхности жилы или в забое, разводили костер, а когда порода нагревалась, поливали ее водой, заставляя трескаться, после чего работали молотками и кайлами. Содержащую металл породу вытаскивали на поверхность в кожаных мешках.

Использовали также подкопы под рудное тело, после чего молотами отбивали куски нависшей глыбы руды. При проходке глубоких штолен использовали деревянную крепь. Рядом с шахтой у воды добытую руду дробили и промывали, отделяя ее от пустой породы. Мелкодробленную руду относили на поселения, где плавили в специальных плавильных печах, остатки которых обнаружены при раскопках поселений на Атасу, Суук-Булаке, у аула Канай.

Остатки литейных мастерских были найдены на поселениях: Мало-Красноярска, Алексеевка, Никольское, Петровка II. Кроме литья андроновцы знали приемы ковки, чеканки и тиснения. Из бронзы, обернутой золотой фольгой, изготавливали височные кольца, подвески, браслеты со спиралевидными выступами. Прекрасным образцом ювелирного искусства служит золотая височная подвеска с изображением внутри двух коней, найденная в могильнике рядом с селом Копал в Семиречье.

Если у древних земледельцев Индии, Ирана, Афганистана, Средней Азии посуда в эпоху бронзы изготавливалась профессионалами, выделившимися из среды других ремесленников на гончарном круге, то в казахстанских степях и предгорьях каждая семья делала посуду сама. Женщины изготавливали глину, лепили из нее горшки и обжигали на костре или в ямах, иногда обложенных камнем. В ранней бронзе XVII—XVI вв. до н. э. сосуды изготавливались при помощи болванки (шаблона) обтянутой тканью, сплетенной из конского волоса, либо из толстых шерстяных нитей, имели баночную форму, плоское дно, украшались прочерченными, либо нанесенными гребенкой геометрическими узорами. Некоторые горшки украшались налепными валиками и шишечками.

Орнамент на сосудах был не только украшением — он имел магический характер, оберегая содержимое сосудов от "сглаза", "порчи", символизировал также богатство, изобилие содержимого горшка.

В период средней бронзы (XV—XIII вв. до н. э.) сосуды отличаются большей степенью стандартизации, совершенства: они более тонкостенны, изящны. Посуда изготавливалась с помощью болванки или методом кольцевого налепа, когда вначале изготавливалось дно, а затем к нему прилепливали кольцо тулова, кольцо плечиков и кольцо венчика. При такой технике на месте перехода тулова в шейку образуется ребро-уступ, который является характерным признаком андроновской культуры периода средней бронзы. Орнамент, как и раньше, прочерченный, либо нанесенный штампом (треугольники, заполненные штрихами, меандры). В отличие от ранних горшков, орнамент расположен тремя полосами, поясами. Исследователи отмечают еще один технический прием изготовления сосудов, при котором вначале лепился горшок, а затем снизу к нему приставляли плоское дно.

Сосуды периода поздней бронзы отличались раздутым туловом и округлыми очертаниями. Они украшались налепными валиками, выпуклинами — "жемчужинами", налепными шишечками.

Орнамент, украшавший сосуды андроновцев, сохранялся многие сотни лет, отдельные его элементы можно увидеть и в орнаменте казахского прикладного искусства.

Домашние промыслы. В андроновской семье делали все необходимое для жизни: пряли, ткали, выделывали кожу, шили одежду, обувь, расшивая узорами из цветных нитей, украшая аппликацией и бисером. Нитки для ткани пряли из шерсти животных и пуха. Использовались конопля, дикий лен, крапива. Уже были известны ткацкий станок и веретено. Судя по находкам в погребениях, андроновцы носили кожаную обувь без каблуков, которая сшивалась сухожилиями животных. И мужчины и женщины носили на голове шерстяные и кожаные шапочки с наушниками. Одежду изготавливали из шерстяных тканей, застегивая на костяные пуговицы. Одежда женщины состояла из длинного, ниже колен, шерстяного платья с длинными рукавами. Обшлага рукавов украшались рядами бронзовых бусинок. Юбка спереди расшивалась полосами белых пастовых бусинок. Разрез одежды вокруг шеи украшался стеклянным бисером, на грудь нашивали круглые бляхи. Ткани окрашивались в ярко-красные и фиолетовые цвета.

В ушах женщины носили бронзовые серьги и серьги в виде колец, обтянутых листовым золотом, шею украшали бронзовые гривны, иногда с надетыми на них круглыми золотыми колечками. На руках носили браслеты и перстни. В качестве оберегов от злых сил и женщины и мужчины носили клыки диких животных, раковины, привезенные с берегов дальних морей.

Мужчины были вооружены луками и стрелами с бронзовыми наконечниками листовидной формы. В ближнем бою использовались копья с бронзовыми же наконечниками, бронзовые топоры, кинжалы, каменные булавы.

Поселок, город, жилище. Археологи обнаружили десятки посе-ле-

ний эпохи бронзы, на многих провели раскопки,
о характере поселений эпохи бронзы, жилища.

В XVII—XVI вв. в степной, лесостепной зоне от Урала до существовали поселения, прямоугольные и круглые в плане, ные оборонительными сооружениями — стенами с колом и рвами, башнями и сложными предварительными Укрепленные площадь от 6 до 30 тыс. кв. м.

цами

круг площадь. 160

м, внешняя стена основании

с примесью извести, а с наружной глины, которые укладывались, начиная с основания рва, опоясывающего степу снаружи. Глубина рва — 1,5—2 м, высота стены — 2,5—3 м. По гребню стены шли два параллельных ряда частокола из бревен, промежуток между которыми был забит дерновыми пластами.

Изнутри к стене примыкали торцы жилищ, плотно пристроенных друг к другу. Выходы из жилищ выводили на кольцевую улицу, которая шла вокруг внутренних стен и рва. Ров был облицован деревом, внутренняя стена имела такую же конструкцию, как и внешняя. Изнутри ко второй стене также примыкали расположенные радиально жилища с выходом из каждого на центральную площадь. Четверо ворот города вели на запад, северо-запад, восток и юго-восток. Центральным был западный вход, он в современной топографии представляет разрыв в стене, а сложная конструкция дополнительных укреплений делает выход на центральную улицу "коленообразным". Каждому входу соответствуют радиальные улицы, пересекающие поселок и сходящиеся на центральной площади, которая имеет подквадратную форму, размером 25 х 25 м. Прямоугольные жилища Аркаима имели площадь от 190 до 300 кв. м. Стены их представляют сложные сооружения из двух рядов столбов, обшитых плахами, пространство между которыми забито землей. Четыре или шесть рядов перегородок делили площадь жилища на жилые комнаты и хозяйственные отсеки с погребами и колодцами.

В целом характер поселения типа Аркаим, а также прямоугольных в плане поселений Петровка, Никольское, имеют признаки, характерные для раннего города: развитую систему фортификаций (укреплений); наличие строгого плана или даже макета, по которому строилось поселение; деление территории на несколько зон — жилую, производственную, общественную (в каждой из них сосредоточено жилье, производство, отправление культовых обрядов, либо проведение общественных собраний).

То, что поселения выполняли роль городских центров, свидетельствует и то, что они снабжали само поселение и расположенные рядом поселки металлическими изделиями, керамикой. Здесь проживала многочисленная прослойка ремесленников, о чем свидетельствуют погребения кузнецов и металлургов, молотки, наковальни и другой инст-

ремонтарий. В ряде погребений найдены булавы — знаки власти — и остатки боевых колесниц, вещи, которые подчеркивают высокое положение в обществе их владельцев.

Рядом с городами возникали храмовые комплексы. Именно к этому времени относится распространение каменной скульптуры, изображавшей древних богов. Они хранились в тайниках и приносились в храмы лишь во время религиозных празднеств.

На поселениях были найдены глиняные кружочки с оттиснутыми на них знаками. Последние, судя по всему, относятся к самому началу превращения их в письменность и характеризуют высокий уровень развития общества.

Расцвет культуры в эпоху ранней бронзы стал возможным благодаря культурным и экономическим контактам с культурами Средиземноморья и Малой Азии, и, видимо, уже в то время начали складываться зачатки Великого шелкового пути.

В эпоху средней бронзы, андроновские поселения уже не укрепляются стенами и рвами. Видимо, обстановка в степи стала спокойной. Меняется топография поселений. Она представляет собой скопление нескольких (от 10 до 20) отдельно стоящих домов, как правило расположенных одной, либо двумя линиями вдоль реки. Изменился и сам дом. Теперь он стал полуземлянкой площадью до 200—300 кв. м. Котлованы для жилища копали каменными, роговыми, либо бронзовыми мотыгами, кирками, следы которых сохранились на стенках раскапываемых археологами жилищ. Глубина котлованов колебалась от 0,6 до 1,5 м. Вынутый грунт укладывали вдоль края, обеспечивая таким образом защиту жилья от влаги и сильных степных ветров, обычно "выдувавших" из дома тепло. В конструкциях широко использовалось дерево для укрепления стен, опоры балок и стропил перекрытия. Крыша устраивалась двускатной. В степи и горных местах в конструкции использовался камень-плитняк, служивший для облицовки стен.

В Центральном Казахстане в XII—IX вв. до н. э. в эпоху поздней бронзы строили строго по плану многокомнатные дома, сложенные из массивных каменных блоков. Такие дома площадью 500 кв. м и более раскопаны на поселениях Бугулы, Акбаур. Это самые большие жилища в Евразийских степях в эпоху бронзы.

Одна из частей жилища более низкая, видимо, использовалась для содержания скота зимой. Иногда два жилища соединялись коридорами и образовывали единый жилой комплекс. Выработанный в течение многих столетий тип андроновского дома был идеально приспособлен к условиям степных и горных районов.

Народ, общество, обычаи. Изучение поселений и могильников эпохи бронзы, наблюдения за жизнью народов, стоявших на приблизительно одинаковом развитии, а также сопоставление андроновцев с конкретным народом, этносом, позволяют восстановить их жизненные обычаи.

Как уже отмечалось, андроновцы жили в больших домах большой семейной общиной, когда вместе жили и вели общее хозяйство несколько поколений родственников. Из материалов поселений не видно сколь-

ко-нибудь заметного социального и имущественного неравенства, однако, исследования кладбищ позволили установить разницу в степени богатства и положения человека в обществе. Уже в эпоху ранней бронзы в общей массе захоронений выделились погребения с большей, чем у других, величиной и глубиной могилы, сложными деревянными конструкциями, большим количеством поставленных в могилу горшков с пищей. В этих же могилах найдены остатки колесниц и захоронений коней, а при погребенных — бронзовые ножи, бронзовые и каменные наконечники стрел, каменные булавы.

Такая же картина прослеживается в эпоху средней и поздней бронзы. В могильниках выделяются среди рядовых захоронений несколько грандиозных курганов диаметром до 4 м и высотой до 2,5 м или сооружений, обнесенных двойным или даже тройным кольцом ограды из монументальных плит. Под такими курганами находились могилы размером 3,2 х 2,5, глубиной до 2,3 м. Стены их обкладывались срубами из бревен, сверху перекрывались накатом из бревен, иногда двойным. Большинство могил ограблено еще в древности, но по сохранившимся остаткам ясно, что вместе с умершим в могилу клали большое количество специально забитых животных, золотые украшения, бронзовые ножи, булавы, конские снаряжения, наборы наконечников стрел.

Судя по большой разнице в устройстве курганов и могил, вещам, туда помещаемым, андроновское общество не было однородным. Люди знатные и богатые занимали привилегированное положение. После их смерти за заслуги перед обществом сородичи возводили особое, отличное от других, могильное сооружение, не считаясь с затратами и трудом. Наличие в ряде таких захоронений остатков колесниц позволяет сделать вывод, что они принадлежали воинам, выделившимся в отдельную группу.

Можно с уверенностью сказать, что в богатых андроновских погребениях были похоронены воины, которые в то время выделились в особую группу в обществе. Следовательно, у андроновцев уже на раннем этапе их истории произошло расслоение общества — из массы рядовых его членов выделились "цари" — правители и воины — кшатрии. Их жены, члены семьи тоже занимали в обществе привилегированное положение, видимо, им принадлежат богатые захоронения с золотыми изделиями.

В источниках говорится еще об одном сословии — жрецах. Их отличительным признаком были деревянная чаша и особая шапка. Они были распорядителями не только культовых обрядов, но и хранителями древних традиций и знаний.

§ 3. Религия и искусство

Смысл и многие детали религиозных представлений андроновцев, культовых обрядов, различных ритуалов, объясняются с помощью сопоставления археологических данных и сведений, почерпнутых из древнеиндийских и древнеиранских религиозных сочинений.

Все погребенные в могилах ориентированы головой на запад, или

юго-запад. Это не случайно. В представлениях индоиранцев земля была четырехугольной или круглой. Поэтому круглый курган с могилой в центре был подобием мира. Каждой стороной света управлял свой бог; следовательно, ориентация на запад была ориентацией на бога, ведающего связью с потусторонним миром.

Труп в могилу андроновцы клали в скорченном виде. Раньше такая поза объяснялась тем, что, страшась покойника, его связывали веревками в позе сна. Однако в древней литературе сказано, что земля покоит умершего, как мать сына, и что в будущем он возродится к новой жизни.[1] Поэтому можно предположить, что скорченная поза покойника в могиле — это поза младенца в утробе матери-земли. А чтобы придать покойнику эту позу, его связывали. Бога смерти Яму называли "связывающим мертвецов" и изображали держащим веревку.

Наряду с захоронениями покойников андроновцы использовали кремацию — сожжение трупов, связанное с культом огня. Однако остатки костей, золы и углей в могилах различаются по своему назначению. В ранний период зола и угли — это остатки огненных ритуалов сожжения трупа. Зола и кости в позднее время — сожженное деревянное перекрытие — следы очистительных костров.

Иногда археологи встречают при раскопках остатки парных захоронений мужчин и женщин, лежавших когда-то в объятиях друг друга. Считалось, что женщины были убиты и положены в могилу вместе с мужчинами. Но это не так, из древних текстов стало известно, что женщина, обычно жена, сама выбирала оставаться ей жить, или отправляться на тот свет вместе с умершим мужем. Но этот обычай не получил широкого распространения и выполнялся символически — жена на миг ложилась рядом с умершим мужем в могилу, а затем выходила оттуда, или же вместо себя бросала в могилу отрезанную косу.

Многочисленные обряды и ритуалы сопровождали и повседневную жизнь андроновцев, наполняя реальный мир их жизни богами, предками, героями.

С жертвоприношения начиналось и строительство дома. В жертву приносили сосуды с молоком, быка или барана. Мясо съедали, молоко выпивали, а горшки и кости закапывали на месте будущего жилища — возле очага, под опорным столбом или под порогом. Известны случаи, когда в жертву приносились дети, которых хоронили под полом дома. При возведении крыши верхнюю балку окропляли жертвенной кровью животного и устраивали пир. Главный опорный столб символизировал связь людей с небом. Его в праздничные дни украшали цветами, а во время свадеб у столба сидели жених и невеста, а в обычные дни на этом почетном месте восседал старейшина. Особым почтением пользовался домашний очаг, считавшийся семейной святыней. Разрушение очага было самым страшным поступком. Очагу приносили жертвы, вокруг него обводили пришедшую в дом невесту, обносили перед похоронами умершего. Золу из очага запрещалось выбрасывать на ветер, поэтому рядом с жилищем устраивались специальные зольники. Все эти обряды с огнем и золой совершались специально для того, чтобы заслужить у богов здоровье, благополучие и богатство для семьи[2].

Рисунки на камнях. Религия во многом определила и развитие искусства. Так, каменные фигурки богов делались с большим реализмом и художественным вкусом.

Своеобразны наскальные рисунки эпохи бронзы: на покрытых черной глиняной корочкой гладких поверхностях скал древние люди кусками твердого камня выбивали изображения животных, солнцеликих людей, колесниц, сцены сражений. Это. ценнейший источник информации о духовной культуре человека, его мировоззрении. Казахстан — один из наиболее богатых мест по числу и разнообразию наскальных рисунков — петроглифов. Замечательные по своему богатству рисунки Тамгалы, Ешкиольмес, Каратау, Маймака, Тарбагатая, Букентау изучались археологами и стали достоянием мировой культуры.

Люди бронзового века находились на мифологической стадии мышления. Для древних жизнь представляла смену повторяющихся циклов природы — весеннее равноденствие, пахота, осенний сбор урожая, окот скота, зима и затем вновь весенняя пахота, весенний приход теплого солнца. Чтобы не нарушить гармонию, каждое из таких событий следовало сопровождать жертвоприношениями богам, молитвами и особыми обрядами. Последние совершались в специальных святилищах, в укромных местах: в горных ущельях, у священных родников и речек. В эпоху бронзы и позднее такие святилища находились у скал, и рисунки на них отражали представления андроновцев об окружающем мире. Как правило, святилища использовались в течение многих столетий. На скалах выбивали и вырезали рисунки не только люди эпохи неолита и бронзы, но позже — вплоть до XIX в. Поэтому в скоплениях рисунков ученые, пользуясь определенными методиками, выделяют разные по времени группы или пласты.

Ученые отнесли к периоду бронзы ряд рисунков, сюжетов и композиций. Один из наиболее часто встречаемых образов в наскальном искусстве андроновцев — дикий бык тур с гнутыми, вытянутыми вперед рогами, нередко с подчеркнутым горбом у лопаток, с мощным телом и крепкими ногами. Первые изображения их появились еще в эпоху неолита.

Кроме тура встречается изображение домашнего быка. Он изображен в упряжке в сценах пахоты или показан впряженным в повозку. Исходя из того, что андроновцы — индоиранцы, можно, опираясь на мифы и религиозную литературу древней Индии и Ирана, расшифровать содержание некоторых петроглифов. В мифах о сотворении вселенной говорится, что мир создан из частей первородного быка, принесенного в жертву солнечным богом Митрой. Митра сравнивается и отождествляется с быком. На одном из рисунков в горах Ешкиольмес Митра в виде антропоморфного существа с головой, окруженной солнечными лучами, показан стоящим на быке. На ряде святилищ древние изобразили сцены поклонения солнцеголовому Митре. В урочище Тамгалы изображен солнцеголовый человек, вокруг которого хоровод из пляшущих человечков, а также одиночные и парные танцоры.

Вместе они исполняют ритуальный танец. Кстати, сам хоровод — [illegible] солнца, а движение участников — имитация вращения светила [illegible].

Изображение быка связано с идеей плодородия, могущества и силы.

Любимый сюжет в наскальном искусстве — двугорбый верблюд бактриан. В эпоху бронзы он изображался в статичной форме и нередко занимал во многих сценах ритуальное место. У древних иранцев он был воплощением бога грома Веретрагны, а у индусов — Индры. В "Авесте", священной книге иранцев, воспевается мощный грозный Веретрагна, который в образе верблюда "наибольшей силой обладает, наибольшей мощью".

Среди петроглифов эпохи бронзы распространено изображение колесниц. Каратауские наскальные рисунки насчитывают 49 гравировок колесниц, есть они в Тамгалы, горах Ешкиольмес. На большинстве из них показаны легкие двухколесные охотничьи и боевые колесницы. Все они изображены в единой манере, как бы в плане, напоминая повозку с разобранными и положенными по сторонам кузовка колесами. Упряжные животные — лошади, реже верблюды. С конем и колесницей у иранцев был связан миф о небесной солнечной колеснице. На конных колесницах считали они, разъезжают по небу все высшие боги.

Встречаются среди рисунков сцены пахоты, на которых изображены впряженные в плуг быки, лошади и козлы. За плугом идет человек. Видимо, эти сцены связаны с празднованием Нового года, с весенним солнцестоянием, праздником обновления природы, с плодородием. Важной частью праздника являлось проведение первой борозды. Этот акт должен был гарантировать богатый урожай. Право проведения первой борозды предоставлялось царю, поэтому в "Авесте" говорится о том, что верховный бог Ахура Мазда вручил первому царю иранцев Йиме "Золотой плуг", чтобы он распахал землю. Представление о золотом плуге и первой борозде характерно для многих народов[9]. Следует отметить, что отголоски древних представлений, зачастую в измененном виде, сохранились у казахов и других населяющих Казахстан народов.

1. *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев М. А.* Древние культуры Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966; *Маргулан А. Х.* Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979; *Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж.* Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата, 1992.

2. *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник // Тр. Гос. истор. Музея М. Т. XVII. 1948; *Сорокин В. С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане // Материалы и исследования по археологии. 1962. № 120.

3. *Максимова А. Г.* Могильник эпохи бронзы Каракудук // Труды ИИАЭ АН КазССР. Т 961. Т. 12. С. 62-71.

4. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Л., 1966. С. 233—238.

5. *Кузьмина Е. Е.* Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986; *Итина М. А.* Древнехорезмские земледельцы // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1988. С. 72-86.

7. *Зданович Г. Б.* Феномен протоцивилизации бронзового века Урало-Казахстанских степей. Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 171 — 178.

8. *Кузьмина Е. Е.* Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986. С. 24-26.

9. *Самашев З. С.* Наскальные изображения верхнего Прииртышья. Алма-Ата, 1992; *Кадырбаев М. К., Марьяшев А. И.* Наскальные рисунки хребта Каркаралы. Алма-Ата, 1992.

Глава 3. СОЮЗЫ ПЛЕМЕН И РАННИЕ ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА

В первом тысячелетии до н. э. на территории Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока сформировались государства Ассирия и Мидия. В VI в. на смену Мидийской державе приходит государство Ахеменидов. Основателем его был царь группы персидских племен Кир II, который в 550 г. до н. э. разгромил и подчинил себе Мидию и создал огромную державу, включавшую в себя и южные районы Средней Азии. В состав Ахеменидского государства (в промежутке между 530 и 522 гг. до н. э.) входили Парфия, Хорезм, Бактрия, Согдиана, Сака, а народы, которые находились на территории Средней Азии и Казахстана, были завоеваны Ахеменидами, либо подчинены им.

Севернее бактрийцев, согдианцев и хорезмийцев, в степях Казахстана, по сведениям древних источников, обитали кочевые "туры с быстрыми конями". Туры в персидских источниках именуются саками, что значит "могучие мужи", а в сочинениях греческих авторов фигурируют под именем скифов, которое широко вошло в обиход, как синоним кочевников.

Древнеримский ученый I в. н. э. Плиний Старший писал: "По ту сторону Яксарта (древнее название Сырдарьи) живут скифские племена. Персы вообще называют их саками... Количество скифских народов бесконечно... Знаменитейшие из них саки, массагеты, дай, исседоны... аримаспы"[1].

Саки, судя по дошедшим до нас описаниям, были скотоводами, занимались разведением лошадей^ крупного и мелкого рогатого скота, были великолепными наездниками и стрелками из лука.

Под именем скифов и саков греки и персы подразумевали, скорее всего, многочисленные союзы родственных племен. Самым многочисленным из них был союз массагетов, о которых Геродот писал: "Народ этот считается многочисленным и воинственным, живет на востоке по ту сторону реки Араке (видимо, Сырдарья) напротив исседонов... По одежде и образу жизни массагеты похожи на скифов. Сражаются они верхом на лошадях и пешие. Знают оба способа войны; сражаются луками и копьями; вооружены обычно и секирами. Все предметы у них из золота и меди... Они ничего не сеют, питаясь домашними животными и рыбой, которую в изобилии доставляет им река Араке. Они пьют молоко".

Другие авторы упоминают о том, что "за Согдом, по течению Яксарта (Сырдарьи) обитали саки".

В персидских клинописных надписях говорится о трех группах саков: парадарайя (заморские саки), саках-хаомаварга (саки, изготавливающие напиток хаому), саках-тиграхауда (носящие остроконечные шапки). Где располагались эти племена, сказать сейчас трудно, поскольку точных научных географических привязок древние авторы не оставили. По мнению ряда исследователей, саки-парадарайя расселялись в Приаралье, низовьях Сырдарьи и Аму-дарьи или в Северном Причерноморье; саки-тиграхауда – в районе средней Сырдарьи и на Тянь-Шане; саки-хаомаварга – в долине Мургаба. По мнению К. А. Акишева, сакам-тиграхауда иранских-

[illegible] источников соответствуют скифы ортокарибантии, поскольку [illegible] слово значат "саки в остроконечных шапках". Кроме того, [illegible] на барельефах из дворца Ксеркса в Персеполе, имеют монгольские черты и носят высокие остроконечные шапки, скорее [illegible] ученый, это саки-тиграхауда. А поскольку одним из центров распространения монголоидов мог быть район Семиречья, он делает вывод о том, что саки-тиграхауда жили в Семиречье. Это предположение подтверждается и тем, что похороненный в кургане Иссык сакский царь [illegible] на голове высокую остроконечную шапку. По мнению исследователя, в племенной союз этих саков входили также аксатаги, аристеи и, возможно, аргиппеи.

М. К. Кадырбаев считал, что аорсы – одно из савроматских племен, [illegible] в Южном Приуралье. Севернее жили будины, земля которых "покрыта густым лесом разной породы", а еще севернее – фиссагеты и [illegible], занимавшиеся охотой. Аргиппеи, жившие "у подножья высоких гор", скорее всего, размещались в юго-восточном Приуралье. Сакские племена аримаспов и "стерегущих золото грифов", располагались, возможно, на Алтае, где находились золотые рудники.

Исседонов М. К. Кадырбаев помещает на просторах Центрального Казахстана. Окончательное решение вопроса о том, где жили разные племена саков, зависит от исследований археологов, ибо только на археологических памятниках можно выявить отличия в материальной культуре.

§ 1. Политическая история саков

Известны войны саков с персами. В источниках, например, освещается борьба Кира с сакской царицей Томарис. С саками воевали и другие цари из династии Ахеменидов. В 519–518 гг. до н. э. поход против саков предпринял Дарий I. Античный автор Полиэн пишет, что Дарий во главе огромного войска вступил в земли саков. В безводной пустыне войско едва не погибло, Дарию удалось спасти армию, но в целом поход был неудачным. Однако, в конечном счете, Дарий подчинил саков, заставил их платить дань и посылать своих воинов для участия в персидских войнах. В составе персидской армии саки воевали в Египте, Греции, отличились в битвах при Фермопилах, показали чудеса храбрости в битвах при Платеях.

Другая страница истории саков связана с борьбой против завоеваний Александра Македонского, который, разгромив и подчинив державу Ахеменидов, начал завоевание Средней Азии. В 330–327 гг. до н. э. Александр Македонский захватил столицу Согда Мараканду и направился к Сырдарье, которая была своеобразной границей между оседлыми жителями и кочевниками. На левобережье Сырдарьи располагались города, которые Александр захватил и поставил в них свои гарнизоны.

На другом берегу сосредоточились силы саков, ждавших подходящего момента, чтобы вступить в бой с греками. Жестокость греко-

македонских войск, которые при занятии сырдарьинских городов "всех мужчин перебили, женщин, детей и прочую добычу забрали", вызвала народное восстание в Средней Азии, жестоко подавленное.

По приказу Александра на Сырдарье был построен город, названный Александрия Асхата (Александрия Крайняя). Город был задуман как опорный пункт на северо-восточной границе нового государства. Постройка его вызывала беспокойство у саков. Саки обстреливали греков из луков с другого берега реки. Александр, в свою очередь, приказал обстрелять кочевников из катапульт, заставил их отступить, а затем, быстро переправившись с войском, стал их преследовать. Однако преследование чуть было не обернулось поражением, и войско греков вновь вернулось в город. Сам Александр во время этой вылазки, видимо, был ранен или заболел. Так неудачей закончилась попытка Александра Македонского разгромить и подчинить себе сакские племена, жившие за Яксартом (Сырдарьей).

И в дальнейшем сакские племена играли важную роль в судьбах Средней Азии и Среднего Востока. В частности, они принимали участие в сложении Парфянского государства, в разгроме Греко-Бактрийского царства и формировании Кушанской империи, игравших важную роль в истории III в. до н. э. – III в. н. э.

Археологические памятники саков. Важнейшим источником по истории сакских племен, их материальной, духовной культуре являются археологические памятники – могильники, наскальные рисунки, клады сакских вещей. Исследования археологов позволили открыть яркую, самобытную культуру саков в разных регионах Казахстана.

Центральный Казахстан. На территории Центрального Казахстана, некогда занятой андроновской культурой эпохи бронзы, в VII--III вв. до н. э. сложилась так называемая тасмолинская культура, получившая свое название по имени хорошо обследованных могильников урочища Тасмола. Исследования проводили А. Х. Маргулан, М. К. Кадырбаев[2].

Особенностью устройства курганов этой культуры является наличие у некоторых из них каменных гряд или, как их условно называют "усов". Такие курганы представляют собой сложный погребальный комплекс из каменных сооружений нескольких вариантов. Обычно к основному кургану (большому) примыкает или находится на расстоянии с восточной стороны малый курган, от которого на восток отходят две дугообразные гряды шириной 1,5–2 м и длиной от 20 до 200 м и более. В большом кургане под насыпью находится погребение человека в грунтовой яме, в малом кургане под насыпью захоронена лошадь с деревянной посудой.

В расположении курганов по отношению друг к другу имеются варианты: малый курган иногда расположен южнее, стоит на вершине большого или вовсе отсутствует. Устройство самих гряд до конца не выяснено. В одном случае это были приставленные один к другому каменные ящики, в другом – кольца, в третьем – вымостки. Однако очевидно, что они выполняли ритуальные назначения. Наиболее крупные могильники сосредоточены в предгорьях Бугулы, Кзыларая, Каркары, Баян-Аула, Кызылтаса, Кента, Ортау, Улутау, Арганаты.

В развитии тасмолинской культуры выделяются три этапа. Первый относится к VII–VI вв. до н. э. К нему относятся могильники Тасмола, Каргалы, Шурмамбет. Курганы имеют земляные или земляные, смешанные с камнем, насыпи.

На втором этапе, в V–III вв. до н. э. традиции в погребальном обряде меняются, но исчезает обычай захоронения лошадей.

На третьем этапе – III–I вв. до н. э. – сохраняются прежнее устройство и формы курганов, но в могилах появляются глиняные шаровидные сосуды с уплощенным дном.

Западный и Северный Казахстан. На степных и лесостепных просторах расположены десятки могильников, принадлежавших, по одной версии, савроматским племенам аорсов и роксоланов, по другой – исседонам.

В Волго-Уральском междуречье скопление могильников отмечено по берегам Большого и Малого Узеней, в районе Камыш-Самарских озер по берегам рек Илек, Чаган, Утва, Орь, Эмба. В северных районах Казахстана могильники сосредоточены в бассейнах Тобола и Ишима. Большинство курганов имеет земляные насыпи, а наиболее крупные окружены рвом. Реже встречаются курганы с каменной насыпью или смешанной из земли и камней. Под насыпью устраивалась могильная яма, причем, под одной насыпью погребали несколько умерших, либо хоронили покойника в насыпи более древнего кургана. Богатые курганы выделялись своими размерами, имели насыпи диаметром 50–60 м, высоту 3–4м.

Все памятники относятся к двум хронологическим этапам. Первый датируется VII–V вв. до н. э. и охватывает время существования савроматской культуры; второй – соответственно IV–II вв. до н. э. и сопоставляется с сарматами.

Происхождение савроматов исследователи связывают со срубной и андроновской культурами, поскольку в ней сохраняются многие традиционные черты прошлой эпохи, такие, как обычай трупосожжения, наличие в насыпи над могилами колец из камней, орнамент на глиняной посуде.

Характерной чертой всех памятников Западного и Северного Казахстана было то, что могилы ориентированы на запад с востока, а умершие погребались не в могилах, а на специально подготовленных площадках под насыпью кургана. В женских погребениях археологи часто находят каменные столики-жертвенники на ножках, богато украшенные резьбой. Это были своеобразные переносные алтари огня.

Высокого совершенства у савроматов достигло прикладное искусство. Из золота, серебра и бронзы искусные мастера отливали и штамповали бляхи для украшения конской сбруи, мужских поясов и одежды.

Среди раскопанных савроматских памятников Западного Казахстана наиболее яркие материалы были получены из курганных некрополей верховий р. Илек, где находились захоронения племен 2-3699-ных вождей, военной аристократии и жрецов ранних кочевников Западного Казахстана и Южного Приуралья[3].

Восточный Казахстан. Многочисленные сакские могильники расположены на Алтае в долине Иртыша и ее притоков, на северных и южных склонах Калбинского хребта, в предгорьях Чингизтау и Тарбагатая, большие, или "царские", курганы сосредоточены в Чиликтинской долине. В горных районах, богатых выходами камня, насыпи курганов каменные, в долинах верхнего Прииртышья для насыпей служила земля с галькой, в равнинных районах среднего Иртыша – насыпи курганов земляные. Видимо, в Восточном Казахстане обитали племена аримаспов и "стерегущих золото грифов".

В своем развитии культура сакских племен Восточного Казахстана прошла три этапа: майэмирский (VII–VI вв. до н. э.), берельский (V–IV вв. до н. э.) и кулажургинский (III–I вв. до н. э.).

В конце майэмирского периода появляются захоронения всадника с конем. В долине Чиликты был раскопан хорошо известный Чиликтинский курган, входивший в состав большого курганного могильника. Все курганы могильника относятся к "царским"-. Тринадцать имеют насыпи диаметром до 100 м и высоту 8–10 м, другие – соответственно от 20 до 6fr м и высоту до 5 м. Это было кладбище родовых, либо племенных вождей, на котором хоронили не одно столетие.

Раскопанный курган (Чиликтинский курган»), исследованный известным археологом С. С. Черниковым, дал интереснейший материал по культуре и искусству саков Восточного Казахстана.

Диаметр кургана составлял 66, а высота 6 м. Курган был ограблен в древности, поэтому картина его сооружения, погребальных конструкций, обряда захоронения неполная.

Под насыпью в центре кургана находилась яма размером 7, 10 х 8,30 м, глубиной около 1 м. В могильную яму впущена деревянная конструкция (камера) размером 4,8 х 4,6 м и высотой 1,2 м, сложенная из двух рядов лиственниц и перекрытая сверху одним рядом. На полу лежали останки двух погребенных.

Находок было много, среди них 13 бронзовых наконечников стрел, двуперых со втулкой. Сохранились кусочки колчана, сделанного из шкуры оленя или лошади, снятой с ноги. Шкуры сшиты сухожилиями, колчаны украшены золотыми бляшками в виде оленей. Олени изображались с поджатыми к брюху ногами и закинутыми на спину рогами. Уши и глаза украшены бирюзовыми вставками.

Найдено много бляшек, украшавших одежду, в виде орла, свернувшейся в кольцо пантеры. Из золотой фольги вырезаны фигурки кабана. Интересны бляшки в виде птиц с распростертыми крыльями. Много бляшек геометрической формы, в виде ромбиков, треугольников, узких полосок.

Датируется Чиликтинский курган VII–VI вв. до н. э.

Семиречье и Южный Казахстан. Это крупнейший регион заселений сакскими племенами - тиграхауда в Семиречье и массагетов в Приаралье на Сырдарье.

[illegible] центров расселения саков была Илийская долина.

[illegible] здесь находились некрополи Бесшатыр, Иссыкский, Тур-ген-[illegible] и Алексеевский[4].

[illegible] культура Семиречья в своем развитии прошла два этапа: ран-[illegible] III–VI вв. до н. э.) и поздний (V–III вв. до н. э.). Наиболее полные [illegible] о царских памятниках позднего этапа дает Бесшатырский [illegible], относящийся к середине I тыс. до н. э., и курган Иссык. Могиль-[illegible] Бесшатыр находится на правом берегу р. Или, в урочище Шилбыр и [illegible] из 31 кургана. Все курганы могильника делятся на две группы: [illegible] диаметром от 45 до 105 м, высотой 6–18 м, средние – соответ-[illegible] по 25–40 м, высотой 5–6 м и малые – 6–20, высотой до 2 м. Большой Бесшатырский курган и сейчас поражает своими размерами: диаметр его [illegible] 104, высота – 17 м. Под насыпью Первого Бесшатырского кургана находилась деревянная постройка, сделанная из бревен тяньшанской ели. Она состоит из погребальной камеры и коридора-дромоса. Стены постройки сложены из 15 рядов бревен, сверху перекрытых накатом из таких же бревен. Еще выше были положены камышовые маты, связанные веревками. После совершения захоронения, коридор был заложен камнем.

Курганы «могильника разграблены, но грабители не смогли забрать все. Найдены короткие железные кинжалы-акинаки, остатки колчанов с бронзовыми наконечниками стрел. Датируются могильники V в. до н. э.

Одним из замечательных сакских памятников Семиречья является курган Иссык, входивший в состав могильника Иссык, находящегося в 50 км восточнее г. Алма-Аты, в предгорьях Заилийского Алатау. Диаметр кургана 60, высота 6 м. Под земляной насыпью два захоронения – центральное и боковое. Центральное разграблено, боковое осталось непотревоженным. Могила, куда был поставлен деревянный сруб из обтесанных бревен тяньшанской ели, размерами 2,9 х 1,5 м и глубиной 1,5 м. Пол уложен из 10 хорошо подогнанных досок. Как удалось установить, часть пола, на котором лежал покойник, была застлана матерчатой подстилкой, украшенной мелкими золотыми бляшками. На ней когда-то лежал труп на спине, головой на запад, в полном парадном облачении, с оружием. По определению антропологов, умершему было 17–18 лет, рост 165 см.

У южной стены стояла деревянная посуда: четыре прямоугольных блюда, 4ерпак и миска. У западной стены стоял глиняный краснолощеный кувшин и миски. Тут же лежали серебряная ложка с изогнутой ручкой, конец которой сделан в виде головы цапли, серебряная чаша (фиал) с восьмилепестковой розеткой на дне, миниатюрная серебряная чашечка с двумя строками надписи из 26 знаков. За головой умершего стояла еще одна позолоченная чаша, в которой лежали золотые бляхи в виде когтя и клюва хищной птицы – магические талисманы. У левой руки погребенного лежала стрела с позолоченным древком и золотым наконечником. Рядом – нагайка, ручка которой обернута золотой лентой, а в обшитой золотом туалетной кожаной сумочке лежало бронзовое зеркало и кусочек охры.

Покойник был одет в замшевую красную куртку, от которой сохранились маленькие кусочки, сплошь обшитую золотыми треугольными бляшками, имитирующими пластинчатый доспех. Кожаные, заправленные в сапоги, штаны украшены кантом из золотых бляшек, голенища кожаных сапог обшиты треугольными бляшками, борта куртки – рядом блях в виде оскаленной морды барса, а талия была стянута кожаным поясом с нашитыми' массивными золотыми бляхами. Всего их тринадцать – три в виде фантастического существа с коне-оленегрифоном и 10 блях – в виде головы лося.

Голову погребенного украшал высокий кожаный колпак с золотыми фигурами зверей и птиц, перьями и стрелами, изображающими горы, на которых растут деревья, а на ветвях сидят птицы. Верх колпака венчала миниатюрная фигурка горного барана – архара.

На шее умершего – гривна, концы которой украшены головками барсов, в ухо вдета серьга с зернью и бирюзовыми подвесками. На двух пальцах надеты перстни – один с гладким щитком, другой с изображением головы человека в нимбе из лучей.

На поясе справа висел длинный меч в деревянных, окрашенных в красный цвет ножнах. Меч железный, он имеет серповидное навершие ручки. Слева подвешен кинжал-акинак. На железном его клинке посередине из золота выполнено изображение извивающихся змей. Ножны кинжала украшены накладными пластинками, одна с изображением коня, другая – оленя. Датируется курган Иссык IV в. до н. э.

Истоки культуры саков Приаралья лежат в культуре поздней бронзы, известной по раскопкам могильника Тегискен. Раскопки сакских могильников Уйгарак и Южный Тегискен свидетельствуют о том, что они были сооружены в VII–V вв. до н. э. Насыпи курганов песчаные, под ними находились два типа погребальных сооружений: погребение на поверхности земли на камышовых подстилках, внутри легкой деревянной каркасной постройки или шалаша. В погребении отмечен обряд трупосожжения. Второй тип представлен захоронениями в грунтовых ямах[5].

Похороненные в могильнике Уйгарак принадлежали к верхушке саков-массагетов.

При раскопках обнаружен многочисленный погребальный инвентарь: лепная глиняная посуда и керамика, сделанная на гончарном круге южного происхождения, каменные жертвенники и оселки – точильные камни. В одном захоронении обнаружен железный меч в деревянных ножнах украшенных бляхами в виде волков, остатки конской узды – удила с псалиями.

Много изделий прикладного искусства: изображения животных, золотые бляшки с изображением оленя, сайгака, лошади, горного козла, льва, барса, хищных птиц. Культура саков Приаралья занимала как бы промежуточное положение между двумя культурными ареалами – европейским и сибирским.

Культура массагетов достигла своего расцвета в середине I тыс. до н. э. Это было время становления в Приуралье Хорезмийского государства. Экономические и культурные связи между оседлыми оазисами и степью

[illegible] в это время высокого уровня. Под влиянием оседлой культуры у [illegible] возникли оседлые поселения и города. К их числу относятся открытые археологами городища Чирик-Рабад и поселение Бабиш-мулла на [illegible]ангарье и поселение Баланды на Инкардарье. Рядом с ним обнаружены остатки древней ирригации. В планировке, фортификации этих населенных пунктов прослеживаются традиции оседлой культуры древнего Хорезма.

§ 2. Хозяйство и общество саков

С сакским временем связана эпоха освоения степных и горных пространств, господство скотоводства, в его различных формах, в сочетании с земледелием. Древние авторы несколько односторонне определяют жизнь саков, говоря о них: "не земледельцы они, а кочевники", или определяют эту жизнь формулой: "Перекочевывают с места на место, смотря по приволью, воде и траве". На самом деле форма хозяйства саков во многом определялась природными условиями, близостью к городским центрам и торговым путям.

Изучение скотоводства у народов мира показало, что оно имело множество вариантов – от кочевого до пастушеского (отгонного). Кочевое скотоводство, для которого были характерны длительные перекочевки с летних на зимние пастбища, было присуще Западному, отчасти Центральному Казахстану. В случае кочевого скотоводства весь род и все племя со своими стадами и пожитками передвигались на большие расстояния как в меридиональном, так и в широтном направлениях. Мужчины ехали на лошадях, женщины, дети и старики в повозках, крытых войлоком. Зимние стужи кочевники проводили на зимовках, расположенных в песках, где ветер сдувал снег и обнажал землю с высохшей травой, либо по берегам рек и озер, в местах, которые не продувал ветер, и где сохранялся подножный корм для скота.

Зимние стоянки не были долговременными. Основными видами скота у кочевников были лошадь, овца и верблюд – наиболее приспособленные для дальних кочевий.

Полукочевой вид скотоводства предусматривал наличие постоянных зимних и летних стоянок, на которых скотоводы проводили лето и зиму. На зимниках строились жилища – землянки и полуземлянки. Часто на зимниках, на лето оставалась часть населения, которая занималась хлебопашеством, заготавливая на зиму растительную пищу. Такое скотоводство было распространено в Восточном Казахстане, в Семиречье, в ряде районов Центрального и Западного Казахстана.

Третий вид скотоводства – оседлый – предусматривал постоянную оседлость части населения, которая занималась земледелием. Другая вместе со скотом откочевывала на летние и зимние пастбища, расположенные, как правило, неподалеку. Так было на юге Казахстана, в долинах Сырдарьи, Арыси, Келеса. В стаде было много крупного рогатого скота. Ко-

Покойник был одет в замшевую красную куртку, от которой сохранились маленькие кусочки, сплошь обшитую золотыми треугольными бляшками, имитирующими пластинчатый доспех. Кожаные, заправленные в сапоги, штаны украшены кантом из золотых бляшек, голенища кожаных сапог обшиты треугольными бляшками, борта куртки – рядом блях в виде оскаленной морды барса, а талия была стянута кожаным поясом с нашитыми' массивными золотыми бляхами. Всего их тринадцать – три в виде фантастического существа с коне-оленегрифоном и 10 блях – в виде головы лося.

Голову погребенного украшал высокий кожаный колпак с золотыми фигурами зверей и птиц, перьями и стрелами, изображающими горы, на которых растут деревья, а на ветвях сидят птицы. Верх колпака венчала миниатюрная фигурка горного барана – архара.

На шее умершего – гривна, концы которой украшены головками барсов, в ухо вдета серьга с зернью и бирюзовыми подвесками. На двух пальцах надеты перстни – один с гладким щитком, другой с изображением головы человека в нимбе из лучей.

На поясе справа висел длинный меч в деревянных, окрашенных в красный цвет ножнах. Меч железный, он имеет серповидное навершие ручки. Слева подвешен кинжал-акинак. На железном его клинке посередине из золота выполнено изображение извивающихся змей. Ножны кинжала украшены накладными пластинками, одна с изображением коня, другая – оленя. Датируется курган Иссык IV в. до н. э.

Истоки культуры саков Приаралья лежат в культуре поздней бронзы, известной по раскопкам могильника Тегискен. Раскопки сакских могильников Уйгарак и Южный Тегискен свидетельствуют о том, что они были сооружены в VII–V вв. до н. э. Насыпи курганов песчаные, под ними находились два типа погребальных сооружений: погребение на поверхности земли на камышовых подстилках, внутри легкой деревянной каркасной постройки или шалаша. В погребении отмечен обряд трупосожжения. Второй тип представлен захоронениями в грунтовых ямах[5].

Похороненные в могильнике Уйгарак принадлежали к верхушке саков-массагетов.

При раскопках обнаружен многочисленный погребальный инвентарь: лепная глиняная посуда и керамика, сделанная на гончарном круге южного происхождения, каменные жертвенники и оселки – точильные камни. В одном захоронении обнаружен железный меч в деревянных ножнах украшенных бляхами в виде волков, остатки конской узды – удила с псалиями.

Много изделий прикладного искусства: изображения животных, золотые бляшки с изображением оленя, сайгака, лошади, горного козла, льва, барса, хищных птиц. Культура саков Приаралья занимала как бы промежуточное положение между двумя культурными ареалами – европейским и сибирским.

Культура массагетов достигла своего расцвета в середине I тыс. до н. э. Это было время становления в Приуралье Хорезмийского государства. Экономические и культурные связи между оседлыми оазисами и степью

[illegible] время высокого уровня. Под влиянием оседлой культуры у [illegible] оседлые поселения и города. К их числу относятся откры[illegible] городища Чирик-Рабад и поселение Бабиш-мулла на [illegible] и поселение Баланды на Инкардарье. Рядом с ним обнаруже[illegible] ирригации. В планировке, фортификации этих насе[illegible] пунктов прослеживаются традиции оседлой культуры древнего [illegible]

§ 2. Хозяйство и общество саков

[illegible] сакским временем связана эпоха освоения степных и горных про[illegible], господство скотоводства, в его различных формах, в сочетании [illegible] земледелием. Древние авторы несколько односторонне определяют [illegible] саков, говоря о них: "не земледельцы они, а кочевники", или опре[illegible] эту жизнь формулой: "Перекочевывают с места на место, смотря по приволью, воде и траве". На самом деле форма хозяйства саков во многом определялась природными условиями, близостью к городским центрам и торговым путям.

Изучение скотоводства у народов мира показало, что оно имело множество вариантов – от кочевого до пастушеского (отгонного). Кочевое скотоводство, для которого были характерны длительные перекочевки с летних на зимние пастбища, было присуще Западному, отчасти Центральному Казахстану. В случае кочевого скотоводства весь род и все племя со своими стадами и пожитками передвигались на большие расстояния как в меридиональном, так и в широтном направлениях. Мужчины ехали на лошадях, женщины, дети и старики в повозках, крытых войлоком. Зимние стужи кочевники проводили на зимовках, расположенных в песках, где ветер сдувал снег и обнажал землю с высохшей травой, либо по берегам рек и озер, в местах, которые не продувал ветер, и где сохранялся подножный корм для скота.

Зимние стоянки не были долговременными. Основными видами скота у кочевников были лошадь, овца и верблюд – наиболее приспособленные для дальних кочевий.

Полукочевой вид скотоводства предусматривал наличие постоянных зимних и летних стоянок, на которых скотоводы проводили лето и зиму. На зимниках строились жилища – землянки и полуземлянки. Часто на зимниках, на лето оставалась часть населения, которая занималась хлебопашеством, заготавливая на зиму растительную пищу. Такое скотоводство было распространено в Восточном Казахстане, в Семиречье, в ряде районов Центрального и Западного Казахстана.

Третий вид скотоводства – оседлый – предусматривал постоянную оседлость части населения, которая занималась земледелием. Другая вместе со скотом откочевывала на летние и зимние пастбища, расположенные, как правило, неподалеку. Так было на юге Казахстана, в долинах Сырдарьи, Арыси, Келеса. В стаде было много крупного рогатого скота. Ко-

нечно, в жизни все было сложнее и существовало множество отклонений от этих видов скотоводческого хозяйства и накладывало отпечаток на жизнь населения разных регионов и районов Казахстана.

Коневодство было одним из важнейших направлений скотоводства саков. По костным материалам из раскопок Центрального Казахстана установлены два вида лошадей. Это низкорослая толстоногая с массивной головой и туловищем лошадь и рослая стройная, которую использовали под седло вооруженные всадники.

На материалах останков 86 коней из раскопок Пазырыкских курганов на Алтае удалось выделить четыре вида лошадей. Наиболее крупные, резвые лошади появились в результате селекции. Эти лошади использовались вождями и знатными воинами.

В выведении новых пород лошадей участвовали и знаменитые породистые кони соседних территорий, славившиеся своими скакунами – Ферганы, Бактрии, Парфии. Лучшие строевые кони ценились кочевниками очень высоко, они же в случае смерти хозяина сопровождали его в "потусторонний мир".

Одним из важнейших видов домашних животных у кочевников были овцы, дававшие мясо, шерсть, молоко и шкуры. Раскопки показывают, что были распространены крупные животные с сильно выраженной горбоносостью. Они были близки современной породе казахских курдючных овец.

Наряду с овцеводством у саков было развито верблюдоводство, в первую очередь, в степных и полупустынных районах Западного и Южного Казахстана. Верблюд использовался как верховое, так и вьючное животное, он давал шерсть, мясо и молоко. При кочевом и полукочевом хозяйстве верблюды круглый год оставались под открытым небом. До недавнего времени было распространено мнение о том, что начиная с эпохи ранних кочевников крупный рогатый скот не играл заметной роли в хозяйстве. Объяснялось это тем, что для коров необходимы большие работы по заготовке кормов на зиму, поскольку в отличие от лошадей и овец они не могут круглый год обходиться подножным кормом. Однако кочевникам удалось вывести такую породу крупного рогатого скота, которая круглый год содержалась на пастбище. Такую приспособленную к кочевой жизни породу отличала сравнительно низкая продуктивность, малый живой вес, неприхотливость в пище и густой шерстный покров, спасающий от холодов.

Земледение и ирригация. Посевы на зимовках давали сакам растительную пищу. Выращивали просо, ячмень, пшеницу. На юге, в долине Сырдарьи рядом с сакскими поселениями Чирик-рабат, Бабиш-мулла, Баланды посевы орошались с помощью каналов.

Ремесла и торговля. Высокого развития у сакских племен достигли промыслы и ремесла, связанные с добычей металла, его обработки, в частности с литьем бронзы. Как и в эпоху бронзы, продолжали разрабатываться уже известные месторождения железа, меди, олова, свинца, серебра, золота. Приблизительные подсчеты специалистов показывают огромные масштабы горнорудных разработок. Так, в Иманта-

месторождении извлечено 3 млн. пудов медной руды, а из Ивановского и Успенского – соответственно 10000 и 20000 тыс., основная часть добычи приходится на сакское время.

Из бронзы сакские мастера отливали кинжалы, наконечники стрел и копий, предметы конской упряжи, украшения, зеркала, а также котлы и жертвенники, многие из которых являются замечательными произведениями искусства. Для отливки изделий использовались формы, высеченные из камня, глины.

Особенно многочисленны находки сакских котлов и жертвенников на территории Семиречья – в Илийской долине и Иссык-кульской. Котлы сферической формы, на сферическом поддоне или на ножках, которые зачастую оформлялись в виде ног животных. Ручки котлов петлевидные, а у некоторых края украшены прото-мами животных. Так, один из котлов, найденный вблизи Алматы, был украшен протомами крылатых горных козлов.

Жертвенники представляют собой квадратные либо круглые столообразные с бортиком подносы на ножках или ножке. Размеры их различные – от больших "столов" до компактных изделий.

Уникальный по своей композиции жертвенник был найден на территории Алматы, на месте бывшего святилища, от которого сохранилась круглая глиняная платформа с остатками кострищ, слоем золы, перемешанной с костями животных и керамикой. На конусовидной подставке находилось круглое блюдо, украшенное по краю 15 фигурками быков. На блюде укреплена фигурка конного лучника, повернутого вполоборота к быкам и стреляющего в них из лука, рядом вертикальная трубочка для фитиля. Возможно, всадник изображает Митру "владыку рогатого скота", "угоняющего быков". Рядом с Алматы был найден еще один широко известный специалистам бронзовый жертвенный стол, известный под названием "Семиреченский алтарь". Он имеет прямоугольную форму с бортиком и ручками для переноски. Сам поднос поставлен на четыре короткие ножки в виде ног копытного животного. По краю стола "идут" фигурки крылатых хищников.

Жертвенники-светильники, видимо, были связаны с культом огня, а также в комплексе с котлами (как правило, их находят вместе с котлами) использовались во время празднеств, связанных с весенними и осенними праздниками, проводившимися по случаю начала кочевий на летние пастбища или окончания летнего сезона, когда нагулявшие жир табуны коней и отары баранов спускались с альпийских лугов в предгорья. Именно в предгорьях, в красивых долинах проводились такие празднества, на которых в котлах готовили угощение, а в святилищах, украшенных жертвенниками и светильниками, приносили жертвы богам.

Торговля. В период сакского господства в степях и горных долинах Евразии началась транзитная международная торговля, которая связывала страны Запада и Востока, Средиземноморье и Китай.

В середине I тыс. до н. э. начал функционировать степной путь, по которому доставлялись престижные товары в степную зону по 40 параллели и, начинаясь в большой излучине Хуанхэ, он пересекал восточные и северные отроги Алтая, степи Казахстана и Причерноморья, достигал земель греков и этрусков.

По описаниям Геродота, степной путь шел из Причерноморья к берегам Дона, затем в земли савроматов в Южное Приуралье, к Иртышу и далее на Алтай в страну аргиппиев, населявших район верхнего Иртыша, а оттуда – в Монголию и Китай.

На значительном протяжении этот путь проходил через Казахстан. По нему к сакам попадали китайский шелк и иранские ковры, остатки которых были обнаружены при раскопках Пазы-рыских курганов на Алтае.

Общество саков. Вопрос о том, как было организовано сакское общество, до сих пор вызывает споры ученых.

В письменных источниках мало сведений о том, какие группы людей по своему имущественному положению, характеру занятий, по своей роли входили в сакское общество.

Только римский историк Квинт Курций Руф пересказывает легенду о том, что у саков есть волшебные небесные дары: плуг и ярмо (хомут) для земледельцев, копье и стрела – для воинов, чаша – для жрецов.

Исходя из этого, в сакском обществе можно выделить три группы населения: воинов (древнее индоиранское название воина "ратайштар" – "стоящие на колеснице"); сословие жрецов, атрибутами которых была жертвенная чаша и особый головной убор, и сословие саков-общинников, "восьминогих", т. е. имеющих двух волов для запряжки в плуг. Каждому из названных сословий соответствовали, свои традиционные цвета. Воинам подбирали цвета красные и золотисто-красные, жрецам – белый, общинникам – желтый и синий.

Особо следует остановиться на фигурах вождей и царей. Скорее всего, вожди сакских племен были представителями воинского сословия. Греки называли их басилевсами – царями. Атрибутами воинов и царей были лук со стрелами. Свой лук царь передавал сыну и наследнику, поэтому лук и стрелы клали в могилы воинов и царей. Умение виртуозно владеть луком должно было быть прерогативой царя. Не случайно стрельба из лука и умение точно поражать цель проверялись на всевозможных празднествах, а самый меткий стрелок по древней традиции получал на время таких празднеств право повелевать людьми.

В то же время царь проводил первую борозду на весенней пахоте, он же был по традиции и воспитанником пастуха, что демонстрировало его связь с народом. Царь принадлежал к сословию воинов, он же был и избранником богов, посредником между небом и землей, центром мира, носителем земного процветания. От его физической мощи и духовной энергии зависело благосостояние народа. Он был воплощением всех слоев народа[6].

Археологические материалы подтверждают деление сакского общества на сословия, или группы. Это заметно, прежде всего, по разнице в размерах погребальных курганов. В могильнике Бесша-тыр особенно четко видна принадлежность огромных курганов – вождям, средних – воинам и мелких – рядовым общинникам. В центре могильника Уйгарак находились большие курганы вождей и знатных воинов с богатым набором вооружения – луками, стрелами, топорами, клевцами. В восточной части располагались захоронения жриц с каменными жертвенниками, зеркалами и кусками охры и в западной части – бедные могилы рядовых

общинников. Вместе с находками сакской письменности в кургане Иссык это свидетельствует о существовании у саков раннеклассового общества и, видимо, государства[7].

§ 3. Искусство и мифология

Исследователи сакского искусства считают, что оно было тесно связано с искусством Ахеменидского Ирана и Бактрии, с одной стороны, и искусством Китая эпохи Чжоу и Хань – с другой[8].

В науке существуют разнообразные предположения относительно места и времени формирования сакского искусства "звериного стиля".

Раскопки последних лет на поселении Баба-джан и святилище Сурх-Дум дали новые образцы луристанских бронз: бронзовая булавка с фигуркой припавшей к земле пантеры, точильный камень с ручкой в виде головы барана, стилизованные головы орлов, фигуры хищников, оленей в "летящем галопе", коней, верблюдов. Однако, как полагают исследователи, сакское искусство нельзя сводить только к луристанскому – это два самостоятельных художественных стиля.

Скорее всего, в начале I тыс. до н. э. на территорию современного Ирана стали проникать ираноязычные племена, под влиянием которых распространился ряд обычаев, новые типы вооружения и конского снаряжения. Вместе с иранцами и появились новые сюжеты в искусстве.

В то же время, иранцы, познакомившись с культурой Ассирии, Элама, Урарту, восприняли достижения их цивилизации. У них иранцы позаимствовали некоторые черты композиции и стиля. Так сложилось искусство Ахеменидского Ирана, которое оказало сильное воздействие на искусство саков. А познакомились саки с искусством этих государств во время своих переднеазиатских походов. После разгрома их царства мидийским царем Киаксаром, вернулись домой и унесли с собой многие образцы изобразительного творчества.

При раскопках кургана Аржан в Туве – огромного сооружения диаметром 120 м и высотой 3 м, под насыпью кургана археологи обнаружили сложные деревянные конструкции: в центре находился сруб из огромных бревен лиственницы размерами 8 х 8 м, внутри которого стоял еще один сруб размерами 4,4 х 3,7 м. В нем в деревянной колоде был погребен вождь, а рядом лежали останки еще нескольких мужчин – родственников и сподвижников вождя, видимо, добровольно последовавших за ним в потусторонний мир. Вокруг по радиусу были поставлены срубы, в которых захоронены 160 коней в парадном снаряжении. Останки еще многих коней были найдены в кольцевых захоронениях, за пределами кургана. Все кони были светлой и рыжей масти, т. е. цвета царей и жрецов.

Курган был разграблен в древности, но многое досталось и на долю археологов: самая большая в мире бронзовая бляха в виде свернувшейся в кольцо пантеры или, скорее, барса, фигурки горных баранов, кинжал с ручкой в виде фигурки кабана, золотая гривна, наконечники стрел. Курган датируется VIII в., а найденные в нем предметы сакского искусства

являются самыми древними. Это позволяет предположить, что сакский звериный стиль появился в азиатских степях. Это тем более реально, что здесь для него имеются истоки. Уже в эпоху бронзы местные мастера изготавливали фигурки животных. Известны наскальные рисунки, изображающие оленей, быков. Также в конце II – начале I тыс. до н. э. формировалось искусство, которое, однако, еще не было "звериным стилем".

Искусство "звериного стиля" сформировалось под влиянием южных традиций, с которыми саки познакомились во время походов в Переднюю Азию и Иран. Именно тогда отсюда к сакам пришли образы льва, льва-грифона, "древа жизни". Эти образы вписались в число местных животных, среди которых были олень, баран, верблюд, снежный барс, тигр, орел. Все перечисленные образы не были только украшениями, саки вкладывали в них определенное содержание.

Ювелирное искусство достигло у саков высокого совершенства. Мастера-художники были знакомы с литьем, штамповкой золота и могли изготавливать удивительные по изяществу, композиционному построению изделия из золота, серебра, бирюзы, которые украшали человека и его одежду, сбрую коня, предметы быта. Это гривны, украшенные мордами животных, кольца, серьги с подвесками из граната и бирюзы, наборные пояса с золотыми бляхами, бляхи-нашивки на одежду.

Сакское ювелирное искусство наиболее полно представлено в кургане Иссык, по материалам которого удалось получить представление об одежде знатных саков, украшениях, которые они носили, оружии, с которым они шли в бой.

В ювелирном искусстве широко использовали способ обкладки листовым золотом фигурок и украшений, вырезанных из дерева. О том, что обработка дерева и резьба по нему были у саков очень развиты, свидетельствуют деревянная посуда, деревянные фигурки зверей и животных, различные застежки. Наряду с резьбой по дереву развивалось ремесло, связанное с обработкой кости и производством костяных поделок – застежек, пряжек, пуговиц.

Уже отмечалось, что сакские мастера вытачивали и вырезали из мягких пород камня великолепные жертвенники, украшая их богатым резным орнаментом. Из цветного камня – сердолика, халцедона, агата, бирюзы сакские ювелиры изготавливали бусы.

Саки, как и другие народы, поклонялись силам природы – солнцу, ветру, грозе, грому, которые представлялись им в образе богов. А боги, по их понятиям, воплощались и в фантастических зверей, птиц и животных, таких, как крылатые кони, конетрифы. Популярность этих образов в мифологии и фольклоре вызвали к жизни своеобразный "звериный стиль" в искусстве евразийских степей.

Конь в мифологии саков связывался с солнцем и огнем. Верховное божество Митра, который сотворил мир, выезжал, согласно "Авесте", на четверке лошадей. К коням имели отношение боги Сурья, Яма, Агни, Индра. Изображения крылатых коней на головном уборе царя из кургана

Иссык – это солнечная колесница. Образ крылатого коня как образ солнца есть в мифологии других народов. У греков крылатые кони влекли по небу колесницу солнечного бога Аполлона.

Изображения хищных орлов тоже были символами бога солнца. В представлении индоиранских народов солнце предстает в виде колесницы с одним колесом, которую мчат по небу четыре коня или четыре орла.

Саки имели свое понятие об устройстве мира (космоса). Порядок в космосе представлялся понятием арта, который ассоциировался с Солнцем, движением солнечной колесницы. Порядок в космосе, гармония, организаторами в которых были боги Митра, Варуна, Индра, модель мира представлялась как сочетание трех миров – подземного мира – низа; середины – земли, и верхнего - неба, У мира было четыре стороны – правая, левая, передняя и задняя.

Примером символического представления саков о космосе является головной убор сакского царя из Иссыка. Орнаменты на нем разделены на три вертикальных яруса. Колпак по кругу обрамляет изображение цепи золотых гор и деревьев. У подножия гор помещены "земные звери": тигры, козлы. На вершинах – птицы, крылатые тигры. Орнаментальный фриз означает мировой горный хребет, по представлениям саков, окружавший мир со всех сторон. Орнамент символизирует трехчастную организацию мира снизу вверх: подземный мир – земля – небеса. На четырех крестообразно расположенных точках кольцевых фризов помещены изображения зверей – охранителей сторон света; востока и запада, севера и юга. Впереди головного убора имеется солнечная эмблема – символ всего космоса в целом: четыре крылатых коня и четыре золотых стрелы. Это своеобразный знак власти над всеми тремя мирами и четырьмя углами света, которые солнце обходит на своем пути. Переднюю сторону саки считали восточной стороной света, заднюю – западом. Возложение такого колпака-короны осмысливалось как передача вождю власти над всем мифологическим Космосом. Вождь олицетворял ось вселенной, ее центр, и все символы на его одежде это мифологическое представление[9].

В целом, сакский, или сакско-скифский "звериный стиль" сложился как закономерное, выражение мировоззрения сакских племен, как воплощение в изобразительном искусстве их мифологии, как особая знаковая система для выражения идеологии кочевников.

§ 4. Усуни

Племена усуней, которые наследовали земли саков-тиграхауда в Семиречье, пришли из глубины Центральной Азии. Во II в. до н. э, около 160 г., часть усуней переселилась в Семиречье, подчинила сакские племена и основала владения во главе с предводителем, носившим титул "гуньмо" (кунь баг – князь над князьями).

Основная территория усуней располагалась в Илийской долине, а за-

падная граница проходила по Чу и Таласу, где усуни граничили с Канпоем. На востоке они имели общую границу с хунну, а на юге их владения соприкасались с Ферганой (Даванью).

Столица усуней Чигучен (Город Красной долины) находилась на берегу Иссык-Куля. Это был укрепленный город с предместьями.

Посол китайского императора Уди князь Чжанцянь, в 138 г. отправленный на запад, писал о том, что владения Усуней насчитывали 630000 чел. и могли выставить 188 000 воинов. Письменные источники сообщают также о 30-тысячной конице отборной дружины усуньских правителей и 10 тыс. подчинявшихся им лучниках[10].

Политическая история усуней, которая в источниках прослеживается до III в. н. э., повествует об их связях с Китаем, заключении дипломатических отношений, женитьбе усуньских гуньмо на китайских принцессах.

Этническая принадлежность усуней еще до конца не выяснена. Одни исследователи считают, что усуни принадлежали к восточно-иранским племенам, другие, что усуни были предками тюрок и говорили по-тюркски. Но как бы то ни было, название "уйсунь" носит одно из крупных казахских племен.

Археологические памятники. На территории Семиречья раскопаны десятки курганов усуней, исследованы их поселения. Могильники усуней располагались в предгорьях, горных долинах, на берегах рек. Как правило, они представляют собой цепочки курганов, вытянутых по течению рек.

Большинство курганов имеют диаметр 6–20 и высоту 0,5–1,5 м, состоят из земляных, каменных либо каменно-земляных насыпей. В усуньских могильниках встречаются и громадные по сравнению с общей массой курганы диаметром 50–80 и высотой 8–12 м. В могилах таких курганов, даже ограбленных, археологи находят большое число украшений из золота – бляшек от одежды, золотые серьги, бронзовые зеркала, деревянные шкатулки.

Ранняя группа могильников относится к III–II вв. до н. э. Это могильники Капчагай III, Утеген III, Кзыл-Эспе, Кзыл-Ауз III, Кзыл-Кайнар. Для них характерна строгая планировка "цепочками" с севера на юг по 5–6 курганов в каждой.

К следующему периоду (среднему), датируемому исследователями I в. до н. э. – I в. н. э. относятся могильники Утеген I, II, Тайгак I, Карлаак I, Алтын-Эмель, Каратума, Талгар, Актас. Установлено, что в это время усуньские могильники состояли из курганов, расположенных бессистемно и цепочками из трех курганов.

И, наконец, к третьему, позднему периоду, который датируется II–III вв., относятся могильники Капчагай II, Чулак-Джигида I, II, Гур-Кора II, Калкан IV.

Все курганы расположены бессистемно, "цепочек" нет. Могилы грунтовые с подбоем, без деревянных перекрытий.

Первое поселение усуней было обнаружено в Чуйской долине, вблизи села Луговое в предгорьях Киргизского Алатау. До раскопок это был

холм-тобе, скрывавший остатки жилищ с глинобитными стенами и обмазанными глиной полами. На полах находились открытые очаги, на которых готовилась пища. Большое количество обломков крупных глиняных сосудов, каменные зернотерки и мотыги свидетельствуют о том, что жители поселения занимались земледелием, сочетая его с придомным скотоводством.

В горных районах Тянь-Шаня поселения усуней встречены во многих горных ущельях. Одно из них Актас находится на берегу речки Курайлы, неподалеку от села Кегень. Здесь были открыты остатки пяти жилых и хозяйственных построек, стены которых сложены из камня. Рядом с поселком обнаружены древние поля, которые орошались выведенными из реки арыками.

Хозяйство усуней. Китайские источники характеризуют усуней как кочевников. В них пишется, что усуни "не занимаются ни земледелием, ни садоводством, а- со скотом перекочевывают с места на место, судя по приволью в еде и воде".

Действительно, скотоводство сыграло в жизни усуней определяющую роль. Природные условия в Семиречье позволяли кочевать в меридиональном направлении от зимовок, расположенных в Моюнкумах и Прибалхашье, к альпийским лугам, расположенным высоко в горах, где летом на горных травах скот жирел и набирал сил на зиму. Расстояние между зимовками и летовками было небольшое - от 30 до 100 км. Поэтому усуни могли долгое время оставаться на местах зимовок и летовок, а также в предгорьях на весенне-осенних пастбищах. Там они строили стационарные жилища, заводили рядом поля и огороды. Доказательством оседлости и занятия земледелием служат усуньские поселения с их стационарными жилищами, большим количеством тяжелой глиняной посуды, зернотерками, каменными мотыгами, остатками злаков.

По археологическому материалу прослежено, что роль земледелия увеличивалась от раннего периода истории усуней к позднему.

Таким образом, хозяйство усуней было комплексным – ското-водческо-земледельческим. Усуни разводили лошадей, овец, коз, коров, двугорбых верблюдов, ослов. В стаде преобладали овцы и лошади. Из источников известно, что богатые усуни содержали до 500 голов лошадей. Лошади были разных пород, в том числе и высокопородные скакуны. На золотых бляшках из усуньского кургана Теплик изображен всадник на крупном высоком жеребце.

Питались усуни мясной и молочной пищей, из зерна выпекали хлеб, на огородах и в садах выращивали овощи и фрукты.

Одежда знатных была из шелка и тонких шерстяных тканей, рядовые люди одевались в одежду из грубошерстяной ткани, кожи, овчин. Шелк завозили из Китая, меняя его на коней, или получая в качестве подарков и дани.

Посуду изготавливали в большом количестве, ее лепили из глины, видимо, женщины, а мужчины вырезали из березы столики-блюда, кубки, черпаки для кумыса.

Усуни разрабатывали месторождения меди, свинца, олова, золота, умели плавить железо, из которого изготавливали ножи, мечи, кинжалы,

наконечники стрел. Из цветного камня и благородных металлов делали бусы, серьги, украшения на одежду.

Усуньское общество не было однородным, в нем были богатые – племенная и родовая знать, дружинники, жрецы – и рядовая масса скотоводов и земледельцев. О развитии частной собственности у усуней свидетельствуют находки печатей из глины, камня, найденные при раскопках усуньских курганов. О том, что некоторые усуньские военачальники и крупные чиновники имели золотые и медные печати, говорят письменные источники. Частная собственность распространялась не только на скот, но и на землю. Источники свидетельствуют о развитой системе должностей у верхушки общества. Наряду со свободными общинниками в обществе усуней были рабы, в основном из военнопленных.

Социальные различия в усуньском обществе хорошо прослеживаются по археологическим материалам. Курганы усуней по размеру делятся на три группы: большие, диаметром до 80 и высотой до 15 м; средние, диаметром до 15 и высотой до 2 м и наиболее многочисленные маленькие курганы, диаметром до 10 и высотой до 1 м. В больших курганах при раскопках, если могила не разграблена, археологи находили большое число украшений из золота, оружие, много глиняной посуды. Так, в кургане Тенлик в захоронении были обнаружены золотые бляшки, нашитые на одежду, золотые серьги, железная булава, обтянутая золотом, бронзовое зеркало. В маленьких курганах в могиле стоят один-два глиняных сосуда, рядом со скелетом лежат железные ножи. Похороненные здесь люди когда-то носили бронзовые серьги, бусы. Таким образом, и письменные источники, и археологический материал свидетельствуют о том, что общество усуней достигло уровня государственности».

§ 5. Государство Кангюй

Впервые Канюй, в китайском произношении Канцзюй, упоминается в письменных источниках II в. до н. э. В 138 г. китайский император Уди отправил торговое посольство во главе с князем Чжан Цянем в страны Запада. Через 13 лет, претерпев много трудностей, Чжань Цянь вернулся. В составленной им записке впервые были охарактеризованы неведомые ранее в Китае государства. Среди них был назван Кангюй, в ставке правителя которого Чжан Цяну удалось побывать лично.

Согласно сведениям китайского посла, "Кангюй лежит почти в 200 ли от Давани (Ферганы) на северо-запад. Это кочевое владение в обыкновениях совершенно сходствует с юечжисцами; имеет до 90 тыс. войска и по малосилию своему признает над собой на юге власть юечжисцев, на востоке власть хунну. Яньцай лежит в 2000 ли от Кангюя на северо-запад. И это кочевое владение, в обыкновении совершенно сходствует с Канюем. Войско более 100000 лежит при большом озере, которое не имеет высоких берегов. Это есть северное море". В "Повествовании о Западном крае" в "Истории старшего дома Хань" о Канюе говорится подробнее. Так, сообщается о том, что "кангюйский владетель пребывание имеет в стране Люоени в городе Битянь. От Лоюени семь дней пути до летнего владетелева местопребывания. Народонаселение состоит из 120 000 семейств, 600000

душ; строевого войска 120000 человек". Из этих же источников известны эпизоды внешней политики Кангюя, когда он в 46–36 гг. до н. э. поддержал северных гуннов во главе с Чжичи, а затем выступил против них, объединившись с усунями и китайцами. В 85 г. Кангюй поддержал ферганцев, восставших против китайского наместника Кашгара Бань Чао. Сообщается также, что "Кангюй... горд и дерзок и никак не соглашается делать поклонение перед старшими. Чиновников, посылаемых к нему от наместников, сажает ниже усуньских послов. Князьям и старшинам подают кушание прежде, а потом уже посланным от наместника"[12].

Общей тенденцией политики Кангюя на протяжении всего периода его существования было стремление сохранить под своим контролем участок Шелкового пути от Ферганы до Приаралья, шедшего по Сырдарье. И это им удавалось. В пользу активного функционирования Шелкового пути по Сырдарье вверх на северо-запад на Кавказ и в Причерноморье, а также на юг в Иран, на Ближний Восток и в Индию свидетельствуют находки, сделанные при раскопках городищ и некрополей кангюйцев и жителей Яньцай-Аланья: китайские монеты и зеркала, коралловые бусы из Индии, бронзовые фибулы-застежки из Европы, резные камни-инталио из Ирана.

Сложным является вопрос об этническом характере населения Кангюя. До сих пор нет единого мнения о том, на каком языке говорили кангюйцы. По мнению А. М. Бернштама, кангюйцы были тюркоязычным народом. Другие исследователи полагают, что кангюйцы принадлежали к кругу североиранских скотоводческих племен, которые лишь в середине I тыс. н. э. под влиянием переселения на Сырдарью тюркских племен стали менять свой этнический облик и язык. Б. А. Литвинский считает, что кангюйцы были потомками праноязычных саков. Название КангЮй, по его мнению, можно истолковать как название одного из сакских племен – "люди в кожаных одеждах" (или доспехах)[13].

Археологические исследования последних лет позволяют представить внешний облик кангюйцев *по* рисункам их современников. Они дошли до нас в виде гравированных изображений на костяных пластинках, некогда нашивавшихся на кожаную основу. Пластины были обнаружены при первых раскопках кангюйских курганов рубежа первых веков вблизи городища Курган-Тепе в Самаркандской области. На одной из них изображена сцена сражения конных и спешенных витязей, на другой – конная охота. Все участники баталии и охоты принадлежат к единому этническому типу. У всех вытянутые^ заостренные к макушке головы с невысоким лбом. Волосы зачесаны вверх, у висков убраны назад за уши. Глаза ромбовидные, носы крупные, с небольшой горбинкой, энергичные подбородки. Портрет венчают свисающие до подбородка усы и бородка. На воинах на кафтаны надеты защитные доспехи из нашитых пластинчатых, полуовальных либо чешуйчатых пластин; на головах округлые шлемы, шеи покрыты бронированными воротниками; облегающие штаны, натянутые штрипками под ступнями.

Оружие представлено длинными копьями с ланцетовидными наконечниками; длинные двулезвийные мечи, ножны которых крепятся к поясу

двумя ремешками, сложносоставной лук, стрелы с трехгранными наконечниками; длинный трехмастный колчан с широким отделением для лука и двумя узкими – для стрел. Овальный щит обит пластинами. У одного из воинов имелся боевой топорик – клевец. Бронированные всадники сидят на незащищенных доспехами конях. Гривы коней подстрижены, между ушами – челка, собранная в пучок.

Археологические **памятники.** В районах, где когда-то господствовали кангюйцы, археологи выявили большую группу памятников и отнесли их к археологическим культурам (культурой считается совокупность определенных памятников, предметов, учреждений, идей, образов поведения и т. д.) – каунчинской и отрарско-каратауской. Первая была распространена в Ташкентском оазисе, вторая – в районах среднего течения Сырдарьи и предгорьях Каратау до Таласа.

Наиболее хорошо изученным памятником каунчинской культуры является поселение Актобе неподалеку от Чардары, расположенное на правом берегу Сырдарьи. Один из раскопов полностью вскрыл дворцовое здание, прямоугольное в плане, размером 28 х 18,5 м. Дворец состоял из пяти крестообразно расположенных помещений, входного комплекса и двух коридоров, огибающих постройку с запада и востока. В центре находился квадратный зал (3,6 х 3,6 м), который сообщался со всеми остальными помещениями арочными проходами. Он был когда-то перекрыт плоской кровлей.

Помещения, расположенные вокруг зала, перекрыты коробовы-ми сводами, а Одно из них - куполом, который является одним из ранних типов купольных перекрытий в Средней Азии и Казахстане. Важную роль в конструкции здания играла крыша, на которую можно было попасть по лестнице и через лок в своде. Стены, перекрытия, арочные проходы во дворце выполнены из прямоугольного и квадратного сырцового кирпича.

Поселения кангюев обычно окружены курганными могильниками, из них раскапывались Шаушукумский, Жаман-Тогай, Торебай-Тумсык. Захоронения совершались в катакомбах с дромосом, перпендикулярным их длинной оси. В могилах находились парные и единичные захоронения по одному, два и более сосудов, бусы, железные пряжки, сурьматши (приборы для краски бровей).

Одним из крупных центров концентрации памятников отрарско-каратауской культуры являлся Отрарский оазис. На левом берегу р. Арыси на сравнительно небольшой территории (около 100 кв. м) находятся остатки двух десятков бугров - тобе – различной величины: Пшук-Мардан, Костобе, Чаштобе, Сейтман-Тобе, Ахайтобе, Чольтобе и др.

Самый крупный носит название Кокмардан, по названию урочища, где сосредоточено основное число памятников. Развалины состоят из двух частей: основного бугра и всхолмлений рядом с ним. Основной бугор – центральная часть городища – находится на острове, образованном на месте слияния двух древних протоков Арыси. Площадь бугра чуть более двух гектаров, а наибольшая высота 15 м. Севернее, в полу-

городской некрополь, состоящий из нескольких
х курганов высотой до 2–2,5 и диаметром до 15 м.
ись одновременно на городище и курганном могильнике.
ило, однокомнатные (вторая комната была кладовой), заг-
ю, вернее в культурный слой, поэтому с улицы в них вели
пенек. Замечено, что двери у дома устраивались вблизи од-
в. Напротив входа, ближе к центру, находился прямоугольный
й очаг.

периметру комнаты у стен стояли невысокие суфы-лежанки. В
у стен, устраивались сосуды для воды и пищи, обычно это хумы,
опосные кувшины, горшки.

Рядом с очагом на полу лежали зернотерки и жернова. Целые или в обломках, они найдены почти в каждом доме. Иногда в домах сооружался специальный постав для жернова.

Хозяйство, **ремесло,** сельское хозяйство. Как обычно, основной материал, который находят археологи при раскопках древних городов и поселений, – керамика: сосуды для приготовления пищи - котлы, горшки с крышками, сковороды, очажные подставки; сосуды для переноски воды широкогорлые кувшины с одной или двумя ручками, кувшины с горизонтальной ручкой, двуручные горшки. Как уже отмечалось, продукты хранились в больших сосудах – хумах, которые вкапывали в землю. И, наконец, столовые, изящно сделанные кружки, кувшины, чаши.

Кангюйцы умели выплавлять железо, делать из него предметы обихода. Найдены круглые крицы – заготовки железа, из которых кузнецы выковывали серпы, ножи, наконечники стрел.

Из кости изготавливались накладки для сложносоставных луков, ручки ножей, булавки, застежки, различного рода амулеты. Интересны амулеты из фаланг волка, орла, собаки. Оригинальны выточенные из кости булавки с фигурными головками.

Ювелирные изделия и украшения делались из золота, бронзы. Найдена, например, бляшка из золотой фольги с вставкой из красного камня, оконтуренного ложной зернью. Бусы делали из граната, сердолика, бирюзы, разноцветного стекла.

Предметы вооружения представлены железными трехлопастными наконечниками стрел, сложными луками с костяными накладками, короткими железными мечами и однолезвийными кинжалами. Много пряжек из железа и бронзы, оставшихся от кожаных поясов. Среди украшений – каменные, металлические, стеклянные бусы, серьги и подвески со вставками из цветных камней, с гроздьями бронзовых или золотых шариков; гривны, сплетенные из проволочных дротов, шпильки.

На развитое земледелие указывают находки зерен злаковых, наличие зерновых ям, соломы в обмазке пола и в сырцовом кирпиче, множество зернотерок и хумов для хранения зерна. Обработка почвы производилась каменными мотыгами, находки которых обычны на поселениях. Использовались и костяные земледельческие орудия.

Ирригация в первые века н. э. имела ограниченные размеры. Как правило, она сводилась к использованию воды при помощи простейших приемов. Предварительное изучение ирригации в урочище Кокмардан показало, что для орошения использовались обвалованные старицы Арыси и дамбированные протоки, из которых выводились каналы, подводившие воду к полям и огородам.

Важной отраслью хозяйства являлось скотоводство. Большое количество костных останков домашних животных: лошадей, овец, коз, крупного рогатого скота на древнеземледельческих поселениях – достаточно наглядно свидетельствует о значимости скотоводства.

В жизни поселенцев большую роль играла охота. При раскопках найдены кости косули, тау-теке, архара, сайгака. Часто встречаются рога архара и марала, служившие для изготовления разнообразных изделий. Охотились на водоплавающую птицу - - уток, гусей, пеликанов. Было развито рыболовство, о чем свидетельствуют находки рыбных костей и чешуи. Рыбу били гарпунами, ловили различными рыболовными снастями.

Определенное значение в хозяйстве играл сбор плодов дикорастущих яблонь, груш, урюка, боярышника, фисташки.

Таким образом, на рубеже н. э. и в первой половине I тыс. н. э. на юге Казахстана существовало и развивалось крупное могущественное государственное объединение – Кангюй, которое играло важную роль в истории Востока. Население его занималось земледелием и скотоводством, ремеслами, торговлей. Кангюй был связан политическими, экономическими и культурными связями с Китаем, Парфией, Римом и Кушанской империей[14].

§ 6. Хунну

В истории широко известно имя гуннов. Название исчезнувшего народа ассоциируется с воинственностью, жестокостью и варварством. Гунны во главе с Атиллой делали опустошительные набеги на европейские страны, они положили начало великому переселению народов. Все это знакомые события европейской истории. Менее известны азиатские племена гуннов, обитавших в Центральной Азии, в том числе, на территории Казахстана в последние века до н. э. – первые века н. э. В исторической литературе они известны под именем хунну или сюнну[15].

В источниках сохранились сведения о взаимоотношениях хунну с канюями.

В 55 г. произошло разделение могущественного гуннского государства на две части – южную и северную. В северо-западной Монголии вблизи озера Кыргыз Нур властелин северных гуннов Чжичжи основал свою резиденцию. Отсюда он совершал походы на соседние племена усуней. Во враждебных отношениях с Чжичжи находился Китай, особенно после того, как тот приказал убить китайского чиновника и посла. Острое соперничество происходило между ним и главой южных гуннов. В этих условиях для Чжичжи оказалось своевременным предложение владетеля государства Кангюй, которое находилось на берегах Сырдарьи, о союзе и

совместной борьбе с государством Усунь. Он пригласил Чжичжи в свои восточные владения - в Таласскую долину и предоставил ему право командовать кангюйской кавалерией. Кроме того, отдал шаньюю в жены свою дочь, подарил несколько тысяч верблюдов, ослов, лошадей, Кангюйский владетель надеялся, что Чжичжи вскоре разобьет армию усуней, захватит их владения в долине Или и Чу. Однако Чжичжи не смог разгромить усуней. Назревал конфликт между ним и обманувшимися в своих надеждах кангюй-скими аристократами. Вскоре произошел разрыв. По словам летописцев, шаньюй отказался подчиниться обычаям кангюйцев, "в гневе убил дочь кангюйского князя, а также именитых людей и несколько сотен простого народа, или же бросал их в реку Далай (Талас)". За это Чжичжи был изгнан из ставки кангюйского владетеля и ушел в верховья Таласа, где стал строить себе город.

Усиление Чжичжи и его продолжающиеся набеги на усуней серьезно беспокоили Китайскую империю. Попытка нейтрализовать Чжичжи дипломатическим путем не увенчалась успехом, и китайцы стали готовиться к войне.

Вскоре китайское войско выступило в поход. Оно двигалось двумя путями. Три отряда шли южным путем через Кашгар, Фергану, перевалы Чанач на Чаткальском хребте и Карабура на Таласском; три отряда шли северным путем – из Восточного Туркестана, видимо, через перевал Бедель в Иссык-Кульскую котловину, где находилась ставка усуней Чигучен, затем в Чуйскую долину и к Таласу. Войска соединились у стен города Чжичжи.

Несмотря на героическое сопротивление гуннов, китайцы сожгли внешнюю деревянную стену, проломили земляной вал, ворвались в город, захватили цитадель. Чжичжи с приближенными был пленен вместе с многочисленной родней, сыновьями, женами и именитыми князьями в количестве 1518 чел. Все они были обезглавлены[16].

Вторая волна переселения хунну началась в 93 г. н. э. Они двинулись на запад, покоряя одни племена, увлекая за собой другие, проникли на Сырдарью, в Приаралье, Центральный и Западный Казахстан. В IV в. н. э. они появились в Европе.

По мнению большинства исследователей, хунну были протюр-ками и с их проникновением в Казахстан связано начало тюркиза-ции восточноиранских племен кангюев. С первой половины I тыс. н. э. меняется антропологический тип племен Семиречья и Южного Казахстана, появляются монголоидные черты.

Хозяйство хунну. Главную роль в жизни хунну играло скотоводство, особенно коневодство. Без лошадей кочевое скотоводство было невозможным, в военных походах кони не только несли на себе всадников, но и снабжали пищей. Лошади в массе своей были небольшого роста, коренастые, грубого мускулистого сложения, с короткой широкой мордой. Они были выносливы, легко взбирались на горные кручи и преодолевали водные преграды. "В восхождении на склоны гор и спуске с них при входе в горные реки и выходе из них лошади Серединного царства уступают сюннус-ким", – писал китайский сановник Чао Ко.

Овца была также универсальным животным.

Система хозяйства хунну может быть названа первобытным, или экстенсивным скотоводством. У них существовала оседлость и земледелие. В источниках сообщается, что "в северных землях стужа рано наступает, и хотя неудобно сеять просо, но в земле гуннов сеяли".

Охота также играла в жизни гуннов большую роль. Об этом источники сообщают: "Мальчики могут ездить верхом на овцах, натягивать лук и стрелять птиц и мышей; немного подросши, они стреляют лисиц и зайцев, которых употребляют в пищу... По существующим среди них обычаям, в спокойное время следуют за скотом и попутно охотятся на птиц и зверей, поддерживая таким образом существование".

Ремесла и торговля. О развитии ремесел у хунну известно по находкам изделий из металла, кости и рога, камня, глины и дерева. Наличие в погребениях керамики, кувшинов, горшков, кружек, изготовленных вручную и на гончарном круге, свидетельствует о довольно высоком уровне развития гончарного искусства. Наряду с предметами местного производства при раскопках погребений хунну встречаются вещи иноземного происхождения. Часть их попадала сюда в результате торговли: шелковые ткани, китайские предметы роскоши из дерева, лака, зеркала, поделки из нефрита.

Общество хунну. В хуннском обществе были сильны черты патриархально-родовых отношений. По сведениям источников, хунну делились на 24 рода, во главе которых стояли начальники поколений (старейшины). Имелись совет старейшин и народное собрание. Источники сообщают, что "у хунну было обыкновение три раза в году собираться в Лунци, где в первой, пятой и девятой луне, в день, под названием "сюй" приносили жертву духу неба... на сих собраниях начальники поколений рассуждали о государственных делах, забавлялись конской скачкой и бегом верблюдов". Однако в недрах родового строя уже зрели черты новых общественных отношений. В основе этого процесса лежало развитие производства и производственных отношений. Одной из причин явилось развитие обмена и торговли. Изделия из золота, дорогие иноземные товары, найденные при раскопках, свидетельствуют о возросших потребностях верхушки общества.

Источники сообщают о существовании среди хунну частно-семейной и личной собственности на скот. Помимо личной собственности на скот в источниках имеется указание на личную собственность на землю. "Каждый тоже, -- говорится в источниках, – имеет выделенный участок земли", которые, как полагают некоторые исследователи, несомненно, относятся к индивидуальным хозяйствам[17].

У хунну имелись рабы, которые формировались из числа военнопленных и населения подвластных областей. Они использовались в качестве домашней прислуги, в качестве пастухов, ремесленников и землепашцев.

Письменные источники сообщают также о форме власти и в хунне-

государство. Во главе страны стоял шаньюй, который был неограниченным властелином, за ним шли князья, носившие общее название темников. По свидетельствам письменных источников, они являлись сыновьями, братьями или близкими родственниками шаньюя. Всего темников было 24, и каждый из них имел свой участок земли для кочевий. В источниках есть упоминание о налогах, как средстве эксплуатации низов.

Появление у хунну частной собственности на скот и землю, сложение примитивного бюрократического аппарата, введение налогов как формы эксплуатации, распространение письменности, знаменовали собой их переход к новому этапу – классовому обществу и государству.

§ 7. Сарматы

Этноним "Сарматы" употребляется в античных источниках с III в. до н. э. В это время начинается систематическое завоевание Скифии сарматами. По словам Диодора, сарматы "опустошили" значительную часть Скифии, поголовно истребляя побежденных, обратили большую часть страны в пустыню. Роксоланы – одно из сарматских племен – уже в I в. н. э. достигли границ Мидии и столкнулись с Римом. Вслед за ними шли аланы.

Сарматы принимали активное участие в политической жизни населения на занятых ими землях. Так, в конце II в. до н. э. роксоланы выступают на стороне скифов в войне с Диафантом, полководцем понтийского царя Митридата. В I в. до н. э. сарматы были на стороне Митридата в его борьбе с Римом. В 49 г. до н. э. римляне вместе с аорсами (сарматское племя) побеждают сираков (другое сарматское племя), союзников боспорского царя[18]. Аланы, выступившие в поход позже других племен, дошли до Северного Причерноморья. Позднее вместе с гуннами, дошли до Испании. Грозные союзы племен возглавляемые родственными племенами, которые назывались общим именем сарматы были связаны по происхождению с кочевниками Южного Приаралья. Нет никакого сомнения в их этнической связи с савроматами.

Археологические памятники. К началу IV в. н. э. савроматы занимали территорию от Дона до Эмбы. В указанное время сложились два локальные варианта культуры: Западный – Болгаро-Донской и Восточный – Уральский.

Племена савроматов (Прохоровская культура) хоронили своих покойников только под курганными насыпями, как правило земляными, очень редко обложенными камнями. Для ранних сарматов характерна глиняная и утрамбованная, иногда обожженная площадка, расположенная над или вокруг могилы, а также обложенные деревом, плахами и корой могильные ямы. Для Прохоров-ской культуры характерно вытянутое на спине положение погребенного, головой на юг.

Помимо перенятых у савроматов савана и коры встречаются конструкции гробов в виде долбленных колод.

Во второй период (Сусловская культура) с конца II в. до н. э. начала I в.

н. э. типы погребальных сооружений остаются прежними, но резко уменьшается число подбойных могил, исчезают катакомбы. Сохраняются могильные ямы с заплечиками или уступами.

К культовым предметам относятся уникальные находки антропоморфных статуй, сделанных из известняка и. помещенных на курганах. Известен культовый комплекс Байте на Устюрте, насчитывающий три группы и представленный курганами и обломками скульптур. Изваяния изготавливались из известняка. Подавляющее большинство относится к числу плоских скульптур, где гравировкой достаточно точно передана натура. Изваяния воспроизводят стоящую мужскую фигуру, правая рука раскрыта, ладонью прижата к животу. Лица выразительны, рельефом изображены брови, нос, глаза, тонкие усы, углублением рот. Скульптуры имеют мечи, кинжалы, луки, на головах шлемы, пояса, на них "надеты" украшения, гривны, браслеты.

Поздние сарматы расселялись в полосе от зауральских степей практически до р. Буга, охватывая регионы Приуралья, Поволжья, Придонья. Хронологически – это период II–IV вв. н. э. Поздние сарматы сохранили и продолжили многие традиции. Основная масса умерших захоронена в узких могильных ямах с подбоем. Среди новых черт культуры отмечены деформированные черепа. Встречаются сложные с костными накладками лук и украшения из золота и инкрустацией драгоценными камнями.

Хозяйство сарматов. В условиях степных пространств главным и определяющим укладом населения было кочевое скотоводство. Сарматы разводили преимущественно лошадей и овец. В засушливых условиях степей лимитирующим фактором в использовании пастбищ явилась питьевая вода. Не случайно, значительная часть археологических памятников расположена вдоль крупных водных артерий, в местах выхода подземных вод, либо вблизи пресных степных речек и озер.

В зимних условиях резко континентального климата скотоводы откочевывали в районы с расчленным рельефом, где могли найти естественные укрытия для животных. Таковыми в Западном Казахстане являются южные и восточные песчаные массивы с бессточными речками, отроги общего Сырта и -долины крупных рек. Кочевники выбирали места с расчетом на древесно-кустарниковую растительность. Именно в раннем железном веке в подавляющем большинстве районов края были сведены на нет большие лесные массивы.

Весной кочевники покидали зимние пастбища, что давало возможность восстановления кормовых угодий и обеспечивало новую зимовку. В целом сарматы лишь выборочно использовали лучшие кормовые участки, после их стравливания они откочевывали на новые пастбища. В результате, обширные равнинные пространства, расположенные вдали от водоемов, использовались случайно, главным образом при перегоне скота[19].

Таким образом, племена саков, усуней, хунну, сарматов достигли высокого уровня в создании своеобразной кочевой цивилизации, характеризующейся государственным уровнем общественного устройства, своеобразной материальной культурой и искусством. В это время на территории Казахстана появляется население, говорящее на прототюркских языках.

1. Здесь и далее цит. по: Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе (Пер. О. И. Тальнева) // Вестник древней истории. М., 1947. № 1-4; 1948. № 1-4; 1949. № 1-4.

2. *Марсулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древние культуры Центрального Казахстана. Алма-Ата. 1966.

3. *Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж.* и др. Работа в Актюбинской области. Археологические открытия 1974 г. М., 1975. С. 490-491.

4. *Черников С. С.* Загадка Золотого кургана. М., 1965.

5. *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н. э. М., 1973.

6. *Кузьмина Е. Е.* В стране Каоада и Афрасиба. М., 1977.

7. *Акишев К. А.* Курган Иссык. М., 1978.

8. *Акишев А. К.* Искусство и мифология саков. Алма-Ата. 1983; *Кузьмина Е. Е.* В стране Кавада и Афрасиба. М., 1977.

9. *Акишев А. К.* Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1983.

10. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950. Т. 2. С. 189-198. 203-204, 208-209.

11. *Акишев К. А. Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963; *Акишев К. А.* Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней (V в. до н. э.): Автореф. Дис. ... докт. ист. наук. М., 1986.

12. *Кюнер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 105.

13. *Латайский Б. А.* Кангюйско-сарматский фляр. Душанбе, 1968. С. 14-23.

14. *Байпаков К. М., Подушкин А. М.* Археологические памятники древнеземледельчес-кой культуры Казахстана. Алма-Ата, 1988. *Максимова А. Г., Мерцнее Д/1 С^Вайноер.Б.И., Левина Л. М.* Древности Чардары. Алма-Ата, 1969; *Левина Л. М.* Керамика нижней и средней СыГрдарьи. М., 1971.

15. *Миняев С. С.* Сюнну // Исчезнувшие народы. М., 1988. С. 113-125.

16. См.: История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Алма-Ата. 1977. Т. 1. С. 291-292.

17. История Казахской ССР... Т. I. С. 285-287.

18. *Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984; *Бичурин Н. З.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М. - Л., 1950. С. 147-150.

19. История Казахской ССР... Т. I. С. 250-255.

РАЗДЕЛ II. КАЗАХСТАН В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Глава 1. ГОСУДАРСТВА РАННЕГО И РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (VI– нач. XIII вв.)

§ 1. Тюркский и Тюргенский каганаты

(552–756 гг.)

Эпоха великого переселения народов (II–V вв.) в значительной мере изменила этническую и политическую карту Казахстана, Средней Азии и Восточной Европы. В V в. многочисленные группировки союза тюркоязычных племен теле (тирек) расселились в степной полосе от Северной Монголии до Восточной Европы, на юге их кочевья достигали верховьев Амударьи.

В VI в. земли Казахстана подпали под власть могущественной державы – Тюркского каганата, правители которого вышли из династийного рода ашина, племени тюрк. Формирование собственно-тюркского этноса в период, предшествующий образованию каганата, проходило поэтапно с III по сер. VI в. в районах Ганьсу, Восточного Туркестана и Алтая.

Первое упоминание этнонима "тюрк" встречается в китайских летописях и относится к 542 г. Китайцы считали тюрков потомками сюнну (хунну). В 546 г., благодаря присоединению на Алтае разгромленного большого войска племени теле в количестве 50 тыс. кибиток, тюрки заметно усилились. Весной 552 г. предводитель тюрков Бумын выступил против своих сюзеренов аваров (жуань-жуаней) и нанес им сокрушительное поражение. На развалинах этого государства они создали Тюркский каганат. Родоначальником этого этно-социального объединения явился Бумын-каган (ум. в 553 г.) В годы правления его преемника Мукан-кагана (553–572) Тюркский каганат достиг политического господства в Центральной Азии. Были покорены кидани в Маньчжурии, кыргы-зы на Енисее, их данником стало северокитайское государство.

Стремясь овладеть богатствами оседлых племен, тюрки двинулись в Среднюю Азию. Здесь они встретились с эфталитами, владения которых простирались от Каспийского моря до Северной Индии и Восточного Туркестана. В 561–563 гг. тюрки заключили с Ираном антиэфталитский союз. В 564 г. шах Ирана Хосров Ануширван (531–579 гг.) отнял у эфталитов важную стратегичес-. кую область Тохаристан. Основные силы эфталитов были разбиты тюрками в 587 г. под Бухарой. Границей сфер поли-

тического влияния Ирана и Западнотюркского каганата была Амударья.

После завоевания Средней Азии тюрки стали хозяевами торгового Шелкового пути в страны Средиземноморья.

Тюрки и находившиеся под их властью согдийцы были заинтересованы в прямых торговых связях с Византией. Иран этому препятствовал. В 568 г. согдийский купец Маннах возглавил посольство тюркского кагана в Константинополь, где было заключено торговое соглашение и военный договор против Ирана. Персы всячески препятствовали установлению союза империи и каганата. Иран обязался выплачивать тюркам дань в размере 40 тыс. золотых ежегодно и не препятствовать торговле. Тюркские войска были отведены за Амударью. Такой исход отразился на византийско-тюркском союзе. В 571 г. Истеми овладел Северным Кавказом и вышел к Боспору (Керченскому проливу). Его сын Турксанф захватил Керчь и вторгся в Крым (576 г.), но вскоре покинул полуостров. Междоусобная война и социальные противоречия ослабили каганат. Окрепший Иран в 588 г. нанес под Гератом поражение тюркам. Византия к 590 г. вновь овладела Боспором.

Период усобиц (582–593 гг.) в Тюркском каганате завершился в 603 г. выделением Западнотюркского каганата, занявшим территорию от оазисов Восточного Туркестана до Амударьи, Поволжья и вплоть до северокавказских степей.

Западнотюркский **каганат** (603–704 гг.). Этнополитическим ядром каганата стали "десять племен" (он ок будун), занимавшие древние усунские земли от гор Каратау до Джунгарии. К востоку от реки Чу выделились пять племен дулу, а к западу от нее – пять племен нушиби. Столицей стал город Суяб (около города Токмак в Киргизии), а летней резиденцией Минг-Булаг (близ города Туркестана). Вершины своего могущества каганат достиг во время правления Джегуй-кагана (610 -618 гг.) и его младшего брата Ток-джабгу-кагана (618–630 гг.). Новые походы в Тохаристан и Афганистан раздвинули границы государства до северо-западной Индии.

Каганат представлял единую систему преимущественно кочевого и полукочевого способа ведения кочевого хозяйства и оседло-земледельческого типа хозяйствования. Город и степь были взаимонуждающимися и взаимодополняющимися частями совокупного социально-политического организма в составе каганата. Население и тюркское и согдийское занималось торговлей, ремеслами, земледелием и скотоводством.

Первым лицом в каганате был каган – верховный владыка, правитель, военачальник, возможно, и собственник всех земель.

Высшие титулы в каганате – ябгу, шад и эльтебер – принадлежали к каганскому роду. Судебные функции выполняли буюруки, тарханы. Основное население каганата состояло из свободных мелких общинников-скотоводов (карабудун). Племена в социальном плане делились на аристократические и вассальные. Подчинение всегда сопровождалось установлением даннических отношений. Одной из целей набегов тюрков на соседние племена и народы был захват рабов.

На завоеванных землях в основном сохранилось их социальное, экономическое и государственное устройство, но наместники кагана тудуны, контролировали сбор податей и посылку дани в каганскую ставку. В Западнотюркском каганате шел процесс образования классов и сравнительно быстрого формирования раннефеодальных общественных отношений.

Военно-политические ресурсы центральной власти Западно-тюркского каганата оказались недостаточны для удержания народов и племен в повиновении. В каганате происходили непрерывные междоусобицы, частые смены правителей, сопровождавшиеся неизбежным усилением центробежных сил. Шестнадцатилетняя межплеменная война и династийная междоусобица (640–657) привели к вторжению в Семиречье войск Танской империи. Танские губернаторы пытались управлять западнотюркскими племенами, опираясь на своих ставленников из каганского рода. Однако не прекращавшаяся борьба тюрков против танской экспансии и их ставленников привела к возвышению тюргешей и установлению в 704 г. политической гегемонии в Семиречье.

Тюргешский каганат (704–756 гг.). Ко времени начала арабских завоеваний Казахстан и большая часть Средней Азии находились под властью Западнотюркского каганата. Первостепенное место в борьбе против арабов занимали пришедшие к власти в Жетысу тюргеши, родоначальником династии которых был Уч-элик-каган (699–706). Он изгнал из Жетысу (Семиречья) Бори-шада и установил свою власть на землях от Ташкента до Турфана и Бешбалыка. Главную ставку он учредил в городе Суябе на реке Чу. Вторая ставка находилась в городе Кунгуте на р. Или. Уч-элик разделил страну на 20 тутуксов (уделов), по семь тысяч воинов в каждом.

В 705 г. арабы от тактики набегов перешли к захвату областей к востоку от Амударьи – Мавераннахра. Наместник Хорасана Кутейба ибн Муслим, захватив Балх, в 706 г. двинулся на Пайкенд (близ Бухары). Тюргеши пришли на помощь согдийцам. Объединенные силы тюрок и согдийцев нанесли серьезное поражение арабским войскам. Лишь обманным путем Кутейбе ибн Муслиму удалось столкнуть союзников между собой и вырваться из окружения. В 709 г. Кутейба снова отправился в Мавераннахр и достиг окрестностей Бухары. Тюрко-согдийская коалиция нанесла ощутимые удары арабскому войску. Снова, используя тактику обмана, Кутейба вынудил согдийского царя Тархуна отказаться от помощи тюрок, в результате чего арабские войска сумели занять Бухару.

В Тюргешском каганате преемником Уч-элика стал его сын Сакал-каган (706–711 гг.) Внутри государства тюргешей не было единства. Внешнеполитическое положение государства было сложным. Совместно с согдийцами на западе они вели упорную борьбу с арабами, на юге представляли большую опасность войска династии Тан, с востока угрожали центральноазиатские тюрки. Восточно-тюркский каган Капаган в битве при Болучу (в Джунгарии) в 711 г. разбил тюргешей. Восточнотюркские войска, двигаясь на запад, переправились через Сырдарью. В это время про-

[illegible]ского наместника восстали самаркандцы и каган центральноазиатских тюрков. Но подоспевший Кутейба спас арабский гарнизон от полного разгрома. В 712–713 гг. против арабов выступили объединенные силы тюрков, согдийцев, шашцев и ферганцев. В ответ Кутейба собрал большое войско и направил отряд в Фергану и Шаш. Большая часть поселений Шаша была сожжена. Понимая, какую угрозу арабскому владычеству в Мавераннахре представляет союз тюргешей со среднеазиатскими народами, он совершает в 714 г. поход на Исфиджаб.

Тюргешский каганат в течение нескольких лет находился в политической дестабилизации, но с восшествием на престол Сулук-кагана (715–738 гг.), окреп. Военно-административная власть перешла к племенам "черных" тюргешей, чья орда (ставка) была перенесена в Талас (Тараз).

Искусному дипломату и блистательному полководцу' Сулуку пришлось вести борьбу на два фронта: на западе серьезную угрозу представляли арабы, на востоке Танский двор поддерживал претендентов из династии западнотюркских каганов, обосновавшихся в Восточном Туркестане. Дипломатическими (брачными связями) и военными мерами Сулук предотвратил опасность с востока, что позволило тюргешам активизировать свои действия на западе. В 723 г. тюргеши совместно с карлуками Ферганы и жителями Шаша нанесли крупное поражение арабам. Каган тюргешей Сулук действовал против арабов смело и решительно, за что получил у арабов прозвище Абу Музахим (Бодливый). Лишь в конце 732 г. арабский наместник разбил тюргешей и вошел в Бухару. В 737 г. Сулук предпринял поход против арабов и дошел до Тохаристана, но вслед за тем потерпел поражение. По возвращении в Суяб он был убит одним из своих полководцев, Бага-Тархан ом.

Гибель Сулука положила начало длительной борьбе за власть между "желтыми" и "черными" тюргешами.

В 746 г. в Жетысу с Алтая и Тарбагатая переселились карлуки. В междоусобной борьбе, а также в жестокой длительной схватке с арабами тюргешские каганы потеряли свое былое могущество, вследствие чего не могли оказать достойного сопротивления карлукам. Создавшейся обстановкой воспользовалась, проводившая активную политику в этом регионе Китайская империя. Ее наместники в Восточном Туркестане в 748 г. двинули свои войска на г. Суяб, захватили и разрушили его, был казнен владетель Шаша. Его сын обратился за помощью к арабам. В 751 г. у города Атлаха около Тараза, развернулось грандиозное сражение между аббасидским военачальником Зиядом ибн Салихом и китайским полководцем Гао Сяньчжи. Битва продолжалась пять дней. В решительный момент в тылу китайцев восстали карлуки и перешли на сторону арабов. Китайское войско было наголову разбито. Битва у Атлаха имела большое историческое значение в судьбах народов Жетысу и Мавераннахра. Танские войска оставили не только пределы Жетысу, но и Восточный Туркестан под давлением уйгуров и тибетцев. Арабы тоже не смогли удержаться в Таласской долине и отступили в Шаш. Но междоусобицы окончательно подорвали

Тюргешское государство и оно пало в 756 г. под натиском тюркоязычных племен карлуков.

Тюргешский каганат продолжил государственно-административные, военные и социально-культурные традиции Западнотюрк-ского каганата и в сущности составлял последний период в его истории. На руинах Западнотюркского каганата кочевые и полукочевые тюркские племена образовали четыре могущественных государства. Помимо Хазарского каганата в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе, на территории Казахстана возникли три этносоциальных объединения: в среднем и нижнем течении Сырдарьи и Приаральских степях разместилась Огузская держава, в регионе Северного, Восточного и Центрального Казахстана с центром на среднем Иртыше возник Кимекский каганат, а наследниками исконных земель Западнотюркского каганата – Жетысу (Семиречья) стали карлуки.

§ 2. Карлукское государство (756–940 гг.)

Первые сведения о карлуках известных под именем булак относятся к V в. Название "уч карлук" (три племени карлуков) древнетюркские рунические памятники распространяли на сильный союз кочевых племен, занимавших территорию между Алтаем и Восточным побережьем озера Балхаш. В середине VII в. в состав карлукского объединения входили три крупных племени - булак, чигиль (себек) и ташлык. Вожди карлукских племен носили титул эльтебер.

В 742 г. политическая гегемония в степях Монголии перешла к союзу трех племен -- карлуков, уйгуров и басмылов, сокрушивших власть восточных тюрков. На короткое время возвысились басмылы - - их вождь стал каганом. Глава карлуков и предводитель уйгуров получили звание ябгу. Однако в 744 г. басмылы были разгромлены объединенными силами уйгуров и карлуков. В Центральной Азии возникло новое государство – уйгурский каганат (744–840). Глава уйгурских племен стал верховным каганом, а вождь карлуков получил титул правого (западного) ябгу. Стремление к самостоятельности привело карлуков к тому, что они откололись от Уйгурского каганата.

В середине VIII в. развернулась борьба за тюргешское наследство между карлуками и огузами, чьи значительные группировки расселялись в области Иссык-Куля и Таласа. В результате этого противоборства основная часть огузов покинула пределы Жетысу и ушла к Сырдарье.

В 766 г. в руки карлукского джабгу перешло все Жетысу с двумя ставками тюргешских каганов – Таразом и Суябом. Под эгидой карлуков образовалось раннефеодальное государство. Карлуки продолжали расширять границы. В 766–775 гг. одна ветвь карлуков захватила Кашгарию, а в конце VIII в. другая их группировка распространила свое влияние на Фергану.

На территорий Жетысу сформировалось политическое объединение карлукских племен. Согласно арабским и персидским источникам, карлукское объединение в IX–X вв. состояло из многочис

ных родоплеменных групп. Так, арабский географ ал-Марвази (XII в.) [illegible] в составе карлуков девять племен. В карлукскую конфедерацию вошли кочевые и полукочевые тюркоязычные племена Жетысу и Южного Казахстана: тухси, чигили, азкиши, тюркеши, халаджи, чаруки, [illegible]. Население, подвластное карлукам, не было этнически однородным, оно включало ираноязычных согдийцев, мигрантов из стран Ближнего Востока и Центральной Азии.

В VIII—X вв. в карлукском государстве шел интенсивный процесс тюркизации оседло-земледельческих жителей.

В VIII—X вв. карлукские племена расселились на обширной территории Казахстана — от Джунгарского Алатау до среднего течения Сырдарьи, обитали между озерами Балхаш и Иссык-Куль, в долинах р. Или, Чу, Талас, в отрогах Тянь-Шаня, в Исфиджабс-кой области вплоть до средневекового города Отрара. По данным арабского географа Ибн Хаукаля (X в.), «требовалось 30 дней пути, чтобы пройти земли карлуков с запада на восток».

Соперничество на востоке в конце VIII — начале IX в. карлуков с уйгурами закончилось поражением карлуков и признанием верховной власти уйгурского кагана в Монголии. На западе карлуки повели борьбу с арабскими завоевателями Мавераннахра; активно поддерживали различные антиарабские выступления в начале IX в. В 810 г. арабы предприняли наступление на карлуков и дошли до г. Кулана (ныне ст. Луговая). В 812 г. они организовали поход на Отрар, где разбили войска карлуков, вынудив их джабгу бежать в страну кимеков. С 20 гг. IX в. в Мавераннахре стала править местная династия Саманидов, находившаяся в номинальной зависимости от арабского халифа в Багдаде.

В 840 г. в центральноазиатских степях произошло важное событие: енисейские киргизы положили конец Уйгурскому каганату, вынудив уйгуров переселиться в Турфанский оазис и в район Ганьчжоу. Создавшейся ситуацией воспользовался карлукский джабгу Бильгé Кюль Кадыр-хан, правитель Исфиджаба, который открыто заявил о своих правах на верховную власть, приняв новый титул кагана. В том же году карлукскому кагану пришлось вести войну против Саманидов. Наместник Самарканда, объявив священную войну неверным тюркам, захватил Исфиджаб. В 893 г. саманид Исмаил ибн Ахмед предпринял поход на Тараз. Карлукский каган Огулчак Кадыр-хан выдержал длительную осаду, однако город пал, а население приняло ислам. Огулчак перенес свою ставку из Тараза в Кашгар и продолжал военные действия против Саманидов. Вместе с тем тюрки Семиречья не только сдерживали натиск Саманидов, но и сами предпринимали походы на их государство. В 904 г. Мавераннахр подвергся вторжению большого тюркского войска, но вскоре оно было вытеснено.

Арабское господство коснулось лишь части территории Южного Казахстана, входившей в пределы Карлукского каганата. Города Фараб, Исфиджаб, Тараз, несмотря на все перипетии политической борьбы, оставались, как отмечают раннесредневековые арабские источники, наиболее неспокойными для арабов владениями. Арабское завоевание наложило печать на социально-экономическую, политическую и культур-

ную жизнь подвластных халифату территорий, на этнические и языковые процессы в ней.

Государственное устройство карлуков характеризовалось наличием развитых форм удельно-племенной системы, что не способствовало централизованной форме правления. Власть карлукских джабгу была номинальной. Удельные правители, стоявшие во главе крупных племен, стремились упрочить свои полусамостоятельные и фактически независимые владения. Племенная знать была наделена привилегиями, которые имели наследственный характер. Военно-административная система управления в карлук-ском государстве отражала специфику их кочевого и полукочевого быта.

Карлукское общество пронизывало социальное и сословное неравенство. Наряду с богатыми были бедные, самую бесправную группу составляли рабы. Однако основную массу населения составляли рядовые общинники, которые нередко подпадали во внеэкономическую зависимость от имущих скотоводов-покровителей. Рельефно выражалась не только строгая иерархическая система господствующей аристократической верхушки, но и разделялись по своей социальной значимости роды и племена карлукской конфедерации.

Правящая знать кочевых племен владела не только пастбищами, угодьями, но и городскими центрами. Согласно «Худуд аль-алам», в стране карлуков насчитывалось 25 городов и поселений, среди них: Тараз, Кулан, Мерки, Атлалиг, Тузун, Балиг, Барсхан, Сикуль, Талгар, Тонг, Пенчуль и др. Столица карлуков и многие их города находились на Великом шелковом пути, который имел большое значение для жителей юга Казахстана и Жетысу, не только как дипломатический и торговый тракт, но и как путь культурных и духовных связей.

Карлукский каганат однако не обладал прочными экономическими связями. Его раздирали усобицы, борьба за власть, за пастбища. В этих условиях реальная угроза Карлукскому каганату пришла со стороны Кашгара. В 940 г. ими был взят Баласагун, и государство карлуков пало.

§ 3. Огузское государство (IX — нач. XI вв.)

В результате борьбы в середине VIII в. за тюргешское наследие с карлуками значительная часть огузов покинула Жетысу (Семиречье) и ушла в предгорья и долину Чу. Здесь находилась их резиденция, называемая «Старая Гузия». В начале IX в. вожди огузов в союзе с карлуками и кимеками разгромили кангаро-печенежское объединение и захватили низовья Сырдарьи и степи Приаралья. В конце IX в. в союзе с хазарами они нанесли поражение печенегам и овладели междуречьем Урала и Волги.

Длительная борьба с печенегами способствовала политической консолидации и оформлению в IX—X вв. огузского союза племен. В состав огузов вошел как древний (в основном тюркизирован-ный) этнический компонент долины Сырдарьи и арало-каспийских степей, индоевропейского и финно-угорского происхождения, так и полукочевые и кочевые

[illegible] и племена Жетысу и Сибири: халаджи, джагра, чаруки, карлуки, [illegible] олондуры, кай. Формирование огузской этнической общности [illegible] ожным и длительным. Первоначально ядро огузской группиро- [illegible] формировалось в Жетысу, однако в процессе своего движения на за- [illegible] значительно пополнилось за счет кочевого и полуоседлого насе- [illegible] территории Южного и Западного Казахстана.

Огузы делились на ряд племен со множеством родовых подраз- [illegible]. Согласно Махмуду Кашгари (XI в.), первоначально они состо- [illegible] 24 племен и делились на две фратрии: бузуков и учуков. Бузуки [illegible] пользовались большими привилегиями. В каждую из этих групп входи- [illegible] племен, делившихся, в свою очередь, на две равные части. Тесные контакты огузов с соседними тюркоя-зычными племенами и народно- [illegible] — карлуками, печенегами, башкирами, кимеками, кыпчаками — способствовали все большему их сближению.

В конце IX—начале XI вв. огузские племена обитали на обширной территории от среднего течения Сырдарьи до низовьев Волги. Кочевья огузов были разбросаны по Иргизу, Уралу, Эмбе, Уилу, в предгорьях Сырдарьинских Каратау, до пределов Исфиджа-ба. Наиболее компактно они жили в среднем и нижнем течениях Сырдарьи, в Приаралье и Восточном Прикаспии. Границы огузских становищ и крепостей достигали Южного Урала и Нижнего Поволжья. Огузы граничили с оседлыми земледельческими областями, Хорезмом, Мавераннахром и Хорасаном. В X в. степи, тянувшиеся на запад до Хазарии, а также степи Северного Прикаспия, Центральные, Заунгузские, юго-восточные Каракумы и Приаральские Кзылкумы назывались Огузской степью.

Первые упоминания о государстве огузов появляются в арабоя-зычных историко-географических сочинениях IX — нач. X вв. Одно из наиболее ранних известий о существовании у огузов своего государства содержится в сочинении аль-Якуби (IX в.). Свидетельство арабского географа интересно не только упоминанием огузов, но и указанием на их войны с соседними тюркскими племенами: карлуками, тогузогузами, кимеками. Интересные сведения о племенах огузов IX—X вв. содержатся в географическом труде Ибн-аль-факиха (X в.), где сообщается, что огузы наряду с кимеками и тогузогузами являются «царями» (малик) и больше других почитаются у тюрок.

В X в. столицей огузского государства стал город Янгикент, лежавший на стыке важных караванных путей, ведших в Среднюю Азию, Восточную Европу и Центральную Азию. Главой огузского государства был верховный правитель, носивший титул «джабгу». Огузские джабгу имели заместителей — кюль-эркинов. Власть верховных правителей передавалась по наследству. Выборы огузских ханов проводились на советах, которые являлись трансформированным пережитком народных собраний эпохи военной демократии. Важную роль в державе джабгу играл главный предводитель огузского войска, носивший титул «сюбаши».

В огузском государстве IX—X вв. шел процесс разложения старых родоплеменных институтов, развивались патриархально-феодальные

отношения. В конце X—нач. XI вв. в державе сырдарь-инских джабгу функционировала система регулярных налоговых сборов, что указывало на складывание в нем стационарного аппарата управления.

В огузском обществе развивалась частная собственность, шел интенсивный процесс выделения богатой знати. Основой имущественного неравенства являлась частная собственность на скот. Наряду с богатой аристократией были массы рядовых общинников, бедняков, рабов. Главным хозяйственным занятием огузов было экстенсивное скотоводство.

Наряду с кочевниками имелись компактные группы полуоседлого, и -оседлого населения. Средневековые авторы X—XI вв. в качестве городов и оседлых поселений отмечают Дженд, Сауран, Карнак, Сюткент, Фараб, Сыгнак и др. Кочевники, лишенные скотагпереходили на оседлый образ жизни. Основным их занятием становилось земледелие и ремесло. Огузская кочевая степь имела тесные тюнтакты с земледельческими оазисами Мавераннахра, Хорезма и Семиречья. В степи и оседло-земледельческой зоне широкое распространение получила работорговля. В IX в. правители Хорасана ежегодно отправляли ко двору багдадских халифов две Тысячи огузских рабов. В основе огузы были язычниками, поклонялись шаманам. Вместе с тем в среду огузов постепенно проникал ислам.

Государство огузов играло важную роль в политической и военной истории Евразии. В 965 г. в союзе с Киевской Русью они разгромили Хазарский каганат, восточные границы которого в середине X в. достигали северо-восточного побережья Каспийского моря. В 985 г. огузский джабгу вместе с русскими князьями нанесмфуное поражение Волжской Булгарии. Все это способствовало росту политической мощи огузской державы.

На рубеже X—XI в. огузское государство испытало кризис вследствие восстания среди огузских племен, недовольных хищническим сбором налогов. Согласно огузским историческим преданиям, эти восстания падают на правление Али-хана, который пришел к власти около середины или в начале второй половины X в. Недовольство фискальной политикой джабгу было использовано вождями сельджуков, поселившихся близ Дженда еще в середине X в. Сельджукские вожди стали во главе восстания против огузских правителей Янгикента и захватили Дженд, но не надолго. Вскоре они были вынуждены оставить пределы Джендской области.

В это время усилился Шахмалик, наследник Али-хана. При нем государство настолько усилилось, что огузы в 1041 г. захватили Хорезм. Однако спустя два года Шахмалик, последний из известных джабгу огузов, попал в руки сельджуков и был казнен.

Многолетние стычки и войны с сельджуками подточили объединение огузских джабгу. Ослабленная глубокими внутренними противоречиями держава джабгу окончательно пала под ударами вождей кипчакских племен. Значительная масса огузов под напором кыпчаков ушла в пределы Восточной Европы и Малой Азии. Другая часть огузов перешла под власть Караханидов Мавераннахра и сельджукских правителей Хо-

[illegible] разбитых кыпча-ками в середине XI в. огузов в дальнейшем [illegible] среди тюркоязычных племен Дешт-и кыпчака. [illegible] племена долины Сырдарьи, Приаралья и Северного Прикаспия [illegible] заметный след в этнической истории казахов.

§ 4. Кимекский каганат (IX — нач. XI вв.)

[illegible] этап истории кимеков связан с племенем яньмо, отмеченным [illegible] ских источниках в связи с событиями VII в. в западнотюркской [illegible] Синологи отождествляют яньмо с племенем йемек (имек). В свою [illegible] термин имек, как считают ученые-востоковеды, является фонетической разновидностью имени кимек. Существующее мнение о тож[illegible] кимеков и кыпчаков ошибочно, ибо сведения письменных средневековых источников позволяют однозначно рассматривать их как два [illegible], но родственных тюркоязычных этноса. Яньмо — одно из [illegible] ских племен — в начале VII в. обитало в северо-западной Монголии. К середине VII в. имеки (кимеки) откочевали в районы севернее Алтайских гор и в Прииртышье. Обособление племени произошло после падения Западнотюркского каганата в 656 г. Скорее всего, именно в это время возникло ядро кимекского племенного союза. Глава племени кимеков носил титул «шад-тугук».

Во второй половине VIII—нач. IX в. кимекские племена двигаются в трех направлениях: на северо-запад, к Южному Уралу (в основном кыпчаки), на юго-запад, к бассейну Сырдарьи и Южному Казахстану и на юг, в пределы северо-восточного Семиречья. Между 766 и 840 гг. кимеки заняли территорию Западного Алтая, Тарбагатая и Алакольской котловины, дойдя до северных пределов токузогузов, обитавших в Восточном Туркестане. Граница между ними проходила по Джунгарскому хребту.

Источники единодушно относят кимеков к числу основных тюркских племен. Первое по времени упоминание этнонима «кимек» в письменных источниках относится к событиям VIII в. и связано со списком политически и социально значимых тюркских народов по данным арабского географа Ибн Хордадбеха (IX в.).

Единственным источником, сохранившим, хотя и в неполном, искаженном, переработанном виде, легенду о происхождении кимеков, является труд персидского историка XI в. Гардизи. Согласно этой легенде, кимеки происходят от татар, родственниками татар названы также кыпчаки, баяндуры. Вхождение татар в племенной союз кимеков относится к сер. IX в. Легенда о происхождении кимеков, очевидно, проистекает из реалий этнопо-литических и этнокультурных связей кимеков и кыпчаков с татарскими племенами.

После распада в 840 г. Уйгурского каганата в Центральной Монголии часть входивших в него племен (эймур, баяндур, татар) присоединились к ядру кимекского объединения. Именно в это время складывается кимекская федерация в составе семи племен: эймур, имек, кыпчак, татар, баяндур, ланиказ и аджлар. Глава кимекских племен стал носить титул байгу (ябгу), который носила правящая верхушка различных тюр-

коязычных народов — карлу-ков, огузов, уйгуров и др.

Конфедерация кимекских племен представляла собой полиэтническое образование, вобравшее помимо тюркоязычных племен, очевидно, тюркизированные группировки татар, объединение которых (токуз-татар) в предшествующее время было связано тесными политическими и культурными узами с токузогузами Центральной Азии. Союз кимекских племен не был образованием, основанным на кровнородственных связях, а базировался на принципах территориально-административных отношений. В социальном плане объединение кимеков стояло над родоплеменными структурами, а племена в нем были связаны между собой иерархическими и вассальными отношениями, строго регламентированными устоями общества.

В начале IX в. кимеки продвинулись к Сырдарье, затем в союзе с карлуками помогли огузам нанести поражение и вытеснить кангаро-печенежские племена из долины Сырдарьи и Приаралья.

Бурные события второй половины VIII—IX вв., в ходе которых кимекские племена прочно укрепились на территории от Среднего Иртыша до Джунгарских ворот и продвинулись на запад вплоть до Южного Урала и бассейна Сырдарьи, дали толчок развитию государственной организации кимеков. Первое упоминание о государственном образовании у кимеков появляется в арабоязычных историко-географических сочинениях конца IX—нач. X вв. Аль-Якуби (IX в.), отличавшийся широкой осведомленностью и сравнительно высокой точностью сообщений, упоминал о государственности у кимеков и других тюркоязычных народов.

Могущество кимекского правителя было значительным. Со времени сложения у кимеков каганата в конце IX — нач. X вв. их царь стал носить высший тюркский титул кагана.

Таким образом, по мере социального и политического развития кимекского общества от племени до государственного образования шел последовательный переход в титулатуре их глав от низшей ступени к высшей, от шад-тутука до кагана. В ходе становления кимекского государства менялся состав кимекских племен. По данным «Худуд аль-алам» и аль-Идриси, ядром кимекского государства стали 12 племен.

Каган кимеков обладал реальной властью: в пределах своего государства он назначал правителей, которые были представителями племенной знати. Институт наследственной передачи власти имел место не только внутри каганской семьи и ханского рода, но и у племенной знати. Так, уделы 11 управителей кимекского кагана передавались по наследству детям этих управителей.

Зарождение удельно-племенной системы было следствием крупных перемен в общественном строе, вызванных становлением патриархально-феодальных отношений в кимекском обществе. Владельцы уделов, как обычно, находились в подчинении кимекского кагана. Вследствие единения военного и административного начал управители-вожди, стоявшие во главе крупных племенных объединений, стремились укрепить индивидуальные кочевые хозяйства и упрочить политический вес. Некоторые из них превращались в полузависимых ханов, стремившихся

при благоприятных условиях к захвату верховной власти в государстве.

Самая примитивная государственная власть есть прежде всего результат социального расслоения общества. Косвенные данные средневековых источников недвумысленно свидетельствуют о социальной дифференциации в кимекской структуре.

О существовании в кимекском государстве налоговых сборов можно предположить по тому факту, что из золота, собираемого тюрками по береговой линии кимекского моря, их царь брал обязательную долю, а остатком довольствовался владелец.

О наличии письменности позволяет судить запись арабского путешественника Абу Дулафа (X в.): «У них растет тростник, которым они пишут». По всей вероятности, кимеки писали тростниковыми перьями и пользовались древнетюркским алфавитом. Об этом же говорят находки из Прииртышья и из Тарбагатайских гор — бронзовые зеркала с древнетюркской надписью, датированные IX—X вв.

В IX — нач. XI вв. у кимеков бытовали древние тюркские религиозные верования, значительное место среди которых занимал культ Тенгри и культ предков. Отдельные группы поклонялись огню, солнцу, звездам, реке и горам. Распространенной формой религии был шаманизм, но некоторые группы кимеков исповедовали манихейство — религию христианского толка. Возможно, ислам получил определенное распространение среди кимекской знати.

В социальном и культурном отношении кимеки во многом унаследовали и развили традиции, сложившиеся в древнетюркской среде VI—IX вв., а с конца IX — до начала XI вв. они обладали раннефеодальной государственностью.

Во внешнеполитическом курсе кимекский каган был довольно предприимчив. Кимекские правители совершали успешные походы на юг. Захватили часть земель токузогузов, совершали набеги на их города в Восточном Туркестане. Каган кимеков вторгался и в страну енисейских кыргызов. В свою очередь, сопредельные династии и народы совершали нападения на становища кимеков. Предпринимались, в частности, военные походы караханидов в глубь кимекских земель, порой они доходили до Иртыша.

В начале X в. рубежи кимекского государства стабилизировались. Взаимные военные набеги кимеков и их соседей все чаще сменялись мирным общением. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные торговые пути к кимекам, пролегавшие из Булгарии в Поволжье, Саманидов из Средней Азии, от огузов, карлуков, токузогузов и кыргызов. От Великого шелкового пути ответвлялась сеть караванных дорог, ведших к ставке кимекского кагана Кимекия (Имекия) на Иртыше.

В начале XI в. рухнул Кимекский каганат. Его падение было вызвано двумя причинами: центробежными тенденциями кыпчак-ских ханов, стремившихся к самоопределению, усилением в каганате междоусобных распрей, и миграцией кочевых племен Центральной Азии, переселение которых относится к началу XI в.

§ 5. Государство Караханидов (942—1210 гг.)

Родоначальником династии Караханидов принято считать Са-тук Богра-хана (915—955). Пользуясь поддержкой Саманидов, он выступил против своего дяди Огулчака и подчинил Кашгар и Тараз. В 942 г. Сатук сверг правителя в Баласагуне и объявил себя верховным каганом. С этого времени началась история собственно государства Караханидов.

В образовании и ранней истории Караханидов главную роль сыграли племена карлукской конфедерации, в которые наряду с карлуками входили чигили и ягаа. В X в. часть ягма вместе с карлуками обитала в Семиречье, к югу от Нарына. Позднее, в XI в., ягма жили гораздо севернее — в долине р. Или. В этой же долине расселялись чигили, прикочевавшие из северных районов Приис-сыккулья.

В 992 г. на востоке Караханиды завоевали Хотан, а на западе Бухару. В 999 г. Караханид Наср и правитель династии Газневидов Махмуд окончательно сокрушили государство Саманидов в Средней Азии. Амударья стала границей между Караханидами и Газневидами. На севере граница между Караханидами и пределами Кыпчакского ханства проходила недалеко от г. Тараза. На северо-востоке владения-Караханидов не выходили за линию озер Балхаш и Алакуль. На востоке они граничили с уйгурами, на юго-востоке владения Караханидов простирались до Черчена. На западе и юго-западе продвижение натолкнулось на сопротивление Сельджуки-дов (в Южной Туркмении) и Хорезмшахов (в низовьях Амударьи). В течение двух последующих веков владения Караханидов простирались от Мавераннахра (междуречье Амударьи и Сырдарьи) на западе вплоть до Семиречья и Кашгара на востоке.

Государство Караханидов было поделено на многочисленные уделы с неустойчивыми границами. Удельные владетели обладали большими правами, вплоть до чеканки монет со своим именем, подчас с изменявшимися титулатурами. Отношения вассалитета иногда бывали многоступенчатыми. Политическая жизнь характеризовалась распрями и междоусобной борьбой.

В конце 30-х гг. XI в. при Ибрагиме ибн Насре государство распалось на две части: западное ханство с центром в Бухаре, включавшее Мавераннахр вплоть до Ходжента, и восточное, в которое входили Тараз, Исфиджаб, Шаш, Фергана, Семиречье и Кашгар. Столицей восточного ханства был Баласагун. Так произошло юридическое закрепление уже фактического распада государства Караханидов на самостоятельные и полусамостоятельные уделы, ранее находившиеся под номинальной властью старшего, или верховного, хана.

В 1056 г. сын Кадыр-хана Йинал-тегин в борьбе за наследование власти захватил владения брата Сулеймана, но вскоре был отравлен. На престол взошел сын Йинал-тегина Ибрахим, но тоже вскоре погиб в войне с барсханским владетелем. После этого в Восточном каганате в течение пятнадцати лет (1059—1074) правили сыновья Кадыр-хана Юсуф Тогрул-хан и Богра-хан Харун. При них Фергана была присоединена к Восточному каганату, а граница между двумя каганатами проходила по

[illegible] Сыр-Дарье. После смерти Тогрула его уделы перешли к Богра-хан Ха[illegible] (1075—1102) — владетелю Кашгара, Баласагуна и Хотана. В 1089 [illegible] подпал под вассальную зависимость к сельджукскому султану Ме[illegible]. В 1102 г. вскоре после смерти Богра-хана, на Мавераннахр [illegible] владетель Баласагуна и Тараза Кадыр-хан Жабраил. Он захватил [illegible] до Амударьи, пытался захватить у Сельджукидов Термез, одн[illegible] потерпел поражение, попал в плен и был казнен.

При правлении могущественного султана Санджара (1118—1157) [illegible] сельджукиды добились максимального влияния в Мавераннахре. В этот период уже наметился политический упадок Караханидов.

В начале второй четверти XII в. многочисленный народ караки-таи (киданей) завоевал Семиречье с Баласагуном, а затем и все остальные владения восточных Караханидов и начал угрожать западной ветви. После разгрома караханидо-сельджукского войска в 1141 г. власть над обоими ханствами государства Караханидов перешла к каракитаям. В 1210 г. в борьбе с кайманами пресеклась восточная караханидская династия. А в 1212 г. Хорезм-шах Мухаммед убил последнего западного кагана Османа из Самарканда, вскоре исчезла и ферганская ветвь Караханидов. История могущественного государства Караханидов на этом завершилась.

Государство Караханидов не было простым повторением прежних государственных образований. В отличие от политических устройств кочевых обществ на территории Казахстана военное управление было отделено от административного. Государственно-административная структура основывалась на иерархическом принципе.

Важнейшим социально-политическим институтом в государстве Караханидов была военно-ленная система. Ханы жаловали своим родственникам и приближенным права на получение с населения района, области или города налогов, до того взимавшихся в пользу государства. Такое пожалование получило название «икта», а его держателя называли мукта, или иктадар. Институт икты играл значительную роль в хозяйственной и политической жизни юга и юго-востока Казахстана.

Главным занятием населения было экстенсивное кочевое и полукочевое скотоводство. Вместе с тем в XI—XII вв. в Семиречье и Южном Казахстане часть тюркских племен переходила к земледелию и приобщалась к городской культуре.

В идеологии кочевого и оседлого населения важное место занимали древнетюркские религиозные представления. Дальнейшее распространение получил ислам, принятый каганатом в качестве государственной религии. Исламизация, в особенности южных районов Казахстана, проникновение мусульманской религии в кочевую аристократическую среду привели к вытеснению древнетюркской рунической письменности и сложению новой тюркской письменности на арабской графике.

Рост самосознания тюркских этносов при Караханидах привел к появлению мусульманской литературы на тюркском языке. На этом поприще прежде всего были известны Юсуф Баласагуни и Махмуд Кашгари.

В целом Караханидская эпоха представляла собой качественно новый этап во всех сферах общества. Лишь потрясения периода монгольского завоевания прервали естественный процесс наметившегося развития.

§ 6. Государство каракитаев (1128—1213 гг.).

Улусы найманов и кереитов

Государство каракитаев. Формирование каракитаев тесно связано с центральноазиатскими племенами киданей. Кидани (ци-дань, кита, хита) упоминаются в письменных источниках с IV в. н. э. как монголоязычные племена. Они обитали к северу от Китая, на территории Маньчжурии и Уссурийского края. В 924 г. обширная территория от Алтая до Тихого океана перешла под эгиду Кидань-ского государства (империю Ляо).

В 1125 г. объединенные силы сунского Китая и Чжурчженского государства положили конец империи Ляо. Часть киданей подчинилась чжурчженям, а другая через земли енисейских кыргызов дошла до р. Эмиль и здесь достроила одноименный город. Со времени утверждения их власти над частью Семиречья за западной ветвью киданей, вследствие смешения с тюркоязычным местным населением, закрепляется имя каракитаи.

В 1128 г. баласагунский владетель из династии Караханидов призвал каракитаев пойти против притеснявших его канглов и карлуков. Елюй Даши, заняв Баласагун, устранил караханидского владетеля и основал государство в Жетысу. Затем совершил ряд завоевательных походов, раздвинув границы от Енисея до Таласа. После этого каракитаи покорили канглов, присоединили Восточный Туркестан. В 1137 г. они разбили при Ходженте Махмуд-хана, владетеля Мавераннахра, а в 1141 г. в Катванской степи близ Самарканда — сельджукско-караханидские войска. Каракитаи заняли Бухару и весь центральный Мавераннахр. Особый отряд, направленный в Хорезм, заставил Хорезм-шаха выплачивать им ежегодную дань в размере 3 тыс. золотых динаров. Семиречье, Южный Казахстан, Мавераннахр и Восточный Туркестан вошли в пределы государства каракитаев. Династию Караханидов каракитаи превратили в вассалов.

Глава каракитайского государства носил титул гурхана. Центром его владений оставался Баласагун. В войске поддерживалась высокая дисциплина, в стране введена система подворного обложения — с каждого дома взимали по одному динару. Своим приближенным гурхан не раздавал уделов, так как опасался их усиления и соперничества. Под их непосредственным управлением находились южная часть Жетысу, северо-восточная область Ис-фиджаба, Кульджинский край. Часть Жетысу к северу от Или принадлежала карлукским ханам, в среде которых постоянно присутствовал представитель гурхана. Первый гурхан умер в 1143 г. В 1208 г. к каракитаям бежали вытесненные Чингисханом из Монголии найманы во главе с Кучлуком.

Улус найманов. В XII в. конфедерация найманов наряду с кереита-

ми (керей) и меркитами представляла собой крупное центральноазиатское государственное объединение. Между тем вопрос о происхождении и ранней истории найманов достаточно сложен. Вполне возможно, что они имели смешанный этнический состав, хотя новейшие сведения в научной литературе подтверждают мнение об их тюркоязычности. Полагают, что значение термина «^найман» раскрывается с позиции монгольского языка и означает f восемь», по числу племен, входивших в конфедерацию. Упоминаемый в древнетюркских надписях союз племен «секиз-огузов» исследователями отождествляется с найманами. В VIII в. племенное объединение огузов занимало земли от р. Орхон до верхнего Иртыша. Там же впоследствии жили и найманы.

Соседями найманов на западе были канглы и кыпчаки, обитавшие в верховьях Иртыша, на севере — енисейские кыргызы, на востоке — кереиты, жившие в Восточной Монголии, а на юге — уйгуры, находившиеся, как и большинство народов и племен Центральной Азии, в вассальной зависимости от киданей. Тесные этнополитические и культурные связи отмечались у найманов с окружающими их кочевыми и оседло-земледельческими этносами, в особенности с канглы. Отдельные группы канглы и кыпчаков расселялись во владениях найманов.

Мирные отношения сменялись периодами вражды с наиболее сильными и могущественными племенами, объединенными в Улус кереитов. После крушения киданьской державы в 1125 г., на его развалинах в Центральной Азии образовался ряд государственных объединений (улусов), ведущая роль в которых перешла к кереитским ханам.

Улус кереитов. Наиболее ранние сведения о кереитах в письменных источниках относятся к началу X в. и связываются с племенами центральной группы цзубу. Этнический состав конфедерации кереитов был неоднороден. Он состоял из тюркоязычных и монголоязычных компонентов. На западе от кереитов жили найманы, на севере — "меркиты, на востоке — татары, на юге — тангуты. Предводители кереитских племен имели две резиденции, северную, в г. Хатун-балык на р. Орхон и южную — северное излучины р. Хуанхэ. Главная ставка на Орхоне занимала выгодное географическое положение и находилась на важном отрезке торгового пути, поэтому была местом сосредоточения купцов из сопредельных и отдаленных стран, а также различных миссионеров. В 1007 г. кереиты вместе с найманами приняли христианство несторианского толка. Кереиты, очевидно, находились под определенным влиянием уйгурской культуры.

Во второй половине XII в. Улус кереитов при Тогрул-хане занимал земли от верховьев Селенги на севере до Хуанхэ на юге, от Хангайских гор на западе до Халхин-Гола на востоке. Кереиты поддерживали тесные политические и этнокультурные отношения с найманами, канглы, уйгурами, меркитами, монголами, каракитая-ми и тангутами. При пышном дворе Тогрул-хана воспитывались будущие правители и вожди степных племен, в частности Темучин (Чингисхан), Чжамуха, приобщаясь к политической и дипломатической жизни.

Правитель кереитов Тогрул-хан широко привлекал на службу представителей знати канглы. Отдельные факты наводят на мысль о наличии генетической связи между кереитами и канглы.

Кереиты и найманы находились на одном уровне социально-политического развития. Они оформились в самостоятельные государственные образования — улусы, стоявшие над родоплемен-ными институтами и обнимавшие весь этнос с династийным ханским родом во главе. Каждый улус имел свою территорию. Важные- участки его границ охранялись. Ханы имели личные летовки и зимние пастбища. В улусах функционировал аппарат управления, представленный органами управления ханской ставкой, войсками и дружиной.

Исключительное место в государстве кереитов и найманов занимала ханская ставка (орда), она ведала ханским имуществом и армией. У найманов и кереитов действовало обычное право. В ханствах имело распространение делопроизводство. Документы скреплялись печатью, особенно при сборе налогов и назначении должностных лиц. Должности у элитарной части общества, как обычно, передавались по наследству. Приобщение кереитов и найманов к христианству указывает на достаточно высокий уровень социального и культурного развития. Процесс социальной дифференциации и консолидации родственных племен завершился образованием раннефеодальных государств: Улуса кереитов и Улуса найманов.

К концу XII в. произошло политическое возвышение Темучина, который, разгромив татар, в 1203 г. покорил кереитов, а в 1206 г. одержал победу над найманами. Разгромленные племена найманов во главе с Кучлуком прибыли на Алтай, где соединились с группами кереитов и меркитов.

В 1209 г. каракитаи в неблагоприятное для них время начали войну с хорезмшахом Мухаммедом. Государство каракитаев оказалось в исключительно трудном положении. В 1210 г. хорезмшах Мухаммед в союзе с самаркандским ханом Усманом напал на каракитайское войско около Таласа. Предводитель каракитаев Таянку был взят в плен и каракитайские войска вынуждены были отступить.

В 1211 г. Кучлук и союзные с ним ханы пленили гурхана и лишили его власти. Через два года последний гурхан Чжилугу скончался. Государство каракитаев перестало существовать. Менее чем вековое существование государства каракитаев не повлияло сколько-нибудь заметно на экономику, общественную жизнь и культуру края.

§ 7. Кыпчакское ханство (нач. XI в. —1219 г.)

Этноним «кыпчак» впервые упоминается в древнетюркском руническом памятнике, датируемом 760 г. В мусульманских источниках кыпчаки впервые отмечаются арабским географом Ибн Хордадбехом (IX в.) в списке тюркских племен, хронологически относящихся также к VIII в.

После падения Западнотюркского каганата в 656 г. значительные груп-

ны кыпчаков на севере от Алтайских гор и в Прииртышье под эгидой кимеков составили ядро племенного союза. Однако стремление основных кыпчакских племен к самоопределению привело их в конце VIII в. к отделению от кимекской федерации и передвижению на запад от кимеков. Но окончательной независимости кыпчаки не достигли. В IX–X вв. история кыпчаков тесно переплелась с историей кимеков. Кыпчаки находились в политической зависимости от кимекского кагана, входили в конфедерацию, а затем в Кимекский каганат.

После падения Кимекского каганата в начале XI в. военно-политическая гегемония на территории прежнего расселения кимекских, кыпчакских и куманских племен перешли в руки кыпчакских ханов. Пришедшая к власти династийная знать кыпчаков стала предпринимать активные действия в южном и западном направлениях, что привело к непосредственным контактам с государствами Средней Азии и юго-восточной Европы.

Во второй четверти XI в. племенная знать кыпчаков вытеснила огузских джабгу из нижнего и среднего течения Сырдарьи, При-аральских и Прикаспийских степей.

С изменением этнополитической ситуации в регионе связано появление в начале второй четверти XI в. названия Дешт-и Кыпчак (Степь кыпчаков) вместо бытовавшего до того в письменных источниках «Степь огузов» (Мафазат аль-гуз). Завладев Мангышлаком и прилегающими к нему областями, кыпчаки вплотную подошли к северным рубежам Хорезма.

В середине XI в. началось движение кыпчакских племен в западном направлении от Итиля (Волги). По мере движения на запад племенной массив куман первым вступил в непосредственные контакты с народами Восточной Европы, в частности Руси, Византии, Венгрии.

Историко-географическую область Дешт-и Кыпчака, обнимавшую всю аридную зону от Иртыша до Днестра, условно можно разграничить по Волге на два крупных экстерриториальных объединения: Западно-кыпчакское во главе с династийным родом токсоба и Восточнокыпчакское с правящим ханским родом ель-борили.

Формирование кыпчакской этнической общности на территории Казахстана было сложным и длительным процессом, в развитии которого прослеживаются три этапа.

Первый этап связан с [illegible]зованием ядра кимекского племенного союза, в котором кыпчаки [illegible]торой половины VII в. и до конца [illegible] в. играли значительную ро[illegible]. В это время происходили тесные этно[illegible]турные взаимодействия [illegible]чаков с телескими племенами.

Второй этап [illegible] с конца [illegible]II в. до начала XI в. В эти хронологические рамки кыпчаки постепенно [illegible] расселились на обширной территории от Алтая и Иртыша на восток до Южноуральских гор и Волги на западе. Совместно с кыпчаками в Западном Казахстане с центром в Мугоджарах обитали куманы. Взаимодействие и интеграция трех основных этнополитических объединений: кимеков, кыпчаков и куманов проходили

под консолидирующей ролью кимекских племен. Кыпчаки, равно как и кимеки, и куманы, находились в тесных этнокультурных взаимосвязях и взаимодействиях с конфедерациями древнебашкирских, печенежских, карлукских и в особенности огузских племен. Вместе с тем линия внутреннего этнического развития кыпчакского этноса была направлена на ассимиляцию древних насельников, местных телеских, угро-финских, сармато-аланских этнокомпонен-тов. Кыпчакский этнос складывался на базе множества родов и племен, объединенных не на основе кровнородственных связей, а по принципу территориально-хозяйственных отношений.

С начала XI до начала XIII вв. формирование этнической общности кыпчаков вступает в третий этап развития, связанный прежде всего с ростом могущества кыпчакских ханов, власть которых легитимизировалась ханским династийным родом ель-борили. Степень развития и углубления этнических связей в Кыпчакском ханстве, а также уровень формирования кыпчакского этноса в известной степени определялись по племенному составу кыпчаков восточного улуса.

Структура племенного состава конфедерации кыпчаков в XI—XII вв. была сложной и неоднородной. Кыпчакская общность вобрала в себя, помимо собственно кыпчакских, тюркоязычные кимекские, куманские, древнебашкирские, огузские племена, а также тюркизированные элементы ираноязычного этнического пласта.

В силу специфики развития исторического процесса в кочевых обществах в таких «вторичных» племенных образованиях сохранялось значение кровнородственных связей, родословных генеалогических древ, подтверждавших общность происхождения, не утрачивались племенные самоназвания.

В формировании кыпчаков приняли участие многочисленные племена кангны, компактные группы которых во второй половине XII в. образовали экстерриториальное объединение в пределах Приаральских степей, а также тюркоязычные племена уран, пришедшие в X в. на территорию Казахстана из Восточного Туркестана, баят, азкиши и тюргеши. Появление двух последних племен в XII в. в Причерноморье, скорее всего, было связано с передвижением туда кыпчакских племен, а вместе с ними азкишей и тюргешей. Одним из этнических компонентов кыпчаков также были карлуки, чигили, каи.

Формирование кыпчакской народности на территории Казахстана стимулировалось процессом нивелировки этнокультурных признаков, чему содействовали однотипность форм хозяйствования, система общественных отношений и общность языка. Тесное взаимодействие кыпчаков с различными этническими группами сказывалось на их этнической общности. Со все растущим политическим весом кыпчаков, племена и этнические группы, сознавая свою принадлежность к единому этносу, принимали этноним кыпчак. Однако завершающий этап формирования кыпчакской народности был прерван монгольским нашествием.

Расселение. К середине XI в. кыпчакские племена расселялись на

[illegible] территории современного Казахстана — от Алтая и Иртыша [illegible] Итиля (Волги) и Южного Урала на западе, от оз. Балхаш [illegible] лесостепной полосы юго-западной Сибири на севере.

[illegible] второй половине XI в. кыпчаки расселялись на Мангышлаке и [illegible] совместно с ними кочевали группы огузских племен. На [illegible] «Атласе» аль-Идриси отмечен этнотопоним «Степь кыпчаков» (Сах[illegible]), локализованный между Каспийским и Аральским мо[illegible] в соответствии с реалиями, относящимися ко второй половине XI

[illegible] ранние этапы движения кыпчаков на запад в середине XI в. на[illegible] отражение в географической карте Махмуда Кашгари, на которой [illegible] их обитания показаны к западу от Итиля и на северо-запад от Кас[illegible] моря, а сама река Итиль отнесена к стране кыпчаков.

Кыпчакские ханы расширили на юге пределы своего государства, [illegible] окрестностей г. Тараз, где возвели укрепление Канджек Сен[illegible] пограничное с Караханидами. Естественной границей между кып[illegible] правителями и Караханидами являлись оз. Балхаш и озера [illegible] котловины.

Восточные рубежи охватывали правобережье Иртыша и склоны Ал[illegible] гор. Махмуд Кашгари разместил имеков (кимеков) в бассейне Иртыша, на их древней территории, которые носили название «Имекс[illegible]». В XII в. кыпчакские племена на Алтае и в верховьях Иртыша граничили с найманами, кангалы и кереитами.

На северо-востоке кыпчаки были связаны с саяно-алтайским очагом [illegible] и культуры, носителями которой были кыр-гызы, хакасы и [illegible] племена. Северные границы Кыпчакского ханства проходили по ле[illegible] зоне, отделяющей нынешнюю казахскую степь от Западной [illegible].

На северо-западе кыпчаки вошли в этнокультурный и политический контакт с населением Поволжья и Приуралья. Взаимодействие кыпчакских племен с булгарами и башкирами во второй половине XI — нач. XIII вв. развивалось в направлении кыпчакского языкового и культурного влияния.

Этническая территория кыпчакских племен в пределах их этнополитического объединения была относительно стабильной, за исключением юго-западных рубежей, где начиная с 30-х гг. XII в. довольно активную политику стало проводить государство Хорезмшахов.

Образование ханства. Бурные события первой половины XI в., в ходе которых кыпчакская аристократия значительно расширила территорию расселения племен Восточного Дешт-и Кыпчака, приведшие к войнам и столкновениям с державой огузов на Сырдарье, со среднеазиатскими династиями Сельджукидов, Хорезмшахов и Караханидов, а также необходимость обеспечения внешней безопасности, стали объективной причиной образования государства у кыпчаков.

Политические устои Кыпчакского ханства значительно укрепились в середине XI в. после миграции многочисленных группировок кыпчакс-

ких и куманских племен, создававших почву для центробежных устремлений в Дешт-и Кыпчакс.

Со 2-й половины XI в. по 1-ю треть XII в. наблюдаются относительная стабилизация и политическое единство кыпчакских ханов. Это позволяет полагать, что в кыпчакской этносоциальной общности были верховные ханы, распространявшие свою власть на все ханство.

Власть кыпчакских ханов передавалась по наследству от отца к сыну. Династийным родом считались ель-борили, из числа которых выходили ханы. В ханской ставке, называвшейся ордой, находился аппарат управления хана, ведавший ханским имуществом и ханской армией. В военно-административном отношении Кыпчакское ханство, следуя древнетюркским традициям, делилось на два крыла: правое — со ставкой на р. Урале на месте города Сарайчик и левое — с резиденцией в городе Сыгнаке. Более мощным было правое крыло. Центр ханства, скорее всего, находился в Тургайских степях. Военной организации и военно-административной системам управления придавалось исключительное значение, ибо они отражали специфику кочевого быта и были наиболее органичными и удобными для кочевого способа существования.

Рельефно была выражена строгая иерархическая система господствующей аристократической верхушки (ханы, тарханы, баскаки, беки, баи), наряду с этим роды и племена также разделялись по своей социальной значимости.

Кыпчакское общество было социально и сословие неравным. Основой имущественного неравенства была частная собственность на скот. Основным богатством служило число лошадей. Многие в стране кыпчаков, как сообщают письменные источники, владели несколькими тысячами прекрасных лошадей, а некоторые из них 10- и более-тысячными табунами. Посягание на собственность строго каралось, считалось наказуемым, по устоявшимся нормам обычного права (торе). Скот, находившийся в частной собственности кыпчакских семейств, отмечался родоплеменными метками (тамгами).

Обладая огромными стадами, аристократия была и фактическим собственником пастбищ, на которых содержался этот скот, хотя юридически собственность и не фиксировалась. Право распоряжения пастбищами и регулирования перекочевками принадлежало кыпчакским ханам и племенной знати.

На другом полюсе находились непосредственные производители — скотоводы. Рядовые общинники были в своей основной массе свободными. Однако через отдачу себя и своего имущества под защиту сильного сородича проявлялась их зависимость от власть имущих. С потерей скота, а следовательно и возможности кочевать, свободный общинник переходил в категорию оседлых жителей (ятуков). Но как только у бедного ятука появлялось достаточное количество скота, он снова переходил в лоно кочевого хозяйства.

Самую бесправную группу в кыпчакском обществе составляли рабы, которые пополнялись за счет военнопленных. Рабы шли главным обра-

[illegible] продажу, и лишь часть их использовалась в хозяйстве в качестве

[illegible] образом, Кыпчакское ханство было сложившимся раннеклассовым государством, продолжившим и развившим традиции древнетюркской государственности.

Политические взаимоотношения кыпчаков. В 1065 г. правитель сельджуков Алп Арслан совершил поход на Мангышлак против кыпчаков. Добившись от кыпчаков изъявления покорности, сельджукский султан совершил поход на Дженд и Саурáн. В результате этой военной кампании часть кыпчакских племен временно попала в зависимость от сельджукских султанов Хорасана.

В конце последней четверти XI в. на Мангышлаке и восточном побережье Каспийского моря по-прежнему властвовали кыпчаки, в политической зависимости от которых находились отдельные группы огузских и туркменских племен. В 1096 г. племена кыпчак-ского объединения во главе с «могущественным» ханом совершили поход на Хорезм. Однако покровители хорезмшахов сельджукиды вынудили их возвратиться на Мангышлак.

Судя по опосредованным сведениям Махмуда Кашгари кыпчак-ская военно-кочевая знать находилась в сложных политических взаимоотношениях с правителями династии Караханидов. Караха-ниды предпринимали походы в восточные пределы Кыпчакского улуса, в свою очередь кимеки с берегов Иртыша совершали набеги в пределы тюркской мусульманской державы в Семиречье.

В конце XI — начале XII вв. Дженд, Янгикент и другие города нижней Сырдарьи находились в руках кыпчакских вождей. Однако в первой половине XII в. они стали ареной упорной борьбы между кыпчакскими ханами и мусульманскими династиями Средней Азии, пытавшимися во что бы ни стало овладеть ею. Под флагом распространения ислама хорезмшах Атсыз завоевал Дженд, а затем продвинулся на север, присоединив к своим владениям Мангышлак.

В 1133 г. кыпчаки потерпели поражение от Атсыза, предпринявшего поход из Дженда в глубь Дешт-и Кыпчака. Источники не содержат никаких дополнительных сведений о причинах первого крупного поражения. По существу с этого времени (второй трети XII в.) началась раздробленность Кыпчакского ханства, вызванная рядом причин, основными из которых стали: формирование прохо-резмийской ориентации среди знати кыпчакских племен, сложение крупного объединения канглы, усиление междоусобной динас-тийной борьбы за власть.

Со второй половины XII в., в особенности с эпохи правления Текеша (1172—1200), проводилась целенаправленная политика на сближение с кыпчакской знатью. Предводители племенных группировок кыпчаков, канглы, имеков, уран стали привлекаться на службу хорезмшахами. Правящая знать Кыпчакского ханства и династии Хорезмшахов вступала между собой в родственные связи. Кыпчакский хан Джанкеши выдал свою дочь Теркен-хатун за хорезмшаха Текеша. Согласно средневековым традициям, отношения свойства как «союз мира и родства» на разных уровнях межэтнических связей имели исключительно важное значение.

Они повлекли за собой целую систему реальных и нередко тесных связей, проявлявшихся в общественно-политической обоюдной поддержке;

Однако в целом политическая ситуация в регионе характеризовалась крайней нестабильностью, которая вызывалась и поддерживалась хорезмшахами в результате проводимой ими политики, направленной на подрыв устоев независимого Кыпчакского улуса. В этих целях из представителей кыпчакской аристократии они создали замкнутое военное сословие, поддерживавшее устремления хорезмшахов. Идеологической основой такой линии была исламизация кыпчаков, прежде всего их знати. Между тем значительные группировки кыпчакских племен оставались вне ислама до конца XII в. Пространство между Джендом и Фарабом до конца XII в. считалось областью языческих кыпчаков.

Согласно установившейся традиции, правители Хорезма брали жен из ханских родов кангы и кыпчаков. Объединение племени кангы во 2-й половине XII — нач. XIII вв. представляло большую политическую силу, стремившуюся к самоопределению, тем самым не способствовавшую политическому единству Кыпчакского ханства. Как известно, главную военную опору хорезмшахов составляли группировки кангы и кыпчаков. В начале XIII в. важную роль при дворе хорезмшахов играл предводитель кангы Амин Малик, на дочери которого был женат хорезмшах Ала ад-дин Мухаммед. Кыпчакская аристократия, наделенная хорезмшахами государственными и военными должностями, отстаивала интересы последних. В кыпчакском обществе усилились внутренние противоречия, вызванные прохорезмийской ориентацией значительных групп кыпчаков, а также соперничеством за верховную власть. В этой обстановке хорезмшахи искусно разжигали и поддерживали вражду между кыпчакскими вождями.

В начале XIII в. в состав государства хорезмшаха Мухаммеда (1200—1220), предъявлявшего свои притязания на первенство во всей мусульманской Азии, вошла и область Сыгнака. Несмотря на потерю Сыгнакского владения кыпчакские ханы продолжали вести упорную борьбу с Хорезмом. Из Дженда Мухаммед предпринимал неоднократные походы на север против Дешт-и Кыпчака. В 1216 г. во время одного из военных походов против Кадыр-хана он дошел до Иргиза, где в Тургайских степях случайно столкнулся с войском Чингисхана, преследовавшего меркитов, бежавших в страну кыпчаков. После битвы с султаном монголы под прикрытием ночи отступили. Это было первое появление монголов на территории Казахстана, приостановившее длительное соперничество кыпчаков с хорезмшахами. Наступила эпоха монгольских завоеваний.

Глава 2. ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА. ГОРОД И СТЕПЬ

Начало контактов и обменных связей восходит к III—II тыс. до н.-э. Эти связи были налажены в связи с разработкой месторождений бутзури-

в горах Бадахшана и нефрита в верхнем течении р. Якендарьи, в районе Хотана.

В середине I тыс. до н. э. стал функционировать Степной путь, проходивший из Причерноморья к берегам Дона, затем в земли савроматов в Южное Приуралье, к Иртышу и, далее, на Алтай, в страну агрипеев, населявших район Верхнего Иртыша и о. Зайсан. По этому пути распространяли шелк, меха и шкуры, иранские ковры, изделия из драгоценных металлов.

В распространении драгоценных шелков участвовали кочевые племена саков и скифов, через посредство которых диковинный для того времени товар попадал в Центральную Азию и Средиземноморье.

В середине II в. до н. э. Шелковый путь начинает функционировать как регулярная дипломатическая и торговая артерия.

Во II—V вв. Шелковый путь, если следовать с востока, начинался в Чанъани — древней столице Китая и шел к переправе через Хуанхэ в районе Ланчжоу, далее вдоль северных отрогов Нань Шаня к западной окраине Великой Китайской стены, к Заставе Яшмовых ворот. Здесь единая дорога разветвлялась, окаймляя с севера и юга пустыню Такла-Макан. Северная шла через оазисы Хами, Турфан, Бешбалык, Шихо в долину р. Или; средняя от Чаочана к Карашару, Аксу и через перевал Бедель к южному берегу Иссык-Куля — через Дунхуан, Хотан, Яркенд в Бактрию, Индию и Средиземноморье — это так называемый «Южный путь». «Северный путь» шел из Кашгара в Фергану и далее через Самарканд, Бухару, Мерв и Хамадан в Сирию.

В VI—VII вв. наиболее оживленным становится путь, проходивший из Китая на запад через Семиречье и Южный Казахстан. Такое перемещение пути можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, в Семиречье находились ставки тюркских каганов, которые контролировали торговые пути через Среднюю Азию. Во-вторых, дорога через Фергану в VII в. стала опасной из-за междоусобиц. В-третьих, богатые тюркские каганы и их окружение стали крупными потребителями заморских товаров.

Через Шелковый путь шло основное число посольских и торговых караванов в VII—XIV вв. В течение столетий он претерпевал изменения: одни участки приобретали особое значение, другие, напротив, отмирали, а города и торговые станции на них приходили в упадок. Так, в VI—VIII вв. основной была трасса Сирия — Иран — Средняя Азия — Южный Казахстан — Таласская долина — Чуйская долина — Иссык-Кульская котловина — Восточный Туркестан. Ответвление этого пути, точнее, еще один маршрут выходил на трассу из Византии через Дербент в Прикаспийские степи — Мангышлак — Приаралье — Южный Казахстан. Он шел в обход Сасанидского Ирана, когда в противовес ему был заключен торгово-дипломатический союз Западнотюркского каганата в Византии. В IX—XII вв. этот маршрут использовался с меньшей интенсивностью, чем тот, который шел через Среднюю Азию и Ближний Восток, Малую Азию в Сирию, Египет и Византию, а в XIII—XIV вв. вновь оживляется. Политическая ситуация на континенте определя-

ла выборы маршрутов дипломатами, купцами и другими путешествующими людьми[1].

Во время существования государства саков, усуней и канлй во II в. до н. э. — первой половине I тыс. н. э., когда Шелковый путь уже активно функционировал, в Казахстан проникают римское стекло и монеты, китайский шелк, зеркала и лаковая посуда, европейские фибулы-застежки и камни-печатки из Сасанидского Ирана. В этот период в долинах Чу, Таласа и Сырдарьи формируются городские центры, предтечей которых явились земледельческие поселения, окруженные стенами с башнями.

Во второй половине VI в. Семиречье, Южный Казахстан вошли в состав Тюркского Каганата, огромной кочевой империи, простиравшейся от Кореи до Черного моря. В конце VI в. происходит оживление Шелкового пути на участке Семиречья и Южного Казахстана, что сыграло важную роль в развитии городской культуры этого региона. В Семиречье он стимулировал возникновение ряда городских центров, а на юге Казахстана способствовал быстрому росту городов. Шелковый путь через Среднюю Азию, Южный Казахстан и Семиречье функционировал вплоть до XIV в., пока междоусобицы и войны, приведшие к гибели городской культуры, и освоение морских путей в Китай не привели к его угасанию.

§ 1. Направления и трассы Великого Шелкового пути

Казахстанский участок Шелкового пути, если по нему двигаться с запада на восток, шел из Шаша (Ташкент) через перевал Турбат в Исфиджаб, Сайрам (Сарьям). Название древнего города сохранилось до сих пор. Его носит поселок рядом с Шымкентом, в центре которого находятся остатки средневекового городища, бывшего одним из крупнейших центров на Шелковом пути. Из Исфиджаба вывозили рабов, белые ткани, оружие, мечи, медь и железо.

Из Исфиджаба караваны шли на восток в Тараз через города Шараб и Будухкет.

Тараз — один из крупнейших городов Казахстана, был известен уже в VI в. Именно здесь тюркский каган Дизабул в 568 г. принимал дипломатическое посольство византийского императора Юстиниана II во главе со стратигом Земархом. Источники называли Тараз городом купцов. Кроме того, он был столичным центром тюргешей, а затем карлуков и караханидов.

Рядом с Таразом находился город Джамукат, упоминавшийся уже в VI в. Развалины Джамуката находятся в Таласской долине недалеко от Джамбыла, на правом берегу реки Талас, напротив с. Михайловки. Развалины его называются сейчас Костобе — Двойной бугор.

В равнинной части долины стоял город Атлах, у стен которого произошла в 751 г. битва арабов с китайскими войсками за сферы влияния. Неподалеку от Тараза на торговом пути, идущем вниз по Таласу на север, находились города Адахкет и Дех Нуджикес. В горной части Таласской долины находились также известные города Шельджи, Сус, Куль и

[illegible]. Они возникли вблизи серебряных рудников.

[illegible] Илийскую долину караваны попадали также по дороге из Ферганской [illegible] через перевал Чанач на Чаткальском хребте и Карабура в [illegible] Алатау. Этот отрезок дорог соединил «Ферганское» и «Семиреченское» направления Шелкового пути.

[illegible] Таразa на восток путь шел к Кулану. Территория между Таразом и [illegible] принадлежала карлукам. На пути к Кулану путь проходил через [illegible] Касприбас, Куль-Шуб и Джуль-Шуб. От Кулана далее на восток на [illegible] четырех фарсахов друг от друга стояли города Мирки и Ас[illegible]. Затем караваны шли через города Нузкет и Харраджуван в Джуль. [illegible] Джуля дорога вела в Сарыг, затем в «селение тюркского кагана» и в [illegible]рмирау.

[illegible] Кирмирау дорога приводила в один из крупнейших городов Семиречья Навакет (Китайский Синчэн). Оба названия переводятся как [illegible]. Навакет был резиденцией тюркских каганов и городом со[illegible]ниц.

[illegible] Навакета через Пенджикент (Бунджикет) дорога приводила в крупнейший город Семиречья Суяб — столицу западных тюрков (затем тюрг[illegible], карлуков). О нем пишут китайские и арабские путешественники вплоть до X в. Роль столицы переходит к городу Баласагуну, раннее на[illegible] которого, видимо, было Беклиг или Семекна. Баласагун известен как столица Караханидов, затем Каракитаев, которые его и разрушили в начале XIII в. Город был заново отстроен, но уже в XIV в. лежал в развалинах. Местоположение этих городов находится неподалеку от современного г. Токмака и соответствует двум известным средневековым памятникам — городищам Акбешим и Бурана.

Из Суяба Шелковый путь шел либо по северному, либо по южному берегам Иссык-Куля. На южном отрезке караваны проходили крупный город Верхний Барсахан, а северный отмечен остатками небольших караван-сараев, названия которых до нас не дошли. Затем эти пути соединялись у перевала Бедель, и через него либо Ташрабат Шелковый путь приводил к Кашгару и Аксу.

Из Иссыккульской котловины через перевал Санташ и долину Каркары путь вел в Илийскую долину и затем по правому берегу Или через долины Усека и Хоргоса — в Алмалык, а по северной оконечности пустыни Такла-Макан, через оазисы Хами и Турфан — к Дунхуану и в Китай.

В X—XII вв. одно из ответвлений Шелкового пути пересекало всю Илийскую долину с юго-запада на северо-восток. Ответвление начиналось в Навакате, затем шло на Бунджикет и через перевал Кастек приводило на северные склоны Заилийского Алатау. На перевал шла еще одна дорога — из Баласагуна. Здесь приметным ориентиром были священные горы Урун-Ардж. Трасса проходила через небольшие городки в предгорьях Заилийского Алатау, находившиеся на месте Кастека, Каскелена и Алматы, и достигала города Тальхиза (Тальхира), который расположен на северной окраине города Талгар. Здесь у подножия гор на правом берегу р. Талгар находятся развалины крупного средневекового городища. Тальхиз (Тальхир) был крупным центром транзитной торговли.

В Илийскую долину попадали и другим путем: от Кулана, Аспары либо Нузкета к городам среднего и нижнего течения*' Чу. Через брод Ташуткуль дорога шла на северные склоны Чуйлиских гор к городам вдоль северных склонов Заилийского Алатау.

В Тальхизе Шелковый путь разветвлялся. Южная часть шла через Иссык, Тургень, Чилик к переправе через Или в районе Борохудзира, а затем по правому берегу Или он шел через Хоргос на Алмалык, соединяясь с маршрутом, шедшим сюда из долины Иссык-Куля. На этом отрезке археологи нашли развалины небольших городков Иссык, Тургень, Лавар и крупного г. Чилик. По правому берегу Или дорога шла через современные поселения Кок-Тал и г. Джаркент. В районе Кок-Тала располагался Илиба-лык.

Северная дорога из Тальхиза тянулась вдоль р. Талгар до переправы на р. Или в районе Капчагайского ущелья. После нее путь вел на Чингильды, затем через перевал Алтын-Эмель дорога спускалась в долину Коксу и достигала города Икиогуз, находившегося на месте современного с. Дунгановка. Вильгельм Рубрук называет город Эквиусом. Именно здесь обнаружено одно из крупнейших городищ Илийской долины. В этом городе, как свидетельствует посетивший его в 1253 г. Вильгельм Рубрук, жили «сарацины» (иранские купцы).

Из Икиогуза путь шел к Каялыку (Койлаку) — столице карлукских джабгу. Город славился своими базарами. В нем кроме мусульман жили христиане, имевшие свою церковь. Об этом сообщает посетивший город посол Людовика IX к монгольскому хану Мунко монах Вильгельм Рубрук. Каялык был столицей карлуков, которым в IX — начале XIII вв. принадлежала северовосточная часть Илийской долины. Он находился в долине р. Каратал, на окраине с. Антоновского. Неподалеку от Каялыка, судя по записке Рубрука, находилось христианское селение, через которое также проходил Шелковый путь. Далее он следовал в долину Тентека и, обогнув Алакуль, через Джунгарские ворота приводил в долину Шихо и оттуда через Бешбалык шел в Дунхуан и внутренний Китай.

На юго-восточной оконечности Алакуля стоял город, который путешественники XIII в. называли «Столицей области».

Из Исфиджаба шла также караванная дорога в Арсубаникет на Арыси, в Отрар-Фараб и далее вниз по Сырдарье — в Приаралье.

На караванной дороге, которая шла вдоль Сырдарьи, наиболее крупными городами были Отрар-Фараб и Шавгар. Название первого сохранилось до сих пор в имени крупного городища, находящегося неподалеку от впадения Арыси в Сырдарью.

Отрар был узлом многих караванных путей. Отсюда одна дорога вела в Шавгар, а другая — на переправу через Сырдарью к городу Васиджу. Из него шел путь вверх по Сырдарье, через огузский город Сюткент в Шаш, а вниз — в Дженд. Отсюда же через Кзыл-Кумы была проложена трасса в Хорезм, Ургенч, а оттуда — в Поволжье и на Кавказ. Этот отрезок Шелкового пути был особенно оживленным в XIII в. и проходил через Дженд, Сарайчик, Сарай-Бату и Каффу.

Шавгар известен в источниках уже в VIII в., ему соответствует городище Чуй-Тобе, расположенное рядом с Туркестаном. На месте современного Туркестана рядом с Шавгаром в X—XII вв. сформировался город Яссы, где жил и проповедовал известный поэт, суфий Ахмед Ясави.

Из Шавгара путь шел к городу Янгикенту — столице государства кимаков. Отсюда шла также дорога через Кзыл-Кумы в Хорезм.

Из Шавгара и позднее Яссы через перевал Турлан дорога выходила на северные склоны Каратау и шла параллельно той, что тянулась вдоль Сырдарьи. На этом пути стояли города Сузак, Уросоган, Кумкент, Сугулгент. Выводила же она либо в низовья Таласа, откуда поднималась вверх к Таразу, либо шла вдоль западного берега озера Бийликуль через города Берукет-Паркет и Хутухчин также к Таразу.

От основной трассы Шелкового пути, проходившей через Южный Казахстан и Семиречье, отходили дороги на север и восток, которые вели в районы Центрального и Восточного Казахстана в степь Дешт-и Кыпчак, позднее известную как Сары-Арка, к берегам Иртыша, на Алтай и в Монголию. Здесь проходил степной путь, по которому передвигались племена конных кочевников. Богатые скотом, шерстью, кожами, металлом районы Центрального Казахстана были вовлечены в систему торговых связей, в том числе и международных, и включены в систему Шелкового пути многими караванными дорогами.

Из Отрара через Арсубаникет, долинами Арыстанды, Чаяна, перевалив невысокие горы Каратау, из Шавгара и Яссы через перевал Турлан, из Саурана и Сыгнака, из Янгикента дороги выходили в степи Центрального Казахстана и достигали берегов Сарысу и Кенгира, Тургая и Ишима. Здесь открыты остатки средневековых городищ: Болган-Ана, Жаман-Курган, Ногербек-Дарасы, Домбгаул, Милы-Кудук, Ормамбет. Видимо, именно здесь следует локализовать упомянутые в средневековых источниках города Жубин, Конгликет, летовки Ортаг и Кейтаг, рудные разработки Гарбиана и Бакирлытага.

Из Тараза через города Адахкес и Дех-Нуджикес шел торговый путь на Иртыш — к резиденции хакана кимаков и далее, в страну кыргызов на Енисей.

Илийская долина соединялась с Центральным Казахстаном дорогой, которая шла вдоль северных склонов Чуйлийских гор, затем по Чу в ее низовьях и затем к берегам Сарысу.

Другая трасса отходила от северо-илийской в районе Чингильды и через перевалы Коктал и Бояулы — в Прибалхашье, а затем вдоль протоки р. Или Ортасу, где находятся остатки городища Актам и почти соединяются южный и северный берега озера, оставляя пролив шириной чуть больше 8 км. Караваны переходили пролив вброд и выходили к устью р. Токрау, а затем по ее берегам шли к предгорьям Улутау.

От северо-илийского пути отходило направление, огибавшее Алакуль с западной стороны и через Тарбагатай приводившее на Иртыш, в земли государства кимаков. В Тарбагатае и на берегах Иртыша располагались кимакские города Банджар, Ханауш, Астур, Сисан и «столица хакана»

— огромный город, окруженный укрепленной стеной с железными воротами. Города кимаков были связаны торговыми дорогами с городами кыргызов на Енисее, уйгуров в Монголии и оазисами Восточного Туркестана.

Торговля и товары. Шелковый путь вначале служил для экспорта китайского шелка. В свою очередь, из Рима, Византии, Индии, Ирана, Арабского халифата, а позднее из Европы и Руси по нему шли мирра и ладан, жасминовая вода и амбра, кардамон и мускатный орех, женьшень и желчь питона, ковры и полотна, красители и минеральное сырье, алмазы и яшма, янтарь и кораллы, слоновая кость и «рыбьи бивни», слитки серебра и золота, меха и монеты, луки и стрелы, мечи и копья и многое др. По Шелковому пути везли на продажу знаменитых «потокровных» коней Ферганы, арабских и нисийских скакунов, верблюдов и стонов, носорогов и львов, гепардов и газелей, ястребов, павлинов, попугаев и страусов.

По Шелковому пути распространялись культурные растения: виноград, персики и дыни, пряности и сахар, овощи и фрукты, зелень.

Однако главным предметом торговли оставался шелк. Наряду с золотом он был международной валютой, им одаривали царей и послов, выплачивали жалованье наемному войску и государственные долги.

Шелк и часть товаров, провозимых по Шелковому пути, оседала в городах казахстанского участка. Археологические находки -яркое тому свидетельство[2].

К числу редкостных по назначению находок, важных для изучения международной торговли, относится серебряный клад из Отрара. По своему составу он денежно-вещевой. Состав монетного собрания клада уникален: в нем представлены монетные дворы восточнотуркестанских городов — Алмалыка, Пулада и Эмиля (Омыла), Орду ал-Азама; европейских — Крыма; малоазиатских -Сиваса, Конии, Тебриза; казахстанских — Дженда. Время чеканки монет относится ко второй половине 60-х гг. XIII в. Клад содержит своего рода «визитные карточки» городов, стоящих на Шелковом пути[3].

По Шелковому пути распространялись не только изделия, но и мода на художественные стили, которые могли иметь социальный заказ и, попадая на подготовленную почву в определенную этнокультурную среду, получали широкое распространение.

§ 2. Взаимодействие и взаимообогащение культур

Уже в начале средних веков в Азии была распространена концепция четырех царств мира, которые символизировали обширные регионы и страны. Каждое из этих «царств мира» в глазах современников обладало присущими только ему преимуществами. Такие государства, как Китай, объединившийся под властью династии Суй (589—618), а затем Тан (618—907), царства индийских владетелей; объединение тюрков от Тихого океана до Черного моря, Персии и Византии, послужили основой идеи четырех мировых монархий, расположенных по четырем сторо-

[illegible] империи царя слонов на юге (Индия), царя драгоценностей [illegible] (Иран и Византия), царя коней на севере (тюркские каганаты), [illegible] на востоке (Китай). Та же идея перешла и к мусульманским [illegible]

Подтверждением этой концепции являются росписи в селении Кушания [illegible] Самарканда, покрывавшие стены здания, где на одной были изоб[illegible] китайские императоры, на другой — турецкие ханы и индийс[illegible] брахманы, на третьей — персидские цари и римские императоры[5].

Современники тех далеких событий писали не только об успехах свое[illegible] государств, но и об освоении ценностей чужих культур, и в этом было [illegible] содержание одной из реальных форм всемирной культуры.

Наряду с распространением товаров, культурных образцов и эталонов в прикладном искусстве, архитектуре, настенной живописи по стра[illegible] Востока и Запада распространялись искусство музыки и танца, зре[illegible] представления[6].

Иностранные оркестры входили в состав придворного персонала. Известно, что царственный меломан Сюань Цзунь содержал 30 тыс. [illegible]. Сохранились описания приемов послов тюркским каганом [illegible] ставке вблизи Суяба. «Каган, — пишет очевидец церемонии буддийс[illegible] паломник Сюань Цзянь, — приказал поставить вина и начать музы[illegible] Все это время раздавалась иноземная музыка, сопровождаемая ме[illegible] ческим перезвоном. И хотя это была музыка варваров, она даже [illegible] слух, радовала сердце и мысли». Известно, что наиболее попу[illegible] рной в Танском Китае была музыка Восточного Туркестана и Средней Азии. Музыкальные традиции Кучи, Кашгара, Бухары и Самарканда, Индии под официальным покровительством слились с музыкальной ки[illegible] тайской традицией.

Иранские, согдийские и тюркские актеры много внесли и в хореографическую культуру Китая. Например, в Константинополе часто «гастролировали» артисты с Востока. Так, на знатном обеде у византийской императрицы в честь русской княгини Ольги присутствующих развлекали шуты и эквилибристы, а на празднествах, устроенных Мануилом I в честь сельджукского султана Арсла-на II, выполнял рискованное сальто тюркский акробат. Давались также представления в масках.

Эти традиции сохранялись и в более позднее время в мусульманских странах. Известно, что во время празднования навруза в Багдаде устраивались представления в масках перед Халифом[7].

В разных местах при раскопках памятников на Шелковом пути найдены многочисленные материальные подтверждения развития и взаимообогащения культуры: коллекция терракот танского времени, изображающая танцоров и танцовщиц, актеров в масках, музыкальные ансамбли, уместившиеся на верблюжьих горбах: Лица многих из этих артистов принадлежат представителям народов Средней Азии. На степных росписях, сохранившихся в парадных залах Пенджикента, Варахши, Топрак-Калы и в городах Восточного Туркестана, изображены музыканты, актеры. Прекрас-ная деревянная скульптура танцовщицы найдена в

Пенджикенте. Глиняная маска артиста X—IX вв. — при раскопках сырдарьинско-го города Кедера.

Пути религий. По Шелковому пути распространялись и религиозные идеи, а миссионеры разносили свою веру в заморские страны. Из Индии через Среднюю Азию и Восточный Туркестан в Китай пришел буддизм, из Сирии, Ирана и Аравии — христианство, а затем ислам.

По мнению исследователей, проникновение буддизма из Индии в Китай шло через Среднюю Азию и Казахстан. Начался этот процесс с середины I в. до н. э. В распространении буддизма в Восточном Туркестане и Китае важная роль принадлежала среднеазиатским богословам и миссионерам, в особенности согдийцам, парфянам, кангюйцам. Распространение буддизма, особенно активное во II—III вв. н. э., видимо, было связано с политическими целями Кушанского государства на Востоке.

В раннем средневековье роль основных миссионеров буддизма взяли на себя согдийцы. Именно они сыграли важную роль в распространении буддизма в Центральной Азии. Анализ терминов из тюркских буддийских текстов Восточного Туркестана свидетельствует о том, что они были заимствованы при посредничестве согдийцев. Буддийские памятники обнаружены в ряде городов на трассе Великого шелкового пути[8].

Тюрки с VI в. испытывали сильное влияние буддизма. Сюань-Цзян пишет о благожелательном отношении к буддизму кагана западных тюрков. По мнению исследователей, в первой половине VII в. некоторые правители западных тюрков стали буддистами или покровительствовали буддизму. Это было связано с переходом их к оседлости и городской жизни.

На юге Казахстана и в Семиречье буддизм имел достаточно широкое распространение. Об этом говорят в первую очередь находки буддийских сооружений. Памятники буддизма открыты на городищах Чуйской долины Ак-Бешиме, Красной речке, Новопок-ровском, Новопавловском: храмы, монастыри, часовни, а также находки статуэток и стелл с буддийскими персонажами и сценами.

Достаточно широко среди случайных находок представлен индийский импорт: бронзовые и серебряные с позолотой и инкрустацией драгоценными камнями статуэтки будд и бодисатв, бронзовые бляшки и пластины, каменные рельефы в виде мелких поделок и стелы с сюжетами буддийской иконографии, составлявшие некогда иконостасы и реликварии буддийских храмов и монастырей.

К числу последних открытий археологов относится подземный монастырь, обнаруженный неподалеку от развалин известного средневекового города Исфиджаба (Сайрама).

Наряду с буддизмом по Шелковому пути, следуя с Запада на Восток, распространялось христианство. В первой половине V в. в Восточной Римской империи возникла «еретическая» секта приверженцев священника Нестория. Последний учил, что дева Мария родила не бога, а человека и что Христос был только «обителью божества», носителем святого

По мнению Нестория, деву Марию следует называть не богородицей, а христородицей. Именно это новшество произвело смятение в [illegible]. Это противоречило принятому на Никейском соборе в 325 г. символу веры, согласно которому Христос считался обладателем нераздельно [illegible] ипостасей — человеческой и божественной, и отрицание единосущности его с богом-отцом ортодоксальная церковь признавала как [illegible] ересь. Учение Нестория было осуждено на Эфесском соборе в 431 г., и начались жестокие гонения на несториан. В результате преследований они вынуждены были бежать в Иран. Сторонники Нестория организовали в Персии, в городе Нисибине школу, которая сплотила политическую оппозицию Византии.

Богатые сирийские купцы и ремесленники, лишившись рынка в Константинополе, двинулись на Восток. Их колонии и торговые фактории тянулись от берегов Средиземного моря до «Небесной империи». На всем протяжении этого пути неизменно встречаются свидетельства сирийской письменности, сирийского христианства, распространение которого началось уже в самый ранний период его истории. Многовековые экономические связи сирийцев обусловили их культурное влияние и на Аравийском полуострове, и в Индии, и в областях Средней Азии, где иранские и тюркские наречия оказались в известной мере под воздействием сирийского языка[9].

В VII—VIII вв. несторианство широко распространялось в городах Южного Казахстана и Семиречья. Во многих городах имелись христианские церкви. При патриархе Тимофее (780—819) христианство было принято царем тюрков, видимо, карлукским джабгу. На рубеже IX—X вв. была образована особая карлукская митрополия, в Таразе и Мерке действовали христианские церкви, христиане проживали и в городах Сырдарьи.

О христианах Илийской долины, которые имели свою церковь в Каялыке, а также свое селение, сообщает Вильгельм Рубрук. Известно, что на берегу Иссык-Куля в XIV в. стоял христианский монастырь, в котором хранились мощи святого Матфея.

При раскопках некрополей городов Джамуката и Невакета были обнаружены захоронения христиан с серебряными и бронзовыми крестами. Известна и случайная находка нефритового креста на городище Красная речка. В музее г. Шымкента хранится каменная ступка, найденная на городище Торткольтобе. На ней изображены символы христанства — крест и голубь. При раскопках Тараза в слое VI—VIII вв. найдена керамическая кружка с сирийской надписью «Петр и Гавриил».

К выдающимся произведениям религиозного искусства и религиозной символики среднеазиатских христан, тюрков по национальности, за период появления христанства в этих краях до конца XIV в., относятся кайраки — надгробные камни с несторианскими надписями и символикой.

О существовании христианских общин в Семиречье свидетельствуют не только надмогильные сирийские надписи, но и согдийские надписи

на керамике, на венчиках больших хумов для вина. На одном из них было написано: «Этот хум (предназначен) для учителя Яарук-Тегина. Мастер Пастун. Пусть будет он (хум) наполненным, аминь, аминь!». Слово «учитель» в этой надписи аналогично терминам тюро-согдийских эпитафий — «учитель наставник». Заключительное «аминь» не оставляет сомнений, что Яарук-Тегин был руководителем христианской общины.

Таким образом, археологические и эпиграфические находки вкупе с данными средневековых источников показывают пути распространения христианства[10].

По Шелковому пути распространилось и манихейство, возникшее в III в. в Иране и быстро завоевавшее большое число приверженцев от Италии до Китая. Она представляла в целом синтез зороастризма и христианства. Из христианства манихейство заимствовало идею мессианства, а из зороастризма — идею борьбы добра и зла, света и тьмы. Ведущую роль в распространении манихейства играли также согдийцы. В начале VIII в. верховный глава манихеев имел резиденцию в Самарканде. Манихейство сосуществовало с буддизмом в Средней Азии на протяжении длительного времени, причем буддизм оказал сильное влияние на пантеон, терминологию и даже концепцию манихейства.

Своих приверженцев имело манихейство в Семиречье и на юге Казахстана, в первую очередь, в среде оседлого населения. В обнаруженной в Турфанском оазисе древнеуйгурской рукописи манихейского сочинения «Священная книга двух основ» говорится о том, что эта книга писалась в городе «Аргу-Таласе Алтын Аргу Талас-Улуше, Талас-Улуше», «чтобы пробудить (веру) в стране десяти стрел». Речь здесь идет об известном городе Таразе. Известно также, что манихейские обители были еще и в других семиреченских городах, в том числе в Баласагуне, Чигильбалыке».

Видимо, к числу манихейских реликвий следует отнести найденный при раскопках Тараза бронзовый медальон с женским изображением с луной (полумесяцем), которая является символом манихейского астрального божества.

Среди жителей средневековых казахстанских городов были представители и зороастризма, возникшего в VII—VI вв. до н. э. на территории древнего Ирана. Для обрядовой практики его характерно почитание четырех элементов Вселенной — воды, огня, земли, воздуха. Памятники зороастризма можно проследить в Средней Азии, в Согде, в сырдарьинских городах и Семиречье. Это остатки башнеподобных сооружений, которые можно связывать с башнями огня. Они сохранились в топографии городищ Костобе и Красная речка. Однако в Средней Азии и Казахстане получил распространение особый вариант зороастризма, отличный от канонического. Он был тесно переплетен с местными языческими культами: с культом огня, рода предков, животных — барана, лошади, верблюда. Находки, связанные с этой религией, представлены захоронениями в оссуариях — глиняных ящиках для костей, хумных захоронениях, трупоположением в наземных склепах — на-усах, захоронениях кучек костей. Многие, связанные с зороастризмом культы продолжали бытовать в городах Казахстана и после появления ислама.

[illegible] в домах Отрара XII в. археологи обнаружили очаги-алтари, вмазанные в пол. Богато украшенные резьбой, они служили для возжигания [illegible]. Это были отсветы великих огней маздеизма, которые продолжали [illegible] в домах горожан, даже тех, в которых утвердился ислам и была [illegible] арабская письменность[12].

[illegible] распространившийся в Казахстане ислам постепенно вытеснил христианство, и буддизм, и зороастризм, и местные культы. Новая религия утвердилась во многих городах на Шелковом пути.

Источники, повествующие о событиях конца VIII—IX вв., свидетельствуют об исламизации населения Южного Казахстана. В 840 г. Нух ибн Асад подчинил себе Исфиджаб. В 859 г. его брат Ахмед ион Асад совершил поход на Шавгар. Карлуки, захватившие с 766 г. политическое господство в Семиречье и на юге Казахстана, подверглись наибольшему влиянию мусульманской культуры. Есть мнение о том, что они приняли ислам еще при халифе Махди (775—785 гг.) Однако, видимо, это относилось лишь к какой-то их части, так как в 893 г. Исмаил ибн-Ахмад взял Тараз и «обратил главную церковь этого города в мечеть».

В начале X в. ислам принял родоначальник династии Карахани-дов Сатук, а его сын Богра-хан Харун б. Муса в 960 г. объявил ислам государственной религией. Постепенно новая религия распространяется и в среде кочевников. Тот же Ибн Хаукаль сообщает о тюрках-мусульманах, кочевавших между Фарабом, Кенджидой и Шашем. Имеются сведения о распространении ислама в XI—XII вв. в среде кыпчаков.

Археологические раскопки памятников IX—начала XIII вв. свидетельствуют о формировании городской мусульманской культуры в области. В Таразе и Мирки христианские церкви были превращены в мечети. По мере роста населения, исповедующего ислам, в городах строятся соборные мечети.

К постройкам, которые появляются в городах Средней Азии и Казахстана в период распространения ислама, относятся общественные бани.

Во второй половине IX—X вв. меняется погребальный обряд. Появляются погребения в грунтовых ямах, склепах из сырцового кирпича, погребенные ориентировались на северо-запад, лицом на юг. Инвентаря в погребениях нет. Наиболее ранние мусульманские некрополи открыты в Отрарском оазисе и датируются IX—X вв. К X в. относится некрополь Буранинского городища.

В XI—XII вв. на некрополях появляются монументальные мемориальные сооружения — мавзолеи (например, Айша-Биби, рядом с г. Жамбылом).

Найдена керамика с использованием декоративных возможностей арабского шрифта. Часть надписей носит чисто декоративный характер, но некоторые содержат различного рода благопожела-ния, назидания. В изделиях из металла распространяется мода на изделия, также украшенные благожелательными надписями и надписями религиозного содержания[13].

На Шелковом пути в городах Казахстана, где встречались Запад и Восток, Европа и Азия, создалась благоприятная почва для взаимопроникновения и взаимообогащения непохожих культур.

§ 3. Города и поселения в VI — первой половине IX века

На обширной территории Казахстана издревле выделяются крупные историко-культурные регионы развития оседлой, а в средние века и городской жизни. Одними из них были Южный Казахстан и Семиречье. Южный Казахстан, или Присырдарьин-ская географическая провинция, ограничивается на севере степями Центрального Казахстан, на юге — Таласским Алатау, на востоке — Джувалинским плоскогорьем, на западе — песками Кзыл-Кумов.

Особое место в Южном Казахстане занимает долина Сырдарьи. Древнее название Сырдарьи, переданное греками в форме Яксарт, сохранялось до VI—VII вв. Затем она стала именоваться Сейхун, Кангар, Гюль-Зариун, Йинчу-Огуз и лишь в XVI в. вновь приобретает популярность ее первоначальное название Сыр. В Семиречье выделяются два историко-культурных района: Юго-Западное и Северо-Восточное Семиречье.

В науке большое внимание уделяется одной из сложнейших исторических проблем — взаимодействию оседлых и кочевых племей, народов, города и степи. В науке существует так называемое евроцентристское направление, в котором кочевники представлены как варвары в противовес цивилизованным земледельцам.

В последние годы появились и другие взгляды на проблему, несколько идеализируя кочевников, исследователи отмечают такие их качества, как уважение к старшим, гостеприимство, обычаи побратимства, свободолюбие. Однако неправомерно рассматривать «кочевой мир» обособленно от соседнего с ним оседлого и городского, между которыми испокон веков существовали и развивались тесные этнические, экономические и культурные связи. Торговля, спрос на продукты животноводства были важными причинами расширения скотоводческого хозяйства. Во взаимной торговле, сбыте продукции ремесла и сельского хозяйства было заинтересовано население и города и степи.

Конечно, не всегда отношения кочевников и земледельцев были мирными. Имеется множество исторических фактов об опустошительных набегах, нашествиях кочевников, но в то же время есть сведения и о не менее жестоких по своему характеру походах владетелей оседлых народов на степняков. История знает в то же время примеры, когда кочевники и горожане выступали вместе против внешних врагов. В целом же историческая закономерность развития оседлых областей и городов Казахстана и Средней Азии с кочевниками степей определялась тесными экономическими связями. Их взаимоотношения были явлением, стимулирующим развитие и тех и других, зачастую в рамках одного государства, одной экономической структуры. Отмечается еще одна важная закономерность: то, что на всем протяжении древней и средневековой

истории под влиянием различных факторов наблюдается переход кочевников к оседлой и городской жизни.

Первое описание городов Семиречья принадлежит буддийскому паломнику Сюань Цзяню, проехавшему здесь в 630 г. Он сообщал: «Пройдя более 500 ли на северо-запад от Прозрачного озера, прибыли в город на реке Суй-е (Суйап, Суяб). Этот город в окружности 6—7 ли. В нем постоянно живут торговцы из разных стран и хусцы. Прямо на западе от Суйе находится несколько десятков одиночных городов и в каждом из них своя старейшина. Хотя они не зависят один от другого, но все они подчиняются тудзюю (кагану). Страна от города Суй-е до Гэшуанна (Кульджа) называется Сули, ее население также носит это имя... Тех, кто возделывает поля, и тех, кто преследует выгоду,—поровну»[14].

Ряд исследователей считает, что земледельческая культура на территории Семиречья появилась в результате согдийской колонизации. Существует и противоположная, автохтонная модель происхождения городской культуры Семиречья, по которой регион Южного Казахстана и Семиречья не был объектом колонизации Согда, а самостоятельным, с особой экономикой и культурой регионом, сыгравшим значительную роль в исторических и экономических судьбах народов Средней Азии. Однако эту проблему нельзя решать только с позиций этногенетических, необходим и культурологический анализ.

В Согдийском культурном комплексе находят воплощение и функции города как центра ремесла, торговли и сельского хозяйства. Показательно сложение городского быта, который в археологических материалах представлен устойчивыми канонами жилой архитектуры, терракотой, керамическими наборами, надписями на керамике, монетами, погребальными сооружениями и обрядом захоронения. Распространение согдийского культурного комплекса в Семиречье происходило отчасти путем непосредственного переселения сюда согдийцев. С другой стороны его можно объяснить как отражение процесса культурной интеграции. Согдийцами были основаны города Джамукат, Бунджикат.

Одновременно с согдийским культурным комплексом в Семиречье, на юге Казахстана и в Мавераннахре распространяется и тюркский культурный комплекс, представленный в археологических материалах такими массовыми находками, как металлическая посуда и вооружение, предметы с руническими надписями. В результате в VI — первой половине IX вв. в Семиречье и Средней Азии складывается своеобразный культурный комплекс, который можно назвать тюркско-согдийским.

Интенсивный культурный синтез проходил на фоне этногенетических процессов. Таким образом, в период раннего средневековья на юге Казахстана и в Семиречье сложилась своеобразная культура, которая интегрировала в себе культурные достижения Согда и тюркский культурный комплекс. Наиболее яркое проявление этой интеграции наблюдается в культуре города[15].

Археологическими исследованиями на юге Казахстана зафиксировано 25 городищ со слоями VI—IX вв., которые можно считать остатками городов. Известны названия некоторых из них —Исфиджаб, Шараб,

Будухкет, Отрар (Фараб), Шавгар. В этих городах выделяются: арк (цитадель), шахристан (внутренний город) и рабад (пригород).

В юго-западном Семиречье (Чуйская и Таласская долины), по археологическим данным, насчитывается 27 городищ, которые в большинстве своем отождествляются с летописными городами Таразом, Куланом, Атлахом, Джамукатом, Мерке.

В отличие от южноказахстанских городищ топография семиреченских иная: в них прослеживается центральная часть, состоящая из цитадели и шахристана, и пригородная территория, обнесенная длинной стеной. Так, шахристан городища Кок-Мардан в Отрарс-ком оазисе по уровню VI — первой половины VII вв. был застроен кварталами, что характерно для феодального города со свойственным ему замыканием людей в группы, связанные родственными узами, общей профессией, религией. Городское жилище здесь характеризуется двумя типами домов. К первому относятся квадратные либо прямоугольные в плане однокомнатные наземные дома. Вариантами этого типа являются дома, заглубленные в землю. Вдоль всех стен или трех располагались суфы. В центре или ближе к выходу устраивался прямоугольный или с закруглением части напольный очаг с бортиками из глины.

Ко второму типу относятся двухкомнатные дома, в которых кроме жилого помещения имелась небольшая кладовая.

В основе жилища Семиречья лежит принцип расположения в ряд длинных узких помещений, объединенных коридором, через который сообщались комнаты — «гребенчатая планировка».

В цитаделях городов располагались дворцы правителей, интерьер которых украшали росписями, резьбой по глине и резным деревом.

Города являлись центрами ремесел и торговли. Кроме международной торговли получила развитие местная областная торговля и торговля с кочевниками. О развитии ее свидетельствуют находки монет, которые обслуживали международную и областную торговлю. В его среде получили распространение различные религии. В процессе сложения городской культуры тюркские племена принимали самое активное участие, оседая в городах и оазисах Южного Казахстана, Семиречья и Средней Азии. Их культура являлась одним из слагаемых в раннесредневековой городской культуре всего среднеазиатско-казахстанского региона.

Местные особенности развития городской культуры на юге Казахстана и юго-западе Семиречья накладывали своеобразие на топографию городищ, городское жилище, керамику, идеологию в каждом из этих районов и всей области в целом.

§ 4. Города и поселения во второй половине IX — начале XIII вв.

Арабское завоевание оказало сильное воздействие на жизнь Средней Азии. И хотя ни юг Казахстана, ни Семиречье не попали под власть арабов, тем не менее последствия завоеваний сказались на городской

[illegible] области. Связанная тесными экономическими и культурными [illegible] со Средней Азией, она испытала сильное воздействие мусуль[illegible] культуры, которая распространилась в первую очередь в среде [illegible] населения.

Письменные источники свидетельствуют об увеличении числа горо[illegible] в указанное время.

В предгорной полосе Таласского Алатау, судя по этим данным, по[illegible]лись города Джумишлагу и Манкент; на Средней Арыси сформиро[illegible] округ Кенджиде с центром в Усбаникете; в Отрарском оазисе — [illegible] города Кедер, Весидж и Бурук, в округе Шавгар — Яссы, Шагильджан, [illegible], Карачук; Сауран; в низовьях Сырдарьи — Сыгнак, Дженд, Аса[illegible], Барчкент; на северных склонах — Баладж и Берукет. Некоторые из них существовали и раньше в качестве небольших поселений и горо[illegible], но в IX — начале XIII вв. они сформировались в городские центры.

В юго-западном Семиречье число новых городов также увеличилось. В Таласской долине — это Джикиль, Балу, Шельджи, Текабкет, Куль, [illegible], Кенджек. В Чуйской долине главным городом становится Баласагун.

В IX—начале XIII вв. сложился новый район городской культуры в северо-восточном Семиречье. Средневековые источники называют города Гальхир, Лабан, Ики-огуз, Каялык.

В этот период оседлая и городская жизнь распространяется в Центральном Казахстане. Города и поселения располагались в долинах Джезды, Кенгира, Сарысу, в предгорьях Улутау.

Города также появились в Восточном Казахстане, в долине Иртыша. Письменные источники сообщают, что эти города принадлежали кимакам. Наиболее крупным был город Имакия — летняя резиденция царя (хакана). Кроме столицы были известны города Дамурия, Сараус, Бенджар, Дахлан, Астур.

Города-ставки возникают и в Западном Казахстане, в долинах Урала. Они принадлежали тюркам-огузам.

Раскопки городищ дают представление о тех изменениях в их застройке, которые произошли по сравнению с предыдущим периодом.

На юго-восточной части городища Куйруктобе на Сырдарье открыты остатки кварталов XI — начала XII вв. В каждом из них насчитывалось соответственно от 8 до 10 домов. Один из раскопанных кварталов города имел ремесленную специализацию — был заселен гончарами.

Раскопки городища Талгар в северо-восточном Семиречье показали, что и этот город был застроен кварталами. Однако площадь их была большей, чем на Куйруктобе. Дома группировались вдоль участка магистральной улочки. Всего домов в квартале 12-14.

Новым элементом в застройке городов стали мечети. Известно сообщение автора X в. аль-Максиди о строительстве соборной мечети в городе Кед ере (городище Куйруктобе). Остатки ее были обнаружены и обследованы археологами.

Среди компонентов застройки городов Южного Казахстана и Семиречья, как и других городов Востока, были общественные бани. Две из них открыты на рабаде Отрара и две на шахристане Тараза.

В XI — начале XII вв. появляются новые типы жилища. Это жилище, состоящее из трех помещений, расположенных по длинной оси (анфиладная планировка), дом с помещениями на пересекающихся осях (крестообразная планировка) и дом с помещениями, поставленными в ряд, длинной осью, перпендикулярно к магистральной или внутриквартальной улочке.

В домах XII в., которые тоже продолжают традиционную линию развития южноказахстанского городского жилища, появляются очаги нового типа — круглые и прямоугольные жаровни-сандалы, богато украшенные растительным и геометрическим орнаментом.

Новые типы жилища появляются в городах юго-западного Семиречья. Для них характерен центрический план, когда жилища и хозяйственные помещения группируются вокруг дворика или зала. Такая планировка была характерна для рядовых и богатых домов.

Городское жилище XI—XII вв. северо-восточного Семиречья известно по раскопкам города Талгара. Все дома относятся к одному типу. Они состояли из 4—6 жилых и хозяйственных помещений и двора. Основания стен сложены из каменных валунов. В строительстве использовалась пахса, сырцовый кирпич, жженый кирпич и дерево.

Дворы обнесены глухими стенами из камня. В них были загоны для скота и конюшни с отдельными стойлами для животных. Во дворах некоторых талгарских домов обнаружены основания от юрт. Сочетание жилья с двором для скота, наличие юрт свидетельствует о сохранении в жизни горожан северо-восточного Семиречья традиций скотоводческого и кочевого хозяйства.

Намечается прогресс в керамическом ремесле. По сравнению с периодом раннего средневековья, доля лепной посуды резко снижается. Появляется поливная керамика. Выделка стеклянных изделий в городах Казахстана относится к IX в., а массовое распространение их приходится на X—XII вв. Наиболее распространенными видами изделий были графины, кувшины, чаши, кубки, кружки, флаконы. Из стекла изготавливались оконные диски.

Кузнечное ремесло было одним из наиболее важных в городе. О его развитии, технических возможностях дают представление массовые находки железных изделий. Производство изделий из меди было распространено в городах повсеместно, тем более разработки на полиметаллы и медь находились неподалеку от городских центров в Каратау, Киргизском, Таласском, Заилийском и Джунгарском Алатау. Медники изготавливали посуду, чираги, подставки под них. Зачастую они работали с драгоценными металлами, будучи одновременно и ювелирами.

Развитие получили косторезное ремесло и обработка камня. Из кости и рога изготавливались ручки ножей, пуговицы, украшенные резным орнаментом, булавки. На городище Талгар найдены костяные шахматные фигурки.

Высокого уровня достигла в это время торговля. Международная торговля по Шелковому пути известна по сведениям средневековых авторов. При раскопках и в кладах найдены импортные изделия — художественная посуда, монеты. Крупными торговыми центрами оставались Исфиджаб, Кедер, Отрар, Тараз, Навакет, Баласагун. К ним прибавились еще несколько города северо-восточного Семиречья, как Каялык, Ики-Огуз. В Исфиджабе имелись крытые рынки и рынок полотна, караван-сараи. Некоторые из караван-сараев были населены купцами из Самарканда и Бухары, а купцы из Исфиджаба ездили с товарами в Багдад, торговцы из Исфагана имели свои караван-сараи в Шельджи.

Развивается торговля города с округой и степью. Известны некоторые из товаров, которые попадали в казахстанские города из степи, — это шкуры и меха.

Для IX—XII вв. характерен рост товарно-денежных отношений, вытеснивших натуральный обмен. Работают монетные дворы в Исфиджабе, Отраре, Таразе, Яссах.

Рост городского населения потребовал увеличения товарности сельского хозяйства. Поэтому совершенствовалась система искусственного орошения. Ее развитие хорошо прослежено на материалах Отрарского оазиса.

Как и раньше садоводство, виноградарство, огородничество, полеводство, придомное скотоводство играли важную роль в хозяйстве горожан.

В IX—XII вв. наблюдается заметное изменение в развитии городской культуры. Вовлечение юга Казахстана и Семиречья в сферу политических, экономических и культурных отношений Халифата, Саманидского, Караханидского государства сблизили исследуемую область со Средней Азией. Важную роль в развитии городской культуры стала играть новая религия — ислам[16].

§ 5. Памятники кочевников Казахстана

Как уже отмечалось, в тесной связи с городской культурой развивалась кочевническая культура.

В отличие от Южной Сибири и Алтая, где тюркские погребения с конем, относящиеся к VI—IX вв., представлены достаточно многочисленными курганными могильниками, среди которых эталоном является могильник Кудыргэ, в Казахстане они пока изучены слабо — это погребение Таштюбе в Семиречье, Егиз-Койтас в Центральном Казахстане. Внешне это высокие курганные насыпи из камня или смешанные, под которыми находились грунтовые ямы овальной формы. Покойника клали на спину в широтном направлении. Труп коня помещали на ступеньках или на одном уровне с погребенным с обратной или такой же ориентацией. Они сближаются с погребениями Алтая, с восточной ориентировкой погребенных.

В погребении с конем, обнаруженном вблизи Алматы, человек и конь были положены в одну могильную яму. В могиле обнаружены костяные накладки лука, на костях скелета лежала бронзовая пряжка с подвижным язычком. На язычке пряжки — рельефное изображение лица чело-

века. От поясного набора сохранились пять бляшек-накладок прямоугольной формы, наконечник пояса. На костях груди обнаружены две серебряные пуговицы. Справа от черепа лежала серебряная серьга из двух несомкнутых колец.

К периоду VI—VIII вв. относятся курганные погребения Бори-жарского могильника на Арыси и Шага в Туркестанском оазисе (Южный Казахстан). Это — захоронение тюрок, перешедших к оседлости. Здесь обнаружены коллективные погребения на обмазанных глиной площадках, обнесенных стенками, и в наусах — сводчатых постройках из пахсовых блоков и кирпича. В них обнаружены серебряные и бронзовые пряжки и бляхи от наборных поясов, железные кинжалы и мечи, ножи, украшения и керамика, характерная для оседлого населения[17].

Выделить в общей массе погребальных памятников тюркского времени принадлежащие именно тюргешам невозможно ввиду малого числа раскопанных курганов того времени. Скорее всего, погребальный обряд тюргешей был близок тюркскому. Так же трудно атрибутировать карлукские и огузские древности. Возможно, карлукам принадлежат раскопанные в предгорьях Киргизского Алатау погребения, где труп помещали в могилу лицов вверх, головой на восток, а коня на ступеньке или в отдельной яме. Сопровождающий инвентарь представлен железными двукольча-тыми удилами и стременами с пластинчатой дужкой. По мнению исследователей, карлукам может принадлежать захоронение вблизи Алматы, в котором был найден пояс, украшенный нефритовыми бляхами, и поливная керамика, датируемая XII в.

Археологические памятники кимаков представлены могильниками в долине Иртыша в Восточном Казахстане. Раскопки их позволяют выделить характерные черты погребального обряда: одиночное захоронение с конем или шкурой коня; захоронения в подбоях в деревянных гробах с конем или предметами конской упряжи.

Разнообразие погребальных обрядов свидетельствует о много-компонентности кимакского союза племен.

Памятники кыпчаков на территории Казахстана пока не много-числены, они известны в Центральном Казахстане, Семиречье. Курганы кыпчаков единичны или составляют могильники из нескольких насыпей. В насыпях встречаются остатки тризны в виде костей барана. Покойников укладывали в деревянные колоды, дощатые гробы или гробовища в виде рамы без дна. В ряде случаев покойника накрывали берестой, имеется случай, когда покойник лежал в подбое, устроенном в западной стенке могильной ямы. В ряде погребений сохранились куски шелковых узорчатых тканей. В могилах встречаются железные ножи, кресала. Вооружение встречается в мужских погребениях. Это сабли, стрелы в берестяных колчанах, остатки луков. В одном из захоронений найдена кольчуга, в другом — остатки пластинчатого доспеха. Конское снаряжение представлено удилами, стременами и остатками седел.

Находки из захоронений степной части средневекового населения Казахстана позволяют вместе с письменными источниками получить

Глава 3. КАЗАХСТАН В МОНГОЛЬСКУЮ ЭПОХУ

Образование Монгольской империи в начале XIII в. оказало огромное влияние на исторические судьбы народов и государств Центральной и Средней Азии, Казахстана и Восточной Европы. Монгольское завоевание нарушило сложившиеся в евразийском регионе отношения и взаимосвязи населявших его племен и народов, изменило ход их этнополитического и хозяйственно-культурного развития.

Монгольские племена к середине XII в. продвинулись на запад с Орхона и Керулена, оттеснив с территории Монгольского Алтая и верховьев Иртыша найманов и кыпчаков, ассимилируя тюркоязычные группы, заимствуя у тюрков многие элементы материальной культуры, формы хозяйства и быта, кочевые обычаи, породы скота. С этого времени установились границы размещения тюрков и монголов, сохранившиеся до позднего времени. Занятая монголами территория простиралась от Байкала, верховьев Иртыша и Енисея на севере до пустыни Гоби на юге.

К 1218—1219 гг. монголы подчинили многие народы соседних стран. Были захвачены земли енисейских киргизов и бурят, пало государство тангутов, добровольно принял монгольское подданство владетель Уйгурского Турфанского княжества. После разгрома войск Циньской империи монголы заняли Северный Китай. Следующей задачей Чингисхана было завоевание западных стран — Средней Азии и Ирана, Ближнего Востока и Закавказья, Восточной Европы. Еще не завоеванные земли к западу от Иртыша, Аральского моря и Амударьи Чингисхан отдал в

улус (удел) своему старшему сыну Джучи и его потомкам.

Семиречье было занято монголами без сопротивления. Еще в 1210—1211 гг. под власть Чингисхана перешел владетель карлукской области Арслан-хан. В 1217 г. карлукский правитель области Алмалык Бузар также стал вассалом монгольского хана, а в следующем году без боя сдался монгольскому полководцу Джебе и город Баласагун.

Население Семиречья в итоге восьмилетнего владычества най-манского предводителя Кучлука, его войн с хорезмшахом Мухам-мадом и карлукскими владетелями было вконец разорено. Вызывали возмущение и гонения Кучлука на мусульман, в частности запрет публичных богослужений, поэтому проявлявших веротерпимость монголов население встречало как избавителей. Желая привлечь народ Семиречья на свою сторону, Чингисхан запретил грабежи и резню в этом крае. Кучлук бежал в Среднюю Азию, а впоследствии был настигнут монголами в Бадахшане и убит.

Захват Восточного Туркестана и Семиречья открыл путь в Среднюю Азию через Южный Казахстан. С целью выяснения обстановки в Мавераннахре Чингисхан сначала направил хорезм-шаху Мухаммаду послание с извещением о своих победах в Северном Китае и покорении «страны тюрков» и предложением мирного договора. Это была дипломатическая подготовка будущего военного похода. Поводом для вторжения во владения хорезм-шаха послужила гибель в Отраре летом 1218 г. торгового каравана, посланного Чингисханом. Купцы были убиты по приказу наместника хорезмшаха в Отраре Гайир-хана Иналчука, заподозрившего их в шпионаже. Поход войск Чингисхана начался в сентябре 1219 г. Монгольские войска шли с Иртыша через Семиречье. Они насчитывали до 150 тыс. человек, из них собственно монголов — 111 тыс., остальную часть армии составляли воины вассалов Чингисхана — уйгуров и карлуков.

Маршрут движения монгольских войск в Мавераннахр в 1219 г. пролегал через самые заселенные и освоенные в хозяйственном отношении районы Казахстана — через Семиречье в район городов Средней и Нижней Сырдарьи. Территория Южного Казахстана оказалась первой на пути движения монгольских войск на запад, где им был дан решительный отпор местным населением и где они применили методы массового террора и насилия, опустошения целых областей и разрушения городов. В арабских и персидских источниках приведены наименования почти трех десятков городов в разных странах, где население почти полностью было вырезано монголами. В их числе три южноказахстанских города — Отрар, Сыгнак, Ашнас[1].

Правитель Отрара Гайир-хан с помощью 80-тысячного войска сумел пять месяцев держать оборону города. Лишь после того, как один из военачальников гарнизона Караджа-хаджиб сдался монголам, покинув крепость через ворота Суфи-хана, вражеское войско вошло ночью в город. Еще месяц Гайир-хан оборонялся в цитадели, защищая ее до последнего воина. Он был взят в плен и казнен, а все жители — по Джувейни

[illegible] изгнаны из города как стадо баранов» и убиты, а те, что «избежали [illegible]», уведены в плен.

[illegible] ней обороняли свой город и жители Сыгнака, отказавшиеся [illegible] монголам. После взятия города население также было уничтожено. [illegible] же участь постигла и жителей Ашнаса. Разграблены были г. [illegible] Барчинлыгкент, Узгенд. Плано Карпини, проследовавший через [illegible] и Юго-Восточный Казахстан в 1245—1247 гг., отметил, что в [illegible] земле, т. е. в низовьях Сырдарьи, он увидел «бесчисленные истребленные города, разрушенные крепости и много опустошенных селений»[2]. Вместе с городами уничтожались ирригационные системы, вытаптывались посевы, гибли окрестные земледельческие оазисы. Многие жители [illegible] земледельческих оазисов на Сырдарье погибли, другие попали в плен, [illegible] бежали, рассеявшись в разные стороны. Обезлюдели целые районы, в том числе и кочевые.

К весне 1221 г. завоевание Средней Азии монголами было завершено. Военные действия их перешли на территорию Ирана, Афганистана, [illegible] Индии. Корпус монгольских полководцев Джэбэ и Субэдэя, [illegible] аланов, кыпчаков и русских на р. Калке и разорив южные окраины русских земель, через земли Казахстана вернулся в 1224 г. в орду Чингисхана на Иртыш. Таким образом, в результате нашествия монголов 1219—1224 гг. Казахстан вошел в состав империи Чингисхана. Кочевые племена Казахстана оказались в составе монгольских улусов отнюдь не без сопротивления. «Туши (Джучи) и Чагатай, — сообщает Джузджани в «Насировых разрядах», — управившись с делами Хорезмскими, обратились на Кыпчак и Туркестан, покорили и заполонили одно за другим войска и племена кыпчакские и подчинили все эти племена своей власти»[3]. Местная кочевая знать (кыпчакская и огузская) поступила на службу к монголам, а рядовые кочевники были использованы для формирования новых сотен, тысяч, туменов, раздававшихся в феодальные держания Чингизидам. Кыпчаки и другие тюркские племена составили значительную часть монгольской армии, двинувшейся во главе с Батыем в 1237 г. на покорение Восточной Европы.

Территория Казахстана вошла в состав трех монгольских улусов: большая (степная) часть — в состав улуса Джучи, Южный и Юго-Восточный Казахстан — в улус Чагатая, северо-восточная часть Семиречья — в улус Угэдэя. Улус Джучи занимал обширные земли к западу от Иртыша и охватывал северную часть Семиречья и весь Восточный Дешт-и Кыпчак до Нижнего Поволжья включительно. Улус Чагатая помимо названных земель включал в себя Восточный Туркестан и Мавераннахр. Угэдэй владел Западной Монголией, районами Верхнего Иртыша и Тарбагатая. Чингизиды стремились превратить свои улусы в независимые владения. После смерти Чингисхана, последовавшей в 1227 г., эта тенденция стала нарастать, и империя распалась на несколько независимых государств.

Преемником Джучи, умершего в том же году, стал его сын Бату (Батый). Им были предприняты завоевательные походы на территорию Западного Дешт-и Кыпчака, в земли волжских булгар и далее на запад.

Были разгромлены крупнейшие русские княжества, опустошены Польша, Венгрия, Чехия и другие страны. В итоге семилетнего похода (1236–1242 гг.) под властью Батыя оказались земли к западу от Волги до низовий Дуная, включая Крым, Северный Кавказ, западно-кыпчакские (половецкие) степи. Вернувшись в низовья Волги, Батый основал новое монгольское государство, получившее впоследствии название Золотая Орда. В него вошли территория улуса Джучи — Восточный Дешт-и Кыпчак, т. е. степные районы Казахстана к западу от верховий Оби и Иртыша, до низовий Волги и Амударьи, часть территории Хорезма и Западной Сибири, а также вновь завоеванные земли на западе. В вассальную зависимость от Золотой Орды попали разгромленные полчищами Батыя русские княжества. Русские князья признавали зависимость от Золотой Орды, получали из рук ее ханов «ярлыки на княжение», выплачивали дань, но сохраняли относительную самостоятельность.

Основанное Бату-ханом государство называлось в восточных источниках Улусом Джучи, а также по именам ханов-джучидов (Улус Бату, Улус Берке и т. д.). В русских летописях применялся термин «Орда» или описательные выражения «в татары», «из татар». Столицей был г. Сарай-Бату (близ Астрахани), позднее — г. Сарай-Берке. Золотая Орда была многонациональным государственным образованием. Она включала в себя множество племен и народностей, различавшихся между собой по уровню общественно-экономического развития, обладавших своеобразной культурой и обычаями. Основную массу кочевников в степях Дешт-и Кыпчака составляли тюркские племена, главным образом кыпчаки, а также канглы, карлуки, найманы и многие др. В оседлых областях Золотой Орды жили булгары, мордва, русские, греки, черкесы, хорезмийцы и т. д. Собственно монголы составляли в ней незначительное меньшинство. К рубежу XIII—XIV вв. и тем более в XIV в. монголы фактически тюркизировались, население Золотой Орды стало называться этнонимом «татары».

Государственное устройство Золотой Орды следовало образцу, введенному Чингисханом. Государство считалось собственностью ханского рода Джучидов. Для решения важных государственных дел созывался курултай — общее собрание знати во главе с членами правящей династии. Армией, дипломатическими сношениями с другими государствами ведал беклербек. Во главе дивана, центрального органа исполнительной власти, ведавшего финансами, налогами, внутренней жизнью государства, стоял везир. В города и подчиненные улусы назначались даруги и баскаки, чьей обязанностью был сбор налогов, дани. Наиболее важные должности занимали члены ханской семьи. Крупные нойоны, беки, эмиры, бахадуры являлись военачальниками — темниками, тысячниками, сотниками.

В Золотой Орде сложилась улусная система управления и владения завоеванными землями и народами. Ко времени Бату относится деление Улуса Джучи на две части—правое и левое крыло, фактически на две различные государственные единицы. Во главе правого крыла (улуса) стоял сам Бату и его преемники. Во главе левого крыла — старший сын Джучи Орда (Орда-Ичен). В левое крыло входила большая часть терри-

рии Казахстана. Будучи лишь номинальными вассалами потомков Бату, ...ки и Орды свели эту зависимость к минимуму. Улусы Бату и Орды ...ли, в свою очередь, на улусы других сыновей Джучи. Все они ...ли полузависимыми правителями, подчинявшимися верховной власти Золотой Орды. Право на уделы (улусы) имели от рождения все члены ...ской династии. Прочие представители монгольской аристократии ...учили уделы как пожалования за службу хану. Постепенно знать приобретала все больше иммунитетных прав (тарханство), феодальные держания стали носить характер сойургала (наследственного земельного ...ования). С другой стороны, в Золотой Орде сохранялась родоплеменная организация кочевников. Развитие улусной системы вызывало ...ренные смуты и усобицы».

Первоначально Золотая Орда находилась в подчинении великого монгольского хана. Но к 1260 г. Монгольская империя распалась на фактически независимые улусы. Золотая Орда уже при Берке-хане (1256—1266 гг.), брате Бату, стала самостоятельным государством. Его преемник Менгу-хан (1266—1280 г.) чеканил собственную монету, поддерживал Чагатаида Хайду против великого хана Хубилая. История Золотой Орды заполнена как внутренними усобицами, так и беспрерывными войнами с русскими князьями, Хулагуидами Ирана в Закавказье, правителями Ак-Орды и Хорезма, отпавшего от Золотой Орды в начале 60-х гг. XIV в. Наибольшего могущества Золотая Орда достигла в 1-й половине XIV в., особенно при Узбек-хане (1312—1342 гг.) и его преемнике хане Джанибеке (1342—1357 гг.). Усиление власти ханов нашло свое выражение в прекращении созыва курултаев и в некоторой централизации власти. В 1312 г. Узбек-хан объявил ислам государственной религией Золотой Орды. Степная тюрко-монгольская культура исламизировалась под воздействием мусульманских традиций Поволжья (булгарское наследие) и Средней Азии (Хорезм).

Со второй половины XIV в. Золотую Орду начали ослаблять центробежные силы. С 1357 по 1380 гг. на золотоордынском троне сменились до половиной десятка ханов. В 1380 г. фактический правитель Золотой Орды темник Мамай был разбит на Куликовом поле русскими войсками под предводительством Дмитрия Донского. Джучид Тохтамыш-хан, воспользовавшись поражением Мамая, захватил власть в Золотой Орде. Опираясь военными победами укрепить свою власть, он в 1382 г. сжег Москву, совершил ряд походов в Мавераннахр и Закавказье. В свою очередь, эмир Тимур предпринял несколько опустошительных набегов в Золотую Орду, нанеся ей удар, от которого она уже не смогла оправиться. К середине XV в. в «нескольких больших улусах утвердились свои ханы, и Золотая Орда перестала существовать. Самым крупным из этих улусов была Большая Орда (образовалась в 30-х гг. XV в.), между Волгой и Днепром. В 20—60-х гг. образовались Сибирское ханство, Ногайская Орда, Казанское ханство, Крымское и Астраханское ханства».

Юго-Восточный Казахстан стал центром, где сходились границы трех наиболее крупных монгольских улусов. Территория Семиречья оказалась политически разорванной между ними: к улусу Джучи отошла северная часть, прилегавшая к Балхашу; южная часть вошла в состав улу-

са Чагатая; северо-восточная окраина Семиречья составила важную часть улуса Угэдэя. В Семиречье находились главные ставки улусных ханов.

В Чагатайском улусе, причем главным образом на территории Семиречья, шли бесконечные войны Чингизидов — претендентов на власть улусного хана из числа Чагатаидов и потомков Угэдэя. В междоусобную борьбу втягивались группировки кочевых феодалов. В 1251 г. улус Угэдэя был ликвидирован, земли розданы сторонникам великого хана Мунке (сына Тулуя, младшего сына Чингисхана, владевшего «коренным юртом» в Монголии). Перераспределение владений произошло и в Чагатайском улусе. Феодальные междоусобицы в нем усилились после смерти Мунке, когда великими ханами объявили себя в 1260 г. Ариг-Буга и Хубилай. В итоге борьбы Ариг-Буга оказался со своими войсками на территории Чагатайского улуса[6]. Продолжавшиеся усобицы и войны вконец разорили местные города и земледельческие оазисы. Рашид ад-Дин отметил, что в 60-х годах XIII в. «воины Ариг-Буги до такой степени притесняли народ, что в Илийской долине наступил голод, от которого погибло много народа»[7]. После образования независимого государства Хайду в 1269 г., само появление которого означало восстановление влияния феодальной верхушки местного населения, были предприняты попытки на курултае, состоявшемся в этом же году на Таласе, оградить оседло-земледельческое население от дальнейшего разорения. Однако продолжавшиеся усобицы Чингизидов и длительные войны Хайду против армий великого хана, претендовавшего на западные территории, оставили решение курултая невыполнимым.

Усобицы при преемниках Хайду в первой половине XIV в. довершили начавшийся ранее процесс экономической разрухи в Семиречье. Многие из известных городов Юго-Восточного Казахстана, достигших в домонгольское время высокого уровня развития, — Баласагун, Тараз, Алмалык, Алматы, Каялык, Илибалык, Ики-Огуз и другие большие и малые города и поселения—практически исчезли с карты региона.

Следует отметить, что среди монгольских ханов были сторонники централизованной власти, опирающейся на местную правящую верхушку, на традиции оседло-земледельческой и городской культуры. Наиболее видным из них был сын чагатаида Дувы Кебек-хан (1318—1326). Он порвал с кочевыми обычаями, переселился из Семиречья в Мавераннахр, провел денежную и административную реформы, содействовал восстановлению и строительству городов Средней Азии. Его деятельность положительно сказалась на восстановлении южноказахстанских городов, входивших в государство Чагатаидов. В середине XIV в. от Чагатаидского государства (государства Хайду) отделился Могулистан.

Монгольское завоевание сопровождалось разрушением производительных сил, массовым истреблением людей. Были разрушены города и селения, дворцы и мечети, уничтожены ирригационные системы, заброшены обработанные поля. Тысячи мастеров-ремесленников были угнаны в рабство. Население испытывало массовое обнищание и голод. Установились более жесткие, чем раньше формы эксплуатации. Господство монгольских завоевателей надолго задержало экономический и куль-

[illegible] прогресс народов покоренных ими стран. Тяжелейший урон был [illegible] земледельческой и городской культуре Казахстана. По свиде[illegible] Марко Поло, после установления монгольского господства в [illegible] странах городам не разрешалось «иметь стены и ворота, [illegible] могли препятствовать вступлению войск... Так взнузданные на[illegible] остаются спокойны и не возмущаются»[8].

В Семиречье прямого уничтожения городов в момент нашествия не [illegible]. Но огромная армия, проследовавшая через Семиречье, не могла [illegible] губительного влияния на хозяйство этой области уже во вре[illegible] нашествия, сопровождавшегося беспорядочными грабежами. Значи[illegible] упадок городов и земледелия и превращение культурных зе[illegible] в пастбища произошли уже в ближайшие десятилетия после уста[illegible] монгольского господства в этом крае. Вильгельм Рубрук, про[illegible] Илийскую долину спустя всего лишь тридцать лет после этого [illegible], засвидетельствовал: «На вышеупомянутой равнине прежде находилось много городов, но по большей части они были разрушены татарами (монголами), чтобы иметь возможность пасти там свои стада, [illegible] как там были наилучшие пастбища»[9]. За полтора столетия господ[illegible] монгольских феодалов некогда цветущая, густонаселенная территория этой части Казахстана с развитой культурой и оседло-земледельческим и скотоводческим хозяйством потеряла свое былое экономическое, политическое и культурное значение. Причин этому было несколь[illegible]

В силу своего стратегического положения Юго-Восточный Казахстан оказался важной частью захватнических планов монгольских ханов. Здесь находились главные ставки улусных ханов, с их многолюдными «орду», [illegible] двором, свитой, многочисленными войсками. Сюда стекались мас[illegible] монгольских кочевников (до 200 тыс.), сохранявших свою форму хо[illegible]ства, требовавшую обширных земельных угодий. Инфильтрация боль[illegible] масс кочевников в Семиречье после образования улусов вызвала ре[illegible]кое сокращение посевных обрабатываемых площадей, усилила кочевой скотоводческий сектор экономики за счет оседлого. Разрушение се[illegible], вытаптывание полей табунами, уничтожение садов и ирригационной системы, замирание торговой жизни городов и прекращение их экономических связей с соседними городами и земледельческими округами — все это постепенно подорвало экономическую и социальную основу существования городов в Семиречье. К тому же долгое время здесь господствовала та группировка монгольской феодальной знати, которая всегда враждебно относилась к городской и оседло-земледельческой культуре и придерживалась методов хищнической эксплуатации населения покоренных стран. Нестабильность политической обстановки на территории Семиречья также способствовала дальнейшему упадку хозяйства и культуры на этой территории. Завоеватели не смогли установить здесь ни твердой власти, ни законности, ни прочного мира.

Монгольское нашествие и господство разрушили экономическую основу развития устойчивого хозяйства Семиречья и Южного Казахстана, замедлили и дестабилизировали процессы объединения этих районов, хозяйственного, этнического, культурного их взаимодействия между

собой и с прилегающей степью[10]. Оно вызвало определенный регресс в социально-экономическом строе завоеванных стран, в том числе и в Казахстане. В общественных отношениях закрепились самые отсталые формы, вплоть до рабовладельческого уклада. Монголы не внесли ничего нового в общественные отношения в завоеванных земледельческих странах, в частности в Средней Азии и Южном Казахстане, где феодализм с развитой системой уделов, условных земельных пожалований господствовал уже давно. В степных скотоводческих районах, где феодальные отношения еще находились в стадии становления, монгольское завоевание привело к укреплению и консервации наиболее отсталых форм феодализма, прикрытых оболочкой патриархальных обычаев. Кочевое и полукочевое население покоренных стран вошло в улусы Чингизидов и было поделено на десятки, сотни, тысячи и т. д. с учетом родоплеменной структуры местного населения, что явилось немаловажным фактором, способствовавшим ее закреплению на долгое время.

Покоренное население облагалось тяжелыми податями и повинностями. Исследователи насчитывают до 20 видов установленных монголами податей[11].

Монгольское завоевание, наряду с катастрофическими последствиями, имело и некоторые положительные стороны. Монгольские власти стимулировали развитие торговли, международных связей, ввели повсеместно систему почтовой и ямской службы. Были установлены торговые и культурные связи между прежде далекими народами. По территориям улусов двигались торговые караваны, дипломатические миссии, путешественники отправлялись в дальние края и привозили в Европу сведения о далеких странах и народах ранее неведомой Азии. Монголы привнесли в степь идею централизованной власти, объединили прежде неорганизованные племена. Нормы кочевой жизни стала регулировать «Яса» Чингисхана — кодифицированный сборник обычного права, приспособленного к новым условиям. Впоследствии нормы «Ясы» были в определенной степени использованы при создании казахского кодекса законов «Жеты-Жаргы». Многие нормы социальной организации и формы государственности были использованы впоследствии в государствах, возникших на территории Казахстана в послемонгольскую эпоху. Монгольское завоевание оказало сильное воздействие на ход этнических процессов на территории Казахстана. Однако в целом войны Чингисхана и его преемников привели к упадку производительных сил не только завоеванных стран, но и самой Монголии.

1. Петрушевский И. П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219 - 1224 гг. и его последствия. В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 122.
2. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 126.
3. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М. — Л., 1941. С. 14.
4. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. Его же. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973; Егоров В. Л. Государственное и административное устройство Золотой Орды. «Вопросы истории», 1972, № 2. С. 32 - 42.
5. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М. — Л. 1950; Сафаргалиев М. И. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960; История Казахской ССР в пяти томах. Т. II. С. 152-154.
6. История Киргизской ССР с древнейших времен до середины XIX в. Т. I. Фрунзе, 1984. С. 382-384.

[illegible] Сборник летописей. Т. II. С. 164.
[illegible] Поло. М., 1956. С. 280.
[illegible] в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 16.
[illegible] К. А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI в. (вопросы политической [illegible] экономической истории). Алма-Ата, 1977. С. 127—140.
[illegible] истории Казахской ССР. Т. И. С. 144-146.

Глава 4. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОСУДАРСТВА в XIV-XV вв.

§ 1. Политическая история

В истории Казахстана особое место занимают XIV—XV века, когда [illegible]рывался процесс сложения собственно казахской народности из различных тюркоязычных и монголоязычных этнических групп, восстанавливалась государственность на местной этнической основе. Борьба [illegible]родов насильственно включенных в монгольские улусы стран и облас[illegible] на самостоятельное развитие, изменения в их внутренней жизни [illegible]ории процесс распада Золотой Орды и государства Чагатаидов, в [illegible]ав которых входила территория Казахстана после установления монгольского господства. Постепенно преодолевались тяжелые экономические последствия монгольского завоевания: возрождались земледелие, городская жизнь, ремесленное производство на юге Казахстана, земле[illegible]ие на юго-востоке, росло поголовье скота, восстанавливались торговые связи степных районов Центрального Казахстана и Семиречья с [illegible]ами юга Казахстана и Средней Азии. Происходили определенные [illegible] в развитии общественных отношений.

Послемонгольский период (XIV—XV вв.) характеризуется этнической консолидацией кочевого, полукочевого и оседло-земледельческого населения огромной территории Восточного Дешт-и Кыпча-ка, Семиречья и Южного Казахстана (в персо- и тюркоязычных источниках XIV—XVI вв. эта часть Казахстана называлась Туркестаном). Развитие исторического процесса по пути формирования единой народности и ее государственности протекало в трудных условиях преодоления политической раздробленности региона. Начальный этап этого сложного периода в истории Казахстана характеризуется распадом монгольских улусов — владений Чингизидов в Дешт-и Кыпчаке и Средней Азии (Мавераннахре), конечный — образованием собственно казахского государства — Казахского ханства. Эволюция форм политической жизни региона в посмемонгольское время шла через обособление нескольких государств, возникших на местной этнической основе,— Ак-Орды, Могулистана, Ханства Абулхай-ра (Государства кочевых узбеков), Ногайской Орды. Следует отметить, что сохранявшаяся государственная разобщенность населения Казахстана в XIV—первой половине XV вв. сыграла свою роль в появлении такой особенности этнического пути формирующейся казахской народности, как сложение трех жузов. Существенно также, что на данном этапе исторического развития процессы этнополити-ческой эволюции в рамках упомянутых государств были в определенной степени общими для формирующихся соседних тюркских народов — казахского, узбекского, киргизского, татарского, ногайского и др.

На территории Восточного Дешт-и Кыпчака в середине XIII — первой трети XV в. существовало государство Ак-Орда (Белая Орда). По Рашид ад-Дину (XIV в.), восточную часть улуса Джучи (левое крыло) получил один из старших сыновей Джучи Орда (Орда-Еджен, Орда-Ичен) вместе со своими тремя братьями еще при отце. По Абулгази (XVII в.), эти земли выделены Орде его младшим братом Бату-ханом в середине XIII в. Преемники Орды были фактически самостоятельными правителями, по словам Рашид ад-Дина, «независимыми государями своего улуса», лишь номинально признававшими себя вассалами потомков Бату-хана.

Территория Ак-Орды ко времени ее наибольшего подъема во второй половине XIV в. сформировалась постепенно, по мере ослабления зависимости от Золотой Орды. В улус Орда-Еджена первоначально входили земли северо-восточной части Семиречья, Прииртышье, степи до Улутау и Кентау. В междуречье Яика, Иргиза, Тобола и Сарысу, в приаральских степях и низовьях Сырдарьи находился улус еще одного сына Джучи, Шайбана. Ставка Орды в середине XIII в., по свидетельству Плано Карпини, была на Иртыше и в районе озера Алаколь. В XIV в. власть правителей из рода Орда-Еджена распространилась и на улус Шайбана, т. е. фактически на всю территорию современного Казахстана, за исключением территории Семиречья, входившей в государство Чагатаидов, затем в Могулистан. Политический центр Ак-Орды переместился на юг Казахстана, столицей стал город Сыгнак. В связи с этими событиями, очевидно, связано изменение названия государства: ряд современных исследователей называют это государственное образование на территории Казахстана Кок-Ордой (Синей Ордой). Видимо, первоначально владения Орда Ичена назывались Кок-Ордой, а Шайбана — Ак-Ордой (возможно, Ак-Ордой назывались и все владения Бату-хана, включая и улус Шайбана). После вхождения улуса Шайбана в состав владений потомков Орды название «Ак-Орда» перешло на все государство. В исторических источниках оно известно с XV в. (Му'ин ад-Дин Натан-зи и другие авторы). С конца XIV в. земли Ак-Орды назывались также Узбекским улусом.

Ак-Орда возникла и оформилась как самостоятельное государство в послемонгольский период в условиях постепенного хозяйственного возрождения, усиления позиций местной тюркской и тюркизи-рованной знати. Она была населена тюркоязычными племенами, издавна обитавшими в степях Казахстана, а также переместившимися сюда во время нашествия Чингисхана из восточных районов. Среди последних были как тюркские роды и племена, так и тюркизирован-ные монгольские племена. Здесь обитали кыпчаки, найманы, уйсуны (ушуны), аргыны, карлуки, кереиты (киреи), канглы, конграты, ман-гыты и многие др.

В Ак-Орде вполне определились формы условного землевладения и собственности в оседлых районах. В кочевых районах право крупной знати распоряжаться пастбищами при частной собственности на скот и сосредоточение в руках степной знати огромных стад превращало их в фактических собственников и пастбищных угодий, формально считавшихся в общинном владении. В источниках встречаются сведения о наличии в Ак-Орде таких форм землевладения знати, как инджу, мильк,

сонурчаг, были известны тарханные пожалования. Зафиксированы источниками некоторые формы эксплуатации рядовых кочевников и земледельцев: трудовое население Ак-Орды платило в пользу ханов и знати налоги и кунчур, зякет, тагар, было обременено разного рода повинностями. Войны и усобицы осложняли положение народных масс. Во главе государства стоял хан из рода Орда-Еджена, которому подчинялись удельные владетели из Джучидов (огланов) и крупной кочевой знати (беков, эмиров, бахадуров), осуществлявших в пределах своих уделов и подвластных племен административно-политическую власть.

Политическая история Ак-Орды характеризуется на первом этапе упорной борьбой за освобождение территорий Восточного Дешт-и Кыпчака из-под власти Золотой Орды, позднее вмешательством акордынских ханов в дела Золотой Орды, а на заключительном этапе своей истории — борьбой против агрессии правителя Маверан-нахра эмира Тимура и Тимуридов. Окончательно порвать с номинальной зависимостью от Золотой Орды удалось к середине XIV в. ханам Ерзену и Мубарак ходже (1320—1344 гг.). Значительно укрепилась Ак-Орда при хане Уруссе, правившем в 60—-70-х гг. XIV в. На него пала основная тяжесть борьбы и защиты Ак-Орды от агрессии Тимура.

В последней трети XIV — начале XV вв. Ак-Орда, как и соседнее государство Могулистан, подвергалась неоднократным вторжениям войск эмира Тимура.

Эмир Тимур родом из тюркизированного монгольского племени барлас, выдвинулся в период феодальных усобиц и войн в Маверан-нахре в 60-х гг. XIV в. В1370 г. он захватил власть и правил в Средней Азии единолично в течение 35 лет. Эти годы заполнены захватническими, грабительскими походами в соседние области и страны, попытками создать мировую империю. Кровавые завоевательные войны велись им самыми жестокими и варварскими методами.

Объединение Средней Азии Тимуром шло одновременно с грабительскими, захватническими набегами его войск на территорию Восточного Дешт-и Кыпчака, Семиречья и Тянь-Шаня. На севере и западе завоевательным планам Тимура препятствовала могущественная Золотая Орда. Но прежде чем сломить ее, Тимур обрушил меч на ближайших к Мавераннахру соседей—Ак-Орду и Могулистан. Они оказались первыми объектами агрессии Тимура за пределами Средней Азии.

Стремясь помешать укреплению хозяйственной и политической независимости Ак-Орды и Могулистана, Тимур предпринял в 70—80-х гг. около десятка набегов на территорию этих государств. В итоге оба государства были ослаблены в значительной степени, масса населения была физически истреблена или угнана в плен, разграблены материальные ценности, сократилось поголовье скота, еще более пришло в упадок оседло-земледельческое хозяйство. Агрессивная политика Тимура в отношении Ак-Орды и Могулистана тормозила этническую консолидацию и государственное развитие формировавшихся в народности казахских и киргизских племен. Формально степные территории не были присоединены к империи Тимура, но жизненно важный для кочевников Восточного Дешт-и Кыпчака район Южного Казахстана сего городами Сыгнаком, Отраром, Саураном, Ясы, Сайрамом был потерян. Самостоятель-

ности Ак-Орды и Могулистана был нанесен ощутимый удар. В Ак-Орде захватил власть ставленник Тимура Тохтамыш. Опираясь на материальные и военные ресурсы Ак-Орды, Тохтамыш в 1380 г. завоевал западную часть Улуса Джучи и попытался освободиться от опеки Тимура. Но в результате трех больших походов войск Тимура в 1389, 1391 и 1395 гг. Золотая Орда была разгромлена. Во время походов на Золоту Орду войска Тимура разграбили население Казахстана, Кавказа и Южной Руси. Были разрушены все крупные города Золотой Орды в Поволжье и Крыму (Сарай-Берке, Астрахань, Азов и др.), что подорвало хозяйственную жизнь этих областей и транзитную торговлю. Значительный экономический урон понесли и города Южного Казахстана. К концу жизни Тимура созданная им путем бесконечных войн держава включала, кроме Мавераннахра, Туркестана (Южный Казахстан) и Хорезма, территории Ирана, Ирака, Афганистана, Закавказья и часть Индии. Зимой 1404—1405 гг. Тимур вновь выступил в направлении Могулистана, направив через Южный Казахстан огромное войско на Китай, но в феврале 1405 г. умер в Отраре.

В результате захватнических войн Тимура и внутренних усобиц в конце XIV — начале XV вв. Ак-Орда значительно ослабла. На некоторое время в 1423/24—1428 гг. власть своей династии в Ак-Орде восстановил внук Урус-хана Барак, но вскоре он погиб, и правление на территории большей части Ак-Орды перешло к Шайбаниду Абул-хайру. Потомки Урус-хана и Барака во второй четверти XV в. сохранили свою власть в южных районах Казахстана.

Государственное объединение Ак-Орда, фактически самостоятельное в политическом отношении, экономически независимое, с собственной внешнеполитической ориентацией, со своей династий-ной линией правителей-ханов, сыграло важную роль в политической консолидации этнических групп, племен и народов на территории Восточного Дешт-и Кыпчака и Туркестана на рубеже XIV—XV вв.

Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI вв. входил в государство Могулистан, образовавшееся на северо-востоке Средней Азии, в Семиречье и Восточном Туркестане в результате распада государства Чагатаидов. Причины возникновения государства Могулистан были идентичны причинам обособления других государственных образований, возникших в процессе распада монгольских владений Чингизидов в регионе Средней Азии, восточной части Дешт-и Кыпчака и Восточного Туркестана. Непрочные, огромные монгольские улусы-государства, искусственно интегрировавшие области с различным хозяйственно-социальным, политическим, культурно-историческим уровнем развития, населенные разнородными этническими общностями, со временем дробились на феодальные владения с более определенной исторически обусловленной, хозяйственной и этнической основой. Этому способствовали постепенное восстановление, хотя и неравномерное, производительных сил, кон-солидационные тенденции в этнических процессах, все более определявшиеся в ходе антимонгольской борьбы. Возрастала роль местной феодальной знати, стремившейся к утверждению своей власти в государстве.

Одним из этапов на пути обособления было государство Хайду,

возникшее в 70-х гг. XIII в. на территории улусов Угэдэя и Чагатая, простиравшееся от Алтая до Сырдарьи и Амударьи. В середине XIV в. вышеуказанные выше причины привели к распаду этого государства. В западной части (Мавераннахре) феодальная раздробленность 50—60-х гг. была постепенно преодолена, здесь возникло Государство эмира Тимура. В восточной части, Могулистане, феодальная знать во главе с представителем крупного племени дуглатов эмиром Пуладчи в 1347—1348 гг. поставил а ханом нового государства чагатаида Тоглук-Тимура, которому удалось стать основателем устойчивой династии правителей Могулистана, затем, в XVI в., государства Могулия в Кашгарии.

Границы государства Могулистан изменялись на протяжении полуторавекового периода существования. В его состав входил собственно Могулистан и на правах вассального владения часть Восточного Туркестана, называвшаяся в источниках Манглай-Субе. Этот район был наследственным уделом дуглатского эмира Пуладчи и его потомков. Историко-географический термин «Могулистан» (Мого-листан) образован от этнонима «могул» («могол»), как произносился в Средней Азии и Казахстане и писался в тюркоязычных и персоя-зычных исторических сочинениях этноним «монгол». Так стали называть еще во время Чагатайского улуса обширный регион Юго-Восточного Казахстана, "Киргизстана и северной части Восточного Туркестана из-за более прочного, чем в оседло-земледельческом Мавераннахре, сохранения там кочевнических традиций и относительно большего числа, по сравнению с другими районами, переместившихся туда монголов.

Границы собственно Могулистана тянулись «на 7—8 месяцев пути» от Ташкентского и Туркестанского вилайетов на западе до озера Баркуля и города Хами на востоке; от Балхаша, Тарбагатая и Черного Иртыша на севере до Ферганы и земледельческих оазисов Кашгарии на юге. Удел Манглай-Субе включал территорию Кашгарии и южной части Киргизии с городами Кашгар, Хотан, Кашан, Аксу, Аксикет, Атбаши и др. В составе населения Могулистана было множество тюркских и тюркизированных монгольских племен: дуглаты (дулаты) канглы (бекчики), киреиты (кирей), уйсуни, аркенут, баарины, арла-ты, барласы и др., составивших тюркоязычную этнополитическую общность с названием «могулы» (моголы). Значительная часть этих племен, обитавших на территории Семиречья, вошла впоследствии в состав казахской народности, другая часть, размещавшаяся в При-тяньшанье и Восточном Туркестане, — в состав киргизов и уйгуров.

В Могулистане политическим главой государства и верховным собственником земли был хан. Здесь так же, как и в Ак-Орде, были известны такие формы условного землевладения знати, как икта, инджу, сойургал. В кочевых районах земля находилась в общинном пользовании. Концентрация скота в руках крупной знати (источники сообщают о десятках и даже сотнях тысяч голов скота, принадлежавших одному владельцу) вела к фактической собственности ее и на пастбища в кочевых районах. Право владения пастбищами нередко закреплялось строительством крепостей.

Углублялись противоречия между кочевой знатью Могулистана и рядовыми кочевниками, а также оседлыми земледельцами Кашга-

рии. Последние попадали под власть кочевой знати, получавшей от ханов в уделы целые районы, нередко с городами, с правом сбора налогов в свою пользу. Источники называют несколько видов налогов, взимавшихся с городского и сельского, земледельческого и кочевого населения: калан, купчур, зякет, татар, бадж и харадж и др. Население несло различные повинности: военную, транспортную, трудовую (бигар), почтовую и т. д. Частые войны и усобицы за перераспределение владений не способствовали облегчению положения народных масс. В управлении государством хану помогал улусбек (традиционно он был из эмиров племени дуглат), при хане имелся совет знати. Чиновный аппарат был развит больше в оседло-земледельческой части государства, особенно по части сбора налогов и организации военных сил.

Политическая история Могулистана заполнена феодальными войнами, усобицами, отражением нападений со стороны соседних государств, главным образом систематических вторжений Тимура на территорию Притяньшанья. Первые могулистанские ханы Тоглук-Тимур (1347—1362) и Ильяс-Ходжа делали попытки в 60-х гг. восстановить власть Чагатаидов в феодально-раздробленном Мавераннах-ре. Но уже в 70—80 гг. правителям Могулистана хану Хызр-Ходже (1388—1389), эмиру Камар ад-Дину дуглату, Енге*торе и другим пришлось вести, как отмечалось выше, долгую и упорную борьбу против агрессии Тимура. В ходе этой борьбы была предпринята попытка объединения разрозненных сил с Ак-Ордой, также страдавшей от вторжения войск Тимура. Совместная борьба против захватнических притязаний этого завоевателя имела большое значение для установления экономических, хозяйственных и других контактов населения Восточного Дешт-и Кыпчака и Семиречья. В результате изнурительной борьбы с агрессией Тимура Могулистан распался на уделы. Хызр-Ходжа-хан вынужден был признать себя вассалом Тимура. В первой половине XV в. усилилась феодальная раздробленность в государстве. Тимуриды в этот период не оставляли притязаний на Семиречье и Кашгарию.

Несколько упрочилось положение при сыне Хызр-Ходжа-хана Мухаммад-хане (1408—1416 гг.). При нем Могулистан стал независимым от Тимуридов, ему удалось освободить от их власти земли в долинах Чу и Таласа. Уменьшились на время усобицы и распри. В целях централизации государства Мухаммад-хан упорно насаждал в Могулистане ислам. Все чаще восточные рубежи Могулистана стали подвергаться нападениям ойратов (западная часть монголов, в среднеазиатских источниках они назывались калмаками). Многократно сражался с ними Вайс-хан (правил с перерывами в 1418—1428). Он вынужден был перенести свою ставку из Турфана в местность Илиба-лык в Семиречье. После Вайс-хана все более обнаруживались признаки упадка Могулистана.

В междоусобной борьбе верх одержала группировка знати во главе с улусбеком Мир Мухаммад-Шахом дуглатом, поддержавшим сына Вайс-хана Есен-Бугу (1433—1462). При Есен-Буге в конце 50-х гг. в Семиречье откочевала из Восточного Дашт-и Кыпчака часть казахов во главе с султанами Джаныбеком и Гиреем. Завершавшийся процесс формирования тюркских и тюркизированных племен Семиречья в казахский Стар-

ниж жуз, а вместе с племенами всего Казахстана — в казахскую народность, а также процесс консолидации тюркских и тюркизированных племен Притяньшанья в киргизскую народность явились важным фактором постепенного обособления Юго-Восточного Казахстана и Киргизии и распада Могулистана. На определенном этапе развития это государство сыграло важную роль, создав известные гарантии самосохранения и развития крупных этнических групп, подготовив условия для поступающего генезиса этнически однородных государств в регионе.

Ослабление и распад Могулистана вызваны и другими политическими и социально-экономическими причинами. Среди них — разробленность страны на уделы (улусы) династические распри Чагатаидов и войны племенной знати, недовольство народных масс постоянной нестабильностью, поборами, выливавшимися в кочевой среде в массовые откочевки. Несколько укрепил положение в государстве хан Юнус (1462—1487), но в 1472 г. он потерпел поражение от ойратов, вторгшихся в Семиречье, бежал на Сырдарью. В 80-х гг. ему удалось захватить Сайрам и Ташкент. Сын Юнус-хана Султан Ахмад-хан в 1474 г. основал в восточной части Могулистана фактически независимое владение. Его брат Султан Махмуд-хан (1487—1508) вел войну с казахскими ханами в Семиречье и районе присырдарьинских городов. Последний из правителей Могулистана, внук Юнус-хана Султан Саид-хан в 1514 г. отобрал у вассального правителя могулис-танских ханов Абу Бекр-мирзы дуглатов Кашгарию и основал в Восточном Туркестане новое государство — Могулию. Казахские роды и племена Семиречья с 60-х гг. вошли в состав Казахского ханства.

В 20-х гг. XV в. на степных пространствах Казахстана обособилось в результате распада Ак-Орды и усобиц Джучидов ханство наиболее сильного из них, Шайбанида Абулхайр-хана. В исторической литературе это государство имеет и другие названия — Государство кочевых узбеков, Узбекское ханство.

Распри Джучидов, наиболее крупными из которых были Джумадук хан, Махмуд Ходжа-хан, Мустафа-хан и др., завершились гибелью хана Ак Орды Барака и избранием на ханство в 1428 г. Шайбанида Абулхайр-хана сына Давлат-Шайх-оглана. Абулхайру удалось создать самостоятельное ханство и удерживать власть в течение сорока лет на обширной территории степных районов Казахстана. Территория ханства Абулхайра простиралась от Яика (Урала) до Балхаша на востоке, от низовий Сырдарьи и Аральского моря на юге до среднего течения Тобола и Иртыша на севере.

Этнический состав населения ханства был таким же сложным, как и состав населения Ак-Орды. В него входили в основном те же племена, что и в это политическое объединение. В конце XIV — первой половине XV вв. эти племена были известны под общим этнополитическим именем «узбеки». Источники называют в их числе такие этнические группы (по терминологии письменных источников того времени иль, улус, аймак, тайфа и др.), как кыпчаки, найма-ны, мангыты, карлуки, кунграты, канлы, уйшуны, уйгуры, курлауты, дурмены, кенегесы, утарчи, буркуты, кушчи, кият, ктай, джат и др. Это были тюркские племена в основном кыпчакского и карлукского происхождения, потомки населения ран-

несредневекового Дешт-и Кыпчака и Юго-Восточного Казахстана, таких, как канглы, уйсуни, карлуки, а также давно уже тюркизированные монгольские. Несколько позднее многие из этих этнических групп стали известны как племена казахского Среднего жуза. Упомянутые племена и племенные объединения были близки между собой по уровню экономического развития, общественным отношениям, культуре.

Ханство Абулхайра не стало централизованным государством, оно подразделялось на несколько экстерриториальных, этнополи-тических групп, владений (улусов) во главе с Чингизидами разных линий и верхушкой кочевых племен. Усобицами и войнами был заполнен весь период правления Абулхайра. В 30-х гг. он разбил на Тоболе Шайбанида Махмуд-Ходжа-хана, в присырдарьинских степях одержал верх над Джучидали Махмуд-ханом и Ахмед-ханом (из потомков Тука-Тимура), захватил Орду-Базар. В1446 г. Абулхайр разбил Мустафу-хана. В числе продолжавших сопротивление противников Абулхайра источники называют Джучидов Ибак-хана, Буреке-султа-на, правнуков хана Ак-Орды Уруса Джаныбека и Гирея.

В угоду поддерживавшей его знати кочевых племен Абулхайр-хан вел завоевательные войны за пределами своего ханства — в Средней Азии, на юге и юго-востоке Казахстана. В1430 г. на короткое время он захватил Хорезм, разграбил Ургенч. В 1446 г. Абулхайру удалось отобрать у Тимуридов и потомков акордынских ханов ряд городов на Сырдарье и в предгорьях Каратау-Сыгнак, Сузак, Ак-Курган, Узгенд, Аркук. Города были розданы в виде уделов (сойургал) поддерживавшим его вождям племен, в частности, мангытам. Это значительно укрепило авторитет Абулхайра среди одной части знати, обострило отношения с другой.

Сыгнак стал столицей ханства (до того ханскими ставками были города Тара и Орду-Базар). В 50-х гг. Абулхайр-хан совершал грабительские набеги на Самарканд и Бухару, вмешиваясь во внутренние усобицы Тимуридов Мавераннахра. В 1457 г. Абулхайр, в свою очередь, потерпел под Сыгнаком жестокое поражение от ойратов, вторгшихся в пределы Юго-Восточного и Южного Казахстана. В конце 50-х — начале 60 гг. в западную часть Могулистана от Абулхайра откочевала часть племен во главе с султанами Джаныбеком и Гиреем, против которых он предпринял поход в 1468 г., но по пути умер. После смерти Абулхайр-хана государство распалось. Преемник хана Абулхайра Шайх Хайдар-хан был убит сразу же в развернувшейся междоусобной борьбе многочисленных Джучидов. Внуку Абулхайра Мухам-маду Шайбани пришлось вести долгую и упорную борьбу за власть в степи, а главное — в южных городах региона Средней Сырдарьи и Каратау с казахскими ханами.

Отсутствие прочных связей между отдельными частями государства, постоянные династийные распри и усобицы за раздел территории и вместе с тем сопротивление эксплуатации и гнету со стороны рядовых кочевников, выражавшееся в откочевках массы людей на другие территории, ослабили ханство Абулхайра и привели к распаду. Практически действовали те же причины, что и в Могулистане. Как и там, здесь также шел процесс консолидации племен в обособленные этнополитические структуры.

С образованием Казахского ханства власть Шайбанидов из рода Абулхайра на территории Восточного Дешт-и Кыпчака прекратилась. Часть кочевых узбеков (групп из племен кыпчаков, карлуков, уйгуров, кунгратов и других) ушла во главе с ними в начале XVI в. в Мавераннахр. На территории Казахстана оставшиеся племена отошли под власть казахских ханов. Воспользовавшись ослаблением государства Тимуридов, Шайбаниды захватили власть в Средней Азии.

Одним из крупных государственных объединений, возникших в ходе распада Золотой Орды, была Ногайская Орда. Она занимала в XIV—XV вв. часть территории Западного Казахстана. Первоначально, с конца XIV в., это объединение племен между Уралом и Волгой называлось «Мангытским юртом», по названию одного из наиболее крупных его племен. Обособление Ногайской Орды, как полунезависимого владения, началось еще при Едыге, который был крупным деятелем в Золотой Орде, фактически державшим в своих руках власть в ней около 15 лет (1396—1411). Едыге воевал с Тохтамышем, ставил подставных ханов в Золотой Орде, в период феодальных смут и усобиц пытался усилить Ногайский улус. Был убит в 1419 г. Позднее вожди мангытов ориентировались на восточных соседей, были союзниками Абулхайр-хана. Окончательно Ногайская Орда обособилась к середине XV в., усилившись при сыне Едыге Нур ад-Дине (1426—1440).

Границы Ногайской Орды, как и других кочевых государств, менялись в зависимости от внешнеполитической обстановки. Ко второй половине XV в. ногаи вышли за пределы левобережья Урала и стали занимать кочевья «узбеков», продвигаясь все дальше к востоку и югу. Занятый сырдарьинскими городами, набегами в Среднюю Азию, Абулхайр не противодействовал ногайцам. Они могли пополнить контингент его кочевых подданных. Кочевья ногаев на северо-востоке простирались уже до Сибири (земли юго-восточнее Тюмени назывались Ногайской степью), на юго-востоке они временами кочевали Сырдарьи, берегов Аральского моря. Здесь их правители Ваккас-бий мангыт, Муса-мирза, Ямгурчи и др. помогли Абулхайру в захвате городов на Сырдарье. Позднее ногайцы то воевали, то вступали в союзные отношения с казахскими ханами. В середине XVI в. Хакк-Назар-хана называли в источниках «ханом казахов и ногаев».

Этнический состав Ногайской Орды до определенного периода, периода завершения консолидации тюркских народностей региона, был близок к составу племен Ак-Орды и Ханства Абулхайра. В составе его были тюркские и тюркизированные монгольские племена и племенные объединения. Помимо мангытов, в Ногайскую Орду входили кыпчаки, канглы, кунграты, найманы, уйшуны, карлуки, ктай, аз(ас), алшин, тама и др. Ногайская Орда возникла как этнопо-литическое объединение; входившие в нее племена составили основу ногайской народности, сформировавшейся к концу XV в.

Во второй половине XV в. появилось название народности «ногаи», под которым они стали известны соседним народам.

В ногайском обществе XIV—XVI вв., как и в других обществах окружающего кочевого мира, существовали раннефеодальные отношения, при этом сохранялись многие черты патриархально-родового уклада. На высшей ступени сословной лестницы находились князья, ханы, мурзы,

султаны, баи; они стояли во главе орд, улусов, аулов, решали все экономические вопросы жизни соплеменников. Владея огромным богатством, а оно заключалось главным образом в многочисленных табунах лошадей, верблюдов, отарах овец, стадах крупного рогатого скота, ногайская степная аристократия распоряжалась и кочевьями, пастбищами, охотничьими угодьями, хотя формально на них сохранялась родовая общинная собственность.

В Ногайской Орде сложилась устойчивая улусная система политической организации власти и управления. Князь в Орде имел наследственную власть, военную, дипломатическую, административную, Орда состояла из нескольких улусов, каждый из которых объединял множество родоплеменных групп. Во главе улусов стояли мурзы, нередко обладавшие неограниченной властью в своих владениях, распоряжавшиеся лучшими и наиболее удобными улусными пастбищами. Улусные рядовые кочевники-скотоводы обязаны были кочевать со своими мурзами, вносить подать, являться с оружием во время военных походов. Набеги, войны с соседями приносили степной аристократии большие доходы. Орда могла выставить до 300 тыс. воинов.

В XVI в. устанавливаются торгово-экономические и политические связи Ногайской Орды с Русским государством. История Ногайской Орды теснейшим образом связана с историей соседних ханств Поволжья и Сибири, Средней Азии и Казахстана. Особенно близко связана история ногайцев с историей кочевьщ узбеков и казахов. Часть ногайцев, кочевавшая от Эмбы до Сырдарьи, находилась в постоянных контактах с казахами.

После присоединения Казанского и Астраханского ханств к России и в связи с междоусобицами среди ногайского правящего рода. Ногайская Орда распалась на несколько самостоятельных орд. Часть ее населения на территории Казахстана вошла в состав Младшего жуза казахов. Ногайские орды в период раздробленности в XVI—XVIII вв. за пределами Казахстана находились в определенных отношениях с Крымским ханством и Российским государством. На северо-востоке часть ногайских родов отошла под власть сибирских владетелей. Владения Ногайской Орды в этом направлении доходили до Иртыша, граничили с территорией Сибирского ханства.

Сибирское ханство с 60-х гг. XV в. до конца XVI в. вместе с территориями Западной Сибири, землями по Оби, Тоболу, Ишиму, охватывало и часть территории современного Северо-Восточного Казахстана, земли правобережья Иртыша. До этого в XIV в. здесь существовало Тайбугинское политическое объединение тюркских племен, главенствующую роль среди которых играли киреиты. Южнее в XIV—начале XV вв. располагались земли Ак-Орды; до Иртыша и Алтая доходили владения ханов Могулистана.

Основное население Сибирского ханства составляли тюркоязыч-ные племена, известные под собирательным этнонимом «сибирские татары», и угорские племена. В источниках упоминаются владения ханов Сибирского ханства (из династии Шайбанидов) на среднем . течении Тобола, Ишима, Иртыша, землях до Ямышевского озера. Территории юго-восточнее по Иртышу занимали уже в XVI в. ойраты (джунгары или калмаки). На северных территориях распавшегося в начале XVI в. государ-

§ 2. Экономика и культура

Основным занятием населения Казахстана в XIV—XV вв. оставалось, как и в предшествующие века, кочевое скотоводство. Кочевники разводили овец и лошадей, верблюдов, в отдельных районах — крупный рогатый скот, например, у ногайцев и каракалпаков в западных и южных землях, в поймах рек и предгорьях. В этих же местах население занималось и земледелием, богарным и поливным, также рыболовством и повсюду — охотой. Лошадь являлась основным средством передвижения во время перекочевок и в военных походах. Овцеводство было распространено повсеместно. Кроме основного продукта питания мяса, оно давало кожи, шкуры, шерсть, применявшиеся для изготовления одежды, постельных принадлежностей, ковров, войлочных изделий, для утепления юрты и т. д. Домашние ремесла по обработке животноводческого сырья удовлетворяли потребности кочевников в предметах одежды и быта. Отдельные мастера изготовляли более сложные предметы — конскую сбрую, металлические украшения, военное снаряжение (мечи, копья, луки, стрелы), арбы, детали юрты и т. д.

Соотношение выделившихся в ходе эволюции скотоводческого хозяйства трех его типов — кочевого, полукочевого и оседлого — издавна существовавших на территории Казахстана, на протяжении веков не оставалось неизменным. Оно менялось не только в зависимости от экологических условий, но и от политических событий, миграций племен и народов, в свою очередь, связанных с этими условиями и событиями. Эти события и условия могли даже повлиять на изменение маршрутов кочеваний, издавна сложившихся в соответствии с естественно-географическими условиями и историческими традициями. В силу традиций кочевые роды и племена Ак-Орды и Ханства Абулхайра переходили на зиму из кочевий в отдельных районах Восточного Дешт-и Кыпчака в долины Сырдарьи и ее притоков, в предгорья Каратау и Приаралья.

Территории нередко приходилось удерживать силой в борьбе с правителями соседних государств. Традиционные маршруты кочевий ногайских скотоводов от зимних стоянок в устье Волги и на северо-восточном побережье Каспийского моря до летних вверх по Волге, Уралу, Эмбе в соответствии с политической обстановкой сдвигались как в сторону Приаралья и низовий Сырдарьи на востоке, так и вдоль побережья Каспия на юг, к Кумской низменности — на запад. В Семиречье маршруты кочевий были более короткими. Источники называют наиболее известные из пастбищных угодий: джайляу Улуг-Жулдуз и Кишик-Жулдуз в бассейне р. Или, пастбища равнины Абиш между Чарыном и Чиликом и др.

В XIV—XV вв. произошли коренные изменения в общем балансе

хозяйственных занятий населения Юго-Восточного Казахстана. Длительное господство монгольских ханов и феодалов, приток еще в XIII в. новых многочисленных кочевых племен с востока, постоянные междоусобные войны в Чагатайском улусе, в государстве Хайду за перераспределение владений, а с этими войнами были связаны длительные и частые перемещения монгольских войск, к концу XIV в. уничтожили оседло-земледельческую и городскую культуру в Семиречье. Исчезла аграрная округа вокруг городов, а затем исчезли и сами древние города Баласагун, Алмалык, Алматы, Тараз, Каялык, Ики-Огуз и др.

Повсеместно возобладало кочевое скотоводство, оно превратилось в главную отрасль хозяйства местного населения. Следы земледельческой жизни еще сохранялись в XIV—XV вв. в Западном Семиречье в долинах Чу и Талас, в округах исчезнувших городов. Письменные источники сообщают о строительстве в XV в. новых поселений, караван-сараев, крепостей, например, по сведениям Мухаммад Хай-дара, в районе Иссык-Куля. Но в целом, в период вхождения региона Юго-Восточного Казахстана и Киргизии в государство Могулистан городская жизнь здесь так и не возродилась. Поэтому в экономической и политической жизни этого государства важное значение имели оседло-земледельческие районы и города Кашгарии. Борьба за них часто вызывала междоусобные войны в Могулистане. В конце XV в. могульским ханам, вмешавшимся в борьбу казахских ханов, шайба-нидских правителей и последних Тимуридов за власть над городами в бассейне Средней Сырдарьи, удалось подчинить на время Ташкент и Сайрам. Жизненные интересы населения кочевых районов Семиречья, необходимость сбыта продуктов скотоводства и получения предметов городского ремесленного производства и земледельческой продукции ориентировали их на экономические связи с населением земледельческих областей также и Южного Казахстана и Средней Азии.

Определенный подъем городской и земледельческой жизни в XIV—XV вв. происходил на землях Южного Казахстана. Источники упоминают о строительстве в Отраре, Сауране, Сыгнаке, Дженде, осуществленном ханами Ак-Орды Ерзеном, Мубарак-Ходжой, Уру-сом. Возводились жилые постройки, культовые и общественные здания. Восстанавливались крепостные стены и укрепления, строительство которых ранее было запрещено монгольскими властями. Наиболее значительным сооружением на рубеже XIV—XV вв. является возведенный эмиром Тимуром мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави в городе Ясы (Туркестане). Складывался новый архитектурный стиль, совершенствовались строительные методы, развивались ремесла, связанные со строительным делом (изготовление кирпича, облицовочных материалов, в частности поливных изразцов). В городах развивалось ремесленное производство. В Отраре, например, археологическими раскопками выявлены усадьбы и мастерские гончаров, кузнецов, ткачей, хлебопеков и др. Большим разнообразием цвета и орнаментовки отличалась местная керамика. Работали монетные дворы Сыгнака (столица ханов Ак-Орды), Отрара, Сарайчика (столица Ногайской Орды). Восстанавливалась и продолжала развиваться жизнь в земледельческой округе Сыгнака, Ясы, Саурана, Сайрама и

других городов. На поливных землях выращивались зерновые культуры (пшеница, ячмень), а также огородные и бахчевые; распространено было виноградарство и садоводство. Продукция земледельцев и городских ремесленников служила предметом обмена в хозяйственных связях населения Южного Казахстана и Восточного Дешт-и Кыпчака и Семиречья. Торговля была одной из наиболее существенных сторон жизнедеятельности городов Южного Казахстана. Оживилась и транзитная торговля на пути из Европы через Крым, низовья Дона, далее в Сарайчик, Отрар, Сайрам с выходом на древние торговые пути из Средней Азии через Семиречье на Алтай и в Восточный Туркестан.

Торговый взаимообмен скотоводов степных районов Восточного Дешт-и Кыпчака и Семиречья с земледельческим и городским населением Южного Казахстана и Средней Азии положительно воздействовал как на рост городского и земледельческого хозяйства на юге, так и скотоводческого в степи. Выгодное положение региона Южного Казахстана на стыке оседл о-земледельческого мира с кочевой степью, на перекрестке магистральных торговых путей сделали его центром хозяйственно-культурных, экономических контактов соседствующих народов. Они способствовали заимствованию кочевниками и земледельцами друг у друга элементов материальной культуры, быта, хозяйственных навыков, социальных норм, форм государственной организации, военного искусства, вели к культурному обмену. Через эти города шло распространение среди степной аристократии мусульманской культуры, письменности, книжного образования.

Регион Южного Казахстана (по терминологии источников того времени — Туркестана), особенно его северная часть, были традиционным» политическим и экономическим центром всех государственных образований на территории Казахстана. Присырдарьинские города Сыгнак, Отрар, Ясы (Туркестан), Сайрам, Сауран, Сузак и др. постоянно были в центре военных столкновений правителей соседних государств. За них сражались с Тимуридами, правившими в Средней Азии (Мавераннахр), ханы Ак-Орды на рубеже XIV—XV вв., Абулхайр-хан — в 40—60 гг. XV в.; за них сражались с узбеками шайбанидами первые казахские ханы. Здесь правители Восточного Дешт-и Кыпчака раздавали владения своим вассалам, собирали налоги, опирались на местные города в борьбе за власть в степи, осуществляли строительство. Здесь находились их родовые усыпальницы (знак владения территорией). Свой вклад в развитие городской и земледельческой культуры на юге Казахстана, как и на юго-востоке в прошлом внесли далекие и близкие предки казахской народности, как и сами казахи в XV—XVII вв.

Процесс феодализации общественных отношений в кочевых скотоводческих районах Ак-Орды, Ногайской Орды, Ханства Абулхайра и Могулистана происходил медленно, при значительном сохранении пережитков родоплеменной организации кочевников. Последнее было связано с ростом удельного веса кочевого скотоводства, реставрацией патриархальных черт в организации управления, в формах землевладения, эксплуатации подвластного населения в период монгольского господства.

Существовавшая улусная система общественной организации насе-

ления позволяла кочевникам иметь в общинном владении определенную территорию с пастбищными угодьями и водоемами, предотвращала столкновения с другими улусными объединениями родопле-менных групп. Право на кочевые улусы и соответствующие им территории имели все члены правящей династии (огланы, султаны, мирзы). Многочисленная знать, возглавлявшая родоплеменные группы (улусбеки, эмиры, баи, карачи), приобретала иммунитетные права (тарханство). В источниках отмечены другие формы землевладения, земельной собственности: инджу (ханские земли), мульк — частновладельческие земли, встречавшиеся в земледельческих оазисах, вакф—земли мусульманских учреждений и духовенства в районах распространения ислама, в южных городах Казахстана. Более упорядоченной стала система взимания налогов и податей с оседлого населения. Институт «родовой помощи» у кочевников скрывал различные формы зависимости и эсплуатации бедных богатыми.

Интенсивно развивался в XIV—XV вв. начавшийся ранее процесс образования, объединения, становления тюркскихлитературных языков трех основных диалектных групп: карлукско-уйгурской, уйгурско-огузской и кыпчакско-огузской. Монгольское завоевание не привело к распространению монгольского языка. Местная тюркская среда сравнительно легко поглотила монгольские элементы.

На кыпчакском языке в XIII—XIV вв. было создано большое количество литературных памятников, развивалось устное народное творчество. Кыпчаки и другие тюркские племена имели свою устную поэзию. Образцы фольклора (загадки, афоризмы, пастушеские песни) сохранились в памятнике кыпчакского языка «Кодекс кумани-кус». В XIV—XV вв. из кыпчакско-ногайской подгруппы кыпчакской группы тюркских языков выделился казахский язык. В эту подгруппу кроме казахского входят ногайский и каракалпакский языки. В Дешт-и Кыпчаке, в Ногайской Орде развивалось творчество певцов (жы-рау), известны имена Сыпыра-жырау и Кодана-Тайши (XIV в.), Аса-на-Кайгы и Казтугана (XV—XVI вв.), воспевавших идею единства народа, любовь к родине. Складывался кыпчакский героический эпос.

В оседло-земледельческой полосе Южного Казахстана становился господствующей религией ислам, распространяли свое влияние суфийские ордена «ясавийя» и «накшбандийя»; кочевое население придерживалось шаманизма и культа предков.

Глава 5. ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА

§ 1. Антропологические аспекты происхождения казахского народа

Поиск истоков этнообразования казахского народа чрезвычайно сложен и теснейшим образом связан с изучением седой древности Казахстана, а также сопредельных территорий, насельники которых участвовали в обширных этногенетических процессах Евразии.

Среди множества аспектов происхождения казахского народа можно выделить два стержневых: лингвистический и антропологический. Есть

все основания полагать, что оба процесса на рассматриваемой территории развивались параллельно, главным образом по исторической вертикали. Такой подход позволяет проследить преемственность и сохранившиеся «предковые» черты. Правда, в отдельные исторические эпохи определенную роль сыграло и развитие по горизонтальной линии. Примечательно, что в древности коренные насельники региона имели общую лингвистическую и антропологическую основу, и у современных потомков генетическая кластеризация в основном соответствует лингвистической. Древнюю историю Казахстана можно разделить на два больших периода: индоевропейский и тюркский.

Первый период, несмотря на свою значительную временную отдаленность, предстает перед нами как реально сформировавшаяся фаза не только с выраженными хозяйственно-культурными традициями, но и рядом известных этнических объединений и расовых образований. В лингвистическом отношении на этом этапе насельники не только Казахстана, но и обширного региона Евразии входили в древнеиранскую ветвь индоевропейской семьи[1]. Хронологически рассматриваемый период в Казахстане охватывает III—I тысячелетия до н. э.

Имеющиеся арехологические артефакты Казахстана, связанные с этим периодом, свидетельствуют, что на его большей части была распространена так называемая андроновская культура эпохи бронзы. В его западной части наибольшее распространение получила срубная культура. В целом эти культуры обладали выраженными региональными чертами, которые, в свою очередь, послужили основой для нового уклада жизни потомков в виде номадизма в последующую эпоху раннего железного века. На этом этапе преемственность культурно-исторической общности местных насельников раннего железного века с периодом эпохи бронзы Казахстана, о чем свидетельствуют многочисленные археологические источники, не вызывает сомнения[2].

В рассматриваемый период территория Казахстана по существу становится центром распространения так называемой «кочевнической триады», характерной для всех евразийских степей, т. е. ареалом повсеместного бытования классических предметов вооружения, конского снаряжения и «звериного стиля» в оформлении изделий. Истоки этой триады, как полагают некоторые исследователи, восходят к древним казахстанским племенам андроновской культуры середины II тыс. до н. э.[3] Однако с открытием аржанской фазы развития номадических культур в последнее время региональные особенности евразийских племен от Хуанхэ до Дуная стали рассматриваться на фоне общего взаимодействия всего кочевого мира в целом[4]. Однако этот обширный кочевой мир имел своеобразные локальные хозяйственно-культурные варианты. Одним из них являлись кочевые племена Казахстана эпохи раннего железного века.

В этот период в евразийских степях в виде отдельных этнических общностей зафиксированы индоевропейские племена под названием «скифы» («саки»). Эти термины в сущности отражают одну и ту же общность кочевых племен. Современниками сако-скифского племенного союза были савроматы, обитавшие в Западном Казахстане и за его пределами. Вместе с тем в древних источниках упоминаются их много-

численные подразделения с довольно туманной локализацией *в* европейских степях. Да и современная литература пестрит противоречиями об их местонахождении. Наиболее широкую освещенность в литературе получили племена массагетов, исседонов, аримаспеев и др. Некоторые исследователи последних лет настойчиво подчеркивают, что эти и другие этнонимы евразийских племен отражают не целостное этническое образование, а скорее обобщенное наименование нескольких определенных хозяйственно-культурных общностей[5]. Поэтому этническое определение в древних письменных источниках и современных археологических исследованиях относительно локализации различных кочевых объединений в евразийских степях эпохи раннего железа и античности становится слишком гипотетичным и нуждается в серьезном критическом изучении, возможно, и в пересмотре. Несмотря на это, сако-скифский племенной союз в Казахстане сохранил индоевропейскую общность в своем этнокультурном развитии до рубежа новой эры.

Такова в общих чертах этнокультурная ситуация, которая лежала в основе этнообразовательного процесса местных насельников в эпоху бронзы и раннего железа. На этом этапе вся совокупность важнейших компонентов хозяйственно-культурных традиций, этнического развития и лингвистической близости, в конечном счете, образовала предковую основу последующего процесса формирования культурно-исторической общности союзов племен Казахстана, включая и казахскую народность в целом. В пользу этого говорят основные результаты исследований по этнической археологии, этнологии, исторической этнографии и топонимике Казахстана. Это концептуальное положение находит наиболее важное обоснование в палеантропологических материалах Казахстана.

Как известно, объективным носителем, творцом и проводником ценностных ориентации всего этнокультурного наследия в различные исторические эпохи был сам человек. Но существует и биологическая сторона его природы, когда одновременно он составляет часть естественноисторической общности людей, генетически связанных между собой разной степенью родства. В геноме человека заложены его внутренние и внешние особенности, а родственная группа людей обладает своим определенным комплексом этих особенностей.

Замечено, что в силу географических и исторических причин в отдельных этнических группах частота проявления наследуемых признаков варьирует по-разному. Именно характер распределения тех или иных генов среди представителей определенной общности людей может многое рассказать об этнической истории народа, его миграциях, контактах, смешениях или обособлениях в разные периоды. В основе данного антропологического исследования лежат принципы этноисторического развития и географического распределения генетических особенностей насельников Казахстана на протяжении ряда тысячелетий.

Обратимся к палеоантропологическим данным Казахстана эпохи бронзы, так как находки останков человека более ранних периодов очень фрагментарны. Согласно палеоантропологическим и археологическим данным, древнее население Казахстана в этот период сосредоточивалось

в центре большой этнокультурной области — Евразии — и было одним из представителей обширного антропологического пласта; степного типа протоевропейского расового ствола. Основная часть этого большого региона, включая Казахстан и Среднюю Азию, была самой ранней областью обитания и расселения племен индоиранской культурно-исторической и лингвистической общности. На протяжении ряда тысячелетий носители этой древнейшей цивилизации оставались важнейшим ядром в формировании более поздних региональных антропологических образований.

Палеоантропологические исследования позволили охарактеризовать внешний облик древних популяций Казахстана эпохи бронзы. В этот период на всей его обширной территории были распространены различные варианты древних европеоидов, но преобладающим антропологическим типом был степной, называемый также андро-новским по названию археологической культуры.. Он имел мезокран-ный череп, низкое, широкое и хорошо профилированное в горизонтальной плоскости лицо, сильно выступающие носовые кости и низкие глазницы. Вместе с тем в некоторых частях Юго-Восточного (Семиречье) и Западного Казахстана обитали племена, сходные по фенооблику с локальным вариантом восточносредиземноморской расы. В целом эти и другие местные европеоидные расовые типы являлись тем мощным антропологическим пластом, на базе которого происходила дальнейшая трансформация генома древнего населения Казахстана. Таким образом, у истоков древнего антропологического пласта Казахстана находились хорошо отличимые, ярко выраженные варианты европеоидной расы без следов притока генов восточного (азиатского) расового ствола. Следовательно, европеоидный облик древних популяций Казахстана был изначально явлением исключительно автохтонным, и важнейшие фены-признаки облика передавались из поколения в поколение.

Изучение палеоантропологии Казахстана эпохи раннего железного века показало, что население всего региона по-прежнему характеризовалось выраженными чертами европеоидной расы, известными и в эпоху бронзы. Другими словами, прослеживается четкая генетическая преемственность между населением двух рассматриваемых периодов Казахстана. Однако при скрупулезном анализе краниологических серий раннего железного века все же нельзя не отметить тенденцию, которая, несомненно, развивалась под воздействием фенов-признаков, привнесенных популяциями восточного происхождения (Центральная Азия). Но удельный вес монголоидных элементов был еще незначительным в фенооблике древних популяций Казахстана. В целом у местных племен скифо-сакского времени 1/6 часть физических черт уже принадлежала «восточному» комплексу, представители которого впервые с данного периода фиксируются на данной территории. На этом основании можно говорить, что середина I тыс. до н. э. стала началом инфильтрации восточных популяций и метисационного процесса у древних насельников Казахстана, когда элементы «восточного» расового ствола на рассматриваемой территории стали постепенно нарастать по мере приближения к позднему этапу средневековья.

В раннежелезном веке несколько иная этнокультурная картина

наблюдается в западной части Казахстана, где обитало кочевое объединение скифо-савроматских племен. Культурные очаги этой общности найдены в современных Актюбинской, Западно-Казахстанской, Атырауской и Мангистауской областях. Однако большая часть памятников скифо-савроматского времени обнаружена за пределами Западного Казахстана, а именно, в Среднем и Нижнем Поволжье и Южном Урале. Историю развития этой культурной общности некоторые исследователи связывают с указанными регионами. Вместе с тем савроматы Западного Казахстана обнаруживают ощутимую антропологическую связь с андроновцами степной зоны. Таким образом, в эпоху раннего железа на территории Казахстана мы сталкиваемся с двумя культурными центрами: скифо-сакским и скифо-сармат-ским. Творцами первого были потомки местных популяций андро-новской культуры, второго — потомки древних популяций срубной культуры. В общем по археологическим данным между казахстанскими саками и савроматами прослеживается историческая близость в материальной культуре и укладе жизни[6].

В антропологическом отношении черепа савромато-сарматского времени из Западного Казахстана характеризуются выраженным фенооблликом южной ветви европеоидной расы. В масштабе этой расы по ряду морфологических признаков они сближаются с локальным вариантом восточносредиземноморского антропологического типа[7].

В целом скифо-сарматские племена рассматриваемого региона по основным краниометрическим признакам все же оказываются близкими по фенооблику к сако-усуньскому миру Юго-Восточного Казахстана, представляя собой огромный сармато-усуньский континуум. Палеоантропологические материалы собственно усуньского времени представляются довольно информативными. Как известно, в конце I тысячелетия до н. э. в юго-восточной части Казахстана на смену этническому объединению племен сакского времени приходит новый племенной союз с этнонимом «усуни», который, как полагают исследователи, в сущности является последней фазой развития сак-ской культуры. Поэтому подразделение племен на саков и усуней является условным, отражающим лишь разные этапы эволюции единой этнической общности[8]. В пользу этого говорят и данные палеоантропологии.

Рассмотрение краниологических серий усуньского времени демонстрирует непрерывную генетическую преемственность с предшествующим периодом, т. е. антропологическая основа местных популяций античного времени по-прежнему остается древнеевро-пеоидной. Что касается генетической примеси восточных племен, то ее удельный вес несколько возрастает по сравнению с предшествующей скифо-сакской эпохой. В целом доля этого компонента среди местных популяций уже составляла 1/4 часть от общей массы.

Основная причина обнаруженной тенденции в расовой морфологии местных насельников несомненно связана с проникновением и оседанием хуннских племен из Центральной Азии. Однако изданном этапе наших исследований конкретный вклад в генофонд местных популяций пока остается не раскрытым из-за фрагментарности па-леоантропологических материалов по сармато-гуннским племенам,хотя их этнокуль-

турное развитие оставило глубокий след в древней истории Казахстана. К тому же проблемы тохарской (юэчжийской) цивилизации, оказавшей огромное влияние на этнокультурное развитие местных племен, еще слабо разработаны.

На основе приведенных и других данных можно заключить, что на протяжении более двух тысячелетий до н. э. насельники Казахстана в антропологическом отношении обладали единой основой морфо-физиологических особенностей. Она оказалась довольно устойчивой и, несмотря на многие эпохальные исторические события, происходившие в евразийских степях в I и И тысячелетиях н. э., в дальнейшем сохранилась в генетическом портрете современных казахов в виде предковых компонентов, характерных для населения бронзового и раннего железного веков Казахстана. Основанием для такого суждения служит весь обширный антропологический материал по современным казахам.

Начало I тысячелетия н. э. для большей части Евразии, включая Казахстан и Среднюю Азию, ознаменовалось новым этапом взаимодействия внутренних и внешних факторов в этно-и расогенетичес-ком развитии, вследствие чего наступила кардинальная трансформация древнего культурно-исторического уклада жизни местных племен и совершился переход к прототюркской этно-культурной и языковой общности.

Как известно, во втором периоде происходили многочисленные локальные миграции кочевых племен на Запад и образование разных кочевых объединений с тюркоязычными наречиями на территории Казахстана. Огромная площадь последнего с относительно стабильными хозяйственно-культурными традициями в силу своего исторического развития и географического положения на долгие тысячелетия стала естественным мостом между Востоком и Западом, а ее коренные насельники были в самом центре миграционных путей Евразии. Что касается генофонда местных популяций этих периодов, то посредством ряда миграций и последующего смешения населения его состав, несомненно,

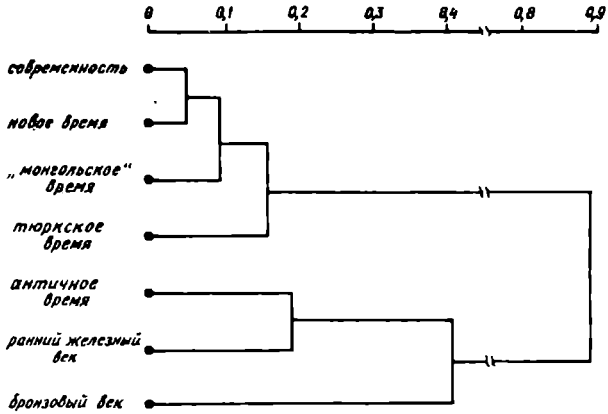


Рис. 1. Дендрограмма краниометрических признаков у современного и древнего населения Казахстана.

подвергался неоднократным генетическим «добавкам» со стороны кочевых племен восточного происхождения. Палеоантропология Казахстана этого времени свидетельствует об этом (рис. 1.). Масштаб притока этих генов был разным и, естественно, оказал определенный эффект на фенооблик местных популяций. Это особенно заметно при сопоставлении краниологических серий усуньского и тюркского периодов. Тем не менее основная масса местных этнических образований тюркского времени оставалась европеоидной, сохраняя генетические особенности предшествующих им древних племен. Если обратиться к общему соотношению двух ведущих расовых компонентов в физическом облике местных насельников рассматриваемого времени, то условная доля монголоидных элементов в целом составила 1/3 часть генофонда популяций. В ряде локальных групп уровень примеси достигал 1/2 части от общего генофонда. В некоторых краниологических сериях, в частности в притобольской серии VIII—X вв. н. э. из Северного Казахстана, условная доля монголоидности достигла 2/3 части от общей массы[9]. Аналогичное явление наблюдается в пограничных зонах (Поволжье и Приуралье), близких к западной части Казахстана, где у локальной популяции XI и XII—XIV вв. монголоидная примесь составляла столько же, сколько у нынешних представителей казахстанского варианта тураноидной (южносибирской) расы[10]. Все это указываетна то, что степень смешения физических черт на древней европеоидной основе с пришлыми монголоидами, характерная для современных казахов, имела место в отдельных частях Казахстана уже в тюркское время.

Для большинства популяций казахстанско-среднеазиатского региона конец I и начало II тысячелетия н. э. ознаменовались успешным социально-экономическим и культурным развитием. В ряде оседлых и полуоседлых районов Казахстана усилился процесс консолидации между близкими и далекими племенными объединениями. Для населения Казахстана этой эпохи в целом характерна выраженная тенденция к сложению определенной единой общеэтнической основы, обусловленной как географическими, так и культурно-историческими факторами. Таковыми являются расселенность в основном на территории с однообразным ландшафтом и схожим климатом, однотипность хозяйственно-культурных традиций, единство языка и общность происхождения. Однако нашествие монголов в начале XIII в, и создание на территории Казахстана монгольских улусов приостановили на долгие годы процесс завершения этнокультурного образования единой казахской народности.

При сопоставлении краниологических серий казахов с сериями черепов «монгольского» и тюркского времени обнаруживается, с одной стороны, непрерывная генетическая преемственность между населением указанных периодов, с другой — дальнейшее усиление притоков генов «восточной» ориентации (см. рис. 1). В целом, за время монгольского господства условная доля восточного компонента у местных насельников увеличилась примерно на столько же, насколько и в тюркское время (около 20%). На этом основании , можно утверждать, что монгольская экспансия не сопровождалась массовым переселением центральноазиатских племен или полным вытеснением местных племен в другой регион и в целом не могла вызвать резкой смены генетической структу-

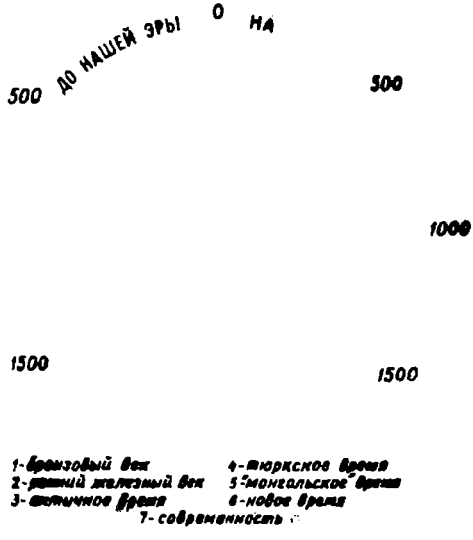


Рис. 2. Условная доля монголоидных элементов у населения Казахстана в различные культурно-исторические эпохи по данным краниологии.

Таким образом, палеоантропологические материалы Казахстана позволяют заключить, что свойственный современным казахам фе-нооблик окончательно сформировался не позднее XIV—XV вв. на основе сложного взаимодействия двух больших рас — автохтонной европеоидной и привнесенной монголоидной. Все это теперь составляет единый монолитный сплав антропологического состава казахского народа.

В рассматриваемом аспекте не менее важная информация содержится в обширных и уникальных материалах по антропологии современных казахов. Среди них особое место занимают краниологические серии казахов, которые по существу являются самым надежным, и, зачастую, единственным источником для сравнительного анализа расогенеза казахов, а также в определении преемственности генетических связей между современными и древними насельниками Казахстана. Так, детальное изучение локального разнообразия казахских краниологических серий

в определенной мере высвечивает особенности внутрипопуляционного полиморфизма, постепенно накопленного на различных этапах становления тотальной совокупности казахов, как единой этнической общности. Имеется ряд краниологических серий из различных районов республики, обладающих характерными чертами тураноидной расы и относящихся к единому локальному ее варианту. Однако среди них прослеживается определенная вариабельность в соотношении европеоидности и монголоид-ности, несмотря на длительность и многократность метисационных процессов у местных популяций Казахстана, начиная с древности.

Определение условной доли монголоидных элементов по краниологическим сериям показало, что у современных казахов она составила около 70%. Следовательно, в антропо-морфологической характеристике краниологических серий казахов в ощутимой мере проявляется древний местный субстрат, на который накладывался в течение ряда тысячелетий субстратный компонент монголоидного происхождения, ставший постепенно преобладающим (см. рис. 2). В целом такое проявление относительно равномерных коррелятивных связей между различными биологическими показателями подтверждает некоторую самостоятельность расогенетического процесса, в котором ведущая роль древнего предкового европеоидного компонента была исторически обусловлена. Этот компонент реально представлен в физическом облике современных казахов.

Такая же антропологическая картина в целом прослеживается и по другим системам фенов-маркеров, в частности по данным антропометрии, изосерологии, дерматоглифики и одонтологии. Основные полученные результаты по расовой соматологии свидетельствуют, что на всей территории расселения казахи характеризуются выраженной гомогенностью и имеют единый антропологический фенооб-лик. В соответствии с четкой региональной локализацией в пределах современной территории Казахстана их антропологический тип можно назвать казахстанским вариантом смешанной тураноидной расы".

В составе этой расы, кроме указанного выше варианта, специалистами выделяются еще два локальных: притяньшаньский и алтае-

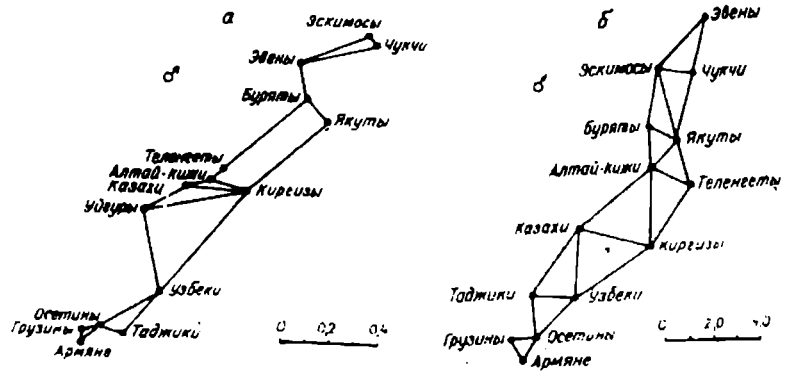


Рис. 3. Взаиморасположение казахов среди некоторых народов Евразии по сумме измерительных (а) и описательных (б) признаков головы и лицевого отдела.

саянский, типичными представителями которых признаны киргизы и хакасы. Согласно морфологическим показателям межгрупповых сопоставлений оба эти варианта туранoидной расы отличаются от казахстанского усилением элементов восточного расового ствола (рис. 3).

В антропологии Казахстана также нашло отражение и изучение этнического образования казахов в серологическом аспекте. По данным системы АВО для казахов, в целом можно считать установленным преобладанием аллеля 0. Процентное содержание аллелей А и В равномерно, а концентрация генных частот р (А) и q (В.) достаточно близки между собой (А >В). Этот факт говорит о том, что в генетической структуре казахов почти равномерно сочетаются исходные составные компоненты на основе серологических факторов — европеоидных и монголоидных. Основным вариантом в этой системе групп крови для казахской популяции в целом является следующий: О > А > В > АВ. Антропологическое значение такого распределения раскрывается при сопоставлении с общим распространением генных частот по локусу АВО у народов Евразии. Так, казахская популяция тяготеет к относительно средней величине колебаний частот фенотипов системы АВО населения Центральной и Средней Азии, а в ряде случаев совпадает с таковыми вариантами у народов Восточной Европы и Передней Азии. По распределению фенотипа А казахи, находясь в пределах интервала частот, присущих населению Центральной Азии, приближаются к его верхней границе, а по отношению к народам Восточной Европы—к нижней границе свойственных им частот. Фенотип Ву казахов имеет частоты, соответствующие средним цифрам частот у жителей Центральной Азии, несколько превышающие показатели, характерные для популяций Восточной Европы и близко подходящие к верхней границе интервала частот, свойственных населению Передней и Средней Азии. Соответственно этому частоты генов р (Д) и q (В) у казахов в основном лежат в области пограничных значений, характерных для популяций Центральной Азии и Восточной Европы.

Рассмотрение распределения системы групп крови MN среди казахских популяций показало, что для них характерно преобладание аллеля М над N. Процент лиц с наличием обоих аллелей MN среди местных популяций значительно больше, чем с одним. По степени концентрации генных частот по данному локусу казахи обнаруживают относительно высокий процент m (M) и умеренно низкий n (N). Установление по локусу MN частоты фенотипов и генотипов у казахов наиболее близко подходят к этим показателям у народов Средней Азии. По отношению к европеоидным группам выявленные частоты у казахов находятся на границе таковых у народов Восточной Европы. В целом казахи вполне определенно являются носителями смешанных особенностей по локусу MN[12].

Поданным системы резус-фактора среди казахов исключительно преобладают лица с резус-положительной реакцией над резус-отрицательной. Для них характерно относительно высокое содержание аллеля D. На всей изученной территории показателя встречаемости резус-отрицательности стабильны, так как изменчивость генных частот по данному локусу у казахов невелика, и они представляют собой однород-

ную естественноисторическую общность. В масштабе общей казахской популяции уровень концентрации гена d не достигает распространенности этого аллеля у населения Восточной Европы, но она несколько больше, чем у жителей Центральной Азии. В общем по данному генетическому маркеру результаты определенно свидетельствуют о смешанном происхождении казахов между европеоидами и монголоидами. Здесь в качестве краткой иллюстрации можно привести процентное содержание резус-отрицательного фактора у народов Евразии. Правда, при этом проценты предварительно переводятся в баллы. С учетом полярности генетической структуры сравнительных популяций казахи стоят на четыре балла дальше от современных монголов, на пять баллов — от коренных народов Средней Азии и на десять баллов от восточных славян. Обобщенные генетические величины по изученным локусам позволяют заключить, что на популяционном уровне у казахов вполне реально существует свой генофонд. Его специфическая особенность наиболее ярко проявляется при межэтнических сопоставлениях, где в серологическом отношении наиболее типичные представители как европеоидного, так и монголоидного расовых типов существенно отличаются от обобщенного генетического показателя у казахов (рис. 4). Таким образом,

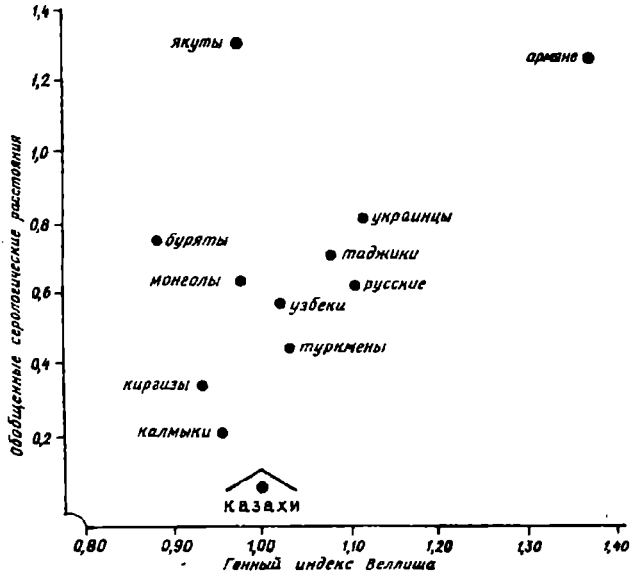


Рис. 4. Суммарные генетические расстояния казахов от некоторых народов Евразии.

проведенный серологический анализ отражает один из путей микроэволюционного развития современных казахов и одновременно демонстрирует, в каком соотношении у них сохранились исходные генетические особенности, а также показывает их условное расстояние в этноантропологическом развитии от популяций сопредельных территорий.

Как известно, специфическое сочетание полиморфных признаков кожного рельефа пальцев и ладони обладают высокой таксономической ценностью. Эти дерматоглифические данные по современным этническим группам сейчас широко используются в антропологической науке. В полученных материалах весь комплекс признаков дерматоглифики свидетельствует об однородности локальных групп казахов и ее гомогенности как популяций в целом. По основным свойствам кожных узоров казахи находятся на стыке монголоидно-европеоидных групп[13], т. е. относятся к популяциям метисного происхождения (рис.5).

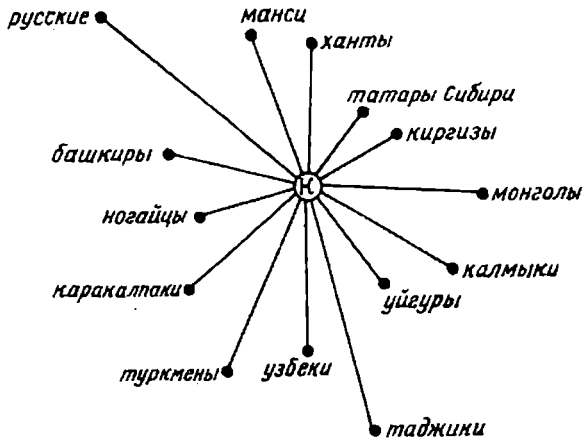


Рис. 5. Обобщенные дерматоглифические расстояния казахов (К) от некоторых народов Евразии.

В современной антропологии наряду с данными по расовой соматологии, серологии, дерматоглифике также изучаются особенности зубной морфологии человека в этногенетических аспектах. Как известно, морфологическое строение зубной системы является одним из важнейших источников биологической и исторической информации, так как ряд важных черт зубного рельефа указывает на присутствие древних особенностей. Одонтологический анализ позволяет заключить, что по основным фенам-маркерам зубного рельефа казахская популяция обнаруживает реальное внутриэтническое единство и укладывается в пределы вариации переходных расовых типов Евразии.[14]

В целом, одонтологические особенности у казахов выявляют в основном те же закономерности, что и по другим системам антропологических признаков, т. е. по расовой соматологии, серологии, особенно дерматоглифике (рис. 6). Об этом свидетельствует, прежде всего то, что в зубной морфологии казахов черты «восточной» ориентации превалируют над особенностями «западной». Вместе с тем показатели некоторых фенов зубного рельефа «западного» ствола в известной мере убывают по мере продвижения с западной в восточную часть республики. Выявленный «западный» стабильный компонент у современных казахов генетически уходит своими корнями к древнему местному субстрату.

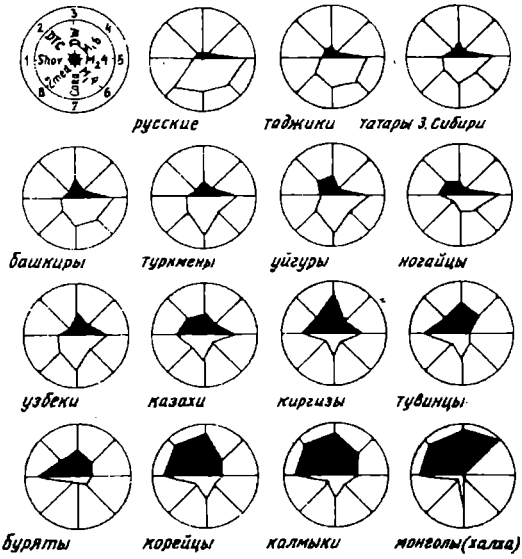


Рис. 6. Комбинационные полигоны по комплексу фенов-признаков зубного рельефа «восточной» (черный цвет) и «западной» ориентации у казахов и других народов Евразии.

Таким образом, масштабные комплексные антропологические исследования современных казахов содержат достаточно познавательную информацию, которая в полной мере соотносится с данными междисциплинарных изысканий при разработке проблем этногенеза, и, все это, вместе взятое, неопровержимо демонстрирует общность генетического процесса и пути формирования этнокультурной основы у древнего и современного населения Казахстана. Имея древние истоки становления, казахский народ обретает свое реальное существование как самостоятельное этническое образование с середины II тыс. н. э., что признается большинством исследователей. Именно с этого времени, о чем свидетельствует весь комплекс источников, местные популяции образовали единый этнический массив со всеми специфическими особенностями генетического фонда и фенотипи-ческого облика, с самобытными культурными чертами и основами современного языка на всей территории Казахстана.

В этом антропологическом, этническом и лингвистическом качестве казахский народ предстает перед новым историческим развитием в кругу современного разнообразия культурных контактов в единой системе человеческих цивилизаций.

§ 2. Этнические процессы на территории Казахстана

Этническая история Казахстана, как и всего региона Центральной Азии, крайне сложна. На протяжении веков здесь перекрещивались судьбы множества племен и народов. Сведения о них разбросаны в большом

количестве источников на многих языках, восточных и европейских. Исследователями несколькихпоколений востоковедов осуществлена большая работа по их изучению.

В научной литературе утвердилось понимание этноса (т. е. народа - племени, народности, нации), как исторически сложившейся, устойчивой совокупности людей, обладающей не только общими внешними физическими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и "обособленности от других этнических групп (т. е. самосознанием), закрепленным в самоназвании (этнониме). Для формирования этноса и дальнейшего сохранения его целостности важнейшее значение имеет единство территории его расселения. Чтобы у людей появились общие черты, выделяющие их из чиста других этносов, они должны непрерывно, длительно общаться друг с другом, а это возможно лишь при условии их расселения, по крайней мере в период формирования, консолидации этноса, в пределах единой, постоянной территории[15].

В XV—XVI вв. в основном завершился многовековой процесс формирования казахской народности и ее этнической территории, фактически в тех же пределах, в которых размещались казахи и в последующие века.

Этническую основу казахской народности, как и ряда других тюркских народностей региона Центральной Азии, также стожившихся к XV—XVI вв., составили многочисленные разноязыкие в прошлом племена и народы, от саков, усуней, кангюев, гуннов, тюрков, тюрге-шей, карлуков, огузов, кимаков, кыпчаков до найманов, аргынов, киреев, конгратов, джаланров, дулатов и многих других, обитавших в разное время на территории Казахстана[16]. Некоторые из них в разные эпохи имели свои государства. Многие древние тюркские родовые и племенные названия сохраняются у казахов и в позднее время.

Истоки этногенетических процессов, обусловивших образование казахской народности, восходят к глубокой древности — эпохе разложения первобытнообщинного строя. В начальной стадии эти процессы были связаны с автохтонным населением. Но в последующем развитии они все более зависели от этнических процессов на обширных пространствах Центральной Азии. Движение этнической истории на территории Казахстана, сложение в разные периоды крупных этнических и этнополитических общностей и в конечном итоге — казахской народности органически обусловлены эволюцией и взаимосвязью хозяйственных форм кочевого скотоводства и оседлого земледелия, а также городской культуры, прогрессивными изменениями в общественных отношениях. Во многом этнические процессы определялись важнейшими политическими событиями древности и средневековья, происходившими в целом в казахстанско-среднеазиатском регионе и за его пределами.

В развитии этногенетических процессов на территории Казахстана выделяются несколько этапов. По антропологическим данным, в процессе этнического развития устойчиво сохранялся на протяжении длительного времени европеоидный тип населения, подвергшийся со временем более или менее сильному (в разных зонах) изменению в сторону

монголоидности. Не оставалась неизменной и языковая ситуация, ираноязычность древних племен постепенно уступала место тюркоязычности более поздних обитателей данной территории. Андроновским племенам индоиранцев, европеоидного облика, занимавшимся скотоводством и земледелием в эпоху бронзы, наследовали в период раннего железа родственные скифам кочевые скотоводческие племена саков в южных и восточных областях, савро-матов — в северных и западных[17].

Решающий этап в этнических процессах в Казахстане и в целом в регионе степныхтерриторий Евразии связан с массовым расселением тюрков в западном направлении с середины I тыс. н. э. Все более определенной, моноэтничной, а именно — тюркской, становилась этнодемографическая обстановка в степной части территории Казахстана и сопредельных стран. На огромной территории в южном, юго-западном направлении, от Северной Монголии до Амударьи, включая Семиречье, также постепенно расселяются тюркские племена. На землях Казахстана тюрки, среди которых источники называют племена буту, байырку, бекли, кыбыр, тюргеш, булак, карлук и др., смешивались с потомками древних его обитателей саков, сарматов, усуней, кангюев.

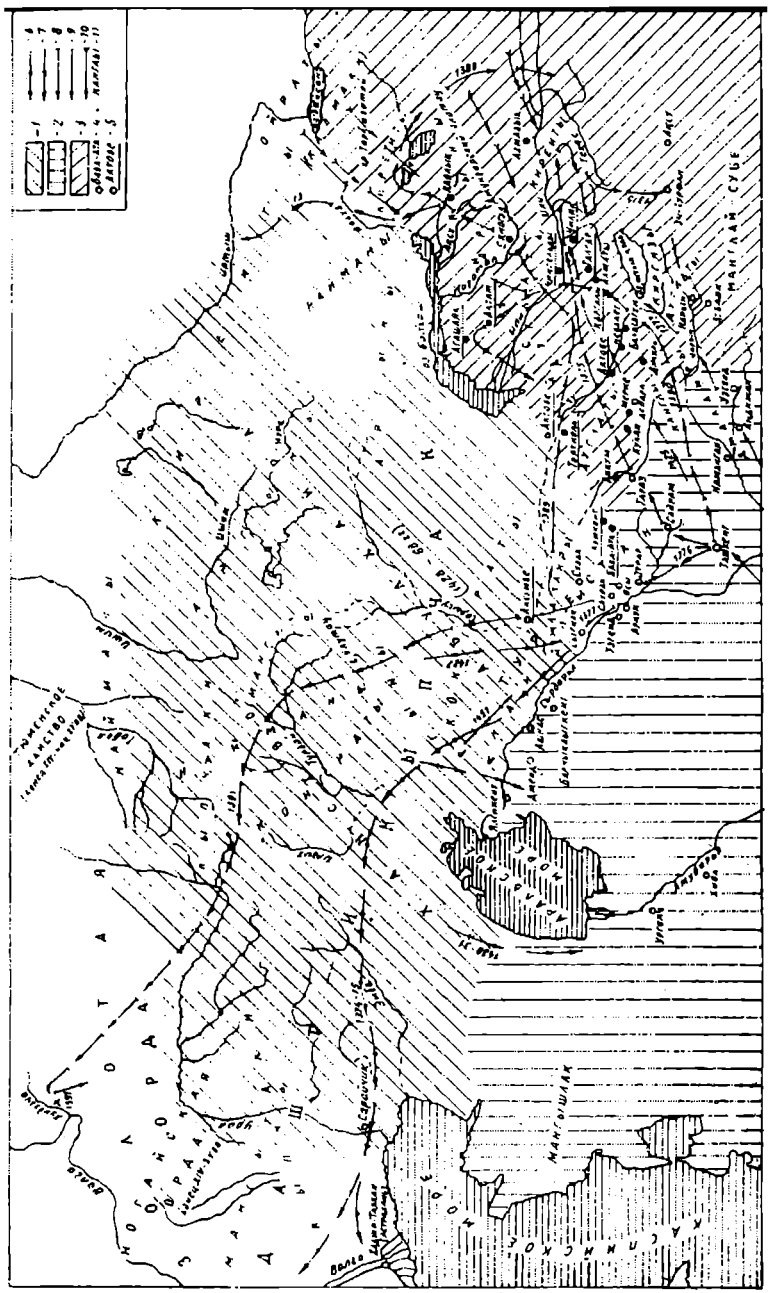
Формирование новых социальных (раннефеодальных) отношений и образование древнетюркской государственности в VI в.— Тюркского каганата, затем Западно-Тюркского каганата — содействовали интенсивному притоку тюркоязычных племен на западные земли, тюркизации местного населения Казахстана, постепенной монголи-зации антропологического типа, закреплению тюркских племен на определенных территориях[15].

В эпоху возникновения целого ряда тюркских государств интеграционные тенденции в эти ических процессах на территории Казахстана усилились. Эти государства обеспечили возможность политической консолидации местного и пришлого населения, его этнокультурного обособления в отдельных регионах, стабилизацию условий для хозяйственного освоения территорий.

На юго-востоке Казахстана Тюргешский каганат (VII—VIII вв.) объединил племена большой территории Чу-Илийского междуречья, с центрами на Таласе и в Суябе. Тюрки приобщались к оседлоземле-дельческой и городской жизни (до того носителями этой культуры были в основном согдийцы).

В Карлук скую федерацию племен (VIII—X вв.), переместившихся на территорию Семиречья из области между Западным Алтаем и Тарбагатаем, кроме собственно карлуков, входили кочевые и полукочевые тюркоязычные племена, объединявшиеся единым термином «карлук»: тухси, чигили, азкиши, дулу, халаджи, чаруки, аргу, барсха-ны и другие (часть из них ранее входили в Тюргешский племенной союз). В нее вошли также группы огузов, уйгуров, семиреченских согдийцев. Основная часть огузов ушла в Приаралье. В карлукской этнополитической общности преобладал европеоидный расовый тип с незначительной примесью монголоидности[19]. Значительная масса карлуков мигрировала в Мавераннахр, составив существенную часть формировавшейся узбекской народности.

На территории Южного Казахстана государство огузов (IX—XI вв.)


ОРДА
ЗОЛОТАЯ ОРДА
ЖЕТЫСУ
ЖАНГАР СУБЕ
МАНГЫШЛАК
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
Сарайчик
Сыгнак
Отрар
Сауран
Сузак
Ак-Орда
Алмалык
Талас
Ташкент
Сайрам
Отрар
Сыгнак
Сарайчик

тельные походы Чингизидов и перемещена за пределы Казахстана значительная часть населения. Оставшаяся часть тюркских племен Казахстана оказалась разъединенной между новыми политическими образованиями — улусами Джучи, Чагатая, Угэдэя, хотя при разграничении территорий между ними в определенной степени учитывались сложившиеся в прошлом этнические границы. Улус Джучи (затем Золотая Орда) занимал кыпчакские земли от Иртыша и Алтая до Дуная. В Казахстане он охватывал обширные территории центральных, северных и северо-восточных, западных его земель. Улус Чагатая занимал Южный и Юго-Восточный Казахстан, т. е. земли кыпчаков, караханидских тюрков, карлуков. В улус Угэдэя из территорий Казахстана отошла северо-восточная часть Семиречья, куда перед тем передвинулись с востока разбитые монголами найма-ны и киреиты (кереи).

Добавился новый этнический компонент — монгольские роды и племена, передвинувшиеся на территорию Казахстана — жалаиры, конграты, мангыты, барласы, байрины и др. Захват монгольскими феодалами пастбищ вел к вытеснению, перемещению местного населения. Феодальные войны и междоусобицы, политическое дробление улусов усилили процесс измельчания, разъединения, перемещений тюркских родов и племен. Монгольское завоевание территории Казахстана привело к усилению монголоидных черт в антропологическом типе местного тюркского населения, но сами монгольские этнические группы в виду их относительной немногочисленности и распыленности на огромных территориях были постепенно поглощены, ассимилированы преобладающей тюркской средой.

§ 3. Завершение формирования казахской народности

Монгольское завоевание оказало в целом большое влияние наход этнических процессов на территории Казахстана. Оно явилось важнейшим политическим фактором, качественно изменившим ход развития этносов в регионе, открыло пути к сложению новых этносоциальных общностей. Прежний эволюционный путь сложения упомянутых выше крупных раннефеодальных народностей на территории Казахстана был прерван. Изменились в этническом плане многие стороны жизнедеятельности местного населения, в частности, претерпели изменения этнический состав населения, формы его этносоциальной организации, социально-экономические условия его жизни и т. д.

Выше были упомянуты новые этнические группы, тюркские и монгольские племена, появившиеся на территории Казахстана в эпоху монгольских завоеваний. Численность монголов была относительно невелика по сравнению с покоренными народами, но они составляли правящий слой и ядро военных сил в каждом из образованных ими улусов— государств. В Золотой Орде монголы составляли лишь четверть войска, от 40 тыс. в первые годы до 100 тыс. к рубежу XIV в. Войско Бату-хана названо в источниках кыпчакским, так как на 3/4 оно состояло из кыпчаков и других тюркских племен. На территории степной зоны Казахстана, где получил улус Орда-Ичен, было примерно столько же монгольского войска: «Из войск Джучи-хана,— сообщил Рашид ад-Дин,— поло-

виной ведал он, а другой половиной — Бату»'[4]. До 200 тыс. кочевников из монголов и тюркских племен с Алтая и Южной Сибири (кунгратов, барласов. бааринов, джалаиров и др.) переселилось в Семиречье и Притяньшаньс до середины XIII в.[25]

Но постепенно монголы растворились среди подавл яющего числа тюркского населения, приняли их язык и обычаи. На огромной территории Золотой Орды кроме кыпчаков, составлявших подавляющую часть населения, проживали канглы. найманы, кереиты, уйсу-ны, кенсгесы, аргыны и многие другие. Арабский географ и путешественник Ал-Омари весьма образно отразил в XIV веке процесс ассимиляции вЗолотой-Орде: «Вдревности это государство было страной кыпчаков, но, когда им завладели татары, то кыпчаки сделались их подданными. Потом они смешались и породнились с ними и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их, и все они стали точно кыпчаки, как будто они одного (с ними] рода, от того, что монголы поселились на земле кыпчаков, вступили в брак с ними и остались жить на земле их (кыпчаков]»[26]. Это наблюдение относится и к восточной части Золотой Орды — территории Казахстана.

Вовлеченные в завоевательные походы, кочевники из восточной части Дешт-и Кыпчака не всегда возвращались на прежние места обитания, они оставались в новых завоеванных краях (Поволжье, Булгария, Южная Русь). Часть кыпчаков под давлением монголов переместилась в другие районы, в пределы Северного Казахстана, Западной Сибири. Туда же ушли найманы, кереиты. Это вело к уменьшению численности населения в их коренных землях, ослаблению хозяйственного потенциала. Особенно сильно монгольское завоевание нарушило сложившуюся этнополитическую структуру в Семиречье. Бывшее городское и сельское население частью рассеялось, ушло в другие места, частью изменило тип хозяйства. Захват монголами лучших пастбищ, особенно в Восточном Казахстане и Семиречье, неизбежно вел к вытеснению с них коренного населения, а раздел монгольской знатью захваченной ими территории на улусы разобщат этнически родственные группы. Выше были отмечены аналогичные изменения в Южном Казахстане.

С образованием Монгольской империи и формированием улусов ускорился процесс интеграции племен и народов, как ранее обитавших на этой территории, так и мигрировавших с востока. Новые общественные структуры, феодальныедержания, улусытакже существенно изменили этническую карту региона. Распределив местное население по «тысячам» и «туменам», раздробив кочевые племена между уделами и улусами, монголы смешали население, переместили крупные его массивы на новые места обитания. Замена близкородственных связей территориальными содействовала ускорению процесса консолидации кочевого населения в народность. В западной части Золотой Орды этот процесс протекал быстрее, чем в восточной, на территории Казахстана, в связи с более благоприятными экономическими условиями — в части соотношения оседлых и кочевых зон, сохранения старых и строительства новых городов — и более интенсивным социальным развитием золотоордынского общества[27].

С установлением монгольского господства на территории Казахстана сложились особо трудные условия для этнополитического развития ме-

стного населения, из-за исключительно неолагоприят-ных социально-экономических его последствий. Сокращение ареала городской и земледельческой культуры в монгольскую эпоху в силу сложившихся экономическихусловий, неспособствовавших ее выживанию, усиление удельного веса кочевого скотоводческого сектора хозяйства, замедление социального развития, одним из основных проявлений которогобыло-закреплсние пережиточныхформ общественной организации,— все это сильно повлияло на ход этнических процессов. Разрушение экономики привело к разрыву хозяйственных связей, что тормозило этническое сплочение.

Но постепенно восстанавливалась хозяйственная жизнь. Стали возрождаться города на юге Казахстана, очаги земледелия в былых зонах оседлой культуры, расширялся товарообмен, восстанавливались хозяйственные контакты населения различных областей, что обеспечивало взаимообщение племен, племенных объединений, других этнополитических групп. Эти процессы связаны с историей образования и укрепления государств Ак-Орды, ханства Абулхайр-хана, Ногайской Орды и Могулистана. В рамках этих государств появились более благоприятные, чем то было в монгольских улусах, условия для политического, хозяйственного и социального развития населения Восточного Дешт- и Кыпчака и Семиречья, взаимообщения и взаимодействия его во всех формах общественной жизни. Политически объединив этнические территории племен, небольшие улусы и владения, возникавшие в результате усобиц и войн в Золотой Орде и Чагатаидском государстве, упомянутые государства явили собой более прочную, этнически обособленную государственную организацию, обеспечившую входившим в него племенам и племенным объединениям территориальное и политическое единство, возможность развития экономики, культуры, мирных контактов населения различных районов Казахстана.

Известно, что важным условием слияния племен в народность является само развитие хозяйства, хозяйственных связей. Именно при кочевом и полукочевом скотоводстве с особой необходимостью устанавливались хозяйственные связи со смежными территориями оседло-земледельческой и городской культуры в силу самой природы разноотраслевой экономики этих территорий. Создавался единый экономический регион с устойчивыми связями населения как в хозяйственном плане, так и в этнокультурном, этнополитическом, устанавливались бытовые контакты не только между представителями близкородственных этносов, но и других этнических групп.

В XIV— первой половине XV вв., в период Ак-Орды, государства кочевых узбеков, стабилизируется этнический состав племен на территории Казахстана, сглаживаются различия множества местных и переместившихся тюркских, монгольских племен, устанавливается общность этнических черт разных племенных объединений. Эти государства были по существу полиэтничными по составу населения. Этнический состав населения Ак-Орды, Ханства Абулхайра (Государства кочевых узбеков), Ногайской Орды был в основном идентичным. Их населяли тюркоязычные племена, известные в письменных источниках того времени под собирательным этнополитическим термином (этнополитонимом) «узбек»: кыпчаки, уйсуны, конграты, кирейты, мангыты, аргы-

ны, карлуки, канглы, найманы. Кроме них источники называют племена и роды буркутов, кыятов, утарчи, джа-тов, чимбаев, кенегесов, дурманов, карлаутов, таймасов, шадбаклы, маджаров, уйратов и др.[2*1] Многие из этих племен известны в составе казахских Среднего и Младшего жузов. Другая часть на рубеже XV—XVI вв. ушла в Среднюю Азию и унесла туда имя «узбек». В Ногайской Орде племена кыпчаков, канглы, найманов, уйшун и кунгратов вошли в состав ногайской народности, наряду с мангытами, алшинами, ктай, тама, ас и другими-[4]. Все это были тюркские и тюркизированные племена и роды, общие для целого ряда тюркских народов Средней Азии и Казахстана, разбросанные и перемешанные на огромной территории региона бурными событиями XIII—XIV столетий. Эти народы формировались в эпоху развитого средневековья практически одновременно. Формирование это происходило не изолировано, а в тесных контактах этнических групп, в политических связях государственных объединений, хозяйственном и культурном взаимообщении населения. В рамках упомянутых государств процессы этнополитического развития были в определенной степени общими для узбеков, ногайцев, каракалпаков, сибирских татар, казахов.

Семиречье, входившее в состав Могулистана, населяли племена, известные в средневековых источниках под собирательным этнополитическим термином «могулы»: дуглаты (дулаты), киреиты (киреи), канглы (бекчики), карлуки, курлауты, барласы, чорасы, джалаиры, уйсуни, кушчи, кончи, калучи, булгачи и другие, числом более 30 наименований. Основная часть этих родов и племен вошла в состав другой ветви казахов — Старшего жуза. Другая часть могулов ушла в Восточный Туркестан, где стала составной частью уйгуров, а третья часть — в Притяньшанье, войдя в состав киргизов[30].

Возникнув на территории древних историко-этнографических областей — в районе расселения племен Кыпчакского и Усуньского союзов, и Ак-Орда, и Могулистан в XIV—XV вв. сохраняли преемственность основного этнического ядра местных племен древнего Казахстана. Этнической основой этих государств и казахских Среднего и Старшего жузов были соответственно одни и те же местные тюркские племена — ядра, занимавшие определенную этническую территорию, вокруг которых в течение многовекового хода этнического становления народности сгруппировались местные и пришлые, родственные и неродственные, целые и осколочные, тюркские и тюркизированные (ассимилированные) племена, роды и их подразделения. Это подчеркивает неслучайность возникновения Ак-Орды и Могулистана именно наотмеченныхвышетерриториях Казахстана, подчеркивает, что этнической основой этих государств было местное население.

Пребывание названных племен в государствах Ак-Орда, Ногайский Улус (Орда), Ханство Абулхайра, Могулистан, их общие исторические судьбы, как, например, общая борьба против власти золотоор-дынских ханов, необходимость сплочения для отпора завоевательной политики правителей соседних феодальных государств (в частности, Тимуридов-Мавераннахра, ойратов), способствовали этнической консолидации населения. Сплачивающим фактором является также общность культуры в

самом широком смысле, включая духовную и материальную культуру. Входя в разные государственные образования, население Казахстана в XIV—XV вв. пользовалось одним языком; в то же время исследователями отмечается преемственность языка у большинства племенных групп и племен в до- и послемон-гольских государствах на этой территории. Характерные особенности языка закрепились на протяжении этого времени и вполне соотносятся исследователями с языком памятников кыпчакской литературы XIV—XV вв. Историческая память народа концентрировалась в фольклоре — эпосе, песнях, легендах. Продолжали развиваться особенности хозяйственного и общественного быта, материальной и духовной культуры складывавшейся народности. Антропологический материал, относящийся к этому времени, говорит о единстве в основном антропологического типа населения, идентичного казахам последующего времени[31]

Длительное вхождение населения в систему отдельных государств в XIV—XV вв., как и прежде в монгольские улусы, усилило воздействие отмеченных выше факторов, в силу которых на территории Казахстана возникло несколько узлов этнической консолидации в форме трех жузов. Племена каждого из казахских жузов были связаны общими маршрутами кочевания, имели общую этническую территорию, совпадавшую с основной частью территорий упомянутых государств. Старший жуз занимал территорию отСырдарьи до Семиречья включительно; в его состав входили уйсуны, канглы, дулаты (дуглаты), албаны, суаны, сргели, ысты, ошакты, шапрашты, жалаиры и др. Средний жуз занимал районы Центрального и часть Северо-Восточного Казахстана; в его составе — кыпчаки, аргыны, найманы, конграты, киреиты, карлукские роды и др. Младший жуз занимал низовья Сырдарьи, берега Аральского моря, северную часть Прикаспийской низменности. В его составе племенное объединение алшын и такие племена, как адай, алаш, байбакты, жаппас, тазлар, кара-сакал, каракесек и др.[12] Время и механизм образования жузов остаются неисследованными. Сведения источников относятся к позднему времени, однако появление составных частей жузов, т. е. наиболее крупных из упомянутых племен, на территории Казахстана было зафиксировано выше при изложении многих исторических событий в древности и средневековье.

Основное содержание этнической истории Казахстана того в[illegible] заключается в завершении формирования народности, [illegible] става племен казахских жузов, продвижении племени родов, [illegible] ших древние автохтонные этнические ядра, на их поздней- [illegible] рии, зафиксированные источниками XVII—X1Xвв. Можно [illegible] к рубежу XV—XVI вв. жузы пришли уже сложившимися, [illegible] рование и перераспределение, поляризация племен [illegible] шествующие столетия вместе с длительным процессом [illegible] ности, [illegible] общности кыпчаков, [illegible] могулов и [illegible] гие [illegible] е [illegible] разобщенностью [illegible] ее частей,

входивших в состав нескольких государственных образований. Следует отметить, что в XIV—XV вв. продолжались многочисленные миграции. Так, вовремя войн Тимура переместились могульские группы из Семиречья в Среднюю Азию. При Абулхайр-хане откочевали к нему из Могули-стана племена калучи и булгачи, на каком-то этапе переместились из Семиречья киреи в Средний жуз, мангыты-ногайцы переместились с запада на Сырдарью; на исходе XV в. ушли в Среднюю Азию с Мухаммедом Шайбани-ханом многие роды и племена из восточного Дешт-и Кыпчака. Все это дестабилизировало политическое положение и затрудняло этническую консолидацию населения обширной территории Казахстана.

Государственное объединение во второй половине XV—XVI вв. основных этнических групп казахской народности и ее этнической территории ускорило процесс завершения формирования народности. В отличие от ханства Абулхайра и Ак-Орды,атакжсМогулистана, Казахское ханство имело более широкую и прочную этническую основу — уже сложившуюся казахскую народность. Впервые после монгольского завоевания были объединены в одно государство почти все тюркские роды и племена восточного Дешт-и Кыпчака, Туркестана и Семиречья.

Следует особо остановиться на проблеме этнической общности населения юга Казахстана и остальной территории расселения казахского этноса. Письменные и археологические материалы подтверждают связь населения этого района с обитателями восточного Дешт- и Кыпчака и Семиречья не только традициями хозяйственно-политического и культурного развития, но и этногенетическим родством, общими этнополитическими судьбами. На территории Южного Казахстана и Юго-Западного Семиречья издавна был стык двух главных этнических узлов формирования казахской народности, двух крупных этнополитических общностей древнего Казахстана — Кипчакского союза племен в Центральном, Северном и Южном Казахстане и Усуньского союза' племен в Юго-Восточном Казахстане, ставших основой Среднего и Старшего жузов казахов. Их этнические территории простирались к северу и северо-востоку от бассейна средней Сырдарьи и Каратау. От низовий Сырдарьи на северо-запад и на север простирались земли казахского Младшего жуза. Фактически все три жуза выходили на территорию средневекового Туркестана, т. е. на значительную часть современной Шымкентской области[33]. В Туркестане (области присырдарьинских городов и ареала Каратау) в XIV—XV вв. жили кыпчаки, канглы, конграты, аргыны, дуглаты, мангыты, джалаиры, представители других казахских и узбекских родов и племен. Одни из них (кыпчаки, канглы) жили на этой территории с древних времен; другие (конграты, джалаиры) переселились при монгольском завоевании, хотя и включили в себя массу местных родов и осколков племен, передав им свое имя; третьи (дуглаты, аргыны, мангыты и др.) попали сюда в период войн и миграций при Тимуре и Бараке, Абулхайре и Джаныбеке, могульском хане Юнусе и Мухаммаде Шайбани. Источники фиксируют и совместное проживание казахов, узбеков, каракалпаков на территории Туркестана в это время. В вакфной грамоте конца XVI в. в составе жителей Сыгнака и его округи названы казахи,

тюрки (узбеки), арабы (потомки древних завоевателей), каракалпаки[14]. Длительное пребывание на территории Туркестана различных родов и племен, входивших в состав казахов и узбеков, мангытов и могулов, приводили к этнической пестроте местного населения, появлению особого этнического компонента в составе казахской народности, характерного только для Южного Казахстана. Вместе с укреплением Казахского ханства и ускорением процесса консолидации народности в ее состав вошли казахские роды и племена, находившиеся в подчинении правителей Могулистана, Сибирского ханства, Ногайской Орды. Распад Ногайской Орды, территориальная и этническая близость ногайцев к казахам послужили предпосылками присоединения восточной группы ногайских улусов к Казахскому ханству и вхождения этой части ногайцев в казахский этнос в составе Младшего жуза.

Сложившаяся народность со второй половины XV в. известна среди соседей и в письменных источниках, отражавших современные события, под именем «казахи» (казак). Происхождение этнонима казах долгое время являлось предметом дискуссий исследователей, отражено в многочисленных легендах народа, сложенных им относительно своего происхождения[35]. В источниках этот термин употреблялся сначала в социальном смысле и означал «человека, отделившегося от своего государства, племени, рода и вынужденного вести жизнь искателя приключений» (В. В. Бартольд). По «Та' рих- и Рашиди» и другим источникам термин «казахи» применялся для обозначения политической группировки во главе с Джаныбеком и Гиреем, откочевавшей в Семиречье, сначала в форме «узбек-казахи» (узбек-казак), затем «казахи» (казак). В XV в. термины «узбеки» и «казахи» не имели четкого этнического значения. Так, Ибн Рузбихан в начале XVI в. писал: «Три племени относят к узбекам, кои суть славнейшие во владениях Чингиз-хана. Ныне одно [из них] — шибаниты и его ханское величество после ряда предков был и есть их повелитель. Второе племя — казахи, которые славны во всем мире силою и неустрашимостью, и третье племя — мангыты, а [из] них цари астраханские»[36]. С укреплением ханства Джаныбека и Гирея казахами стало называться все подвластное им население. Постепенно термин «казахи» приобрел этнический смысл и стал употребляться как этноним для обозначения уже сложившейся тюркской народности Восточного Дешт- и Кыпчака, Семиречья и Южного Казахстана. Одна из последних и наиболее полных сводок сведений из письменных восточных источников о термине казах и его социальной и этнической интерпретации представлена в книге С. Г. Кляштор-ного и Т. И. Султанова[37].

Реальным историческим следствием жизнедеятельности Казахского ханства, длительного развития казахской государственности в его политических рамках явилась единая казахская народность. Сознание своего этнического единства народ отразил в эпических произведениях; в упорной борьбе с Шайбанидами и Аштарханидами Мавераннахра, сибирскими и русскими властями в Прииртышье и на Алтае, джунгарскими тайшами в Семиречье и на землях Восточного Казахстана отстаивал казахский народ свои коренные этнические территории, еще в XVI в. названные в письменных источниках термином «Казахстан»[38].

1. *Ренфрю К.* Происхождение индоевропейских языков// В мире науки, 1989. № 12 С. 72-М.
2. Андроновская культура. М.—Л, 1966. Вып. 1; *Грязное М. П,* Погребения бронзовом эпохи в Западном Казахстане // Казаки. Л.. 1927: *Маргулан А. Х., Акишев К. А.. Кадырбаев М. К,. Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата. 1966: *Сальников К. А.* Очерки древней истории Южного Урала. М.. 1967.
3. *Кадырбаев М. К.* Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. С. 375..
4. *Грязное М. П.* Аржан. Царский курган, ранне-скифского времени. Л., 1980.
5. *Арутюнов С. А.* Народы п культура. Развитие и взаимодействие. М.. 1989: (Ренфрю К.) Происхождение индоевропейских... С'. 78—79.
6. *Акишев К. А.* Саки азиатские п скифы европейские // Археологические исследования и Казахстане. Алма-Ата. 1973: *Писнчнюк А. К.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М.. 1983; *Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скмфлн. М., 1984: *Бейсенов А. "З., Исмулова А. О.* Археолого-антроподогические данные из могильников Бирлмк // Мат-лы конф. «Маргулаповские чтения». М.. 1992. С. 1 28 - 135.
7. *Тот Т.. Фчрчнн'ш і>. И.* Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л.. 1970. С. 1 17. 124.
8. *Толстое С. П.* Прнаральскне скифы // Доклады сов. делегации на XXV Международном конгрессе востоковедов. М.. 1960.
9. *Гинзбург В. Н.* Краниологические материалы из Северного Казахстана и вопрос о происхождении ранних тюркских кочевников. Докл. сов. делегации на VI Международном конгрессе антропологов и этнографов. М., 1960: *Исмагулов О.* Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). Алма-Ата. 1970.
10. *Шмченко А. В.* Антропологическая характеристика средневекового населения низовье Волги // Сб. Музей антропологии и этнографии АН СССР. М.. 1989, Т. 36. С. 159. 164—165: КК упов Р. М. Историческая антропология Южного Урала и формирование расового типа башкир. Уфа. 199 |.
1 1. Лл.чгсс-.' *В. П.* География человеческих рас. М,, 1974; Он же. Географические очаги формирования человеческих рас. М.. 1985: *Исма.'улов О.* "Этническая антропология Казахстана. Алма-Ата, 1982: Он же. Характеристика локальных типов южносибирскои расы на основе антропологических материалов по казахам // 1986. С". 140—144; Он же. Антропология Казахстана и ее перспективы // Вестник АН КазССР, 1990. № 7. С. 46 55.
12. *Исмагу.'юв О.* Этническая геногеографмя Казахстана (серологические исследования). Алма-Ата. 1977.
13. *Сихнмн/ева К. К.* Антропологический состав населения Западного Казахстана поданным дерматоглифики и одонтологии: Автореф. Дне... канд. ист. наук. М.. 1987.
14. *Исмагу.чов О.. Сихилюаева К. К.* Этническая одонтология Казахстана. Алма-Ата, 1989.
15. *Брамлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М,. 1983.
16. Истбрня Казахской ССР с древнейших времен до наших днем. В 5-ти томах. Том 1. Алма-Ата, 1977, С. 17.
17. История Казахской ССР. Том И. Алма-Ата. 1979. С. 241.
1 8. *Кл'я Uimoptibhi С. Г.* Древнетюркские рунические памятники М.. 1964: История Казахской ССР. Том II. С. 242.
19. История Казахской ССР. Том I, С. 336-346; Том II. С. 242.
20. *Агаджанов С. Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад. 1969: История Казахской ССР. Том И. С. 242.
2). *Кумеков Б. Е.* Государство кпмаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата. 1972: История Казахском ССР. Том 1, С. 363—374.
22. История Казахской ССР. Том II. С. 13-32.
23. *Ахнжанов С. М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата. 1989; История Казахской ССР. Т. II, С. .50—68. 243—244. *Козыбаев М.* Ата тарпхы гуралы сыр. — Дуние жуз! казактарынын курылгапы. Ал маты. 1993. 27-6.
24. *Рачид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. С. 66.
25. История Киргизской ССР. Том 1. Фрунзе. 1984. С. 382-383.
26. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том I. СПб, 1884, С. 235.
27. *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строи Золотой Орды. М.. 1973. С. 171 - 177.
28. *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М. 1965; *Муканов М. С.* Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974: *Султанов Т. И.* Кочевые племена Прнаралья в XV-XVII вв. М., 1982.
29. *Калмыков Н. Х.. Керейтнк Р. Х.. Сикатсв А. Н.* Ногайцы. Черкесск. 1988. С. 1 1 —23.
30. *Пинуччо К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV—начале XVI в. (Вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата, 1977. С. 236-245.
31. *Исмагулов О.* Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата, 1970; *Его же.* Этническая антропология Казахстана. Алма-Ата, 1982.
32. История Казахской ССР. Т. И. С. 248-251.
33. *Муканов М. С.* Этническая территория казахов в XVIII - начале XX в. Алма-Ата. 199 1, С. 5-6.
34. *Пинуччо К. А.* Письменные восточные источники о присырдарьинских городах Казахстана XIV—XVII вв.— В кн.: Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата. 1983. С. 174.

35. *Гыныичтев М.* Материалы к истории кыргиз-казакского народа. Ташкент. 1925. С. 31 и др.: История Казахской ССР. Том II. С. 251—252.
36. *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахана.* Михман-наме-йи Бухара. М.. 1976. С. 62.
37. *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата. 1992. С. 251-258.
38. Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата. 1969, С. 180.

Глава 6. КАЗАХСКОЕ ХАНСТВО В XV-XVII ВВ.

§ 1. Политическая история

Становление и развитие казахской государственности в регионе средневекового Казахстана имело важнейшее значение для сложения и консолидации, сохранения целостности казахского этноса на длительном пути его развития. Письменные источники содержат достоверные сведения о крупном позднесредневековом государстве — Казахском ханстве, игравшем заметную роль в регионе Центральной Азии, в системе государств евразийских народов. С середины XV в. и до начала XVII в. Казахское ханство было фактически единым политическим организмом, отличавшимся большей или меньшей степенью стабильности. Оно пережило время становления, подъема и упадка, а в XVII в. распалось на отдельные ханства (в территориальных пределах жузов). Территория ханства неоднократно меняла свои очертания под влиянием главным образом внешнеполитических событий, но почти всегда в пределах расселения казахского этноса — от Иртыша и Каратала до Сырдарьи и Урала (Яика), от Алтая и Тянь-Шаня до Каспия и Арала. Хотя, разумеется, в средневековье этнические и государственные территории казахов, как и других народов региона, как правило не совпадали.

Территория Казахского ханства в XV—XVII вв. по данным источников того времени была на разных этапах меньше этнической территории казахов, территории их расселения как в оседлых районах, так и в пределах основных пастбищ и границ кочевых маршрутов Старшего, Среднего и Младшего жузов. Зайн ад-Дин Васифи (XVI в.) в сочинении «Бадаи ал-вакаи», как упоминалось выше, термином «Казахстан» называет земли на Чу и Таласе в Юго-Западном Семиречье, т. е. район размещения тех казахов, что были подданными ханов Джаныбека и Гирея, район возникновения Казахского ханства в его первоначальных границах[1]. Автор «Михман-наме-йи Бухара» размещает кочевья казахов намного западнее, чем Зайн ад-Дин Васифи. Он пишет, что казахи (времени ханов Бурундука и Касыма) кочуют от Итиля (Волги) до Сырдарьи и располагаются вдоль нее на зимовку. Обитателями обширной степной территории к северу от Сырдарьи и Арала он называет также мангытов (ногайцев) и узбеков-шайбанидов[2]. По русскому источнику— «Книге Большому Чертежу» (XVII в.) «кочевья Казахской Орды» располагались по среднему течению Сырдарьи и севернее ее «на 600 верст», т. е. на Сарысу, в районе Улутау, Сары-Арка.

Противоречивость сведений источников о землях Казахского ханства отражает успехи и неудачи его правителей в борьбе за укрепление власти на разных этапах развития этого государства. Правители ханства вели самостоятельную внешнюю политику, их подданные имели мирные кон-

такты, хозяйственно-культурные связи с соседними народами и странами Средней и Центральной Азии, с Российским государством. Нередко эти отношения прерывались краткими набегами и затяжными войнами. В ходе военных акций, борьбы за пограничные земли, миграции племен и родов нередко менялись, но в конечном итоге — формировались государственные и этнические территории народов региона. Важно отметить, что казахские ханы собирали воедино земли, уже подготовленные к общей государственности и объединению долгим этнополитическим и хозяйственно-культурным развитием.

Развитие государственности местного населения в XIV—XV вв. шло на основе постепенного восстановления хозяйства, городов и земледелия на юге Казахстана, в условиях определенного развития феодальных отношений на местной этнической основе, хотя и под эгидой Чингизидов, удерживавших власть на обширной территории Казахстана в течение более пяти столетий. Нов отличие от монгольских улусов, насильственно объединивших множество разнородных этнополитических организмов, племен и народностей, пришла государственность, основанная на более определенной этнической основе, на базе формировавшихся народностей. Образование государств Ак-Орды (Кок-Орды), Ханства Абулхайра, Могулистана, Ногайской Орды было значительным этапом в развитии государственности местного, главным образом, населения, в конечном счете — казахской народности, но наряду с ней — и других народов, формировавшихся частью и на территории этих государств. Оно способствовало заметной эволюции хозяйствав регионе, укреплению хозяйственных связей между кочевым и полукочевым скотоводческим и оседло-земледельческим населением. Это, в свою очередь, содействовало общению близких по языку, материальной и духовной культуре этнических групп. В этих государствах было много общего в вопросах обеспечения их жизнедеятельности —в улусной системе организации кочевого населения, в структурах правящей (ханской) власти, комплектовании вооруженных сил, налоговой системе. В основном эти формы и структуры были взяты из монгольского времени, сохранились они в последующее время и в Казахском ханстве. Относительно стабильное существование в политических рамках упомянутых государств создавало отдельным этническим коллективам гарантии выживания и развития, возможность, например, долгого и упорного противодействия внешней агрессии—завоевательной политикеэмира Тимура, калмакским тайшам, другим претендентам на их территорию.

Ак-Орда (Кок-Орда), ханство Абулхайра, Могулистан и Ногайская Орда подготовили условия для последующего генезиса этнически однородных феодальных государств в регионе, для более тесной консолидации этнических общностей — народностей казахской, ногайской, киргизской, отчасти узбекской, уйгурской.

Однако вхождение отдельных частей формировавшейся казахской народности в несколько политических образований — государств, а также беспрерывные войны и усобицы Джучидов и феодальной верхушки родов и племен, приводившие к потере производительных сил, в том числе и людских резервов, к экономическому упадку, разобщению род-

ственных этнических групп, разрыву политических и хозяйственных связей, тормозили процесс консолидации народности. Со всей необходимостью вставала задача преодоления политической разобщенности этнически близких групп. государственного объединения казахских племен и родов, фактически уже стоживших ся в народность. Решению ее реально способствовало образование Казахского ханства.

Возникновение Казахского ханства явилось закономерным итогом социально-экономических и этнополитических процессов на обширной территории Восточного Дашт-и Кипчака, Семиречья и Туркестана (Южного Казахстана). Формирование в XIV—XV вв. единого экономического региона на базе естественной интеграции областей со смешанной экономикой, кочевой скотоводческой и оседло-земледельческой, городской — с торгово-ремесленным направлением хозяйства, подготовило условия к объединению всех земель региона в одной политической структуре. Укрепление экономических, культурных, общественно-политических связей кочевого и оседлого населения способствовало этническому единению казахских родов и племен, фактическому завершению длительного процесса сложения народности. Эти обстоятельства явились объективными причинами и условиями формирования собственно казахской государственности. Стремление сформировавшейся крупной этносоциальной общности к созданию моногосударственности, к собственной социально-территориальной, государственной организации, характерно не только для позднего времени — времени формирования наций, но и для средневековья, когда завершалось в основном сложение современных народов региона Центральной Азии.

Преодоление раздробленности, политической разобщенности частей казахского народа в разных государственных объединениях, связано с именами Джаныбека и Гирея. Их династийные интересы, борьба с другими Чингизидами за власть в степи совпали с интересами различных социальных групп народа, как из родовой знати, так и рядовых тружеников-скотоводов и земледельцев. Они объективно отразили стремление консолидировавшегося народа к созданию самостоятельного государства.

Согласно родословным, помещенным в ряде источников (например, «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме»), Джаныбек и Гирей были близкими родственниками[3]. В источниках, повествующих о действиях этих первых казахских ханов-соправителей в 50—70-х гг. XV в., нет точного разъяснения, кто из них был главным, их имена пишутся рядом не в строгом порядке. Оба они имели право на власть, один как прямой потомок хана Барака (Джаныбек), другой — как старший по возрасту (Гирей). Но поскольку в государствах средневекового Казахстана наряду с постепенно утверждавшимся принципом прямого наследования ханской власти (от отца к сыну) сохранялся и старый тюрко-монгольский принцип преимущественного права на ханскую власть старшего в роде, то Гирей, как и Джаныбек, тоже мог претендовать на титул хана.

Конкретный ход образования Казахского ханства связан с внутриполитическим состоянием двух государств натерритории Казахстана — ханства Абулхайра (Государства кочевых узбеков) и Могулистана, исто-

рические судьбы которых во второй половине XV в. завершались упадком и развалом. В обоих государствах усиливалось экономическое могущество кочевой знати, росли ее центробежные стремления. Наиболее влиятельные вожди родов и племен восточного Дешт-и Кыпчака и Семиречья стремились к политической независимости или искали покровителя в лице кого-либо из Чингизидов, в середине века продолжавших оспаривать власть ханов Абулхайра (в Государстве кочевых узбеков) и Есен-Буги (в Могулистане).

Действия первых казахских ханов, направленные на создание и упрочение единого государства, были поддержаны верхушкой казахских родов и племен, так как отражали интересы господствующей прослойки казахского общества. Значительная ее часть сплотилась вокруг Гирея и Джаныбека еще в 40—50-х гг. в южных районах Казахстана — в предгорьях Каратау, в низовьях Сырдарьи, северной части Туркестана. Пока Абулхайр-хан был занят борьбой за укрепление своей власти в степи, наследники ханов Ак-Орды обеспечивали на юге Казахстана сильную власть. К ним стекались многие недовольные Абулхайром вожди родов и племен со своими подданными.

В руках Джаныбека и Гирея находились городские центры и крепости в предгорьях Каратау и на Сырдарье — Сузак, Сыгнак, Сауран и другие менее крупные крепости. Поддерживавшие Джаныбека и Гирея кочевые роды и племена испытывали значительные трудности в связи с отсутствием возможности совершать традиционные сезонные перекочевки в степные районы Казахстана, занятые кочевыми подданными Абулхайра. Эти последние, в свою очередь, были лишены возможности прикочевывать на привычные места зимовок в районы Нижней и Средней Сырдарьи, вести торговый обмен.

Враждебные отношения между племенами улуса Шайбана и улуса Орды еще более усугубились после занятия Абулхайром Сузака, Сыгнака, Аркука, Узгенда, Ак-Кургана в 1446 г. Подданные Джаныбека и Гирея сосредоточились в низовьях Сырдарьи, восточной части предгорий Каратау. От этой политической разобщенности страдали подданные и Шайбанидов и казахских правителей, поскольку были нарушены традиционные экономические и культурные связи, этно-политическое взаимообщение. Еще более стесненным стало положение казахских родов и племен, подчиненных Гирею и Джаныбеку, после поражения Абулхайра от калмаков (ойратов) в конце 50-х гг.

Еще в 20-х гг. XV в. ойраты стали нападать на Семиречье в поисках пастбищ, добычи, выхода на торговые центры. В 50-х гг. они появились на территории Туркестана. В 1457 г. Абулхайр-хан потерпел от них жестокое поражение, бежал с поля боя. Заключив мир с Абулхайром на тяжелых для него условиях, ойраты ушли через Чу в свои земли, а Абулхайр принялся жестокими мерами наводить порядок в своих улусах, в том числе и на юге Казахстана, расправляясь с непризнавшими его власть Джучидами. Действия Абулхайра в объятых разбродом и возмущением после ойратского погрома улусах Восточного Дешт-и Кыпчака, как и неспособность могулистанского хана оградить население Семиречья от ойратских орд, привели к еще большему недовольству народных масс.

Почти незатухавшие усобицы и войны тяжело отражались на положении народных масс. Военные действия отрывали рядовых кочевников от производительного труда, несли им бедствия и разорение, болезни и гибель. Возмущение народных масс выливалось в характерную для средневекового кочевого общества форму сопротивления — уход, откочевку из-под власти своего правителя. Начиная с конца 50-х годов XV в. в течение десятилетия произошла одна из таких откочевок — массовая передвижка части казахского населения из Восточного Дешт-и Кыпчака, оазисов Туркестана и предгорий Каратау в западную часть Семиречья, на территорию Могулистана. Джаныбек и Гирей возглавили роды и племена, уходившие за пределы ханства Абулхайра. Известие об этом впервые появилось в «Тарих-и Рашиди» Мухаммад Хайдар дуглата[4]. Махмуд бен Вали подчеркивает, что Джаныбек и Гирей отказались повиноваться Абулхайр-хану и мотивировали свой отказ традицией наследования власти в степи Чингизидами, обеспечивавшей их право как потомков ханов Ак-Орды на власть в Восточном Дешт-и Кыпчаке[5].

О том, что бегство недовольного населения было не единичным актом, а длилось в течение многих лет, свидетельствуют данные многих источников. Особенно оно усилил ось посте смерти Абулхайра в 1468 г. и распада его государства: «В то время как они [казахские ханы] благоденствовали там, Узбекский улус после смерти Абулхайр-хана пришел в расстройство; [в нем] начались большие неурядицы. Большая часть [его подданных] откочевала к Кирай-хану и Джани-бек-хану, так что число [собравшихся] около них [людей] достигло двухсот тысяч»*[1]. Этим действием народных масс было положено начало последующему объединению разрозненных групп казахов, в том числе и семиреченских, в одно государство.

Казахское ханство в первое время занимало территорию Западного Семиречья, долины Чу и Таласа. Оно объединяло как переместившиеся из Центрального и Южного Казахстана казахские роды и племена, так и местные. Правитель Могулистана Есен-Буга не имел реальных сил, чтобы остановить передвинувшихся сюда казахов. Он вступил в союз с казахскими предводителями, надеясь с их помощью обеспечить безопасность границ Могулистана от территориальных претензий Абулхайра, Тимуридов, набегов калмаков. После смерти Есен-Буги в 1462 г. в Могулистане наступило фактически полное безвластие. В этих условиях возникновение и упрочение Казахского ханства в Семиречье было вполне закономерным актом. Мухаммад Хайдар дуглат относит время образования Казахского ханства к 870 г. хиджры (1465-1466 гг.)[7].

В последующие десятилетия XV— начале XVI вв. Казахское ханство укрепил ось экономически и расширилось территориально, включив значительную часть этнической территории казахов. Укрепление Казахского ханства происходило в сложной обстановке последних десятилетий XV в., заполненных войнами, усобицами, большими и малыми миграциями населения в пределах казахстанско-среднеазиатского региона. Сошло с исторической сцены в Восточном Дешт-и Кипчаке ханство Шайбанида Абулхайр-хана; ушла в прошлое военная и политическая мощь государства Тимуридов, на исходе XV и в самом начале XVI вв. окончательно потерявших власть над Мавераннахром в борьбе с пред-

водителем кочевых узбеков внуком Абулхайра Мухаммадом Шайбани; фактически распался на несколько феодальных владений Могулистан. В результате окончательного распада Золотой Орды на территориях, расположенных севернее и западнее казахских степей, вычленились новые государства — Сибирское, Казанское, Астраханское ханства.

Казахские ханы сразу же после смерти Абулхайра вмешались в борьбу за власть в степи. Главными их противниками были наследники Абулхайр-хана — его сын Шайх-Хайдар и внуки Мухаммад Шайбани и Махмуд-султан. Союзниками же были их давние сторонники Ахмад-хан (потомок Тука-Тимура), Шайбанид Ибак-хан, в 60-х гг. захвативший власть на большей части территории Западной Сибири, мангытские (ногайские) мирзы. После гибели сына Абулхайра его внуки бежали в Туркестан, где получили помощь тимуридского наместника Мухаммад Мазид-тархана. Именно в этом регионе разыгрались основные события истории Казахского ханства последней трети XV в., определившие дальнейшие судьбы молодого государства, возможность политического объединения многочисленных родопле-менных групп, вошедших в казахскую народность, и ее этнической территории в одном государстве.

Район Присырдарьи и Каратау был ближайшим к владениям казахских ханов в Западном Семиречье. Ханы Джаныбек и Гирей стремились в первую очередь утвердить права на эти земли, являвши-еся дл я них наследными, в том числе на города Сузак,Сыгнак и другие. Но главной причиной того, что борьба ханов-джучидов за власть над Восточным Дашт-и Кыпчаком развернулась не столько в степных районах, сколько в Туркестане, было экономическое и стратегическое значение данного региона. Присырдарьинские города были важными центрами торгово-экономических связей для населения степных районов; превосходными для своего времени крепостями и могли выдержать длительную осаду. Традиционно они являлись административно-политическими центрами предшествующих государственных образований на территории Казахстана. Земли нижнего и среднего течения Сырдарьи были необходимы казахским кочевым племенам как ценные зимние пастбища. Однако использовать эти пастбища можно было, лишь владея ключевыми пунктами этой территории — городами-крепостями Туркестаном и Каратау.

Отмеченные причины, побудившие казахских ханов в первые же годы после создания ханства вести борьбу за Присырдарьинские города и Туркестан в целом, относятся полностью и к их противнику Мухаммаду Шайбани, когда он пытался восстановить власть Шайба-нидов в Восточном Дешт-и Кыпчаке. В свою очередь, Тимуриды Мавераннахра отстаивали захваченные ими когда-то у Ак-Орды города, превращенные в оборонные крепости против кочевников степных районов. Вмешались в борьбу и могульские ханы Юнус и его сын Султан Махмуд, пытавшиеся в условиях упадка Могулистана и ухода из-под их власти казахского Семиречья и киргизских районов При-тяньшанья заполучить города в районе юга Казахстана.

Казахские ханы в развернувшейся на три десятилетия борьбе обладали несомненной реальной силой, вокруг них сплотились значительные массы кочевников, у них был прочный тыл в Семиречье, их нередко под-

держивали городские власти и население в Туркестане. Удачными были шаги по привлечению в союзники других претендентов на власть в степи и в Туркестане. Им удалось привлечь на свою сторону и эмира из Ногайской Орды, Муса-мирзу, прежде обещавшего поставить Мухаммада Шайбани «ханом Дешт-и Кыпчака».

В 70-е гг. произошло несколько крупных сражений — под Саура-ном, Сузаком, у перевала Согунлук в горах Каратау, в других местах. Захватывали Ясы (Туркестан), Сыгнак то казахские ханы, то Мухам-мад Шайбани, победы и поражения выпадали на долю обеих враждующих сторон. В одном из сражений погиб сын Джаныбек-хана Махмуд-султан. Он был владетелем Сузака, в то время как его брат Иренчи занимал Сауран. Одним из видных предводителей казахских войск в этот период был сын Гирей-хана (правившего примерно до 1473—74 гг.) Бурундук. Одни источники называют его ханом примерно с середины 70-х годов, другие — с 1480 года[8]. Во время правления Бурундука приобрел известность сын Джаныбек-хана Касым (род. ок. 1455). Он был удачливым полководцем, предводителем конницы, участвовал во многих битвах.

В 80—90-е гг. борьба за сырдарьинские города и их оазисы продолжалась также с переменным успехом. Казахи, как и узбеки-шайбани-ды, неоднократно осаждали Сыгнак и Ясы, Аркук и Сауран, и нередко осада длилась по нескольку месяцев. Один из эпизодов борьбы завершился сдачей Сыгнака, в котором Мухаммад Шайбани оставил часть своего войска. При этом жители Сыгнака мотивировали свои действия тем, что «прежде этот вилайет принадлежал Бурундук-хану»[9]. В другой раз Сауран был сдан Бурундук-хану его жителями; казахам был выдан и находившийся в городе брат Мухаммада Шайбани со всем его окружением. Осада Отрара в конце 90-х гг. закончилась перемирием между Мухаммадом Шайбани и Бурундук-ханом.

Итогом борьбы к исходу XV в. было включение в состав Казахского ханства городов Сузака, Сыгнака, Саурана. Мухаммад Шайбани удержал в своих руках Отрар, Ясы, Узгенд, Аркук, опираясь на которые, а также на поддерживавшие его узбекские племена Дешт- и Кыпчака, он смог добиться победы над Тимуридами Мавераннахра. У Мухаммада Шайбани для борьбы за власть в степи не оказалось реальных сил, фактически он был вынужден ограничиться лишь борьбой за присыр-дарьинскую территорию, так как в первые же годы потерял всякую возможность утвердить свою власть в бывших владениях своего деда Абулхайра в степных просторах Казахстана.

Присоединение к Казахскому ханству части присырдарьинских оазисов явилось ключом к успеху казахских ханов по объединению страны в целом. К концу XV в. расширились первоначальные границы их государства. В него вошли, помимо Западного Семиречья, отмеченные выше города в Южном Казахстане, район Каратау с прилегающими степными территориями, низовья Сырдарьи и Северного Приаралья, значительная часть Центрального Казахстана. Многие Джучиды удалились с территории Казахстана искать удачи в Астраханское, Сибирское, Казанское ханства. Под власть казахских ханов переходили все новые и новые казахские роды и племена; в тесный союз с ними вступили ногайцы. Фактически к началу XVI в. Казахское ханство занимало территорию своей

предшественницы Ак-Орды (Кок-Орды) и часть Могулистана. Мухаммад Хайдар писан, что «в продолжение всего времени до 940 г. х. (1533—34 гг.) казахи всецело владычествовали в оольшей части Узбекистана (т. е. Восточного Дешт-и Кыпчака]»[10].

Наибольшего могущества Казахское ханство достигло в первой четверти XVI в., особенно при хане Касыме (1512—1521 гг.). Фактически он стал править еще при Бурундуке[11]. С началом его правления власть перешла к потомкам Джаныбека. Еще в период противоборства Бурундука и Касыма Мухаммад Шайбани предпринял несколько походов на территорию казахов. Казахские султаны также совершали набеги на города южной части Туркестана и Мавераннахра. Участник одного из походов Мухаммада Шайбани (1509 г.) Фазлаллах ибн Рузбмхан Исфахани сообщал об огромном количествен разнообразии захваченной в разграбленном улусе Джаныш-султана добычи. Было захвачено свыше десяти тысяч казахских юрт на повозках вместе с домашней утварью, имуществом, одеждой, разными товарами, верховые лошади, коровы, верблюды, овцы, количество которых «сосчитать невозможно»[12]. Эти сведения позволяют судить не только об экономическом могуществе казахов, но и больших потерях, которые несли им бесконечные войны. В результате трех походов Шайбани против казахов ему удалось временно вытеснить казахских правителей за пределы оазисов Туркестана.

В следующем, 1510 г. Мухаммад Шайбани вновь пришел к Сыгнаку, но потерпел сокрушительный разгром от войск Касыма; остатки узбеков, разбитые и рассеянные, бежали в Самарканд. В конце этого года Мухаммад Шайбани погиб в Хорасане, под Мервом, в битве с шахом Ирана.

Для закрепления наСырдарье Касым выгодно использовал политическую ситуацию в Средней Азии. Борьба потомков Мухаммада Шайбани с Тимуридом Захир ад-Дин Мухаммад Бабуром отвлекла внимание Шайбанидов от Туркестана. Ряд его южных городов признал власть Бабура. В Сайрам и его окрестности он назначил наместником Катта-Бека. Но вскоре, в 1512г., Шайбанид Убайдаллах-султан одержал верх над Бабуром; наместники последнего были изгнаны из их владений. Осажденному в Сайраме Катта-беку удалось оказать сопротивление узбекам; он продержался в крепости всю зиму, а ранней весной 1513 г. позвал на помощь Касым-хана, находившегося на зимовке на Каратале, обещав сдать ему крепость. Касым принял предложение; Катта-бек уговорил Касым-хана выступить против Шайбанида Суйундж-ходжи, правившего в то время в Ташкенте. Разграбив окрестности города, казахи возвратились в Сайрам.

Касым поддерживал дружеские отношения с ханом Могулистана Султан Саидом. Могульский хан предлагал Касым-хану организовать совместный поход на Ташкент в конце лета этого же года, однако Касым уклонился от предложения, сославшись на необходимость «подумать о зимовках, так как [сбор] и построение войска в это время неосуществимы»[13].

Касым-хан утвердил свое господство над обширными степными пространствами казахской территории. Уход Султан Сайда в 1514 г. в Восточный Туркестан обусловил укрепление власти казахского хана в Се-

миречье. На западе под его власть откочевали группы из родов и племен переживавшей кризис Ногайской Орды. Границы ханства расширились до бассейна р. Яик. На юге владения Касым-хана доходили доСырдарьи, включая Сайрамский вилайет. На севере и северо-востоке владения Касыма простирались далеко за Улутау и оз. Балхаш.

Впервые после монгольского завоевания территории Казахстана были объединены в одном государстве почти все казахские роды и племена, в том числе и Семиречья. Число подданных хана Касыма современники (Мухаммад Хайдар-мирза) определяли миллионом человек. При нем узнали о казахском государстве и в западных странах. Начались посольские контакты Казахского ханства с Московским государством. Крымский хан в переписке с турецкими властями высказывал беспокойство по поводу расширения владений казахов в западном направлении.

В 20-х гг., после смерти Касыма, междоусобицы султанов-джучи-дов на время ослабили Казахское ханство. В междоусобной борьбе погиб преемник Касыма Мамаш-хан. К неблагоприятным факторам жизни ханства относится сложившийся против казахов союз узбекских и могульских правителей. Были потеряны присырдарьинские города, Туркестанский вилайет оказался в подчинении Шайбанида Убайдаллах-султана. Казахский хан Тахир (1523—1533) потерпел неудачу в борьбе с Ногайской Ордой, безуспешно пытался отвоевать сырдарьинские города. Распри заставили Тахира бежать в Семиречье, где в союзе с киргизами он отражал попытки могульского хана Султана Сайда восстановить свою власть в этом районе. При хане Буйдаше, брате Тахира, казахи были разбиты в 1537 г. могульским ханом Абд ар-Рашидом.

По другим известиям он погиб в битве с узбеками под Сайрамом в 1559 г. Вместе с ним погибли еще 20 казахских султанов. Кадыргали Джалаири отметил, что узбеков в этой битве возглавлял Дервиш-хан, сын шайбанидского правителя Туркестана и Ташкента Барака (Нау-руз-Ахмед-хана). Практически до конца XVI в. присырдарьинские города Сыгнак, Сауран, Отрар, Туркестан (так стал называться с XVI в. город Ясы) и другие входили в состав государства Шайбанидов Маве-раннахра. Казахское ханство было ограничено в этот период с юга по линии низовий Сырдарьи и Каратау. Основными направлениями политической активности ханов казахов второй трети XVI в. были юго-восток, где в союзе с киргизами они воевали с могулами и ойратами, а также запад и север, где казахи вступили в сложные взаимоотношения с ногайцами, башкирами, татарами. Успешными вначале были действия в этих направлениях видного казахского хана Хакк-Назара (1538—1580). Он боролся против ойратов и могульского' хана Абд ар-Рашида, отстояв на время казахские земли на востоке и юге Семиречья. Для противостояния враждебным действиям сибирского хана Кучума Хакк-Назар установил союзные отношения с узбекским ханом Абдаллахом.

Хакк-Назар-хан пытался восстановить право казахов на земли, составлявшие огромную территорию Казахского ханства при его отце Касыме. Но в условиях тяжелой внешнеполитической обстановки задача эта в целом стала невыполнимой. В его время к границам казахских степей приблизилось Русское государство после завоевания Казанского,

Астраханского, затем Сибирского ханств. В казахские степи хлынули ногайцы, башкиры, сибирские татары, на Сыр-дарье появились каракалпаки. В Семиречье, тем временем, земли занимали, тесня казахов Старшего жуза,ойраты (джунгары). В какой-то период казахские власти контролировали лишь территории к югу от Улутау, на Сарысу, в Северном Приаралье, Каратау, в Западном Семиречье, примерно в пределах, показанных в «Книге Большому Чертежу». Границы ханства менялись, таким образом, не только в зависимости от военных и дипломатичсскихспособностей, победили поражений ханов, но, в основном, от внешнеполитических обстоятельств. В то же время часть казахов оставалась в местах своего обитания и попадалав подчинениесоседнихгосударств и правителей. Казахи, проживавшие на территории Туркестана, подчинялись узбекскому хану Бараку, его сыну Баба-султану. Особенно часто переходило под власть других правителей кочевое скотоводческое население степных пространств, например, казахские роды кочевали на территории Сибирского ханства, выходили в Барабинские степи, населенные в то время чатскими татарами. Перемежались кочевья казахов и ойратов на землях Восточного Казахстана и Джунгарии в зависимости от военных успехов предводителей тех или других народов. А под власть Хакк-Назара на Эмбу, к Аральскому морю, на Сырдарью переходила часть ногайцев, растворившихся затем в казахском Младшем жузе.

Процесс включения в состав Казахского государства западных земель, входивших после распада Золотой Орды в состав Ногайской Орды, был сложным и длительным. В середине XVI в. на Эмбс освободилась от Ногайской Орды, находившейся в состоянии упадка и разброда, и фактически была самостоятельной до начала XVII в. Алтаульская Орда[14]. Хакк-Назар-хану удалось взять под свой контроль земли от Сырдарьи, Приаралья до Эмбы и по левобережью Яика, приняв под свою власть часть ногайских улусов. В намерениях его было продвинуться и далее на запад[11]. Однако на западных, как и северных границах Казахского ханства препятствием для их расширения стало Русское государство.

В Южном Казахстане Хакк-Назар-хан попытался раздвинуть замкнутый круг своих владений, не имевших выхода к торгово-ремесленным и земледельческим центрам. Оказав поддержку Шайбаниду Абдаллаху в его борьбе с мятежным Баба-султаном, он получил от шайбанидского хана обещание на право владения несколькими городами в Туркестанском вилайете. Баба-султан тоже искал помощи у казахского хана и тоже обещал отдать в суюргал «вилайеты Ясы и Сауран», но сам же убил прибывших к нему на переговоры казахских султанов, в том числе двух сыновей Хакк-Назара. Вскоре погиб и сам Хакк-Назар.

Ханом казахов стал Шигай (1580—1582), потомок хана Джаныбе-ка. Он со своими сыновьями также оказал поддержку узбекскому хану в борьбе с Баба-султаном, в частности участвовал в знаменитом походе Абдаллаха 1582 г. через Туркестан, где последний осаждал крепости Сайрам, Сауран, Туркестан. На обратном пути Баба-султан был убит казахским султаном Таваккулом (Тевеккелем), сыном Ши-гая. Сырдарьинские города сдались Абдаллах-хану, где он поставил своих наместников. Казахским же правителям в награду за помощь достались пожало-

вания не здесь, а в Средней Азии. Нужны были другие пути для закрепления в регионе сырдарьинских городов, а значит, усиления ханства.

В 1586 г. Таваккул захватил ряд городов в Туркестане, пытался взять Ташкент. В период с 1586 до 1594 г. ему пришлось утверждать свое право на ханствование в длительной борьбе с другими казахскими султанами, сыновьями Хакк-Назара. Наладив отношения с Москвой, в которых он видел возможность военного союза для борьбы с узбекским ханом, Таваккул-хан в 1598 г. предпринял новый поход в Среднюю Азию, в одном из сражений разбил войско Абдаллаха, вернулся в Туркестан. В этом же году, используя мирную обстановку на северо-западных границах своего государства и междоусобицу Шайбанидов в Средней Азии, замену этой династии новой династией Аштарханидов, он успешно завершает длительную борьбу за сыр-дарьинские города. Предприняв новый поход в Среднюю Азию, Таваккул-хан занял города Ахси, Андижан, Ташкент, но в одной из битв был тяжело ранен и умер в том же году в Ташкенте. По договору нового казахского хана Есима (1598—1628), сына Шигай-хана, с представителем Аштарханидов в состав Казахского ханства вошли Туркестан с его городами, а также Ташкент с вилайетом, и на некоторое время Фергана. Но на Ташкент распространялся суверенитет Аштарханидов (упоминание имени хана этой династии в хутбе и на монетах, чеканенных в Ташкенте, отправка ему части собранных в вилайете налогов и др.). Казахские правители нарушали эти условия договора, что вызвало длительную борьбу в начале XVII в. между казахскими и узбекскими ханами.

Так окончилась длительная борьба казахских ханов за оседло-земледельческие районы Южного Казахстана, города на Средней Сырдарье. С этого времени в состав казахского государства окончательно вошел этот регион и на двести лет Ташкент[16].

Длительные войны на территории приосырдарьинских городов вели к разорению местного населения, упадку городского хозяйства, разрушению ирригационной системы, сокращению земледелия. Военные действия, грабительские набеги противников нарушали торговлю и отрицательно сказывались на экономическом положении в степных скотоводческих районах. С вхождением Южного Казахстана как развитого хозяйственно-культурного региона в состав единого государства предоставилась возможность преодолеть эти негативные явления.

В XVII в. внутриполитическая жизнь в Казахстане не отличалась стабильностью. Казахское ханство все более распадалось на части, усиливались феодальные распри. Различные группы кочевой знати соперничали между собой. На юге фактически утвердились два хана. Преемник Таваккула хан Есим сделал своей столицей город ТуркесташзВ Ташкенте объявил себя независимым ханом Турсун-Мухаммад, сын султана Джалима (родословная его неизвестна). Постепенно в каждом из трех жузов появились самостоятельные ханы. Осложнилось внешнее положение Казахского ханства, на всех его рубежах, особенно на южных и восточных. Бухарский хан Имамкули пытался отобрать Ташкент, поддерживал сепаратизм отдельных султанов. В 1612 г., в ответ на набеги казахских войск на окрестности Бухары, Имамкули-хан предпринял по-

ход на казахские земли, прошел Туркестан «до крайних пределов Ашпары и Каратау», разграбив несколько городов и селений. В Ташкенте он поставил наместником своего сына, который был вскоре свергнут и убит. В ответ Имамкули устроил кровавую резню в городе. В своих притязаниях на Ташкент он пользовался враждой двух казахских ханов. В 1627 г. Турсун-Мухам-мад был убит Есим-ханом. Есим умер годом позже. Бухарские войска вновь заняли Ташкент. Однако наследнику Есим-хана, его сыну Джангиру удалось убедить бухарского правителя в необходимости военного союза для отражения общей опасности с востока — нашествия ойратов.

Собразованием в 1635 г. Джунгарскогоханствавозросла опасность захвата ойратами казахских земель в Прииртышье и Семиречье. Теснимые Цинской империей, в поисках пастбищ и выхода к торгово-ремесленным центрам юга Казахстана и Средней Азии, они не ослабляли давления на казахские земли. Уже в 20-х гг. XVII в. большие массы ойратов кочевали по Оми, Тоболу, Ишиму, Иртышу. На Или и Таласе ойраты располагались на зимовки. Казахи были потеснены в южном и западном направлении, где пришли в столкновение с обитавшими на своих землях узбеками, каракалпаками, ногайцами, башкирами. В 1644 г. хан Джангир, который выступил совместно с самаркандским войском во главе с Жалантос-батыром, разбил один из джунгарских отрядов. В 80-х гг. XVII в. джунгарская армия под командованием хунтайджи Галдана вторглась в Семиречье и Южный Казахстан. Были разгромлены несколько казахских улусов, захвачено девять городов; среди них источники называют Сайрам, Манкент, Карасман, Шымкент, Ташкент и др. Жители Сайрама оказали достойное сопротивление; был убит оставленный Галданом наместник, что вызвало повторное вторжение ойратской армии в Южный Казахстан. Сайрам был взят и разрушен; часть его жителей была уведена в Джунгарию и Восточный Туркестан[17].

Укрепление Казахского ханства в период правления хана Тауке (1680—1718), союз казахов с киргизами и каракалпаками ослабили на время натиск джунгар на казахские земли. Во время их нападения в 1680 г. на Южный Казахстан только город Туркестан не был разграблен джунгарами, так как в нем находился с войсками хан Тауке. Джунгарские погромы были одной из существенных причин постепенного угасания жизни городов на юге Казахстана. Набеги джунгар перерезали важные торговые пути, наносили большой ущерб хозяйству мирного населения.

Тяжелая экономическая и политическая обстановка в Казахстане была обусловлена непрекращающимися усобицами, нестабильными отношениями с правителями Средней Азии. Состояние раздробленности и ослабление Казахского ханства сказывалось на целостности не только государственной, подвластной ханам, территории, но и этнической. Раздоры соперничавших за власть и подданных, за пастбищные земли и города ханов, султанов, группировок аристократии племен замедляли темпы общественно-культурного развития, мешали созданию условий для упрочения государственности на территории Казахстана, для эффективной защиты с ее помощью коренных земель народа. Хану Тауке удалось несколько нормализовать политическую ситуацию в распадавшемся хан-

стве. Он предпринял ряд мер для поднятия авторитета ханской власти, преодоления сепаратизма знати, консолидации народа. При нем был составлен свод норм обычного права «Жеты-Жаргы», определивший основные принципы правопорядка и государственного устройства. Он искал пути союза и мирных отношений с соседними государствами.

Но относительное спокойствие продолжалось недолго. Набеги джунгар на казахские земли происходили в 1710/11, в 1713 и 1718 годах. В 1724/25 гг. джунгары разгромили города Туркестан и Ташкент, а 1723 год — год «Великого бедствия» разметал часть казахов далеко за пределы их этнической территории. Многие бежали в Среднюю Азию, что не могло не обострить отношений с местным населением; другие откочевали на запад, на Эмбу, до Яика, Ори и У я, потеснив из их окрестностей ногайцев, башкир, волжских калмыков, да и своих же сородичей, казахов Младшего жуза. Каждый из упомянутых народов пытался отстоять свои земли, невольно принимая на себя давление мигрантов, в свою очередь, пострадавших от более сильного противника. Все большему давлению, экономическому и политическому, подвергались казахские племена и роды Среднего жуза со стороны русских властей, утвердившихся в Южной Сибири, на территории Прииртышья, на землях Алтая. Массовые потери скота и пастбищ привели к значительному обострению хозяйственного кризиса в Старшем и Среднем жузах. Сокращение подвластной территории и числа подданных ослабляли позиции ханов, усиливались вражда и раздоры. В трудной экономической и политической обстановке встал вопрос о принятии российского подданства. Дальнейшие этапы политической, экономической и этнокультурной истории казахов связаны со временем колонизации Россией казахских земель.

§ 2. Экономика и культура

В XV—XVII вв. у казахов степных районов в качестве преобладающей сохранялась исторически сложившаяся, соответствовавшая природно-климатическим условиям зоны сухих степей и полупустынь отрасль хозяйства — кочевое и полукочевое скотоводство. Основными видами скота были овцы, лошади, верблюды. Крупный рогатый скот разводился в небольшом количестве, главным образом в местах оседлости[1*].

Закреплялись ранее сложившиеся маршруты и годичные циклы кочевания со сменой сезонных пастбищ (коктеу, джайляу, кузде́у, кстау). При этом каждый род, который мог состоять из десятков, а нередко и более сотни аулов, традиционно кочевал в пределах определенной географической зоны! Протяженность кочевий была от 200—300 км на юге и в Семиречье до 800—1000 км в меридиональном направлении в степных районах. Выбор места кочевий, конечно, зависел не только от традиций и хозяйственных нужд, но и от политических условий в ханстве.

Экстенсивное кочевое скотоводство требовало обширных пастбищных угодий, и их постоянная нехватка вызывала войны и распри с соседями. Скотоводство чрезвычайно зависело от природных условий. Заготовка кормов не производилась, зимой скот находился на подноже-

ном корму. Ибн Рузбихан, например, отмечая ценность сыр-дарьинских земель для кочевников, писал, что все окрестности Сей-хуна покрыты «камышом, богаты кормами для скота и топливом». В суровые зимы нередко происходил массовый падеж скота, кочевники-скотоводы разорялись, многие переходили к оседлости.

Хотя и медленно, сами формы ведения кочевого скотоводства и его продуктивность улучшались; в благоприятные годы (как со стороны погоды, так и со стороны политич,ескихусловий жизни населения) интенсивно росло поголовье скота. Сохранялись и постоянно совершенствовались отработанные веками навыки ведения животноводческого хозяйства. Жилище казахов, юрта, а также хозяйственный инвентарь были хорошо приспособлены для кочевания и обработки животноводческой продукции. Кочевое скотоводческое хозяйство во многом обеспечивало жизнь казахской семьи. Оно давало казахам продукты питания, материалы для одежды и обуви, устройства и убранства юрты, транспортные средства для перекочевок. Конь был незаменим в военных походах и сражениях.

Кочевники-ск отоводы занимались домашними промыслами, главным образом, по переработке животноводческого сырья. Изготовляли войлок, ковры, одежду, обувь, кожаную посуду, сбрую и т. д. Хотя хозяйство казахов оставалось в основном натуральным, но оно давало и излишек продукции для обмена на товары и продукты, произведенные городскими жителями и земледельцами. На рынки городов Туркестана — Сыгнака, Саурана, Ясы и др.— кочевники-скотоводы пригоняли скот, доставляли кожи, шерсть, изделия из них, а также холодное оружие, изделия из дерева, главным образом из березы, в частности арбы, тахты и посуду; продавали пушнину, меховые шубы и шапки[19].

В обмен скотоводы получали в городах Туркестана разнообразные товары: хлопчатобумажные и шелковые ткани, изделия гончарного производства и металлического, готовые изделия из тканей и кожи — халаты, шали, головные уборы, обувь, детали конского убранства, а также разную домашнюю утварь, оружие, украшения из драгоценных металлов, зеркала и многое другое. В торговле участвовали и казахи: «Их (казахов) купцы постоянно посещали и посещают страны ислама, равно и купцы этих стран ездят к ним»[20]. Самым твердым, постоянным и массовым у кочевников был спрос на зерно — пшеницу, просо, ячмень, на другие продукты земледелия и садоводства и особенно на ткани (карбас).

Казахи знали оседлое и полуоседлое земледелие и городскую культуру, особенно в южных и юго-восточных районах Казахстана. Постоянная связь кочевого хозяйства населения степных районов и районов оседлого земледелия и городского хозяйства была неотъемлемой чертой экономической жизни казахского общества. Оседло-земледельческое население городов и оазисов Туркестана, смешанное в этническом отношении, находилось в постоянном хозяйственно-культурном взаимодействии со скотоводческим населением степи. В свою очередь, и непосредственно кочевниками в местах зимовок создавались очаги земледелия, оседлые и полуоседлые поселения, при этом земледелием зани-

мались по большей части лишившиеся скота и возможности кочевать бедняки-жатаки.

Оседание казахов-кочевников происходило в зоне присырдарьин-ских оазисов и в западной части Семиречья более интенсивно, чем в каких-либо других местах государства. Процесс оседания казахов в XVI в. на этой территории был зафиксирован в документальных материалах (жалованных грамотах). Кочевавшие прежде аймаки (род, племя), по одной из таких грамот, подразделяются на «живущих [постоянно] в селениях (дихнишин), [полуоседло] в кишлаках (киш-лакнишин) и кочующих (сахранишин)». Упомянуты также кочевые племена (илатийа)[21]. В городах часто жили ханы со своим двором и войском, особенно после вхождения территории Туркестана в состав Казахского ханства. Контроль над городами позволял создать в целом на казахской территории более прочную экономическую систему, базировавшуюся на двух взаимодополняющих хозяйственных укладах — кочевом скотоводческом и оседло-земледельческом, городском.

Во второй половине XV—XVII вв., в эпоху Казахского ханства, в Южном Казахстане продолжала развиваться городская жизнь. Ибн Рузбихан упоминает о «тридцати крепостях Туркестана». Наименования более двадцати из них встречаются в источниках; число городищ, обнаруженных археологами, превышает эту цифру. На правобережье Сырдарьи и ее притоков это были Ясы (Туркестан), Отрар, Сайрам, Сауран, Сыгнак, Икан, на левом берегу — Аркук, Узгенд, Аккурган, Куджан, на северных склонах Каратау — Сузак, Кумкент и др. Культурными и экономическими центрами были лишь 5— 6 наиболее крупных из перечисленных «крепостей Туркестана», что, впрочем, и немало для такой небольшой территории, если принять во внимание ограниченность средневековой экономики, ее натуральный характер, относительную малочисленность населения и другие факторы.

Присырдарьинские города в период становления и укрепления казахской государственности играли в жизни населения Казахстана многоплановую роль[22]. Сыгнак, например, был «торговой гаванью» для восточного Дешт- и Кыпчака[23]. Он был столицей первых казахских правителей. Ясы (Туркестан) продолжал оставаться известным торговым пунктом, центром крупного земледельческого округа. На рубеже XVI—XVII вв. этот город стал столицей Казахского ханства, он был и главным религиозным центром для всего Туркестана и прилегающей казахской степи.

Отрар сложился в крупный торгово-ремесленный центр южноказахстанских земель. Как и Ясы, он в XVI в. долгое время был местом пребывания шайбанидских наместников в Туркестанском вилайете, укрывавшихся от своих степных недругов за прочными стенами отрарской крепости. Доминирующее положение Отрара хорошо понимали современники, оставившие многочисленные свидетельства в источниках о борьбе за этот город, владение которым обеспечивало власть над всей областью.

Сауран был известен в XVI в. целой системой оборонительных сооружений, среди которых Хафиз Таныш называет высокие крепостные стены с башнями, крепостной вал, глубокий ров, «подобный реке»; этот

город упомянут Зайн-ад Дином Васифи в связи со строительством в нем в XVI в. медресе — «выдающегося архитектурного сооружения», а также строительством и эксплуатацией особых оросительных сооружений — кяризов, устройством на одном из них чахар-бага — загородной усадьбы с садами и виноградниками. Сайрам был хорошо укрепленной крепостью, крупным торгово-ремесленным центром на юге Казахстана, на стыке торговых и военных путей из Мавераннахра в Туркестан и Семиречье; этот город являлся административным центром самостоятельного вилайета, в источниках упоминавшегося наряду с Туркестанским вилайетом.

Сузак на северных склонах Каратау постоянно был главной опорой, стратегическим пунктом правителей Казахского ханства как в борьбе за власть в степных районах, так и за города в Туркестане. Сузак был не только хорошей крепостью, но и торговым, ремесленным центром, выдвинутым в степь. В районе Сузака отмечены источниками и исследованы археологами другие оседлые казахские поселения: городище Культобе, Ран, Тастобе, Таскорган, Коктобе. Одни из них были крепостями, другие — земледельческими поселениями.

В хозяйственной жизни городского населения Туркестана как крупных, так и мелких городов, большую роль играли занятия сельским трудом. Полуаграрный характер городов отмечают исследователи по археологическим материалам и по данным письменных источников. Города были окружены садами и огородами, бахчами и виноградниками, полями и пастбищами. Земледелием и животноводством занимались не только жители ближних и дальних селений, но и сами горожане.

Каждый из городов был центром обширного земледельческого района с развитым поливным земледелием, товарным производством зерна и другой сельскохозяйственной продукции. В XVI— первой половине XVII вв. искусственное орошение продолжало развиваться в больших размерах, чем это было прежде». В одних местах оно основывалось на выведенных из Сырдарьи крупных каналах, в других — на многочисленных арыках из горных речек, стекавших с Каратау, в третьих — применялась кяризная система.

В городах имелись ремесленные кварталы, развивались ремесла — керамическое, кузнечное, деревообделочное, стеклодувное, ткацкое, кожевенное, ювелирное, строительное дело[25]. В городах Туркестана XV—XVI вв. была развита фортификационная система. Крепостные сооружения, способные выдерживать длительную осаду, во время бесчисленных войн подвергались разрушениям и вновь восстанавливались трудом мастеров. Вместе с ними и под их прикрытием в тр неспокойное время средневековья строились жилые постройки, культовые и общественные здания — мечети, медресе, мазары, бани, дуканы, крытые рынки, караван-сараи.

В городах и оазисах Южного Казахстана существовал в позднее средневековье емкий и стабильный рынок, основанный на постоянном и взаимном спросе на продукцию земледельцев и ремесленников как внутри самого региона, между обитателями городов и селений, так и между ними — с одной стороны и кочевниками-скотоводами — с другой. Торговля была одной из наиболее существенных сторон жизнедеятельности тур-

кестанских городов, таких, как Сыгнак, Ясы, Сайрам. В этих городах чеканилась монета. Источники упоминают о наличии там крупных базаров и многочисленных дуканов. Благоприятная политическая обстановка, прекращение войн и усобиц в период возвышения Казахского ханства, особенно при Касым-хане, Хакк-Назар-хане, Тауке-хане, способствовали развитию городов и торговли. Поддерживались оживленные торговые связи со Средней Азией, Восточным Туркестаном, Русским государством. Через территорию казахского государства пролегала сеть караванных дорог.

К рубежу XVII--XVIII вв. в связи с ростом феодальных усобиц, джунгарских набегов города на юге Казахстана пришли в упадок, что нанесло удар по казахской экономике в целом.

Общественные отношения у казахов в XV--XVII вв. большинство исследователей считают патриархально-феодальными. При этом отмечается большая степень развитости феодальных отношений в экономически более развитых земледельческих районах Южного Казахстана, чем в степных районах, где преобладало экстенсивное кочевое и полукочевое скотоводство, а общественная жизнь, социальные отношения сохраняли множество патриархально-родовых, патриархально-общинных элементов и пережитков. Фактически казахское общество и казахская государственность базировались на двух социально-экономических укладах, что давало им большую устойчивость и стабильность.

Следует иметь в виду, что в позднее средневековье на формировании социально-экономического устройства казахского общества весьма ощутимо все еще сказывались последствия происшедшего в период монгольского господства сокращения в Южном Казахстане и полного упадка в Юго-Восточном Казахстане городской культуры и земледелия, усиления удельного веса кочевого скотоводческого хозяйства. Изменение экономической базы сказалось на трансформации общественных отношений в целом в сторону патриархальности.

В степных районах господствовала общинная форма землепользования. Право пользования пастбищами принадлежало всем членам кочевого роди или общины, при этом родоплеменная организация общества скрывала фактически неравное отношение родоплемен-ной знати и рядовых кочевников к земле, к пастбищу. Знать имела право распоряжаться кочевьями, использовать для своих отар и табунов, для скота своих приближенных лучшие из пастбищ, лучшие места для охоты.

Скот находился в частной и семейной собственности. Им владела и высшая аристократия, и вожди племен и родов, и рядовые члены рода. Скот был главным мерилом богатства кочевников, их имущественного положения.

Вполне естественно, что, обладая огромными стадами, исчислявшимися, по сведениям Ибн Рузбихана и Мухаммада Хайдара[26], в несколько десятков и даже сотен тысяч голов, правящая аристократия присваивала себе право фактического распоряжения пастбищами. В неравном отношении к земле находились и племена и роды в целом. Среди них различались более многочисленные, привилегированные, были и мелкие, бедные, незначительные. Лучшие пастбища . и территории для зимовок издавна были заняты более могущественными родами и племенами. В целом вся территория ханства считалась принадлежащей правя

вящему роду Чингизидов. Верховным распорядителем земель был хан, разделявший их между султанами или подтверждавший их право на землю (юрт) для улуса. «В каждом известном улусе,— писал Ибн Рузбихан Исфахани,— есть (свой] полновластный султан из потомков Чингис-хана, который со своим народом пребывает в какой-либо местности, старинном юрте. [Султаны] сидят там до сих пор еще со времени Ючи-хана (Джучи-хана) и Шибан-хана и пользуются пастбищами. Точно так же они располагаются и занимают места по ясе [Чингис-хана][27]. Следовательно, не только в представлении масс кочевого населения земля, по которой они передвигались со своим скотом, находилась в собственности правящей династии, но и на самом деле это ее право было узаконено юридически, подтверждено традицией, обычаем. Другое дело, что право это той или иной ветви Чингизидов, как об этом говорилось выше, надо было отвоевывать в упорной борьбе. Специфические формы присвоения земель в кочевых районах в XV—XVII вв. продолжали традиции, сложившиеся издавна; их сохранение и закрепление было выгодно для правящей верхушки.

В южных районах Казахстана сложились устойчивые формы феодального условного землевладения и земельной собственности. Отсюда, из зоны присырдарьинских городов, шел процесс феодализации казахского общества, здесь кочевники втягивались в более сложные общественные отношения. Источники называют такие формы землевладения и собственности, как сойургал, икта, мильк, вакф и др. Город и его земледельческая округа были подчинены власти удельного правителя — владельца сойургала, т. е. пожалования на условиях военной или гражданской службы. Так было при Тимуридах, Шайба-нидах. С вхождением территории Южного Казахстана в состав Казахского ханства, как раньше в состав Ак-Орды, ханства Абулхайра, присырдарьинские города с их земледельческой округой раздавались во владение ближайшим родственникам хана, представителям кочевой знати.

В борьбе за власть у ханов постоянно возникала необходимость поддержки близкой к ним военной аристократии, вождей кочевых племен за счет земельных пожалований. Им не только предоставлялись пастбищные территории в степи, но и передавались в уделы целые города или крупные участки обрабатываемой земли с оросительными каналами, вместе с сидящими на этой земле крестьянами (райатами). Кочевая знать тяготела к городам, политически и экономически эксплуатируя их. Получая от хана тарханные права, владелец пожалования собирал в свою пользу налоги с земледельцев, ремесленников, торговцев. Сойургал был распространенной формой господства кочевой знати над оседло-земледельческим населением.

Большую роль в сырдарьинских городах и оазисах играло мусульманское духовенство — шайх уль-ислам,садры, казни, шайхи, муллы, мутавалли и другие, оказывавшие правителям всяческую поддержку и получавшие от них большие привилегии, пожалования земель, водных источников, оросительных сооружений в вакф вместе с налоговым иммунитетом. Мусульманское духовенство, как и часть светских лиц, владело также значительными земельными участками обрабатываемых и пастбищных земель на правах частной собственности (мильк). Эконо-

мическое могущество духовной знати было основой ее политической силы и идеологического влияния на массы, содействовало распространению мусульманской религии в степных районах.

В основе деления казахского общества на сословно-классовые группы лежало не столько имущественное положение, сколько социальное происхождение. К высшему аристократическому сословию — ак-суйек (белая кость) относились Чингизиды: ханы, султаны, огланы или торе, а также ходжи. Чингизиды не принадлежали ни к каким казахским родам и племенам, они составляли правящую группу общества. «Каждый род великих и именитых людей из потомков Чингисхана называют султанами, а того, кто знатнее их всех, именуют ханом, то есть самым великим из государей и правителем их, которому они оказывают покорность»[28]. Каждый султан мог претендовать на ханский титул, на улус—определенное число родов и племен. В своих улусах султанам принадлежала вся полнота власти, административной и судебной, они освобождались от несения повинностей в пользу хана.

Все остальное население ханства относилось к низшему сословию — кара-суйек (черная кость), независимо от имущественного положения. В это сословие входили предводители родов и племен — бии (от старого тюркского термина бек, равного по значению монгольскому нойон и арабскому эмир). В источниках среди представителей казахской военно-кочевой знати упоминаются эмиры и беки разных рангов: миннбеги, мирхазаре — «тысячник», йузбеги — «сотник» и др. Позднее термин бий также означал лицо, выполнявшее судебные функции, обладавшее юридическими знаниями.

Термин «бай» применялся, по Ибн Рузбихану, ко всякому лицу, обладавшему богатством, будь оно происхождением из султанов, или родоплеменной знати (биев), или из рядовых членов племени. Постепенно баи стали составлять особую социальную категорию казахского общества, наиболее многочисленный слой класса феодалов.

Рядовые кочевники-скотоводы (шаруа), земледельцы — жатаки и простые горожане, мелкие торговцы и ремесленники, сельские жители оазисов, составлявшие единое податное сословие (райаты), были обязаны платить многочисленные налоги и поборы: зякет, согум, сыбага, бийлык — со скотоводов; ушр, тагар, бадж и харадж — с земледельцев и ремесленников, исполнять повинности и отработки: саун — отдача скота на выпас рядовым кочевникам, а также коналга, джамалга, мардикар и др.

Исключительно тяжелой была воинская повинность. В сущности, каждый рядовой кочевник считался воином и в любое время был обязан явиться «конно и оружно» к султану или хану для выступления в поход или отражения набега неприятеля. Воинская доблесть считалась высшим достоинством кочевника. Выходцы из рядовых воинов, прославившиеся своими ратными подвигами, могли продвинуться вверх по социальной лестнице и занять свое место в сословии батыров. Последние играли важную роль в социальной иерархии казахского общества. Значительная их часть своим происхождением и имущественным положением относилась к состоятельной военно-кочевой знати. Надо отметить, что рядовые кочевники, хотя и выполняли указанные выше обязанности

и повинности в пользу своих правителей, тем не менее формально были свободными, независимыми, хотя и небогатыми членами своего рода и племени.

На политико-административном устройстве Казахского ханства сказывалась специфика патриархально-феодальных отношений. Оно не сложилось в централизованное государство. Ханство состояло из нескольких крупных административных единиц — улусов во главе с султанами-чингизидами из ханского рода. Территория улуса называлась юртом. По Ибн Рузбихану Исфахани, в начале XVI в. таких крупных улусов насчитывалось около десятка. Каждый улус состоял примерно из десятка тысяч семей. Несколько семей составляли колено (фирке). Определенное количество колен составляло род или племя (таифе). Хан, стоявший во главе государства, совмещал в своем лице гражданскую, административную и военную власть, осуществляя при этом верховные полномочия. В улусах и племенах эти же функции выполняли султаны и бии. К городской верхушке относились чиновники местной администрации — вазиры, вакили, хакимы, даруга, мустауфи, назначавшиеся ханами и удельными правителями. Служащие более низкого ранга занимались сбором налогов, надзором за ирригационной системой, несли городскую полицейскую службу и т.д.

В целом развитый административный аппарат в Казахском ханстве не сложился. При хане был совет из улусных султанов и вождей кочевых племен. Ежегодно они собирались на курултай для решения общих вопросов жизни ханства, особенно военных, дипломатических, решения территориальных споров и т. п. Система государственного управления была основана на обычном праве (адат). Наряду с адатом действовали нормы мусульманского права. Нормы обычного права были кодифицированы и дополнены в конце XVII в. при хане Тауке в виде единого свода под названием «Жеты-Жаргы» (Семь установлений). Этот свод законов содержит нормы административного, уголовного, гражданского права, положение о налогах, религиозных воззрениях и т. д. Определялся порядок управления ханством, узаконивались различные сборы в пользу хана и биев, устанавливались наказания за совершенные преступления. В целом нормы обычного права были приспособлены для защиты собственности, охраны привилегий казахской знати. В составлении Жеты-Жаргы участвовали представители всех казахских жузов[29].

Традиционные родоплеменные институты кочевого общества явились готовой формой организации власти господствовавшего класса и административного управления, так же, как древние формы отношений между родовой массой и старейшинами, которые выражались в приношениях и общих работах, превратились в феодальные по существу формы эксплуатации — упомянутый выше продуктовый налог и трудовая повинность. Оценка уровня развития социально-экономических отношений, на котором находилось казахское общество в позднее средневековье, как патриархально-феодальных отношений (в рамках феодальной формации), а сложившейся казахской государственности — как феодальной, при всей упомянутой выше специфике, расходится с оценкой ряда исследователей, считающих, что кочевое общество в своем развитии может подойти только к уровню раннеклассового общества, а государ-

ственность может быть достигнута кочевниками только при завоевании ими земледельческих и городских обществ. Более того, высказана гипотеза о существовании кочевого (номадного) способа производства, при этом номады —кочевые и полукочевые скотоводы—достигают в своем социально-экономическом развитии только предклассового уровня[30]. Историческая реальность, в частности казахского этноса, состоит, однако, в том, что, во-первых, казахи-кочевники и полукочевники знали не только имущественную, но и сословно-классовую дифференциацию, а, во-вторых, казахи, как и протоказахские племена и народы, занимались не только чисто кочевым скотоводством, но знали и оседлое и полуоседлое земледелие, и городскую культуру, а районы Южного Казахстана — районы земледельческой и городской культуры с довольно развитыми классовыми (феодальными) отношениями — были этнической территорией казахского народа.

В XV—XVII вв. развивалась самобытная культура казахского народа. Закрепились основные особенности материальной и духовной культуры казахов — в типах жилья, его убранстве и утвари, в одежде и пище, в обрядах и обычаях, в художественных промыслах и устном народном творчестве. В них органически были восприняты культурные ценности предшествующих племен и народностей, обитавших на территории Казахстана.

Архитектурные комплексы Сыгнака и Саурана, Ясы и Отрара, мавзолеи Джаныбека, Касыма в Сарайчике; Казангапа в районе Улутау, мазары на Мангышлаке, в низовьяхСырдарьи и в предгорьях Каратау отличались своеобразием, строгостью и выразительностью архитектурных форм.

Изделия домашних промыслов и прикладного искусства — тонко орнаментированные предметы конского снаряжения, юрты, искусно выделанные предметы их убранства, предметы домашнего обихода (ковры, кошмы, вышивки, циновки, посуда), нарядная женская одежда и украшения — все это свидетельствует о высоком уровне своеобразной материальной культуры народа.

Широко развивалось в XV—XVII вв. устное поэтическое творчество казахов. Из поколения в поколение передавались произведения героического эпоса «Кобланды-батыр», «Ер-Таргын» «Камбар-ба-тыр» и др., социально-бытовые поэмы «Козы-Корпеш и Баян Сулу», «Кыз-Жибек» и др., слагались обрядовые песни и сказки. Предания сохранили имена представителей казахской устной поэзии: Шалки-из-жырау (XV в), Доспамбет-жырау (XVI в.), Жиембет (XVII в.). В песнях, поэмах, эпических сказаниях прославлялись самоотверженность и подвиги батыров в защите родины, рассказывалось о жизни и быте народа. Талантливые музыканты создавали инструментальные произведения (кюи) на эпические, исторические, сказочные и бытовые темы. В XVI—XVII вв. письменная литература на казахском языке была распространена в виде книг религиозного и историко-легендарного содержания, создавались исторические сочинения и генеалогии (шежре). Наиболее важным памятником казахской исторической литературы XVII в. является сочинение Кадыргали Джала-ири «Джами ат-таварих».

8. Михма-наме-ни. Бухара. С. 96.
9. МИКХ. С. 112.
10. МИКХ. С. 195.
11. Тарих-и Рашиди. Л. 150 а; МИКХ. С. 217.
12. Михман-наме-ни Бухара. С. 128—129.
13. Тарих-и Рашиди. Л. 175 а—177 а; МИКХ. С. 225-227
14. *Кочекаев Б. А.* Ногайско-русские отношения в XV—XVIII вв. Алма-Ата, 1988. С. 102-103.
15. Там же. С. 104.
16. *Абусеитова М. Х.* Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата. 1985. С. 82—93. 17. *Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи. XVII—XVIII вв. Алма-Ата. 1991. С. 50—52.
19. Михман-наме-йи. Бухара. С. 94.
18. Тарих-и Рашиди. Л. 176 а МИКХ. С. 226.
20. Михман-наме-йи Бухара. С. 101—102.
21. *Пищулина К. А.* Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII веках // Казахстан в XV-XVII веках. Алма-Ата, 1969. С. 47.
22. Там же: *Пищулина К. А.* Письменные источники о присырдарьинских городах Казахстана XIV—XVII вв.Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата. 1983.
23. Михман-наме-йи Бухара. С. 117.
24. *Грошев В. И.* Ирригация Южного Казахстана в средние века. Алма-Ата, 1989.
25. *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Позднесредневековый Отрар (XVI—XVIII вв.). Алма-Ата, 1981. С. 157—174; *Банников К. М.* По следам древних городов Казахстана. Алма-Ата. 1990.
26. Михман-наме-йи Бухара. С. 97.
27. Там же. С. 94.
28. Там же. С. 62.
29. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Алма-Ата, 1979. Том 2. С. 334—341; *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. М., 1982. С. 66-77.
30. *Маркое Г. Е.* Кочевники Азии. М., 1976; *Андрианов В. В., Марков Г. Е.* Хозяйственно-культурные типы и способы производства // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 6—9.

Глава 7. ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА

§ 1. Города и поселения в XIII — первой половине XV в.

Расцвет средневековой городской культуры Казахстана, апогей которого приходится на X—XII вв., был прерван завоевательными походами татаро-монгольских войск.

Были нарушены традиционные связи городов и кочевой степи, также жестоко пострадавшей в ходе нашествия.

Но постепенно на юге Казахстана последствия монгольского погрома изживаются. К середине XIII в. происходит оживление городской жизни и, хотя ее масштабы не идут в сравнение с той, что была накануне, все же происходит восстановление городов, оседлости, возрождаются экономические связи районов, города вовлекаются в орбиту международных торговых и дипломатических связей'.

Ярким свидетельством оживления экономической жизни южноказахстанских городов служит нумизматический материал. В середине XIII в. начинает интенсивно работать монетный двор Отрара, где чеканятся вначале золотые динары, затем посеребренные дирхемы, а также медные фельсы. Отрар был единственным городом в Казахстане и Средней Азии, выпускавшим в это время монеты всех трех традиционных номиналов. Причем отрарские посеребренные дирхемы обеспечивали не только местную денежную торговлю, но и торговлю межобластную.

Кроме Отрара во второй половине XIII в. денежную продукцию выпускали Кенджде и Дженд.

В маршрутниках середины XIII в. упоминаются города Отрар, Зернук, Сайран, Ясы, Сыгнак, Барукет, Саудакент, Кумкент, Уросо-ган, Сузак. На международных караванных путях возникали и развивались новые городские центры, такие как Сарайчик на р. Урал. Основание его относится ко второй половине XIII в. Город находился на главном торговом пути с Востока на Запад из Восточного Туркестана, Казахстана и Средней Азии в Поволжье, Крым, Европу.

Исследователи считают, что последнюю четверть XIII в. можно считать временем, когда для частичного восстановления городской жизни и денежной торговли Средней Азии созрели прочные и достаточно благоприятные условия. Так, на Отраре раскопан комплекс крупной кирпичеобжиговой мастерской, которая начала функционировать в последней четверти XIII в. Она снабжала материалом строительство, которое развернулось в Отраре именно в это время. Из жженого кирпича была выстроена на рубеже XV—XVI вв. соборная мечеть Отрара. Главный вход ее, судя по сохранившимся конструкциям, был оформлен прямоугольными пилонами и сдвинут к углу, где находилась круглая башня минарета.

Как известно, монголы препятствовали возрождению разрушенных городов как военных крепостей. И лишь постепенно города стали вновь обноситься стенами. В Отраре стена была выстроена в конце XIII — начале XIV вв. В это время, как свидетельствуют материалы раскопок, формируются новые типы жилища. Среди них выделяются дома с линейной и крестообразной планировкой, известные уже сXI в., в XIII — XV вв. происходит их дальнейшее развитие.

Для жилищ были отмечены изменения в интерьере: суфа теперь занимает почти всю площадь жилого помещения, кроме площадки ташнау, появляется новый тип очага — тандыр с дымоходом. Он становится универсальным типом очага. Перекрытия домов опирались на центральный столб или стены. В домах имелись кладовые с закромами — глиняными ящиками.

Во второй половине XIII в. в городе при сохранении основных магистральных улиц полностью меняется планировка городских кварталов. Кварталы Отрара последней четверти XIV — первой половины XV в. сохранили свои прежние границы.

На Отраре раскопан «квартал гончаров». Изучено 10 мастерских по уровню XIII—XV вв. Отрарские мастерские дают представление, в первую очередь, об индивидуальном производстве самостоятельных ремесленников, работавших в мастерской при доме.

Топография мастерских, их взаиморасположение позволяют предположить наличие корпоративности производства. Сопоставление размеров мастерских, количества печей в каждой из них позволяет судить о социальной дифференциации в среде керамистов. Анализ же производимой продукции свидетельствует о существующей в это время специализации[2].

Было развито медницкое дело. Отрар являлся центром производства бронзовых зеркал. О ювелирном ремесле свидетельствуют многочисленные украшения из серебра и бронзы — перстни, браслеты, серьги, подвески. Как и прежде, было развито стеклоделие — производство кувшинов, графинов, чаш, аптекарской посуды.

Мало данных о производстве тканей, ковроткачестве. Об их существовании в городе можно судить по находкам коробочек хлопка, остаткам сгоревшей ткани и кусков саванов из погребений XIII—XIV вв. на Куйруктобе.

Несмотря на опустошения городов, международные торговые пути продолжали функционировать, появляются новые направления их, в частности наиболее оживленным был караванный и дипломатический путь, соединивший Европу и Азию через Поволжье, Урал, Хорезм, Сырдарью и Семиречье.

В подъеме экономики края и городов Сыгнака, Саурана, Отрара, бесспорно, важную роль сыграло и то, что в начале XIV в. они вошли в состав Ак-Орды, которая была первым крупным государственным образованием, сложившимся на местной экономической основе в послемонгольское время на территории Казахстана.

Присоединение южных районов Казахстана к державе Тимура, стабилизация политической обстановки способствовали некоторому оживлению экономической и культурной жизни. Немаловажную роль в подъеме Туркестана, Карнака, Отрара играло строительство грандиозного комплекса АхмедаЯсави, мечети Арслан-Баб; сосредоточение в Отраре, Ясы, Сауране больших масс войск, и, как следствие этого, оживление междуобластной торговли.

Иной была судьба городской культуры в Семиречье. Положение здесь в первые годы после монгольского нашествия было относительно благополучным. В Илийской долине упоминаются Кайлык, Или-балык, отмечаются города в Таласской и Чуйской долинах. Жизнь в них протекала достаточно интенсивно. И, тем не менее, к середине XIII в. начинается общий упадок земледельческой и городской жизни. Причины, которые вызвали гибель городской культуры в Семиречье, были различными, но они сплелись в такой пучок, что противостоять им не смогли ни

древние традиции оседлости, ни попытки сохранения городской культуры, предпринимавшиеся центральной властью, ни проходившие через Семиречье торговые пути.

Территория Семиречья оказалась политически разорванной на три части, в составе улуса Джучи (северные районы), улуса Чагатая (долины Чу, Таласа, южная часть долины Или) и улуса Угэдэя (северо-восточные районы). В Семиречье переселились большие массы кочевого населения, которые при поощрении верховной власти варварски относились к горожанам и оседлому сельскому населению. В интересах кочевой знати под пастбища отводились культурные земли, ранее использовавшиеся под посевы, огороды, сады.

Как бы иллюстрацией к этому замечанию служат снова Вильгельма Рубрука, проехавшего через Семиречье в 1253 г. Он пишет про Илийскую долину: «...прежде там находилось много городков, но по большей части они были разрушены татарами, чтобы иметь возможность пасти свои стада, так как там были наилучшие пастбища».

Таким образом, упадок оседлой культуры здесь начинается сразу же вслед за монгольскими завоеваниями и если города, будучи центрами транзитной торговли и ремесленного производства, в середине XIII в. еще внешне выглядят благополучно, то питавшая их земледельческая округа интенсивно разрушается, что и приводит вскоре к гибели самих городов.

Обследования остатков древних поселений показывают картину запустения. В Таласской долине лишь немного больше десяти городов и поселений продолжали функционировать, два из них в низовьях реки Талас, остальные в верховьях реки, в области Шельджи, где продолжалась интенсивная разработка серебро-свинцовых рудников. Аналогичная картина запустения наблюдается и в Чуйской долине. Археологическими обследованиями здесь зафиксировано семь поселений, где жизнь функционировала и после монгольского завоевания. Однако в них наблюдаются явные черты упадка. Города постепенно пустеют, обживаются лишь отдельные участки шахриста-на и рабадов, территории городов, огражденные длинными валами, забрасываются.

Археологические исследования в Илийской долине свидетельствуют об окончательном прекращении жизни на городищах Алма-ты, Талгар, Чилик, Дунгене, Антоновское, Сумбе, Кок-Тума к концу XIII в. В письменных известиях XIV—X V вв. говорится, что в области Или «нет ни городов, ни строений, все ее жители кочевники».

Окончательный удар по экономике Семиречья нанесли походы Тимура. Как справедливо отмечают исследователи, целью их были не только грабежи, захваты добычи, дезорганизация хозяйства и ослабление военной силы, но и прямой захват новых территорий.

Однако, несмотря на погромы и опустошения, произведенные монголами, традиционные линии городской культуры не были прерваны. Так же, как и в других областях, где существовали древние оседлые и городские традиции, города описываемого периода и в социальном, и территориальном, и культурном отношениях были продолжением домонгольских городов.

§ 2. Города и сельские поселения в последней четверти XV-XVII вв.

Рассматриваемый период в истории Казахстана достаточно подробно по сравнению с предшествующими, освещен письменными источниками. По сравнению с предшествующим временем, количество городов, упоминаемых в источниках, сократилось до 20, а городищ, датируемых второй половиной XV—началом XVIII вв. — до23. Во второй половине XV в. в письменных источниках уже не встречаются названия северокаратауских городов Уросогана, Сугулкента, Кумкента. В низовьяхСырдарьи прекращают жизнь городища (Джан-кала) Кыз-Кала; на Бутуни — городище Бузуктобе (Чилик), на Средней Сырдарье — Куйруктобе и Оксус.

По сравнению с IX—XII вв. число известных по письменным источникам городов Южного Казахстана уменьшилось почти в 3раза, а число городищ — в 6 раз.

В Отраре с середины XV в. пустеет пригород. К XVI в. территория его занимала чуть больше гектара, и вся городская жизнь сконцентрировалась только в центральной части.

Сокращение городов, территории отмечено для Сайрама, Сыгна-ка, Узгента, Сузака. Пустеют их рабады и вся городская жизнь сосредоточивается в пределах центральной, наиболее укрепленной части. В XVI—XVII вв. большую роль в политической и экономической жизни региона стали играть города левого берега Сырдарьи, такие, как Аркук, Кужан, Аккурган, Узгент. На северных склонах Каратау роль главного города перешла к Сузаку. Происходит быстрое возвышение Яссы-Туркестана до ранга столицы всего Южного Казахстана[1].

Почти все позднесредневековые города Казахстана наследуют планировочный остов городов предшествующего времени. В топографии позднесредневековых городов различаются «хисар» -центральная часть города, обнесенная стеной, и пригородные районы. Термин «хисар» понимается и как «город», «укрепление», и как «городская стена». Хисар «это густонаселенная укрепленная часть города, в которой концентрировались правительственные здания, казармы, соборная мечеть, главные рынки и ремесленные мастерские, жилые дома основных городских слоев». Территория со следами застройки за стеной, за хисаром была пригородом, сельской зоной и жизнь ее резко отличалась от жизни хисара, собственно города. Уличная сеть, составляющая скелет города, была достаточно сложной. В Отраре, например, зафиксировано кроме центральной магистрали, соединявшей южный и северный въезд, еще шесть сквозных улиц, идущих в меридиональном направлении.

Центральная магистральная улица соединяла северные и южные ворота. Кольцевая улица опоясывала город по периметру сразу же за стеной. С нее имелись выходы и за город, сделанные уже в позднее время.

В Отраре открыто свыше 30 кварталов XVI—XVII вв. Каждый состоял из 6—12 домов, площадь, занимаемая одним кварталом, в сред-

нем не превышала 1500 кв. м, а среднее число домов в квартале

- 11. Внутриквартальные улочки, шириной до 2 м, начинались от магистральных улиц и объединяли все домовладения квартала. Они, как правило, немощеные, имели плотную, утромбованную поверхность. В качестве благоустройства иногда использовались вымостки участков улицы перед домами и отмостки вдоль из жженого кирпича и его обломков. Улочки имели «карманы» — расширения, видимо, служившие загонами для скота. Иногда внутри квартальная улочка переходила в дворик-площадь, где располагалась серия хозяйственных ям, а чаще всего такой дворик мог использоваться как загон для скота всех жителей квартала.

Социальная картина в кварталах, воссозданная на основе археологических материалов (как было отмечено и для более раннего времени), однородная. Нет кварталов «богатых» и «бедных». В каждом квартале есть 2—3 больших многокомнатных дома, 1—2 маленьких одно-, двух- и трехкомнатные и остальные приблизительно одинаковые по площади. Этот факт объясняется этнографическими параллелями. В Бухаре XIX в., например, в одном и том же квартале, в одной и той же квартальной общине имелись и богатые и бедняки. Причем социальное неравенство не нарушало издревле сложившегося бытового уклада. Напротив, для богатых и знатных семей такое соседство представляло много удобств, ибо им легко было найти людей для услуг.

Интерес представляет вопрос о выяснении специализации кварталов по роду деятельности проживающих в нем людей. В Отраре лишь один квартал может быть определен как «квартал гончаров». Специализация его жителей гончаров была традиционной и передавалась из поколения в поколение.

В числе общественных построек в структуре города, как и раньше, были общественные бани.

В период ожесточенной борьбы между степными правителями за обладание сырдарьинскими городами, в ходе которых страдали в первую очередь сами города, каждый из них должен был иметь мощную систему укрепления. Не случайно стены городов, их высота и неприступность, глубина рвов столь красочно описываются в сочинениях позднесредневековых историков.

Остатки крепостных сооружений Саурана до сих пор производят внушительное впечатление. Стена Саурана построена из пахсовых блоков, чередующихся с кладкой из сырцовых кирпичей. Сохранившаяся высота ее и сейчас достигает 6 м. На ней прослеживаются остатки четырех круглыхбашен. За стеной находился ров глубиной до 3 м, шириной от 20 до 50 м. К воротам ведут двадцатиметровые узкие проходы, образованные выступающими отрезками стен.

Достаточно мощными, судя по материалам раскопок, были поз-дне-средневековые укрепления Туркестана.

Жилище XVI—XVII вв. продолжает линию развития дома предшествующего времени.

По сравнению с жилищем второй половины XIV — первой половины XV вв. появляются некоторые новые элементы во внутреннем оформлении помещений. Тандыр переносится из дальнего угла ближе ко входу. Площадка ташнау как бы «стягивает» второе помещение, дворик либо

айван, либо жилое помещение и кладовую. Ташнау — не обязательно принадлежность только жилых помещений, есть они в кладовых и во дворах. Суфа, занимающая большую площадь жилого центрального помещения, приподнята над полом на 30—40 см. В нее вмазан тандыр с устьем, выходящим за край суфы. Дымоход начинается с круглого отверстия в стенке тандыра, он продолжен в суфе по самому короткому отрезку до стены или угла. Дымоход соединялся с вертикальным колодцем в стене дома. Тандыры закрывались крышками. На углу суфы, обычно напротив тандыра, устраивалась прямоугольная тумба, площадка для жаровых углей. В общем интерьере помещения тандыр и площадка ташнау перед ним формируют хозяйственную зону. Здесь на суфе рядом с тандыром обычно стоит глиняная посуда. На борту или площадке ташнау лежат жернова от мельничного постава. Иногда в центральном же помещении ближе к углу находился щелевидный погреб. В стенах помещения устраивались ниши для хранения утвари. Суфы застилались сплетенными из камыша или чия циновками, сверху которых расстилалась кошма, ватные одеяла. Отпечатки и тлен циновок, а также куски кошм и ватных одеял обнаружены при раскопках.

Кладовые с закромами-отсеками предназначались для хранения запасов зерна, жидких и сыпучих продуктов. В некоторых домах есть дворики, перекрытые навесами. Кроме двориков у части домов имелся айван, открытый в сторону внутриквартальной улочки. Он, видимо, использовался в качестве загона для скота.

При определении количества городского населения в каждом из населенных пунктов и в целом регионе периода позднесредневековья основную роль играют демографические подсчеты, сделанные для Отрара конца XVI — 80-х гг. XVII в., которые можно экстраполировать на другие города.

Площадь жилого квартала Отрара составляет 1200—1300 кв. м (средняя 1500 кв. м). Территория города XVI—XVII вв. равна 20 га, или 200 000 кв. м, четвертая часть ее была занята зданиями общественного пользования, площадями, магистральными улицами. Тогда на оставшейся площади 150 000 кв. м размещались 100 жилых кварталов. В каждом квартале насчитывалось от 6 до 12 домовладений, принадлежавших индивидуальной семье, состав которой, по общепринятому мнению, равен 5—7 человек.

В квартале прослеживалось в среднем от 45 до 63 человек, а всего в городе насчитывалось 4500—6300 человек, или в среднем 5500 жителей[4]. Такое же количество жило в Сыгнаке и Сузаке.

В Туркестане проживали 9180 человек. Суран был вдвое больше площади Отрара, в нем должно было быть 11 000 человек. Сайрам имел 7560 жителей, а всего в центрах вилайетов обитало чуть больше 44 000 населения. В Карасамане, Икане, Карнаке, Карачуке, Сюткен-те, Аркуке, Котане, Узгенте, Ак-Кургане проживали от 1500 до 2000 жителей. А в Йаганкенте, Сури, Иункенте, Кужане, Каракуруне и неотождествленных городищах типа Ран проживали от 800 до 1000 человек.

Таким образом, число городского населения в период XVI -первых трех четвертей XVII вв. в Казахстане, видимо, не превышало 70 000 человек.

Как и для предыдущих периодов, наиболее массовый материал получен по гончарству. На Отраре был раскопан квартал гончаров конца XVI — 80-х гг. и нескольких керамических мастерских этого же времени в разных городских кварталах. Наряду с крупными гончарными мастерскими отмечено мелкое ремесленное производство, когда небольшая гончарная печь устраивалась во дворике дома. Хозяева больших мастерских Отрара могли иметь одного или нескольких учеников и подсобных рабочих.

В квартале гончаров ремесленники, видимо, были объединены в цехи, подобные тем, о которых известно по сохранившимся цеховым уставам «рисоля». Так, по свидетельству этнографов, ремесленники Хорезма, принадлежавшие к одной профессии, называли себя «улпа-тар», что означает «товарищество по профессии». Главой цеха считался «калантар», избиравшийся на цеховом собрании. В Фергане старшина цеха назывался «бобо» и «аксакал». Такие же термины употреблялись в Самарканде. Интересно, что при раскопках Туркестана в слое XIX в. были обнаружены обломки хумов с оттисками штампов, зафиксировавших в одном случае имя мастера Йунуса, в другом — его имя и звание — «кулоли калон» — старший гончар. Видимо, мастер Йунус был главой туркестанского цеха, так же как ими были калантары Хорезма, «бобо» и «аксакалы» Ферганы.

Традиции и обычаи цехового строя, зафиксированные рисоля, вырабатывались столетиями и, бесспорно, существовали у гончаров позднесредневековых городов Казахстана. Отмечается специализация производства. Таким образом, можно отметить, что по сравнению с периодом раннего и развитого средневековья тенденция к специализации городских мастеров-гончаров прогрессирует по мере приближения к новому времени.

Металлургия и кузнечное ремесло, как и прежде, имели в городе широкое распространение. Ремесленники производили литье чугунных котлов. Из чугуна делались втулки для колес, имевших характерную форму обоймы с тремя выступами по периметру. Из железа изготавливались серпы. Ножи и их обломки — наиболее многочисленная категория изделий из железа. Набор железных подков свидетельствует о том, что они были достаточно разнообразны по размерам. Подковывали не только лошадей, но и мулов, и ослов.

Медницкое дело, как и раньше, играло большую роль в ремесленном производстве города.

Ювелиры широко использовали в производстве цветной камень: сердолик, огненный опал, яшму, нефрит, агат, гагат, серпентинит, горный хрусталь. Камни применялись для изготовления бус, вставок в перстни, а также как поделочный материал и для самих перстней. Из цветного камня изготавливали также застежки, бляшки и другие вещи. Ювелирное ремесло, как свидетельствуют обнаруженные при раскопках изделия, характеризовалось высоким уровнем развития. Мастера знали и применяли различные технические приемы: ковку, литье, чеканку, штамповку, гравировку, накладную скань, позолоту, насечку серебром. Им был знаком способ изготовления серебряной и бронзовой проволоки, гранение и шлифовка, сверление цветного камня... Из стекла изготовляли посуду и украшения (бусы, подвески).

Обработка кости являлась традиционным ремеслом в казахстанском городе. В качестве поделочного материала использовались рога и трубчатые кости диких и домашних животных.

Мало сохранилось изделий таких широко распространенных ремесел, как ткачество, ковроделие, производство изделий из кожи. Но о том, что в городах имелись ткачи, производившие ткань, свидетельствуют находки напряслиц, отпечатки ткани на суфах, куски ватных одеял, обрывки сгоревшей хлопчатобумажной грубой ткани.

Новым явлением в транзитной торговле второй половины XV—XVIII вв. было налаживание торговых отношений Средней Азии и России через казахские степи и туркестанские города. Торговля с Россией становится важным фактором в развитии экономики казахстанских городов. Россия вывозила в Казахстан и Среднюю Азию сукна, атлас, зеркала, меха, серебро. Торговые караваны шли через казахстанские города — Сузак, Карачук, Туркестан. Не случайно источники называют Сыгнак торговой гаванью Дешт-и Кыпчака.

Данные письменных источников подтверждаются археологическими находками. На городищах Отрар, Туркестан, Сауран найдены китайский селадон и фарфор XVI—XVII вв., русские медные копейки.

Наряду с международной торговлей существует традиционная торговля сырдарьинских городов с кочевым миром и местная торговля. Города снабжали окрестное земледельческое и кочевое население необходимыми товарами через базар. Базары городов представляли собой крытые ряды улиц. Дукан-лавка обычно принадлежала мастеру-ремесленнику и часто служила и мастерской, и местом торговли.

Наличие дуканов в Туркестане подтверждается сведениями письменных документов, имеющих отношение к вакфам мавзолея Ахмеда Ясави. На Отраре выявлены торговые лавки, выходившие на улицу.

О размерах международной торговли и торговли между городами и округой, между отдельными сырдарьинскими городами можно судить по нумизматическому материалу, главным образом из раскопок Отрара и Туркестана. Медные монеты, с указанием монетных дворов Ясы и Ташкента представляют собой типологически однородный комплекс и составляют основу монетных кладов из Туркестана и Отрара.

К продукции монетного туркестанского двора относятся, возможно, и мелкие медные монетки. Часто на них вместо надписей выбиты различные знаки, аналогичные там там, изображавшимся на керамической посуде.

В жизни средневековых городищ занятие земледелием играло важную роль. Жители имели за городом участки обрабатываемой земли, куда переселялись летом.

Археологические раскопки подтверждают важную роль земледельческих занятий горожан. Так, отмечен в это время рост площади домовладений, который происходит за счет айванов, двориков, кладовых, помещений для скота. Эти изменения свидетельствуют и о переменах в хозяйстве городского населения. Хозяйственные дворики, частично закрытые навесами, большие кладовые для зерна и сельхозпродуктов, специальные помещения для скота в позднесредневековом Отраре показывают усилившуюся в это время аграриза-цию города.

Характеризуя развитие городской и оседлой культуры, следует отме-

тить ее традиционность и преемственность с культурой более раннего времени, с одной стороны, и то, что многое из того, что было создано в позднесредневековом городе, вошло органической частью в культуру казахского народа.

1. *Акишев К. А., Байпаков К. М.,* Ерзакович Л. Б. Отрар в XIII—XV вв. Алма-Ата, 1986. С. 5-12.
2. *Байпаков К. М.* Гончарное ремесло в позднесредневековом Отраре. Алма-Ата, 1983. С. 17-37.
3. *Байпаков К. М.* Проблемы археологических исследований позднесредневековых городов Казахстана. Алма-Ата, 1990.
4. *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Позднесредневековый Отрар (XVI—XVIII вв.). Алма-Ата, 1981; Байпаков К. М. Проблемы археологических исследований позднесредневековых городов Казахстана. Алма-Ата, 1990.

Раздел III. КАЗАХСТАН В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Глава 1. ПРИСОЕДИНЕНИЕ КАЗАХСТАНА К РОССИИ: ВХОЖДЕНИЕ, ЗАВОЕВАНИЕ, КОЛОНИЗАЦИЯ

Присоединению Казахстана к России предшествовали значительные политические связи между ними. Русское государство проявляло заинтересованность в расширении своих государственных границ на Востоке. По мере централизации и усиления государственной власти значительно возросли возможности торгового обмена и других форм взаимоотношений с народами, соседствующими с восточными государствами.

Завоевание Иваном IV Казанского (1552), Астраханского (1556) ханств, Юго-Западной Сибири[1], установление Камского торгового пути облегчали непосредственные контакты и с Казахским ханством. Интерес Русского государства в Казахстану особенно возрос со 2-й половины XV—XVI вв., после установления торговых и дипломатических отношений России со среднеазиатскими ханствами.

Русское государство, заинтересованное в развитии транзитных торговых путей со среднеазиатскими ханствами через Казахстан и стремившееся обеспечить безопасность прохождения купеческих караванов, проявляло живой интерес к политической обстановке и взаимоотношениям Казахского ханства с соседними стщнами. Поэтому и московские государи стремились к установлению непосредственных связей с казахскими ханами. Большую роль в этом играли посольские связи. В 1573 г. в казахскую степь было направлено русское посольство по главе с Третьяком Чебуковым. Посольство имело задачу налаживания торговли с казахами. Однако дипломатическая миссия Чебукова не дошла до пределов Казахстана, так как была истреблена племянником сибирского хана Кучума Маметку-лом. В 1577 г. русский посол Борис Доможиров, возвратившийся из Ногайской Орды, констатировал, что казахский хан, грозивший тогда ногаям и имевший связи с Ташкентом и Ургенчем, находился с «царем и великим князем в миру». В 1594 г. в Москву прибыло 1-ое казахское посольство. Посланник хана Таукеля Кул-Мухаммед имел поручение освободить племянника его У раз-Мухаммеда, находившегося в Москве «аманатом», т. е. заложником, и заключить дружественное соглашение сРусским правительством. Кроме того, он должен был добиться от Бориса Годунова «огненного бою» для борьбы с соседними враждующими феодальными ханствами. В ответной грамоте русского царя хану Таускелю была обещана посылка «многой рати с огненным боем» и «поберегание» казахов от всех их противников. Русское государство, добившееся в конце XV—XVI вв. заметных успехов в экономическом и политическом развитии, поощряло торговлю на восточных рубежах страны, имея, конечно, и политические цели. В жалованной грамоте Ивана IV Грозного Я кову и Григорию Строгановым от 30 мая 1574 г. разрешалось торговать с народами Казахстана и Средней Азии.

В торгово-экономических связях обе стороны были одинаково заин-

тересованы. Путем товарообмена казахи приобретали предметы домашнего обихода, огнестрельное оружие, а русские получали от них различное сырье, скот. Русскому государству нужны были союзники в борьбе с потомками Кучума, беспрепятственный выход на рынки Средней Азии, безопасность пролегающих через территорию Казахстана караванных маршрутов. В свою очередь, казахи, подвергавшиеся постоянным разорительным набегам среднеазиатских ханств, были заинтересованы в расширении контактов с Москвой. Для обеспечения безопасности торговых связей с Казахстаном, Сибирью, Средней Азией Русское государство наряду с продвижением землепроходцев, купцов, посольств и военных отрядов приступило к интенсивному строительству на границе с Казахстаном укрепленных пунктов-крепостей.

Первым русским городом на территории Западной Сибири, расположенным недалеко от границ Казахстана, был «Городок Обской большой» на правом берегу р. Оби при впадении в нее р. Иртыша. За короткое время своего существования (разрушен в 1594г.) он служил исходным пунктом для дальнейшего продвижения русских военных отрядов в глубь Сибири и к границам Казахстана. Затем были построены Тюмень (1586), Тобольск (1587), Тару (1594), Томск (1604).

Заинтересованность в установлении более доверительных отношений с русским государством проявляло и Казахское ханство, стремившееся укрепить свои международные позиции в условиях нараставшей внешней угрозы.

Образование Джунгарского ханства внесло существенные перемены в Центральной Азии. Тауке-хан, выражавший интересы правящей феодальной группировки, будучи дальновидным политиком, постоянно стремился к упрочению границы своего государства. Благожелательное отношение Тауке к России было обусловлено его попыткой укрепить положение Казахстана, поддерживая связи с Россией. В 1687 г. в Тобольск было направлено казахское посольство во главе с батыром Ташимом с поручением пригласить в Казахстан русских купцов. В состав миссии входили казахские торговцы, намеревавшиеся расчистить почву для экономических связей с Русским государством через сибирские города. В1689 — нач. 1690 г. в Тобольск было направлено другое посольство во главе с Туман-батыром. Однако эти связи не были оформлены юридически, подписанием конкретных обоюдновыгодных соглашений, что, по всей вероятности, было обусловлено, с одной стороны, стремлением казахских владельцев сохранить независимое состояние ханства, а с другой — положением России, занятой польскими и турецкими делами. Внутреннее положение Казахского ханства также неблагоприятствовало спокойному развитию его внешнеэкономических контактов с Россией.

Попытки Хакк-Назара, Тауке и других казахских ханов создать крупное централизованное государство в конечном счете не увенчались успехом. Отсутствие устойчивых политических и экономических связей между жузами, междоусобная борьба казахской феодальной верхушки поощряли агрессивных соседей, обрекали казахский народ на величайшие бедствия и лишения. «Первое десятилетие XVIII в., — писал Ч.

Валиханов, — было ужасным временем в жизни казахского народа. Джунгары, волжские калмыки, яицкие казаки и башкиры с разных сторон громили их улусы, отгоняли скот и уводили в плен целыми семействами»[2]. С юга нападали среднеазиатские ханства, стремившиеся отторгнуть территории Казахстана. Но самым опасным врагом была Джунгария, представлявшая собой реальную угрозу для существования Казахского феодального государства.

Годы правления Цэван-Рабдана и его преемника Галдан-Цэрена были временем наибольшего могущества Джунгарского ханства, его активной роли в жизни народов Центральной Азии[3]. Первым крупным актом Цэван-Рабдана была война с казахским ханом Тауке. Казахское ханство остро нуждалось в дополнительных пастбищных угодьях, но не находило свободных земель. Земельная теснота, однако, не была единственной причиной военных столкновений. Определенное значение имело стремление феодальных групп каждой стороны установить контроль над торговыми путями, поживиться богатствами противника.

Если по отношению к России джунгарские правители занимали выжидательную позицию, то относительно казахских родов не скрывали своих агрессивных намерений. Напряженное положение на северо-восточных границах вынудило казахских ханов и султанов вступить в переговоры с правительством Петра I и через Сибирские пограничные власти заявить о своих намерениях воевать с Джунгарией в союзе с Россией.

В 1717 г. отдельные предводители казахов султаны Капп и Абул-хаир, учитывая сложность внешнеполитического положения казахских родов и реальную угрозу со стороны внешних противников, обратились к Петру I с просьбой о подданстве. Последний, будучи занят войной со Швецией и имея сведения о внутренних неурядицах и междоусобных распрях казахских родов, не решился на вмешательство в «казахские дела», продолжая наблюдать за событиями в Казахстане, Средней Азии и Джунгарии. Желание Петра I иметь в составе Российского государства киргиз-кайсацкую орду было обусловлено его намерением не только расширить пределы своего государства, но стремлением обезопасить восточные границы России. В одной из записок старший переводчик в секретных делах и будущий дипломат А. Тевкелев пишет «...по возвращении из персидского похода его императорское величество государь император Петр Великий изволил иметь желание для своего отечества Российской империи полезное намерение в приведении издревле слышимых, и в тогдашнее время почти неизвестных киргиз-кайсацких орд в Российское подданство, и оное свое монаршее особое меня нижайшего к тому употребить намерение имел, с тем, буде оная орда в точное подданство не пожелает, постараться мне, несмотря на великие издержки хотя бы до миллиона (рублей) держать; то того, чтоб одним листом под протекцией Российской империи быть обязались»[4].

Созданные по личному распоряжению Петра I военно-инженерные сооружения — Ямышевская (1716), Омская (1716), Железинская (17171 Семипалатинская (1718), Усть-Каменогорская, Коряковская (1720) и другие военно-оборонительные пункты, составившие Верх-не-Иртышскую линию, сыграли определенную роль в защите казахов от опустошитель-

ных набегов джунгарских войск. Наличие артиллерии и хорошо обученных регулярных частей вынуждали джунгарских феодалов воздерживаться от прямых военных действий.

Джунгарскими вторжениями (1681—1684, 1694, 1711—1712, 1714—1717) были нарушены традиционные направления и пути перекочевок и вся слагавшаяся веками система кочевания в целом. Это обострило внутренние противоречия и усобицы, борьбу феодалов за пастбища, межродовые конфликты, столкновения, — разрешить которые можно было лишь за счет обильных водой и травами и сравнительно безопасных кочевий у границ России.

Однако определяющим условием, ускорившим принятие частью Младшего жуза казахами российского подданства, явилась агрессия джунгарских феодалов. Годы «Великого бедствия» (1723—1727) принесли голод, страдание, разрушение материальных ценностей, невосполнимый урон развитию производительных сил. Казахские роды под напором джунгарских войск вынуждены были покинуть веками насиженные места, что повлекло за собой откочевку казахов в сопредельные районы. «...Переходы сии повлекли за собрю неминуемое разорение и гибель...нищета и страдания сделались всеобщими, иные умирали с голода, другие бросали жен и детей своих», — писал и о этому поводу А. И. Левшин[5].

В этой сложной ситуации борьбу против захватчиков возглавили батыры-военачальники, такие, как Букенбай, Кабанбай, Малайсары, Жанибек и др., важную роль сыграла несгибаемая воля Абылая.

В военном отношении Джунгарское ханство представляло собой серьезную силу. На вооружении огромной джунгарской армии еще в конце XVII в. имелось «огненное оружие с фитилем»[6]. Вооружение казахов значительно уступало джунгарскому.

Несмотря на неблагоприятную обстановку в целом по Казахстану, казахский народ, которому принадлежала решающая роль в отражении небывалого со времен монгольского нашествия натиска джунгарских захватчиков, одерживал порою внушительные победы. Отряды казахских батыров нередко, вытеснив вражеские силы, вторгались на территорию близлежащих кочевий джунгар, захватывали большое количество пленных. Одно из крупных сражений произошло в 1726 г. на берегу р. Буланты, в местности Кара-Сыйыр. Казахские воины нанесли здесь джунгарским полчищам чувствительное поражение. Место битвы получило название «Калмак-кырылган» (место гибели калма-ков).

В1729 г. произошло кровопролитное сражение казахских сарбазов с джунгарскими завоевателями на юго-востоке от озера Балхаш, в местности Анкарай[7], где объединенные силы трех жузов одержали блестящую победу. Войска завоевателей начали отступать по р. Или на восток. Но в этом время предводители казахского ополчения в связи со смертью хана Болата рассорились из-за власти, что облегчило действия ойратов и свело нанет многочисленные жертвы и усилия казахского народа в борьбе с джунгарами.

Сложность внешнеполитического положения казахов побуждала искать пути выхода из создавшегося положения. Еще в 1726 г. хан Млад-

шего жуза Абулхаир, старшины Сугур, Едикбай, Хаджибай, Кулымбай и др. отправили в Россию поста Койбагара «просить покровительства» для казахов Младшего жуза. Это посольство осталось безрезультатным, но Абулхаир не оставляет своих намерений и в сентябре 1730 г. вновь отправил посольство через Уфу в Петербург с письмом к русской императрице Анне Иоанновне и устной просьбой о подданстве и покровительстве. 19 февраля 1731 г. императрица Анна Иоанновна подписала жалованную грамоту хану Абулхаиру о принятии в российское подданство Младшего жуза. Для принятия соответствующей присяги в Казахстан с грамотой к хану Абулхаиру были направлены послы во главе с переводчиком Комиссии иностранных дел А. И. Тевкелевым.

Основываясь на заверениях Абулхаира, в Петербурге решили, что желание вступить в российское подданство разделяют все султаны и старшины Младшего жуза. Однако, когда Тевкелев прибыл 5 октября 1731 г. в ставку Абулхаира, находившуюся на р. Иргиз, выяснилось, что по вопросу принятия российского подданства среди феодальной верхушки были существенные разногласия. Попытки «противной партии» во главе с султаном Бараком противодействовать переговорам и исключить оформление акта о присоединении Младшего жуза к России потерпели неудачу и 10 октября 1731 г. значительная часть собрания казахских старшин высказалась за его принятие.

Хотя вхождение Среднего и Старшего жузов состоялось позднее, Абулхаир-хан при обращении к царскому правительству выступал от имени всего казахского народа, что, несомненно, насторожило джунгар и заставило их с тревогой смотреть на дальнейшее развитие русско-казахских отношений. В указе российской императрицы имелись пункты, гарантировавшие неприкосновенность уже официально подданных казахов от враждебных акций беспокойных соседей: «ежели на Вас, кайсаков (казахов) будут нападать неприятели, чтоб Вы от того нашим защищением охранены быть»[8].

Не отрицая объективной основы принятия Младшим жузом российского подданства, не следует упускать из виду и корыстные интересы Абулхаира, который, опираясь на российскую администрацию, надеялся ослабить позиции своих политических противников, возвыситься над своими потенциальными соперниками в борьбе за единоличную власть. В этом вопросе не было единого мнения и в русской историографии. М. Макшеев, А. И. Добросмыслов, И. Зава-аншин, В. Н. Витебский, И. И. Крафт в целом оправдывали действия Абулхаира в ходе переговоров и подписания документа о подданстве. А. И. Левшин был склонен рассматривать подданство, как проявление личной воли Абулхаира и других «властолюбивых начальников» народа, лелеявших надежду «усилиться покровительством могущественной державы».

Однако и после принятия Младшим жузом российского подданства положение в Казахстане оставалось южным. Угроза джунгарских опустошительных вторжений не была снята. В этой сложной ситуации дело спасения страны взял на себя сам народ. В годы отражения джунгарской агрессии проявился полководческий талант султана Абылая. Но и в этой ситуации различные классы казахского общества ставили перед собой

разные цели. Если трудящиеся массы кочевников-скотоводов мечтали о мире и пастбищах, торговле с сопредельными странами как условиях восстановления и развития подорванного хозяйства, прекращения бесконечных поборов и грабежей, оо-нищания, то часть казахских феодалов искал а возможности усиления

личных позиций, тогда как известные бии Казыбек, Толе, Аитеке неустанно призывали народ к единству.

24 ноября 1732 г. Тевкелев, завершив свою миссию, выехал в обратный путь из урочища Найзакескен. 2 января 1733 г. прибыл в Уфу вместе с посольством Абулхаира, направленным в Петербург. В его составе были сын Абулхаира султан Ералы, двоюродный братхана султан Нияз, старшины Чадынбай, Мурза Худай-Назар, батыр Мур-загельды, Мурза Тугельбай и др. В результате переговоров в Петербурге вступление Младшего жуза в подданство России было оформлено окончательно.

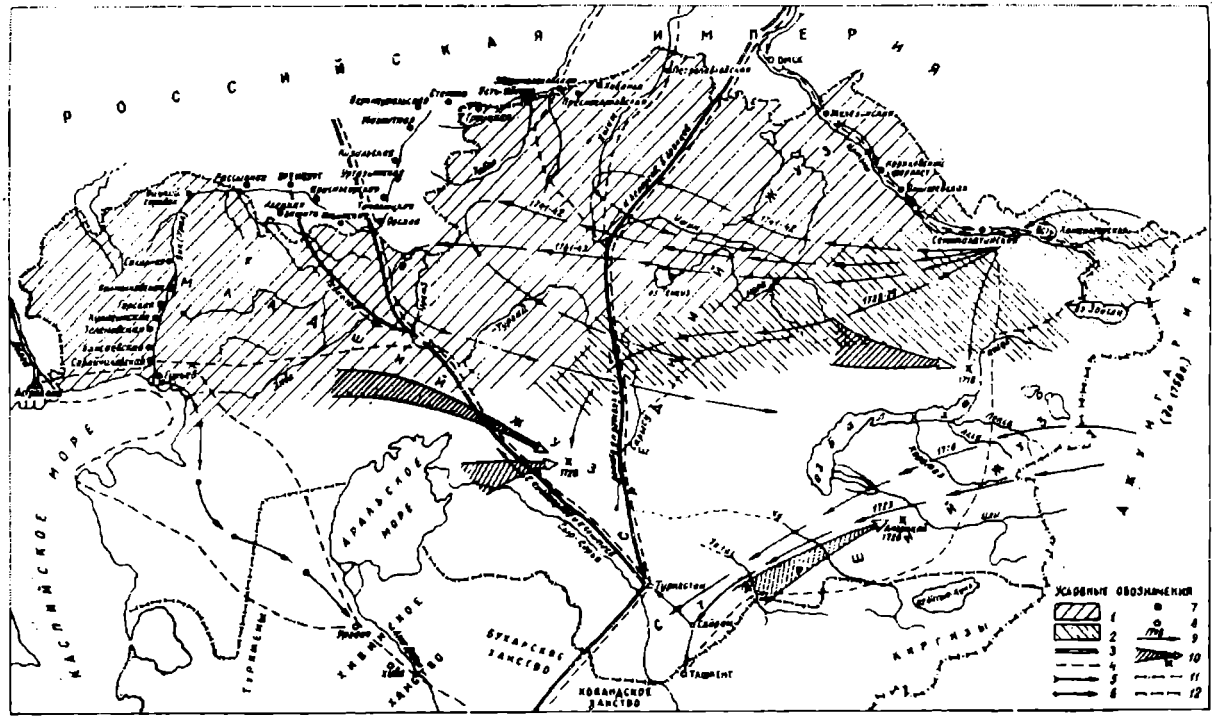
Тогда же, в 1733—1734 гг. изъявили желание принять российское подданство некоторые бии и влиятельные султаны Южного Казахстана. Указ императрицы Анны Иоанновны от 10 июня 1734 г. свидетельствовал о согласии правительства принять Старший жуз в состав России. Однако его удаленность от России, а также напряженные отношения с Джунгарией, убийство хана Жолбарыса в] Ог., державшегося проросийской ориентации, надолго отодвинули осуществление этого плана.

Для закрепления позиций во вновь присоединенных казахских землях в мае 1734 г. была организована Оренбургская экспедиция, которую возглавил обер-секретарь Сената И. К. Кириллов — сподвижник Петра I. Помощником его был утвержден А. И. Тевкелев. В задачу комиссии входило всестороннее изучение вошедших в состав России земель, разведка природных ресурсов, сооружение Орской крепости, установление новой границы между русскими и казахски-1ми владениями. Ряд причин, и прежде всего восстание башкир в 1734—1738 гг., помешал реализовать обширный план Оренбургской экспедиции. В 1735 г. был основан г. Оренбург, имевший важное значение в развитии русско-казахских политических и торговых взаимосвязей.

Российские власти принимали меры, направленные на прес< ние агрессии Джунгарского ханства. Джунгарский хунтайджа Галдан-Цэрен был информирован через пограничные власти, что часть казахов являются российскими подданными и будут ограждены от набегов извне. В 1738—1741 гг. воины Галдан-Цэрена совершили новый опустошительный поход на казахские земли. Коменданты Ямышевской, Усть-Каменогорской и Семипалатинской крепостей потребовали от джунтар оставить в покое казахов, принявших российское подданство. Обострение ситуации в пограничной зоне, угроза алтайским заводам побудили правительствующий Сенат 20 мая 1742 г. принять указ о мерах защиты казахского населения и обороны Иртышской линии.

В конце 1731 г. Абулхаир и батыр Букенбай направили своих представителей в Средний жуз, обещая хану Семеке в случае принятия российского подданства обеспечить безопасность региона с помощью русских войск. Семеке принял предложение послов Абулха-ира. В 1732 г. в состав России формально вошла некоторая часть Среднего жуза. Как

КАЗАХСТАН В XVIII В.



показали последующие события, Семеке не собирался соблюдать договор с Российской империей: совершал набеги на башкир-феодалов российских подданных. Угроза Джунгарии побудила влиятельныхфеодалов Среднего жуза повторно обратиться к России с просьбой принять их в ее состав. Грамотой Анны Иоаннов-ны от 10 июня 1734 г. просьба Семеке и его сторонников была удовлетворена. В связи со смертью И. К. Кириллова в апреле 1737 г. новым начальником Оренбургского края был назначен В. Н. Татищев, стремившийся закрепить зависимость представителей султанов и старшин Младшего и Среднего жузов.

Состоявшийся в Оренбурге в 1740 г. съезд представителей старшин и султанов Младшего и Среднего жузов способствовал закреплению первых результатов Российского подданства. Присутствовавшие на нем хан Абулмамбет и султан Абылай, учитывая сложившуюся ситуацию, высказались за принятие российского подданства, стремясь обезопасить Казахстан от возможных вторжений джунгар. Присяга группы султанов и старшин Младшего и Среднего жузов в 1740 г. обусловила присоединение к России лишь части Среднего жуза, основные же регионы северо-восточного и Центрального Казахстана вошли в состав империи лишь в 20—40-х гг. XIX в. вследствие военно-политических акций царизма.

В середине XVIIT в. в Центральной Азии произошли серьезные перемены. Враждебные действия джунгар против казахов были ослаблены в связи с событиями в самом Джунгарском ханстве, которые произошли после смерти Галдан-Цэрена. С ослаблением Джунгарии исчезла угроза завоевания ею казахских земель. Убийство в 1748 г. хана Абулхаира султаном Бараком встревожило правительство России. Петербургский двор, заинтересованный в продолжении политики, сложившейся при Абулхаире, возлагал надежды на феодальные группы, державшиеся пророссийской ориентации. В1749 г. Нуралы — сын погибшего хана был утвержден ханом Младшего жуза. Однако усиление колониальной направленности политики царизма осложнило внутриполитическую обстановку в жузе, проявлявшуюся в различных формах неповиновения старшин хану. Это была борьба против Оренбургской администрации, ставшей на путь открытой колонизации Приуралья, и Нуралы-хана, поддерживающего политику России.

В 1756 г. был издан царский указ, запрещавший казахам в зимнее время перегонять скот на правый берег Урала. Решение правительства, принятое в интересах Яицкого казачества, усилило антиправительственные настроения. Крепости и другие военные сооружения, которые царизм интенсивно воздвигал особенно по р. Урал, призванные оборонять русские селения от набегов кочевников, превратились в центры колонизации казахских земель. В зависимости от конкретных условий и целей царские власти не считались и с позицией хана Нуралы, который под давлением соплеменников робко выражал недовольство в связи с военными мерами вытеснения казахов с родовых кочевий.

Следующим этапом борьбы с остатками казахской государственности явилась попытка внедрения новой системы российского управления в Младшем жузе, которая должна была привести к отмене ханской власти. Однако проект реформы Оренбургского губернатора барона Игель-

строма, первоначально одобренный Екатериной II, был обречен на неудачу и отменен. Вскоре Нуралы-хан, не обеспечивший проведение российской политики и под натиском восстания батыра Сырыма Датова, был отстранен от ханской власти.

Утверждением в 1797 г. ханом престарелого султана Айчуака правительство пресекло все попытки более влиятельных султанов добиваться ханской власти. Оренбургская администрация не поддержала притязания одного из сыновей Нуралы — султана Каратая. Посте смерти Айчуака ханом Младшего жуза был утвержден его сын, послушный, маловлиятельный султан Жанторе[10].

Отстранением в 1821 г. от ханского престола Арынгазы, а в 1824 г. - Шергазы Айчуакова заканчивается традиционная государственность в Младшем жузе. Принятие в 1824 г. Устава об «Оренбургских киргизах» обусловило отмену ханской власти в Младшем жузе и замену ее системой административно-политического управления, сходного с российской [11].

Несколько иначе складывалась ситуация в Среднем жузе, непосредственно примыкавшем на востоке к Цинской империи, что вызвало особую заботу правящихкрутов Российской империи. Создание имперского наместничества Синьцзян из земель, преимущественно составляющих владения уничтоженной цинами Джунгарии — внесло немало изменений в казахско-русские и казахско-китайские отношения и в значительной степени ускорило проведение военно-административных акций царизма в регионе:

Строительство военных линий в Среднем жузе стало опорной базой колонизации казахских земель в сложных политических условиях. Пограничная линия состояла из трех частей: с юго-западной стороны — от редута Сибирского до Омской крепости, протяженностью 553 версты (Горькая линия), от крепости Омской по правому берегу Иртыша до редута Малонарымска, общей длиной 1684 версты (Иртышская линия); — от крепости Усть-Каменогорской по западному скату Алтайских гор между колыванскими горными заводами по направлению к крепости Кузнецкой (Колыванская линия) протяженностью 723 версты[12].

22 июня 1752 г. по решению правительства началось строительство серии укреплений от урочища Звериного на Тоболе до Омской крепости. Ново-Ишимская линия состояла из 9 крепостей и 53 редутов и соединяла на протяжении 540 верст Уйскую линию с Иртышской. В это же время были созданы Красногорская дистанция и Орская линия (крепости Орская, Танальыцкая, Уртамышская).

Создание укреплений ограничивало традиционные кочевья казахов, создавало напряженность между сибирской администрацией и казахскими султанами. Усиление военных акций царизма в регионе, угроза вторжения цинских войск в пределы Казахстана побудили влиятельных султанов во главе с Абылаем принять сюзеренитет Цинского богдыхана при сохранении российского подданства».

Политика двойного подданства, которой придерживался Абылай, была обусловлена жизненными интересами Казахстана. Глубокие преобразования, осуществленные им прежде всего в Среднем жузе, во многих

сферах укрепили казахскую феодальную государственность, обеспечив проведение независимой политики. Признание его ханом Среднего жуза Екатериной II и цинским двором, т. е. двумя крупными государствами, значительно укрепили позиции Абылая.

Политика лавирования между Россией и Цинской империей, которую проводил и преемник Абылая У алихан, утвердила правящие круги России в мнении об упразднении ханской власти и в Среднем жузе.

В1815 г., стремясь ослабить позиции Уали в Среднем жузе, правительство назначило второго хана — Букея, после смерти которого в 1817 г. и Уали-хана в 1819 г. новые ханы в Среднем жузе более не назначались.

После ликвидации ханской власти в Среднем жузе царское правительство, опираясь на «Устав о сибирских киргизах», ввело новую систему управления, разработанную М. М. Сперанским. По «Уставу», территория казахской степи, занятая под кочевья Среднего и частью Старшего жузов, получила название Область Сибирских киргизов и вошла в состав вновь созданного Западно-Сибирского генерал-губернаторства с центром управления до 1839 г. в Тобольске, а с 1839 г. — в Омске.

В целях ускоренной колонизации края вводилась постепенно российская система управления, что вызвало протест большей части казахского населения, вылившийся в ряд восстаний. Самым крупным из них явилось движение под предводительством хана Кенесары Касымова, ставившего своей целью восстановление казахской государственности времен Абылая. Восстание отодвинуло по крайней мере на 10—15 лет военное покорение царизмом юго-восточной части Среднего жуза.

Подчинение основной части Старшего жуза происходило в других условиях. Часть казахских родов Южного Казахстана приняла российское подданство добровольно. 18 января 1819г. 55462 души обоего пола во главе с султаном Сьюком Абылай-хановым добровольно присягнули Российской короне. В мае 1824 г. император Александр I подписал грамоту о принятии в подданство еще 14 султанов Старшего жуза, кочевавших в Семиречье. Однако основные районы Семиречья и Южного Казахстана оставались вне влияния Российской империи. С целью вытеснения из региона кокандских беков правительство приступило к организации военно-разведочных экспедиций в Заилийский край. В скором времени были основаны крепости Копал. Лепсинск, Урджар. Главным оплотом колонизации края и распространения российского влияния на казахов Чуйской и Таласской долин стало укрепление Верное (1854).

Взятие царскими войсками Туркестана, Шымкента, Аулие-Аты. других городов и поселений, сопровождавшееся применением крупных воинских сил, завершило завоевание Южного Казахстана Россией.

Присоединение Казахстана, начавшееся в 30-х гг. XVIII в., завершилось лишь в конце середины XIX в. и являлось сложным, противоречивым процессом. Присоединение казахских жузов происходило в различных внешнеполитических и внутренних условиях. Значительная часть Младшего, некоторые районы Среднего жузов приняли российское подданство добровольно. Большая же часть Среднего и часть райо-

нов Южного Казахстана, были присоединены с помощью военной силы царизма, стремившегося ускорить присоединение края, не считаясь с интересами подавляющей части населения Казахстана, ставя во главу стратегические, далеко идущие цели империи в Центральной Азии. Присоединение Южного Казахстана, а затем Средней Азии к России позволило царизму одержать верхв соперничестве с Британской империей.

Административно-политическими реформами царизм ликвидировал традиционную систему управления, открыл широкие возможности для заселения казахского края русскими переселенцами, вытесняя кочевников на малопригодные земли. Получив бесконтрольную власть над большей частью населения, Россия расширила колонизаторскую политику почти во всех сферах.

Вместе с тем присоединением Казахстана к России создавались условия для хозяйственного взаимообмена и взаимодействия между кочевниками и пришлым населением, закладывалась почва для распространения грамотности, оживления торговли, включения казахского аула в орбиту капиталистических производственных отношений со всеми вытекающими отсюда последствиями.

1. Жестокость и последствия похода казачьего атамана Т. Ермака описаны в книге академика М. К. Копыбаев Актандактар акпкаты. Алматы. 1992.
2. *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. в 5 т. Алма-Ата. 1985. т. 4. С. 111.
3. *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства 1635—1758. Изд. 2-е. М.. 1983. С. 235-241.
4. *Голосов Д.* Поход в Хиву в 1839 г. отряда под начальством генерал-адъютанта Перовского // Военный сборник. 1Х63. №1. С. 1 1.
5. *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб. 1832. Ч. 2. С.70.
6. *Титов А.* Сибирь в XVII веке. М.. 1890. С. 77.
7. *Абилдаев Б.* Ашракай шайкасы // Казакбатырлары. 1991. №1.
8. *Крафт И. И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург. 1888. С. 22-23.
9. *Сабырханов А.* Исторические предпосылки ликвидации ханской власти в Казахстане // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата. 1981. С. 155.
10. *Аполлова И. Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX века. М.. 1960. С. 410.
11. Букеевское ханство (Внутренняя орда), возникшее в буферной зоне между Волгой и Уралом в 1801 г., названное по имени его основателя султана Букея, было упразднено в 1845 г. что обусловило окончательную ликвидацию ханской власти на всей территории Младшего жуза.
12. Центральный государственный военно-исторический архив РФ. ф. 414. д. 419. л. 3—3 об.
13. *Валиханов Ч.* Ч. Собр. соч. в 5 т. Алма-Ата. 1985. Т. 4. С. 114; *Гуревич. В. П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII — пер. пол. XIX вв. М.. 1976. С. 1 76— 1 77.

Глава 2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАЗАХСКОГО ОБЩЕСТВА В XVIII — СЕР. XIX В.

§ 1. Хозяйство

Скотоводство. В результате природно-климатических условий Казахстана основной формой природопользования и жизнеобеспечения населения на протяжении трех тысячелетий было кочевое скотоводство — особый род производящего хозяйства, при котором преобладающим занятием является экстенсивное подвижное скотоводство, а большая часть населения вовлечена в сезонные перекочевки[1].

Главной особенностью кочевого скотоводства являлось круглого-

дичное содержание скота на подножном корму, что было обусловлено дефицитом кормовых и водных ресурсов.

Средняя протяженность маршрутов кочевания составляла 50—100 км в течение года, но у отдельных родоплеменных групп (например, адай, шекты, табын и др.) могла достигать 1000—2500 км.

Особенности среды обитания определили способы использования казахами природных ресурсов в качестве зимних, весенних, осенних и летних пастбищ. Для зимних пастбищ использовались берега озер, долины рек, горные ущелья, опушки леса, невысокие горы и южные склоны сопок, т. е. места, где имелись естественные средства защиты стад от снежных буранов и ветров. Осенние и весенние пастбища обычно размещались на близлежащих от зимовок земельных угодьях, которые рано освобождались от снежного покрова. Летние постбища располагались, как правило, на территориях с большим запасом осадконакопления, сравнительно обильным растительным покровом и наличием водных ресурсов естественного происхождения.

Особенности географической среды и потребности жизнеобеспечения казахов определили и видовой состав стада. Удельный вес овец в нем составлял в среднем 60% всего поголовья, лошадей — 13, крупного рогатого скота — 12, верблюдов — 4%[2]. Важную роль в регулировании видового состава стада играла способность животных адаптироваться к быстрым и частым перекочевкам, а также возможность их многоцелевого использования в хозяйственной (мясо, молоко, шерсть, тягло) и общественно-политической жизни (транспорт, военные цели).

В Казахстане сложилось два типа скотоводческого хозяйства: кочевое скотоводство, основанное на эксплуатации искусственных водоисточников, и полукочевое хозяйство — на утилизации водных ресурсов естественного происхождения.

Первый тип скотоводческого хозяйства локализовался в ареалах с резко выраженной аридностью и континентальностью природно-климатических условий, низкой продуктивностью растительного покрова, отсутствием естественных водоемов (степи, полупустыни, пустыни, горные и предгорные районы).

Большой труд, расходуемый скотоводами на создание сети искусственных колодцев и извлечение необходимого минимума воды, почти полностью поглощал их энергетические ресурсы и рабочее время, которое было подчинено исключительно интересам и нуждам кочевого скотоводства. Ограниченность водных источников и кормов диктовала повышенную частоту миграций, кратковременность остановок и огромную амплитуду кочевания. В результате этого в стуктуре стада преобладали наиболее подвижные и выносливые виды животных (овцы и верблюды), все предметы материальной культуры (юрта, домашняя утварь) наиболее полно соответствовали кочевому образу жизни и скотоводческому хозяйству. Тадой тип хозяйственной деятельности получил распространение на полуострове Мангышлак, плато Устюрт, в некоторых районах Приаралья, Западного и Центрального Казахстана.

Иной тип кочевого скотоводства сложился в ландшафтных зонах, характеризующихся более равномерным распределением осадков по сезонам года, реками с круглогодичным стоком воды, наличием плодородных участков почвы и проч. К ним относятся речные и околоозерные долины в степной и лесостепной зонах, предгорной и высокогорной полосе. Сравнительно высокая продуктивность растительного покрова и лучшая обеспеченность запасами воды определили в этих районах большую продолжительность стоянок и менее интенсивный режим кочевания, ограничивали ареал миграций. Для этого типа хозяйства было характерно наличие большей доли крупного рогатого скота и лошадей, меньшей — верблюдов и мелкого рогатого скота. Некоторые особенности прослеживаются и в характере выпаса скота: в отличие от хозяйств первого типа, находившихся в режиме круглогодичного кочевания, в хозяйствах естественного водопользования имело место стационарное зимование, а потому возведение постоянных зимних жилищ и хозяйственных построек. Многие скотоводческие хозяйства получали возможность заниматься на призимовочной территории земледелием и рыболовством. Удельный вес второго типа хозяйств был особенно значителен в Восточном и Северо-Восточном Казахстане, Семиречье и некоторых районах Южного Казахстана.

Земледелие. Второе место в структуре хозяйственных занятий казахов занимало земледелие. Очаги земледельческой культуры локализовались, как правило, в наиболее удобных для хлебопашества в природно-климатическом отношении районах Казахстана. Такими районами были на северо-западе территории в бассейнах р. Сагыза, Эмба, Илек, Иргиз, Утва и Уил, долины Мугоджарских гор: в Центральном Казахстане — долины среднего течения р. Сарысу; на юге — по Сырдарье, Кувандарье и Жанадарье: на севере — по Ишиму, Нуре и Тургаю с их притоками; в Восточном Казахстане у Калбинского и Тарбагатайского хребтов, в предгорьях Каркаралы; в Семиречье — на верховьях Лепсы, Аксу, Каратала и в среднем течении Или. Причем географическое положение этих территорий, орографические и почвенно-климатические условия, наличие водных ресурсов, интенсивность культурно-экономических контактов с соседними оседло-земледельческими народами оказали определенное воздействие на уровень и размеры казахского земледелия, отбор земледельческих культур, степень агрономических заимствований у соседей, способы использования земледельческих продуктов в хозяйственных и иных целях.

Отношение основной массы кочевого населения к земледелию находилось в непосредственной зависимости от состояния ее скотоводческого хозяйства. Наиболее остро неустойчивость своего социально-экономического положения ощущала казахская беднота. Испытывая большую потребность в использовании дополнительных ресурсов для получения средств существования, она вынуждена была обращаться к занятиям земледелием. По определению Я. П. Гавер-довского, Е. К. Мейендорфа, А. И. Левшина, султана Т. Сейдалина и других очевидцев, занятие зем-

леделием, как и некоторыми другими подсобными промыслами, являлось у казахов показателем «нищеты».

В то же время земледелие у малоимущих индивидов находилось в тесной зависимости от состояния этой отрасли в хозяйствах наиболее зажиточных скотоводов, которые использовали труд издольщиков. Так, во владениях хана Абылая, заботившегося о создании своего личного комплексного хозяйства, пашни обрабатывали тюленгуты из числа пленных русских и калмыков. «Многие зажиточные хозяйства сеют хлеб, используя труд бедняков-байгушей, лишившихся скота, из-за куска хлеба сделавшихся рабами», — констатировал в середине XIX в. И. Ф. Бларамберг[3].

Привилегированные слои казахского общества по праву собственника основных средств производства присваивали себе большую долю произведенного общественного продукта. В результате этого развитие земледелия у казахов сопровождалось усилением эксплуатации зависимого населения.

В большинстве ландшафтных зон региона земледелие было, как правило, поливным. В северо-восточных районах Казахстана с большими естественными водоемами преобладало менее трудоемкое богарное (неполивное) земледелие. Обработка земли производилась лопатами и кетменями, использовались также своеобразные сохи или рала, в хозяйствах, наиболее близко расположенных к русским земледельческим поселкам, — двухколесные железные плуги или обыкновенный «русский сабан», кроме того, деревянные бороны, волок или просто грабли.

Для севооборота была характерна переложная система земледелия, когда из года в год на одном и том же месте сеяли просо, а после истощения земли поля забрасывали на несколько лет. В конце XVIII в. некоторое распространение в земледелии получило трехполье, с которым казахи познакомились на Ишиме у русских крестьян.

Наиболее распространенной земледельческой культурой в хозяйстве казахов было просо, которое при искусственном орошении и благоприятных погодных условиях можно было сеять два раза в год и дважды собирать урожай; выращивались также просянка и яровая пшеница. Урожайность культур при хорошо отлаженной оросительной сети, несмотря на трудности земледелия в условиях Казахстана, примитивность орудий земледельческого труда и способов обработки почвы, была довольно высокой. Земледелие в некоторых хозяйствах Младшего и Среднего жуза было настолько успешным, что казахский хлеб приобретало даже российское купечество[4].

Однако в целом земледелие не получило широкого рапростране-ния в Казахстане, оно всегда имело вспомогательный, второстепенный характер.

Домашние промыслы и ремесла. Определенное место в хозяйственной жизни казахского населения в XVIII — сер. XIX вв. занимали такие традиционные занятия, как охота, рыболовство, домашние промыслы и ремесла. Значительная часть продуктов охоты шла на внутреннее потребление кочевников: изготовление одежды, продуктов питания. Кроме того, шкурки сурков, корсаков, лисиц и волков в большом количестве постав-

лялись на меновые дворы Оренбургской и Сибирской линий.

Важным источником жизнеобеспечения считались мелкие промыслы: изготовление разнообразных изделий из дерева и металла, домашней утвари. В казахских хозяйствах было немало ремесленников, которые «делают арчаки к седлам, точат деревянную посуду, кузнецы делают ножи, копья..., медники из меди, латуни кованой работой оправляют камни... и прочие мелкие поделки. По сведениям Мусы Чорманова, серебряники-казахи делают головные уборы для невест (саукеле). Они же серебрят разные вещи: джунген (узды), ер (седла) и проч.»[5].

В некоторой степени спрос русского рынка стимулировал изготовление различных войлоков и обработку скотоводческого сырья. Расширилось производство изделий из продуктов скотоводческого хозяйства: выделка бараньих, конских и козьих шкур, изготовление кошм и арканов. Козий пух нашел широкий спрос у оренбургских купцов.

Изменение специфики хозяйственных занятий казахов в немалой степени определялось внутренними социально-экономическими предпосылками. Вследствие процессов концентрации скота у небольшой части индивидов и разорения малоимущих скотоводов, обедневшие общинники были вынуждены искать другие средства пропитания. На реках Ишим, Иртыш, Урал, Или, Сырдарья, Каспийском и Аральском морях постепенно развивалось рыболовство.

Распространенной формой заработка в первой половине XIX в. стал наем в работники к линейным казакам, куда шли бедняки, не имевшие средств прокормить семью. Они же нанимались в ямщики на почтовых станциях. Часто нанимали казахов переселенцы для обработки полей, иногда полностью сдавая их в аренду за часть урожая.

С развитием промышленности на территории Казахстана появилась возможность получить работу на приисках, заводах по переработке сельскохозяйственной продукции, соляных промыслах в Илец-ке, Коряковском форпосте, на озерах Эльтон и Баскунчак.

Торговля. Важную роль в экономическом развитии казахского общества играли традиционные торговые связи кочевников с оседло-земледельческими государствами и народами. Во второй половине XVIII — сер. XIX в. доминирующее положение в них занимал f ошфо» оборот с Россией. Меновая торговля казахов с российским купечеством сосредоточивалась в основном на севере и северо-востоке региона в таких населенных пунктах, как Оренбург, Троицк, Петропавловск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск. Товарооборот был взаимовыгодным, и торговые обороты купечества постепенно возрастали. В 1858 г. весь товарный оборот русско-казахской торговли на Сибирских линиях составил 4,5 млн., а на Оренбургской линии — около 2,5 млн., руб. При этом средняя ежегодная стоимость ввозимых и вывозимых товаров через Семипалатинскую таможню насчитывала в 40—50-х гг. XIX в. от 700 тыс. до 900 тыс. руб., через Петропавловскую —1,8 млн. руб., Омскую — около 100 тыс. руб.[6]

Большим спросом у казахского населения пользовались русские ткани, особенно хлопчатобумажные и шерстяные, металлические изделия (топоры, ножи, кухонная утварь), меха, юфтевые кожи, галантерея. Широкий сбыт находили сукно, сахар, соль. Во второй четверти XIX в. Казах-

стан становится главным потребителем российского хлеба, который вывозится ежегодно в степь по всем пограничным линиям на сумму 400—500 тыс. руб. ассигнациями. Значительно меньшим спросом у казахского населения пользовались металлы, что было обусловлено низким уровнем развития ремесленного производства в регионе и, следовательно, большей потребностью в готовых металлических изделиях.

Главными статьями вывоза из степи были скот и продукция скотоводческих хозяйств. В конце XVIII — нач. XIX вв. на пограничных линиях с Россией в течение одного года закупалось свыше 1,5 млн. крупного рогатого скота и более 100 тыс. лошадей. В середине XIX в. только на Иртышскую линию ежегодно поступало около 150 тыс. лошадей, 3 млн. баранов и 100 тыс. быков и коров на сумму до 8 млн. руб.[7] Из других товаров преобладали сало, шерсть, выделанные кожи, шкуры зверей, изделия из козьего пуха, кошмы, войлоки, отдельные предметы домашнего обихода.

Для казахов, проживавших на востоке и юге региона, большое значение имела торговля с ханствами Средней Азии, Восточным Туркестаном и Китаем. Был развит преимущественно натуральный обмен, в котором баран выступал как эквивалент потребительской стоимости товаров. Торговля между казахами и соседними азиатскими народами производилась на меновых дворах и таможнях пограничных линий, в крупных торгово-экономических центрах Востока, таких, как Ташкент, Бухара, Хива, Коканд, Чугучак, Кульджа. Большое количество товаров обменивалось непосредственно в казахских кочевьях.

Казахи приобретали у среднеазиатских торговцев в большом количестве бумажные ткани, разного рода сосуды из меди и бронзы, фрукты, бухарский сафьян, ковры, оружие (сабли, ружья, ножи, луки), изделия из кожи, Большое место среди импортируемых товаров в Казахстан из Средней Азии занимали хлеб и рис.

Казахстан представлял интерес для среднеазиатских торговцев главным образом как поставщик скота. Многие присырдарьинские казахи пригоняли в Бухару ежегодно от 50 до 100 тыс. баранов, в Ташкент — около 200 тыс. и в Коканд — около 100 тыс. баранов в год[8]. Значительная часть казахского скота из Среднего и Старшего жузов направлялась также на китайские таможни в Кульджу и Чугучак.

Определенная часть скотоводческой продукции казахского населения реализовывалась внутри степи. Это вызвало появление такой социальной прослойки среди местного населения, как перекупщики товаров — альпсатары. Они выполняли роль посредника, связывавшего приезжих торговцев с казахскими скотоводами — потребителями товаров. Особенно активно развернулась торговая деятельность альпсатаров в Букеевском ханстве, где некоторые из перекупщиков становились владельцами солидных оборотных средств. Однако в сер. XIX в. эти явления еще не получили широкого распространения. Существенные изменения в развитии товарно-денежных отношений у казахов вглубь и вширь были характерны только для последней четверти XIX в.

§ 2. Социальная организация

Социальная организация казахов основывалась на многообразии взаимосвязанных форм отношений между людьми: кровнородственных семейных, хозяйственных, генеалогических, потестарно-полити-ческих, военных, культурных, этнических и проч., которые возникали в разных сферах общественной жизни и создавали сложную систему разнообразных социальных организмов и их институтов, обеспечивших функционирование общества как саморегулирующегося целого.

Главным стержнем общественных связей являлось единство интересов и целей, формировавшихся в процессе общественного производства. В условиях аграрного общества оно реализовывалось в виде общины, которая функционировала на основе производственных связей. В источниках отмечается: «У киргизов владение землей общинное, каждый род и отдел имеют свой определенный участок, на этом пространстве каждый из родовичей может иметь свои пашни, летовки и зимовки; но род ревниво следит за тем, чтобы никто из другого отдела не занимал их земель»[9]. Существование общины обусловливалось необходимостью трудовой кооперации скотоводов для осуществления всех звеньев производственного процесса, который предполагал объединение усилий большого числа людей.

Функционирование кочевой общины в значительной мере опосредовалось посезонным ритмом выпаса скота. В зависимости от различий в характере кочевания в разные сезоны года в Казахстане сложилось два типа общины. В зимний, ранневесенний и осенний периоды получает развитие так называемая минимальная община, размеры которой (5—6 хозяйств) обычо соответствовали средней величине зимней отары овец (300—400 голов). Размеры общины в эти времена года определялись количеством скота, способного прокормиться на прилегающих к зимовке пастбищных угодьях и в максимальной степени зависели от продуктивности кормов на этой территории. Пастбищные участки, располагавшиеся в радиусе 2—4 км от зимовки, находились в собственности данной общины, которая являлась не только формой кооперации труда и самих индивидов, но и единицей землевладения и землепользования.

Второй тип общины имел место в теплый период года, когда кочевники объединялись в более крупные хозяйственные группы преимущественно на основе интересов наиболее рационального обеспечения скота водой.

Размеры расширенной общины определялись в этом случае не столько ее зависимостью от емкости пастбищных угодий, сколькоот обеспечения животных водными источниками. Поэтому она обычно представляла собой объединение двух-трех минимальных общин. На основе общей потребности в урегулировании вопросов водопользования возникали отношения собственности на водные источники. В засушливых районах, где основными водоисточниками служили колодцы разной глубины, собственность общины на водные источники реализовывалась в виде права «первого использования», а в ландшафтных зонах с преобладанием источников естественного происхождения — по праву «первозахва-

та». Присваивая тот или иной источник, расширенная община фактически присваивала территорию вокруг данного водоема. Следовательно, она не только регулировала производственные процессы в сфере кочевого скотоводства, но и являлась субъектом землепользования.

В свою очередь, расширенная община входила в более широкую социальную группу, которая регулировала отношения разных общинных групп по поводу землепользования, распределения пастбищных угодий и водных источников, координации маршрутов кочевания. Эта социальная группа известна в исторической литературе под названием «род», «племя», «патронимия», «пастбищно-кочевая община». Она являлась непосредственным собственником всех пастбищных угодий, на которых в летнее время сосредоточивались составляющие ее части. На уровне этой ассоциации общин реализовывались функции внеэкономического регулирования межобщинных отношений по поводу земли и воды, а потому она фактически осуществляла регламентацию всей системы кочевания.

Наряду с данной социальной структурой в казахском обществе существовала разветвленная родоплеменная организация, представлявшая собой форму объединения людей в разные иерархически организованные социальные группы посредством генеалогического

родства.

Казахи подразделялись на Старший (Улы), Средний (Орта) и Младший (Киши) жузы. В Старший жуз входили племена: жалаир, ошакты, канглы, шанышклы, дулат, албан, суан, шапрашты, сарыуй-сын, ергели, ысты. Средний жуз составляли племена: аргын, найман, кыпчак, керей, конрад. Казахи Младшего жуза подразделялись на три крупных объединения: алимулы, байулы и жетыру. По отдельным подсчетам, в XVII – первой пол. XVIII вв. в состав всех трех жузов входило 112 родоплеменных подразделений. Каждое звено данной структуры, например, объединение или племя, дробилось, в свою очередь, на множество более мелких групп (родов и их отделений, поколений, кланов и т. д.), тесно связанных между собой традицией единого генеалогического древа. Все они, как и система в целом, имели сложные генеалогические предания, возводившие свое происхождение к одному реальному либо легендарному предку. Совокупность социальных функций, выполняемых родоплеменной организацией, и строгая экзогамия поседьмое колено, позволяют представить ее как большую патронимию.

Сфера действия системы генеалогического родства распространялась на общественное сознание, семейно-брачные и социально-бытовые отношения, идеологию, структуры власти и политику. Принадлежность к тому или иному подразделению родоплеменной структуры могла влиять на социальное положение и престиж какой-либо группы, рода, индивида в обществе, определять характер отношений с ними других групп и индивидов. Определенное воздействие оказывал принцип генеалогического родства и на разные стороны социально-экономической жизни казахов, например, в таких случаях, как поручительство за провинности родственников, долги и уплату куна, защита сородичей и оказание материальной помощи.

В низших звеньях родоплеменной организации (аул, отделение, род) посредством этого принципа регулировались вопросы наследования имущества и установление опеки над малолетними детьми, праволевирата, материального обеспечения ритуальныхторжеств по случаю рождения, свадьбы, похорон и т. д.

На уровне высших патронимических групп (племен, союзов племен, жузов) генеалогические связи играли большую роль главным образом в сфере власти, идеологии и политики. Это было обусловлено тем, что в условиях государственно-политической децентрализации кочевого общества система генеалогического родства служила основным механизмом регулирования социальных отношений. Структура власти у казахов была представлена в виде генеалогической иерархии племен.

Производственные отношения. Определенная роль в системе общественных отношений у казахов принадлежала отношениям, складывающимся между людьми в процессе производства по поводу средств и продуктов труда. В обычном праве казахов зафиксировано несколько форм собственности на средства производства: 1) отношения собственности на скот и продукты скотоводства в форме индивидуальной частно-семейной собственности; 2) общинная собственность на землю, или точнее, зимние пастбища; 3) собственность расширенной общины на водные источники: 4) внеэкономическая собственность ассоциации общин на территорию, на которой кочевали подведомственные ей группы скотоводов. Характерной особенностью производственных отношений в кочевом обществе казахов XVIII — сер. XIX вв. являлась предельная рассеянность прав собственности среди звеньев социальной организации (семья, община, ассоциация общин). Практически ни одна из ее структур не обладала монополией на землю и воду и могла реализовать свои права на них лишь в момент нахождения кочевников на данной территории.

Вместе с тем следует иметь в виду, что зафиксированные в обычном праве формы отношений собственности в силу своей нормативной природы, как правило, отражают лишь внешнюю сторону явлений и не в состоянии дать полное и объективное представление о сути вещей. В этой ситуации важное значение приобретает рассмотрение производственных отношений в казахском обществе через основную и первичную форму собственности — индивидуальную собственность на скот.

Современными исследованиями выявлена прямая зависимость между общей обеспеченностью хозяйств скотом и видовым составом стада. В стадах богатых скотовладельцев очень высокий удельный вес (по сравнению со среднестатистическим) имели наиболее подвижные виды животных (лошади, верблюды, овцы), тогда, как доля крупного рогатого скота (коров, быков) была минимальной. Напротив, бедные хозяйства располагали весьма значительным количеством крупного рогатого скота, но имели относительно небольшое поголовье лошадей, верблюдов и овец. Поэтому вполне закономерно, что богатые скотовладельцы, имевшие более мобильный состав стада, кочевали намного быстрее своих малоимущих сородичей и первыми потребляли свежую, никем не тронутую растительность. В то же время менее обеспеченные семьи ското-

водов были вынуждены идти следом за ними и потреблять только те корма, которые остались после выпаса хозяйств. В этой связи очевидцы отмечали, что при переходах на летние кочевки «от сего, кто прежде прибудет, тот и занимает лучшие кочевья, другие же, опоздав, не находят уже своих выгод»[10]. Следовательно, земля в процессе кочевания также вовлекалась в отношения фактической собственности посредством присвоения лучших кормовых и водных ресурсов богатыми скотовладельцами, осуществлявшими на практике право владения земельными угодьями в виде «права первозахвата». При этом качественно-видовой состав стада, прямо зависевший от имущественной обеспеченности той или иной семьи, опосредственным путем обусловливал неравенство индивидов в сфере землепользования и водопользования. Численность богатых скотовладельцев в казахском обществе была в целом незначительна, но. доля принадлежавшего им скота была достаточно велика. Исследователь середины XVIII в. И. П. Фальк писал в своих записках, что «у богатых киргизов считают во владении пять и даже десять тысяч голов коней. Такие богачи не могут даже знать с точностью своих стад»». Еще большие цифры о количестве скота у некоторых казахов указывают в своих работах С. Б. Бронев-ский, А. И. Левшин, В. В. Радлов и другие современники. Из приведенных ими сведений видно, что для социально-экономического развития казахского общества в XVIII — сер. XIX вв. были характерны процессы концентрации скота в руках относительно немногочисленной группы индивидов.

Однако большая часть казахов, по признанию очевидцев, состояла из «людей бедных, не имевших достаточного скотоводства для пропитания своего»[12]. Данная социальная группа кочевого населения по своему социально-экономическому положению может быть причислена к категории зависимых производителей. В силу жизненной необходимости малоимущие скотоводы были вынуждены продавать свою рабочую силу, а поэтому вступали в разные экономические отношения с богатыми скотовладельцами.

Основной формой эксплуатации в казахском обществе в рассматриваемый период являлся сам совместный труд имущественно дифференцированных индивидов в рамках общины. Каждое хозяйство, вступавшее в нее, поочередно осуществляло выпас общинного стада, независимо от доли скота, которая находилась в его личной собственности. Разница между равными затратами труда и частным характером присвоения и потребления продуктов этой совместной деятельности «составляла величину прибавочного продукта для одних и норму эксплуатации для других»[13].

Использовалась и такая форма эксплуатации, как саун — институт наделения скотом бедных хозяйств более богатыми хозяйствами. Малоимущие кочевники, бравшие скот на выпас, были обязаны ухаживать за стадом своего «благодетеля», а в случае гибели последнего, возвратить ранее взятое количество скота, вместе с приплодом. Однако саунные отношения не получили в среде казахов широкого распространения ввиду малочисленности богатых хозяйств, способных давать скот на выпас.

Вне пределов кочевой общины широко практиковался наем обед-

невших казахов в работники к богатым скотовладельцам, русским переселенцам и казакам, на сезонные работы на горных приисках, соляных промыслах и промышленных заведениях региона.

Рядовые общинники и богатые скотовладельцы могли существовать и нормально обеспечивать функционирование скотоводческого хозяйства только в процессе активного взаимодействия друг с другом, так как первым альянс с богатыми кочевниками предоставлял необходимый прожиточный минимум для того, чтобы есть, пить и воспроизводить себе подобных, а зажиточные индивиды получали возможность реализовывать свое стремление приумножать и увеличивать принадлежавшие им стада. Таким образом, оба класса казахского общества взаимно дополняли друг друга и выступали составными частями единого социально-экономического комплекса.

§ 3. Социальная стратификация

Процессы общественного разделения труда и социально-экономической дифференциации казахского общества имели своим продолжением оформление социальных институтов и градаций, отражавших сложный спектр различных функций и ролей в структуре общественно полезной деятельности. Социальная стратификация возникла в процессе субъективного осмысления общественного разделения труда и социально-экономической структуры как идеальная модель расстановки разных индивидов, корпораций и слоев в зависимости от сложностей и значения выполняемых ими социальных функций. При этом социально-экономическая структура и социальная стратификация казахов часто не совпадали, а иногда даже приходили в противоречие друг с другом. Социальный статус человека далеко не всегда определялся его экономическим благосостоянием, а последнее, в свою очередь, не всегда зависело от его привилегированного положения.

Характерной особенностью сословного деления казахского общества в период XVIII – сер. XIX вв. являлась дифференциация индивидов на так называемую «белую кость» (ак суйек) и «черную кость» (кара суйек). Первый социальный слой представлял собой закрытую привилегированную корпорацию индивидов, непроницаемую извне в силу ее социальной изолированности и высокой общественной значимости в структуре общественных отношений. К ней относились два аристократических сословия — торе и кожа.

В отличие от ак суйек сословно-корпоративные группы «черной кости» являлись открытыми статусами, достижение которых было доступно любому индивиду в зависимости от его личных качеств и имущественного положения. К ним принадлежали категории биев, тарханов, батыров, старшин (аксакалов). Однако большая часть казахского населения, определяемая как свободные общинники, никак не дифференцировалась по сословным признакам, что отличало ее от господствующего класса казахов.

Привилегированную элиту кочевого общества составляло аристократическое сословие торе (султанов), являвшееся основой «белой кос-

ти». Оно объединяло группу лиц, принадлежавших к старшей ветви Чингизидов — потомков Джучи. Сословие торе играло огромную роль в общественной и политической жизни казахов. Из его среды избиралась верховная власть в лице хана, осуществлявшего основное руководство политической организацией казахского общества. Принадлежность к сословию султанов по праву рождения означала фактическую принадлежность индивида к господствующему классу и предопределяла его преимущественное право осуществлять регламентацию и регулирование общественных отношений. Другую элитарную группу кочевников представляло сословие служителей мусульманского культа — кожа. Кожа, пользовавшиеся наследственными привилегиями, играли важную роль в духовной жизни казахского общества. Политическое влияние кожей в кочевом обществе было незначительным, что во многом объясняется слабым распространением ислама в степи.

Среди привилегированных социальных категорий «черной кости» чрезвычайно важное место занимало у казахов сословие биев, осуществлявших функции судебной власти в кочевых коллективах. Под словом «бий, — указывал Я. П. Гавердовский, — разуметь должно людей красноречивых, богатых и оборотливых»[14]. Привилегированное положение биев в Казахстане определялось прежде всего большой общественной значимостью функции правового регулирования, арбитража и посредничества и выражалось в преимущественных правах в системе имущественных отношений, в частности правом на присвоение прибавочного продукта в форме одной десятой размера

иска (бийлык).

Большой авторитет и политическое влияние в Казахстане в XVIII — сер. XIX в. имела социальная группа батыров—военныхвождей. По определению Е. К. Мейендорфа, батырами казахи называли «людей храбрых, справедливых и предприимчивых, во время войны — это наездники»[15]. Звание «батыра» никогда не было наследственным, его приобретали только личными подвигами. Принадлежность батыров к господствующему классу определялась большой ролью военно-потестарных структур в казахском обществе в рассматриваемый исторический период, а следовательно, и той огромной властью и влиянием, которыми обладали герои — вожди в эпоху военной конфронтации. К середине XIX в. в связи с относительной стабилизацией военно-политической обстановки на границах Казахстана этот институт во многом утратил свое значение и постепенно отошел на

задний план.

Определенное место в социальной стратификации казахского общества принадлежало категории тарханов, лиц, наделенных за разные заслуги верховной властью, привилегиями, например, при уплате налогов и проч. Во время централизации общества, оформления государственных структур, военных столкновений (1-й пол. XVIII в.) тарханы пользовались правом приобретать те или иные престижные должностные места в системе управления кочевыми коллективами. Но в тяготах повседневных будней «тарханские привилегии», как правило, забывались, а роль этой группы сводилась к минимуму.

Наиболее многочисленную прослойку господствующего класса казахов представляли старшины, осуществлявшие социально-регу-

лирующие функции во всех звеньях кочевых общин. «Сии начальники, или князья, — отмечал И. П. Фальк, — самые богатые, весьма уважаемые и суть оракулы аймаков, и поэтому хан влиянием его на оные места; может много действовать через их посредства, несмотря на малую их власть»[16]. Звание старшины, нередко обозначаемого в источниках термином «аксакал», у казахов могли получить лица, обладавшие большим интеллектуальным потенциалом, разносторонними знаниями и богатым опытом пастьбы скота. В условиях кочевого скотоводческого хозяйства эти качества неизбежно становились важнейшим фактором концентрации скота и материальной обеспеченности индивида. Поэтому закономерно, что именно экономически-господствующий класс, присваивая функции социально-экономического, политического и судебного регулирования, активно вторгался в сферы идеологии и духовной культуры. В этой связи султан Т. Сейдалин писал, что «слово «аксакал» имело силу закона для одноаульцев и приказание его исполнялось беспрекословно, иначе каждый из них за ослушание своему аксакалу подвергался гневу его и гонению со стороны своих сородичей»[17]. Старшины-аксакалы образовывали фундамент всей социальной стратификации казахского общества, пополняя из своих рядов другие социальные категории и сословия.

Наряду с разными сословными группами, представлявшими господствующую часть кочевого общества, и свободными общинниками, в Казахстане существовали категории зависимого населения — рабы и тюленгуты.

Тюленгутами называли лиц, находившихся на службе у султанского сословия. Появление этой прослойки было связано с междоусобицами и многолетней борьбой с джунгарами, обусловившими большой спрос верховной власти и ее представителей — султанов — на «служилых» людей.

К категории зависимого населения относились также рабы-кулы, которые набирались из среды пленных россиян, калмыков и иранцев. Однако рабство не получило широкого распространения у казахов и не выходило за рамки патриархального домашнего рабства. Рабы использовались главным образом в личном хозяйстве: по уходу за животными, для обработки посевов, в домашнем обиходе.

В целом социальная стратификация казахского общества свидетельствует о том, что в XVIII — сер. XIX вв. диапазон внеэкономических отношений в нем был весьма незначителен. Специфический характер общественного развития казахов обусловливал неразвитость многих надстроечных категорий, отсутствие глубокой специализации в осуществлении социальных, военно-политических и судебных функций, а в результате этого имел место поверхностный характер процессов формирования социальных институтов и сословий.

Социально-политическая организация. Необходимость координации и регулирования взаимоотношений между разными ассоциациями общин по поводу землепользования, маршрутов кочевания, межобщинных противоречий и отношений с соседними государствами и народами определяла в казахском обществе существование структурной социально-политической организации. Характерной ее особенностью являлось

осуществление различных общественных функций (социальных, судебных, военно-политических и т. д.) одними и теми же социальными институтами, что объясняется в первую очередь неразвитостью элементов надстройки в условиях кочевого общества. При этом каждый тип общественных отношений обладал известной самостоятельностью, в результате чего всяструктура носила дискретный характер.

Основными звеньями социально-политической организации казахского общества являлись два типа структур: социальные организмы, в рамках которых осуществлялось внеэкономическое регулирование и координация общественных отношений, и структуры, выполняющие военно-политические функции.

Функции регулирования системы землепользования, организации выпаса стад, кочевых маршрутов, пастбищных угодий на уровне межобщинных отношений сосредоточивались в ассоциации общин. На практике это выражалось в праве хана, султанов, родоначальников-старейшин регламентировать систему кочевания.

Другой важной функцией ассоциации общин была глубокая регламентация всего спектра внеэкономических отношений, в частности арбитраж и контроль, наказание виновников, разрешение межобщинных противоречий и конфликтов с другими общностями, организация обороны и нападения, в том числе, барымты и т. д.

Наряду с данной структурной общностью, интегрирующей разные типы общин в летний период года и распадающуюся на составляющие ее части в прочие сезоны кочевого цикла, существовала структурная организация, функции которой состояли в регулировании военно-политических отношений в среде кочевников и за ее пределами. Поскольку решение всех возникающих внутри и внешнеполитических проблем могло осуществляться, как политическими, так и военными средствами, то обе функции в период конфронтации концентрировались в одних руках (ханов, султанов или батыров), а в период мирной жизни дифференцировались.

Структура военно-политической организации казахов строилась в форме доминирования наиболее мощных в военном и политическом отношении племен над другими. При этом первые составляли ядро в данной организации. Так, сила и влияние такого крупного государственного деятеля, как Абылай, основывалась на могуществе аргынов — крупнейшего племени в составе Среднего жуза; Каип-хана— на силе кочевников шекты и торткары; Барак-хана — на найманах; Кенесары Касымова — на кыпчаках и т. д. На этой основе строились государственные образования — ханства.

Структуры военно-Политической организации включали обычно в среднем 10 тыс. человек, и только в годы движения Кенесары Касымова их численность составляла около 20—25 тыс. человек.

Исключением явились периоды отражения крупномасштабной агрессии со стороны соседних государств (например, Джунгарии), когда в боевых действиях участвовало большинство взрослого мужского населения.

Наибольшую роль военно-политическая организация играла на периферии кочевого мира, где казахи вынуждены были постоянно регулировать свои отношения с оседло-земледельческими государствами

(Россией, Китаем, Среднеазиатскими ханствами). Не случайно именно на стыке кочевого и оседло-земледельческого миров располагались центры государственно-политических образований казахов, в частности резиденция казахских ханов в г. Туркестан.

Напротив, в кочевых ареалах военно-политическая организация имела свой порог проникновения в глубину общественных отношений, так как процессы централизации власти входили в противоречие с характером труда и образом жизни кочевого населения, предполагавшими необходимость организации производства в небольших по размеру хозяйственных организмах и их рассредоточенность на всей пастбищной территории.

В силу замкнутости и натурально-потребительной направленности системы кочевого скотоводческого хозяйства в сферу действия военно-политической организации вовлекались социальные институты преимущественно на уровне ассоциации общин, а то же время сами общинные структуры и масса рядовых скотоводов оставались вне досягаемости этой организации. Вследствие незначительной укорененности и дифференцированности разных сфер социально'-политического управления, происходило как бы рассеивание власти, что приводило к децентрализации всего казахского общества и непрочности его государственных образований.

Организация ханской власти. Верховная власть в Казахстане сосредоточивалась в руках хана, который избирался только из династической линии чингизидов (торе). Ханская власть считалась наследственной. Законными наследниками хана становились, как правило, его дети, братья и внуки. В основе механизма наследования лежал принцип меритократии, согласно которому ханами избирались лица, обладавшие незаурядным умом и реальным политическим влиянием в обществе. Такое влияние у кочевников имели обычно предводители наиболее крупных и сильных племен или союзов племен: аргыны, шекты, найманы, занимавших почетные места в генеалогической иерархии. Поэтому носителями верховной власти в Казахстане становились главным образом представители торе, стоявшие во главе наиболее могущественных племенных образований. Но в любом случае возведение на ханский престол могло осуществляться только с согласия съезда казахской знати.

Функции политического регулирования на уровне верховной власти в казахском обществе выполняли ближайшие родственники хана. Хан определял их султанами в крупные родоплеменные подразделения, что способствовало преодолению чрезмерного сепаратизма кочевых коллективов и осуществлению координации хозяйственной и общественно-политической жизни кочевников. В этой связи сила и эффективность ханской власти у казахов в значительной мере определялась тем, насколько прочными были вассальные связи между ханом и влиятельными султанами.

При хане действовал периодически создаваемый орган, так называемый ханский совет, не имевший четко регламентированной компетенции в обычном праве казахов. В зависимости от реального соотношения сил между субъектами верховной власти и политическим могуществом кочевой знати значение этого органа в казахском обществе могло меняться.

Ханский совет состоял из султанов, влиятельных биев и батыров всех жузов, которые сообща обсуждали и решали как текущие вопросы экономической и политической жизни казахов, так и могли принимать решения по наиболее важным проблемам внутренней и внешней политики государства.

С середины XVIII в. система ханской власти в Казахстане подверглась сильному воздействию политическихинститутов Российского государства, которые являлись наиболее активными (но не единственными) среди всего комплекса факторов, влиявшихнадестаби-лизацию потестарно-политической организации казахского социума. В поисках социальной опоры в кочевом обществе российская административно-политическая система абсорбировала отдельные звенья социально-политической структуры казахов, законодательно наделяла их властью, усиливаемой военно-политическими силами для исполнения новых функций применительно к целям и задачам Российской империи в казахстанском регионе. В результате этого традиционные политические институты кочевого общества, т. е. султаны, ханская власть, постепенно утрачивали самостоятельную интегративную роль на уровне вертикальных социальных связей, обеспечивающих динамическое равновесие хозяйственного и общественного развития общества, и тем самым теряли свое место в структуре данного социума.

В 20—40-х гг. XIX в. органы Западно-Сибирской и Оренбургской администрации произвели территориально-административное разделение подведомственных им территорий, населенных казахами, и организовали в них средние и низовые звенья управления, получив-шие своеобразные формы.

Созданные русской властью новые юридические институты султанов правителей, волостных управителей, аульных старшин уже не поддавались естественным саморегулирующим механизмам казахского общества, но в то же время во многом еще не поддавались контролирующим и регулирующим функциям российских законов. Это порождало кризисные явления в социальном организме кочевого общества и вызывало вслед за этим естественное чувство ущемленное™ со стороны разных социальных слоев.

В то же время осуществление административной реформы в казахских землях позволило царским чиновникам более активно и целенаправленно воздействовать на политические изменения внутри кочевого социума и тем самым положило начало процессу постепённой политико-экономической абсорбции социальных институтов казахского общества Российским государством.

1. *Х-занов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975 г. С. 6.
2. *Масанов Н. Э.* Специфика общественного развития кочевников-казахов в дореволюционный период: Историко-экономические аспекты номадизма: Автореф дис. ... докт. ист. наук. (Далее - АДД). М., 1991. С. 17.
3. *Бларамберг И. Ф.* Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды // Военно-статистическое обозрение Российской империи. Спб., 1852. Т: 13. 4.3. С.10.
4. *Гавердовский Я. П.* Обозрение киргиз-кайсацкой степи // Рукописный отдел Санк-петербургского отделения Института истории России. Коллекция 1 15, № 495.
5. *Андреев И. Г.* Описание Средней орды киргиз-кайсаков // Новые ежемесячные сочинения. Спб. 1795—1796. Ч. CX - CXVIII С. 54 - 55; *Чорманов М.* Заметка о киргизах Павлодарского уезда // Записки ЗСОРГО. 1906. Кн. 32. С. 16.

6. *Старков В.* Краткое обозрение Киргизской степи в географическом, историческом и 200 статистическом отношениях // Тобольские губернские ведомости. 1860. №31. С. 248—249; ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2543. Л.41.
7. *Калмагоров Г. В.* О промышленности и торговле в киргизских степях Сибирского ведомства // Вестник РГО. 1855. Кн. 1. С.26.
8. *Гейне А. К.* Собр. литературных трудов. Спб., 1898. Т. 2. С. 515.
9. Живописный альбом народов России. Спб. 1880. С. 330.
10. Казахско-русские отношения в XVIII – XIX вв. Алма-Ата. 1964. С. 145.
11. Прошлое Казахстана в источниках и материалах /Под ред. С. Д. Асфендиарова и П. А. Куйте. Алма-Ата, 1935. С. 152.
12. *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 3. Спб., 1832. С. 199.
13. *Масанов Н. Э.* Специфика общественного развития кочевников-казахов. С. 37.
14. *Гавердовский Я. И.* Обозрение киргиз-кайсацкой степи. Л. 73.
15. Мейендорф *Е. К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С. 41.
16. Санкт-петербурское отделение Архива Академии наук России. Ф. 3. Оп. 35. Д.47 Л. 191 об. - 192.
17. Сейдалин Т. Описание киргиз-кайсацкого быта (Рукопись 1889г.) //Личный архив Э. А. Масанова. Л. 10.

Глава 3. НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА В ПЕРИОД ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАЗАХСТАНА К РОССИИ

§ 1. Основные этапы, итоги и проблемы освободительных движений периода присоединения Казахстана к России

Крестьянское движение в Казахстане периода присоединения Казахстана к России рассматриваются исследователями как одно из звеньев в истории национально-освободительной борьбы народов Российской империи. Однако о характере, особенностях борьбы казахского народа против колониальной политики России до сих пор среди ученых нет единого мнения.

Расхождения во взглядах по важнейшим вопросам народно- освободительного движения в изучаемый период объясняется прежде всего недостаточной изученностью социально-экономических отношений накануне, в период и после подавления восстаний. Сохранение в современной Казахстанике порою диаметрально противоположных суждений, в некоторой степени следует интерпретировать отсутствием серьезных документальных сборников и материалов. По инициативе Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова были проведены конференции, посвященные 280-летию Абылай-хана, 190-летиюсодня рождения хана Кенесары Касымова и 155-летию восстания под его руководством. Региональная конференция «Национальные движения в условиях колониализма (Казахстан, Средняя Азия и Северный Кавказ)», объединившая усилия ученых по изучению данной проблемы, во многом способствовала расширению творческих контактов, взаимному обмену взглядов, выработке новых концептуальных позиций, выявлению специфики освободительных движений в различных регионах и обобщению устоявшихся положений в этом аспекте.

Первым и одним из самых значительных выступлений народных масс явилось движение под предводительством Срыма Датова. Основными причинами выступления казахов в Младшем жузе стали запрещение царизмом перехода казахов «на внутреннюю сторону», за Урал, ущемление прав части казахской знати, неограниченная власть хана и злоупотребления его ближайшего окружения. Батыру Срыму были присущи наивно-монархические иллюзии, характерные для многих предводителей крестьянских восстаний в России. Веры в «хорошего хана» не избежал и

Срым Датов. По отношению к биям он придерживался в основном иной политики — старался привлечь их на свою сторону, шел на уступки, соглашаясь на восстановление ханской власти. Такая тактика руководителя восстания существенно тормозила его развитие, хотя антиколониальный и антиханский характер сохранялся до последнего этапа движения.

В изучении восстания остается ряд дискуссионных проблем, нерешенных, противоречивых моментов. Спорным остается вопрос о роли родовых старшин в восстании, не конкретизированы характер отношений Срыма Датова с влиятельными биями Младшего жуза, причины прекращения движения и ухода батыра со своими сторонниками в пределы Хивинского ханства в 1802 г.; до сих пор не выяснены обстоятельства его гибели.

Более четко была выражена антиколониальная и антифеодальная направленность массовых выступлений в крестьянском восстании 1836—1838 гг. под руководством батыра Исатая Тайманова, вспыхнувшем уже в завершающий период присоединения обширного края к России.

Восстание 1836/38 гг. проходило в несколько иной ситуации, чем предыдущее движение: присоединение основной части территории Казахстана было завершено, колонизаторская политика царизма приобретала все более открытый характер. Уставы «О сибирских киргизах» 1822 г. и «Об оренбурских киргизах» 1824 г., введение в Младшем жузе дистаночной системы управления были призваны облегчить захват казахских земель царской администрацией. Оттеснение казахских родов на малоплодородные земли, фискальная политика царизма — все это придало восстанию прежде всего антиколониальный характер.

Основную движущую силу восстания составляли рядовые кочевники до последнего момента, невзирая на превосходство в силе объединенных отрядов карателей и окружения хана Жангира, проявившие верность Исатаю, в то время как бии и старшины, примкнувшие к отряду Исатая Тайманова на первоначальном этапе, пошли на предательство, стремясь выторговать у хана уступки, ведя с ним переговоры в обход предводителя движения. Соглашательская позиция бийско-старшинской группы в значительной степени ускорила поражение восстания.

В истории движения 1836/38 гг. немало спорных моментов, нуждающихся в углубленной разработке. Не изучены взгляды, личность Исатая, его сподвижников, имеются разночтения в определении численности восставших. По существу, объектом изучения становятся лишь деятельность Исатая и Махамбета Утемисова. Известные батыры, оказавшие поддержку Исатаю, стойко боровшиеся под его знаменем до Акбулакского сражения (12.VII. 1838 гг.), их взаимоотношения с ханом Джангиром, его окружением — еще ждут своих исследователей.

Ряд вопросов восстания, могущих раскрыть особенности на последнем его этапе может быть исследован во взаимной связи с восстанием хана Кенесары Касымова, отдельные отряды которого действовали в июле-августе 1838 гг. в западных районах Младшего жуза; детализацию программы этого стихийного выступления следовало бы осветить на стыке двух родственных наук — истории и литературы на основе тщательного изучения поэтического наследия Махамбета Утемисова.

В истории национально-освободительного движения особое место занимает самое крупное в XIX в. — восстание 1837—1847 гг. По размаху, воздействию на политику России, охвату, длительности и упорству оно значительно отличается от предыдущих и последующих выступлений казахского народа. Начавшееся как протест против колониальных захватов, строительства в Среднем жузе военных линий и организации округов восстание под руководством хана Кенесары Касымова в течение 10 лет наряду с движением горцев Кавказа отвлекало силы, средства могущественной империи, отодвинуло сроки военного покорения части Среднего и Старшего жузов, закончившись поражением на земле кыргызов.

Оно было самым мощным движением казахского народа против колониальной политики царизма. Восстание произошло в тот момент, когда царская Россия, расширяя свои колониальные владения, решила покончить с независимостью районов, которые несмотря на административные и военные меры давления, сохраняли обособленность.

Восстание 1837—1847 гг. по характеру, движущим силам, основным целям было массовым, антиколониальным, направленным не против русского народа, а против утверждения колониальных поряд—ков и вытеснения коренных обитателей степи с веками насиженных мест. В нем немало противоречий, не выясненных обстоятельств, требующих научно-критического осмысления.

В национально-освободительной борьбе казахского народа периода присоединения края к России можно выделить общие закономерности и ряд малоизученных аспектов.

В существенных поправках, уточнениях нуждается вопрос о роли и месте феодальных групп в национально-освободительном движении в крае. В русских крестьянских войнах известны факты участия бояр, дворян, преследовавших при этом свои корыстные интересы. Такое явление наблюдалось и на всех этапах национально-освободительного движения казахов, в большей степени — в восстании Срыма Датова.

К числу недостаточно изученных проблем относится тактика и военная организация борьбы казахских шаруа. Численный перевес, храбрость повстанцев порой оказывались недостаточными для успешной борьбы с карательными отрядами; стихийность, локальность этих выступлений (за исключением восстания 1837—1847 гг.), отсутствие четкой политической программы вызывали множество сложных явлений, обусловив их поражение. Они как носители идей ислама, участвовали во всех этапах освободительной борьбы в крае, однако, религиозные мотивы не имели большого влияния на повстанцев. В этом кроется одна из отличительных черт восстаний в Казахстане.

§ 2. Восстание казахов Младшего жуза под предводительством Срыма Датова (1783—1797 гг.).

Через семь лет после подавления Крестьянской войны 1773—1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева, в которой казахи приняли активное участие, в Младшем жузе в 1783 г. снова вспыхнуло восстание шаруа. Во главе восставших встал старшина рода Срым Датов.

Это движение имело антифеодальный и антиколониальный характер, было продолжением крестьянской войны 1773—1775гг., после которой казахам удалось решить, хотя и частично, земельную и водную проблему. Указом 7 ноября 1775 г. Коллегия иностранныхдёл разрешила казахам использовать в зимнее время пастбища в междуречье Урала и Волги, на берегу Каспийского моря, на правом берегу рек Иртыш, Урал, в районе рек Эмба, Сагыз. Но уступки царского правительства были вынужденными и по мере укрепления позиций в регионе оно стремилось ликвидировать их или ограничить. Активно против расширения земельных и водных прав казахов выступило Уральское казачье войско. 27 декабря 1782 г. последовал указ правительства о разрешении зимнего перегона скота в вышеуказанные районы только при условии найма казахами земли'. Уральское казачество использовало этот указ в свою пользу, запретив в сдачу казачьих земель в наем казахам. Была усилена кордонная стража на Уральской линии укреплений, к тому же кроме платы казахи должны были оставлять аманатов — заложников.

Важным последствием участия казахов в крестьянской войне Пугачева был дальнейший распад вассальных отношений в Младшем и Среднем жузах. Так, в Младшем жузе хан Нуралы и султаны постепенно отошли от восставших и заняли позицию поддержки царского правительства. Росли недоверие и враждебность к восстанию среди казахской аристократии, что усилило феодальную раздробленность. Разное отношение казахской аристократии и родовой знати к восстанию Пугачева привело к разрыву союза аристократии и родовых старшин в 80-х г. XVIII в. и кризису ханской власти в конце 70—90-х г. XVIII в. Постепенно падало влияние Нуралы-хана в Младшем жузе, что привело его к политической изоляции, новому выступлению народных масс и первой попытке ликвидации ханской власти в Младшем жузе.

Весной 1783 г. начались набеги казахов на Уральскую линию укреплений. Казахский отряд во главе со старшинами Ташбулатом и Ербулатом напали на Гирьяльский редут, взяли в плен солдат и угнали скот. К северо-востоку от Оренбурга действовали отряды под предводительством Кадыра и Садыра — старшин из рода тама. Они готовились к нападению на Красногорскую крепость и Татарскую слободу.

Оренбургский комендант Ладыменский направил в степь карательные отряды из оренбургских казаков и отряд из 1500 башкир под командой сотника С. Харитонова. Казахские отряды оказали отряду Харитонова упорное сопротивление, но сооруженное казахами каменное укрепление было взято приступом. Захваченные в плен 56 человек были отправлены на казенные работы.

Летом участилось нападение казахов на укрепления и торговые караваны, что привело в упадок торговлю со среднеазиатскими ханствами. Было совершено нападение на Каргайскую крепость, контролировалось движение на тракте между Оренбургом и Илецкой Защитой. Особенно активными были действия в районе Орской крепости и на Нижнеуральской дистанции[2]. Во главе казахов из рода серкеш стоял старшина Дулат. Но пока это были отдельные выступления, не имевшие объединяющего центра. В это время во главе народного движения становится Срым Да-

тов — старшина рода Байбакты. Первые сведения о Срыме Датове приводятся в русских источниках в период движения Е. И. Пугачева. Имеется сообщение Уральского казака Ф. Курицына о том, что С. Датов в 1774 г. возглавлял казахский отряд в войске Е. И. Пугачева. Сохранилось донесение А. С. Суворова графу П. И. Панину от 22 июня 1775 г., в котором он сообщает о С. Датове как одном из активных участников восстания Е. И. Пугачева'. Но с осени 1776 г. С Датов отошел от движения и перешел на сторону царской администрации. Лишь с 1783 г. он вновь примыкает к повстанцам, ведет борьбу с Уральским казачьим войском. В декабре 1782 г. С. Датов был захвачен в плен близ Тополихинского форпоста уральскими казаками, весной 1784 г. — выкуплен из плена ханом Нуралы, женатым на его сестре. Сумма выкупа включала 70 лошадей и 350 руб. деньгами. С мая 1784 г. С. Датов вел ожесточенную борьбу с уральскими казаками. Казахские отряды действовали в районе Нижнеуральской линии, у Орской крепости. В ноябре в отряде С. Датова насчитывалось 1000 казахов. В этот период С.Датов отошел от хана Нуралы.

В то же время усилились действия карательных экспедиций в степи. В верховья р. Илек во главе отряда из 237 оренбургских казаков и 2432 башкир был направлен генерал-майор Смирнов.

Весной 1785 г. ожесточенные сражения казахов с царскими отрядами продолжались в районе Нижнеуральской линии. С. Датов возглавлял отряд из 2700, старшина Барак — 2000 и Тленче — 1500 казахов. Против них было сформировано три отряда казаков под командованием старшин Уральского войска Каспакова и Понамаре-ва и премьер-майора Назарова. Последний вступил в сражение с отрядом С. Датова, напавшим на крепость Сахарную и Антоновский форпост.

С1785 г. усилилась борьба родовых старшин с ханом Нуралы и его окружением. Старшины требовали от царского правительства отстранить хана Нуралы от власти и построить управление Младшим жузом по новой основе. Предлагалось разделить жуз на три части, или орды, — Байулинскую, Семиродскую и Каракесецкую. В каждой из них собрание старшин и народа провело выборы: в части Каракесек старшиной был избран Сегизбай-бий, в Байулы — Тормамбет-бий, в Жетиру — батыр Тленши. Срым Датов был избран советником всех трех орд, в помощь ему были даны старшина Коккоз-бий и Каратау-бий. Старшины в торжественной обстановке приняли присягу на верность царскому правительству. На этом закончился первый этап антиколониального и антифеодального движения в Казахстане[4].

Царское правительство предложило собранию старшин согласиться на организацию Пограничного суда, что било шагом (На пути к ликвидации традиционной казахской государстйенности/Старши-ны к вопросу о Пограничном суде отнеслись осторожно, отложив его решение на будущее. Часть старшин была за сохранение ханской власти, избрание нового хана. Перед царским правительством старшины ставили вопрос о расширениии зимних пастбищ.

Весной 1786 г. хан Нуралы был изгнан из Младшего жуза и взят под покровительство царскими властями, укрывшими его в Калмыков-ской крепости.

Перед царским правительством встал вопрос о новых формах организации государственной власти в Младшем жузе. Екатерина II одобрила реформу, разработанную оренбургским губернатором Игель-стромом. Нуралы-хан был отправлен в Уфу. О. А. Игельстром предлагал в поколениях ашмулы, байкулы, жетыру создать суды (расправы), подчинявшиеся пограничному суду в Оренбурге. Расправы должны были возглавлять председатель и два заседателя из родовых старшин, получавших жалованье. Предлагалось построить в жузе два или три города, мечети и школы для детей знати. Эти мероприятия должны были уничтожить политическую обособленность Казахстана от России. Проект Игельстрома предусматривал удаление хана из жуза, но императрица решительно отклонила предложение о выборах нового хана при условии учреждения при нем совета.

Нарастал конфликт хана и султанов, не желавших мириться с потерей влияния в степи, с родовым старшиной. В начале августа они захватили в плен Срыма Датова[5], заключили в оковы и решили держать до тех пор, пока в жуз не будет возвращен из Уфы хан Нуралы. Известие о пленении батыра Срыма, пользовавшего большим влиянием в казахских общинах, вызвало беспокойство у Оренбургской администрации. Игельстром надеялся в проведении реформы на С. Датова, поэтому предпринял энергичные усилия для его освобождения. Осенью 1786 г. С. Датов был освобожден. Но в этот период усилилась та часть родовых старшин, которая выступила за сохранение ханской власти в Младшем жузе. Они провозгласили ханом Каипа. В сентябре 1786 г. состоялся съезд старшин. Было дано согласие на создание только пограничного суда, в состав которого были избраны шесть родовых казахских старшин, которые не являлись представителями влиятельных родов.

Решающей силой стали представители царской власти. Председателем пограничного суда был премьер-майор С. Петрашевич, членами секунд-майор И. Капустин, купцы Сеитова Посада С. Салеев и М. Мирдабаев, башкирский походный старшина А. Ак-Кулянов и мишарский походный старшина Х. Абдусалямов.

Среди избранных в расправы были влиятельные казахские старшины Тленчи, Жаныбек, Тлеп.Таким образом, на административных должностях султаны были замещены родовыми старшинами. Но выборы проводили только в трех родах Младшего жуза. Пограничный суд не был связан через расправы со всеми родами Младшего жуза, и это мешало ему влиять на политическую обстановку в жузе, ограничить влияние султанов. Султаны выразили резкий протест против организации расправ в степи[6].

Открытием пограничного суда старшины воспользовались, поставив вопрос о земле, расширении зимних пастбищ за счет междуречья Урала и Волги и частновладельческой земли на побережье Каспийского моря. Генерал-губернатор отменил плату за пользование только пустопорожними землями, за пользование частновладельческими землями плата не отменялась. Кроме того, для перехода необходимо было получать «открытые листы» и оставлять аманатов.

Зимой 1786—1787 гг. начался массовый переход казахов в междуречье Урала и Волги.

Осенью 1786 г. старшины поставили также вопрос о возвращении в жуз бежавших рабов. Это требование родовых старшин свидетельствовало о сужении подлинно общенародных целей -укрепления казахской государственности и решения земельного вопроса. О. А. Игельстром частично выполнил требования старшин, но поставил условие прекратить пограничные набеги. В этом случае казахские старшины требовали прекращения насилия над казахами со стороны прилинейной администрации и Уральского казачества.

Генерал-губернатор Игельстром сознавал, что новую систему управления не удается распространить на весь жуз. В части родов и после создания расправ сохранялась ханская власть в лице не признанного царским правительством хана Каипа[7]. Создание расправ сыграло свою роль в отстранении султанов от управления жузом. Но реальная власть перешла не к расправам, а к главным старшинам, поэтому О. А. Игельстром сделал существенное добавление к своей реформе, определив полномочия главных старшин. Это снимало аналогии в управлении Младшим жузом по Уложению 1775 г.

Главные старшины должны были исполнять все предписания генерал-губернатора, пограничной экспедиции и расправ. Одновременно контролируя работу расправ и родовых старшин, генерал-губернатор рассчитывал использовать главных старшин для полного отказа их от восстановления в жузе ханской власти. Это вызвало протест султанов против царского правительства, ограничивавшего их привилегии.

В Младшем жузе продолжалась внутренняя борьба султанов и старшин по вопросу об организации государственной власти в жузе. Оставался невыясненным вопрос о замене исторически сложившейся ханской власти, которая обеспечивала относительное политическое единство жуза и сложившуюся вассальную систему: хан, султан, родовая знать.

Став главным старшиной в Младшем жузе С. Датов фактически сохранил традиционную систему вассального подчинения, ее формы и методы. Особое значение он придавал съездам старшин, созванных им в 1785—1786, 1787 гг. С. Датов хорошо сознавал, что устойчивость и независимость государственной власти в жузах зависит не только от внутренней организации, но и от внешнеполитического окружения . Он был за укрепление политических и экономических связей с Россией, но одновременно не доверял царскому правительству. Так, возглавив движение народных масс, он отказывался от встреч с генерал-губернатором. Вступив в переписку и переговоры с царской администрацией, пытался нейтрализовать ее, облегчить тем самым борьбу родовых старшин с султаном и ханом. Сорвав реформы Игельстрома, Датов понимал, что это означает разрыв с царскими властями и продолжение восстания. Понимал он и то, что успех восстания возможен лишь при объединении сил народов Казахстана и Средней Азии, а также родовых старшин. С. Датов вел переговоры с Хивой об оказании помощи казахам оружием, конницей, продовольствием, а в случае поражения — предоставить кочевья в пределах Хивинского ханства, при этом он ссылался на исторические права казахов на эти земли, требовал, чтобы каракалпаки вернули казахам захваченные ранее скот и имущество.

В октябре 1789 г. Игельстро.м представил новый проект управления жузом, в котором учел пожелания правительства: восстановление ханской власти и раздробление Младшего жуза на шесть частей — расправ. Создавалось главное правление во главе с ханом. С. Датову была предложена должность прокурора. По новому проекту правительство отказывалось от ущемления прав хана и султана в Младшем жузе[4]. Но и этот проект не был претворен в жизнь. Правительство настаивало, чтобы генерал-губернатор Игель-стром начал переговоры с султаном Эралы, т. е, возобновилась политика, опиравшаяся на хана и султанов. Теперь правительство пыталось ограничить права казахов в использовании пастбища в междуречье Урала и Волги, что привело к усилению противостояния в этом районе. Набеги казахов на укрепление Уральской линии участились после назначения генерал-губернатором А. А. Пеутлинга, выступавшего против новой политики в регионе. В 1790 г. 2000 сподвижников С. Датова сосредоточились на реке Уиле, готовясь напасть на Илецкую Защиту. Особенно активные действия казахских отрядов были в 1796 г. после тяжелого зимнего джута, который привел к массовой гибели скота.

Весной 1797 г. царское правительство направило против повстанцев карательные отряды. В марте был убит хан Есим. В Младшем жузе обострилась борьба за избрание нового хана. Генерал-губернатор Игельстром предложил экспедиции пограничных дел поручить управление жузом Ханскому совету, местопребыванием которого была определена долина р. Малая Хобда[10]. Ханский совет начал действовать в августе 1797 г. Его председателем стал султан Айчувак, членами Сары Шоннай-бий, Султанбек-бий, Шакшай-бий и Кошукбай-бий, Битик-мурза. Представителей из семьи покойного хана Нуралы в ханском совете не было. Включением в совет муфтия М. Хусаинова предполагали укрепить к совету благожелательное отношение старшин.

Но генерал-губернатор Игельстром ошибся. Султаны избрали ханом султана Каратая, не созывая народного съезда. Это означало выступление султанов против ханского совета, в котором влияние оставалось на стороне родовых старшин. С. Датов не был избран в ханский совет и откочевал на р. Сырдарью. Здесь он нашел поддержку у старшин поколения алимулы и выдвинул перед ханским советом требования по умиротворению обстановки в Младшем жузе, прекращению межродовой барымты, столкновений с уральскими казаками, об обмене пленными. Решено было восстановить в Младшем жузе старшинное управление, но в октябре 1797 г. генерал-губернатор добился избрания ханом Айчувака. Эта кандидатура удовлетворяла и султанов, и родовых старшин. Хан был глубоким стариком, и не мог играть решающую роль в жизни жуза». Примирение султанов и родовых старшин в Младшем жузе ликвидировало почву, на которой С. Датову удавалось сплачивать вокруг себя родовых старшин и вести борьбу как с султанской группировкой, так и с царской администрацией.

Понимая это, он откочевывал в пределы Хивинского ханства. По народным преданиям, С. Датов был отравлен в 1802 г. ставленниками казахских султанов[12].

Главной движущей силой восстания были шаруа, стремившиеся избавиться от феодального и колониального гнета, произвола ханов, султанов и царской администрации. Они стремились вернуть себе отнятые у них в междуречье Урала и Волги земли. К восстанию примкнули бии и старшины, преследуя свои классовые интересы — укрепить положение в жузе, заставить хана и султанов поделить с ними власть. С. Датов, поддерживал борьбу народных масс за земли, стремился создать новые формы казахской государственности, ликвидировав ханскую власть и заменив ее народными съездами, а в промежутках передать власть в руки главных старшин.

Причин поражения восстания было много. Общинная родовая собственность на землю мешала родовой знати распоряжаться кочевьями, ее тесные связи с царской администрацией. Отсюда различное отношение народных масс и родовых старшин к вооруженным формам борьбы. Восстание в условиях патриархально-родового быта только частично приобрело законченные классовые формы. Во главе восстания оставались на всем его продолжении родовые старшины. С. Датов не был до конца последовательным, предавая и крестьян, и родовых старшин. Постепенно на сторону царской администрации перешли и другие бии и старшины, участвовавшие в восстании.

Восстание 1783—1797 гг. было крупным выступлением казахстанских шаруа, направленным против феодальной и колониальной эксплуатации, подорвавшим основы ханской власти в Младшем жузе, что приблизило ее окончательную ликвидацию.

§ 3. Восстание под предводительством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова

В национально-освободительной борьбе казахского народа важное место занимает восстание под предводительством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова. В 1801 г. в междуречье Волги и Урала переселилось 5 тыс. казахских хозяйств во главе с ханом Букеем, что положило начало образованию Внутренней (Букеевской) орды. К концу 30-х гг. в ней насчитывалось уже около 20 тыс. хозяйств и 80 тыс. человек. Земля и пастбища распределялись неравномерно. За короткое время 2/3 земли перешли в частное владение к казахским феодалам и русским помещикам Юсуповым и Безбородко. Хан Джангир закрепил за собой 400 тыс. десятин земли. Особенно преуспел в этом не имевший султанского титула родственник хана Караул-ходжа Бабажанов. За арендованную у помещиков землю он рассчитывался, а затем по своему усмотрению собирал арендную плату с тех казахских аулов, которым разрешал пасти скот на арендованной земле, собирал штрафы, поборы, различные налоги, прикрываясь близостью к хану.

Уральская войсковая канцелярия изъяла в пользу казачества земли, расположенные по Большому и Малому Узеню и вокруг Камыш-Самарских озер. К острому земельному кризису прибавилось и другое немаловажное обстоятельство: управление Внутренней Орды и Младшего жуза царское правительство приспосабливало к собственным интере-

сам. Были созданы дистанции, введены должности дистаночных начальников.

Землями по р. Урал владело Уральское казачье войско. Переходить через реку и прикочевывать к прибрежной полосе казахам было строго запрещено.

Первая волна выступлений во Внутренней Орде прошла в 1827—1829 гг. Казахские аулы возвращались за Урал. Старшина Серкеш Жаксыбаев объяснял атаману Уральского войска Бородину, «что причиною перехода за Урал служат несносные потери и притеснения со стороны хана; подать с народа собирается по нескольку раз в год в несоизмеримом со справедливостью и положением платящих размере»[15]. Острый земельный кризис, налоговый гнет, различные урезки земли, феодальные распри привели в 1836 г. к восстанию. Возглавили его батыры Исатай Тайманов и Махамбет Утемисов.

Исатай Тайманов и Махамбет Утемисов оба были из рода берш отделения джаик. Е. П. Ковалевский писал об Исатае: что его «имя гремело везде», среди казахов и русских, от Волги до Урала.

Родился Исатай в 1791 г. Большое влияние на его формирование оказал дядя Жабай Бегалин. В 1808 г. род Исатая откочевал во Внутреннюю Орду. В 21 год он был назначен старшиной джаикова -отделения, приобрел навыки степной жизни, родовых взаимоотношений и административной службы.

Ближайшим сподвижником Исатая Тайманова был поэт Махамбет Утемисов. Воспитала его мать Косуан. Он владел татарским и русским языками. Бывал в Хиве, жил в Оренбурге. М. Утемисов был знаком с русским писателем и этнографом В. И. Далем, который служил в эти годы чиновником по особым поручениям при Оренбургском генерал-губернаторе. Тесные отношения поддерживал М. Утемисов с ученым-путешественником Г. С. Карелиным, служившим во Внутренней Орде и Оренбурге.

В феврале 1836 года началась открытая борьба казахского народа против хана Джангира. Поводом послужил вызов Исатая Тайманова в Ставку. Он отказался явиться, снял свои аулы с зимовок и собрал большой лагерь повстанцев. 4 апреля 1836 г. к зимовке Манаш подошел ханский отряд во главе с Караул-ходжой Бабажановым. Из лагеря восставших прибыло около 200 вооруженных джигитов во главе с И. Тайманов ым. В руках у него было знамя. Рядом были сподвижники М. Утемисов, У. Тюлегенов, Т. Усин, У. Усынов и др. Чтобы избежать кровопролития, И. Тайманов предложил решить исход дела единоборством. Но ни Караул-ходжа Бабажанов, ни другие из его окружения не приняли вызов. После недельного противостояния Исатай Тайманов отказался ждать ответа. Отряд повстанцев вернулся к себе в лагерь. Имя Исатая Тайманова как руководителя восстания укрепилось в аулах разных родов.

Тогда хан и его окружение пошли на клевету. Во время барымты кем-то был убит старик-пастух. Организованное ханом следствие пыталось доказать причастность Исатая и его сподвижников к этому убийству.

Исатай Тайманов хорошо понимал, что Караул-ходжа действовал с согласия хана Джангира, но соблюдал все правила восточного этикета.

На Караул-ходжу решено было подать жалобу хану.

Подачу жалоб и петиций в 1836 и 1837 гг. Исатай Тайманов использовал для разоблачения политики Джангира и его окружения перед крестьянами-шаруа. Подача жалобы-петиции сопровождалась шествием. Первое такое шествие в 1836 г. собрало большое количество людей. Хан Джангир был встревожен: выслал навстречу депутацию. Исатай при большом скоплении людей в урочище Талубай под расписку подал прошение. От имени хана было обещано все вопросы рассмотреть в течение 12 дней, однако ничего не было сделано. Тактика поведения Исатая Тайманова себя оправдала: в глазах крестьян хан был посрамлен. Пограничная комиссия доносила об этом: «Когда это сборище было в пути и как об этом узнал он, хан, то немедленно сделал распоряжение и уничтожил оное посредственными своими способами, не беспокоя начальство. И хотя (хан) полагает, что теперь предприятия Тайманова на этот раз прекратились, но он с сообщником своим Махамбетом Утемисовым, показав единожды столь неблагопристойный пример вооруженного собрания, не перестанут рассеивать в народе замыслы, может быть, более беспокойные и неблагонамеренные на будущее время»[14].

Осенью Исатай Тайманов объезжал аулы различных родов и призывал занимать под кочевки земли Уральского казачьего войска, переходить к Уралу, т. е. к перераспределению казачьих и байских земель. Из ближних и дальних мест jс Исатаю Тайманову обращались по самым различным вопросам. Реальная власть его росла: он распоряжался в Прикаспийской части, решал различные административные вопросы. Повстанцы успешно отбивали барым-ту ханских посланников. Когда один из представителей ханского окружения бий Б. Худайбергенов организовал нападение на казахов серкеш отделения, которые поддерживали повстанцев, сразу был послан отряд в 270 человек, который разорил дом и аулы бия. Именно в этот период султан Чукин назвал район повстанцев республикой[15].

В начале 1837 г. к повстанцам присоединились влиятельный старшина байбахтинского рода Жунус Жантелин. Расширялись границы действия повстанцев. Аулы рода теляул тоже перешли на сторону повстанцев.

В этих условиях Пограничная комиссия предписала задержать Исатая Тайманова и предать суду. Тогда Исатай Тайманов обратился к генерал-губернатору В. А. Перовскому. В своем обращении он писал: «Просьбы и жалобы наши никем не принимаются, имущество у нас отнимают и мы, точно иностранцы, страшимся всего, несмотря на то, что принимали присягу на верноподданство государю императору. Но так как Ваше Превосходительство представляет здесь лицо главного начальника, то я почел довести до Вашего сведения и просить об откомандировании к нам правдивых чиновников, которые вникли бы в наше бедственное положение и произвели по жалобам нашим всенародное исследование. Особенно мы желаем, чтобы жалобы наши были исследованы господином подполковником Далем»[16].

Летом и осенью 1837 г. началось активное наступление повстанцев на аулы крупных баев. 16 сентября отряды повстанцев около 200 чело-

век разгромили аулы Караул-ходжи Бабажанова. Как сообщает Бабажанов «порознь всюду стреляли из ружей, кололи копьями и рубили саблями»[17]. Было взято в плен 50 человек, в том числе султаны К. Арысланов и С. Акмурзин.

Крупные силы повстанцев постепенно приближались к Ханской ставке. По пути следования они прошли аулы ханских чиновников и знати, угоняли скот, отбирали у них выпасы. 22 сентября у адаевского старшины Н. Чунтыева угнали табун лошадей и овец; 26 сентября разгромили аул истыкского старшины В. Анфугузина, угнали косяки лошадей, вывезли часть имущества.

7 октября под руководством Исатая Тайманова повстанческий отряд намеревался напасть на аул ханского сановника Чуки Нуралиханова. В коллективном рапорте на имя хана Джангира султан Чука Нуралиханов, Джанибек Бикчалиев и другие писали в тот день, что Исатай Тайманов «теперь более прежнего гордится своим могуществом, и угоны скота теперь случаются чаще прежнего, и что он Тайманов намеревается напасть на наши аулы, расположенные кочевьем при Глиняном форпосте, поэтому мы приняли уже надлежащие меры»[18].

9 октября произошла стычка у Кокаревского кордона между отрядом повстанцев, и аулами, поддерживавшими хана. 10 октября были совершены налеты на аулы старшин эсентемировского, адаевского, таминского, кердеринского родов.

Отдельные восставшие отряды прошли по территории Черноярского уезда Астраханской губернии. Здесь были разгромлены аулы калмыков, каракалпаков, кондауровских татар, на Узенях разгромлено башкирское отделение казаков. В действиях повстанцев было много стихийного.

Тогда же отряд восставших под руководством Сердали Сеитова, одного из сподвижников Исатая Тайманова, напал на аулы султана Медет-Галия Чукина в районе форпоста Глиняного. Было захвачено большое количество вещей и скота.

В конце октября Исатай Тайманов остановился в десяти километрах от Ханской ставки. Хан Джангир и его приближенные оказались в осаде. Ханская ставка превратилась в осажденную зону. Как говорил один из участников, «все было вооружено, все на страже». С большим отрядом людей здесь укрывался султан Байбахтинского рода Чука Нуралиханов. Везде были выставлены усиленные пикеты, очевидцами этих событий были акыны Курман-газы Сагырбаев, Даулеткерей Шигаев, Узак Мырзабеков.

Лагерь повстанцев насчитывал более двух тысяч человек. Однако Исатай не хотел силой овладеть Ставкой. Восставшие требовали, чтобы Джангир убрал из своего окружения биев Балку и Караул-ходжу, а власть передал в руки родовых старшин, а также прекращения всех начатых дел против них, или передачи их в суд биев.

Хан Джангир был напуган. Начались переговоры, Хану была подана новая петиция, в которой указывалось, что в случае невыполнения выдвинутых требований все восставшие откочуют от российских границ. Ее подписали 300 влиятельных батыров, старшин и родоначальников.

Это заставило царскую администрацию принять экстренные меры на случай внезапного прорыва повстанцев и их аулов через Урал. Исатай Тайманов пытался убедить царскую администрацию в возможности мирного разрешения конфликта с ханом. Нужно было выиграть время, а затем зимой по льду с отрядами уйти в Зауральские степи. Тем временем оренбургская администрация и хан спешно стягивали войска казаков, сформировали ханский отряд для карательных действий. В короткий промежуток времени было сосредоточено более 1000 человек — четырехсотенный ханский отряд, 300 человек астраханских казаков, несколько отрядов уральских казаков при двух орудиях.

На рассвете 15 ноября между повстанцами и отрядами карателей в местности Тас-Тюбе произошла ожесточенная схватка. Умение владеть пикой, превосходство отборных лошадей обеспечили успех повстанцам в первой половине боя. Однако после того как по наибольшему скоплению людей были произведены выстрелы из орудий, восставшие отступили. Преследование отступавших продолжалось на протяжении нескольких километров. Десятки людей погибли, в ходе преследования у повстанцев было отбито большое количество скота, Исатаю Тайманову и Махамбету Утеми-сову удалось спастись.

После поражения при Тас-Тюбе восставшие разошлись небольшими группами по Внутренней Орде, сила движения была ослаблена, каратели сосредоточили все силы на захвате Исатая, за его поимку было обещано 500 руб. серебром.

Но ход событий принял иной оборот: в ночь на 13 декабря отряд И. Тайманова перешел реку Урал в тридцати километрах вверх по течению от Яманхалинского поста. Казачий разъезд обнаружил переход и донес. Из Сарайчиковой крепости через несколько часов султан-правитель Баймухаммед Айчуваков с командой старшин, биев, султанов и 80 казаками пустился в погоню. Группа Исатая Тайманова прошла урочище Сары-Тургай, Кара-Кум, Тай-Суйган, устье Уила. Чтобы увеличить разрыв с карательным отрядом, двинулись к Çагыз. Часть людей во время погони попала в плен: сын Исатая Яхья, Сулейман Утемисов, Баймен и Жармухамед Тугаевы, Байбулсын Исенгельдин и др.

Преследование карателей длилось восемнадцать дней. Султану Айчувакову не удалось взять живым Исатая Тайманова и Махамбе-та Утемисова. В январе 1838 г. Исатай Тайманов со своим отрядом остановился в кочевьях рода Шекты, находившихся в песках Большие Барсуки. К нему присоединилась группа Научу, ранее перешедшая Урал, старшина Алачинского рода Сарабу-бек.

С наступлением весны развернулось движение казахов в различных местах: по р. Илек отряд Жоламана, в песках Сам и в Арало-Каспийском пространстве — под руководством батыра Юсу-па, в степях Центрального Казахстана — под руководством Кенесары. В этих условиях Исатай Тайманов решил объединиться с Каип-Гали Ишимовым, который вышел из пределов Хивинского ханства. Каип-Гали Ишимов провозгласил себя ханом, в его отряде было около 3000 человек. Слияние, отрядов произошло в аулах чиклинского рода в устье Уила.

Генерал-губернатор Оренбургского края В. А. Перовский писал военному министру в Петербург о том; что движение повстанцев «постепенно возрастая, начало довольно положительно приближаться к линии и, наконец, по последним известиям, находилось уже не далее двух переходов. От двух-трех тысяч человек при внезапном нападении может прорваться на всякой точке линии и наделать большие беспорядки»"[9].

Генерал-губернатор направил несколько отрядов для подавления движения. Со стороны крепости Горской вышел отряд султана Айчувакова, в составе которого была сотня казаков Уральского полка. Из Оренбурга вышло несколько подразделений под командованием подполковника Геке, того самого, который командовал карателями при Тастюбе. Теперь в его отряд вошли две сотни Оренбургского казачьего полка, полторы сотни уральских казаков, пятьдесят солдат из линейных батальонов при двух орудиях.

12 июля 1838 г. у реки Кыил произошло столкновение восставших с карателями, в котором Исатай Тайманов был убит. Казаки обыскали одежду убитого, нашли деловые бумаги, старшинскую печать. Восставшие вынуждены были отступить, преследование длилось на протяжении нескольких километров. Со стороны восставших погибло 80 человек.

После гибели Исатая Тайманова борьба пошла на убыль. Разрозненные отряды действовали около Нижне-Уральской линии, по Уилу. Махамбет Утемисов скрывался в степи, но спустя некоторое время принялся за агитацию среди казахских аулов

против хана.

После разгрома восстания началось жестокое преследование его участников, которые мелкими группами пытались укрыться в степи. Многих наказывали палочными ударами, приговаривали к каторжным работам, конфисковывали имущество, отправляли на вечное поселение.

Восстание возглавляемое Исатаем Таймановым и Махамбетом Утемисовым по своим движущим силам было крестьянским, что во многом предопределило его направление. Неоднородность, стихийность, в значительной мере локальность, отсутствие четкой программы, недостаточная организованность явились основными причинами поражения. Однако оно имело и сильную сторону — борьбу против эксплуатации баев, ханского окружения, борьбу против колониальной политики царской России в Младшем жузе.

§ 4. Восстание 1837—1847 гг, под руководством хана Кенесары

В первой четверти XIX в. царское правительство приступило к проведению в Казахстане административно-политических нововведений, имевших целью присоединить те районы края, которые еще не вошли в Российскую империю. Устав о сибирских казахах 1822 г.

коренным образом изменил структуру управления степными районами, вводя окружную систему, в соответствии с которой, казахское общество было разделено на округ, волость, аул. Аул, как низовая адми-

нистративная единица, имел в своем составе от 50 до 70 кибиток, 10—12 таких аулов образовывали волость, 10—15 волостей — округ, имевший определенную территорию. Старшие султаны, за которыми правительство сохраняло административную власть, в основном были призваны обеспечивать упрочение позиции правительства. Во главе волостей стояли волостные султаны, приравнивавшиеся к чиновникам 12 разряда, во главе аулов аульные старшины, в своих правах приравнивавшиеся к сельским старостам. Из ведения суда биев стали изыматься наиболее существенные прерогативы.

Образование Каркаралинского (в бывшем владении Букей-хана) и Кокшетауского (в бывшем владении хана Уали) округов положили начало для постепенного захвата царизмом казахских земель на стыке Среднего и Старшего жузов. Произошло сужение традиционных кочевий казахов, расширилось переселение казачьего населения в плодородные районы. Росло недовольство казахского населения, которое сгруппировалось вокруг потомков Абылай-хана. Один из чингизидов Габайдулла султан был схвачен карательным отрядом и сослан в Березов и возвратился из сибирского заточения лишь в ноябре 1840 г. благодаря настойчивым требованиям султана Кенесары-[0].

Султан Саржан, сын Касым-торе объединил разрозненные отряды и выступил против политики колонизации казахских земель. Теснимый царскими карательными отрядами султан Саржан со своими приверженцами перекочевал в пределы Кокандского ханства, надеясь заручиться поддержкой кокандского бека. Здесь в 1836 г. Саржан был злодейски убит по указанию кокандского правителя, в 1840 г. погибли Касым-торе — отец Кенесары и другие его близкие. Надежда Касым-султана на поддержку кокандских беков в его борьбе против колониальных устремлений царизма не оправдалась. Однако борьба султана Касыма и его сыновей, несмотря на стихийный, неорганизованный характер, имела немаловажное значение в последующей консолидации антиколониальных сил под предводительством султана, затем хана Кенесары (1802-1847).

Кенесары Касымов выступил на историческую арену как продолжатель дела Абылай-хана в условиях, когда вследствие массированных выступлений царских войск нависла угроза над независимостью трех районов Казахстана, которые, несмотря на принятие уставов о сибирских и оренбургских казахов 1822—1824 гг., продолжали сохранять политическую обособленность. Поэтому главной целью восставшего султана явилось восстановление целостности территориальных пределов Казахстана времен Абылай-хана, упразднение «диванов»[21] (как в письмах его обозначены округа, учрежденные в Казахстане в 20—30-х гг. XIX в.), сохранение полной самостоятельности не вошедших в состав России земель.

Основные требования «мятежного султана» четко определены в его многочисленных письмах, адресованных императору Николаю I, оренбургским губернаторам В. А. Перовскому, В. А. Обручеву, сибирскому губернатору, князю П. Д. Горчакову, председателю Оренбургской пограничной комиссии А. Ф. Генсу и др. Ни Габай-дулла-султан, ни его брат Саржан не могут встать в один ряд с Кенесары Касымовым, который, по

мнению, М. Красовского «уступая своему деду (Абылаю) в уме, но превосходя и его и своего отца (Касым-торе) энергией характера, стал известен во всей степи»».

Как «ловкий, своеобразный политик» султан Кенесары Касы-мов отдавал себе отчет в том, что борьба с такой могущественной державой, как Россия, требует объединения сил трех казахских жузов, значительных жертв, использования не только военных, но и дипломатических усилий. Он жестоко подавлял своеволие отдельных султанов, старшин, биев, отколовшихся от народного движения, строго расправлялся с теми, кто поддерживал политику России, но оставался сторонником мирного решения недоразумений с царским правительством. Терпимо относился к военнопленным, в том числе русским, некоторые из которых служили у него, деликатно принимал российских посланцев, да и в характере не обнаруживал жестокость, разве что проявленные в период противоборства с киргизами, хотя вспышки гнева в отношении тех, кто предавал интересы восстания, нарушал воинскую дисциплину, были нередки. Об этом, в частности, свидетельствует поэма «Кенесары-Наурызбай», автор которой поэт, воин Нысанбай, активно участвовал в этом движении.

Кенесары всеми средствами добивался объединения феодальных групп, родоплеменных подразделений трех жузов, хотя эта цель не была достигнута даже в самый пик освободительной борьбы в 1844—1845 гг. С самого начала восстания казахская знать разделилась на два противоборствующих лагеря: часть, обласканная правительством, опираясь на поддержку колониальной администрации, добивалась сокрушения своих политических противников. Непримиримыми противниками Кенесары были старший султан Акмолинского округа Коныркулжа Кудаймендин, султаны — правители Младшего жуза Ахмед и Мухамед Джантюрины, султаны Айчуваковы. После перехода Кенесары в Жетысу непримиримой позиции в отношении восставших придерживались сыновья Абылай-хана Али, Суюк, родственники самого предводителя освободительной борьбы.

И все же Кенесары Касымов сумел объединить под свое знамя значительную часть казахских родов трех жузов. Порой численность его войск доходила до 20000 человек. Большая часть казахских султанов, преимущественно Среднего жуза, примкнула к восстанию. По данным, собранным судебно-карательными учреждениями Омского областного правления, только в Кушмурунском, Кокчетавском, Акмолинском, Каркаралинском и Баянаульском округах восставших поддерживали свыше 80 султанов, биев, старшин[23]. С 23-летнего возраста, активно участвуя в освободительном движении, убедившись в пагубности линии, приведшей к гибели братьев и отца, Кенесары отказался от переговоров с кокандским Кушбеги, притеснявшим казахов в низовьях Сырдарьи, хотя поддерживал дружественные отношения с Бухарским эмиром, порой снабжавшим его порохом, оружием.

Восстание казахов с самого начала приобрело всеобщий масштаб. Это единственное восстание в истории освободительных движений конца XVIII и в XIX в., которое охватило все основные районы расселения

казахских родов: кроме родоплеменных объединений Среднего жуза, в нем приняли участие роды Младшего жуза шекты, тама, табын, алшын, шумекей, жаппас и др., Старшего жуза — уйсун, дулат и др.

Движущей силой восстания были казахские шаура. В борьбе за восстановление политической независимости участвовали и рядовые егинши, и старшины, и султаны. Всеобщая борьба против военной колонизации казахской земли, засилья кокандских беков придало движению освободительный характер. Правда, не все бии, старшины, султаны были последовательными в поддержке Кенесары: по мере передислокации и перехода основных сил в другие районы отдельные отряды, комплектовавшиеся по родовым признакам, отходили от восставших. В числе предводителей отрядов были известные народные батыры: Агыбай, Иман (дед Амангельды Иманова), Басыгара, Ангал, Жанайдар, Жеке, Сураншы, Байсеит, Жоламан Тленшиев, Бухарбай и др. Состав участников был интернациональным: русские, узбеки, киргизы, поляки и др.

Военные действия Кенесары начал весной 1838 г. осадой и сожжением Акмолинского укрепления. Коменданту крепости войсковому старшине Карбышеву и старшему султану Акмолинского округа полковнику Копыркулжа Кудаймендину с трудом удалось выбраться из сожженной крепости. Вскоре восставшие переместились в район Тургая. В письмах к оренбургским чиновникам Кенесары объявляет этот свой шаг желанием своим, перекочевав ближе к Оренбургу, облегчить ведение переговоров. Фактически султан задался целью распространить восстание на Младший жуз, непосредственно примыкавший к России, где в 1836—1838 гг. произошло восстание под руководством Исатая Тайманова. Торткаринцы, шумекеевцы, таоынцы и другие роды под руководством батыра Жоламана Тленшиева присоединились к восставшим. Движение охватило и Младший жуз. Переговоры, как и следовало ожидать, результатов не дали.

В сентябре 1841 г. представители трех казахских жузов избрали Кенесары Касымова ханом. Казахское ханство было восстановлено. В августе 1841 г. восставшие осадили крепости Созак, Жанакорган, Ак-Мечеть,Жулек, где были расквартированы значительные силы кокандцев. Взятие нескольких кокандских укреплений вдохновило восставших. Даже торткаринцы и чиклинцы, кочевавшие вдали от основных очагов восстания, известили о признания его всеказах-ским ханом.

Говоря об активном участии торткаринцев и чиклинцев на стороне Кенесары Касымова, следует обратить внимание на побудительные факторы, которые активизировали их действия в конце 30 — начале 40-х г. XIX в. Мы имеем в виду стремление казахских родов региона внести вклад в общее дело сохранения обособленности казахских земель не только от надвигающейся угрозы колониальных захватов со стороны Российской империи, но и освободиться от засилья кокандских беков. Обострение взаимоотношений Кенесары и Кокандского ханства было вызвано и личными мотивами казахского султана. Вероломное убийство ко-кандскими правителями его брата, одного из предводителей восстания казахов партии колониальной политики царизма султана Саржана в 1836 г., предательская казнь в 1840 г Касым-торе, своих братьев султа-

нов Есенгельды, Алжана и других Абылаев крови также ожесточили антикокандскую позицию предводителя движения[24]. Об этом, в частности, Кенесары писал в одном из своих писем Оренбургскому губернатору-^. С самого начала освободительной борьбы до самой гибели хан Кенесары в отношении Кокандского ханства придерживался четкой линии — освобождения от гнета кокандских правителей. Несколько отличалась политика казахского хана во взаимоотношениях его с Бухарским эмиром и Хивинским ханом, с которыми Кенесары поддерживал вполне доверительные отношения. Хивинский правитель порой снабжал казахские отряды пушками, порохом. По мнению военного историка В. Потто, эти государства готовы были подписать с Кенесары взаимоприемлемый союз[26].

Все эти обстоятельства в известной степени предопределяли характер политики Кенесары в отношении соседних стран, оказывали влияние на структуру административного управления его

ханства.

Государство, созданное ханом Кенесары, было феодальным, распространявшим свою власть на всю территорию Казахстана, за исключением районов вдоль линии Иртыша, Ишима, Урала, где утвердилась колониальная власть империи. Был упорядочен сбор налогов: зякет — для скотоводов, ушур — для хлебопашцев. Продолжение войны с царскими отрядами требовало материальных и иных средств, что, естественно, привело к увеличению налогового бремени.

Государство Кенесары поощряло переход казахов к земледелию. Помимо других обстоятельств это было продиктовано необходимостью обеспечения восставших аулов хлебом в условиях ужесточения контроля со стороны царской администрации над торговыми караванами. Хлеб, предназначенный для восставших, конфисковывался, торговцы с риском, доставлявшие хлеб восставшим, привлекались к суровой ответственности.

Торговая политика Кенесары претерпела значительные изменения. Видя что пошлины от купеческих караванов приносят значительные доходы, хан прекратил разграбление караванов, лично принимал порой караван-баши, облагая дополнительным налогом тех, кто уклонялся от уплаты пошлины за провоз товаров.

Было преобразовано государственное устройство. Ханский совет как высший совещательный орган состоял из преданных батыров, биев, султанов, родственников. Главная нить бразды правления оставалась в руках самого Кенесары. В ханский совет вошли в основном люди, верные интересам освободительной борьбы, проявившие личную отвагу, дипломатические способности.

Специальная служба управления следила за распространением, разъяснением и выполнением в аулах решений, обращений ханского совета. Находясь во главе государства Кенесары поощрял привлечение к управлению лиц, проявивших незаурядные личные качества, невзирая на их происхождение.

Хан постоянно обращался с письмами к должностным лицам России, Средней Азии. Организации дипломатической службы он придавал исключительно важное значение. Его письма, обращения отличаются четким конкретным содержанием, аргументиро-важностью требований. При приеме русских дипломатов Герна. Долгова, барона Ура, известных купцов проявлял дипломатический такт.

Являясь сторонником централизации власти в ханстве. Кенесары старался исключить раздоры между влиятельными феодалами, осуждал барымту, строго наказывал виновников межродовых столкновений. Кенесары сумел организовать боеспособное ополчение, отдельными отрядами которых предводительствовали члены военного совета, знаменитые батыры. Разделенные на сотни и тысячи, войска Кенесары были приспособлены к условиям затяжной степной войны. Строгая дисциплина, введенная Кенесары, позволила ему в сравнительно короткий срок обеспечить сбор воинов. Кенесары ввел в своих войсках знаки отличия. Многочисленные источники подтверждают, что сам предводитель восстания носил позолоченные офицерские эполеты русской армии.

Кенесары умело пользовался услугами своих агентов, доставлявших ему нужные сведения. Благодаря такой информации, хан заблаговременно знал планы военных передвижений карательных сил, что давало ему возможность избегать людских потерь. Тактика ведения военных действий Кенесары подробно описана в рапортах, отчетах, донесениях полковника Дуниковского, войскового старшины Лебедева, в трудах историков прошлого века Н. Середы, В. Потто, Л. Мейера и др.[27]. .

Став во главе ханства. Кенесары более решительно, чем прежде. продолжил борьбу за освобождение казахских земель. Взятием Кокандской крепости Сузак, Кенесары намеревался не только расширить район военных действий, но и отомстить за гибель своих близких.

Активное участие казахов трех жузов в антиколониальной борьбе сильно встревожило царизм. Было решено вести крупномасштабную борьбу против восставших. Подписывая резолюцию о том, что в одном государстве не может быть другого государства, Николай I 27 июня 1843 г. санкционировал крупномасштабный военный поход против Кенесары. Отряд войскового старшины Лебедева в числе 300 человек должен был стать передовой силой, позднее численность его отряда достигла 1900 человек; в августе 1843 г. была снаряжена вторая группа во главе с султаном А. Жанторинным и Б. Айчуваковым. Сражение противоборствующих сторон 7 августа 1843 г. не дало правительству желаемых результатов. Вооруженная группа во главе с полковником Бизано-вым, не встретив основных сил восставших, возвратилась в Орскую крепость. Кенесары, хорошо знавший край, перешел в наступление и в ночь с 20 на 21 июля 1844 г. наголову разбил отряд султана Жанторина. Войсковой старшина Лебедев за медлительность и неоказание немедленной помощи был отстранен от командования военным отрядом. Вдохновленные победой основные силы Кенеса-ры 14 августа 1844 г. атаковали Екатерининскую станицу, сожгли предместье, форштадт, 40 человек увели в плен.

Для подавления восстания со стороны Оренбурга двинулся отряд полковника Дуниковского, а сибирскую группу войск возглавил генерал Жемчужников. Кенесары удалось ускользнуть от преследования царских отрядов. Правительственные круги охватила растерянность. К тому же продолжительная война с Кенесары отвлекла силы и средства правительства. Война не обещала быстрой победы. Вдобавок к этому между Оренбургским губернатором П. А. Перовским и Сибирским П. Д. Горчаковым возникли трения относительно путей борьбы с Кенесары. Перовский стоял за решение конфликтов путем переговоров, Горчаков — за военный вариант решения вопроса.

Оренбургское начальство сочло необходимым направить посольство Долгова и Герна, которые в соответствии с полученными инструкциями поставили перед Кенесары неприемлемые условия: восставшим разрешалось кочевать в пределах ограниченного региона, определенного правительством. Царские посланники, не добившись поставленной цели, вынуждены были возвратиться. При этом Долгов довел до сведения Оренбургской администрации требование Кенесары о том, что он согласится принять протекторат России лишь в том случае, если будут уничтожены все русские укрепления, захваченные земли возвращены казахам, прекратятся грабежи и насилия в степи.

Правительство стремилось вытеснить хана Кенесары из Оренбургского края, построив несколько укреплений в районе Аральско-Сырдарьинского бассейна. Зажатый с двух сторон Кенесары вынужден был оставить Сары-Арку (Золотую степь) и перенести центр восстания в Старший жуз.

Сибирские же власти для упреждения прибытия отрядов Кенесары в регион под видом проведения переписи населения и скота направили в Жетысу значительные силы с артиллерией под командой Председателя сибирского пограничного управления генерала Вишневского. Под давлением превосходящих сил Кенесары перешел на правый берег р. Или и оттуда перекочевал в предгорья Алатау, создав угрозу алатавским киргизам. Батыры Старшего жуза СуранпА, Байсеит, Тайшибек поддержали Кенесары. Восставшие приблизились к землям киргизов. Первоначальный антиколониальный характер восстания претерпел изменения. Хан требовал подчинения себе северо-киргизских манапов. Киргизские манапы Ормон, Жантай и Жангарач созвали курултай представителей племен Сарыбагаш, Бугу, Саяк, Солто, Черик и других племен и отказались выполнять требования казахского хана. В апреле 1847 г. Кенесары вторгся в Киргизию, имея 10 000 войск. Столкновения с киргизами происходили в горной котловине озера Иссык-Куль и верховьях р. Чу. Вблизи Токмака в последней неравной битве Кенесары вместе с 32 казахскими султанами погиб. Поражение и смерть, хана создали благоприятную обстановку для дальнейшего продвижения русских отрядов в сторону Заилийского края и Северной Киргизии, облегчив присоединение этих территорий к Российской империи.

В восстании Кенесары Касымова немало противоречий: война с Кокандским ханством (имевшая цель освобождение казахов), с одной стороны, и братоубийственная война с киргизами — с другой, жестокость по отношению к казахским родам, отказавших ему в поддержке.

Крупнейшее народно-освободительное восстание казахского народа в XIX в., имевшее целью восстановление феодальной государственности хана, и на этот раз закончилось поражением, оставив неизгладимый след в памяти народов Средней Азии и Казахстана. Борьба Кенесары, его беспредельная преданность интересам народа, полководческое искусство, незаурядные качества тонкого политика еще в XIX в. снискали признание в народе.

§ 5. Восстание сырдарьинских казахов под предводительством Джанхожи Нурмухамедова

30—50-е г. XIX в. знаменуют важный рубеж в истории Казахстана. В социально-экономическом положении края наблюдается рост экономического развития некоторых районов Казахстана, обусловленный втягиванием его в общероссийский рынок. Политическое положение Казахстана в этот период былр нестабильным.

Чрезвычайно тяжелым оказалось положение казахского населения, которое проживало на территории, расположенной по побережью Сырдарьи. Усиление экспансионистских устремлений Российской империи (в 1853 г. была взята Ак-Мечеть В. Перовским), а также агрессивная политика хивинского ханства стали основной причиной борьбы присырдарьинских казахов под предводительством Джанхожи Нурмухамедов.а. Один из руководителей рода шекты, Джанхожа снискал себе среди простых тружеников славу авторитетного и целеустремленного батыра, обладавшего незаурядными качествами. Своевольный и властный правитель Джанхожа к этому времени стал понимать, что казахи-егинши, которые составляли основную массу присырдарьинских казахов, были подвергнуты очень сильному колониальному гнету. Один из главных вопросов был вопрос о земле. После занятия Ак-Мечети была создана Сырдарьинская военная линия, где были отмежеваны большие площади для водворения казаков и переселенцев, и которые были изъяты из владения казахского населения. Само казахское население было обложено покибиточной податью. Кроме того, было наложено также множество повинностей — содержание дорог, постройка мостов, чистка магистральных арыков, гужевая повинность — казахи должны были выделять верблюдов для работ по требованию начальников линии, выделять людей для строительства укреплений и поставлять скот для перевозки строительных материалов. При этом выполнение повинностей часто совпадало с сезоном работ, что очень дорого стоило егинши.

В 1849 г. было переселено в укрепление Раим первые 26 семейств оренбургских казаков. К 1857 г. около 3000 казахских семей были согна-

ны со своих мест и переселены туда, где не было пахотной земли и воды для орошения. На местах, где жили казахи, переселенцы пользовались большим преимуществом, что привело к жестокой эксплуатации казахского населения.

Все это накапливалось на протяжении лет и в середине 50-х гг. XIX в. вылилось в открытое выступление казахов-егинши рода кишкентай-шекты.

Произвол хивинского ханства по отношению к казахам оборачивался непосильным поборами, грабежами и самоуправством. В начале 50-х гг. действия батыра находились в поле зрения администрации и российской, и хивинской. Еще в 1843 г. Джанхожа разрушил хивинскую крепость на Кувандарье, и весной 1845 г. разбил отряд хивинцев до 2000 человек, посланный на восстановление разрушенной крепости. В борьбе против хивинцев Джанхожа пользовался своеобразной стратегией, нападал на укрепления, разрушал их. Так, его войсками была взята крепость Джана-Кала. В 1847 и 1848 гг. он не раз помогал русским войскам отбить хивинцев около крепости Раим. Джанхожа принимал участие и в восстании Кенесары (потом, правда, отойдя от этого движения) и вместе с Кенесары разгромил крепость хивинцев Сузак. Царская администрация, видя, каким авторитетом пользовался Джанхожа среди шектинцев и желая привлечь его на свою сторону, как инструмент своей политики, не раз выказывала ему свои знаки внимания. Так, в 1845 г. ему было послано 200 руб. и сукно на кафтан, а в 1848 г. был пожалован чин есаула, в это же время ему было предложено принять присягу русскому правительству, когда же Джанхожа отказался от этого, его лишили чина есаула и отстранили от управления кишкентай-шектинцами.

Гнет со стороны хивинцев, с одной стороны, обезземеливание — с другой, привели к открытому выступлению против колониального гнета. Естественно, восставшие представляли себе, что главным виновником их бедствия был Казалинский форт и поэтому их действия были в первую очередь направлены против царской администрации, а руководителем восставших стал Джанхожа Нур-мухамедов, которому к этому времени было более 90 лет. Таким образом, основная причина восстания крылась в принудительных работах, производимых казахами по решению оренбургской администрации, в непосильном дорожном налоге и обслуживании караванов, а также в переселенческой политике царского режима.

В 1856 г. начались прямые военные действия между царскими войсками и восставшими. Ранее Джанхожа выступал как союзник русского военного командования в его борьбе с хивинцами, а теперь стал активным борцом против русской колонизации районов Сырдарьи и ее притоков. К концу 1856 г. весь район Казалы был охвачен восстанием, к этому времени у Джанхожи было до 1500 вооруженных казахов. В восстании принимали участие не только шектинцы, но и другие рода, в том числе и кочевники. В этом восстании Джанхожа пользовался своей любимой тактикой, и к концу 1856 г. он взял в осаду Казалинский форт. Повстанцы к этому времени уничтожили поселок Солдатская слобода, где жили поселенцы. Против восставших начал действовать отряд Михайлова,

находившийся в форте (казачья сотня, 50 человек пехоты и одного орудие), одна из вылазок Михайлова окончилась поражением небольшого отряда повстанцев. Другой отряд царских войск под командованием майора Булатова обстрелял лагерь повстанцев. Эти действия проходили с 19 по 23 декабря 1856 года. До последних чисел декабря борьба шла с переменным перевесом. Однако в конце года под нажимом Перовского из Ак-Мечети был направлен отряд генерал-майора Фитингофа (265 солдат, два орудия и один ракетный станок), соединившись в начале января 1857 г. с отрядами Казалинского форта. У Фитингофа было 300 казаков, 320 человек пехоты, одна пушка, два единорога и два ракетных станка.

9 января 1857 г. произошло решающее сражение между повстанцами и отрядом Фитингофа. В результате восставшие потерпели поражение, хотя у Джанхожи было до 5000 вооруженных всадников. После сражения Фитингоф начал преследовать восставших, вынудив их перейти на правый берег Сырдарьи и таким образом в пределы Хивинского ханства. С Джанхожи перекочевало до 20 аулов. В пределах Хивинского ханства Джанхожа пытался найти себе союзников в лице Хивинского хана или Бухары, или Коканда, однако, этого ему не удалось сделать. Так окончилось выступление казахов под предводительством Джанхожи Нурмуха-медова.

Причиной поражения повстанцев стало плохое вооружение и отсталая тактика восставших, локальность их выступления, опора на старые средневековые порядки.

Репрессивные меры заключались в разграблении аулов, так было захвачено одного рогатого скота 21400 голов"[9], и в целом общее количество скота, захваченного карателями, было в три раза больше. Кроме того, репрессии очень серьезно ударили по рядовым труженикам. Сам Джанхожа отошел от дел и выполнял только функции бия, впоследствии был убит своими противниками.

1. Материалы по истории Казахской ССР. М. – Л., 1940 Т. 4. С. 182; *Бекмаханова Н. Е.* Легенда о Невидимке. Участие казахов в Крестьянской войне под руководством Пугачева в 1775-1778 гг. Алма-Ата. 1968. С. 182-186.
2. Казахско-русские отношения в XVIII – XIX вв. (1771 — 1867 гг.): Сб. документов и материалов. Алма-Ата. 1964. док. 58. 62.
3. *Вяткин М. П.* Батыр Срым. М. – Л., 1947. – С. 185– 187. 190– 196.
4. *Вяткин М. П.* Указ. соч. С. 207. 210; Казахско-русские отношения в XVIII – XIX вв., док. 63.
5. *Вяткин М. П.* Указ. соч., С. 210. 211; 221 –223. 227–229.; Казахско-русские отношения в XVIII – XIX вв., док. 64.
6. *Вяткин М. П.* Указ. соч. С. 235—239.
7. *Вяткин М. П.* Указ. соч. С. 256 – 257; Казахско-русские отношения в XVIII – XIX вв., док. 70.
8. *Вяткин М. П.* Указ. соч. С. 259 – 264; Казахско-русские отношения в XVIII – XIX вв., док. 70.
9. *Вяткин М. П.* Указ. соч. С. 264– 276,271 – 272; Казахско-русские отношения в XVIII– XIX вв., док. 70. 71. 72. 73. 74. 75.
10. *Вяткин М. П.* Указ. соч. С. 298 —308. 318. 330. 337. 346; Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв., док. 78. 80.
11. *Вяткин М. П.* Указ. соч. С. 347 – 348. 351 – 357; Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв., док. 77.
12. Труды общества изучения Казахстана. Отделение истории и этнограф. VII. в гл. 2. С. 16. Вяткин. Указ. соч. С. 356 – 357. 380-381.

13. *Шахматов В. Ф.* Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946 С. 117.
14. Народно-освободительное движение казахов в 1836—1838 гг.: Документы, материалы, статьи. Алма-Ата, 1992. С. 73.
15. ЦГА РК. ф. 4. оп. 1. д. 1964. л. 154.
16. *Рязанов Л. Ф.* Восстание Исатая Тайманова. С. 50.
17. ЦГА РК. ф. 4. оп. 1. д. 1974. л. 481 об.
18. ЦГА РК. ф. 4. оп. 1. д. 1974. л. 523. об. -524.
19. ЦГА РК. ф. 4. оп. 1. д. 1966. л. 150.
20. ЦГА РК. ф. 4. оп. 1. д: 2002. л. 15.
21. ЦГА РК. ф. 374. оп. 1. д. 25. л. 14—14 об.
22. *КрасовскийМ.* Область сибирских киргизов // Материалы для географии и статистики России. Ч. I. Спб., 1868. С. 105.
23. ЦГА РК. ф. 374. по. 1. д. 1990. л. 18-21 (подсчет наш).
24. ЦГА РК. ф. 4. оп. 1. д. 1993. л. 3-4.25.
25. См.: *Серебренников А. Г.* Сборник материалов для завоевания Туркестанского края. Т. 2. Ташкент. 1912. С. 229.
26. *Потто В.* О степных походах // Военный сборник. 1873. № 4. С. 258.
27. *Потто В.* О степных походах // Военный сборник. 1876. № 8. С. 408.
28. ЦГА РК. ф. 4. оп. 1. д. 435. л. 205.
29. ЦГА РК. ф. 4. оп. 1. д. 27. л. 126.

Глава 4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Завершение присоединения Казахстана к России внесло существенные перемены в политику империи в отношении казахского края. Военно-колониальными акциями присоединив Семиречье и Южный Казахстан, царизм вышел на среднеазиатский плацдарм, вытеснив английское влияние в регионе. Воспользовавшись благоприятной международной обстановкой, Российская империя, руководствуясь своими далеко идущими политическими интересами, установила в Казахстане колониальный режим.

Бурно развивавшаяся промышленность метрополии все более и более нуждалась в источниках сырья, рабочей силе. Богатый природными ресурсами, животноводческим сырьем Казахский край давно привлекал внимание российских предпринимателей. Однако освоение огромного региона с разными природно-географически-ми условиями требовало от правящих кругов проведения административно-территориальных, судебных и других нововведений[1]. Уставы о сибирских, оренбургских казахах 1822—1824 гг., по существу ликвидировавшие ханство в Казахстане (за исключением Букеев-ской, или Внутренней орды), открыли простор для правительственной и частной казачьей колонизации, но не смогли уничтожить веками сохранившиеся формы правления. Родоплеменная структура казахского общества (суд биев, власть султанов) в основном продолжала сохранять былое значение, хотя создание окружной системы, вытеснение кочевников с веками насиженных мест стали подрывать основу политической системы и хозяйственного уклада автономного населения.

Проведению административной системы управления благоприятствовало и положение разросшейся в своих границах империи. Вслед за отменой крепостного права правительство России провело ряд реформ, коренным образом изменивших течение социально-политической

находившийся в форте (казачья сотня, 50 человек пехоты и одного орудие), одна из вылазок Михайлова окончилась поражением небольшого отряда повстанцев. Другой отряд царских войск под командованием майора Булатова обстрелял лагерь повстанцев. Эти действия проходили с 19 по 23 декабря 1856 года. До последних чисел декабря борьба шла с переменным перевесом. Однако в конце года под нажимом Перовского из Ак-Мечети был направлен отряд генерал-майора Фитингофа (265 солдат, два орудия и один ракетный станок), соединившись в начале января 1857 г. с отрядами Казалинского форта. У Фитингофа было 300 казаков, 320 человек пехоты, одна пушка, два единорога и два ракетных станка.

9 января 1857 г. произошло решающее сражение между повстанцами и отрядом Фитингофа. В результате восставшие потерпели поражение, хотя у Джанхожи было до 5000 вооруженных всадников. После сражения Фитингоф начал преследовать восставших, вынудив их перейти на правый берег Сырдарьи и таким образом в пределы Хивинского ханства. С Джанхожи перекочевало до 20 аулов. В пределах Хивинского ханства Джанхожа пытался найти себе союзников в лице Хивинского хана или Бухары, или Коканда, однако, этого ему не удалось сделать. Так окончилось выступление казахов под предводительством Джанхожи Нурмуха-медова.

Причиной поражения повстанцев стало плохое вооружение и отсталая тактика восставших, локальность их выступления, опора на старые средневековые порядки.

Репрессивные меры заключались в разграблении аулов, так было захвачено одного рогатого скота 21400 голов"[9], и в целом общее количество скота, захваченного карателями, было в три раза больше. Кроме того, репрессии очень серьезно ударили по рядовым труженикам. Сам Джанхожа отошел от дел и выполнял только функции бия, впоследствии был убит своими противниками.

1. Материалы по истории Казахской ССР. М. — Л., 1940 Т. 4. С. 182; *Беклиханова Н. Е.* Легенда о Невидимке. Участие казахов в Крестьянской войне под руководством Пугачева в 1775-1778 гг. Алма-Ата. 1968. С. 182-186.
2. Казахско-русские отношения в XVIII — XIX вв. (1771 — 1867 гг.): Сб. документов и материалов. Алма-Ата. 1964. док. 58. 62.
3. *Вяткин М. П.* Батыр Срым. М. — Л., 1947. С. 185- -187. 190- 196.
4. *Вяткин М. П.* Указ. соч. С. 207. 210; Казахско-русские отношения в XVIII — XIX вв., док. 63.
5. *Вяткин М. П.* Указ. соч., С. 210, 211; 221 -223, 227-- 229.; Казахско-русские отношения в XVIII -- XIX вв., док. 64.
6. *Вяткин М. П.* Указ. соч. С. 235 --239.
7. *Вяткин М. П.* Указ. соч. С. 256-- 257; Казахско-русские отношения в XVIII — XIX вв., док. 70.
8. *Вяткин М. П.* Указ. соч. С. 259 -264; Казахско-русские отношения в XVIII — XIX вв., док. 70.
9. *Вяткин М. П.* Указ. соч. С. 264- 276,271 272; Казахско-русские отношения в XVIII -XIX вв., док. 70. 71. 72. 73. 74. 75.
10. *Вяткин М. П.* Указ. соч. С. 298 — 308, 318, 330. 337, 346; Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв., док. 78. 80.
11. *Вяткин М. П.* Указ. соч. С. 347 348. 351 357; Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв., док. 77.
12. Труды общества изучения Казахстана. Отделение истории и этнограф. VII. в тл. 2. С. 16. Вяткин. Указ. соч. С. 356 --357. 380-381.

Ата, 1992. С. 73.
15. ЦГА РК. ф. 4. оп. 1, д. 1964. л. 154.
16. *Рязанов Л. Ф.* Восстание Исатая Тайманова. С. 50.
17. ЦГА РК. ф. 4. оп. 1. д. 1974. л. 481 об.
18. ЦГА РК. ф. 4. оп. 1. д. 1974. л. 523. об. -524.
19. ЦГА РК. ф. 4. оп. 1. д. 1966. л. 150.
20. ЦГА РК. ф. 4. оп. 1, д. 2002. л. 15.
21. ЦГА РК. ф. 374. оп. 1. д. 25. л. 14—14 об.
22. *КрасовскийМ.* Область сибирских киргизов // Материалы для географии и статистики России. Ч. I. Спб.. 1868. С. 105.
23. ЦГА РК. ф. 374. оп. 1. д. 1990. л. 18-21 (подсчет наш).
24. ЦГА РК. ф. 4. оп. 1. д. 1993. л. 3-4.25.
25. См.: *Серебренников А. Г.* Сборник материалов для завоевания Туркестанского края. Т. 2. Ташкент. 1912. С. 229.
26. *Потто В.* О степных походах // Военный сборник. 1873. № 4. С. 258.
27. *Потто В.* О степных походах // Военный сборник. 1876. № 8. С. 408.
28. ЦГА РК. ф. 4. оп. 1. д. 435. л. 205.
29. ЦГА РК. ф. 4. оп. 1. д. 27. л. 126.

Глава 4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Завершение присоединения Казахстана к России внесло существенные перемены в политику империи в отношении казахского края. Военно-колониальными акциями присоединив Семиречье и Южный Казахстан, царизм вышел на среднеазиатский плацдарм, вытеснив английское влияние в регионе. Воспользовавшись благоприятной международной обстановкой, Российская империя, руководствуясь своими далеко идущими политическими интересами, установила в Казахстане колониальный режим.

Бурно развивавшаяся промышленность метрополии все более и более нуждалась в источниках сырья, рабочей силе. Богатый природными ресурсами, животноводческим сырьем Казахский край давно привлекал внимание российских предпринимателей. Однако освоение огромного региона с разными природно-географически-ми условиями требовало от правящих кругов проведения административно-территориальных, судебных и других нововведений[1]. Уставы о сибирских, оренбургских казахах 1822—1824 гг., по существу ликвидировавшие ханство в Казахстане (за исключением Букеев-ской, или Внутренней орды), открыли простор для правительственной и частной казачьей колонизации, но не смогли уничтожить веками сохранившиеся формы правления. Родоплеменная структура казахского общества (суд биев, власть султанов) в основном продолжала сохранять былое значение, хотя создание окружной системы, вытеснение кочевников с веками насиженных мест стали подрывать основу политической системы и хозяйственного уклада автономного населения.

Проведению административной системы управления благоприятствовало и положение разросшейся в своих границах империи. Вслед за отменой крепостного права правительство России провело ряд реформ, коренным образом изменивших течение социально-политической

жизни: земских, судебных, городских и др. Развитие капитализма шло «в глубь» и вширь.

В этих условиях Россия выдвинула задачу коренной ломки прежней системы управления Казахстаном[2].

Для подготовки проекта Положения об управлении Казахской степью правительство в 1865 г. образовало так называемую Степную комиссию. При подготовке реформы настроение широких масс не было принято во внимание. За проведение радикальных реформ, которые способствовали бы повышению материального благосостояния и благополучия казахов выступал Ч. Валиханов. Он предлагал вводить систему административного правления в Казахстане на началах народного самоуправления. В «Записке о судебной реформе» он считал наиважнейшим для казахского народа социально-экономические нововведения. 11 июля 1867 г. царь Александр II подписал проект Положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областями; 21 октября 1868 г. — проект Положения об управлении Тургайской, Уральской, Акмолинской и Семипалатинской областями. Таким образом, «Временное положение» об управлении Казахстаном было подготовлено царизмом на основе соображений правительственных чиновников при активном участии султанов Сейдалина, Чингиза Валиханова, Мусы Чормано-ва и др. Изменениям подверглись управления Семипалатинской, Акмолинской областями, открытыми в 1854 г., Семиреченской — 1866 г.[3]. Реформа впервые охватила весь Казахский край, хотя Букеевская (Внутренняя) орда, где ханская власть прекратила свое существование еще в 1845 г., согласно проекту Временного положения отошла в состав Астраханской губернии.

В свою очередь, области делились на уезды, уезды — на волости.

Кроме военной и гражданской власти, в обязанность Туркестанского генерал-губернатора вменялось ведение дипломатических отношений с соседними государствами — Китаем, Ираном и др.

Новая система управления расшатывала патриархально-феодальный уклад жизни кочевников, ограничивала власть султанов, биев и старшин. Осуществление реформ 1867—1868 гг. привело к ослаблению влияния родовой аристократии, что отразилось на их правовом, экономическом и политическом положении.

Административное управление носило ярко выраженный военный характер. Во главе областей находились военные генерал-губернаторы (они же командующие военными округами), сосредоточившие в своих руках полноту военной и гражданской власти. Неразделенность военной и гражданской властей было принципом административного устройства Казахской степи по новой реформе.

По Временному положению об управлении в степных областях 1868 г. и Положению об управлении в Туркестанском крае 1867 г. волостной управитель сосредоточивал в своих руках полицейскую и распорядительную власть. Он наблюдал за сохранением «спокойствия и порядка», за уплатой податей и всяких повинностей с населения. В его обязанности входили приведение в исполнение решения суда биев. Аульные старшины в пределах своей компетенции исполняли те же обязанности, что и волостные управители. Казахский шаруа на своих плечах нес еще непо-

мерно тяжелую земскую повинность: содержал аульно-волостную администрацию, вносил средства на исправление мостов, почтовых трактов, обеспечивал подводами воинские части.

Реформой 1867—1868 гг. были учреждены военно-судебные комиссии и уездные суды, действовавшие на основании общеимперских законов. Вместе с тем были сохранены феодальные суды биев в аулах и суды казиев в кишлаках Сырдарьинской области. Преступления, совершенные вне степных областей, уголовные и гражданские дела казахов-скотоводов разбирались уездными судьями на основе российских законов.

Положения 1867—1868 гг. введены временно в виде опыта на два года. Однако этот «опыт» из-за возможной отрицательной реакции местного населения затянулся более чем на двадцать лет. Только в конце 80 — начале 90-х гг. XIX в. царские власти приступили к завершению внедрения административно-судебной реформы. 2 июня 1886 г. было принято Положение об управлении Туркестанским краем[4]. 21 марта 1891 г. — Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской, и Тургайской областями.

Еще большую силу приобрела власть генерал-губернатора. Областное правление приравнивалось к губернскому правлению центральных районов России. В крупных городах создавались полицейские управления, а в других — полицейские приставства. По Положению 1891 г. споры по земельным вопросам между аульными старшинами в пределах волости решали волостные съезды, а между владельцами кибиток — аульные. Решающая роль принадлежала волостным управителям и аульным старшинам. В связи с этим между общинами происходила жесточайшая борьба за проведение в волостные управления и аульные старшины своего кандидата, которого избирали на три года.

Произошли существенные изменения и в области судебного устройства. Система российских судов складывалась, согласно Положению об управлении Туркестанским и Степным краями, из таких звеньев, как мировые судьи, областные суды и Правительствующий сенат как высшая судебная инстанция. Был модифицирован и суд биев. По форме бий оказывался выборным народным судьей. Это нововведение также наносило удар по традиционному суду шариата.

Реформы 1867—1868 гг. и последующие нововведения вызвали протест казахов. Уже в первой половине 60-х гг. XIX в. в Казахстане, особенно в Младшем жузе, колониальный гнет стал усиливаться. Это создавало предпосылки для роста недовольства трудящихся масс, которое могло вылиться в открытое выступление

против царизма.

Изменения в территориально-административном устройстве и социально-экономическом развитии Казахстана обусловили принятие новой налоговой системы, отвечавшей интересам колониальный империи. Несмотря на тенденцию роста оседлого и земледельческого населения, кочевники были основной массой налогоплательщиков: в 1880 г. они составляли 90,5, в 1897 г. — 82,0%.

Кибиточная подать представляла собой форму государственного налога с казахского населения в размере 2 руб. 75 к. с кибитки в год в

Семиреченской и Сырдарьинской областях, 3 руб. с кибитки в год в четырех степных областях. Во Внутренней Орде функционировала особая система налогообложения. Ранее взимаемые сборы зякет и согум сливались в единый денежный сбор — подать со скота.

Налоговое законодательство вводило пропорциональную систему взимания налогов, устранялся даже формальный учет материального благополучия различных групп. Оно носило ярко выраженный политический характер. Новое административное деление не соответствовало веками сложившемуся порядку использования пастбищ. Летовки, зимовки одного рода зачастую оказывались в разных административно-территориальных делениях, что осложняло пользование землей. Все это послужило причиной восстания казахов Тургайской и Уральской областей в 1868 г.

Восстание возникло стихийно и длилось с декабря 1868 г. по октябрь 1869 г. Оно носило выраженный антиколониальный характер.

Казахи, предводительствуемые крупными родоначальниками, бойкотировали правительственные комиссии, оказывали вооруженное сопротивление царским отрядам. Так, 6 мая 1868 г. вышедший с комиссией с Оренбургской линии отряд фон Штемпеля в составе 200 сабель и роты пехоты при озере Джаман-Сай подвергся нападению 20 000 казахов, которые продержали его в осаде в течение семи дней. Отряд возвратился на линию, растеряв весь фураж и продовольствие.

Особенно длительной была борьба казахских шаруа против своих феодалов. С марта по июнь 1869 г. был совершен 41 набег на аулы биев, султанов, волостных управителей, старшин. В них в общей сложности участвовали 3 000 человек. Размах восстания в Тургайской и Уральской областях встревожил местные власти и центральное правительство. На подавление восстания в степь были двинуты крупные карательные отряды. В Уральской области оперировали отряды подполковника Рукина, графа Комаровского, отряд под командой генерал-губернатора Веревкина и др. Вследствие слабой организованности, стихийности, наличия разногласий между отдельными руководителями повстанцы потерпели поражение. И, конечно, как и в предыдущих выступлениях шаруа, непоследовательность и предательство временно принявших участие в восстании биев и старшин способствовали сравнительно быстрому подавлению восстания.

Восстание крестьян на полуострове Мангышлак также было связано с введением Временного положения в 1869 г. в Уральской и Тургайской областях. Земельный вопрос у адаевцев с введением Положения встал еще более остро[6]. Возмущение введением новой системы налогов усилило их сопротивление проведению в жизнь Положения. Мангышлакский пристав подполковник Рукин с отрядом в 38 казаков, при четырех орудиях и переводчике Бекметове в сопровождении бия Б. Маяева, управителей отделений (всего 60 человек), с обозом из 35 верблюдов 15 марта 1870 г. выехал в урочище Курун навстречу откочевывающим аулам. Появление Рукина с отрядом в степи послужило поводом к восстанию. В Бузачи под руководством пастуха Досана Тажиева, Исы Тленбаева собралось около 200 казахов, вооруженных 30 ружьями. В течение недели

(15—21 марта) царский отряд прошел колодцы Буурлы, Кунансы, Тубекудук, урочище Уманкол, колодец Усак беспрепятственно. Но далее во время схватки отряд Рукина был разгромлен, раненый Рукин застрелился. Победа воодушевила повстанцев.

Восстание распространилось на весь полуостров. Рабочие рыбных промыслов слободки форта Александровского и станицы Николаевской бросали работу, захватывали лодки. Из судов, отнятых в Сарытасском заливе у рыбопромышленников, рабочие образовали своеобразную флотилию, которая позднее участвовала в осаде Александровского форта. К рабочим-казахам присоединились адаевцы, задержанные осенью 1869 г. царскими карательными отрядами, в Эмбенском уезде. Количество восставших достигло 10 тыс. человек. 5 апреля 1870 г. восставшие атаковали Александровский форт, Николаевскую станицу, сожгли маяки у форта, разгромили укрепление Нижнее, где хранились запасы войскового гарнизона, дома, имущество торговцев. Однако артиллерийский огонь заставил их отойти. Восстание вызвало тревогу не только у местных колониальных властей, но и в Главном штабе в Петербурге.

В это время значительно усилилось влияние Англии в Иране. Царское правительство, готовясь к походу против Хивинского ханства, сосредоточивало войска в районе Красноводска. Центр Мангышлакского восстания оказался в тылу этих войск. Подавление восстания было возложено на наместника Кавказа. В конце мая из Кавказа на Мангышлак были переброшены батальон Апшеронского полка, две стрелковые роты, две роты линейного батальона, четыре роты Дагестанского полка, две сотни терских казаков, при четырех орудиях. Несмотря на самоотверженное сопротивление казахов-адаевцев, восстание было подавлено. Царские войска преследовали их: кавказские — на Мангышлаке, оренбургские — на северных летовках.

В три месяца Мангышлак был занят царскими войсками. Царское правительство сурово расправилось с «непокорными». В это время генерал-губернатор Н. А. Крыжановский получил распоряжение военного министра Милютина «примерно наказать мятежников». После поражения восстания его предводители И. Тленбаев, Д. Тажиев, И. Кулов со своими приверженцами и аулами и многие адаевцы, активно участвовавшие в восстании и опасавшиеся преследования царских карателей, в декабре 1870 г. перешли в пределы Хивинского ханства. В восстании на Мангышлаке антифеодальная борьба была выражена слабо, что объясняется наличием родовых пережитков, тормозивших развитие классового сознания кочевников. Главная особенность восстания состояла в том, что в нем активно участвовали широкие слои трудящихся. Жестоко подавив восстание, кавказская администрация взыскала с оставшихся на Мангышлаке 8 тыс. кибиток кибиточную подать и разные сборы на сумму 57 901 руб. На адаевцев была наложена контрибуция в размере 90 тыс. баранов. Восстание на Мангышлаке своим острием было направлено против колонизаторской политики царизма.

Отмена крепостного права не разрешила аграрного вопроса в России. В этих условиях царское правительство приняло ряд мер по отвле-

чению крестьян от революционного движения, в частности активизировало переселенческую политику. Путем колонизации Сибири, северных, западных и юго-восточных районов Казахстана царизм рассчитывал переселить крестьян из внутренних губерний и создать в их лице социальную опору на национальных окраинах. Планомерное переселение русских и украинских крестьян почти во все области края началось в начале 70-х г. XIX в. и массовый характер приобрело в 80-х г.

Царское правительство разработало и утвердило 13 июля 1889 г. специальное Положение о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке причисления лиц означенных сословий, «переселившихся в прежнее время». В Положении конкретно определялись районы переселения в Томской и Тобольской губерниях, а также Семиреченской, Акмолинской и Семипалатинской областях. «Временные правила» 1893 г. конкретизировали отдельные статьи Положения 1889 г. Например, учитывались интересы переселенцев-старожилов, наделенных землей в размере 15 дес. на душу. Переселение крестьян в Казахский край сопровождалось изъятием земель у казаховкочевников. Только с 1885 г. по 1893 г. было изъято из пользования коренного населения Акмолинской области 251 779 дес. земли и образовано 24 переселенческих участка с населением 10 940 душ мужского пола, а в Семипалатинской области за этот же период было изъято 33 064 дес. пахотной земли у казахских шаруа. Особенно большой поток переселенцев шел в Семиреченскую область. За 12 лет (с 1868—1880 гг.) сюда переселились 3 324 семьи, из них 2 099 образовали селения, а 1 225 семей обосновались в городах.

В 1889 г. был принят Закон «О переселении сельских обывателей и мещан на казенный земли». В 1891 и 1892 гг. закон распространялся на Тургайскую и Уральскую области. Согласно ему, переселенческое движение сосредоточивалось в руках правительства, а для переселения в восточные районы требовалось специальное разрешение; ограничивалось самовольное переселение. Но стремление царских властей как-то урегулировать ставший стихийным процесс переселения не удалось. Самостоятельное занятие крестьянами казахских земель продолжалось. Неурожай 1891—1892 гг. побудил массу крестьян из европейской России двинуться на Восток в поисках свободных земель. В этот период за Урал перешло около 30, в Семиреченскую и Сырдарьинскую области — 12 тыс. крестьян.

Возможность соединения Казахстана через железнодорожные магистрали с Сибирью и Приволжским районом толкало правительство ускорить переселенческое освоение Казахстана. С этой целью экспедиция под руководством Ф. А. Щербины тщательно обследовала 12 уездов Амолинской, Тургайской и Семипалатинской областей. Официально главной целью экспедиции Ф. А. Щербины было изучение состояния хозяйственного развития местного кочевого населения. Естественно, экспедиция обратила внимание и на переселенческие поселки. Материалы экспедиции были использованы царизмом для дальнейшей экспроприации «излишков» казахской земли, хотя работа экспедиции в целом была воспринята неудовлетворительно.

Однако самовольное присвоение царизмом казахских земель, вытеснение местного населения в пустынные, малопригодные земли, произвол царских чиновников вызывали сопротивление казахского населения, неоднократно выливавшееся в вооруженные столкновения с царскими карательными отрядами.

Колонизаторская направленность аграрной политики царизма привела к постепенному изменению соотношения численности кочевого и оседлого населения. Во второй половине XIX — нач. XX в. кочевое хозяйство казахов стало испытывать сильное воздействие внешних экономических факторов со стороны развивавшейся капиталистической России. Образовались новые формы хозяйства: оседло-скотоводческая и оседло-земледельческая. В процессе их сложения возникали самые разнообразные переходные формы хозяйства, одновременно изменялись и формы землепользования — увеличивался процент частного землепользования и частной земельной собственности. К концу XIX в. кочевое хозяйство сохранялось в отдаленных степных районах Казахстана: в Присырдарьинских районах, в степях Центрального Казахстана, по окраинам Бетпак-Далы, на Мангышлаке, в Семипалатинской, Акмолинской областях. В северных районах уже редко можно было найти чисто кочевое хозяйство, не связанное с земледелием и сенокошением. Кочевничества придерживались в < основном байские хозяйства старого феодального типа, еще устоявшие под натиском новых явлений, большей частью в силу вековых традиций. Но и эти кочевые хозяйства имели некоторые отличия от кочевого хозяйства прошлого.

Расширение взаимовыгодных контактов с рынком, ярмарками предопределило изменения и в структуре стада казахов. Русские купцы, особенно после отмены крепостного права, проявляли повышенный интерес к лошадям. Казахские баи быстро уловили наметившиеся тенденции и увеличили табуны лошадей. Только в Кустанайском уезде за 1865—1879 гг. удельный вес овец в стаде упал с 86 до 44,6, а лошадей вырос с 6,8 до 37,7%.

Потребности крупных российских городов в говяжьем мясе обусловили рост поголовья крупного рогатого скота: в том же Кустанайском уезде Тургайской области крупный рогатый скот составлял в 1855 г. 17% всего поголовья, а в 1898 г. "— уже 23. Основными скотоводческими районами были Семипалатинская, Тургайская области, а также Акмолинская, Уральская. Хотя основное поголовье скота сосредоточилось в руках кочевого населения, тем не менее часть скота находилась в руках оседлых жителей. Под влиянием развития капитализма и переселенческого дви жения ускорился процесс оседания кочевников. В бассейнах р. Урала и Тобола, где выпадало достаточное количество осадков, казахи распахивали степь сабанами (примитивными плугами), не прибегая к искусственному орошению. На берегах Сырдарьи, Эмбы, Иргиза, Тургая, Сарысу занимались поливным земледелием. Однако стремление колониальной администрации путем переселения крестьян из внутренних губерний, казаков из Сибири, Оренбуржья создать новые экономические центры, производящие хлебные продукты, вело к сужению зе-

мельного фонда аульной общины, ограничивало возможности казахов заниматься не только скотоводством, но и земледелием. Генерал-губернатор Туркестанского края граф Сухотелен считал вредным поощрять хлебопашество среди казахов и нередко запрещал им сеять на новых участках[7].

Дальнейшая узурпация общинных земель и установление колониальной системы управления сопровождались усилением социальной дифференциации казахского общества. Значительная часть хозяйств, расположенная близ русских селений и городов, постепенно стала втягиваться в рыночные отношения. Это создавало почву для разложения кочевого хозяйства. В 70—80 гг. XIX в. усиливается отход обедневших казахов на различные промыслы и в горнодобывающую промышленность в поисках заработка.

В конце XIX— нач. XX в. в Кокчетавском уезде джатаки составляли 4,6, в северных волостях Атбасарского уезда — 5,3, в южных 7,9% от общего количества казахских хозяйств*. По своему социально-экономическому положению джатачество было формирующимся сельским пролетариатом. Из среды джатаков выросла и часть городского пролетариата. Находясь вне казахских общин, они рано приобщились к более прогрессивным формам экономики, одновременно теряя традиционные родовые связи. Джатачество способствовало углублению хозяйственной дифференциации кочевого аула, было посредником между аульной общиной и русскими переселенческими селениями и городами[9].

В последней четверти XIX в. в Казахстане зародилось промышленное производство. Еще в середине XIX в. было известно наличие в Казахстане многих видов полезных ископаемых. Начиная с 60-х гг. XIX в. российские предприниматели стали вывозить капиталы в Казахский край и создавать на базе ряда месторождений полезных ископаемых промышленные предприятия. В 70—80-х гг. довольно интенсивно развивалась промышленность по переработке сельскохозяйственного сырья — маслодельная, кожевенная, мукомольная и др. Основными центрами обрабатывающих предприятий были Северо-Западный и Восточный Казахстан. Значительного уровня развития достигла кожевенная промышленность.

Зачатком химической промышленности можно считать Шымкентский сантонинный завод. Основанный в 1882 г. завод успешно экспортировал свою продукцию в Англию, Америку, Германию, Индию и Японию. В южных районах, в Шымкенте и Туркестане в основном действовало несколько хлопкоочистительных заводов. Табачная промышленность была представлена двумя предприятиями небольшой мощности в г. Верном, основанными в 1875 и 1900 гг.

На Аральском море, на озере Карабаш, в Павлодарском уезде разрабатывались соляные месторождения. На Баскунчакском промысле в 1867 г. было произведено 54 847, в 1870 г. — 1267 994, в 1880 — 2 800 000 пуд. соли.

В бассейнах р. Урал, Эмба, Иртыш, на Аральском и Каспийском морях значительного масштаба достигло рыболовство. Эта отрасль стала промысловой. Традиционными центрами рыбной ловли были озера Зай-

сан и Балхаш. Подавляющее большинство озер, где добывалась поваренная соль, находилось в северо-западной и западной части Казахстана. В Степном Северном округе (Акмолинская и северо-западная часть Семипалатинской области) соль добывалась на Большом Калкаманском, Малом Кал каманском, Джамантузском, Коряковских, Карасуйских, Чакчакских озерах[10].

Сравнительно долго в Казахстане действовали мелкие, технически отсталые предприятия, которые по объему производства и количеству рабочих можно причислить к разряду ремесленных заведений. Но в конце XIX—нач. XX вв. на территории Казахстана действовал и уже и относительно крупные предприятия, насчитывавшие по 300—500 рабочих: Спасский медеплавильный завод, Успенский рудник, Карагандинские копи, Экибастузские и Риддерские предприятия. Достаточно развитой отраслью промышленности была горнодобывающая. Всего в Казахстане с 1855 по 1893 гг. было выплавлено 151 182 пуд. свинца, 883 пуд. серебра, 219 186 пуд. черновой меди, 484 542 пуд. чистой меди.

Промышленность Казахстана, особенно горнорудная, угольная и нефтяная стала объектом внимания иностранных капиталистов. Спасско-Успенские, Атбасарские медные, Риддерские рудники, Карагандинские и Экибастузские каменноугольные копи, ряд нефтяных месторождений были проданы иностранным капиталистам. Держателями акций Акционерного общества Спасских медных руд были промышленники США, Германии, Бельгии, Швеции и др. стран.

С развитием промышленности связано и формирование местного рабочего класса.

Развитие российского капитализма вширь, его продвижение в национальные окраины, эксплуатация богатейших источников сырья, расширение рынков сбыта сопровождались созданием разветвленной сети банковских филиалов и кредитных учреждений».

Кредитная система Казахстана как часть финансовой системы Российской империи состояла из отделений Государственного банка, филиалов коммерческих банков, банков среднекапиталистических слоев города (общество взаимного кредита и городских общественных банков), а также кредитной кооперации и других учреждений мелкого кредита. Отделения Государственного банка на территории Казахстана возникали прежде всего в центрах торгово-промышленной деятельности края: Уральске (1876 г.), Петропавловске (1881 г.), Семипалатинске (1887 г.), Омске (1895 г.), Верном (1912 г.). Из 57 филиалов Сибирского торгового банка в районах Казахстана функционировало семь, т. е. 12,3%. Второе место по числу филиалов на территории края занимал Русский торгово-промышленный банк, имевший большие вложения в кредитование торгового оборота. Им были открыты отделения в Петропавловске (1904 г.), Верном (1908 г.), Кустанае (1909 г.), Уральске (1909 г.), Павлодаре (1916 г.). Первое место среди областей Казахстана по количеству кредитных учреждений занимала Акмолинская область. Из девяти крупнейших петербургских коммерческих банков наибольшее число филиалов на территории Казахстана имел Сибирский торговый банк, учрежденный в 1879 г.[12]

Развитие капиталистических отношений оказало существенное влияние и на развитие торговли. Российский торговый капитал проникал в самые отдаленные районы края, еще теснее связывая местное скотоводческое хозяйство с рынками России, Средней Азии, Западной Европы. Основным объектом торговли оставался скот. Каждое лето только через Сарысуский уезд в центр России из Акмолинского, Каркаралинского и Сарысуского уездов перегонялось до 60 тыс. голов крупного рогатого скота и до 200 000 овец. Во всевозрастающих размерах вывозился хлеб. Крупными центрами торговли хлебом стали города: Уральск, Оренбург, Семипалатинск. В 80-х гг. XIX в. только в Семипалатинске скапливалось до 380 тыс. пуд. пшеницы и до 500 тыс. пуд. пшеничной муки, в Павлодаре — до 200 тыс. пуд. зерна. Принимая во внимание прибыльность продажи и вывоза в смежные районы хлеба местные капиталисты вкладывали свои средства именно в мукомольную промышленность, в которой в начале XX в. была достигнута наибольшая концентрация капитала.

Во второй половине XIX — нач. XX в. местные купцы стали практиковать новую форму торговли — ярмарочную. Наиболее крупными ярмарками считались Куяндино-Ботовская в Каркаралинском уезде, Таинчикульская в Петропавловском, Константиновская в Акмолинском, Петровская в Атбасарском, Каркаринская в Верненском уездах, обороты которых достигали внушительных размеров. Объем торговых сделок в самой крупной из них Куяндино-Ботовской в конце XIX в. составлял до 3 млн. руб.» Главными товарами привоза были скот и продукты животноводства. На крупных ярмарках Акмолинской области Константиновской и Таинчикульской — такие товары составляли в общем обороте 76 и 87,4%[м]. По количеству ярмарок ведущее положение занимала Семипалатинская область». Стабильность ярмарочной торговли объяснялась недостаточным развитием путей сообщения, препятствовавшим установлению более устойчивого торгового обмена между главными поставщиками скота — кочевниками и крупными «скотопромышленниками», а также ее сжившимися традициями ярмарочной торговли, с условиями торговли которых кочевник достаточно был знаком, кочевым образом жизни коренных обитателей степи.

Развитию промышленности и внутренней торговли во многом способствовало строительство железнодорожных линий, соединивших Казахстан с Сибирью и другими районами Российской империи. За последнее десятилетие XIX в. в Казахстане было построено 482 версты рельсовых линий.

Во второй половине XIX в. Казахстан вел традиционную торговлю с Узбекистаном. Ташкент, расположенный на стыке Казахстана и Средней Азии, был центром, в который стекались товары не только из южных районов края, но и из Китая, Индии и т. д. Большие базары Шымкента, Сайрама, Манкента, Туркестана притягивали торговцев из многих районов Центральной Азии.

Казахская степь была транзитом в торговле с Монголией. В 1860 г. в Урге (Улан-Батор) учредили первую российскую коммерческую фирму, с которой установили деловые контакты купцы Восточного Казахстана.

Центром торговли Казахстана с Монголией стал г. Семипалатинск.

Территориальная близость Казахстана с Синьцзяном и взаимная выгода в торговом обмене побуждали Россию и Китай поддерживать эти связи. Крупным центром торговли казахстанских купцов в Синь-цзяне стал г. Кульджа, владевший огромными караван-сараями в Джинхо, Урумчи, Манасе, Аксу, Карашаре, Хами, Турфане и Кашгаре.

В торговле с западными районами Цинской империи немаловажная роль принадлежала казахским купцам[17]. Объем и формы казахско-китайской торговли во многом зависели от характера политических взаимоотношений России с Китаем и ситуации в пограничной зоне, хотя основные условия приграничной торговли были оговорены Петербургским договором 1881 г.

Значительные изменения претерпели и города Казахстана, ставшие центрами общественно- и социально-экономической жизни. Во второй половине XIX в. большая часть городских поселений относилась к числу малых городов. Например, в Сырдарьинской области малые города составляли 71%.

По всеобщей переписи населения 1897 г. численность населения Казахстана по областям была следующей: Акмолинская — 1 279 818; Семипалатинская — 973 589; Сырдарьинская— 1166 116; Тургайская — 728 057; Уральская — 801 975 тыс. чел. Самую многочисленную группу составляли казахи.

Русское население распределялось неравномерно: Акмолинская область — 56,7; Уральская — 40,8; Тургайская — 37,8; Семиреченская — 23,5; Семипалатинская — 24,0; Сырдарьинская — 6,2%.

Данные переписи позволяют определить численность Сибирского, Уральского и Семиреченского казачества: Уральская область — 114 166; Акмолинская — 74 707; Семипалатинская — 28 717; Семиреченская — 33 757 тыс. чел.

Наибольшую плотность населения имели Семиреченская, Сырдарьинская области — 14,4 и 3,7 человека на км^2.

В Акмолинской, Семипалатинской и Уральской областях плотность на 1 км^2 составляла 1,6; 1,4;1,4 жителей. Наименьшая плотность населения была в Тургайской области — 1,1[218].

Данные переписи 1897 г. говорят о серьезных изменениях в динамике численности, этническом, половозрастном составе населения Казахстана в конце XIX в. Рост численности некоренного населения способствовал созданию в городах и других селениях новых типов учебных заведений, научных, культурно-просветительных обществ, организаций и учреждений, ускорению освоения природных богатств обширного края.

В целом, социально-экономические процессы, происходящие во второй половине XIX в., глубоко затронули все сферы жизни Казахстана, обусловив позитивные перемены в хозяйственной структуре аула, переселенческой деревни, в создании первых относительно крупных очагов обрабатывающей и горнодобывающей промышленности, во внедрении в систему торговли элементов ростовщичества, частного предпринимательства, в углублении взаимосвязей между городами и сельским окру-

жением в условиях вступления России в стадию империализма, составной частью которой являлся колониальный Казахстан.

1. Область сибирских казахов, учрежденная в 1824 г. и упраздненная в 1854 г. в связи с образованием Семипалатинской и Акмолинской областей, занимала пространство в 7 580 000 кв. верст, (ЦГА РК, ф. 345, оп. 1, д. 38, л. 2), т. е. значительная часть казахской земли оставалась вне влияния Российской администрации.
2. См.: *Венюков М.* О новом разделении Азиатской России //Известия ИРГО. 1872. Т. 8. С. 312-324.
3. Первоначально Семиреченская область была названа Алматинской областью с центром в поселении Алматы, а Сырдарьинская — Ташкентской. В процессе обсуждения проекта особый комитет счел нужным назвать АлматинскуюобластьСемиреченской (Джетысу). Поселение Алматы, как называли сами казахи до и после присоединения региона к России, было переименовано в г. Верный.
4. Позднее данное Положение подверглось существенной корректировке в сторону упрочения колониальной власти, в частности, по статьям: 44, 62, 64, 106 и др. (Центр. госархив Республики Узбекистан, ф. И—1, оп. 1, д. 699, л. 2, 3, 13, 38).
5. *Сулейменов Б. С.* Об административном устройстве казахской степи по реформе 1867—1868 гг. //Вестник АН КазССР. 1951. № 2. С. 118.
6. См.: *Касымбаев Ж. К.* О некоторых вопросах истории национально-освободительного движения в Казахстане во второй половине XIX в. //История и историография национально-освободительных движений второй пол. XIX — нач. XX вв. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1989. С. 91.
7. *Лобысевич Ф. И.* Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическом отношении. Спб., 1900. С. 81.
8. Тургайская газета. 1901. 13 марта. № 11.
9. *Касымбаев Ж. К.* О роли отходничества в расширении рынка наемного труда в Казахстане: Вт. пол. XIX в. //Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. М., 1989; Он же: переход джатаков (отходников) к оседлости как фактор расширения аграрного рынка в Казахстане: Вт. пол. XIX в. // Аграрный рынок в его историческом развитии. М., 1991.
10. *ИгибаевС. К.* Промышленные рабочие дореволюционного Казахстана (1861 — 1917 гг.). Алма-Ата. 1991. С. 41.
11. *Фридман Ц. Л.* Банки и кредит в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1974. С. 16.
12. *Фридман Ц. Л.* Указ. раб. С. 16.
13. ЦГВИА РФ. Ф. 1450. Оп. 7. Д. 1.
14. ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. д. 2044. Л. 105.
15. ЦГИАРФ. Ф. 391. Оп. I. Д. 91. Л. 315.
16. *Касымбаев Ж. К.* Города Восточного Казахстана.(социально-экономический аспект). Алма-Ата, 1990. С. 62.
17. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 6070. Л. 68—60 (подсчет - наш).
18. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Киргизский край. Спб., 1903. Т. 18. С. 178.

Глава 5. КУЛЬТУРА КАЗАХСТАНА В XVIII — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Разрушение традиционных устоев казахского общества, с одной стороны, и утверждение новых общественно-экономических отношений, с другой, вызвали к жизни ранее не известные виды человеческой деятельности. Углубление общественного разделения труда объективно сказывалось на культуре и духовной жизни народа. В условиях, когда Казахстан оказался на перекрестке интересов России, Англии, Франции и других государств, и заметно ускорилось промышлен-но-транспортное, торговое и иное освоение края, в общественном сознании прочно утвердилось понимание того, что историческая перспектива за теми народами, которые овладели достижениями науки, техники, культуры.

Наиболее просвещенные представители народа добровольно взяли на себя великую миссию учителей, своими знаниями способствовали развитию культуры края. Просторы для сохранения и воспроизводства прежних обычаев, традиций, нравов были значительно ограничены, нов

то же время появились новые социокультурные ценности и ориентиры.

§ 1. Народное образование

Грамотность населения. Почти до середины XIX в. обучение казахских детей осуществлялось в мектебах, где главным считалось механическое зазубривание сур Корана. Функции учителя выполнял преимущественно мулла, как правило, не имеющий представления об учебных планах и методике обучения, Мусульманские мектебы в основном посещали мальчики, что стало одной из причин высокого уровня женской неграмотности. В1884 г., например, в мусульманских школах Верненского, Канальского и Сергиопольского уездов обучались 47,5 тыс. мальчиков и всего 17,3 тыс. девочек. В1895 г. «Киргизская степная газета», описывая урок в мектебах, писала: «Из юрты, где учатся дети, несутся адские крики. Каждый ученик выкрикивает свой урок... Такое преподавание продолжается около четырех лет. По истечении этого срока ученики проходят весь курс учения и оканчивают его, ничего не зная, оставаясь такими же невеждами, какими были».

Вопиющая неграмотность населения Казахстана обнаружилась в ходе переписи 1897 г., хотя она фиксировала прежде всего умение опрашиваемых читать по-русски. Грамотность на родном языке фиксировалась лишь в том случае, если опрашиваемый не умел читать по-русски. Однако материалы переписи не отражали уровня грамотности отдельных народов. По данным переписи 1897 г. лишь 8,1% населения края относились к числу грамотных, грамотность мужчин составила 12%, женщин — 3,6%. Относительно высокий уровень азбучной грамотности наблюдался в северо-восточных губерниях, где проживала основная часть переселенческого населения.

Серьезного роста уровня грамотности населения Казахстана не произошло и в начале XX в.: из 10 детей школьного возраста лишь один посещал школу. Если в центральных районах России по инициативе прогрессивной интеллигенции искоренением азбучной неграмотности занимались воскресные школы, земства, то в Казахстане дело дальше слов не шло. Те воскресные школы, которые открылись в городах, охватывали ничтожное количество людей.

Школьное и профессиональное образование. В Казахстане народное образование развивалось по двум направлениям: религиозному и светскому. Религиозное направление представляли мектебы и медресе, содержавшиеся на средства родителей. Обучение велось на арабском алфавите. Еще в XIX в. Ч. Валиханов с горечью писал о тяжелом положении аульных мектебов, где учительствовали в основном татарские муллы: «Чудовищная фанатика, мертвая схоластика и ни одной реальной мысли».

В начале XX в. мектебы перестали удовлетворять возросшие запросы времени. Началось движение за реформирование конфессиональной школы, организаторами которого выступили джаддисты. Они предлагали заменить буквослагательный метод обучения звуковым, доказывали необходимость преподавания в мектебах светских дисциплин — ариф-

метики, географии, естествознания, истории и др. Там не менее новометодные мектебы не получили широкого распространения.

В системе религиозного образования большим влиянием пользовались медресе. Они готовили мулл, преподавателей мектебов и функционировали, как правило, при мечетях. В зависимости от типа медресе определялся срок обучения — от трех до четырех лет. Наряду с изучением ислама учащиеся получали сведения по философии, астрономии, истории, лингвистике, медицине, математике.

Из этой среды вышли крупнейшие деятели казахской культуры А. Кунанбаев, С. Торайгыров, М. Жумабаев, Б. Майлин и др.

Учебные заведения светского характера открылись после присоединения края к России. Они готовили чиновников для колониального аппарата, переводчиков, учителей, медиков. Так, в 1786 г. в г. Омске открылась Азиатская школа, в 1789 г. — правительственная школа при меновом дворе г. Оренбурга. Эти учебные заведения обучали детей, в т. ч. и казахских, профессиям переводчика, писаря. Военных специалистов и административных чиновников готовили Неплюевский кадетский корпус, открытый в 1825 г. в г. Оренбурге и Омский кадетский корпус, основанный в 1846 г.

Первая казахская советская школа начала функционировать с 1841 г. в Букеевской Орде по инициативе хана Джангира. Ученики этой школы изучали русский язык, математику, географию, восточные языки, а также религию—ислам. Следующим учебным заведением для казахских детей стала семилетняя школа при Пограничной комиссии в г. Оренбурге.

В 1850 г. при Оренбургской Пограничной комиссии открылась другая светская школа. За 19 лет существования она выпустила 48 человек. В 1857 г. школу успешно закончил И. Алтынсарин.

В последней трети XIX в. открылись городские училища, приходские училища, прогимназии, русско-казахские и русско-туземные училища и школы, аульные школы и школы первоначальной грамотности. Они содержались за счет государства и выполняли роль начальных учебных заведений. В Букеевской Орде создавались старшинские школы. Учителями в них были казахи, окончившие курс двухклассного училища и сдавшие экзамен в учительской семинарии на звание учителя. С 1898 по 1914 г. количество начальных школ в Казахстане выросло с 730 до 1988, а численность учащихся в них — с 29,1 тыс. до 101 тыс. человек.

Медленно расширялась сеть средних учебных заведений — реальных училищ, мужских и женских гимназий. В 1914г. их насчитывалось 12 с численностью учащихся 4 тыс. человек.

Прогрессивным явлением в постановке школьного дела стало развитие женского образования. Благодаря стараниям И. Алтынса-рина в 1887 г. было открыто женское училище в Иргизе. В 1890—1896 гг. открылись русско-казахские женские училища в Тургае, Кустанае, поселке Карабутак, в Актюбинске.

К 1896 г. в них обучались 211 девушек, в том числе 70 казашек. Основными препятствиями на пути к более широкому распространению

женского образования у казахов были бесправное положение женщин и реакционные традиции ислама.

В составе учащихся начальных и средних учебных заведений доля казахских детей была незначительна. Так, в Верненской мужской гимназии в 1911 г. обучалось 316 русских и всего 10 казахов. В Сырдарьинской области, по данным 1912 г., имелось 56 русско-туземных училищ, в которых обучались 3 тыс. детей коренного населения, что составляло 2% от общей численности учащихся.

Царизм рассматривал школьное образование как одно из действенных средств русификации национальных меньшинств. «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, — писал в 1870 г. Министр народного просвещения Д. А. Толстой, — бесспорно, должно быть обрусение и слияние с русским народом». Почти во всех учебных заведениях обучение велось на русском языке, не изучались история и литература коренного населения.

Глубокий след в истории просвещения и национальной школы оставил Ибрай Алтынсарин. Родился он в Кустанайской области. Рано потеряв отца, воспитывалсяудеда—бия Балхожи Жанбурчина, войскового старшины Оренбургской пограничной комиссии.

После окончания школы Алтынсарин около трех лет работал писарем у своего деда, а затем в Оренбургском правлении в качестве переводчика. В 1860 г. областное правление поручило ему открыть начальную школу для казахских детей в Оренбургском управлении (Тургай) и назначило учителем русского языка.

Воодушевленный просветительскими идеями, он разъезжал по аулам, разъясняя населению значение светского образования. Собрав у казахского населения средства, он приступил к строительству школы, торжественное открытие которой состоялось 8 января 1864 г. В школу записались 16 мальчиков, при школе был создан интернат. В 1869 г. Алтынсарин поступил на службу в Тургайское уездное управление в качестве делопроизводителя, затем исполнял обязанности старшего помощника уездного начальника и обязанности уездного судьи. По долгу службы бывал в аулах, участвовал в выборах волостного управителя и аульных старшин. На выборах пытался не давать хода подкупам, взяточничеству и злоупотреблениям. Недовольные баи подавали на него жалобы в областное управление, военному губернатору и министру внутренних дел, обвиняя его в нарушении правил выборов, предусмотренных «Временным положением» 1868 г.

В 1879 г. Алтынсарин получил назначение на должность инспектора. По его инициативе и при непосредственном участии была создана в Казахстане сеть народных светских школ, в частности центральные училища во всех уездных городах области. С этой целью он ездил по казахским аулам Тургайской обл., собирал у населения средства, а затем открыл двухклассные русско-киргизские училища в Иргизском, Николаевском, Тургайском и Илецком уездах; укомплектовал их учителями и учениками. Особое значение Алтынсарин придавал оборудованию училищ, созданию библиотек при каждой школе. Много сил и энергии он потратил на открытие ремесленных и сельскохозяйственных училищ,

придавая исключительное значение в подготовке специалистов из среды коренного населения.

Сам И. Алтынсарин написал для учащихся русско-казахских школ два учебных пособия: «Киргизская хрестоматия» и «Начальное руководство к обучению киргизов русскому языку». В переводах из русских классиков, в оригинальных произведениях на казахском языке он пропагандировал идеалы демократического просветительства, плодотворно трудился для развития национальной литературы и культуры, в области формирования казахского литературного языка.

Будучи деятелем определенной эпохи, Алтынсарин не мог избежать известных противоречий, ограниченности в своем мировоззрении. Как и все просветители, он переоценивал социальную преобразующую роль просвещения.

Как образованный человек, Алтынсарин интересовался этнографией, собирал и систематизировал устное народное творчество казахов.

Расширение школьного образования и сдвиги в социально-экономическом облике казахского общества, как никогда остро поставили вопрос о подготовке кадров специалистов. Первыми профессиональными учебными заведениями были Туркестанская учительская семинария, основанная в 1879 г., и Оренбургская казахская учительская школа (1883 г.)

Положение о казахской учительской школе, утвержденное Госсоветом еще в 1880 г., предусматривало ежегодно выделять 17580 руб. на содержание школы.

Позже учительские семинарии открылись в Актюбинске, Верном, Семипалатинске, Уральске. Эти учебные заведения подготовили за весь дооктябрьский период 300 учителей-казахов.

В XIX в. открылись сельскохозяйственные и фельдшерские школы, откуда выходили специалисты со средним образованием. Лишь один Боровский лесной техникум выпустил с 1889 по 1917 гг. 163 специалиста.

Однако профессиональные учебные заведения дореволюционного Казахстана не соответствовали потребностям времени. В1914—1915 учебном году в семи средних специальных учебных заведениях обучалось 352 человека, что не составляло и 1% от общей численности студентов вузов и техникумов России. Во всем крае не было ни одного института и университета.

§ 2. Наука и научное изучение Казахстана

С принятием казахами российского подданства научное изучение края прочно вошло в круг деятельности центральных государственных структур и различных отрядов исследователей. В Казахстане сложилась, хотя и разрозненная, сеть научных учреждений. Одни из них функционировали за счет государственных ассигнований, другие появились благодаря стараниям энтузиастов.

Сближение и взаимопроникновение культур России и казахского народа обогатили в конечном счете общечеловеческую цивилизацию новыми открытиями, идеями и именами. Общение с передовыми представителями российской науки способствовало становлению Ч. Валиханов-

ва как ученого мирового уровня. Многие русские исследователи создали свои фундаментальные труды на основе материалов казахского фольклора, музыки, устной историографии, этнографии.

Первые попытки комплексного изучения Казахстана, предпринятые Россией в XVIII в., связаны с именем М. В. Ломоносова. Он был инициатором организации экспедиционных исследований территории края и создания его географических карт, способствовал проведению научных поисков по истории, лингвистике, экономике и этнографии казахов.

В 1769 г. одну из первых экспедиций возглавил П. С. Паллас. Маршрут ее проходил через Симбирск, Оренбург, Илецк, Орск, Яиц-кий городок, Гурьев, Оренбург, Уфу. Результатом экспедиции стал труд П. С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российской империи» в трех частях (Спб. 1773). В 1769—1772 г. Н. Рычков провел в составе войск работу по сбору сведений на территории Кара Тургая, Тургая, Тирсаккана, Ишима, крепостей Усть-Уйская, Крутоярская, Троицкая. Позднее вышел его труд «Дневные записки путешествия капитана Н. Рычкова в киргиз-кайсацкие степи в 1771 г.» (1772).

Аналогичная работа проводилась и в последующие годы. Она позволила собрать сведения по самому широкому кругу проблем, связанных с принятием казахами русского подданства, торговлей, развитием производительных сил края, скотоводства и земледелия, социальной структурой казахского общества и его политическим устройством.

Крупным итогом изучения Казахстана русскими учеными явился выход в свет книги А. И. Левшина «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацкий орд и степей» в трех частях (1832). Казахская проблематика занимала значительное место в работах В. В. Вельями-нова-Зернова, И. В. Мушкетова, В. В. Радлова, П. П. Семенова-Тян-Шанского и многих др.

Разносторонною деятельность по изучению Казахстана развернули научные общества. В1867 г. было открыто Оренбургское отделение Русского географического общества, где сотрудничали А. Алек-торов, И. Алтынсарин, А. Добросмыслов, И. Крафт и др. Отделение занималось изучением географии, истории, этнографии, естествознания и статистики края, издавало «Записки» и «Известия». При нем работала библиотека, постоянно пополнявшаяся за счет обмена изданиями из других городов и государств.

Во второй половине XIX в. изучением Туркестанского края активно занимались Общество сельского хозяйства, кружок любителей археологии и истории Востока, Общество любителей естествознания, антропологии и востоковедения, а также образовавшийся в 18% г. Туркестанский отдел РГО. В 1877 г. было основано Западно-Сибирское отделение РГО, позднее — его Семипалатинский подотдел, с которым сотрудничал А. Кунанбаев.

Выдающимся исследователем нового поколения стал Ч. Ч. Валиханов (1835—1865). До 12 лет Чокан учился в частной школе. Уже тогда проявились его способности. Осенью 1847 г. Чокан поступил в Омский кадетский корпус, где учащиеся получали знания по многим общеобразовательным дисциплинам: географии, истории (России и всеобщей), рус-

ской и западной литературе, основам философии, зоологии и ботанике, физике, математике, геодезии, строительному искусству и основам архитектуры. Здесь он познакомился с произведениями Палласа, Рычкова и других исследователей. В период пребывания в Омске неизгладимое впечатление произвела на него встреча с выдающимся русским писателем Ф. М. Достоевским и его другом революционером-демократом С. Ф. Дуровым.

В 1853 г. после окончания кадетского корпуса Ч. Валиханова направляют на службу в Сибирское казачье войско. Вскоре в качестве адъютанта он сопровождал генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорта в поездке от Омска до Заилийского Алатау, во время которой он собрал и записал большое количество исторических преданий, легенд и песен.

Весной 1856 г. в жизни будущего исследователя Востока произошло знаменательное событие, во многом определившее дальнейшую судьбу — знакомство с выдающимся ученым, известным географом П. П. Семеновым, высоко оценившим его научные интересы и направившим их на изучение актуальных проблем востоковедения. В том же году Чокан Валиханов участвовал в двух экспедициях от Ала-Куля к Центральному Тянь-Шаню, на озеро Иссык-Куль; в Кульджу с дипломатическим поручением.

В1857 г. Валиханов вновь совершает поездку к алатауским киргизам, где находясь среди кочевий, изучал их жизнь и обычаи, историю, этнографию, устное народное творчество. В этой поездке он записал отдельные части киргизского эпоса «Манас». Особое внимание Валиханов обратил на памятники материальной культуры народов Востока. Остатки древних оросительных систем, памятники архитектуры, развалины древних городов, обнаруженные им во время экспедиции на Иссык-Куль, привели его к выводу о существовании в прежние века на территории Семиречья оседлости и наличии ряда городов.

Соприкосновение с историей соседних народов помогало изучать древнюю и средневековую историю казахского народа. Глубоко проанализировав и сопоставив собранный во время первых экспедиций материал, он пришел к выводу, что « в средние века оседлость здесь (в Киргизии и на юге Казахстана) сильно распространялась в Илий-ской долине». Во время экспедиции на Иссык-Куль, Валиханов, наряду с научными данными, собрал большую коллекцию древностей. Результатом поездок явились законченные историко-этногра-фические произведения: «Дневник поездки на Иссык-куль», «Западная провинция Китайской империи и г. Кульджи», «Записки о киргизах». Научная деятельность Валиханова привлекла внимание Русского географического общества, которое в феврале 1857 г. избрало его действительным членом.

Новым этапом научной деятельности Чокана Валиханова стала конфиденциальная поездка в Кашгарию в 1858 г., когда впервые после Марко Поло и иезуита Геоса (1603) он побывал в этой малоизвестной стране и написал знаменитый труд: «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов Китайской провинции Нан Лу (Малой Бухарии) (1858—1859 гг.)» Труд был высоко оценен востоковедами России и за ее преде-

ретившиеся в пути, сказались на здоровье молодого ученого. По возвращении домой Ч. Валиханов заболевает. В 1860 г. по вызову Военного министра исследователь Кашгарии приезжает в Петербург, где был встречен как отважный путешественник и знаток жизни народов Средней Азии и Казахстана, награжден орденом и повышен в чине.

Недолговременное пребывание в Петербурге (он пробыл там год) духовно обогатило Валиханова и укрепило его демократические взгляды. Он окунулся в гущу общественной жизни и развернул широкую деятельность, работал в Военно-учетном комитете Генерального штаба, Азиатском департаменте и Географическом обществе. Составление карт Средней Азии и Восточного Туркестана, подготовка к изданию трудов Риттера, сотрудничество в издании энциклопедии (где впервые была его известная статья «Аблай»), изучение восточных рукописей, чтение лекций по истории Востока в Русском географическом обществе — все это составляло содержание его жизни в Петербурге. Большое влияние на Чокана в этот период оказали профессор А. Н. Бекетов, редактор «Записок Русского географического общества» востоковед, дипломат и публицист Е. П. Ковалевский, известные ученые-ориенталисты В. В. Григорьев, В. П. Васильев и В. В. Вельяминов-Зернов. Постоянную поддержку и дружеское расположение оказывал Валиханову вице-президент Русского географического общества П. П. Семенов-Тяньшанский. В Петербурге Валиханов вновь встретился со своим другом Ф. М. Достоевским. Среди его петербургских друзей были поэты А. Н. Майков и Я. П. Полонский, братья В. С. и Н. С. Курочкины, состоявшие членами общества «Земля и воля». Разночинная литературная среда расширяла кругозор казахского ученого, помогала ему лучше разобраться в событиях общественной жизни России в период революционной ситуации.

Чтение Валихановым литературно-художественных и общественно-политических журналов «Современник», «Русское слово», «Эпоха», «Отечественные записки», «Время» и др., игравших большую роль в развитии общественного интереса к истории и формировании исторических взглядов интеллигенции, способствовало утверждению демократических взглядов Валиханова.

Влажный петербургский климат пагубно отразился на здоровье Чокана Валиханова. Он вынужден был покинуть столицу.

Переехав в Омск, Валиханов принял непосредственное участие в мероприятиях правительства по реорганизации местного управления степи, внес ряд практических предложений и рекомендаций. Основные мысли изложены им в ряде «Записок», поданных на имя властей: «О мусульманстве в степи», «О кочевниках киргизах», «Записка о судебной реформе». Весной 1864 г. Валиханов участвует в экспедиции Чернаева, целью которой было присоединение к России территории Южного Казахстана. В чине штаб-ротмистра он служил переводчиком при главном командовании, где, исполняя служебные обязанности, способствовал установлению дружественных взаимоотношений русских властей с местным населением, а также справедливому решению споров из-за пастбищ между казахами и киргизами. Но деятельность Чокана на этом поприще была недолгой. Летом 1864 г. он вынужден был покинуть отряд.

возвратиться в Верный, а затем уехать в аул Тезека, старшего султана казахов рода албан. Вероятно, уже в этот период Валиханов не мог переносить тяготы походной жизни. В письме к отцу из аула Тезека он писал: «Устал, нет никакой силы, весь высох, остались одни кости, скоро не увижу света. Мне больше не суждено повидаться с моими дорогими родными и друзьями, нет для этого никаких средств. Это будет мое последнее письмо. Прощайте, обнимаю всех».

Ч. Валиханов умер в апреле 1865 г. в ауле Тезека, в урочище Кочен-Тоган, у подножья Алтын-Эмельского хребта.

Оценивая деятельность Чокана Валиханова от имени Русского географического общества и от ученых России, крупный ученый-востоковед И. И. Веселовский писал: «Как блестящий метеор промелькнул над нивой востоковедения Чокан Чингисович Валиханов. Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных открштий о судьбе тюрских народов: но преждевременная кончина Чокана лишила нас этихнадежд. Он умер от чахотки, не достигнув и 30-летнего возраста».

Научное наследие Ч. Валиханова охватывает широкий круг проблем Казахстана и других народов, в решении каждой и них проявился его могучий научный талант.

Во второй половине XIX—начале XX в. научная жизнь казахского общества обогатилась творениями М.-С. К. Бабажанова, К. Халиди, М. Чорманова, А. Байтурсынова и др.

Выпускник Оренбургского кадетского корпуса М.-С. К. Бабажанов опубликовал ряд историко-этнографических статей, посвященных проблемам коневодства, лечебных свойств кумыса, религиозных представлений казахов, памятников истории. Главным произведением К. Халиди, родившегося в Аягузе, является «Тауарихxамса», опубликованная в 1910 году казанским издательством «Урнэк». В нем содержится анализ исторического прошлого пяти народов Востока — уйгуров, узбеков, казахов, монголов, китайцев.

Широко образованным человеком для своего времени был Ш. Кудайбердыев. Он знал несколько восточных языков, работал в библиотеке и архивах Стамбула и Парижа. Круг его научных интересов охватывал вопросы истории, философии, музыки, литературы, религии. Исторические взгляды Ш. Кудайбердыева наиболее полное выражение нашли в книге «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий», увидевший свет в 1911 г. В книге систематизированы основные сведения о родах Среднего жуза, династии ханов и тюркских народов Азии.

Ш. Кудайбердыев высоко ценил роль науки, знание в жизни общества и человека. Он избирался членом Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, совершил хадж в Мекку.

Целая полоса истории казахской культуры, науки и народного образования связана с именем А. Байтурсынова. Родился он в ауле № 5 Тосынской волости Тургайского уезда. В 1886—1891 гг. обучался в двухклассном русско-казахском училище, в 1891—1895 гг. — в Оренбургской учительской семинарии. Годы учебы были сопряжены с многочисленными трудностями, материальными лишениями. Педагогическую дея-

тельности Байтурсынов начал в аульных школах, затем продолжил в двухклассных училищах Актюбинского, Кустанай-ского и Каркаралинского уездов. Как педагог и просветитель Байтурсынов глубоко переживал невежество народа. Именно в приобщении к образованию, науке, культуре видел он путь к свободе народа. За участие в составлении петиции царю каркаралинской группой казахской интеллигенции Ахмет Байтурсынов, работавший заведующим Каркаралинским двухклассным училищем, был арестован (июль 1909 г.) вместе со своими единомышленниками. Восемь месяцев без суда и следствия находился в Семипалатинской тюрьме. После освобождения ему разрешили проживание только за пределами Казахстана, что приравнивалось к ссылке. Как за политически неблагонадежным за Байтурсыновым был установлен полицейский надзор.

С марта 1910 г. вплодь до Октябрьской революции Байтурсынов жил в Оренбурге.

В 1900 г. в., Петербурге вышла в свет его книга «Кырык мысал» (Сорок басен) — басни И. Крылова в переводе на казахский язык и несколько собственных произведений, написанных в том же духе.

В 1911 г. в Оренбурге вышла вторая книга «Маса» (Комар).

В эти же годы он занимается вопросами реформы казахского алфавита, педагогики, методики, обучения и др. С 1913г. Байтурсынов стал редактором газеты «Казах». Статьи Байтурсынова по вопросам просвещения, литературы, языка знакомили читателей с культурным наследием казахов, призывали их к овладению знаниями, духовному совершенствованию.

С июля 1917 г. газета «Казах» становится официальным органом партии «Алаш», идеи и программу которой поддерживала значительная часть дореволюционной казахской интеллигенции.

А. Байтурсынов — один из первых среди казахских мыслителей определил значение и место Абая как поэта, философа, ученого. Призывал широко проанализировать духовное наследие и идеи «главного поэта казахского народа». В образованности и культуре он видел решающий фактор социального прогресса. Для того, чтобы школьное образование было на должной высоте, считал он, нужны три условия: нормальное финансирование школы, обеспечение учащихся соответствующими учебниками и учебными пособиями, подготовка высококвалифицированных учителей.

Имя Байтурсынова приобрело широкую известность задолго до революции. Оно олицетворяло просвещенную часть казахского общества.

Наука дооктябрьского Казахстана, хотя и достигла определенных результатов, не вошла в жизнь и быт широких слоев населения.

Многие ее направления находились на стадии зарождения. На рубеже XIX—XX вв. научная мысль казахского общества испытывала тяжести колониального края, отсталых общественных отношений.

§ 3. Художественная культура. Печать.

Художественная культура дореволюционного Казахстана вобрала в себя как новации, рожденные колониальной эксплуатацией, так и традиционные черты, свойственные патриархально-феодальному строю. Наи-

более выразительными составляющими ее были литература и музыка. Религиозные догмы и запреты сильно задержали развитие изобразительного искусства и театральной культуры.

Литературные процессы шли по двум направлениям: устное творчество и письменная литература. Устное творчество развивалось в виде айтыса акынов, дастанов, героических и лиро-эпических поэм, сказок, поговорок и пословиц, загадок и т. д. В многочисленных айтысах (состязаниях) XIX—начала XX в. отличались острословием, находчивостью, импровизацией, глубоким знанием обычаев, традиций, языка акыны Жанак, Шоже, Акан Сере, Суюнбай, Жамбыл, Сара Тастанбекова, Асет Найманбаев, Биржан сал.

Основоположникам казахской письменной литературы является А. Кунанбаев.Он родился (1845—1904) в Чингисских горах Семипалатинской области в семье старшины тобыктинского рода. Получил первоначальное образование дома, у наемного муллы. Абай затем был направлен в медресе Семипалатинского имама Ахмет-Ризы. Однако, не дав Абаю закончить учение в городе, отец вернул его в аул и начал постепенно готовить к судебной и будущей административной деятельности главы рода. Абай постиг приемы ведения словесных турниров, в которых главным оружием служило отточенное красноречие, остроумие и находчивость. Судебное разбирательство велось на основе веками существовавшего обычного права казахов. В течение двадцати лет Абай, уже зрелый человек, изучал народное поэтическое творчество, восточных поэтов и русскую классическую литературу. В 1886 г. в 40 лет Абай написал свое стихотворение «Лето», последующие двадцать лет жизни прошли в поэтической деятельности.

Абай был носителем всего нового, прогрессивного в казахском обществе. По его мнению, каждый мыслящий человек должен был выработать свое сознательное отношение к окружающей действительности. Он хотел видеть человеческое общество благим и разумным, прогрессивно развивающимся. Каждый человек должен вносить в это свою посильную лепту. Поэтому Абай призывал всех людей, желающих быть в ряду разумных: «Раз в день, или раз в неделю, или хотя бы раз в месяц давай сам себе отчет, как ты за это время вел себя в жизни, совершил ли ты поступки, соответствующие благу и разуму».

Стремление к прогрессивному развитию общества, где человека возвышают «разум, наука, воля», было одним из главных направлений творчества Абая. Пути служения человеческому обществу каждым человеком в отдельности Абай Кунанбаев видел прежде всего в труде, как средстве достижения и расцвета материальных и духовных благ общества.

В результате колониальной политики царизма и усиления феодального гнета во второй половине XIX в. шло очень быстрое обнищание народных масс, разорение казахского крестьянства. Все больше казахов пополняло массы безработных. Заботясь об этой части казахской бедноты, Абай призывал их не чуждаться наемного труда, как наиболее прогрессивной формы труда вообще.

Все творчество Абая пронизано идеями непримиримости к безделию. Человеческий характер, по его мнению, закаляется лишь в борьбе

с трудностями, в их преодолении. Поэт глубоко верил в творческие силы народа, хотя и понимал, что при современных условиях общественной жизни народные массы не имеют возможности полностью пользоваться плодами своего труда.

В обличительных стихотворениях Абай вскрывал антагонистические противоречия между большинством трудящихся и господствующим меньшинством.

Демократические позиции Абая определяли и его отношения к деятельности старшин и биев. Хотя права биев и урезались царизмом, нов их руках была сосредоточена значительная судебная власть, а казахское крестьянство, в большинстве, имело дело с ними. Решения биев по многим вопросам отражали интересы царской администрации.

Пользуясь темнотой населения, его невежеством, бии всячески стремились извлечь пользу, говоря словами Абая, в основном «дурачили» народные массы.

Чаяния народа были близки и понятны Абаю. В окружающих его людях, в своих близких и учениках он больше всего ценил бескорыстную преданность народу и защиту его интересов. Скорбя о рано ушедшем из жизни любимом сыне Абдрахмане, Абай, перечислял достоинства его (смелость, искренность, благородство и жажду знаний), отмечал, что он «был защитником бедняков, был за честь и правду борцом».

Противоречия современного общества отразились в отношении Абая к духовенству. Будучи глубоко верующим, считая, что «богу присущи справедливость и любовь», он в то же время видел, что служители веры в Казахстане — муллы — были людьми, далекими от справедливости и чести. Большинство из них покупали свое звание и рассматривали его как источник наживы. Видя, что среди казахов многие не знают даже намаз, не говоря о других тонкостях религии, Абай писал: «Я думаю, что нельзя назвать казахов истинными мусульманами». Его отношение к мусульманскому духовенству созвучно с высказываниями Чокана Валиханова, который называл поборников религии «вредными шарлатанами». Видя тяжелую жизнь народных масс, Абай не ограничивался обличением несправедливости, а требовал активных действий, направленных на исправление этой несправедливости.

Пути улучшения жизни трудящихся масс Абай видел в изменении экономической основы общества. Прогрессивное развитие казахов Абай неразрывно связывал с развитием земледелия, ремесла и торговли. Эти три рычага развития экономики являются предметом постоянного внимания казахского просветителя, на них, по его мнению, и должны ориентироваться народные массы.

Хотя большинство населения в Казахстане продолжало заниматься скотоводством, Абай связывал дальнейшее экономическое развитие с расширением и улучшением земледелия, так как оно меньше подвержено случайностям, зависящим от климатических условий казахской степи.

Определяя значение и место ремесла в экономическом развитии общества, Абай говорил: «Необходимо учиться ремеслу», потому что «ремесло всегда остается в руках, и ремесленник, продающий без обмана

то, что он сделал своими руками, — лучший из казахов». В то же время он не мог не видеть, сколько препятствий стояло на пути честных ремесленников при сбыте изготовленных им товаров. Большим злом были альпсатары — перекупщики, разъезжавшие по степи и по дешевке скупавшие у ремесленников их изделия. Альпсатары возникали с развитием товаро-денежных отношений.

Неотъемлемой частью процветания экономики Казахстана, по мнению Абая, является дальнейшее развитие и расширение торговли. Он с глубоким уважением говорил об узбекских торговцах. Много товаров покупали у них и казахи, в обмен, главным образом, на скот. Абай рассматривал торговлю как средство общения между народами, стимул развития производительных сил общества, поэтому был активным пропагандистом дальнейшего ее расцвета в Казахстане. С демократических позиций защищая интересы народных масс, Абай постоянно искал пути прогрессивного развития общества, но подходил к проблеме с просветительских позиций, считая, что дело могут изменить честные, заинтересованные в деятельности на благо народа правители.

Найти пути разрешения противоречий между правителями и интересами большинства народных масс Абай не сумел, не мог он до конца выяснить и взаимозависимость общества, закона и личности, хотя верил в справедливость закона.

Большим злом на пути к благоденствию Абай считал взяточничество и корыстолюбие судей, невежественность мулл, видя основную силу, способную преодолеть это зло, *в* науке и просвещении.

Настойчивое стремление Абая привить молодежи любовь к учению и знаниям выразилось в обличении им пороков казахского общества, связанных, в первую очередь, с невежеством и темнотой.

Изучая жизнь казахского общества, Абай пришел к выводу, что победить его пороки можно только сообща. И хотя каждый человек сам хозяин своей судьбы, но есть судьбы народов в целом. Жить вне общества или быть лучше его невозможно.

У Абая была четко выработанная точка зрения на взаимоотношение с другими народами, населяющими Россию. Основной принцип, которым он руководствовался при этом, был принцип уважения, дружбы и равноправия. Его возмущало стремление казахской знати привить народу презрительное и насмешливое отношение к другим народам. Видя, что казахам нет причин кичиться перед другими народами, он постоянно и умело находил у других народов качества, характеризующие их с выгодной стороны. Уважая другие народы, Абай призывал казахов к общению с ними.

Признавая необходимость мира и взаимопонимания для всех народов, он был убежден, что только при этих условиях могут в полную меру развиться основные движущие силы общества — наука, передовые идеи, культура, и настанет всенародное благоденствие.

В начале XX в. опубликовали свои первые произведения С. Сейфуллин, И. Жансугуров, Б. Майлин, А. Ауэзов, ставшие впоследствии основоположниками казахской литературы советского периода.

XIX—начало XX в. был периодом небывалого подъема музыкальной культуры казахского народа. Композиторы Курмангазы, Даулет ке-

рей, Дина Нурпеисова, Таттимбет, Казанган, Сейтек, Ихлас созда-1и бессмертные кюи. Вся казахская степь пела песни Биржам сала, Ахан сэре, Мулита, Абая, Балуан шолака, Жаяу Мусы, Мали, Ибрая, Естая и др. Творчество народных композиторов отражало горячую любовь человека к родному краю, воспевало красоту природы, заключало в себе нравственные и эстетические ценности. Оно запечатляло рост социальной напряженности в обществе, желание простых людей жить в мире и благополучии. Так, первое музыкальное произведение Курмангазы «Кишкентай» было посвящено восстанию Исатая и Махамбеха, а события 1916 г. послужили причиной создания кюя Дины Нурпеисовой «Набор». Если песня «Гакку» Ибрая стала своеобразным гимном любви, то «Заурeш» Мухита, по определению академика А. Жубанова; настоящий «Реквием». Песни Абая и Жаяу Мусы отличались насыщенностью элементами европейской музыкальной культуры.

В XIX в. началось зарождение казахской прессы. 28 апреля 1870 г. вышел первый номер газеты «Туркестан уалаяты». Она издавалась на казахском и узбекском языках. На ее страницах печатались материалы о Чокане Валиханове, восстании казахов Мангыстау 1870 г. и других событиях.

В1911 г. увидел свет первый казахский журнал «Айкап», за четыре года существования которого вышли 88 номеров. В 1913—1918 гг. издавалась газета «Казах». «Айкап» и «Казах» освещали все стороны жизни общества. Они выступали за переход казахов к оседлому образу жизни и овладение земледельческой культурой, в то же время, не отрицая значения и места кочевничества, смело поднимали женский и национальный вопросы, распространяли медицинские, агрономические знания, поддержали идею созыва Всеказахского съезда.

Расширялось издание книг казахских авторов. В Петербурге, Казани, Оренбурге, Ташкенте вышли произведения Абая Кунанбаева, Чокана-Валиханова, Ибрая Алтынсарина, АхметаБайтурсынова, Ми-рякуба Дулатова, Абубакира Диваева и многих других. В 1912 г. в Семипалатинске была создана типография «Жардем» («Помощь»), специализировавшаяся на выпуске книг на казахском языке. До Октябрьской революции на казахском языке было издано приблизительно 700 названий книг (не считая переизданий).

Таким образом, перемены охватили все стороны культурной жизни казахского общества.

Однако не все духовные ценности и достижения культуры доходили до народа. Сказывались массовая неграмотность населения, малочисленность культурно-просветительных учреждений, колониальная политика царизма.

§ 4. Материальная культура казахов. Обычаи и обряды

Жилище казахского народа — замечательный памятник материальной культуры. Оно делилось на зимнее и летнее, отличаясь величиной и конструкцией. В летнее время казахи жили в легких переносных жилищах, зимой — в постоянных теплых помещениях: «аташ уй», «жер уй», «кара там». Юрта — разборное жилище, изготовленное из дерева и войлока, состояло из «кéреге» — остова (деревянная решетка), сферического купола — «шанрак», радиально расположенных жердей (уык). Раз-

мер юрты зависел от количества крыльев — канат (частей кереге). Юрта, состоящая из 12 крыльев, имела площадь в 100—120 кв. м. 12,-15,-18 — канатные юрты существовали с XII в. до начала XIX в.

Каждая решетка (кереге) состоит из 36 планок — «саганак», изогнутых посередине. Решетки бывают двух видов: из массивных планок мелкой квадратной сеткой — «тор коз» и тонких планок крупной сеткой — «жел коз». Вход в юрту, обращенный обычно на юг, имеет форму прямоугольного проема. Двустворчатые двери часто покрывались резьбой. Решетка каркаса юрты снаружи обкладывалась циновками из тростника — шымши. Поверх циновок каркас юрты покрывался войлоком. От середины свода до земли юрту покрывали туырлыки, от шанырака до низа свода- узуки. Войлочные покрытия скреплялись с корпусом веревками и узорными лентами — бельдеу. Свод юрты украшался подвесными ковровыми дорожками, полосками и лентами с бахромой и кистями из разноцветных шерстяных нитей.

По своему назначению юрты делились на три основных типа. Парадные юрты, предназначенные для приема гостей, отличались большим размером и богатым убранством. Парадные юрты состояли минимум из двенадцати канатов, покрывались белыми войлоком и шелком. Наиболее богатыми по убранству были свадебные юрты — отау. Юрты, служившие жилищем, были меньшего размера. Маленькие походные юрты могли перевозиться на одном верблюде или даже на лошади. Кроме того, были юрты, использовавшиеся как склады и другие подсобные помещения.

Походные юрты можно отнести к типу специализированных, предназначавшихся для военных походов или пастухов и табунщиков. Наиболее простым переносным жилищем был шатер — «курке», состоявший из уыков, поставленных конусом и покрытых войлоком. Чаще использовались в походах юрты «жолама уй», состоявшие из трех-четырех решеток — кереге и уыков.

Кроме того, казахи во время кочевок использовали вместительные подвижные жилища на колесах куйме. Они покрывались тканью, войлоком или кожей разнообразной окраски. В куйме жили дети и женщины.

Центр юрты — ошак — служил местом приготовления пищи и обогрева в холодное время. Напротив входа находилось почетное место юрты — тор — для гостей и заслуженных людей. Пространство у двери называлось «босага». Направо от входа располагались утварь и посуда, слева — конская сбруя. Направо от босага стояла кровать хозяев дома, отделенная занавеской — шымылдык.

Убранство юрты состояло из различных деревянных и кожаных предметов, изделий из войлока, циновок и ковров. Широко распространены были войлочные ковры текемет, войлочные ковры с аппликациями — сырмык, менее — тканые ковры клем. Существовало два вида ковров— безворсовые —такырклем —и ворсовые—тукти клем. Богатые войлочные настенные ковры, орнаментированные аппликациями, инкрустацией и вышивкой, назывались «тускииз».

Утварь и посуда хранились в подвесных сумках (аяк-кап), войлочных коробках (шабдан), ковровых сумках (коржын), состоящих из двух равных карманов и соединяющих их переметной частью. Непременным

атрибутом каждой юрты были сундуки. Деревянные предметы — подставки — (жук аяк), коробы для продуктов (кебеже) (адалба-кан) украшались художественной резьбой.

Во многих районах Казахстана были распространены постоянные жилища из дерева, камней, сырцового кирпича и дерна. По материалу изготовления их называли «агаш уй», «жер уй», «кирпиш уй». Площадь дома зависела от материального состояния хозяина и состава семьи, но в целом оно было максимально приспособлено к кочевому образу жизни.

В народном костюме казахов отразились древние традиции, связанные с этническими, экономическими и климатическими условиями. Одежда изготавливалась из сукна, шерстяных и шелковых тканей, войлока и меха. Особой ценностью у казахов пользовались шкуры куланов, сайгаков и тигров, мех енота, соболя, куницы, горностая. Из шкур шились шубы (тон). Шубы из меха пушных зверей назывались «ишик» и различались по покрытию: меховая шуба, покрытая шелком—бас тон, синим сукном — кок тон, парчой—барша тон. Удлиненные шубы с воротом из шкур жеребячьих — жаргак тон. Из козьих шкур выщипывали длинные волоски, оставляя лишь подшерсток, и шили шубы «кылка жаргак».

Штаны шились из замши, сукна, армячины, украшались богатой вышивкой. В XV—XVII вв. особой популярностью пользовались легкий плащ без рукавов—кебенек и халат из тонкого белого войлока

— каттау. К старинным видам одежды относится также шекпен -длинный плащ из верблюжьей шерсти. Основным видом мужской и женской верхней одежды был халат — шапан, шившийся из шерстяных и шелковых тканей.

Комплект мужской одежды состоял летом из нательной рубахи, штанов и распашного халата, женской — из туникообразного платья (койлек) и безрукавки (женсиз камзол). Для приготовления женской одежды использовались хлопчатобумажные и шелковые ткани, бархат.

Мужские и женские головные уборы отличались многообразием. Наиболее старинный и традиционный мужской головной убор — калпак — из тонкого войлока. Высокие шляпы из белого войлока назывались ак калпак, шляпы с широкими, загнутыми наверх полями

— аир калпак. Весной и осенью казахи носили шапки борик, круглые по форме с высоким конусообразным верхом, обязательно отороченные мехом. Зимние шапки — треухи назывались «тымак».

Бррик девушки украшался подвесками и перьями филина, цапли или павлина. Отороченные бобровым мехом девичьи шапки назывались «камшат борик», вышитые золотом — «алтын борик», украшенные кораллами — «калмаржан борик». Летние легкие шапочки из бархата или парчи — «такия» — украшались пучками перьев, вышивкой серебром и золотом.

Из женских головных уборов наиболее оригинальным был свадебный убор саукеле — высокий, конусообразный, украшеный золотыми и серебряными монетами, кораллами и жемчугом, диадемами и подвесками. С рождением первого ребенка молодая женщина носила головной убор из белой ткани — кимешек.

Мужская и женская обувьтакже отличались разнообразием. Мужские

сапоги на очень высоких каблуках с голенищем выше колен назывались «шонкайма етик», мягкие сапоги с загнутым кверху носком, легкие, удобные для верховой езды — бир така, а также ичиги — маси — из козлиной юфти и калоши — кебис — из более плотной кожи. Зимой носили сантама етик, бедняки — шокай и шарке.

Женская обувь отличалась от мужской изяществом, богатым орнаментом. Повседневной обувью были туфли — кебис. Богатые женщины носили орнаментированные сапоги — кестели етик, туфли на высоких каблуках из зеленой кожи — «кок сауыр», украшенные узорным шитьем и серебряной инкрустацией.

Обязательной деталью казахского костюма были пояса из кожи, бархата, шерсти и шелка — белдик. Пояса из кожи, украшались тиснением, фигурными накладками из серебра с инкрустацией, полудрагоценными камнями, резными костяными пластинами. Такие наборные пояса назывались «кисе». У юношей пояса не были наборными и не имели подвесок. Женские пояса были более широкими и нарядными и шились в основном из шелка и бархата. Носили также мягкие кушаки — кур.

Женские украшения изготавливали из золота, серебра, драгоценных камней. Массивные серебряные браслеты «блезик» покрывали позолотой и инкрустацией. Серьги изготовляли в основном из серебряной проволоки в виде дужек, колец с подвесками из самоцветов, часто — из ромбических и округлых пластин, скрепленных между собой цепочками.

Широко использовались накосные украшения — шашбау—в виде рядов медальонов или пластин, соединенных между собой кольцами. Центральные медальоны всегда украшались филигранью со вставками из цветных камней. К накосным украшениям относились и подвески «шолпы».

Перстни были литые и чеканные, венчики овальной, круглой, грушевидной, многогранной формы. Часто перстни украшались вставками из цветных камней.

Казахские ювелиры изготавливали и другие украшения: нагрудные — омырауша, онир-жиек, «бой тумар», застежки к поясам — ильгек, фигурные бляхи к саукеле — шылтыр, массивные шаровидные пуговицы — торсылдак туйме, булавки — туиреуиш.

При изготовлении женских украшений применялась различная техника: литье, гравировка, чеканка, штамповка, филигрань, чернение, зернь, эмаль.

Разнообразным было и казахское оружие. Из особой стали делали кривые сабли — кылыш-, мечи — селебе, палаши — семсер. Широко использовались шпаги — сапы, кинжалы — канжар, длинные ножи с изогнутым клинком — жеке ауыз, длинные узкие ножи — буйда пышак. Наиболее распространенным орудием были лук — садак и стрелы. Наконечники стрел были различных форм: четырехгранные, ромбические, вилообразные. Копья — найза — имели стальной наконечник и кисти из конских волос. В комплекс вооружения входили кожаные и металлические доспехи — сауыт — стальные кольчуги из колец, стальных шлемов с сеткой и козырьком, деревянных и кожаных щитов, обшитых железными пластинами.

С конца XVII в. стали использовать и ружья, частью купленные в городах Средней Азии, частью изготовленные самими казахами. Ружья были нескольких видов: с фитилем и украшением насечкой серебром — билтели мылтык, без насечки — кара мылтык, с коротким стволом — самкал. Короткоствольные ружья, стреляющие на семьсот метров, назывались «козы кош». Порох и пули казахи изготавливали сами, частью покупали у соседей. Использовались дубины «сойыл» и шокпар из березовых жердей, однако, во время войны они редко употреблялись.

Пища казахов состояла в основном из мясных и молочных продуктов. Молочная пища была разнообразной. Из кобыльего молока изготавливали кумыс (кымыз), из верблюжьего — шубат. Молоко коров, коз и овец шло в основном для изготовления квашеного молока, масла, различных сыров.

Один из любимых напитков казахов было кислое молоко — айран. Смесь айрана с водой называлась «шалап». Из молока сбивали масло — сэры май. Для длительного хранения масла его промывали холодной водой, солили и укладывали в бараний желудок — карын. Важное место в рационе казахов занимали сыры. Высушенный на солнце творог — курт употреблялся в пищу зимой, растворяемый в горячем бульоне, изготавливались другие виды сыров — сары примшик, ак иримшик и др.

Мучные продукты использовались преимущественно зимой. Основными продовольственными культурами были просо, реже — пшеница и рожь. Из проса казахи готовили пшено — тары, шедшее на приготовление пшенной похлебки тары коже. Жареное пшено ели с молоком, маслом: приготовляя из него толокно — талкан. Из пшена мололась мука, приготавливались пресные просяные лепешки — тары табанан. Из пшена готовилось праздничное блюдо «жент».

Пшеница ценилась более. Из нее готовили похлебку бидай коже, талкан и жент. Мука шла на изготовление пресных лепешек (таба нан), лапши (кеспе), обжаренного в сале теста (баурсак). Рожь и ячмень занимали в рационе казахов меньшее место. Из риса казахи южных районов готовили плов (палау) и кашу (ботка).

Основной пищей казахов были мясные блюда. Наиболее ценным мясом считалась конина, из которой приготавливали различные блюда: подкожный жир верхней части шеи (жал) и жир области крупа (жая). Из прямой кишки готовили «карта», из реберного мяса с подпозвоночным жиром — «казы». Колбасы из мяса, других частей туши назывались шужик.

Баранина употреблялась в основном в летнее время. Вареное мясо — основное блюдо казахов — подавалось как с гарниром (кеспе, нан), так и без него. Бульон (сорпа) употреблялся после мяса. Печень и мякоть, обжаренные мелкими кусками на медленном огне, назывались «куырдак».

Посуда и утварь казахов-скотоводов была приспособлена к подвижному образу жизни: легкая, небьющаяся, из кожи и дерева. Для перевозки бьющейся посуды использовались специальные чехлы «шыныкап», например для чашек — большей частью из войлока, реже — деревянные и плетеные.

Самой разнообразной по форме, размерам и назначению была кожаная посуда: саба, суйретпе, торсык, мес и др. Саба шили из специально обработанной лошадиной шкуры, иногда из шкур крупного рогатого скота. При согуме (заготовке мяса на зиму) для саба специально оставляли шкуры, предпочтительно с хорошо упитанных и здоровых животных. Шерсть со шкур снимали, кожу размягчали квашеным молоком, сывороткой, куртом, затем мыли, сушили и посолив, сохраняли до весны. С наступлением весны ее коптили в специальных коптильнях.

Разнообразны и красочны были деревянные ковши для разливки кумыса (шомиш, ожау), нередко украшенные резьбой, инкрустацией из серебра и кости. Обязательной принадлежностью кухонной утвари был металлический котел (казан), в оседлых районах Казахстана широко использовалась керамическая посуда.

Материальная культура казахов отражала особенности хозяйственной жизни народа, основывалась на традициях культуры предшествующих поколений степных скотоводов. Хозяйственно-экономический уклад, пища, одежда была наиболее приспособлены к тем природным условиям, в которых они жили.

Материальную и духовную жизнь народа отражают традиции и обычаи. Много исторически ценного имеется в социальной, юридической и хозяйственно-бытовой терминологии казахов, сохранившейся в исторических преданиях.

Казахские народные обычаи раскрываются в свадебном ритуале «кудалык салт». Отношения родителей невесты к жениху были свободны от многих обрядов, предписываемых исламом. После сговора и первого взноса калыма жених имел право тайно посетить невесту, и его первое посещение (урын-келу), обычно скрытое от родителей невесты, происходило в доме брата или родственника невесты. Второе посещение жениха было открытым и носило название «калындык ойнау».

В XV— XVII вв. ислам не имел большого влияния на семейную жизнь казахов, не было обряда венчания невесты в присутствии муллы. Супружеские узы (жубайлык) скреплялись общим одобрением народа, пением хоровых песен «жар-жар», исполнявшихся на свадебном торжестве.

«Жар-жар» — песня-состязание. Ее поют обычно две группы молодежи: мужская, возглавляемая женихом, женская — невестой.

Песня рассказывает о положении женщины в патриархальной семье, выражает грусть девушки в связи с переходом в другой аул, другую среду, разлукой с родными, удалением от родных мест. Переживания невесты, часто отягощенные сознанием того, что она выходит замуж против своей воли, выливались в искренние и волнующие песни-плачи (сынсу, «Кыз-танысу»), в которых она, прощаясь с родными и аулом, выражала свою печаль.

Традиция требовала, чтобы девушка в сопровождении подруг с прощальной песней посетила каждую юрту своего и ближних аулов. Это прощание девушки с родными у казахов называлось «кыз-таны-су».

В ауле жениха невесту встречали традиционным песнопением «бет-ашар» (открывание лица невесты). Он имел свой канонический текст из двух частей: в первой части невеста обычно представлялась родителям

и одноаульцам жениха, вторая часть состояла из назиданий и наставлений невесте, только что переступившей порог своего семейного очага.

Помимо калыма со стороны жениха готовились обрядовые подарки: матери — сут-акы (за молоко матери), отцу—той мал (свадебные расходы), братьям невесты — тарту (седла, пояса и т. п.) близким родственникам невесты — каде. Беднякам нередко в таких случаях оказывали помощь родственники и друзья. Не оставались в долгу и родители невесты. При сговоре они должны были внести так называемый каргы-бау — залог верности сговора, кит — подарки сватающим. Приданое (жасау) невесты обходились им очень дорого, иногда превышая стоимость калыма. Родители заказывали свадебный головной убор (саукеле) и повозку (куйме). Богатые родители снабжали невесту летним жилищем (отау тигип беру) со всем оборудованием.

Погребальные обряды XV—XVIII вв. были смешанными: основывались как на обрядах ислама, так и на обычаях культа «танир». У казахов существовала вера в загробную жизнь. Поэтому вместе с покойником в могилу клали лук, копье, седло, голову любимого коня, оставляли умершему пищу и питье. В доме покойника проводился обряд ночной охраны. На другой день умерший подвергался очищению огнем, после чего его хоронили рядом с зимовкой. Ханов хоронили в Туркестане, в мечети Ходжи Ахмеда Ясави. В дальних районах на время зимы покойников подвешивали на лесину (соре) и лишь с наступлением теплой погоды отвозили в Туркестан или другое место, считавшееся священным.

Надгробные сооружения казахов строго дифференцированы в зависимости от социального положения умершего. Наряду с надгробиями из сырцового кирпича в XV—XVII вв. еще существовала древняя традиция насыпного холма из камня.

По древнему обычаю покойника долго оплакивали, в знак выражения скорби женщины царапали себе лицо (бет-жырту). Жена, соблюдая траур по умершему мужу, в течение года, носила черный головной убор (кара-салу). Лошадь покойника, на которой он ездил при жизни (если это был богатый человек), покрывали траурной попоной. По истечении года траур снимался, сооружался надгробный памятник и справлялись поминки. Лошади подрезали хвост, а затем закалывали ее. Голову, копыта и шкуру коня клали на могилу хозяина.

Большую роль в культурной жизни казахов играли народные празднества, посвященные важнейшим событиям жизни — свадьбе, рождению ребенка, поминкам (ас) и др. Некоторые из них носили религиозный характер. На праздниках устраивались игры: скачки (байге), борьба джигитов-силачей (курес), борьба всадников. Для участников игр назначались ценные призы. День Нового года (на-урыз) казахи праздновали как начало весны. Народные празднества сопровождались музыкой и состязаниями акынов-импровизаторов (айтыс).

Каждому большому празднику сопутствовали спортивные народные игры кок-бори (серый волк) и кыз-бори (волк-дева), генетически восходящие к древним тотемическим представлениям. Более массовый характер носили спортивная военная игра — жарыс (конное состязание) и большая облавная охота (аба, камаргы). Сложным видом спортивных

состязаний был алтын-кабак (стрельба в золотой диск). Меткие стрелки (мерген) получали ценные награды. Позднее наряду с алтын-кабак получила распространение стрельба в серебряный диск (жамбы ату).

Господствующей религией в Казахстане был ислам. Основными центрами распространения ислама были Туркестан, Хорезм и Бухара. Среди казахов ислам глубоко не укоренился, народные массы еще были далеки от догматов ислама и по-прежнему выполняли обряды древней религии, согласованной на культе «танир» (поклонение небу). У же в древнетюркское время она приобрела характер единобожия (бир танир). В XV—XVIII вв. культ «танир» еще соперничал с исламом. Вопреки предписаниям ислама казахи почитали культ предков, имели изображения своих отцов (буттенгри).

Проявления язычества преследовались мусульманским духовенством. Бухарские шейхи и казии, вдохновленные ханом Мухаммедом Шейбани (XVI в.), приняли решение (фетва), по которому казахи считались идолопоклонниками, а значит, отступниками от ислама. Они рекомендовали хану объявить газават (священную войну) казахам и уничтожить человеческие изображения.

В мировоззрении народных масс в XV—XVII вв. господствовали анимистические представления и культ силы природы, сохранившие черты древней мифологии, в частности, признание борьбы двух начал: доброго (кие) и враждебного (кесир). Сущность анимизма заключалась в одухотворении природных явлений, представлении о том, что за каждым явлением природы скрывается дух, который управляет им. Казахская мифология запрещала рвать весеннюю зеленую траву, ибо в ней люди видели непрерывность жизни. Казахи почитали дух земли (жер-ана) и воды (су-ана). Сохранилось и древнейшее название священного огня — алас. По казахскому поверью, огонь — покровитель жилища домашнего очага. Невестка при вступлении в новую семью должна была поклониться огню в большом доме, принести жертву огню, поливая в него масло (отка май кую).

У казахов сохранился древний обряд очищения огнем (аластау) от древнего слова «алас» — ночной свет, священный огонь. Этот обряд совершался при перекочевке с зимовки на джайлау. С древних времен сложилось поверье, что на зимних стойбищах люди часто грешат, так как в жилищах водятся «нечистые силы», приносящие вред человеку. А джайлау чист, беспорочен и туда следует явиться очищенным, поэтому у начала кочевой дороги, ведущей на джайлау, разводили два больших костра, между которыми пропускали людей и отары овец. Лошади считались чистыми животными и не подлежали очищению.

Основу казахского народного календаря составляли астрономические представления и знания звездного неба, накопленные веками. Большое практическое значение в хозяйственной жизни народа имели наблюдения за периодичностью явлений природы. Кочевое хозяйство требовало знания счета времени и понимания периодичности явлений природы. Казахи наблюдали за движением небесных светил. Постоянное передвижение в бескрайних степях научило их хорошо ориентироваться в сторонах света, находить по звездам дорогу, точно определять расположение урочищ, колодцев, пастбищ.

Среди народа существовали профессионалы-вычислители, занимавшиеся эмпирической метеорологией и счетом времени, — есепчи (счетчик). Их ремесло было наследственным и переходило от отца к сыну. Есепчи обладали опытом многих поколений, из года в год вели наблюдения, давали прогнозы погоды, определяли время сезонных работ, перекочевки с кыстау на джайлау и обратно, устанавливали високосные года казахского народного календаря и т. д. Особый интерес есепчи проявляли к звездному небу. Они хорошо знали все основные планеты, воспевали их в песнях, слагали о них легенды. Карту звездного неба казахи обычно открывают Полярной звездой игравшей важную роль в их жизни. Передвигаясь в ночное время, они ориентировались по ней. Созвездие Большой Медведицы в разные исторические эпохи носило разные названия: «Жетыген» (семерка), «Жеты карт» (семь старцев), «Жеты каракшы» (семь разбойников — Малой Медведицы — «Акбоз ат», «Кокбоз ат» (белый мерин, серый мерин). Названия этих созвездий связаны с пастушеским бытом, ночной охраной стада.

Счет месяцев у казахов определялся луной. Для установления числа месяцев в году казахские есепчи постоянно наблюдали за движением луны. Их наблюдения дали возможность разделить год на 12 месяцев, месяц на три декады. Счет времени определялся периодами растущей и убывающей луны.

Казахи определяли времена года и по положению солнца относительно Плеяд. Астрологические месяцы солнечного года они называли «жулдыз», имея в данном случае в виду число зодиакальных созвездий, которых было 12, соответственно 12 лунным фазам. Страны света устанавливали по дневному положению солнца. Юг называли «онтустик» (правая полуденная сторона), север — «Солтустик» (левая полуденная сторона), восток — «кун шыгыс» (сторона восхода солнца), запад — «кун батыс» (сторона захода солнца).

Большую роль в жизни народа играл циклический календарь, унаследованный ими от предшествующей эпохи. Казахи считали время циклами в 12 лет — мушел. Каждый цикл назывался именем животного: мышь (тышкан), корова (сыйыр), тигр (барс), заяц (коян), дракон (улу), змея (жылан), лошадь (жылкы), овца (кой), обезьяна (мешин), курица (тауык), собака (ит), свинья (доныз).

Начало года соответствовало весеннему равноденствию (ку то-гис) и начиналось с праздника «Наурыз» (21 марта). Персидское слово «Наурыз» — означает «новый день». В этот день мужчины группами ходили из аула в аул, женщины занимались приготовлением традиционного «наурыз-коже» (пшеничной похлебки) — символа изобилия и урожая. Старикам в праздники подавали отваренную голову быка и они произносили традиционные пожелания о росте поголовья скота, изобилии молочных продуктов.

Неделя состояла из семи дней: сенби (суббота), жексенби (воскресенье), дюйсенби (понедельник), сейсенби (вторник), сэрсенби (среда), бейсенби (четверг), жума (пятница). Названия дней имеют главным образом персидское происхождение, за исключением арабского термина «жума».

Кочевое скотоводство и орошаемое земледелие создали основу единой культуры племен Казахстана. Значительное влияние на культуру казахского народа оказывала культура соседних народов, особенно Поволжья, Сибири и Средней Азии. Заметный след оставила также мусульманская культура. Таким образом, в XV—начале XX вв. в Казахстане функционировала единая культура, которая базировалась на лучших традициях культуры древних племен казахских степей.

§ 5. Революционные разночинцы в Казахстане

В развитие культуры Казахстана второй половины XIX в. заметный вклад внесли революционные разночинцы, отбывавшие ссылки в Казахстане. В крае возник ряд народнических кружков, в которых обсуждалось много вопросов, в том числе и национальный, но основное их направление состояло в просветительной деятельности.

Одним из центров научных исследований Казахстана являлся Оренбург, в котором находился отдел Русского географического общества и Тургайский статистический комитет. В числе их членов были Н. Дмитриев, Б. Скалов, П. Добровольский, ряд других ссыльных. Вместе с ними работали казахи Т. Сейдалин, Б. Даулбаев, С. Джантюрин, Б. Наурызбаев и др.

Центром краеведения был Уральск, где собирались и обрабатывались различные материалы, издавались в виде статей.

Важным культурным и научным центром являлся Омск, где политические ссыльные объединялись в отделении Географического общества и Акмолинском статистическом комитете. Среди активных участников их были Ф. Щербина, Г. Н. Потанин, Н. Петропавловский, А. И. Сведенцов, Л. К. Чермак, Д. Клеменц, В. Остафьев, Н. М. Ядринцев, к ним примыкали А. Букейханов, М. Норманов, Н. Джет-пысбаев.

Центр изучения казахского края в Семипалатинске был обязан своим возникновением политическим ссыльным Е. П. Михаэлису, С. Гроссу, А. Леонтьеву и др.

Центром изучения Южного Казахстана были научные учреждения Ташкента, где научной деятельностью занимались народники П. И. Пашино, Г. С. Загряжский, Д. Иванов, Г. Усов, И. Гейер, Е. Смирнов и др. В тесной связи с ними были местные краеведы. В «Материалах для статистики Туркестанского края», «Сборнике материалов для статистики Сырдарьинской области», «Туркестанских ведомостях» увидело свет множество исследований народнического направления. В Семиречье, Верном научной деятельностью занимались народники Г. С. Загряжский, Р. И. Метелицын, В. А. Монастырский, А. Флеров, К. Вернер, С. М. Дудин и ряд ссыльных поляков.

Ссыльные революционеры исследовали прошлое и настоящее казахского народа с позиций народничества. Так, в этнографические описания они всегда включали социальные и политические вопросы. Их исследования и статьи, как правило, имели социальное звучание.

Во второй половине XIX в. на территории Казахстана работало множество историко-статистических, этнографических, геологических и

географических экспедиций. Как правило, активными участниками их были революционные разночинцы. В каждой экспедиции в качестве проводников и переводчиков принимали участие представители местных национальностей, чаще всего казахи. Они одними из первых вступили в контакты с революционными разночинцами. Переводчики не только многое воспринимали, но и с готовностью делились теми сведениями, которыми располагали сами, были носителями знаний, материальной и духовной культуры своего народа, знали степные предания, важнейшие решения биев, положения обычного права, ритуалы и обряды, систему ведения скотоводческого хозяйства, пути кочевания и т. д. Впоследствии многие из этих вопросов нашли отражение в научных работах народников.

Такие взаимоотношения представителей двух народов, первые многочисленные контакты между ними, способствовали сближению казахов и русских. Творческое содружество казахских и русских представителей заложило демократические основы в развитие казахской общественной мысли. Представители русской демократической и революционной мысли в противовес царским колонизаторам способствовали развитию дружеских отношений между русским и казахским народами.

Вместе с И. Алтынсариным в Пограничном правлении оренбургских казахов, работали политические ссыльные А. Н. Плещеев, М. Муравский, польские ссыльные М. И. Винер, А. Пашковский, М. Лукашевич, которые не могли не оказать влияния на формирование мировоззрения казахского просветителя. В 70—80-х гг. через Оренбургский отдел Географического общества и газету «Оренбургский листок» И. Алтынсарин был связан с Э. С. Старшинским, Г. С. Карелиным, А. А. Тилло. Все они подвергались преследованиям царизма. Товарищем революционного демократа Д. И. Писарева по университету был ссыльный П. Н. Расцопов, бывший в доверительных отношениях с И. Алтынсариным.

Ярким примером личных и идейных связей русских разночинцев и казахских просветителей являются взаимоотношения Абая Кунан-баева с Е. П. Михаэлисом, Н. И. Долгополовым, С. С. Гроссом, А. Влеком. Народническое мировоззрение, и прежде всего тезис о долге интеллигенции перед народом, четко прослеживается в духовном наследии И. Алтынсарина. Глубокий интерес к прошлому и настоящему своего народа, его будущему сближало И. Алтынсарина и А. Кунанбаева с революционными народниками.

В борьбе за переустройство общества революционные народники большое внимание уделяли нелегальной и легальной печати. На территории Казахстана в ряде случаев они были организаторами периодических и продолжающихся изданий, принимали участие во всех местных изданиях. «Туркестанские ведомости», «Оренбургский листок» на своих страницах публиковали множество материалов на казахскую тематику. По казахской тематике публиковались материалы в газете «Восточное обозрение», которую редактировали Н. М. Ядринцев и И. И. Попов. В ней поднимались проблемы жизни и быта казахского народа, крестьянских переселений, здравоохранения в крае. Народнические материалы попадали и на страницы газеты «Сибирь». Основание и первые годы издания омской газеты «Степной край» целиком обязаны деятельности

народовольцев. Народнические материалы на казахстанскую тематику публиковались и в «Астраханском вестнике». Значительное количество материалов о казахском народе и русских крестьянах-переселенцах публиковали газеты «Оренбургский листок» и «Туркестанские ведомости», «Тур-гайская газета». Многие корреспонденты этих изданий находились под гласным и негласным надзором полиции.

Многоплановым было участие революционных народников в развитии педагогической мысли и школьного образования в Казахстане. В теоретических документах народнических организаций вопросы народного образования отмечались особо. Народники видели в учителе пропагандиста и агитатора, воспитателя подрастающего поколения, считали необходимыми борьбу с формализмом, зубрежкой, пробуждение интереса к учению, выполнение гражданского долга перед учащимися и народом.

Народники в Казахстане изучали состояние просвещения среди казахского и казачьего населения, а также среди крестьян-переселенцев. Изучением школьного дела в крае занимались ссыльные Б. И. Сцеборский, Н. М. Ядринцев, Г. Б. Байтов, В. А. Остафьев, М. Кулижнов, С. Л. Чудновский, Л. Чермак, С. П. Швецов. Состояние образования в крае было проанализировано по областям и городам: показаны состояние школ, количество учащихся, состав и положение учителей, материальное положение учеников, уровень преподавания. При этом особое внимание уделялось постановке начального образования. Народники правомерно считали, что царская администрация в Казахстане «равнодушно относится к народному образованию», выступали за широкое просвещение казахского народа. Цифрами и фактами они показали низкий уровень мусульманского образования, считая, что такая школа «не может дать серьезных знаний своим питомцам». Либеральные народники в противовес этому пытались узаконить мусульманское образование. Идеи либеральных народников смыкались с официальными установками властей. Лучшим типом школ в крае либеральные народники считали русско-казахские сельскохозяйственные школы. Но в казахских интернатах и сельскохозяйственных школах уровень организации учебного процесса не был поставлен на должную высоту. В тоже время в системе образования они выступали против бюрократизма, самоуправства уездных начальников, боролись против ниценского положения школ и тяжелых условий труда учителей.

Революционные народники были не только теоретиками в области школьного образования, но и практиками, стремившимися претворить в жизнь свои идеи, в частности, среди казахского народа. Такова была деятельность Б. И. Сцеборского, Л. П. Степанова, К. Щербакова, Е. Бекарюковой, Н. Беляева, А. Шайтанова, Д. Гусева, Д. Дениша, А. Прозоровского, К. Дудоладовой, И. М. Скорковского, Е. Нечволадовой, А. Калычевой. В разных местах Казахстана при участии революционных народников были открыты «Общества попечения о начальном образовании». Они вели свою деятельность в Семипалатинске, Кустанае, Актюбинске, Петропавловске, Ташкенте, Аулие-Ате, Верном.

Под их влиянием уехала учиться в вузы первая группа казахской молодежи. Единению русской и казахской молодежи, способствовали Казанский университет, специальные учебные заведения Омска. Медики-народники работали в различных уездах Казахстана и были тесно связаны с жителями Внутренней орды, уездов Акмолинской области, Семипалатинского, Тургайского, Усть-Каменогорского уездов, Сырдарьинской и Семиреченской областей. Они были авторами многочисленных описаний и отчетов медико-санитарного состояния казахских степей. Такие материалы публиковались в местных ведомственных изданиях. Тяжелое положение с медицинским обслуживанием в аулах и городах Казахстана народники выносили на суд общественности. В их материалах вскрывалось бедственное положение казахского и русского населения, отсутствие необходимой медицинской помощи, распространение различных болезней (Д. Л. Дедлов, Л. А. Кузнецов, В. Остафьев и др.).

В период эпидемии холеры, тифа, цинги, врачи-народники проявили самоотверженность. Они организовали медицинские пункты, заботились о лекарствах, в тяжелых условиях проводили приемы больных, работали в больницах, противохолерных и противотифозных бараках. За жизнь людей боролись врачи-народники Л. К. Кузнецов, Д. Д. Бекарюков, С. Н. Флоровский, К. А. Белиловский, А. Будков, Л. З. Буйко, А. А. Полубинский и др. Особенно тяжелыми были голод и эпидемия холеры 1892 года. В этих условиях для народников в Казахстане в силе оставались теоретические положения идеологов 70-х гг. XIX в. о долге интеллигенции перед народом.

В условиях 70—90-х гг. врачи-народники заложили прочные основы русско-казахского сотрудничества в области медицины. Народники и казахи-фельдшеры в период голода и эпидемии в различных местах Казахстана работали вместе.

Глава 6. КАЗАХСТАН В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

§ 1. Социально-экономическое положение края в начале века

В начале XX в. основная территория Казахстана состояла из шести областей: Сыр-Дарьинская и Семиреченская области входили в состав Туркестанского генерал-губернаторства (центр г. Ташкент), Акмолинская, Семипалатинская, Уральская, Тургайская — в состав Степного (центр г. Омск). Территория Внутренней (Букеевской) Орды входила в Астраханскую губернию, а Мангышлакская — в Закаспийскую область.

По данным Всероссийской переписи населения 1897 г. на территории края в пределах нынешних границ проживало 4147,8 тыс. человек, из них 3392,7 тыс. или 81,7% казахов. К1914 г. общая численность населения края составила 5910,0 тыс. чел., из них казахов—3845,2 тыс. чел., т. е. 65,1%. Рост населения края помимо других источников происходил в основном за счет переселенцев, которые особенно после столыпинской аграрной реформы массовым потоком направлялись в Акмолинскую, Семиреченскую и Тургайскую области. В начале XX в. население края становится еще более многонациональным.

Основное население Казахстана жило в сельской местности и занималось полукочевым скотоводством, для которого характерна пастбищно полустойловая система содержания скота, занятие земледелием, сенокошение и др. Казахи разводили лошадей, овец, крупный рогатый скот, верблюдов и коз.

В конце XIX—начале XX в. в Казахстане все большее распространение получает земледелие. По данным 1897 г., удельный вес казахов среди населения, занятого земледелием, составлял — 55,4%[1].

Земледелие преобладало в Шымкентском и Аулие-Атинском уездах Сырдарьинской области, где на каждое сеющее хозяйство приходилось до 10,7 дес. посева. В Капальском уезде Семиреченской области в 1910 г. земледелием занималось 81% казахских хозяйств, а в Верненском — 79,3%[2]. В Кустанайском уезде земледелием занималось — 88% казахских хозяйств, которые засевали 107440 дес., а на одно сеющее хозяйство приходилось 22,2 дес.[3].

Значительную роль в развитии земледелия сыграли переселенцы. Быстрое распространение земледелия среди казахского населения, освоение новых сельскохозяйственных орудий и приемов обработки почвы, спрос рынка на зерновые и фуражные культуры содействовали тому, что все большее место в посевах стали занимать пшеница, ячмень и овес. Расширяются посевы риса, бахчевых и огородных культур.

В начале XX в. в крае намечается тенденция роста городского населения. Во всех областях городское население в 1897—1914 гг. выросло более чем в полтора раза. Крупными городами являлись Уральск (47,5 тыс. чел.), Петропавловск и Верный (по 43,2 тыс.), Семипалатинск (34,4 тыс.)[4]. Большинство городов, возникнув как административные центры, быстро превращались в центры торговли и обрабатывающей промышленности.

Наиболее крупной социальной группой в городе являлась торговая буржуазия — 20,3%, занятые в горной, горнодобывающей и пищевой промышленности составляли — 33,1% (в основном рабочие и служащие), 20% горожан занимались сельским хозяйством и промыслами[5].

В Казахстане в основном получили развитие горнодобывающие и горнозаводские, а также обрабатывающие предприятия. Горная промышленность развивалась на Алтае и в Центральном Казахстане, где разрабатывались богатые месторождения цветных металлов и угля. В начале XX в. предприятия горной промышленности, производившие медь, золото, уголь и др., перешли в руки иностранных акционерных обществ. Так, англо-французское акционерное общество Спасских медных руд, возникшее в 1904 г. в Лондоне, приобрело Спасско-Успенский медный рудник и завод, Саранско-Карагандинские каменноугольные копи, железные рудники. Держателями акций общества были американцы, немцы, шведы, австрийцы. В 1914 г. началось строительство Риддерского рудника, Экибастузского свинцово-цин-кового завода, строилась железная дорога.

Одной из главных отраслей горной промышленности края в начале XX в. была добыча золота. В Экибастузе, Караганде, Саранске разрабатывались угольные месторождения, добытый уголь железной дорогой и водным путем доставлялся в Пермскую губернию, Омск и Барнаул, а также в Павлодар, Петропавловск и другие города края.

В начале XX в. в экономической жизни Казахстана важную роль приобретают соледобывающие промыслы, находившиеся в основном в западном и северо-восточном регионах края. Соль добывалась как для местных нужд, так и для вывоза. Наиболее крупными были Баскунчакские промыслы во Внутренней Орде, где работали до 5 тыс. казахов, Коряковские, Карабашские в Павлодарском уезде Семипалатинской области. Соляные промыслы сдавались в аренду артелям, товариществам и обществам.

В Западном Казахстане, Урало-Эмбинском районе добывалась нефть. Разработкой нефтяных месторождений в 1912—1914 гг. занимались «Западно-Уральское нефтяное общество», «Урало-Эмбинс-кое общество» и «Северо-Каспийская нефтяная компания», владельцами которых были английские капиталисты. Дешевая рабочая сила, отсутствие конкуренции, богатые месторождения нефти при хищнической эксплуатации приносили огромные прибыли хозяевам.

В целом же, в промышленности края преобладали предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья: кожевенные, салотопенные, мыловарные, винокуренные, маслобойные и др.

В Семиреченской, Акмолинской и Семипалатинской областях получили развитие шерстяно-суконные фабрики, мясоконсервные заводы, в которых особую заинтересованность проявляло военное ведомство, а также мукоМольно-крупяная промышленность.

В Южном Казахстане кроме мелких предприятий по обработке сырья развивалась и хлопкоочистительная промышленность. В начале XX в. в Шымкенте было построено четыре хлопкоочистительных завода, в Туркестане — два.

Рыбные промыслы развивались в Волжско-Каспийском бассейне, Урало-Эмбинском крае, на Аральском море, на Иртыше, Балхашском и Зайсанском озерах.

В превращении Казахстана в источник сырья и рынок сбыта капиталистической промышленности важную роль сыграло строительство железных дорог. В начале XX в. в Казахстане развернулось строительство железных дорог — Оренбург — Ташкент, Троицкой, Алтайской и Семиреченской железных дорог. Основной железнодорожной магистралью дореволюционного Казахстана была Орен-бургско-Ташкентская, построенная в 1901—1905 гг.

Строительство железных дорог имело огромное значение в экономической жизни края, так как железные дороги связывали край с промышленными центрами России и втягивали в общероссийский экономический рынок. Из Казахстана вывозились различное промышленное сырье, продукты скотоводства, скот, зерно, а в край ввозились фабрично-заводские изделия, галантерейные, бакалейные товары. Железные дороги также имели военно-стратегическое значение для перебрасывания войск и подавления народных выступлений и волнений. К 1917 г. в Казахстане было проложено всего 2793 версты железных дорог, из них 2557 верст были дорогами общего пользования и лишь 236 верст местного значения[6].

В Семипалатинской области из-за отсутствия железных дорог пользовались водным путем. Грузы по Иртышу перевозили пароходные компании «Западно-Сибирское товарищество пароходства и торговли» и др.

В1911 по Иртышу ходили 73 парохода и 214 непаровых судов и барж, основная часть которых был а занята перевозкой грузов между Омском и Семипалатинском[7].

В крае широко использовался гужевой транспорт. Грузы перевозились по трактам Семипалатинск — Верный — Ташкент, Оренбург — Гурьев, Петропавловск — Кокчетав — Акмолинск и др.

Развитие промышленности и строительство железных дорог и водных путей заложило экономическую основу формирования кадров рабочего класса в Казахстане, начало которого относится в основном к середине XIX в. Основными источниками их формирования в крае были отходники из обедневшей части казахских шаруа и крестьяне-переселенцы, разорившиеся ремесленники, кустари и беднота местных городов, нижние воинские чины, а также квалифицированные рабочие и крестьяне-бедняки из внутренних и других губерний Российской империи.

Численность рабочих в крае в 1913 г. достигла *ко 15* тыс. человек. В Казахстане насчитывалось 675 фабрично-заводских предприятий, где работала 51 тыс. рабочих, из них в крупной промышленности более 19 тыс. На железнодорожном и водном транспорте было занято свыше 25 тыс. рабочих. В годы первой мировой войны число рабочих увеличилось на предприятиях крупной промышленности и транспорта. В 1917 г. накануне и в период Октябрьской революции численность рабочих Казахстана была около 90 тыс. чел.[8]. Однако большинство рабочих были сезонными. Постоянной работой обеспечивали лишь железнодорожные линии и отчасти предприятия горнодобывающей и горнозаводской промышленности, что обусловило возникновение более или менее постоянных кадровых рабочих в этих отраслях производства. Степень концентрации промышленных рабочих была слабой, особенно на предприятиях обрабатывающей промышленности, где в среднем на одно предприятие приходилось не более 20 чел. Высокой концентрацией рабочих отличались предприятия горнодобывающей, горнозаводской промышленности и транспорта.

В условиях господства патриархально-феодальных отношений в крае и слабого развития местной промышленности, элементом крупного капиталистического производства с относительно высокой концентрацией рабочих были железнодорожные мастерские и депо. Это имело особенно важное значение для развития рабочего и социал-демократического движения в Казахстане, передовым отрядом которого стали местные железнодорожники. В Северном Казахстане такую роль наравне с омскими железнодорожниками играли рабочие мастерских и депо ст. Петропавловск; где в июне 1905 г. работали 460 чел.[9]. Это был сравнительно крупный очаг сосредоточения рабочих. Такую же роль играли рабочие железнодорожных мастерских станций Оренбург, Уральск, Актюбинск, Казалинск, Перовск, Челкар, Туркестан и др. Следовательно, основная масса промышленных и железнодорожных рабочих сосредотачивалась в городах, расположенных вдоль железнодорожных линий.

Среди фабрично-заводских рабочих местные жители, как правило, имели подавляющее большинство. На железнодорожном транспорте, требовавшем более высокого квалифицированного уровня и технических навыков, подавляющее большинство рабочих составляли русские.

Среди поденных и временных рабочих железных дорог было большое число представителей местных национальностей. Так, в июле 1917 г. на участке ст. Тугуз — ст. Сапак Оренбургско-Ташкен-тской ж. д. из 467 железнодорожников был 381 рабочий, из них 47 проц. составляли казахи. Из 248 поденщиков казахов было 173 человека, т. е. 70%. Это были в основном низкооплачиваемые ремонтные рабочие, грузчики, возчики и различные чернорабочие[10]. В целом, в 1917 г. из 30 тыс. железнодорожников края казахи составляли 5—6 тыс. человек или около 20 проц.

Другим передовым отрядом местных рабочих являлись рабочие горной и горнозаводской промышленности с более высокой концентрацией рабочихи наличием постоянных кадров, чем в обрабатывающей промышленности. Еще в 1887 г. Зайсанский уездный начальник по поводу однЬй забастовки писал, что в ней участвовали «горнорабочие киргизы»)а возглавляли ее «русские мастеровые». При этом он подчеркивал, чт^ «горнорабочие киргизы Усть-Каменогорского и Зайсанского уездов занимаются приисковыми работами более 10 лет, люди опытные, многие говорят по-русски»[11].

Положение промышленных рабочих края, в условиях отсутствия фабричной инспекции и контроля за деятельностью предпринимателей, было значительно тяжелее, чем в промышленно развитых районах России. Рабочий день устанавливался по произволу хозяев предприятий и доходил на нефтепромыслах Эмбы до 12, на золотых приисках — до 10—12, на соляных — до 14—16 ч. Для подавляющего большинства железнодорожников официально установлен 12-часовой рабочий день, работать же приходилось еще больше. При низкой заработной плате рабочих России в целом на промышленных предприятиях края платили в 3—4 раза меньше, чем в центральных районах страны[12]. Мизерная зарплата рабочих еще больше урезывалась произвольными штрафами, обманом и обсчетом при выдаче части зарплаты продуктами и товарами и т. д.

Примитивные орудия труда (клин, кайло и лопата) на горных предприятиях, отсутствие элементарных мер безопасности труда приводили к массовому травматизму, с частыми случаями увечья и смерти. Большинство рабочих не имели жилья, лишь около 40% ютились в жалких лачугах, землянках и бараках, поэтому при отсутствии медицинского обслуживания и санитарно-гигиенических условий среди рабочих и их семей часто возникали эпидемии и инфекционные заболевания.

В особо тяжелом положении находились казахские рабочие, по отношению к которым применялась открытая дискриминация. За равноценную работу казахские рабочие получали значительно меньше, чем русские[13]. Все это: низкая зарплата, многочисленные штрафы, обмер, обсчет и другие виды произвола властей и хозяев, тяжелые жилищно-бытовые условия труда толкали рабочих на борьбу за улучшение своего экономического и политического положения.

§ 2. Участие населения края в Российской революции 1905—1907 гг.

Первая буржуазно-демократическая революция в России дала толчок политическому пробуждению трудящихся Казахстана, развитию в

крае национально-освободительного, рабочего, аграрного и других форм движения против колониального, социального и других видов угнетения. Отношение различных слоев населения края к событиям 1905—1907 гг. в России было неоднозначным. Из-за низкого уровня экономического, социального и политического развития края по сравнению с другими несколько шире развивалось рабочее движение, поднявшееся в годы революции на качественно новую ступень. В нем принимали активное участие промышленные и городские рабочие. Аграрное движение было представлено в основном трудовыми слоями казахского аула, переселенческой деревни и казачьих станиц. Национально-освободительное движение объединяло различные слои казахского аула, начиная от широких масс коренного населения в лице сельскохозяйственных батраков и бедноты до зарождавшейся буржуазии, национальной интеллигенции, феодальных кругов и мусульманского духовенства.

Рабочее движение в Казахстане в 1905—1907 гг. вступило в новый этап своего развития. В эти годы произошел ряд крупных политических и экономических выступлений рабочих, тесно связанных с общим ходом революционных процессов в России: забастовки на Успенском медном руднике в декабре 1905 г., Спасском медеплавильном заводе, в Карагандинских копях и на Успенском руднике в июне 1907 г., на предприятиях Семипалатинска, Уральска, Актюбинска, Верного, Кустаная и других городов.

Наибольшего размаха забастовки и стачки рабочих в Казахстане получили на железнодорожном транспорте. В годы революции на линиях края неоднократно прекращалось движение поездов, железнодорожники явочным порядком вводили 8-часовой рабочий день, добивались ряда уступок со стороны администрации, создавали профсоюзы, брали в свои руки руководство станциями, участками, а иногда целыми дорогами; организовывали боевые дружины и т. д. Возникшие в период высшего подъема революции в октябре-декабре 1905 г. железнодорожные комитеты Перовска, Петропавловска, Уральска и других станций края, наравне с Советами рабочих депутатов «фактически являлись зачатками новой революционной власти»[13].

Первая российская революция 1905—1907 гг. способствовала возникновению в крае первых групп и организаций РСДРП. Большую роль в этом сыграли Сибирский, Астраханский, Самарский, Саратовский комитеты РСДРП, действовавшие в непосредственной близости к Казахстану, Особое значение имел «Сибирский социал-демократический Союз», возникший в 1904 г., в особенности его Омская организация, которая проводила большую пропагандистскую работу и среди трудящихся, в первую очередь рабочих Петропавловска, Кокчетава и других северо-восточных районов Казахстана, а также Семиречья.

Первым марксистским кружком самообразования в Казахстане был кружок в Атбасаре, организованный ссыльным рабочим с Урала А. Д. Ушаковым в 1896 г. В начале XX в. марксистские кружки возникли в Акмолинске, Петропавловске, Уральске, Кустанае, Семипалатинске, Верном и других городах края[14].

Постепенно марксистские кружки Казахстана от изучения и пропаганды революционных идей переходили к политической агитации и практическим выступлениям. В первые месяцы революции на базера-

нее существовавших марксистских кружков оформились организации РСДРП в Перовске и Уральске, социал-демократические группы в Петропавловске, Казалинске и Туркестане, а несколько позднее в Акмолинске, Кокчетаве, Актюбинске, Павлодаре и других городах края. В1906 г. оформилась организация РСДРП и в Семипалатинске. С событиями революции 1905—1907 гг. связано и начало профсоюзного движения в крае. Одним из первых был создан профсоюз железнодорожников в Уральске (ноябрь 1905 г.), во главе которого стояли Н. Смуров (впоследствии один из командиров Чапаевской дивизии), Н. А. Покатилов и Н. И. Ульянов. В Уральске действовал также ряд профсоюзных организаций, среди которых наиболее сплоченным и боевым после железнодорожного являлся профсоюз типографских рабочих.

Наиболее крупным был профсоюз железнодорожников Оренбург-ско-Ташкентской железной дороги, который в 1906 г. объединял 6 тыс. человек, т. е. 40,8% всех рабочих и служащих линии.

Своеобразной профсоюзной организацией горняков Казахстана был Русско-Киргизский союз на Успенском руднике. В целом по Казахстану, по приблизительным подсчетам, в годы первой российской революции действовало 20—25 профсоюзов рабочих и служащих, объединявших всего 3,5% от их общей численности[15].

Это говорит не только о слабости рабочего движения в крае, что обусловливалось малочисленностью местных рабочих, их низкой концентрацией по предприятиям и сезонностью производственной деятельности, но и о социально-экономической отсталости края, где подавляющую часть населения составляли казахские шаруа и переселенческое крестьянство.

Аграрное движение в Казахстане, получившее некоторое развитие в условиях первой буржуазно-демократической революции, в целом оставалось слабым и не вышло за рамки отдельных разрознен-ныхкрестьянскихвыступлений. Эти стихийные акты протеста против произвола баев — феодалов и представителей колониальных органов в основном ограничивались избиением хозяев, представителей власти, отказом от уплаты налогов и выполнения повинностей, угоном их скота, потравой посевов и т. д. Так, например, казахские шаруа из Арганатинской волости Лепсинского уезда Семиреченской области в количестве 200 чел. в начале 1905 г. убили волостного правителя, избили сопровождавших его стражников и баев[16]. Летом 1905 г. происходили волнения казахской бедноты в Семипалатинской, Тур-гайской, Уральской и Сыр-Дарьинской областях.

В ноябре 1905 г. во многих казахских аулах происходили многолюдные собрания, на которых обсуждались положения царского манифеста 17 октября и нужды шаруа. Многолюдная демонстрация состоялась 15 ноября 1905 г. в г. Каркаралинске, в которой совместно с рабочими, крестьянами-переселенцами и солдатами участвовала большая группа верховых казахских джигитов из аулов и волостей этого уезда».

Крестьянские выступления происходили и в уйгурских и дунганских кишлаках Семиречья, беднота которых протестовала против захвата крупными феодалами общинного землевладения, а также против царских

чиновников. Волнения прошли и среди недавно переселившихся из центральных губерний русских крестьян, беднейшей части казачества и солдат отдельных гарнизонов.

В борьбе казахских шаруа против социального гнета значительное место заняла петиционная кампания, т. е. подача жалоб и прошений в вышестоящие правительственные инстанции вплоть до царя — «акпадши». Эти петиции, многочисленные и разнообразные как по содержанию, так и по происхождению, не только характеризуют еще сохранившуюся у казахских крестьян веру в справедливость царя, но являются своеобразной формой протеста против произвола, выразившегося в изъятии у коренного населения плодородных земель, пастбищ и лугов, против непосильных налогов, повинностей и других злоупотреблений. Особо следует отметить обращение казахских крестьян к русскому народу «От киргиз — русским», которое было в феврале 1907 г. опубликовано в газетах «Оренбургский край», «Уральский дневник» (на татарском языке в г. Оренбурге). В нем подчеркивалась гибельность колонизаторской политики царизма не только для казахского населения, но и для всей трудовой России. Это обращение показывает политическое пробуждение казахских шаруа, их стремление к совместной с русскими рабочими и крестьянами борьбе против угнетения.

В развитии рабочего и аграрного движения в Казахстане, освободительной борьбы в крае в целом определенную роль сыграла узкая интеллигентская прослойка, зародившаяся на рубеже XIX—XX вв. По своему составу и направлениям, характеру общественно-политической деятельности она объединяла различные группы, но основную ее часть составляли представители колониальной администрации, включая врачей, учителей, адвокатов и др. Это были выходцы из дворян, разночинной среды и низших слоев общества. Большинство их занимало проправительственные, имперские позиции, но политические ссыльные, среди которых было немало социал-революционеров, социал-демократов и других революционных элементов, принимали особенно активное участие в выступлениях городских трудящихся края. Во многих городах возникли организации как революционных и либерально-демократических (кадеты, октябристы и т. д.), так и черносотенных партий.

Особо важно отметить значение казахской интеллигенции в национально-освободительном движении, которое тесно переплеталось с борьбой казахского населения за справедливое решение аграрного вопроса в крае. Ряды местных интеллигентов различались по своим воззрениям и действиям. Некоторые из них, в основном выходцы из низов, придерживались социалистических идей, сотрудничали с социал-демократами, эсерами. Так, например, Мухаммед-Максут Хамидуллин-Бекметов—телеграфист Омской почтово-телеграфной конторы, выходец из Каркаралинска, поддерживавший тесный контакт со своими земляками, в особенности накануне и в период всероссийской политической стачки в октябре 1905 г., занимался пропагандой революционных идей в Северном Казахстане.

Другая, более значительная не только по численности, но и по влиянию, часть казахской интеллигенции стояла на либерально-демократических позициях. Это были в основном представители феодально-ари-

стократической верхушки степи — А. Букейханов, Б. Каратаев и др., хотя среди них был и и выходцы из средних и низших слоев аула (А. Байтурсынов и др.). Они в декабре 1905 г. в Уральске провели съезд делегатов казахского населения пяти областей и пытались создать свою партию— филиал конституционно-демократической партии России, которая должна была отстаивать национальные интересы казахов. В феврале 1906 г. в Семипалатинске состоялся второй съезд казахов, который одобрил близкую к кадетам программу, но включил в нее требования о прекращении переселения в край крестьян, признания всех земель Казахстана собственностью коренного населения, открытия школ и т. д. Они выступали за свободу вероисповедания, развитие национальной культуры, распространение казахского языка наравне с другими языками в Казахстане.

Национально-освободительное движение казахов в эти годы приняло и формы религиозной борьбы, в ходе которой выдвигались требования организации особого мусульманского духовного управления, строительства мечетей, открытия духовных школ, преподавания ислама в школах на казахском языке, выдачи заграничных паспортов для паломничества в Мекку и т. д.

В повышении политического сознания населения Казахстана определенную роль сыграли выборы в Государственную думу, во время которых развернулась борьба политических партий за голоса избирателей. Они показали, что в наиболее крупных областях края со значительным числом русского населения большим влиянием пользовались социал-демократы и трудовики, а среди казахского населения — представители либерально-демократической национальной интеллигенции. ВI Государственную думу от Казахстана было избрано девять депутатов: четыре от казахского населения и пять — от русского населения. Во II Государственной думе от Казахстана было уже 13 депутатов, в том числе от казахского населения — пять.

Во II Государственной думе депутаты от казахского населения примыкали к кадетам и входили в мусульманскую фракцию, совместно с другими «националами» России добивались прекращения переселения крестьян на окраины.

Таким образом, события в Казахстане в годы первой российской революции 1905—1907 гг., в особенности выступления рабочих, крестьян и интеллигенции, национально-освободительное движение и т. д., несмотря на их слабость и разрозненность, стали политической школойдля местных трудящихся, опыткоторой имибыл использован в дальнейшей борьбе за национальное и социальное освобождение.

§ 3. Борьба трудящихся Казахстана в условиях нового революционного подъема и первой мировой войны

После поражения первой российской революции в стране наступил период реакции. Были запрещены демонстрации, митинги и собрания, разгромлены Уральская, Петропавловская, Семипалатинская, Верненская, Перовская и другие социал-демократические организации и профессиональные союзы. По закону от 3 июня 1907 г. о роспуске II Государственной думы и введении новой системы выборов, казахи и другие народности, населявшие край, лишались избирательных прав. Усилился

полицейский надзор за служащими, рабочими и крестьянами. Владельцы промышленных предприятий Перовс-ка, Акмолинска, Уральска, промыслов «Эмба», «Доссор» и др. увольняли с работы «неблагонадежных рабочих, вносили в «черные списки» активистов, организаторов выступлений, волнений масс». На предприятиях были увеличены нормы выработки, продолжительность рабочего дня, снижены расценки, широкий размах получили штрафы. Черносотенные организации «Союза русского народа», «Союза Михаила Архангела» и др. устраивали погромы, разжигали национальную вражду.

Для подавления выступлений крестьян-переселенцев, казахских шаруа из гарнизонов направлялись казаки, отряды карателей. Так, в апреле 1909 г. по телеграфному запросу из Перми в Кустанай была направлена сотня казаков для подавления недовольства казахов, выступавших против переселенческой политики царизма.

Обострение аграрного вопроса в центре России царское правительство пыталось разрешить путем колонизации своих окраин, в том числе Казахстана, переселением крестьян. Колонизация земель сопровождалась массовым изъятием у казахского населения под видом «излишков» лучших плодородных земель, в том числе обжит <іс и освоенных. Только в 1906—1912 гг. было изъято свыше 17 млн. д ее ч гин земли.

По закону от 9 июня 1909 г. землеустройство производилось по двум нормам: переселенческой — по 15 и кочевой — по 12 дес. Представители аграрно-демократического направления, выступая по аграрному вопросу, пропагандировали переход казахов на оседлость. Так как царское правительство стремилось как можно больше изъять земель у казахского населения, переход на оседлую форму хозяйствования позволял им сохранить удобные земли, тем более, казахским шаруа предлагалось получить землю по переселенческой норме с «правом постоянного неотъемлемого владения землей»[к]

Усиление национально-колониального гнета, аграрная политика царизма, проникновение капиталистических отношений в социально-экономическую жизнь края привели к росту национального самосознания казахского народа. Национальное движение в казахском обществе было неоднородным, существовали различные идейно-политические течения, ядром которых выступали национальная интеллигенция, выпускники университетов и училищ Петербурга, Москвы, Казани, Томска, Омска и Оренбурга. Наиболее выражавшими мнение различных идейно-политических течений национальной интеллигенции были журнал «Айкап» и газета «Казах».

Журнал «Айкап», выходивший в 1911—1915 гг. (издатель и редактор — Мухамеджан Сералин (1871—1929 гг.), выражал аграрно-демократические направления идейно-политической мысли в Казахстане. В нем сотрудничали Ж. Сейдалин, Б. Каратаев, С. М. Торайгыров, С. Сейфуллин, Б. Майлин и др. На страницах журнала освещались проблемы аграрных отношений, просвещения и знаний, развития товарно-денежных отношений в казахском ауле, разоблачалась колонизаторская политика царизма. Главным вопросом в журнале «Айкап» был аграрный вопрос, т. е. земельные отношения, оседание кочевого хозяйства, вопросы агро-

культуры, изменения форм хозяйствования и др.

Газета «Казах», выходившая с 1913 по 1918 гг., выражала идеи либерально-демократического направления. В ней сотрудничали лидер казахской конституционно-демократической партии и общенационального движения казахского народа, ученый-экономист А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов и др. В главном, аграрном вопросе они выступали с требованием отмены государственной собственности на землю и передачи ее в собственность казахам, запрета продажи земли. Вобласти развития общественно-политической жизни края либерально-демократическое направление ратовало за эволюционное развитие общества. В целом, несмотря на различные взгляды о развитии социально-экономической и общественно-политической жизни края, журнал «Айкал» и газета «Казах» на своих страницах сумели выразить общенациональные идеи и интересы казахского народа в условиях колониальной окраины империи.

В 1910—1911 гг. в связи с новым экономическим подъемом в Казахстане оживилось забастовочное движение. В мае 1911 г. бастовали рабочие-железнодорожники мастерских станции Перовск и Туркестан, горняки на рудниках акционерного общества «Атбасарс-кие медные руды». В забастовке участвовали около 300 человек, которые требовали увеличения заработной платы.

28 апреля 1912 г. в Оренбурге и по линии распространялись прокламации городского комитета РСДРП, которые призывали к празднованию Первого мая, а также содержали требования 8-часового рабочего дня, политических свобод, роспуска армии и замены ее народной милицией.

Летом 1912 г. на ташкентском участке Оренбургско-Ташкентской железной дороги происходили также волнения 300 рабочих подрядчика Карахнова, доведенных до полного отчаяния шестимесячным ожиданием расчета[19].

12 мая 1912 г. из-за низкой заработной платы, тяжелых условий труда забастовали рабочие Спасского медеплавильного завода. В июне 1913 г. забастовали рабочие-строители Оренбургско-Орской железной дороги, нефтяники Доссора, в сентябре произошли волнения рабочих на Чокпаркульских угольных копях в Тургайском уезде. В своих выступлениях рабочие требовали улучшения экономического положения, решения социальных вопросов, выдвигали политические требования, которые имели важное значение для развития политического сознания и решимости бороться за свои права.

Выступление рабочих края оказало влияние на рост крестьянских выступлений против царизма, развитие национально-освободительного движения.

Крестьяне-переселенцы отказывались от раскладки налогов и податей, осуществляли самовольную порубку лесов, многие из них оказались без выделенных земель: безвыходность положения, обнищание массы крестьян-переселенцев, усиление социально-классовой расслоенности переселенческой деревни стали причиной открытых выступлений крестьян.

Против аграрной и колониальной политики самодержавия выступали и казахские трудящиеся. Феодально-байская верхушка, владея большой

частью поголовья скота, пастбища, все больше эксплуатировала бедняков. Широко распространялись взяточничество, вымогательство, подкупы и др. Казахские шаруа жгли зимовки баев, отказывались от уплаты налогов, нападали на воинские команды.

Вступление России в мировую империалистическую войну тяжело отразилось на положении трудящихся Казахстана: увеличились размеры налогов. На казахское население были возложены «добровольные сборы», принудительная подписка на государственный заем и военный налог; всего около 10 различных видов сборов и пошлин.

Продолжалось изъятие земель у казахского населения, для нужд войны реквизировали одежду, скот и продукты продовольствия, принудительно мобилизовали транспорт для подвозки военных грузов (главным образом, хлеба) к железнодорожным станциям. За время войны из Туркестанского края было вывезено 300 тыс. пудов мяса, 70 тыс. голов лошадей, 13 тыс. верблюдов. Только из Семиречья в 1914 г. было вывезено скота и продуктов скотоводства на сумму 34 млн. руб.[20]. Под видом помощи семьям мобилизованных была введена трудовая повинность, т. е. казахи в качестве рабочей силы должны были пахать, сеять и убирать урожай в переселенческой деревне.

В годы войны сократились посевные площади, количество скота, усилился национально-колониальный гнет. Царская администрация искусственно разжигала межнациональную рознь, выдвигая шовинистические лозунги, вооружала верхушки переселенческого населения.

Секретное предписание военного губернатора Семиреченской области 9 октября 1914 г. обязывало уездных начальников создавать из «благонадежных христиан», из зажиточных слоев русской деревни вооруженные отряды против мусульманских трудящихся[21].

Усилилась борьба за земельные участки между имущими слоями переселенческой деревни и трудящимися массами казахского аула. Казахские шаруа на притеснения кулаков угоняли лошадей, уничтожали межевые знаки, сжигали сено и сенокосные участки. Казахские шаруа также страдали от своих местных феодально-родовых верхушек, которые за высокую арендную плату сдавали им земли, принадлежавшие аулу или сельской общине. Упорно борясь против выселения со своих земель, казахские шаруа не выполняли требований ни царских чиновников, ни своих волостных управителей и аульных старшин, отказываясь от уплаты налогов, податей, от сбора средств на нужды войны.

От словесных и письменных протестов трудящиеся аулов переходят к активным действиям против ставленников царизма. Так, казахи Ногай-Нуринской волости Черняевского уезда, напав на управителя, старшину, отняв податные документы, уничтожили их, не дали им выполнить служебные обязанности[22].

В годы войны усилились выступления крестьян-переселенцев, солдат и женщин против дороговизны, должностных лиц, налогов и повинностей. В марте 1915 г. в Верненском, Лепсинском и Пржевальском уездах Семиреченской области сельское население протестовало против политики цен царского правительства, согласно которой продукты сельского хозяйства крестьяне-переселенцы должны были продавать по таксе, а покупать все необходимые мануфактурные, галантерейные изделия

по спекулятивным ценам. В селениях Андреевском, Осиповском Лепсинского уезда, Верненском уезде женщины разгромили лавки купцов, разобрали товары. Выступление женщин в Зайсане в 1916 г. было прекращено с помощью военной силы, были арестованы 13 человек[23].

В воинских частях широко развернулась антивоенная пропаганда, призывники часто уклонялись от воинской повинности, солдаты отказывались ехать на фронт, пока их семьям не выплатят пособие. Так, в 1914 г. 300 солдат в Кокчетаве отказались отправляться на фронт, пока их семьи не обеспечат землей, усадебными участками и пособиями. Выступление солдат было прекращено вооруженной силой, а десять активных участников арестованы и осуждены на каторгу на различные сроки[24].

Аналогичные выступления произошли в г. Верном, Акмолинской и Семипалатинской областях. В воинских частях резко падала дисциплина, участились случаи дезертирства.

В 1916 г. усилилось брожение среди солдат местных гарнизонов, возвращавшиеся с фронта солдаты привозили с собой листовки и прокламации, все чаще и чаще открыто высказывалась ненависть к войне и царизму.

В годы войны резко ухудшилось положение трудящихся в городах, рабочих на промышленных предприятиях. В первые же дни царское правительство во всех областях Казахстана ввело «чрезвычайное военное положение», согласно которому были запрещены собрания, стачки, забастовки, уклонение от работы, была введена военная цензура на корреспонденцию и т. д.[25]. Усилился полицейский надзор. Предприниматели получили право в военное время подвергать рабочих аресту, а в случае самовольного ухода возвращать их на работу с помощью полиции. Несмотря на это, в крае росло недовольство во всех слоях населения.

В июне 1915 г. забастовали рабочие-казахи экибастузских и карагандинских копей, киргизского горнопромышленного акционерного общества, Спасского завода, выступавшие против низкой заработной платы и тяжелых условий труда.

Иностранные капиталисты и предприниматели, пользуясь бедственным положением рабочих, усиливали эксплуатацию. Систематически снижалась заработная плата, а на товары первой необходимости цены постоянно росли.

Летом 1916 г. рабочее движение охватило Риддерские рудники, нефтепромыслы Эмбы, Экибастузские, Байконурские угольные копи, Спасские медные рудники, Оренбургскую, Ташкентскую железные дороги и др. Дальнейшее развитие рабочего, аграрного и в особенности национально-освободительного движения предопределило восстание казахов в 1916 г.

§ 4. Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане

Начавшаяся в 1914 г. первая мировая война, в которой участвовала и царская Россия, принесла ее народам тягчайшие страдания: усилился социальный и национальный гнет, неизмеримо увеличились произвол и насилие царских чиновников на окраинах империи.

В Казахстане продолжалось массовое изъятие земель у казахов, в первую очередь в северо-восточных районах Сырдарьинской, на юге Семиреченской и ряде других областей. В одной лишь Семиреченс-кой области за первые три года войны было изъято 1800 тыс. дес. лучших пастбищных и пахотных угодий, а истинные хозяева этих земель — казахи — силой были выселены в мало- или совершенно непригодные для ведения хозяйства пустынные и полупустынные районы. Отобранная у казахов земля раздавалась царским офицерам, чиновникам, духовенству, казачьему войску и крестьянам-переселенцам из России и с Украины. К середине 1916 г. общая площадь изъятых у казахского населения земель составила 45 млн. дес. Война поглощала огромное количество сырья, продовольствия, скота и других материальных ценностей. В связи с этим на плечи казахского населения обрушились новые тяготы: обязательные поставки мяса, массовая реквизиция скота, был введен новый военный налог с кибиток, увеличены земские сборы и байский волостной алым— сбор для содержания волостных управителей, а также дорожные и другие сборы. Налоги на местное население с началом войны возросли в 3—4, а в отдельных случаях — в 15 раз.

В1916 г. рост классового и национального угнетения, ненависти к войне становился повсеместным. Война ускорила процесс вызревания общенационального кризиса в стране, одним из ярких проявлений которого стало национально-освободительное восстание 1916 г., охватившее почти все регионы Казахстана и Средней Азии.

Главными причинами восстания явились факторы социально-экономического и политического характера: усиление колониального гнета, изъятие земель, рост налогов и поборов, эксплуатация трудящихся, политика русификации, проводимая царизмом в отношении казахского и других коренных народов региона, резкое ухудшение положения широких масс в связи с войной.

Непосредственным поводом к восстанию был царский указ от 25 июня 1916 г. о мобилизации в армию на тыловые работы «инородческого» мужского населения Казахстана, Средней Азии и частично Сибири в возрасте от 19 до 43 лет, реквизированных планировалось использовать для работ по устройству оборонительных сооружений и путей военных сообщений в районе действующей армии. Из Казахстана и Средней Азии должны быть реквизированы 400 тыс. человек, в том числе из степных областей Казахстана — более 100 тыс., из Семиречья — 87 тыс. человек.

В начале июля почти во всех регионах Казахстана начались стихийные выступления, вскоре переросшие в вооруженное восстание. Первыми удар народного гнева приняли на себя волостные управители, аульные старшины и прочие низовые агенты царской администрации, непосредственно составляющие списки на тыловые работы. Пользуясь отсутствием у казахов метрических свидетельств, они произвольно включали бедняков в списки независимо от возраста, а байских сыновей за взятки освобождали от призыва. На практике система составления списков породила массовое взяточничество и злоупотребления.

К тому же царские власти освободили от набора должностных лиц, волостных, сельских и аульных управителей, низших полицейских чинов из коренных жителей, имамов, мулл и мударисов, счетово-дов и бух-

галтеров в учреждениях мелкого кредита, учащихся высших и средних учебных заведений, чиновников правительственных учреждений и лиц, пользующихся правами дворян и почетных граждан.

Трудящиеся, доведенные до отчаяния жестоким указом царя и несправедливыми методами его исполнения на местах, вооруженные чем попало, бросились на представителей царской власти: волостных управителей, аульных старшин, полицейских, казаков, чиновников и с криками: «Не дадим людей!» — расправлялись с ними. Они поджигали канцелярии и дома волостных управителей, аульных старшин, уничтожали делопроизводство и списки мобилизованных, наивно полагая, что таким путем избавятся от набора на тыловые работы.

Постепенно стихийное движение стало принимать организованный характер: появились его крупные очаги в Тургае и Семиречье во главе с признанными лидерами А, Имановым, А. Джангильдиным, Т. Бокиным, Б. Ашекеевым. У. Саурыковым, Ж. Мамбетовым и др.

Восстание охватило весь Казахстан и переросло в национально-освободительное движение, направленное против военно-колонизаторской и широкомасштабной русификаторской политики царизма и в определен ной степени—против феодально-байской верхушки аула. Вместе с тем выступление было направлено против империалистической войны, приведшей к кризису народного хозяйства и крайней степени обнищания народа. В этом оно смыкалось с революционной борьбой рабочего класса и крестьянства России. Главной целью восстания 1916 г. являлось национальное и политическое освобождение, подводящее итог всей предшествующей борьбе казахского народа за свободу и независимость.

Основной движущей силой восстания были широкие слои национального крестьянства—шаруа, а также представители нарождавшегося рабочего класса, ремесленники. Участвовали в нем и представители других слоев казахского народа: баи, волостные управители, бии, а также демократическая интеллигенция.

В целом национально-освободительное движение 1916 г. в Казахстане было мононациональным, за исключением его южных областей (Семиречья и Сырдарьинской области), где наряду с казахами в восстании участвовали уйгуры, узбеки, киргизы, дунгане и представители некоторых других народов.

В казахском обществе отношение к указу царя и восстанию было неоднозначным: определенная часть феодально-байской верхушки, а также чиновники так называемой туземной администрации безого-ворочно поддерживали царск и и указ и стали его главными проводни-ками в жизнь; радикальные представители казахской интелигенции (Бокин, Ниязбеков, Жунусов) резко выступили против него и призывали народ к вооруженному сопротивлению, а лидеры либерально- демократической интеллигенции, объединенные вокруг газеты «Казах» (А. Байтурсынов. А. Букейханов, М, Дулатов), занимали нерешительную позицию. Они неоднократно пытались убедить царскую администрацию не спешить с мобилизацией, провести подготовительные мероприятия, вместе с тем призывали не оказывать сопротивления выполнению указа, не без основания полагая, что безоружный народ станет жертвой жестоких репрессий царизма.

Крупнейшими центрами восстания были Семиреченский и Тур-гайский очаги. В Семипалатинской области вооруженное сопротивление приняло массовый характер уже в июле — августе. Повсеместно организовывались повстанческие отряды, вооруженные пиками, охотничьими ружьями, холодным оружием. 17 июля в Семиречье и Туркестанском крае было объявлено военное положение. Царские власти перебрасывали сюда крупные военные силы, укрепляли военные гарнизоны, из зажиточных слоев переселенческого населения Семиречья создавали вооруженные отряды для расправы с казахскими и киргизскими повстанцами. Крупные столкновения повстанцев с царскими карателями произошли в урочище Асы, горной долине Каркара, в районе ст. Самсы, в районах Кастека, Нарынкола, Чарына, Курама, в Садыр-Матайской волости Лепси некого района и в других местах. В сентябре - начале октября значительная часть семиречен-ских повстанцев, теснимая со всех сторон карательными отрядами, вынуждена была отступить с упорными боями, уйти в Западный Китай.

В то время, как в Семиречье повстанческое движение было жестоко подавлено, в Тургайской степи оно набирало силу и нарастало с каждым днем. Тургайское восстание, во главе которого стояли А. Иманов и А. Джангильдин, было самым упорным и длительным. Как свидетельствуют архивные документы, численность повстанческих отрядов в самый пик восстания составляла около 50 000 чел. Из десятков тысяч неорганизованных повстанцев А. Иманов создал стройный дисциплинированный военный организм, разделенный на десятки, пятидесятки, сотни и тысячи. Во главе каждого из подразделений соответственно были поставлены онбасы (десятник), елубасы (пятидесятник), жузбасы (сотник), мынбасы (тысячник). Было сформировано специальное подразделение снайперов (отряд мергенов). А. Иманов был избран сардарбеком — главнокомандующим повстанцев, при нем функционировал военный совет — кенес.

В районах, контролируемых повстанческой армией А. Иманова, по существу, была отстранена от управления низовая аульно-волост-ная администрация, гражданская власть перешла в руки повстанцев. А. Иманов и возглавляемый им совет организовали службу тыла, поручив специально назначенным лицам (элбеги), обеспечение повстанцев продовольствием и лошадьми, изготовление в кузницах самодельных ружей, сабель, кинжалов, пик и т. д.

22 октября 15 тыс. повстанцев во главе с А. Имановым окружили г. Тургай. Осада города продолжалась несколько дней. Тем временем к городу в трех направлениях двинулся карательный корпус генерал-лейтенанта А. Лавретеньева. Получив сведения о приближении превосходящих сил царских карателей, повстанцы сняли осаду Тургая и выступили навстречу отрядам царских войск. 16 ноября сарбазы общей численностью около 12 тыс. человек во главе с А. Имановым в районе почтовой станции Топкойма атаковали карательный отряд подполковника Катомина. Основная масса повстанцев, чтобы сохранить живую силу, во второй половине ноября отошла на 150 км от Тургая и сосредоточилась в районе Батпаккары. Отсюда совершались партизанские рейды против карателей со второй половины ноября 1916 г. до середины февраля 1917 г. Схватки между повстанцами и карателями происходили

на Татыре, Акчиганаке, Дугал-Урпеке, в Куйуке. Напряженными были бои в районе Батпаккары, где находился штаб А. Иманова. Они развернулись во второй половине февраля 1917 г. В этих боях повстанцы А. Иманова встретили Февральскую буржуазно-демократическую революцию.

В других регионах Казахстана восставшим также приходилось вести жестокие бои с превосходящими силами царских карательных отрядов. В Семипалатинской и Акмолинской областях против восставших действовало 12 кавалерийских сотен, 11 усиленных пехотных рот, а против тургайских повстанцев царские власти бросили экспедиционный корпус в составе 17 стрелковых рот, 18 казачьих сотен, 4 кавалерийских эскадронов, 18 орудий, 10 пулеметов и проч. Однако карателям так и не удалось подавить восстание вплоть до самой Февральской революции. Только после свержения царизма восстание в Тургайской области прекратилось.

Для подавления восстания в Семиречье было направлено 95 рот в 8750 штыков, 24 сотни в 3900 сабель, 16 орудий и 47 пулеметов. В Семиречье были уничтожены десятки казахских и киргизских аулов, жестоким преследованиям подвергались мирные жители. Преследуемые царскими властями 300 тыс. казахов и киргизов, или четвертая часть коренных жителей Семиречья вынуждена был а бежать в Китай. Только по судебным приговорам, утвержденным генерал-губернатором Куропаткиным, в Туркестанском крае на 1 февраля 1917 г. было приговорено к смертной казни 347, каторжным работам —168, тюремному заключению —129 человек, не считая расстрелянных без суда и следствия, погибших от рук карателей и отрядов, сформированных из жителей переселенческих сел.

Восстание 1916 г. занимает особое место в истории многовекового национально-освободительного движения казахского народа. В условиях империализма и первой мировой войны, Амангельды Иманов и другие руководители восстания подняли народ на борьбу за независимость, которую начали в свое время Срым Датов, Исатай Тайманов, Махамбет Утемисов, Кенесары и Наурызбай Касымовы. Впервые после национально-освободительного движения под руководством Кенесары Касымова восстание 1916 г. имело всеказахский характер, охватив все регионы обширного края. Восстание имело антиколониальную и антиимпериалистическую направленность, классовый момент (борьба против феодальной верхушки аула) был второстепенным по сравнению с главной задачей восстания национального и политического освобождения народа.

В последнее время отдельные исследователи[26] (М. К. Козыбаев, А. К. Бисембаев), исходя из массовости движения, выдвижения общенациональных лозунгов в ходе восстания, создания отдельных элементов института власти восставшими (например, факты избрания ханов), выдвинули тезис о том, что события 1916 г. необходимо расценивать как национально-освободительную революцию, одну из первых революций такого типа, происходивших в колониях царской России. Тезис интересный, но этот сюжет истории восстания 1916 г. требует специального исследования, равно, как ныне забытый тезис, высказанный А. В. Пястковским еще в 1960 г., о том, что восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане несомненно было одним из звеньев все разгоравшейся революционной борьбы колониальных народов (Китая, Персии, Южно-Американского союза и др.) против империалистического ига[27].

§ 5. Февральская революция в Казахстане

Экономическая разруха и поражения русских войск на фронтах, рост рабочего и аграрного движения в стране, в том числе и восстания коренного населения Средней Азии и Казахстана в 1916 г., несмотря на их поражения, свидетельствовали о том, что Россия находится на грани революционного кризиса, когда демократические силы, в том числе и рабочий класс и крестьянство, готовились к решающему штурму против царизма.

В феврале 1917 г. в России победила буржуазно-демократическая революция, свергнувшая ненавистный народу царизм. Весть о февральских событиях в Петрограде быстро долетела до Казахстана. Многочисленные митинги и демонстрации рабочих и других трудящихся, приветствовавших свержение царизма, происходили в начале марта во всех крупных городах и на железнодорожных станциях Казахстана.

В первое время после Февральской революции трудовое население края еще верило во Временное правительство и надеялось, что оно сможет дать народу мир, крестьянам — землю, а рабочим — 8-часовой рабочий день. Значительная часть рабочих питала надежду на Временное правительство, некоторые из них состояли в гражданских и исполнительных комитетах — органах Временного правительства[28]. Среди железнодорожников были сильны оборонческие настроения, некоторые ратовали за «победу там (т.е. на войне.— *М. А.*), свободу — здесь»[29]. Однако мартовские демонстрации и митинги послужили началом создания Советов рабочих депутатов в городах и на железнодорожных линиях края. Так, в Оренбурге, Ташкенте и Омске 1—3 марта прошли выборы в Советы и состоялись первые их заседания[30]. В марте 1917 г. Советы рабочих депутатов возникли в Перовске, Казалинске, Челкаре, Актюбинске, Уральске, Петропавловске и других городах, расположенных на железнодорожных линиях[31]. Железнодорожники, как правило, были одними из инициаторов создания Советов и представляли в них революционные элементы. Например, Актюбинский Совет рабочих депутатов, сообщая об организации в. Актюбинске Совета рабочих депутатов, подчеркивал, что железнодорожники, как самые «сознательные, составляют необходимый составной элемент» исполнительного комитета Совета[32].

Многие Советы рабочих депутатов вскоре объединились с Советами солдатских депутатов. Так было в Петропавловске, Семипалатинске, Перовске и других городах. На ст. Казалинск с самого начала возник объединенный Совет — Совет рабочих и солдатских депутатов[33].

Главным своеобразием Февральской революции было то, что в стране образовалось двоевластие, буржуазное Временное правительство и Советы рабочих и солдатских депутатов. Реальной основой для создания органов политической власти буржуазии в центре и на местах явились Государственная дума, городские думы и различные комитеты. Временное правительство от власти устранило военных губернаторов, генерал-губернаторов и чиновников колониальной администрации. Вместо них появились областные комиссары, гражданский исполнительный комитет, коалиционный комитет и др. В волостях, аулах и селах остава-

лись те же волостные и аульные управители, сельские старосты и станичные атаманы.

Временное правительство во главе областей поставило бывших царских чиновников-колонизаторов, а также представителей казахской национальной интеллигенции. Так, А. Букейханов был назначен комиссаром Временного правительства Тургайской области, а М. Тынышпаев —.комиссаром Семиреченской области.

Местные органы Временного правительства в Казахстане сформировались в марте—апреле 1917 г. В Семипалатинске из представителей городской думы, офицерства, членов биржевого комитета и кулацкого союза кооперативов был сформирован Семипалатинский исполком общественных организаций и армии, в Петропавловске, Усть-Каменогорске — коалиционный исполнительный комитет общественной безопасности и др.

В Казахстане были образованы и национальные казахские областные и уездные комитеты во главе с казахской интеллигенцией. В областях и уездах были созданы казачьи комитеты, органы власти эксплуататорской верхушки казачьих станиц Сибирского, Оренбургского, Уральского и Семиреченского казачьих войск, которые поддерживали Временное правительство. Татарские, узбекские и уйгурские купцы объединялись в мусульманские, татарские и другие комитеты. Так, 7 марта 1917 г. в Верном был образован общемусульманский комитет — Курултай во главе с З. Тазетдиновым.

В этот период казахская учащаяся молодежь учебных заведений Омска, Оренбурга, Ташкента, Семипалатинска и др. образовала молодежные кружки, организации, которые первое время занимались культурно-просветительской деятельностью. В 1915—1917 гг. были созданы молодежные организации «Еркин дала» (Свободная степь) в Оренбурге, «Бирлик» (Единство) в Омске, «Жас казак» (Молодой казах) в Уральске, «Умит» (Надежда) в Троицке и др. городах, около 20 кружков и группировок, которые распространяли листовки, стихи на злободневные темы, устраивали вечера, дискуссии и т. д. Они не имели определенной программы, по социальному составу были неоднородны, однако они искренне желали освободить казахский народ от национально-колониального гнета царизма, требовали просвещения своего народа, стремились пробудить в сознании трудящихся идеи национальной консолидации, свободы и независимости.

Среди этих группировок и кружков наиболее радикальным и с революционной программой действий являлся организованный в Аулие-Атинском уезде Тураром Рыскуловым «Революционный союз казахской молодежи». В его состав входила передовая казахская интеллигенция, вышедшая из средних и малоимущих слоев казахско-гого населения.

В своей программе союз казахской молодежи, анализируя общес-твенно-политичесую жизнь Казахстана при Временном правительстве, отмечал, что «Февральская революция... передала власть в руки того же царского чиновничества и местного русского кулачества. Местный комитет Временного правительства, состоявший из этих элементов, вместо равноправного отношения к казахскому населению поставил своей

задачей угнетение и истребление казахского населения»[34]. Основную задачу Революционный союз видел в борьбе с Временным правительством, засилием кулачества на местах, в борьбе против волостных, старшин и баев, сторонников Временного правительства и усилении агитации и просвещения среди масс казахского населения.

Март 1917 г. был месяцем выхода местных социал-демократов из подполья и развертывания работы среди железнодорожников, городских рабочих и других слоев трудящихся. Работой местных социал-демократов руководили большевики Ташкента, Оренбурга и Омска. Ядро социал-демократичесих организаций этих административных центров, как и прежде, составляли железнодорожники, в первую очередь рабочие и мастеровые из депо». Организации РСДРП в Перовске, Казалинске, Актюбинске, Уральске, Петропавловске, Семипалатинске, Шымкенте и других городах и на железнодорожных станциях Казахстана были объединенными: в них состояли как большевики, так и меньшевики.

Организаторами группы большевиков на ст. Казалинск были кадровые рабочие депо Р. П. Новицкий, В. И. Чекурнов и др. Эта группа имела сильное влияние в Совете рабочих и солдатских депутатов.

В Перовской объединенной организации РСДРП сложилась также сильная большевистская группа во главе с членом РСДРП с 1906 г., слесарем депо А. В. Червяковым. Ее ядро составляли рабочие депо ст. Перовск (В. В. Агапов, Н. В. Виторский, С. П. Килячков, Я. С. Крышев и др.)[36].

Наиболее крупная большевистская группа действовала в Оренбургской объединенной организации РСДРП. В состав группы входили главным образом рабочие железнодорожныхмастерскихидепо ст. Оренбург. Возглавляли ее железнодорожники А. А. Коростелев, П. А. Кобозев и Д. П. Саликов[37].

Столь же крупной была группа большевиков и в Ташкентской объединенной организации РСДРП во главе с рабочим Н. В. Шумиловым. Только в начале марта в эту организацию вступило около 2000 человек. Значительную часть большевиков ташкентской организации составляли рабочие Главных железнодорожных мастерских Среднеазиатской железной дороги и Бородинских мастерских Ташкентской железной дороги (Ф. И. Колесов, Д. И. Манжара, А. Я. Першин, братья Казаковы, В. С. Ляпин, И. В. Серов и др.) .

Омская объединенная организация РСДРП уже к середине апреля 1917 г. насчитывала в своих рядах около 1000 членов, издавала еженедельную газету «Рабочий».

В Уральской объединенной организации РСДРП в апреле 1917 г. также образовалась большевистская группа во главе с машинистом парового Н. А. Покатиловым. Она имела большое влияние на железнодорожников Покровско-Уральского участка Рязанско-Уральской железной дороги[39].

Упорной и терпеливой деятельностью большевики завоевывали массы трудящихся Казахстана на свою сторону. Так было во многих городах, железнодорожных станциях, в особенности в Оренбурге, Перовске, Петропавловске, Уральске, Актюбинске, Туркестане и др. Достаточно сказать, что П. А. Кобозев и А. А. Коростелев в Оренбурге, Ф. В. Зин-

ченко в Актюбинске, Н. А. Покатилов в Уральске, И. Дубинин в Петропавловске, А. В. Червяков в Перовске, Р. П. Новицкий в Казалинске и многие другие испытанные руководители большевистских групп в близлежащих к линиям городах Казахстана были выходцами из железнодорожных рабочих и служащих края.

Серьезным успехом рабочего движения Казахстана после победы Февральской революции было создание широкой сети профессиональных союзов, в оформлении которых большую роль сыграли Учредительный съезд железнодорожников Оренбургско-Ташкентской железной дороги и I съезд рабочих и служащих Омской железной дороги. Последний проходил в г. Омске с 28 апреля по 7 мая 1917 г., на нем присутствовали 174 делегата с правом решающего голоса. Съезд обсудил ряд политических и экономических вопросов: об отношении к Временному правительству и войне, о 8-часовом рабочем дне, об отношении к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, о борьбе с контрреволюцией, об отношении к Учредительному собранию, о пенсионном обеспечении и др. По ряду вопросов были приняты резолюции большевиков[40].

В первые же дни после Февральской революции были предприняты меры по ликвидации местных органов царской власти и наказанию наиболее рьяных царских служак, были отстранены от занимаемых должностей и арестованы в Уральске вице-губернатор области Мордвинов, начальник жандармерии Балобанов и др., в Омске — генерал-губернатор Западной Сибири Сухомлинов, в Петропавловске — земский и уездный начальники, чины жандармерии, некоторые офицеры местного гарнизона и др., в Оренбурге — тургайский губернатор М. М. Эверсман и др.[41]

В апреле 1917 г. такие же события развернулись на Оренбургско-Ташкентской железной дороге, где по требованию железнодорожников были отстранены от занимаемых должностей начальник дороги, начальник службы движения и другие представители администрации[42]. Был создан Временный организационный железнодорожный комитет, который 8 апреля избрал временным комиссаром дороги большевика П. А. Кобозева, приступившего тогда же к исполнению обязанностей ее начальника[43].

Учредительный съезд профсоюза железнодорожников этой линии, проходивший в конце апреля 1917 г. в Оренбурге, большинством голосов высказался за избрание временного комиссара дороги П. А. Кобозева постоянным ее начальником и 28 апреля об этом телеграфировал Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов и МПС, а также Ташкентскому и Оренбургскому Советам и местным железнодорожным комитетам [44].

Руководство Ташкентской железной дороги фактически весь апрель и вплоть до середины мая 1917 г. находилось в руках Временного железнодорожного комитета и избранного им начальника дороги П. А. Кобозева.

Избрание П. А. Кобозева начальником дороги и деятельность Временного железнодорожного комитета были своеобразной попыткой ввести рабочий контроль на дороге и сыграли большую роль в сплочении железнодорожников под руководством большевиков.

Одним из основных лозунгов рабочих в этот период было требование 8-часового рабочего дня, который фактически вводился рабочими почти на всем протяжении Оренбургско-Ташкентской и Омской железных дорог. На Риддерской железной дороге ввиду отказа администрации ввести 8-часовой рабочий день и повысить заработную плату рабочие отстранили администрацию от руководства и в течение нескольких дней управляли дорогой сами[41].

Рабочие стали все яснее понимать контрреволюционную сущность политики Временного правительства. Еще 30 апреля 1917 г. железнодорожники Ташкента на своем общем собрании, приветствуя апрельскую демонстрацию рабочих Петрограда, выразили недоверие председателю Туркестанского комитета Временного правительства Н. Н. Щепкину и потребовали коренной реорганизации милиции, удаления из нее бывших полицейских[46]. Под давлением этих и других требований Туркестанский краевой Совет рабочих и солдатских депутатов выразил недоверие Туркестанскому комитету, который вынужден был обратиться к Временному правительству с просьбой освободить его от возложенных обязанностей[47].

Местные органы Временного правительства в Казахстане, опираясь на кулаков, верхи казачества, на байство казахского аула, стремились ослабить революционный порыв рабочих и трудящихся, продолжали грабить население, заставляя их нести бремя империалистической войны. Временное правительство в Казахстане продолжало прежнюю политику самодержавия. Оно приняло постановление об амнистировании участников карательных отрядов, подавлявших восстание 1916 г. в Казахстане и Средней Азии, на местах бывшие уездные и волостные начальники, губернаторы становились комиссарами, председателями гражданских комитетов. В силе оставались старые законы, лишавшие казахов политических прав, в полной неприкосновенности оставались огромные земельные владения и сословные привилегии казачьих войск, свою деятельность продолжало Переселенческое управление, отбиравшее лучшие земли казахского населения.

Возвращающимся из Китая казахским и киргизским семьям после кровавой расправы царского правительства над участниками восстания 1916 г. Временное правительство выдавало пособие —100 руб. Местные кулаки-шовинисты, пользуясь обстановкой, подвергали коренное население грабежу, насилию, отбирали землю. Комиссар Временного правительства в Семиречье Шкапский заявил, что «ни о каком примирении речи быть не может, и киргизы (казахи) должны быть выселены».

Карательные отряды сохранялись во многих местах и нередко продолжали действовать прежними методами и после февраля 1917г.

Временное правительство о проведении земельной реформы решило объявить на Учредительном собрании, которое должно было состояться после победы на войне. В национальном вопросе Временное правительство провозгласило декрет «Об отмене вероисповед-ных и национальных ограничений», однако право нации на самоопределение, о судьбах малых народов и национальных меньшинств и другие вопросы были обойдены.

1. *Алексеенко И. В.* Население дореволюционного Казахстана. Алма-Ата. 1981. С. 94.
2. Материалы по обследованию... Канальским уезд. Сб., 1913. С. 207.
3. Материалы по Киргизскому землепользованию. Тургайская область. Кустанайский уезд. Оренбург. 1912. С. 2.
4. См.: История рабочего класса Советского Казахстана. Алма-Ата. 1987. т. 1 С. 51
5. *Гапузо П. Г.* Социальные отношения в казахском ауле и переселенческой деревне Казахстана в начале XX в. // Казахстан в канун Октября. Алма-Ата. 1968. С. 38—39.
6. Казахстан в канун Октября. Алма-Ата. 1968. С. 207.
7. Рабочий класс Казахстана в период перехода к социализму. Алма-Ата. 1987, т. I. С. 65.
8. Поданным Е. Дильмухамедова, ф. Машкова, число рабочих на промышленных предприятиях Казахстана в 1916—1917 гг. превышало 65 тыс. чел. См.: *Дильмухамедов Е. Д., Маликов Ф.* Очерки истории рабочего класса дореволюционного Казахстана. Алма-Ата. 1963. С. 267.
9. ЦГИАЛ. ф. 276. оп. 12. д. 527, л. 7-9.
10. Госархив Оренбургской обл. ф. 146. оп. 1, 1917, д. III, 1—3—20 и др.
11. ЦГАРК.ф. 10,оп. 1.д. 69.*л.3б.СемеесскийВ.* Рабочие наголотыхпромыслах. СПб., 1908.т. 2. с. 651, *Дильмухамедов Е., Маликов Ф.* Очерки. С. 180.
12. *Дильмухамедов Е., Маликов Ф.* Очерки... С. 136.
13. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 229. *14.Шафиро Ш.* Первые группы РСДРП. С. 80—81 идр.
15. *Шафиро Ш. Я.* Первые группы РСДРП. С. 81—83.
16. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Алма-Ата, 1979. Т. 3. С. 391-392
17. Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907—1914 гг.: Сб. док. и мат-в. Алма-Ата, 1957. С. 137
18. Журнал совещания о землеустройстве киргиз. Сб., 1907. С. 78
19. Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1917 —1914 гг. С. 394—395.
20. История Казахской ССР. т. I. Алма-Ата, 1957. С. 570.
21. ЦГА РК. ф. 44. оп. 1. д. 13515. л. 1—3.
22. ЦГА РК. ф. 34. оп. 1. д. 19. л. 17.
23. Там же, ф. 44, оп. I. д. 16908. л. 36. ф. 15. оп. I. д. 379. л. 466.
24. ЦГА РК. ф. 369. оп. I. д. 3162. л. 2.
25. ЦГА РК. ф. 64. оп. I. д. 6048. л. 3. д. 6061. л. 28.
26. Учебное пособие по истории Казахстана с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1992. С. 79
27. См.: Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. докум. М., 1960. С. 19.
28. Госархив Оренбургской области. ф. 142, оп. I, д. 235, л. 11.
29. Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане: Летопись событий. Алма-Ата, 1967. С. 53. 54.
30. Там же
31. Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане... С. 24. 25.
32. Госархив Оренбургской области. ф. 142. д. 143. л. 1—3.
33. Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане.., С. 45.
34. Революция и национальный вопрос. М., 1930, т. 3. С. 366—367.
35. Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент. 1967. С. 177.
36. Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане.... С. 72: 100.
37. За власть Советов. Воспоминания участников гражданской войны в Оренбуржье. Чкалов. 1957. С. 7. 24. 48—50.
38. История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967. С. 121: Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане... С. 107.
39. В огне революции и гражданской войны. Омск. 1959. С. 114.
40. Омские большевики в период Октябрьской революции и упрочения Советской власти: Сб. докум. Омск. 1958. С. 228. 229.
41. Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане... С. 22—26.
42. Госархив Оренбургской области. ф. 142, оп. 1, д. 335-6. л. 2
43. Там же. Кобозев Петр Александрович (1878—1941) — видный профессиональный революционер, член КПСС с 1898 г., инженер путей сообщения, один из руководителей рабочих Ташкентской железной дороги, активный участник Октябрьской революции, крупный советский деятель и военный работник в годы гражданской войны.
44. Там же. л. 29.
45. Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане... С. 38, 44, 64.
46. Там же. С. 71.
47. Там же. С. 79.

РАЗДЕЛ IV. КАЗАХСТАН В УСЛОВИЯХ ТОТАЛИТАРНОЙ СИСТЕМЫ

Глава 1. КАЗАХСТАН В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

§ 1. Казахстан после падения царского самодержавия

Свержение царизма в результате Февральской буржуазно-демократической революции в 1917 г., в корне изменило расстановку политических сил в России. Восставшие рабочие, солдаты, крестьяне создали свои органы власти—Советы. Буржуазия и обуржуазившиеся помещики, воспользовавшись победой революции, захватили власть в свои руки и образовали Временное правительство и его органы на местах, в том числе в национальных окраинах.

В Казахстане, чтобы удержать господство и придать «демократический вид» отдельным государственным и правительственным учреждениям, Временное правительство видоизменило их названия, существенно не меняя социально-экономическую и национальную политику государства и поставило во главе областей и уездов комиссаров из числа бывших царских чиновников, принадлежащих к партии кадетов и эсеров, а также отдельных представителей национально-либеральной казахской интеллигенции (А. Букейханйв, М. Ты-нышпаев, А. Беремжанов и др.).

Лидер казахской национальной интеллигенции А. Букейханов, находившийся в момент победы Февральской революции в Минске, выступил с обращением к «Казахам — свободным гражданам обновленной России». В нем, в частности, говорилось: «...Необходимо казахам организоваться для поддержки нового строя и нового правительства. Нужно работать в контакте со всеми национальностями, поддерживавшими новый строй. Наш лозунг — единение и справедливость. Спешно обсудите земельный вопрос. Наш лозунг — «демократическая республика» и земля тому, кто извлекает доход из нее скотоводством и земледелием»[1].25—28 марта в качестве делегата он принял участие в работе VII съезда партии кадетов. Выступая при обсуждении аграрного вопроса, А. Букейханов потребовал возвращения казахам незаконно отнятых у них земель.

Тезис «необходимо казахам организовываться...» вскоре нашел отражение в создании сети областных и уездных казахских комитетов как третьей силы, наравне с органами Временного правительства и местными Советами в политическом спекторе Казахстана после Февраля 1917 г., а в дальнейшем перерос в идею организации Казахской национальной автономии в составе Российской Демократической Республики. Тезис «немедленного возвращения казахам незаконно отнятых (царизмом) у них земель» перерос в идею собирания всех исконно казахских земель в составе единой казахской государственности.

По кардинальным вопросам общественно-политического развития после февральского периода лидеры национально-либерального движения встали на сторону Временного правительства. В силу этого у них возникло негативное отношение к Советам как органам, оппозиционным Временному правительству.

Такова была общая картина общественно-политической обстановки, в условиях которой развернулся процесс консолидации и группировки различных сил, стремившихся к власти.

Революция привела в движение все слои населения Казахстана. Трудящиеся края в многочисленных телеграммах и резолюциях митингов и собраний, адресованных Петроградскому Совету, выражали признательность рабочим и солдатам Питера, свергнувшим ненавистный царский режим.

Петроградский, Московский и другие Советы, организованные в первые же дни революции, были достаточно сильными, чтобы полностью свергнуть власть Временного правительства и сосредоточить ее в своих руках, но их руководители были склонны к компромиссам с Временным правительством и в конце концов реальная власть перешла в руки последнего.

Двоевластие самим фактом возникновения отражало внутренние противоречия Февральской революции, неустойчивость общественно-политического положения в стране и неизбежность перехода всей власти или к Временному правительству, защищавшему интересы империалистической буржуазии и ее союзников, или к Советам, представлявшим собой революционно-демократическую власть рабочих и трудового крестьянства, т. е. большинства населения страны, страдавшего от социального и национального гнета.

В марте 1917 г. в Казахстане повсеместно сформировались местные органы Временного правительства—областные и уездные исполнительные комитеты, отражавшие интересы предпринимателей, купцов, чиновников.

Так, 4 марта 1917 г. буржуазные круги Петропавловска вкупе с правой верхушкой эсеров и меньшевиков образовали коалиционный комитет общественной безопасности, в который вошли крупнейшие купцы Петропавловского уезда Черемисков, Казанцев, Нагаткин. 3 марта 1917 г. в Кокчетаве собрание купцов и чиновничества избрало временный коалиционный комитет и до созыва уездного съезда возложило на него обязанности уездного органа власти. 5 марта 1917 г. в Семипалатинске сложился областной исполнительный комитет общественных организаций и армии. В первые дни марта был образован исполнительный комитет в Усть-Каменогорске.

«Бюллетень Семипалатинского исполнительного комитета» 9 марта 1917 г. сообщил об организации уездных исполкомов — местных органов Временного правительства — в Зайсане, Павлодаре и Кокпекты. Представители буржуазии и чиновничества возглавили органы власти и во многих других городах Казахстана.

Верной опорой Временного правительства в областях и уездах Казахстана были так называемые казачьи комитеты. Татарские, узбекские,

уйгурские купцы, владевшие крупными магазинами и другими торговыми предприятиями во многих городах Казахстана и объединились в «мусульманские», «татарские» и другие комитеты и курултаи.

Местные органы Временного правительства в Казахстане, опираясь на кулаков, верхи казачества и определенную часть байства казахского аула, поддерживаемые политическими партиями буржуазного и мелкобуржуазного толка, продолжали грабить трудящихся, возложили на них бремя империалистической войны.

Второй властью в стране, в том числе в Казахстане, были Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, представлявших собой, по определению В. И. Ленина, революционно-демократическую диктатуру рабочих и крестьян, которая опиралась не на закон, изданный центральной государственной властью, а на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу[2].

Советы рабочих и солдатских депутатов в Казахстане появились несколько позже, чем в центральных районах — в марте 1917 г. Одновременно шел процесс их объединения. В силу меньшей, чем у рабочих и солдат организованности Советы крестьянских депутатов появились в мае и в июне 1917 г.

Двоевластие в Казахстане имело специфические особенности, обусловленные социально-экономическим и политическим положением края, его многонациональным и в основном мелкобуржуазным населением, расположением Сибирского, Оренбургского, Уральского и Семиреченского казачьих войск.

Советы Казахстана с момента своего возникновения были интернациональными, особенно Советы рабочих и крестьянских депутатов. В них входили русские, казахи, украинцы, татары, уйгуры, узбеки, представители других народов. В Советы солдатских депутатов входили преимущественно русские, украинцы, отчасти татары. Руководящая роль в большинстве Советов Казахстана принадлежала мелкобуржуазным партиям, главным образом — партии социалистов-революционеров. Это объяснялось слабостью и малочисленностью большевиков, недостаточной организованностью и политической незрелостью местных рабочих, низким уровнем социально-экономического развития Казахстана.

В период формирования местных органов Временного правительства и организации широкой сети Советов в крае (март — начало апреля 1917 г.) между буржуазией и силами революционной демократии существовало определенное взаимопонимание, установилось непрочное согласие между исполнительными комитетами (органами Временного правительства) и местными Советами, имевшее тенденцию к укреплению. Исполкомы и Советы вели совместную работу по разрушению царской администрации на местах, освобождали политзаключенных и ссыльных, пытались решать неотложные вопросы народного хозяйства, предпринимали шаги по возвращению из Китая беженцев — участников национально-освободительного восстания 1916 г. и т. д. Нехрупкому согласию вскоре пришел конец. Приезд В. И. Ленина из эмиграции, выдвинутые им в «Апрельских тезисах» требования и решения, состоявшаяся вскоре VII (апрельская) конференция большевиков наметили курс на

открытое, бескомпромиссное противостояние партийных масс и правительства, исполкомов и Советов по вопросам войны и мира, аграрному, национальному и государственному строительству.

В. И. Ленин считал, что двоевластие выражало всего лишь переходный момент в развитии революции, когда она зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, но не дошла до «чистой» диктатуры пролетариата и крестьянства»[3]. Он обосновал курс большевистской партии на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, определив лозунгом нового этапа революции: «Вся власть Советам!»—осуществление которого, должно было привести к ликвидации двоевластия и установлению единовластия Советов. Это означало нарушение хрупкого гражданского мира и начало открытой конфронтации двух властей—Временного правительства и Советов.

Лозунг В. И. Ленина упал на благоприятную почву, так как трудности, порожденные войной (голод, дороговизна, всеобщая разруха, усиление социального и национального гнета), всё нарастали. Это способствовало быстрому процессу большевизации Советов и превращению их в главное орудие для свержения Временного правительства и установления Советской власти.

Такое развитие событий поставило в трудное положение национально-либеральное движение. Его лидеры в апреле-мае 1917 г. провели по всему Казахстану областные и уездные казахские съезды, на которых были избраны национальные областные и уездные комитеты. Большинство поддерживало Временное правительство и действия местных органов, но вместе с тем стремилось укрепить влияние над казахским населением края.

Участники казахских съездов, состоявшихся весной 1917 г. в Акмолинске, Уральске, Оренбурге, Семипалатинске, Верном и других городах, руководимые лидерами национально-либерального движения и обсуждавшие аграрный и национальный вопросы, вопросы государственного строительства, не смогли еще выработать программы по этим проблемам.

Представители казахского народа были назначены комиссарами Временного правительства: в Тургайской области — А. Букейханов, Семиречье — М. Тынышпаев, Туркестане — М. Чокаев, но они не могли решать вопросы коренного казахского населения, поскольку являлись по существу чиновниками колониальной администрации.

Между тем продолжавшаяся война, антинародная политика Временного правительства тяжелым бременем легли на плечи трудящихся. Весной и летом 1917 г. усилился процесс политизации всех слоев населения Казахстана. Свежую струю в политическую жизнь аула и деревни внесли вернувшиеся на родину участники тыловых работ (около 150 тыс. человек) и солдаты-фронтовики. Многие из них приезжали в аулы политически грамотными, с твердым намерением бороться за свободу. Один из участников тыловых работ Жусуп Бабаев, возвратившийся в Семиречье из района Каменец-Подольска в начале лета 1917 г., писал следующее: «Мы принесли в аулы ненависть к Временному правительству... и сознание необходимости самостоятельной организации бедноты и бат-

рачества. Мы принесли с собой вести о... борьбе русского пролетариата за власть Советов»[4]. В начале июня 1917 г. через Павлодар на пароходе проехали участники тыловых работ, у которых имелись с собой винтовки, шашки и боеприпасы[5].

26 июня 1917 г. командующий Туркестанским военным округом отдал приказ всем гарнизонным железнодорожным комитетам станций Казалинск, Перовск, Туркестан Ташкентской железной дороги «производить тщательный осмотр эшелонов туземныхрабочих, отбирая у них как огнестрельное, так и холодное оружие... Военным контролерам и военному конвою, сопровождавшим пассажирские поезда, обратить особое внимание на туземцев, следующих с работ фронта одиночным порядком»[6].

Весной и летом 1917 г. в среде казахских трудящихся возникли организации, объединявшие участников тыловых работ, союзы чернорабочих и революционно-демократические молодежные организации, примыкавшие к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов: «Объединенный союз мусульманских рабочих города Верного» (Союз чернорабочих), Рабочий союз в Джаркенте, Союзы мусульманских трудящихся (Иттифаки), созданные в южных областях Казахстана, входивших в Туркестанский край.

После Февральской революции в ряде мест появились молодежные организации и кружки, объединявшие представителей учащейся молодежи и аульных учителей (мугалимов): Совет демократической учащейся молодежи — в Омске, «Жас казах» («Молодой казах») — в Акмолинске, «Жас журек» («Молодое сердце») — на Спасском заводе, «Талап» («Стремление») — в Петропавловске, «Жанар» («Свет») —в Семипалатинске, «Революционный союз казахской молодежи»— в Мерке Аулие-Атинского уезда и др.

Вначале большинство организаций молодежи ставило перед собой культурно-просветительские задачи. Но в процессе поляризации общественно-политического движения они вплотную подошли к решению задач классового, социального и политического значения. По мере развития революции одни молодежные организации примкнули к Советам, например, «Жас казах» во главе с С. Сейфуллиным и «Революционный союз казахской молодежи», руководимый Т. Рыскуловым, другие пошли за лидерами национально-либеральной интеллигенции.

Демонстрация трудящихся, солдат, матросов 4—5 июля 1917 г. в Петрограде была подавлена Временным правительством силой оружия. Возникла прямая угроза гражданской войны с перспективой Разгрома питерских большевиков. 7 июля был издан приказ об аресте . И. Ленина, начались гонения на большевиков на фронте и в тылу.

11 июля 1917 г. ЦИК Советов заявил о предоставлении Временному правительству неограниченных полномочий, закрепив этим законодательное оформление ликвидации двоевластия.

В создавшихся после июльских событий условиях В. И. Ленин утвердился в мысли о невозможности мирного перехода власти к пролетариату. Вопрос был поставлен остро: либо победа военной диктатуры до конца, либо победа вооруженного восстания. При этом В. И. Ленин особо подчеркивал, что вооруженное восстание возможно лишь при новом

революционном подъеме народа, при наличии общенационального кризиса.

§ 2. Установление Советской власти и ее первые шаги в хозяйственном и культурном строительстве

Продолжая, по существу, политику царского самодержавия, Временное правительство в Казахстане не могло решить национальный вопрос и не стремилось к решению аграрного вопроса. Вопрос о самоопределении, или автономии казахов, как и других угнетенных народов, оно даже не пыталось ставить. Это послужило причиной того, что в газете «Казах» А. Букейханов публично заявил о своем выходе из партии кадетов. Он подчеркивал три момента: «Партия кадетов стоит за передачу земли в частную собственность. Передача земли в частные руки в наших условиях приведет к тому, что через некоторое время, как это случилось в Башкирии, участки земли перейдут к соседнему мужику, а казахи превратятся в нищих. Партия кадетов выступает против национальной автономии. Мы, подняв знамя Алаша, стремимся образовать национальную автономию... Партия кадетов выступает против отделения церкви от государства, а я поддерживаю отделение церкви от государства. Разногласия по этим трем позициям... отчетливо выявились. Поэтому я решил выйти из партии кадетов и организовать партию «Алаш»[7].

В этих условиях лидеры казахского либерального движения, учитывая быстро меняющуюся ситуацию и ускоренный процесс поляризации политических сил, приняли решение ускорить проведение общеказахского съезда.

Первый всеказахский съезд, в котором участвовали представители почти из всех областей Казахстана, состоялся в г. Оренбурге 21—26 июля 1917 г. В повестке дня было 14 вопросов: система государственного управления; автономия казахских областей; земельный вопрос; организация народной милиции; земство; народное образование; суд; духовно-религиозные вопросы; женский вопрос; созыв Учредительного собрания и подготовка к его выборам в казахских областях; всероссийский мусульманский съезд; образование казахской политической партии; события в Семиреченской области; об участии казахов во всероссийском федеративном совете в Киеве и в работе комиссии по народному образованию в Петрограде.

Главное внимание делегаты уделили проблеме национальной автономии, решению земельного вопроса, подготовке к Учредительному собранию и образованию казахской политической партии.

Еще за месяц до начала съезда на страницах газеты «Казах» была опубликована серия статей, в которых высказывались различные точки зрения по вопросу автономии. В номере за 24 июня газета писала: «Если совершенно ясно, что автономия необходима, то какая форма будет наиболее удобной для казахов — государственная автономия или федеративная автономия? Если мы придем к форме региональной автономии, то что будет ее базисом — территория или особенности культуры или особенности национальности? Смогут ли казахи претендовать на независимость, или добьются ее в союзе с другими народами?»[8].

А. Байтурсынов и М. Дулатов высказались за создание независимого автономного Казахского государства. Букейханов отдал предпочтение казахской национально-территориальной автономии «в демократической, федеративной и парламентской Российской республике». Эту точку зрения поддержало большинство. «Казахские области, — говорилось в резолюции съезда, — должны получить... территориально-национальную автономию»[9].

Центральным пунктом в работе съезда был земельный вопрос. Основные положения резолюции съезда по данному вопросу сводились к следующему: изъятие земель казахского общества прекращается; вся конфискованная земля, а также нераспределенные участки переселенческих управлений возвращаются казахским общинам в традиционное использование; иммиграция в степь прекращается на основе введения ценза и т. д.

Съезд обсудил вопрос о подготовке к Учредительному собранию, в список кандидатов в депутаты был внесен 81 человек — представители всех регионов Казахстана, а также казахских общин Бухары, Ферганы и Хивы. Среди них были руководители газеты «Казах», лидеры казахского национально-либерального движения А. Букейханов, А. Байтурсынов, лидеры регионов: А. Ермеков, Х. Габбасов (Семипалатинск), Ж. Досмухамедов, Х. Досмухамедов (Западный Казахстан), М. Тынышпаев (Семиречье), М. Чокаев, С. Ж. Асфенди-яров (Туркестанский край). Среди кандидатов были также русский ученый Г. Потанин и политический деятель В. Чайкин.

На решения съезда оказала сильное влияние казахская интеллигенция, объединившаяся вокруг газеты «Казах». Благодаря этому суживались возможности влияния мусульманского духовенства на казахское население: устранялись клерикальные суды, на смену им должны были вводиться правовые структуры; женщины должны были обладать равными с мужчинами правами, запрещался калым. Образование должно было стать обязательным и подчиняющимся гражданским властям.

Вместе с тем решения съезда предусматривали создание независимого муфтиата в Оренбурге для управления Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской, Уральской областями и казахскими районами Закаспийской области.

Первый всеказахский съезд, по существу, конституировался в казахскую национальную политическую партию «Алаш». В его решении говорилось: «Признавая образование казахской партии необходимым, съезд поручает представителям от казахов во всероссийском мусульманском совете выработать программу этой партии, причем в основу политической программы должно быть принято требование (создания в России) демократической федеративной парламентской Республики»[10]. Лидерами партии «Алаш» стали Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов и другие представители казахской интеллигенции буржуазно-демократического направления, это была партия либерального байства и мелкобуржуазной демократии.

В партию «Алаш» вошли также представители научной и творческой интеллигенции: М. Тынышпаев, М. Жумабаев, Ш. Кудайбердиев, Г. Карашев, С. Торайгыров, Х. Габбасов, А. Ермеков, Ж. и Х. Досму-хамедовы и др. Абсолютное большинство из них в условиях лета 1917 г. не

восприняли социалистическую программу, поскольку казахское общество в целом не было готово к этому. Они объединились под лозунгом: «Освобождение казахского народа из-под колониального ига!».

Осенью 1917 г. в Казахстане возникла еще одна национально-политическая организация — партия «Уш-Жуз», назвавшая себя «Киргизской (Казахской) социалистической партией». Ее лидером был Кольбай Тогусов. Партия придерживалась пробольшевистской ориентации и выступала главным оппонентом партии «Алаш» по многим вопросам общественно-политической жизни Казахстана.

В конце лета — начале осени 1917 г. в стране началось повсеместное полевение масс, что явилось следствием роста влияния большевиков в Советах, по своему национальному составу представлявших преимущественно русские организации.

Разгром корниловщинцы дезорганизовал и ослабил силы контрреволюции, поднял авторитет большевиков. По всей стране началась большевизация Советов. В связи с этим, большевистская партия снова выдвинула лозунг: «Вся власть Советам!», временно снятый после июльских событий 1917 г. Теперь этот лозунг означал призыв к вооруженному восстанию и свержению Временного правительства, к установлению диктатуры пролетариата.

24 октября (6 ноября) 1917 г. в Петрограде началось вооруженное восстание. На другой день восставшие рабочие, солдаты и матросы захватили важнейшие объекты столицы. Утром 25 октября (7 ноября) Военно-революционный комитет объявил о том, что Временное правительство низложено.

Победа Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и установление советской власти в центре, а также в сопредельных с Казахстаном крупных городах—Ташкенте, Омске, Оренбурге, Астрахани имели решающее значение для перехода всей полноты власти в руки Советов в Казахстане. Однако установление советской власти в Казахстане растянулось на четыре месяца — с конца 1917 г. до марта 1918 г. Этот процесс осложнялся трудностями, порожденными социально-экономической и культурной отсталостью края, малочисленностью и слабостью местного рабочего класса и большевистских организаций, сложностью межнациональных отношений. Решающую роль в победе советской власти в крае сыграли солдаты местных гарнизонов, объединенные в Советы солдатских депутатов, и бывшие фронтовики, возвратившиеся в Казахстан после Февральской революции и настроенные максималистски, лично заинтересованные во власти, которая обещала им мир, а крестьянству — землю.

Ситуация усугублялась упорным сопротивлением так называемых войсковых правительств Уральского, Семиреченского, Сибирского и Оренбургского казачьих войск, а также скоплением в различных городах Казахстана (особенно в Уральске) бежавших из центральных районов сторонников свергнутого Временного правительства.

В большинстве районов Сырдарьинской, Акмолинской областей и Букеевской Орды, где силы, возглавляемые большевиками, имели решающий перевес, и сторонники Временного правительства не смогли оказать вооруженное сопротивление, советская власть победила мирным

путем—путем завоевания рабочими и бедными крестьянами прочного большинства в Советах.

Иначе обстояло дело в Тургайской, Уральской, Семипалатинской и частично в Семиреченской областях, где сторонники Временного правительства имели значительные силы. Во многих районах, в частности в областных центрах и уездных городах, советская власть была установлена силами красногвардейских отрядов и пробольшевистс-ких солдат местных гарнизонов путем вооруженного восстания и подавления сопротивления сил местных органов Временного правительства и их союзников.

С конца октября 1917 г. до марта 1918 г. советская власть была установлена главным образом в городах и других крупных населенных пунктах Казахстана. В основной массе аулов и сел Казахстана процесс установления советской власти продолжался вплоть до начала гражданской войны. Наиболее активное участие в этом принимали А. Т. Джангильдин, С. Сейфуллин, К. Сутюшев, А. Асылбеков, Б. Серикба-ев, А. Майкутов, И. Дубинин, К. А. Шугаев, Я. В. Ушанов, С. М. Цвиллинг, А. Иманов, Т. Рыскулов, П. М. Виноградов, Т. Бокин, Л. П. Емелев, Т. Утепов, А. Розыбакиев и др.

Вместе с установлением советской власти принимались меры по преобразованию экономики и культуры: вводился контроль на промышленных предприятиях (на Спасском заводе, Карагандинских шахтах, Успенском руднике, на Эмбенских нефтяных промыслах и т. д.) был национализирован ряд промышленных предприятий и банков. Были осуществлены первые шаги по претворению в жизнь Декрета о земле, принятого на II Всероссийском съезде Советов. При поддержке В. И. Ленина петроградские рабочие организовали в Восточном Казахстане три коммуны: «Первое Российское общество землеробов-коммунистов», «Второе Российское общество землеробов-коммунистов» и коммуну «Солнечная».

В постановлениях советских органов, областных и уездных съездов Советов Декрет о земле дополнялся и развивался с учетом местных условий и инициативы самих крестьян.

С победой Октябрьской революции острее стали обсуждаться национальные проблемы, в первую очередь вопросы национально-государственного строительства. Основные принципы национальной политики советской власти были провозглашены в двух важных документах Советского правительства — Декларации прав народов России (2 ноября 1917 г.) и в обращении Советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (20 ноября 1917 г.).

В принятой III Всероссийским съездом Советов (январь 1918 г.) «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», написанной Лениным, нашла свое концентрированное выражение принципиальная позиция Коммунистической партии на советскую федерацию как на форму государственного устройства советских республик. «Советская Российская Республика,— говорилось в Декларации, - учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик»[10].

Вслед за образованием РСФСР началась работа по подготовке к со-

зданию новых автономных республик на Востоке страны. Большевистские организации, Советы Казахстана и Туркестана начали подготовку к созыву Всеказахского и всетуркестанского съездов Советов. Подготовительные работы к созыву Всеказахского съезда Советов шли одновременно с процессом упрочения советской власти. Практически это означало, что борьба за ее укрепление была в то же время борьбой за формирование советской государственности. С таким оборотом событий не могли согласиться национальная партия «Алаш» и ее лидеры, не принявшие Октябрьскую революцию и идею образования Казахской государственности на советской основе.

Еще задолго до Октябрьского переворота лидеры казахского либерально-демократического движения широко пропагандировали свои программные взгляды на социально-экономическое и политическое развитие Казахстана, а сразу же после революции в Петрограде в газете «Казах» от 21 ноября опубликовали проект программы партии «АЛаш», составленной Алиханом Букейхановым, Ахметом Байтурсыновым, Миржакипом Дулатовым, Елдесом Гумаровым, Есен-галием Турмухамедовым, Табдулахмитом Жундибаевым и Газимбе-ком Биримжановым. Проект программы состоял из десяти пунктов. Наиболее существенные из них следующие:

«I. Государственное устройство. Россия должна быть демократической Федеративной Республикой... каждое государство, входящее в Федеративную Республику, являясь самостоятельным, действует в единении с другими государствами — членами федерации...

II. Местная свобода. Автономия казахов слагается из областей, населенных ими, и составляет часть Российской Федеративной Республики... Партия «Алаш» является сторонником справедливости, для нее бедные — товарищи, мироеды — враги...

III. Основное право. В Российской Республике все являются равноправными без различия вероисповедания, происхождения, пола.

В Российской республике существует равноправие, неприкосновенность личности, свобода слова, печати, союзов...

IV. Религия. Религия отделяется от государства. Все религии равноправны... у казахов должен быть свой муфтиат...

V. Власть и суд. Власть и суд должны строиться в соответствии с особенностями каждого народа. Бий и судья должны знать язык местного народа... В районах, где казахи составляют большинство, языком суда является казахский.

VI. Защита народа. Для защиты народа должно быть войско... Казахи отбывают службу в виде конной милиции.

VII. Налог. Взимание налогов происходит по степени богатства и имущественного состояния; богатый платит больше, бедный — меньше.

VIII. Рабочие. Рабочие должны защищаться законом... Партия «Алаш» поддерживает в этом вопросе программу меньшевистской группы социал-демократов.

IX. Развитие науки и просвещения. Образование должно быть достоянием всех. Обучение во всех учебных заведениях—бесплатное. В начальных школах преподавание должно вестись на родном языке. Казахи должны иметь на родном языке средние учебные заведения, уни-

верситеты. Учебные заведения должны быть автономными, власти не вмешиваются в обучение...

X. Земельный вопрос. При выработке земельного закона в Учредительном собрании в основу должно ложиться владение землей в первую очередь коренного населения; до обеспечения казахского населения землей на местах переселения крестьян в казахские земли должно быть прекращено; незаселенные участки, ранее отобранные в переселенческий фонд земель, должны быть возвращены казахам»[12].

Программа обеспечила партии «Алаш» большой успех на выборах в Учредительное собрание и объединила представителей различных слоев казахского народа на Втором всеказахском съезде, состоявшемся 5—12 декабря 1917 г. в Оренбурге.

Съезд, возглавляемый председателем президиума Бахыткереем Кулмановым и его заместителями Алиханом Букейхановым, Азимха-ном Кенесариным, Халелом Досмухамедовым и Омаром Карашае-вым, обсуждал различные аспекты тактики партии в условиях быстро меняющейся политической обстановки, обращая при этом внимание на вопросы об образовании казахской автономии и формировании ее правительства.

Съезд решил, что в состав казахской автономии должны войти Букеевская Орда, Уральская, Тургайская, Акмолинская, Семипалатинская области, районы Закаспийской области и Алтайской губернии, населенные казахами. Делегаты съезда констатировали, что после свержения Временного правительства с каждым днем усиливается рост анархии в городах и селах, в степи, угрожая самому существованию казахов. Поэтому «в целях спасения постановил формировать твердую власть в лице «временного народного Совета», дав ей наименование Алаш-Орда (правительство Алашской автономии) и поручил Алаш-Орде немедленно взять в свои руки всю исполнительную власть над казахским населением»[13].

Съезд разработал план создания казахской милиции. Предусматривалось ее определенное количество на каждую область, обучение и снабжение по уездам. Обеспечение милиции оружием должно было осуществляться центральной администрацией на средства, полученные через налогообложение. Решено было в подготовке офицеров использовать опыт и помощь оренбургского казачества, что предполагало союз с белогвардейцами Оренбуржья, возглавляемыми атаманом Дутовым. И хотя этот союз в значительной степени оказался формальным и малоэффективным, он осложнил положение Алаш-Орды.

Созданный Джангильдиным на Южном Урале уфимский отряд красных совместно с отрядом П. Кобызева и С. Павлова 18 января 1918 г. захватил Оренбург. Вместе с Дутовым покинули Оренбург и алашордынцы, так и не успев создать единую казахскую автономию. Их силы разъединились: часть, названная восточным отделением, переехала в пригород Семипалатинска г. Алаш (Жана Семей), другая обосновалась в городе Жымпиты Уральской области (Западное отделение), третья действовала в Семиреченской области. В этих условиях руководство партии «Алаш» вынуждено было идти на контакты с центральным советским правительством и его местными органами: А. Букейханов направил в Москву X. и Ж. Досмухамедовых на встречу с Лениным и наркомом по

делам национальностей Сталиным, а Халел Габбасов по поручению А. Букейханова 20 марта 1918 г. вел переговоры по телеграфу со Сталиным. Их итогом стало обещание центром материальной помощи на культурные нужды будущей автономии, предложение созыва всеказахского съезда и установление в крае гражданского мира.

В период установления советской власти взаимоотношения партии «Алаш» с новыми властями не перешли от контактов к компромиссам. В ряде городов — Петропавловске, Перовске (ныне Кзыл-Орда), Аулие-Ате (ныне Жамбыл), где в местных Советах власть была в руках радикальных элементов РСДРП(б), активисты «Алаша» подвергались репрессиям, лишь в Семипалатинске, Верном (Алматы) и в некоторых других местах удалось наладить хрупкое, недолговременное сотрудничество. Так, в состав Семипалатинского областного Совета были введены один из руководителей местной организации Алаш Х. Габбасов, председатель уездного земства Казбагоров, в состав уездного совета — активисты «Алаша» Б. Сарсенов и И. Алимбеков. При этом стороны не доверяли друг другу, ибо каждая преследовала свои политические цели: Советы хотели через лидеров и активистов партии «Алаш», привлеченных к структурам власти, усилить влияние среди казахского населения, а лидеры «Алаш», формально поддерживая советскую власть, через своих представителей в Советах вели политику «размывания» новой власти изнутри.

Иначе сложились взаимоотношения партии «Уш-жуз» с советской властью, возглавляемой большевиками. Политические взгляды и практические действия лидера «Уш жуз» Кольбая Тогусова и его сподвижников претерпели существенные изменения с осени 1917 г. до начала 1918 г. Если вначале ушжузовцы поддерживали линию на союз с партией социалистов-революционеров, то с января 1918 г. активно включились в работу по организации и укреплению советской власти на местах. С начала 1918 г. ушжузовцы объективно стали союзниками большевиков в их борьбе с алашордынцами. Несмотря на эти сложности, правительство Алаш-Орды в течение нескольких месяцев (декабрь 1917 — март 1918 гг.), пользуясь нейтралитетом казачества и слабостью возглавляемых большевиками Советов на местах, сделали шаги по созданию административной структуры в областях, приступили к формированию отрядов милиции. Но начавшаяся вскоре гражданская война создала новую военно-политическую ситуацию в Казахстане, в условиях которой ускорился процесс поляризации противоборствующих сил.

§ 3. Казахстан в годы гражданской войны

Захват рабоче-крестьянскими Советами власти в центре и на местах с первых дней вызвал вооруженное сопротивление свергнутых классов. Гражданская война стала продолжением борьбы за власть, поэтому четкой грани между революцией и гражданской войной не было.

Один из первых очагов гражданской войны в Казахстане возник в конце ноября 1917 г. в Оренбурге — административном центре Тургайской области, где атаман Оренбургского казачьего войска Дутов сверг советскую власть и арестовал революционный комитет во главе с деле-

гатом II Всероссийского съезда Советов С. Цвиллингом. Вооруженный центр борьбы с советской властью был и в Семиречье. 1(14) ноября 1917 г. войсковой совет Семиреческого казачьего войска образовал так называемое войсковое правительство. В Верный (ныне Алматы) стекались белогвардейские офицеры и юнкера для борьбы с советской властью.

В ноябре 1917 г. образовался очаг контрреволюции в Уральске. Созданное здесь областное войсковое правительство вскоре разогнало местный Совет и захватило власть. Эти войсковые правительства были главными силами белогвардейского контрреволюционного движения в Казахстане. Они опирались на белогвардейское офицерство, кулацкие элементы казачьих станиц и переселенческих сел и поддерживались местными кадетами, эсерами, меньшевиками, лидерами партии «Алаш»; «Шуро-и-исламии» и некоторых других партий и политических движений.

К лету 1918 г. гражданская война приняла широкие масштабы в связи с активизацией империалистических государств, которые с целью свержения советской власти объединились с белогвардейцами внутри страны. Их главной ударной силой стал Чехословацкий корпус, созданный до революции из числа чехов и словаков — военнопленных солдат Австро-Венгрии. Части корпуса вместе с внутренней контрреволюцией захватили города Акмолинск, Петропавловск, Атбасар, Кустанай, 11 июня 1917 г. советская власть была свергнута в Семипалатинске.

Летом Уральская, Акмолинская, Семипалатинская области и большая часть Тургайской были захвачены белогвардейцами, они же вторглись со стороны Семипалатинской области и в Семиречье. Борьба за восстановление советской власти в захваченных белогвардейцами районах в основе носила партизанский характер. В Семиречье большая группа сел крестьян-переселенцев с центром в с. Черкасском организовала самооборону.

Летом 1918 г. советская власть сохранилась лишь в большей части Семиреченской и Сырдарьинской областей, южных районах Тургайской области и на незначительной территории Букеевской Орды.

При помощи чехословацкого корпуса, за которым стояли правительства стран Антанты, в Самаре было создано эсеро-белогвардей-ское правительство Комуч — комитет Учредительного Собрания, в Омске временное сибирское белогвардейское правительство, возглавляемое адмиралом Колчаком. Атаман Дутов, изгнанный в январе 1918 г., вновь поднял мятеж 3 июля 1918 г., захватил Оренбург, отрезав советский Туркестан от центральной России.

В условиях начавшейся широкомасштабной гражданской войны и свержения советской власти в большинстве районов Казахстана Алаш-Орда заключила союз с Дутовым в Оренбурге, вступила в тесный контакт с Временным сибирским правительством в Омске и комитетом Учредительного Собрания (Комуч) в Самаре, укрепила связи с уральским, сибирским и семиреческим казачеством с целью совместной борьбы с Советами. В июне 1918 г. правительство Алаш-Орды приняло ряд декретов, в соответствии с которыми все документы, законодательные акты, изданные советской властью на территории Алаша, признавались недействительными и возводилось в степень законности преследование коммунистов.

Лидер Алаш-Орды А. Букейханов вместе с А. Ермековым и заведующим военным отделом капитаном Х. Тохтамышевым в июле и августе 1918 г. вели переговоры в Самаре и Омске с представителями военных ведомств Комуча и Временного сибирского правительства по вопросам оказания помощи Алаш-Орде в формировании вооруженных сил. Лидеры западного отделения Алаш-Орды Х. и Ж. Досму-хамедовы получили из Самары через Комуч 600 винтовок и пулемет, обещая в ближайшее время организовать казахские отряды в количестве 2000 человек, тургайской группе в сентябре 1918 г. было выделено 300 берданок, 20 тыс. патронов и большое количество обмундирования. С помощью Дутова приступили к формированию двух конных полков: одного в Кустанайском, другого — в Иргизском уездах. В августе 1918 г. в Семипалатинске был сформирован первый Алашский конный полк в составе 38 офицеров и 750 бойцов. Сформированные с помощью белогвардейцев и наспех обученные отряды алашских формирований вскоре начали принимать участие в вооруженной борьбе против Красной Армии[14].

Вооруженное противостояние в Казахстане было составной частью гражданской войны в России. Поэтому не толькоход боевых действий на главных фронтах гражданской войны оказывал решающее влияние на развитие и ход борьбы на казахстанских фронтах, но действия казахских воинских объединений, партизанское движение и восстания на оккупированных белогвардейцами территориях Казахстана оказали существенную помощь главным силам Красной Армии, сражавшимся на Восточном и Южных фронтах. Особенно наглядно это проявилось в освобождении Оренбурга, Уральска и окончательном разгроме Колчака, изгнании белогвардейцев и их союзников из северного и северо-восточного Казахстана и Семиречья. Центр оказывал военную помощь сражающимся на казахстанских фронтах частям Красной Армии.

В условиях гражданской войны успешно шло строительство Красной Армии. Вместе с русскими в ряды Красной Армии вступали казахские трудящиеся. Декретом ВЦИК от 29 мая 1918 г. добровольность комплектования была заменена обязательной воинской повинностью. Вместе с тем значительное время сохранялись и добровольческие отряды. Летом 1918 г. стали создаваться национальные воинские формирования как составные части единой Красной Армии. Базой создания национальных частей Красной Армии на территории Казахстана стали Сырдарьинская, Семиреченская области, Букеевская Орда и советские уезды Тургайской области (Тургайский и Иргизский).

В1919 г. был организован первый Оренбургский казачий полк им. Степана Разина. В обороне Уральска в апреле — июле 1919 г. участвовал казахский эскадрон, позднее преобразованный в первый советский образцовый казахский полк.

В борьбе с белогвардейцами вместе с трудящимися Казахстана участвовали иностранные рабочие и крестьяне — венгры, немцы, чехи, поляки и др., добровольно вступившие в ряды Красной Армии.

Широкий размах на захваченных белогвардейцами территориях Казахстана приняло партизанское движение и народные восстания.

Крупным очагом партизанского движения был Кустанайский уезд.

Большой размах оно приняло в Акмолинской, Семипалатинской областях. В историю партизанского движения вошло Марийское восстание в Атбасарском уезде Акмолинской области. Значительных размеров достигло партизанское движение в Павлодарском, Усть-Каменогорском, Бухтарминском и Зайсанском уездах Семипалатинской области, особенно в Зыряновской, Катон-Карагайской, Чингис-тауской, Шемонаихинской и других волостях. Прочно вошли в историю гражданской войны в Казахстане такие события, как Черкасская оборона, действия партизанских отрядов «Горные орлы» Тарбагатая и Алтая. Историческую известность получила доблестная борьба 22-й и 25-й Чапаевской дивизий, героическая оборона Уральска и Оренбурга.

Поражение главных сил армии Колчака на Восточном фронте летом 1919 г. создало необходимые условия для освобождения Западного, Северного, Северо-Восточного Казахстана и Семиречья. В конце 1919 г. основная территория Казахстана была освобождена от белогвардейцев. В марте 1920 г. был ликвидирован последний фронт гражданской войны в Казахстане—Северный семиреченский фронт.

Крупные военные операции на территории Казахстана проходили под руководством таких видных полководцев, как М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевский, В. И. Чапаев, а также талантливых командиров И. П. Белова, И. С. Кутякова, А. Иманова и др.

Успехи Красной Армии в борьбе с белогвардейцами, волнения и восстания в алашских полках, бегство джигитов из рядов алашской милиции ускорили раскол в рядах алашордынцев. Этот процесс приобрел необратимый характер после объявления в марте ВЦИКом РСФСР амнистии Алаш-Орде и с переходом на сторону советской власти одного из лидеров Алаш-Орды Байтурсынова и большой группы его сторонников.

По мере освобождения территории Казахстана от белогвардейцев восстанавливалась советская власть. 10 июля 1919 г. декретом СНК РСФСР был организован Революционный комитет по управлению Казахским краем (Казревком).

В первый его состав вошли: С. Пестковский (председатель), А. Байтурсынов, В. Лукашев, А. Джангильдин, М. Тунганчин, С. Мендешев, Б. Каратаев. В разное время членами Казревкома были А. Айтиев, С. Аргынщиев, А. Авдеев, Г. Алибеков, Б. Каралдин.

Казревком сосредоточил в своих руках «высшее военно-гражданское управление краем», а его главной задачей явилась подготовка условий для созыва Учредительного съезда Советов края с целью образования советской государственности казахского народа. Так сложилось, что этому по существу чрезвычайному органу революционной власти в Казахстане пришлось осуществить огромный объем работы различного плана, подготовить и провести Учредительный съезд Советов Казахстана.

Функции чрезвычайности Казревкому навязала сложная обстановка гражданской войны. Именно она определила военно-гражданский характер Казревкома. Другой важной задачей Казревкома являлась задача собирания всех исконно казахских земель воедино, т. е. формирование территориальной целостности будущей казахской советской государственности. Одновременно Казревкому пришлось включиться в реше-

ние продовольственных проблем снабжения действующей армии, поставки хлеба и других продуктов питания в центр, Туркестанскую АССР, т. е. главного элемента политики «военного коммунизма». Казревком функционировал 15 месяцев — с июля 1919 г. по октябрь 1920 г. С момента своего возникновения Казревком вел огромную работу подготовительного характера по провозглашению советской автономии казахского народа.

17 августа 1920 г. СНК РСФСР рассмотрел и одобрил проект Декрета о Казахской республике.

26 августа 1920 г. ВЦИК и СНК РСФСР принял подписанный М. И. Калининым и В. И. Лениным Декрет «Об образовании Киргизской (Казахской) Советской Автономной социалистической республики» в составе РСФСР со столицей в г. Оренбурге.

Состоявшийся 4—12 октября 1920 г. в гор. Оренбурге Учредительный съезд Советов Казахстана принял Декларацию прав трудящихся Киргизской (Казахской) АССР, которая закрепила создание Казахской АССР как республики Советов рабочих, трудового казахского народа, крестьянских, казачьих, красноармейских депутатов, входившей автономной единицей в РСФСР. Был избран Центральный исполнительный комитет (ЦИК) во главе с С. Мендешевым и Совет народных комиссаров (СНК) во главе с В. Радус-Зеньковичем.

1. Бюл. Семипалатинского областного исполнительного комитета. 1917. 17 марта.
2. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 145.
3. Там же. С. 155.
4. В огне революции: Сб. воспоминаний. Алма-Ата, 1957. С. 154.
5. ЦГА РК. ф. 992. оп. 1. д. 11. л. 2.
6. Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане: Летопись событий. Алма-Ата, 1967. С. 11.
7. Казах. 1917. № 256.
8. Казах. 1917. 24 июня.
9. ЦГВИА. ф. 366. оп. 2. д. 195. л. 40.
10. ЦГВИА. ф. 366. оп. 2. д. 195. л. 41—42.
11. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 221.
12. Казах. 1917. 21 ноября. № 251.
13. Сары-Арка. 1918. 25 янв.
14. См.: Томский областной государственный архив РФ. ф. р. 72. оп. 1. д.5. л. 1. об.; 7. 16; Архив КПБ РК. д. 124. т. 1. л. 109, 114.

Глава 2. КАЗАХСТАН В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ТОТАЛИТАРНОЙ СИСТЕМЫ

§ 1. Аул и деревня Казахстана в годы нэпа

Долгие годы советское обществоведение трактовало период нэпа, как этап временного отступления от идеалов социализма, как маневр, вызванный задачами чисто тактического характера. Сегодня мы приходим к пониманию, что новая экономическая политика, сохраняя в целом преемственность в ориентации на идею «социалистического выбора», тем не менее представляла собой своеобразную модель реформизма, заблокированный административно-командной системой путь к более позитивной эволюции общества.

С окончанием гражданской войны военно-коммунистические меры стали входить в непримиримый конфликт с новыми социально-экономическими и политическими реалиями. Дальнейшее увлечение революционной романтикой с ее верой в возможность непосредственного перехода к коммунистическому производству и распределению оборачивалось нарастанием разрушительных тенденций. Их обвальный характер испытывало народное хозяйство всей страны, в том числе и экономика Казахстана.

Наиболее сильно кризисная динамика прослеживалась в сельском хозяйстве республики. Так, посевные площади сократились с 3,6 млн. дес. в 1914 г. до 1,6 — в 1922г. Урожайность упала с 38,7 пуд. дес. в том же 1914 г. до 18,7 в 1921 г. Валовые сборы зерна уменьшились за этот период более чем в 3 раза[1].

В тяжелейшем положении оказалась животноводческая отрасль. С1914 г. по 1922 г. численность крупного рогатого скота уменьшилась на 2,1 млн., лошадей—на 2 млн., мелкого рогатого скота (овец и коз) —почти на 6,5 млн., верблюдов—0,3 млн. голов. В целом же поголовье всех видов скота сократилось за эти годы более чем на 10,8 млн. единиц[2].

Страшным следствием катастрофы, разразившейся в сельском хозяйстве, явился массовый голод. По сведениям с мест, в 1921—1922 гг. в Оренбургской губернии голодало 445 тыс., Кустанай-ской — 255 тыс., Уральской — 400 тыс., Актюбинской — 360 тыс., Букеевской губернии —100 тыс. человек. По более поздним, уточненным данным в республике голодало более 2 млн. 300 тыс. человек.

Смертность от голода и сопутствующих ему болезней, а также массовая миграция из районов бедствия вызвали резкое снижение численности населения. В 1914 г. на территории края проживали 4 811 662 человека, а в 1922 г. - 3 795 963\

Силовая политика государства вызывала все более нараставшее недовольство аула и деревни. В ряде случаев реакция неприятия административного террора, проводимого властью, выливалась со стороны крестьян в акты открытого саботажа и вооруженного сопротивления. В 1920 г. вспыхнул мятеж в Семипалатинской области, в котором участвовала значительная часть недовольных продовольственной диктатурой середняков и зажиточных слоев. В том же году волнения охватили Западный Казахстан, где развернулось широкомасштабное крестьянское движение под руководством бывшего комдива Красной Армии А. Сапожкова. В феврале—марте 1921 г. очаги напряженности стали возникать в Акмолинском, Петропавловском, Кокчетавском и других уездах края.

Ситуация, сложившаяся в Казахстане, подтверждала общую картину экономического и политического кризиса, охватившего страну. Здесь, как и везде, все говорило о необходимости перехода к новым принципам хозяйственной политики, определяющим стержнем которых должна была стать идея отказа от бестоварной утопии и возврата к нормальным экономическим, т. е. рыночным, товарно-денежным отношениям.

Решающий шаг на пути к созданию действенной системы вклю ченных хозяйственных интересов сделал X съезд РКП (б) (март 1921 г.).

Именно на нем было принято решение о переходе от продразверстки

к продналогу. Однако эта мера не исчерпывала всего комплекса, реформ, осуществляющихся в рамках нэпа. Помимо глубоко содержательных изменений в налоговой политике, сообщивших сильнейший импульс хозяйственной активности, были приняты действенные акции в финансах, кредитах, денежном хозяйстве, аренде, трудовом законодательстве, земельной регламентации и в целом ряде других фрагментов социально-экономических отношений.

Кардинальные меры, разработанные и оперативно осуществлявшиеся в рамках нэпа, весьма скоро и эффективно сказались на состоянии сельского хозяйства.

В 1925 г. посевные площади приблизились к 3,0 млн. га. По ряду традиционно зерновых районов Уральской, Акмолинской, Семипалатинской губерний был достигнут уровень 1913 г. В 1925 г. удалось собрать 92 млн. пуд. зерновых, что оказалось лишь немногим меньше, чем в 1914 г. Выходила из кризиса и животноводческая отрасль. В 1925 г. по сравнению с 1922 г. поголовье скота удвоилось.

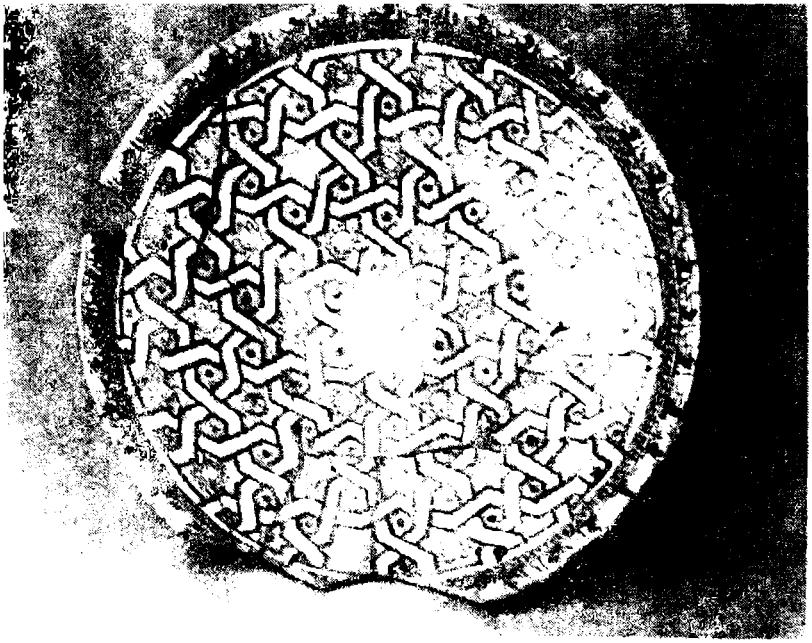
Широкий размах обрела торговля. К1926 г. на территории Казахстана действовало 128 ярмарок. Общий оборот ярмарочной торговли превышал 20 млн. руб. Наиболее известными были ежегодные Уиль-ская, Куандинская, Каркаринская, Темирская, Кокчетавская, Атба-сарская ярмарки.

В 1924 г. результате национально-государственного размежевания Средней Азии завершилось объединение казахских земель в едином казахском советском государстве. Благодаря этому увеличилась территория, численность населения, возрос экономический потенциал Казахстана. В1925 г. столица республики была перенесена из Оренбурга в Кзыл-Орду, где она находились до 1929 г. В1929 г. новой столицей Казахской АССР стал г. Алма-Ата (ныне Ал маты).

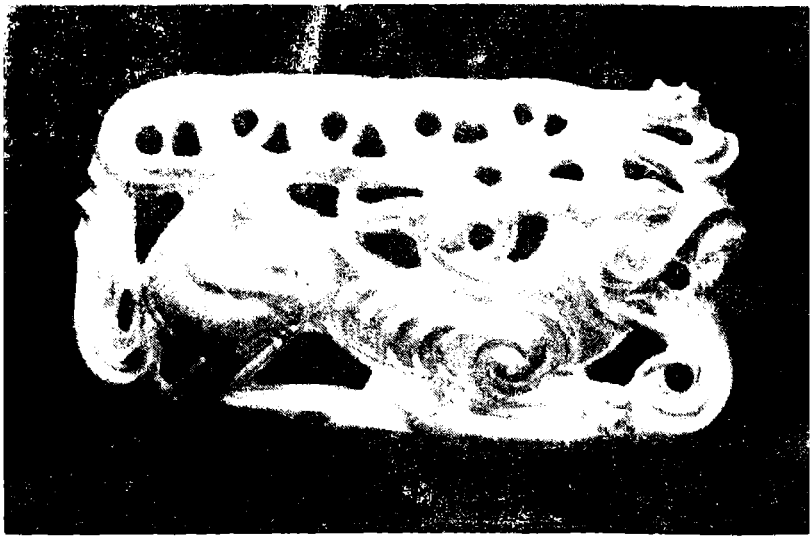
Динамика, обозначившаяся в народном хозяйстве республики, свидетельствовала не только о начавшемся выходе из кризиса, но и о том, что тенденции стагнации и упадка все больше уступали место позитивным процессам. Однако самым главным было то, что хозяйственные структуры начинали выходить на параметры рыночной экономики. Экономика края начинала обретать ярко выраженный многоукладный характер. И именно сосуществование различных форм собственности, их конкуренция и воспроизводственная взаимодополняемость и определяли поступательное движение народного хозяйства.

Государственное вмешательство в экономику, хотя и продолжало отражать идеологически зашоренную политику классовых приоритетов, все же ограничивалось более или менее разумными пределами и сводилось по преимуществу к регулированию межукладных воспроизводственных связей (через налоги, кредиты, перераспределительные механизмы и т. д.). Такая политика оказалась достаточно разумной, поскольку отражала терпимость к различным формам собственности и сохраняла возможность функционирования всех реальных субъектов экономической жизни.

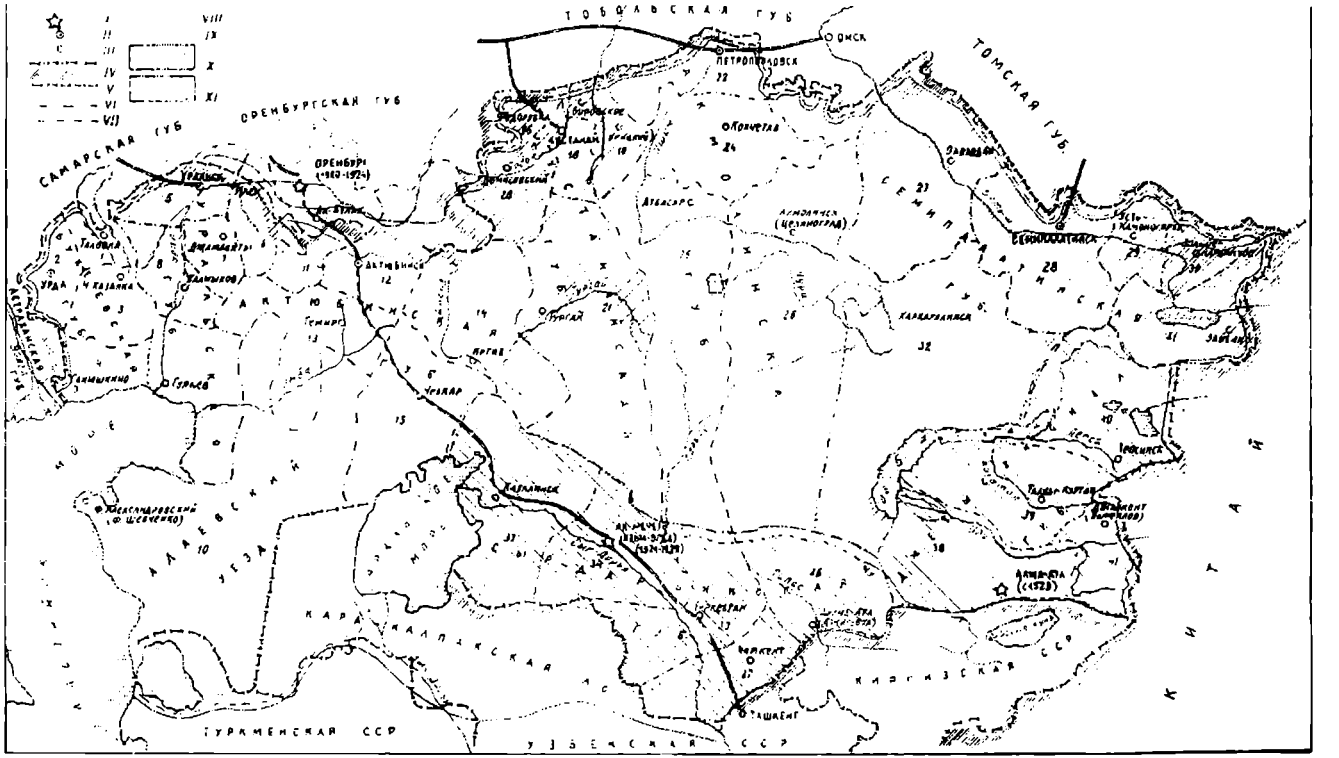
Экономическая целесообразность становилась единственным критерием рациональности тех или иных организационно-хозяйственных структур. Те из них, что демонстрировали приемлемую конкурен-



Блюдо из Тараза



Украшение из кургана «Иссык»


ТОБОЛЬСКАЯ ГУБ
ОМСК
ПЕТРОПАВЛОВСК
ТОМСКАЯ ГУБ
САМАРСКАЯ ГУБ
ОРЕНБУРГСКАЯ ГУБ
ОРЕНБУРГ
УРАЛЬСК
УРА
ТАЛОВКА
ДЖАМБАЙТЫ
ЧАЛКАР
ЕМБА
АКТЮБИНСК
ЕМБИ
ГУРЬЕВ
ЕРГЕНЕ
ЛИТВИ
УРАЛАР
КАРАГАНДА
ЖЕЗКАЗГАН
ЕСИЛ
ОЛОНЧЕТАВ
АТБАСАР
СЕМИПАЛАТИНСКАЯ ГУБ
ЗАЙСАН
ЛЕНИНОГОРСК
ЛЕНИНОГРАД
КАРКАРАЛИНСК
ЛЕНИНСК
ТАЛДЫ-КУРГАН
ВЕРНЫЙ
АЛМА-АТА
ТАШКЕНТ
ТУРКМЕНСКАЯ ССР
УЗБЕКСКАЯ ССР
КИРГИЗСКАЯ ССР
КИТАЙ

Условные обозначения

I — Столицы республики
II — Губернские центры
III — Уездные города
IV — Государственная граница СССР
V — Современная граница Республики Казахстан
VI — Границы губерний КАССР
VII — Границы уездов КАССР
VIII — Границы КАССР до 1925 г.
IX — Границы КАССР до 1930 г.
X — Территория, присоединенная к КАССР в ходе национального размежевания (1924 г.)
XI — Территория, выделенная из КАССР после национально-государственного размежевания.

Уезды:

Букеевской губернии:
1. Таловский — с. Таловка
2. Урдинский — г. Урда
3. Джангалинский — с. Новая Казанка
4. Денгизский — с. Ганюшкино

Уральской губернии:

5. Уральский — г. Уральск
6. Илекский — г. Илек
7. Джамбейтинский — с. Джамбейты
8. Калмыковский — с. Калмыков
9. Гурьевский — г. Гурьев
10. Адаевский уезд

Актюбинской губернии:

11. Ак-Булакский — п. Ак-Булак
12. Актюбинский — г. Актюбинск
13. Темирский — с. Темир
14. Иргизский — с. Иргиз
15. Челкарский — г. Челкар

Кустанайской губернии:

16. Федоровский — п. Федоровка
17. Боровской — п. Боровское
18. Кустанайский — г. Кустанай
19. Урицкий — п. Урицкий
20. Денисовский — п. Денисовский
21. Тургайский — г. Тургай.

Акмолинской губернии:

22. Петропавловский — г. Петропавловск
23. Черлакский — ст. Черлак
24. Кокчетавский — г. Кокчетав
25. Атбасарский — г. Атбасар
26. Акмолинской — г. Акмолинск

Семипалатинской губернии:

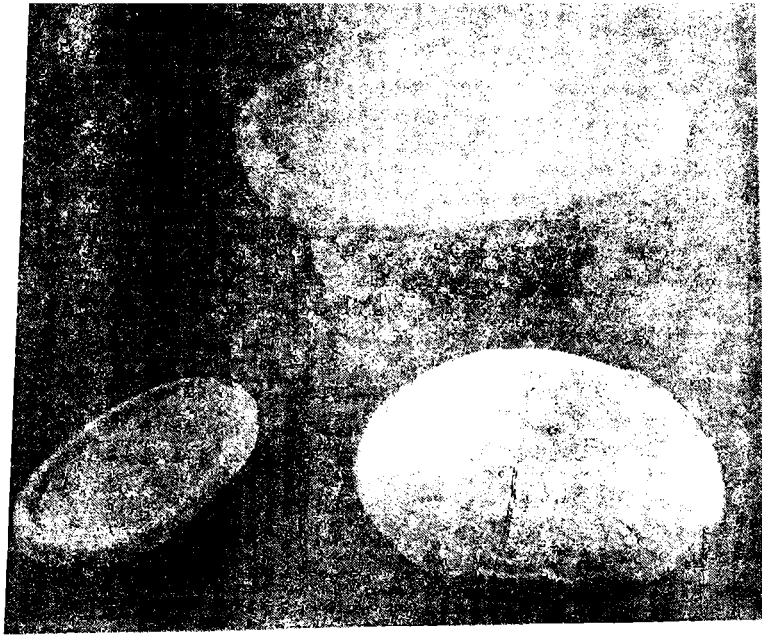
27. Павлодарский — г. Павлодар
28. Семипалатинский — г. Семипалатинск
29. Усть-Каменогорский — г. Усть-Каменогорск
30. Бухтарминский — с. Больше-Нарымское
31. Зайсанский — г. Зайсан
32. Каркаралинский — г. Каркаралинск

Сыр-Дарьинской губернии:

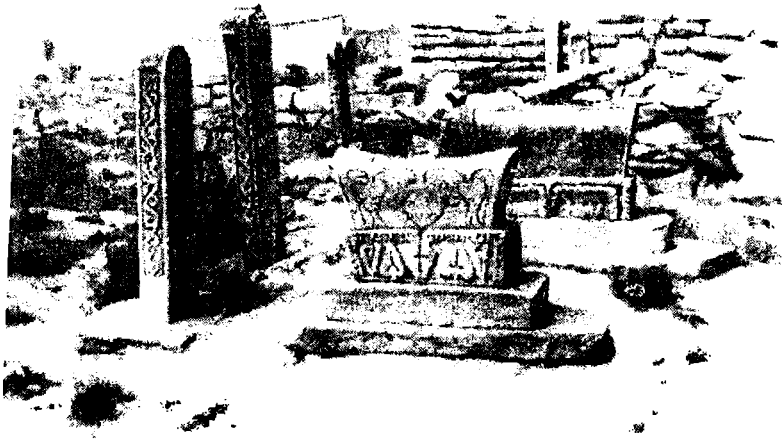
33. Казалинский — г. Казалинск
34. Ак-Мечеть — г. Ак-Мечеть
35. Туркестанский — г. Туркестан
36. Аулие-Атинский — г. Аулие-Ата
37. Чимкентский — г. Чимкент

Джетысуйской губернии:

38. Алма-Атинский — г. Алма-Ата
39. Талды-Курганский — г. Талды-Курган
40. Лепсинский — г. Лепсинск
41. Джаркентский — г. Джаркент



Сарматские каменные жертвенники V - III вв. до н. э.



Некрополь Кусты-ата. Устюрт. Казахские мемориально-культовые ооружения XIX в.

Абылай хан

Абай (Ибрагим) Кунанбаев

Ибрай Алтынсарин

Чокан Валиханов

тоспособность, как бы сохраняли естественное право на существование, не отвечавшие же этому критерию — выносились на периферию экономической жизни.

В своем стратегическом целеполагании нэп предполагал все ту же утопическую идею с ее приматом классовых интересов, поэтому социалистическая тенденция не была нейтрализована.

Традиционный хозяйственно-экономический комплекс, сформировавшийся в ходе длительной социокультурной эволюции, оказывал заметное противодействие привносимым извне формам регулятивного контроля. Однако волюнтаристское вторжение в отлаженный механизм функционирования и воспроизводства традиционной структуры, систему ее социокультурных и институциональных приоритетов и, наконец, в сложившийся порядок экосистемных принципов организации социума стало со временем нарастать, что не могло не вызывать разрушительных процессов. Первый из ряда разрушительных ударов по системе жизнеобеспечения этноса был нанесен именно в 20-е годы.

Целью скотоводческого хозяйства, выступавшего в аридных условиях Казахстана в качестве господствовавшего типа хозяйственно-культурной деятельности, являлась «экономика выживания», реально достижимая лишь при условии обеспечения воспроизводства средств производства (скот, пастбища) и необходимого продукта.

Но в одиночестве эта ключевая задача была скотоводу-кочевнику не под силу, так как организация выпаса скота, его репродукция и т. д. были возможны только при наличии вполне определенной концентрации стада. Лишь в пределах достаточной концентрации средства производства (скота) отдельное хозяйство могло нормально функционировать и, следовательно, выжить. В целях достижения этого скотоводческие хозяйства шли на объединение, взаимодопол-няя друг друга средствами производства, до тех пор, пока не сформировывалась столь необходимая концентрация стада/ т. е. оптимум (отсюда становится ясным, что на паритетных, т. е равных условиях в общину могло включаться лишь то хозяйство, которое было в состоянии выполнить функцию дополнительности, для чего, естес-ственно, должно было обладать необходимым минимумом скота).

Следовательно, имела место общность хозяйственных интересов или кооперация. Именно последняя в условиях недостаточного развития производительных сил выполняла компенсаторную функцию и обеспечивала технологическое овладение предметом труда, недоступное или частично доступное отдельному индивиду. Другими словами, потребность в объединении трудовых усилий носила объективный характер.

Община, конечно же, сохраняла всю гамму противоречий, разворачивающихся по линии производства и распределения. В результате расслоения часть общинников разорялась и постепенно отторгалась общиной, ибо утрачивала средства производства (скот)[5].

В то же время в общине имело место и накопление богатств, т. е. скота. И те хозяйства, которые успешно приумножали его численность до достаточно высокой концентрации, уже переставали нуждаться в общинной кооперации. Так формировались относительно крупные байские хозяйства, способные существовать вне общинной кооперации, так

как могли обеспечивать свое воспроизводство за счет иных принципов организации производства. В рамках последней они выходили за обеспечение не только необходимого, но и прибавочного продукта. Создавали его работники, выталкивавшиеся из общины и вступавшие в наем к этому крупному байскому хозяйству.

Таким образом, такие понятия, как «аул», «община», «крупное байское хозяйство», легко совмещаемые сознанием чиновников, на самом деле были далеко неадекватны. Если аул являл собой лишь тип расселения, то общинные и внеобщинные (крупное байское хозяйство) структуры отождествляли вполне определенные сильно разнящиеся социальные формы организации производства.

Обе структуры не являли собой социальных изолятов, не могли и не осуществляли воспроизводство на независимой автономной основе. А поэтому на более широком уровне образовывали в совокупности уже иную, макротипную структуру с более сложным комплексом воспроизводственных, институциональных и патриархально-генеалогических (родовых) связей.

Эту всеобъемлющую традиционную структуру можно представить как своеобразную социально-экономическую экосистему, в которой все элементы — общинные и внеобщинные образования, т. е. и хозяйства рядовых общинников, и хозяйства зажиточных скотоводов, и хозяйства мелких и средних баев, и хозяйства баев, так называемых полуфеодалов, и бедняцко-батрацкие слои — занимали отведенную им в процессе производстванишу. Иначе говоря, все они были функционально значимы и выполняли свою роль в воспроизводстве всей целостности структуры; реальная данность каждого из них служила гарантом жизнеобеспечения всего социума. Устранение или силовое блокирование любого из этих элементов было сопряжено с разрывом воспроизводственных взаимосвязей, и, как следствие, порождало хаотические процессы, разрушавшие веками отлаживавшийся механизм самоорганизации традиционной структуры.

Государство же, верное принципам классовой борьбы, с самого начала делало ставку на ограничение, а затем и полную ликвидацию богатых и зажиточных хозяев. Образно говоря, их «выдергивали» из сложившейся экономической экосистемы, опустошая занимаемые ими ниши. В результате экономическая экосистема утрачивала свои функциональные звенья, что порождало разрыв всей воспроизводственной цепи.

Во многом аналогичные процессы происходили и в переселенческой деревне. Здесь крестьянские хозяйства, (и бедняцкие, и середняцкие), испытывая дефицит в семенном материале, сельхозинвен-таре, рабочем скоте, обращались, пусть и на кабальных условиях, к зажиточным и кулакам. Но когда тех, как и баев, «выдернули» из экономической экосистемы, обращаться стало просто не к кому. Апеллировать в сельсовет было бесполезно, ибо он по бедности ничем помочь не мог.

Поэтому судьбы крестьян оказывались весьма проблематичными.

Государственные регулятивные акции конца 20-х гг. были нереальны по своим целям и разрушительны по содержанию.

Так в результате передела сенокосных и пахотных угодий предполагалось ликвидировать земельное засилие байства в ауле, и, вместе с тем,

ограничить возможность накопления и роста байских хозяйств[6].

Действительно, окончательные итоги передела сенокосных и пахотных угодий, осуществленного в 1926—1927 гг., оказались довольно внушительными; было перераспределено 1360 тыс. дес. сенокосов и 1250 тыс. дес. пашни[7]. Причем 61,6% сенокосов получили бедняки, 8,8% — зажиточные, а при переделе пашни в 1927 г. (по пяти округам) 59,3% площади получили бедняки, 31,7—середняки и 9% — зажиточные хозяйства[8].

Но уже изначально в этой так называемой реформе обнаружились слабые стороны.

В ходе проведения передела игнорировалось то обстоятельство, что в условиях реально существовавшей хозяйственной структуры аула простое перераспределение земли само по себе не устраняло противоречий; получение земли без возможности ее хозяйственной утилизации мало что давало, в том числе и в плане смягчения процессов расслоения и стимулирования осереднячивания. Чтобы такая возможность состоялась, хозяйство должно было располагать вторичными производственными ресурсами (рабочим скотом, сельскохозяйственным инструментарием, семенами и т. п.). Между тем беднейшие, маломощные, да и часть середняцких хозяйств (т. е., собственно, основные получатели перераспределенных угодий) испытывали в этом отношении острейший дефицит. В такой ситуации очень многим бедняцким и маломощным хозяйствам, получившим доступ к земле, приходилось отказываться от нее в пользу прежних владельцев, т. е. тех же зажиточных баев.

Немало серьезных преград было и на пути передела сенокосных угодий. Согласно реформе, перераспределение сенокосов должно было проводиться по количеству едоков[9], тогда как традиционные устои культивировали в обществе иной критерий справедливости, ассоциирующийся с количеством скота. Уже в силу этого многочисленная семья того или иного бедняка, получившая преимущества при распределении сенокосов, могла впасть в атмосферу «морального террора», инспирированного баями посредством апелляции к «законам предков».

В такой ситуации далеко не каждый бедняк рисковал претендовать на байский покос, а потому выгодный для аульной «верхушки» порядок очень быстро восстанавливался (естественно, нелегально). Таким образом, возможность развития событий в обратном направлении сохранялась вовсе не из-за «слабой политической активности трудящихся масс и непонимания ими своих классовых интересов», а в том, что патерналистские связи, выступавшие в традиционном обществе под видом социальных гарантий и прикрывавшие отношения эксплуатации, давали неимущим слоям подчас больше возможностей на получение прожиточного минимума, чем если бы они воспользовались перераспределенными байскими покосами.

Кроме того, как говорилось выше, трудящийся индивид не мыслил себя вне общины, выступавшей гарантом его существования. Хорошо осознавая эту зависимость, последний и думать не мог, чтобы принимать какие-то хозяйственные решения вне общинного контекста, т. е. в этом отношении примат всегда отдавался как бы общекорпоративным

“интересам, хотя интересы эти в действительности были узурпированы эксплуататорской верхушкой, которая монополизировала в общине организационно-хозяйственные функции и само производство. Высказывая нелояльность по отношению к баю, распоряжавшемуся всем и вся, рядовой общинник рисковал противопоставить себя общинному консенсусу, а это, образно говоря, означало рубить сук, на котором сидишь.

Таким образом, в плане экономических преимуществ реформа не всегда и не везде выдерживала конкуренцию с традиционной формой организации социума.

Гораздо более радикальные цели преследовала конфискация средств производства (главным образом скота) у крупных баев «полуфеодалов», а также выселение их и членов их семей за пределы округа проживания.

Вопрос о конфискации скота у крупных баев ставился на III областной партийной конференции Казахстана в марте 1923 г. Однако реализовавшаяся в то время стратегия нэпа, направленная на выход из экономического и политического кризиса, сдерживала коммунистических радикалов. Выбирать приходилось между возможным Экономическим хаосом и идеологической догмой. Система, еще не оправившаяся от кризисного шока начала 20-х гг., выбрала первое. Но уже в ноябре 1927 г. VI Казахстанская партконференция вновь возвращается к идее экспроприации баев, посчитав возможным «допустить изъятие у них части скота и инвентаря», что, по мнению местных партийных «теоретиков», должно привести к осе-реднячиванию аула и развитию его производительных сил, еще больше закрепив союз пролетариата с трудящимися массами аула.

В декабре 1927 г. в верхних эшелонах власти республики была образована комиссия для разработки проекта закона о конфискации хозяйств крупных баев. В марте 1928 г. бюро Казрайкома несколько раз рассматривало проект закона, уточняло его, знакомило с ним ЦК ВКП (б) и ВЦИК. 15 августа Крайком создал комиссию для непосредственного руководства кампанией. Председателем комиссии стал Е. Ерназаров, в состав ее вошли У. Исаев Н. Нурмаков, Г. Тогжанов У. Джандосов и др. 27 августа 1928 г. на заседании ЦИК и СНК республики проект закона о конфискации был принят и обрел форму директивного постановления. Были назначены уполномоченные по проведению конфискации в округах республики. Непосредственно в аулы посылались свыше тысячи уполномоченных, в комиссиях содействия работали 4700 человек.

В соответствии с постановлением по республике намечалось конфисковать 700 хозяйств, имевших свыше 400 голов скота (в переводе на крупный) в кочевых районах, более 300 — в полукочевых и свыше 150 — в оседлых. Кампанию планировалось завершить к 1 ноября 1928 г. (позднее ее продлили на 10 дней).

Согласно документам об итогах кампании, фактически конфискации было подвергнуто 696 хозяйств, из них 619 высланы за пределы округа проживания. У них было экспроприировано около 145 тыс. гол. скота (в переводе на крупный), большая часть которая была передана неимущими хозяйствам.

Между тем анализ опубликованных статистических материалов показывает, что конфискованного и «поровну» перераспределенного скота

далеко не всегдахватало, чтобы подтянуть бедняцко-батрацкие хозяйства до приемлемых, сточки зрения задач нормального ведения хозяйства, размеров. Например, по Каркаралинскому округу конфискованный скот получили 198 бесскотных хозяйств, 1374 хозяйства — с обеспеченностью скотом от 1 до 5 гол. и 27 хозяйств, владевших поголовьем в 6—7 един. По самым грубым подсчетам, для наделения всех этих хозяйств до сколько-нибудь приемлемой нормы требовалось в совокупности 12139 гол. скота. Между тем было передано всего 2065 гол., т. е. дефицит составил более 5 тыс. един. В Кзыл-Ординском округе дефицит определялся в размере 9 тыс. Так же было и в других округах.

Статистика эта означает только одно: значительную часть хозяйств не удалось наделить скотом в приемлемых для ведения хозяйства размерах. Получив лишь несколько единиц скота, эти хозяйства не могли включиться в общину на более или менее паритетных началах, а потому расставались с надеждой повысить свой социальный статус (вскоре полученный по конфискации скот продавался или резался). И хотя на бумаге такое хозяйство числилось уже в середня-ках,по своей сути оно оставалось все тем же зависимым элементом структуры, но эксплуатировавшимся уже на другом уровне. На этот факт в свое время обращал внимание директивных органов Т. Р. Рыскулов[10].

Конфискация представлялась однозначно позитивной акцией, ибо, как декларировалось в постановлениях, преследовала задачу освобождения аула от гнета «кровопийц-эксплуататоров».

Однако в ходе проведения конфискации так называемые комиссии содействия очень часто выходили за пределы предписанной инструкции и обращали свой взор на просто богатые и зажиточные хозяйства, где было 300—400 и более овец, но которые не могли выжить вне общинной кооперации. Для поборников же классовой борьбы и социальной справедливости такое количество скота представлялось сверхбогатством, подлежащим незамедлительной конфискации с последующей передачей бедняцко-люмпенским слоям.

В результате с экспроприацией такого «аульного бая» многочисленные общины утрачивали столь обязательную для воспроизводства средств производства и производства необходимого продукта концентрацию стада, а потому вскоре разорялись и нищали, а сами общинники пополняли паупер-люмпенскую массу. Другие общины разорялись в силу изъятия у них того скота крупного бая, который был в свое время передан им на правах сауна. Финал был тот же.

Эскалация силовой политики в конце 20-х гг. нашла отражение и в фискальных мерах, когда в поисках средств для индустриализации государство резко ужесточило налоговый режим. Тяжелый налоговый пресс «опустилдя» на аул и деревню Казахстана. Так, уже в 1927/ 28 хозяйственном году 4% зажиточных и кулацких хозяйств были вынуждены заплатить 33% всей суммы начисленного на крестьянские хозяйства сельхозналога. Средняя сумма налога на хозяйство с облагаемым доходом свыше 1000 руб. исчислялась в деревне в размере 239 руб. В ауле такое хозяйство платило в среднем 323 руб. В результате в 1927/28 г. 0,6 крупных скотоводческих хозяйств уплатило 25% всей суммы начисленного по скотоводческим районам налога.

Помимо этого вводилось так называемое самообложение. В Петропавловском уезде, например, сумма денежных средств, внесенных по самообложению кулацко-байскими и зажиточными хозяйствами, составила от 100 до 400% по отношению к уже уплаченному ими сельхозналогу. В аулах Урдинского уезда Уральской губернии на байские хозяйства было начислено по «самообложению» от 500 до 1200 руб. В следующем, 1928/29 окладном году сельскохозяйственный налог возрос на 98,8%, хотя налоговая база выросла несущественно.

Под воздействием резко возросшей нормы налогообложения значительная часть хозяйств, используя терминологию тех лет, «самораскулачивалась», или, попросту говоря, раскрестьянивалась, уходя в города или меняя источники дохода и формы деятельности.

Что касается скотоводческих хозяйств, то они, не выдерживая силовых акций и тяжести налогообложения, просто откочевывали за границу. И дело здесь было отнюдь не в «происках баев», хотя и это имело место, а в том, что специфика традиционной структуры (сложные воспроизводственные, институциональные, социо-культурные, патриархально-генеалогические связи) вынуждали сниматься вслед за крупными хозяйствами целые общины. Но главной причиной массовых откочевок в этот период была реакция на волюнтаристско-силовую политику государства, объективно вызывавшую разрушение системы жизнеобеспечения народа.

Таким образом, нэп в Казахстане имел весьма противоречивый характер и завершился не с «великим переломом» (как принято считать), а уже где-то к концу второй половины 20-х гг. Именно в это время начали блокироваться многие кардинальные идеи нэпа и проводиться акции, породившие предпосылки грядущей трагедии — беспрецедентной этноэкологической катастрофы.

§ 2. Коллективизация в Казахстане

В 20-е годы нэп воспринимался как долговременная политическая стратегия. Именно в ее рамках виделось решение проблем индустриализации, кооперирования крестьянства, повышения материального благосостояния и культурного уровня народа.

Кооперация крестьянства рассматривалась как эволюционный процесс, движимый не силовым государственным принуждением, а императивами экономической целесообразности. Роль решающего стимула отводилась тем экономическим преимуществам, которые кооперация могла обнаружить в конкурентной борьбе с альтернативными способами хозяйственной организации.

Ориентация на нэп исключала и прямое «раскулачивание», означавшее по сути экспроприацию самостоятельных хозяев. Сторонники «нэповской линии», лидерами которых выступали Н. Бухарин, Н. Рыков, М. Томский, считали, что более действенным в этом отношении может оказаться механизм экономической и правовой регуляции. Опыт первых лет нэпа подтверждал такую возможность.

Кооперация рассматривалась во взаимосвязи с индустриализацией. Принципиальным моментом в нэповской модели реформирования общества было также то, что и индустриализация и кооперация понима-

шись не как самодовлеющие цели, а как факторы достижения роста материального благосостояния и культурного уровня народа, понимаемых как главные критерии социалистичности.

Однако к концу 20-х гг. реалистический курс, формировавшийся в рамках нового экономического мышления, претерпел коренные изменения. Главным приоритетом (всепоглощающей целью) была объявлена индустриализация в ее сверхфорсированном режиме. Накопления для обеспечения индустриализационного процесса предполагалось формировать за счет прямой и косвенной экспроприации крестьянства. Но это, как показали силовые хлебозаготовки, вызвавшие сильнейший протест крестьянства, было возможно лишь при условии тотальной узурпации государством отношений собственности средств производства. Последнее достигалось созданием огосударствленной колхозной системы, т. е. проведением массовой коллективизации, означавшей полное отчуждение непосредственных производителей от средств производства, самого производства и распределения.

Таким образом, идея проведения «мягкой» (максимально безболезненной для общества) модернизации промышленного производства была заменена курсом на сверхфорсированную индустриализацию. Кооперирование же, как экономически спонтанный процесс, уступало место государственно направляемой силовой коллективизации. Причем последняя задумывалась не во благо крестьянства, а исключительно в интересах обеспечения индустриализационного процесса.

Итак, на рубеже 20—30-х гг. нэповская линия развития была заблокирована. На долгие десятилетия в сфере экономики и общественно-политической жизни воцарился дух «силовой» альтернативы.

В сельском хозяйстве это имело глубоко трагические последствия. Выдвинутые во главу политики в деревне внеэкономические императивы с их ориентацией на командно-административный террор, не только дискредитировали идею кооперирования крестьянства, но и свели на нет ее позитивный потенциал. «Великий перелом» начинал безжалостно разламывать сельские структуры, исподволь подготавливая грядущие проблемы общества.

Казахстан был отнесен к той региональной группе, где коллективизацию предполагалось в основном завершить весной 1932 г. (за исключением кочевых и полукочевых районов). В республиканских партийных и советских органах даже эти форсированные сроки были восприняты как некая планка, которую во что бы то ни стало нужно «перепрыгнуть».

В результате очень быстро общественный организм стал испытывать приступ почти болезненной процентомании. Районы и округа соревновались друг с другом в победных реляциях, газеты не успевали давать ежедневно меняющуюся информацию с «колхозного фронта».

Если в 1928 г. в Казахстане было коллективизировано 2% всех хозяйств, то уже на 1 апреля 1930 г.—50,5, а к октябрю 1931 г. — около 65%. К началу осени 1931 г. в республике насчитывалось 78 районов (из 122), где коллективизацией было охвачено от 70 до 100% дворов.

Нарушения принципа добровольности и элементарной законности с самого начала приняли повсеместный характер.

Чрезвычайный характер коллективизации с особой силой проявился в тех мерах, которые разворачивались в рамках реализации государственного курса на ликвидацию кулачества и байства. В директивах, доведенных до местных органов, указывалось, что удельный вес ликвидируемых кулацких дворов по отношению к общей массе хозяйств не должен превышать 3—5%. Но во многих районах подобного количества кулаков никак не набиралось. Однако система на то и была командно-административной, чтобы всякая спущенная установка без какого бы то ни было осмысления ударно претворялась в жизнь. Именно поэтому численность раскулаченных почти всегда и везде «подтягивалась» до верхнего предела.

Масштабы раскулачивания в Казахстане пока не поддаются точной оценке, но известно, что только в 1930—1931 гг. численность крестьян, отправленныхв «кулацкую ссылку» за пределы Казахстана, достигла 6765 человек. Десятки тысяч хозяйств высылались за пределы округа проживания в границах республики. В то же время территория Казахстана была определена в качестве «кулацкой ссылки» для многих десятков тысяч крестьян из других районов страны. В республику были выселены 46091 семья, или 180 015 человек «.

Идеология раскулачивания вылилась в широкие репрессивные акции по отношению к крестьянству. 7 августа 1932 г. был принят закон «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», предполагавший наказание в виде расстрела, а при «смягчающих обстоятельствах» 10 лет тюрьмы с конфискацией имущества. Только за первый год действия этой антиконституционной нормы в Казахстане было осуждено 33 345 человек. Так называемые раскулачиваемые подводились под ряд других статей уголовного характера. При этом отсутствовало какое-либо подобие судебного разбирательства. Все решалось «тройками».

За пять лет, с 1929 по 1933 гг., тройкой ПП ОГПУ в Каз АССР, по неполным данным, было рассмотрено 9805 дел и принято решений в отношении 22933 лиц, из них к высшей мере наказания — расстрелу было приговорено 3386 человек, заключению в концлагерях от 3 до 10 лет — 13151 человек[11].

Катастрофические последствия сверхфорсированной коллективизации многократно усугублялись административным произволом в ходе так называемого планового оседания кочевых и полукочевых хозяйств. Идеология оседания тесно увязывалась с полной трансформацией хозяйственных форм, а пути прогресса казахского крестьянства виделись исключительно в эволюции скотоводческого хозяйства в земледельческое или стационарное животноводческое.

Между тем государству, опирающемуся на неразвитые, фактически доиндустриальные производственные силы, радикальное преобразование традиционного аграрного фундаментализма было не по силам. Кроме того, следовало учитывать, что кочевое скотоводство представляло собой чрезвычайно сложный тип хозяйственно-культурной деятельности и социальной организации с многоуровневым комплексом институциональных связей. Преобладавшие общинные структуры в течение веков формировали уникальную корпоративную психологию и традиционные

идеологические установки с их смещенными в реальности стереотипами. Все это, соединяясь, вызывало сопротивление по отношению к любым стандартно запланированным акциям, игнорирующим конкретно-исторические реалии.

Принципиально важно было и то, что в тех условиях кочевое скотоводство сохраняло свою экологическую рациональность. Наряду с этим необходимо особо подчеркнуть, что в то время кочевое хозяйство еще не исчерпало своего экономического потенциала, оставаясь во многом экономически целесообразной системой.

Для проведения коллективизации и оседания наряду с местными активистами Казкрайком привлек восемь тысяч рабочих. Кроме того, в республику было направлено 1204 двадцатипятитысячника из Москвы, Иваново-Вознесенска, Харькова, Ленинграда, которые часто понимали смысл и сам механизм оседания весьма утрированно. Для многих администраторов это означало стягивание с огромного радиуса сотен хозяйств в одно место (подчас лишенное кормовых и водных ресурсов). Следствием подобного скопления было то, что скотоводы лишались хозяйственного простора и возможности маневрировать стадами в поисках воды и корма. Посланцы партии из далеких краев пошли еще дальше. Подразумевая под оседанием организацию стационарных поселков, они стали насаждать в степи такой тип расселения, который до точности повторял планировку российской деревни. Для этого многочисленные юрты прямо на снегу выстраивались в идеально правильные квадраты. Бывало, что для построения квартала не хватало юрт. Тогда сгонялось еще несколько аулов (т. е. общин), юрты которых дополняли «деревенские улицы». Не успев выйти из состояния прострации, вызванного административно-форсированными методами кампании по оседанию, население аула было тут же втянуто в еще более стремительную коллективизацию. Собственно говоря, массовое оседание кочевых и полукочевых хозяйств было задумано в тесной увязке с коллективизацией. Это видно уже из постановления Пленума Казкрайкома (декабрь 1929 г.), в котором строго предписывалось «поставить весь план практических работ в области форсирования оседания и хозяйственного укрепления оседающего населения с таким расчетом, чтобы оседание производилось на основе стопроцентной коллективизации — всех оседающих бедняцко-середняцких хозяйств». Наряду с этим, директивные органы потребовали «стимулировать коллективизацию животноводческих хозяйств в таких же темпах, как по зерновому хозяйству»[12].

Расплата за непродуманные решения не заставила себя долго ждать. Собранный в огромнейших концентрациях на колхозно-товарных фермах и не имея возможности прокормиться, скот погибал. Аул и деревня Казахстана отреагировали на волюнтаристскую политику повсеместным упадком сельскохозяйственного производства.

В течение первой пятилетки (1928—1932 гг.) удельный вес Казахстана в общесоюзном производстве товарного зерна уменьшился примерно с 9 до 3%. Хотя посевные площади под зерновыми культурами возросли с 1928 г. по 1940 г. почти в 1.5 раза, валовой сбор сократился примерно в 1.5 раза, урожайность с 9.2 до 4.3 ц/га[13]. Начинало скаты

ваться безразличие, порожденное отчуждением крестьянина от земли и превращением его в наемного работника.

Беспрецедентный урон понесло животноводство. В 1928 г. в республике насчитывалось 6509 тыс. голов крупного рогатого скота, а в 1932 г. всего 965 тыс. Даже накануне войны, в 1941 г., доколхозный уровень не был восстановлен (3335 тыс. голов). Из 18566 тыс. овец в 1932 г. осталось 1386 тыс. (перед самой войной численность стада едва приблизилась к 8 млн. голов). Из поголовья лошадей, определявшегося на 1928 г. в размере 3616,1 тыс., физически выбыло 3200 тыс. (в 1941 г. — 885 тыс. голов). Практически перестала существовать такая традиционная для края отрасль, как верблюдоводство: к 1935 г. осталось всего 63 тыс. верблюдов, тогда как в 1928 г. их насчитывалось 1042 тыс. голов.

Реакция на силовое давление и грубый произвол выразилась не только в резком упадке сельскохозяйственного производства. Как и по всей стране, в Казахстане имело место проявление открытого недовольства, которое в ряде случаев вылилось в вооруженные выступления крестьянства.

В 1929—1931 гг. в Казахстане прошло 372 восстания, в которые было вовлечено около 80 тыс. человек. Трагическую известность получили крестьянские движения в Сузакском, Шемонаихинском, Бухтарминском, Иргизском, Казалинском, Кармакчинском, Самарском, Абралинском, Биен-Аксуйском, Чингистауском, Барибаевском, Кастекском, Балхашском, Чубартауском, Мангистауском и других районах. Восстания сопровождались массовыми откочевками населения за пределы республики, в том числе за границу. Только с начала 1930 г. до середины 1931 г. с территории Казахстана откочевало 281230 крестьянских хозяйств, значительная часть которых оказалась на территории Китая, Ирана и Афганистана. Силами регулярных войск и органов ОГПУ против мятежного населения проводились жестокие карательные акции. За участие в крупных восстаниях и волнениях в 1929—1931 гг. было осуждено 5551 человек, из них 883 расстреляно. В целом в период насильственной коллективизации в Казахстане подверглись репрессиям свыше 100 тыс. чел.

Силовые акции, разрушавшие системы жизнеобеспечения этносов Казахстана, обернулись беспрецедентной демографической катастрофой, последствия которой проецируются в современность. Вопрос о численности жертв остается пока открытым. Существенную коррекцию, по-видимому, дадут вводимые в научный оборот материалы из архиве хранилищ ЦУНХУ, КГБ и МВД, центральных партийных органов, из дел с литерой «С» (секретно), хранившихся в фондах республиканского и областных архивов. Кардинально новые моменты внесут материалы Всесоюзной переписи населения 1937 г., известной как «репрессированная перепись». Проведенная буквально за один день (с 5 на 6 января), она отразила картину величайшей демографической катастрофы, вызванной политикой сталинизма. Понятно, что вскоре ее разработчики и исполнители были арестованы, а многие уничтожены (система боялась оставлять свидетелей). Сами же материалы переписи долгие годы считались уничтоженными. Недавно они были обнаружены в фондах Центрального Государственного Архива Народного хозяйства (ЦГАНХ).

Предварительный анализ, проведенный историко-демографами, по-

кальвает, что казахский этнос понес тяжелейшие потери. От голода и связанных с ним эпидемий, а также постоянно высокого уровня собственно смертности народ потерял около 1750 тыс. человек.

Большой урон численности коренного населения нанесли откочевки. Резко снизилась численность и других этносов, проживавших в Казахстане.

Коренное население республики смогло преодолеть глубоко кризисное явление только потому, что последнее застало его на самой ранней стадии демографического периода. Только благодаря мощному демографическому взрыву, совершившемуся в послевоенные годы, почти через 40 лет казахский этнос смог восстановить прежнюю численность.

§ 3. Индустриальное развитие Казахстана в 1921-1940 гг.

Восстановление промышленности и транспорта. Отсталая колониальная экономика Казахстана, перенесшая разорительные последствия первой мировой и гражданской войн, оказалась еще в более тяжелом положении, чем промышленно развитые регионы страны. От военных действий особенно пострадали промышленность и транспорт. Валовая продукция крупной промышленности в 1920 г. по сравнению с 1913 г. сократилась вдвое, а производство средств производства — в 4,5, добыча нефти — в 4 раза, прекратилась добыча медной и полиметаллических руд, выплавка меди, многие рудники и угольные шахты были затоплены или бездействовали из-за разрушения электрических станций, негодности оборудования и т. д. В катастрофическом состоянии находился транспорт, в особенности железнодорожный: более половины паровозов и около 90% вагонов требовали капитального ремонта, разрушены сотни мостов, больше всех пострадало путевое хозяйство, не хватало рельсов и шпал для замены пришедших в негодность и т. д.

Восстановительные работы в промышленности и на транспорте Казахстана, начавшиеся в условиях перехода страны к нэпу, сильно затруднялись не только последствиями хозяйственной разрухи в целом, но и джутом 1920—1921 гг., когда погибло много скота, а также неурожаем 1921 г., приведшим к голоду в республике.

В1920—1921 гг. восстанавливались лишь отдельные предприятия, а в целом этот процесс успешно развернулся только во второй половине 1922 г. Переломным в восстановлении народного хозяйства республики стал 1923 г. В первую очередь восстанавливались предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, чему способствовал неплохой урожай 1922 г. Заработали крупные мельницы в Кустанайской, Уральской и Семипалатинской губерниях, Павлодаре и т. д., что привело к быстрому восстановлению мукомольной промышленности. В Северном Казахстане восстановились маслодельные заводы, было вновь построено 20 маслозаводов. Определенные успехи имелось и в работе других отраслей пищевой промышленности, так, например, в августе 1923 г. восстановлены Илецкий и Коря-ковский соляные промыслы, не требовавшие крупных капиталовложений.

Налаживалась, хотя и медленно работа хлопкоочистительных заво-

дов на юге республики, кожевенных, шерстомоек и других легкой промышленности. Восстановленные пимокатный, о жевенный и чугунолитейный заводы в Петропавловске в 1923 г. соединены в единое предприятие — промкомбинат. Вновь начали ра тать кожевенные заводы в Алма-Ате, Чимкенте и Талгаре.

Некоторые шаги были сделаны в восстановлении предприятий тя лой промышленности. Бол ее быстро возродилась нефтяная и мышленность: промыслы Эмбы и Доссора уже в 1925 г. превысили вень 1913 г. Успешно шла техническая реконструкция производства, добычи применялись глубокие насосы, развертывались промыслов, обновлялось оборудование, применялись методы разведки. Успешно работала и полиграфическая промы ность, быстро достигая довоенного уровня, благодаря чему резко ширилось издание газет на казахском и русском языках.

Рабочие Риддера упорно боролись за восстановление шахт, рудников, обогатительной фабрики, электростанции, железной дороги и других объектов, но из-за недостаточности оборудования и денежных средств эти предприятия были переведены на положение технической охраны и только в 1925 г. возобновились работы по восстановлению предприятий Риддера. Бездействовали Карагандинские и Эки-бастузские копи, Спасский завод, Успенский рудник и другие горнодобывающие и горнозаводские предприятия. Лишь в конце 1925 г. начались работы по восстановлению Карсакпайского медеплави-тельного завода и его узкоколейной железной дороги Байконур — Карсакпай — Джезказган.

Особое внимание уделялось транспорту, без налаживания успешной работы которого нельзя было осуществить главную задачу нэпа — восстановление экономических связей между городом и деревней, между промышленными предприятиями и сельским хозяйством.

Основной железнодорожной артерии республики — Оренбург-Ташкентской магистрали выделялось значительное число паровозов и вагонов, топливо, различные материалы по развертке НКПС; направлялись высококвалифицированные железнодорожные командиры транспортного хозяйства и т. д. Строились и новые, особенно «хлебные линии», как продолжение сооружения Семиреченской ж. д. до ст. Луговая и далее до ст. Пишпек, дорога Петропавловск — Кокчетав, а также линия Славгород — Кулунда — Павлодар Южно-Сибирской магистрали и т. д. Первые две линии служили для вывоза хлеба из Семиречья и Северного Казахстана в голодающие регионы страны, а последняя — для вывоза соли из Коряковских промыслов. Но в Казахстане из-за его экономической отсталости, унаследованной от колониального периода, нехватки оборудования, денежных средств и квалифицированных кадров, а также других местных трудностей, восстановление промышленности и транспорта происходило более низкими темпами, чем в целом по стране и продолжалось вплоть до 1927 г. включительно. В цветной металлургии работало более 60% всех ее предприятий.

Таким образом, восстановление промышленности и транспорта Казахстана завершилось в условиях перехода страны к социалистической индустриализации. К этому времени значительно окреп и начал разви-

ваться социалистический сектор в промышленности и на транспорте, возникший после Октября 1917 г. на базе национализированных частных предприятий, его удельный вес во всей промышленности Казахстана достигал 64, а в крупной — 97,2%. Все железнодорожные линии, а также водные артерии с их подвижным составом, пристанями и т. д. также находились в государственной собственности. В условиях нэпа, допускавшего развитие частного сектора и свободу торговли, в Казахстане другие экономические уклады не получили особого развития.

В условиях нэпа совершенствовалось управление промышленностью, республиканское промбюро ВСНХ было преобразовано в ЦСНХ республики, а предприятия по подчиненности разделены на союзные, российские, смешанно-федеративные, республиканские и губернские (местные). На базе наиболее крупных предприятий создавались объединения в основном на началах хозрасчета, получавшие название советских трестов. Предприятиями союзного и российского значения стали Урало-Эмбинский нефтяной трест, трест «Алтайпо-лиметалл», Атбасарский трест цветных металлов, трест «Золото-руда» (группа золотых приисков Кустанайского района). Предприятиями Экибастуза и Риддера управлял ЦСНХ Казахстана на основе мандата ВСНХ РСФСР. В непосредственном управлении ЦСНХ республики находились: Илецсольтрест, Павлодарсольтрест, тресты Южно-Уралзолото, «Акжалзолото», Оренбургский и Петропавловский кожмехтресты, Казрыбтрест. С каждым годом усиливалось управление центром более или менее крупными предприятиями Казахстана, в особенности добывающих отраслей промышленности (нефтяной, цветной металлургии и др.), продукция которых вывозилась в индустриально развитые регионы Союза ССР. Все более отчетливо проявлялась сырьевая направленность экономики Казахстана.

Осуществление социалистической индустриализации страны, курс на которую был намечен на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г., натолкнулось в Казахстане на ряд серьезных трудностей. Главной из них была социально-экономическая отсталость республики, в условиях которой казахскому народу предстояло, по замыслам Коммунистической партии и Советского правительства, совершить стремительный переход от феодализма к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Восстановление народного хозяйства, в особенности промышленности, затянулось. К началу 1926 г. промышленность республики достигла лишь 61, а сельское хозяйство — 82,9% уровня 1913 г.

К началу индустриализации богатые месторождения угля, нефти, цветных металлов и других ископаемых в республике только начали изучаться, поэтому новое промышленное и железнодорожное строительство проводилось во многих случаях без должной подготовки. Так, легендарный Турксиб строился по дореволюционным изысканиям, и уже в процессе строительных работ разгорелся спор между сторонниками Курдайского и Чокпарского вариантов на южной части магистрали, а на северной части—Балхашского и Ленинского. На выбор оптимального варианта в каждом из этих случаев ушло немало времени и средств. На

местах новых строек не хватало квалифицированной рабочей силы, строительных материалов, техники и механизмов, а также денежных средств и т. д.

Эти трудности, а также сложная общественно-политическая обстановка в Казахстане вызвали в 20-х — начале 30-х гг. острую идеологическую борьбу вокруг вопросов о будущем республики, в особенности, путях ее индустриализации, создании национальных кадров рабочих. Основная борьба разгорелась между двумя точками зрения. Согласно первой, главным проводником которой был Ф. И. Голоще-кин, Казахстану отводилась роль сырьевой базы промышленно-раз-витых регионов страны[14].

Против этого выступал крупный политический деятель С. Садва-касов, который поддерживал идею индустриализации с максимальной выгодой для республики и с учетом ее экономических возможностей, природных и человеческих ресурсов. Он отмечал, что политика партии и ее руководителей на окраинах мало чем отличаются от прежней политики, которая видела в окраинах, главным образом, сырьевую базу для центральной промышленности. Он выступал за форсированную индустриализацию окраин, за комплексное развитие тех отраслей промышленности, для которых в республике имеются условия: сырье и рабочая сила в лице миллионов бедняков-казахов. Садвакасов был против массового переселения в республику «свободных» рабочих рук из других районов страны[15].

Несмотря на все трудности, которые преодолевались в процессе нового строительства, благодаря в первую очередь самоотверженному труду рабочего класса и инженерно-технической интеллигенции, Казахстан превратился из отсталой окраины страны в индустриальную с крупным сельскохозяйственным производством республику. Индустриальное развитие Казахстана в 1926—1940 гг., когда каждая республика, исходя их своих конкретных условий, вносила свой вклад в общесоюзный процесс индустриализации с преимущественным развитием тяжелой промышленности, в особенности машиностроения, имело здесь ряд особенностей, связанных с исходным социально-экономическим положением, демографическим развитием населения, а также природными богатствами республики и т. д.

Богатейшие месторождения полезных ископаемых стали основой для преимущественного развития тяжелой индустрии в Казахстане, в особенности ее добывающих отраслей — нефтяной, угольной и цветной металлургии, которые на длительное время определили индустриальный облик республики, характер сырьевой направленности ее промышленности. На базе реконструированных предприятий работали Риддерский полиметаллический комбинат, Карсак-пайский медеплавильный комбинат, Иртышский медеплавильный завод и др. Были построены Чимкентский свинцовый завод, Балхашский медеплавильный и Ачисайский полиметаллический комбинаты, строились Текелийский полиметаллический и Джезказганский медеплавильный комбинаты, Усть-Каменогорский свинцово-цинковый завод и др. Это были в большинстве своем предприятия цветной металлургии, крупнейшие не только в Казахстане, но и в стране.

Бурное развитие получила угольная промышленность, 90% добычи которой в 1940 г. приходилось на долю Карагандинского бассейна, став-

шего третьей после Донбасса и Кузбасса угольной кочегаркой страны.

По добыче нефти Казахстан вышел на третье место (после России и Азербайджана). Развивалась химическая промышленность: был реконструирован Чимкентский химфармзавод, в 1939 г. вошел в строй Актюбинский химкомбинат, начавший производить фосфорные удобрения. Успешно работал Аралосульфат, началась подготовка к освоению богатейших месторождений фосфоритов Каратау и т. д.

Восстановление старых, строительство новых и техническая реконструкция предприятий, в особенности в тяжелой индустрии, требовали создания соответствующей мощной энергетической базы. В связи с этим были построены Карагандинская ЦЭС, Ульбинская ГЭС, теплоэлектростанции Балхашского медеплавильного комбината, Чим -кентского свинцового завода, Актюбинского химкомбината, Ачи-сайского полиметаллического комбината и др. Производство электроэнергии в республике возросло по сравнению с 1913 г. в 486 раз.

Значительные успехи были достигнуты в легкой и пищевой промышленности: вошли в строй и успешно работали обувная и две швейные фабрики в Алма-Ате, кожевенный комбинат и мясокомбинат в Семипалатинске, Гурьевский рыбоконсервный и Алма-Атинский плодоовощной комбинаты, первые сахарные заводы в Талды-Кургане, Мерке и Джамбуле, табачная фабрика в Алма-Ате, ряд мельничных комбинатов, хлебо- и маслодельных заводов.

Другой особенностью индустриального развития Казахстана в этот период было выдвижение на передний план наряду с цветной металлургией, нефтяной, угольной и другими в основном добывающими отраслями, тяжелой промышленности, транспорта, в особенности железнодорожного. В 1928—1940 гг. железнодорожная сеть республики увеличилась почти на 50% и достигла 6581 км. Были построены Туркестано-Сибирская железная дорога, соединившая Сибирь со Средней Азией, основные участки трансказахстанской магистрали, сыгравшие большую роль в освоении природных богатств Центрального Казахстана. Линии Рубцовск—Риддер обслуживала предприятия цветной металлургии Восточного Казахстана, Уральск—Илецк связала районы республики с Оренбуржьем и другими промышленно развитыми областями России.

Более высокие, чем общесоюзные темпы индустриализации заложили основу ликвидации экономического неравенства ранее отсталых национальных республик Советского Востока.

Индустриальное развитие Казахстана такими высокими темпами стало возможным только благодаря всесторонней помощи России, Украины и других промышленно развитых республик Советского Союза. Помощь эта приняла широкий размах и разнообразные формы.

Но, несмотря на огромные успехи Казахстана в индустриальном развитии, в этом процессе имелись существенные проблемы и недостатки. Главным из них была сырьевая направленность промышленности республики.

В республике отсутствовали предприятия по обработке нефти и газа, цветных металлов, не говоря уже о машиностроении, в особенности его ведущих отраслей — таких, как станкостроение, приборостроение, ав-

томобилестроение, производство тракторов, других сельхозмашин и т. д. Из-за слабости или отсутствия ряда ведущих отраслей легкой промышленности большинство предметов потребления (одежда, обувь, ткани и т. д.) ввозилось из-за пределов республики. Кроме угля, нефти, руды из Казахстана в Россию, Среднеазиатские и другие республики вывозились соль, хлопок, зерно, шерсть и другие сельскохозяйственные продукты и сырье.

Казахстан ввозил большое количество машин, металлических изделий, цемента, лесных грузов и др. в основном из России.

Однобокое развитие промышленности Казахстана, заложенное еще в колониальный период и продолженное в последующее время, в том числе и в послевоенные годы, сказывается до сих пор.

Индустриальное развитие Казахстана в 1926—1940 гг. имело ряд крупных социально-экономических последствий, к числу которых в первую очередь следует отнести превращение его из аграрного в индустриально-аграрный, рост городов и удельного веса горожан в составе населения республики и формирование рабочего класса, в особенности его национальных кадров, начало создания инженерно-технической интеллигенции, а также другие социально-демографические изменения в составе населения.

Промышленность стала преобладающей отраслью хозяйства Казахстана, удельный вес ее продукции в середине 30-х гг. начал преобладать и в 1939 г. достиг 58,9% против 41,1% продукции сельского хозяйства. Был создан и ускоренно развивался мощный промышленный потенциал, постепенно занимавший передовые позиции в Советском Союзе: Казахстан вышел на второе место по производству цветных металлов, на третье — по добыче угля и нефти, на пятое—по выработке электроэнергии. Все это позволило ему стать одним из крупных арсеналов Советского Союза в условиях Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Шел процесс урбанизации и укрепления городов. Почти половина городского населения (47,5%) сосредоточивалась в городах численностью более 50 тыс. чел. Если в 1926 г. в республике таким был только Семипалатинск, то в 1939 г. их стало семь, а в Алма-Ате, Караганде и Семипалатинске проживало более 100 тыс. чел. в каждом, что составляло 29,9% всего городского населения республики. Городское население увеличивалось за счет механического движения (до 80%), в некоторой степени — за счет преобразования населенных пунктов в поселки городского типа (15,5%), а также — за счет естественного прироста (4,5%). В начале 30-х гг. наблюдалась сильная убыль населения в городах из-за резкого снижения рождаемости и повышения смертности в результате голода 1932—1933 гг., разразившегося в республике после коллективизации.

Миграционный поток в Казахстан, начавшийся еще в первой половине 20-х гг. из-за безработицы в промышленных центрах страны, в 30-е гг. усилился. Проводился значительный оргнабор рабочей силы для индустриальных отраслей республики, который в 1931—1940 гг. достиг 559 тыс. чел. Стихийная же миграция на Турксиб, в Караганду и на другие крупные стройки (индивидуально, семьями или группами) значительно превышала оргнабор, не поддавалась учету и регулированию. В 1928—1939 гг. механический прирост населения городов Казахстана за

счет миграции превысил более 1,8 млн. чел. Среди мигрантов из других республик большинство составляли выходцы из России, с Украины, из Узбекистана и Белоруссии. В связи этим в 1939 г. удельный вес русских в составе городского населения республики достиг 57,7% против 53,7 % в 1926 г., украинцев — с 6 до 8% и т. д. Казахи составляли всего 21,9%, хотя по сравнению с 1926 г. (14,2%) их удельный вес среди горожан несколько вырос.

В процессе осуществления ускоренной индустриализации в Казахстане сформировался рабочий класс, объединявший его различные отраслевые отряды как в сфере материального производства, в первую очередь в промышленности, строительстве, на транспорте и связи и сельскохозяйственном производстве (совхозы, МТС и т. д.), а также в сфере обслуживания населения (жилищно-коммунальное хозяйство, торговля, общественное питание и др.). Процесс собирания и укрепления рядов рабочих Казахстана в восстановительный период, проходивший в трудных условиях, осложнялся голодом 1921 г., бездействием многих предприятий горнодобывающей и горнозаводской промышленности, наличием значительной безработицы и т. д. Достаточно сказать, что в 1922 г. только на биржах труда было зарегистрировано около 50 тыс. безработных. По мере восстановления предприятий, главным образом обрабатывающей промышленности и железнодорожного транспорта, ряды рабочих начинают консолидироваться. Их состав пополнялся за счет безработных, возвращения на производство старых рабочих кадров, демобилизованных из армии воинов, ремесленников, кустарей и других групп городской бедноты, а также батраков и пастухов из казахских шаруа и переселенческого крестьянства. Предпринимались первые шаги по подготовке и закреплению на предприятиях национальных кадров. К концу восстановительного периода (по данным Всесоюзной переписи населения на 17 декабря 1926 г.) в Казахстане насчитывалось 152 тыс. рабочих.

Удельный вес казахских рабочих во всех отраслях народного хозяйства составлял 29,4%, половина из них была занята в сельском хозяйстве. В крупной промышленности казахов было 23,4, на транспорте — 9,6, а среди рабочих прочих отраслей, куда включались временные и сезонные рабочие, — 41%.

Рабочий класс в составе занятыхв народном хозяйстве республики в 1939 г. составил 33,8% против 10,7 в 1926 г. и тем самым превратился наряду с колхозным крестьянством в крупный класс нового общества. Ядро нового класса составляли промышленные рабочие (свыше 115,5 тыс. чел.). Свыше 3/4 рабочих республики пришли в годы социалистической индустриализации. Э^го были вчерашние казахские крестьяне — бедняки, ремесленники, кустари и другие труженики, а также рабочие и крестьяне из других регионов страны, приехавшие в Казахстан по вербовке, оргнабору рабочей силы или самотеком. Значительные успехи были достигнуты в подготовке кадров рабочих-казахов.

В щелях привлечения местного населения в индустриальные отрасли труда упрощался порядок их найма на работу: они приравнивались к членам профсоюзов и трудоустраивались в первую очередь. Наем проводился не только через биржу труда и её пункты, но и непосредственно

в аулах. Успеху в создании национальных кадров рабочего класса Казахстана способствовала деятельность русских кадровых рабочих, а также передовых представителей рабочего класса Российской Федерации и Украины, приехавших в республику[16].

Одной из активных форм подготовки квалифицированных рабочих из местного населения стали стажировки и прикомандирование на родственные предприятия крупных и высокоразвитых промышленных центров.

Такой путь профессионального обучения был характерен для промышленных рабочих регионов. Десятки тысяч представителей народов Востока овладевали сложными профессиями индустриального производства, что позволило уже к середине 30-х гг. сформировать крупные отряды национальных кадров советского рабочего класса в республиках Средней Азии и Казахстана.

Свыше 80% вновь сформировавшегося в ходе индустриализации советского рабочего класса Казахстана были вчерашние крестьяне из коренного и переселенческого населения. Иначе говоря, новое пополнение рядов происходило в основном за счет мелкобуржуазных слоев. В связи с этим шел процесс "окрестьянивания" рабочего класса региона.

В подготовке национальных кадров рабочего классаСредней Азии и Казахстана имелись существенные проблемы. Рабочие из коренных национальностей находились все еще в процессе формирования. Удельный вес л общая численность рабочих — казахов, узбеков, киргизов, туркмен и таджиков с каждым годом возрастала, но в своей основной массе это были неквалифицированные и малоквалифицированные рабочие.

И хотя сегодня все еще низок удельный вес национальных кадров в престижных отраслях труда, среди квалифицированной и высококвалифицированной части рабочего класса Казахстана, следует объективно взглянуть и на исходные рубежи, достигнутые с большими трудностями перед Великой Отечественной войной.

Несмотря на все трудности и проблемы в формировании нового класса, в процессе его становления преодолевались недостатки в культурно-техническом уровне и общественном сознании, в короткие сроки рабочие резко повысили социальную активность, внесли большой вклад в индрустриальное развитие республики.

Решающая роль формировавшегося рабочего класса в индустриальном развитии республики, в строительстве нового общества в целом проявилась в его самоотверженном труде в чрезвычайно трудных и сложных условиях тех лет.

Общественно-политическая и трудовая активность рабочего класса Казахстана сыграли решающую роль в обеспечении успешного индустриального развития республики, других социально-экономических преобразований в переходный период.

§ 4. Общественно-политическая жизнь

Переход от гражданской войны к мирной жизни совершался в очень сложной международной и внутренней обстановке.

Хозяйственные трудности после гражданской войны усугублялись в начале 20-х гг. голодом, охватившим значительную часть территории Казахстана, антисоветскими вооруженными выступлениями крестьян, недовольных проведением в 1921 г. хлебной разверстки. Эти выступления охватили районы Уральской, Букеевской, Семипалатинской, Акмолинской губерний и полуострова Мангис-тау. Основную силу антисоветских выступлений составляли кулацкие элементы, атаманско-эксплуататорская верхушка казачьих станиц, остатки разгромленных в ходе гражданской войны белогвардейцев и их союзников. К вооруженным антисоветским движениям была привлечена и определенная часть казахского и переселенческого трудового крестьянства. Наиболее характерными лозунгами движений были: "За Советы без коммунистов", "За свободный труд и за свободную торговлю".

Действия вооруженных антисоветских отрядов мешали проведению новой экономической политики и деятельности партийных организаций, советских и хозяйственных органов на местах. Многие трудоспособные люди города, аула и деревни привлекались в ряды отрядов особого назначения (ЧОН) для подавления антисоветских вооруженных выступлений. Как отмечалось в журнале "Коммунист" — органе Семипалатинского губкома РКП (б), "в 1921—1922 гг.... партийная и советская работа в Бухтарминском уезде стала чрезвычайно трудной и опасной. Работать могли лишь люди с железными нервами, привычные к походной и боевой обстановке. В течение, по меньшей мере, полутора лет совработники являлись в учреждения вооруженными, спали с винтовками и в походной аммуниции"[17].

Лишь отмена продразверстки способствовала тому, что антисоветские вооруженные выступления к концу 1921 — началу 1922 гг. постепенно прекратились.

В январе — феврале 1921 г. состоялись перевыборы 6509 аульных, сельских, поселковых и 933 волостных Советов Казахской АССР. Партийные организации и Советы республики использовали перевыборную кампанию для поднятия общественно-политической активности широких слоев трудящихся.

В истории общественно-политической жизни края видное место занимает Первая казахстанская областная партийная конференция (июнь 1921 г.). Она наряду с важнейшими вопросами экономики обсудила проблемы общественно-политической жизни: национальный вопрос, очередные задачи партийного и советского строительства и др.

Состоявшийся в октябре 1921 г. Второй всеказахстанский съезд Советов задачу советского строительства в ауле определил как ударную.

В новом Положении о порядке выборов, утвержденном съездом, была учтена специфика быта казахского населения. Так, в связи с малой плотностью населения, кочевым образом жизни значительной его части нормы представительства представителей трудящихся в Советах увеличивались: теперь Советы создавались в аулах числом жителей не менее 150 человек, из расчета один депутат на 50 жителей (до этого Советы организовывались в аулах с числом жителей не менее 300 человек из расчета один депутат на 100 жителей).

Важное место в общественно-политической жизни Казахстана 20-х гг. занимали массовые крестьянские организации: союз Кошчи (Жарлы, Кедей), комитеты крестьянской общественной взаимопомощи (Крестькомы) и примыкавший к ним союз сельскохозяйственных и лесных рабочих (Рабземлес). Все эти организации, в первую очередь союз Кошчи, являлись связующими звеньями между советской властью и Коммунистической партией, с одной стороны, и многомиллионными массами трудового крестьянства — с другой. В условиях перехода к нэпу они свидетельствовали о развертывании демократии после натиска политики «военного коммунизма» в годы гражданской войны и явились показателями успешного осуществления идеи привлечения широчайших масс трудящихся к решению задачи строительства нового общества на основе активизации творческих возможностей человека.

Массовые крестьянские организации работали в тесном контакте с местными, в первую очередь аульно-сельскими Советами. Их конкретная деятельность развивалась на путях преодоления трех главных противоречий: классовых, национальных и связанных с постепенной ликвидацией остатков патриархально-родовых пережитков в быту и сознании казахских шаруа.

Массовые крестьянские организации принимали активное участие в осуществлении земельно-водной реформы начала 20-х гг. в Семиречье и Сырдарьинской области, в проведении мер по землеустройству казахского населения в левобережной пойме р. Урал в Уральской губернии и в районе десятиверстной полосы р. Иртыш в Семипалатинской губернии, направленные на ликвидацию остатков колониализма в земле- и водопользовании. Они сыграли большую роль в переделе пахотных и сенокосных угодий в казахском ауле в 1926—1927 гг., проведении конфискации имущества и выселении крупных баев-полуфеодалов в 1928 г.

Массовые демократические крестьянские организации принимали широкое и действенное участие в кооперативном и социально-культурном строительстве в ауле и деревне республики, разрабатывали эффективные меры по социальной защите батрачества, внесли весомый вклад в формирование местных органов советской власти. Для удовлетворения нужд своих членов крестьянские организации Казахстана имели право брать в аренду различные предприятия: ремонтные мастерские, кузницы, предприятия по переработе продуктов сельского хозяйства и общественного питания и т. д. Предприятия, взятые крестьянскими организациями, освобождались от всех Налогов и сборов. На свои средства они содержали десятки красных юрт и чайхан, дома декханина, являвшиеся специфическими культурно-просветительными учреждениями[18].

Созидательная деятельность массовых крестьянских организаций была прервана в конце 20 — начале 30-х гг. В связи с началом «сталинской коллективизации» и сужением демократии массовые крестьянские организации, в первую очередь союз Кошчи (Кедей), были распущены, а их имущество и предприятия переданы в неделимый фонд колхозов.

Говоря об аграрных реформах 20-х гг. как части общественно-политической жизни Казахстана тех лет, следует указать, что в известной сте-

нени требует иного подхода изучение земельно-водной реформы начала 20-х гг. и землеустройства казахского населения в левобережной пойме р. Урал и десятиверстной полосе Семипалатинского Прииртышья. Известно, что реформы преследовали цель ликвидации остатков колониализма в земле-и водопользовании. В процессе их осуществления нередко возникали межнациональные конфликты. До сих пор это объяснялось главным образом происками националистических и шовинистических элементов. При этом не всегда учитывалось то обстоятельство, что эти реформы осуществлялись спустя всего четыре года после победы Октябрьской революции и пять лет после национально-освободительного восстания 1916 г., когда еще были свежи в памяти коренного населения обиды угнетенного в недалеком прошлом царским самодержавием народа, не зажили раны, нанесенные царскими карателями в ходе жестокого подавления национально-освободительного восстания. В начале 20-х гг., когда осуществлялись аграрные реформы, в крае существовал естественный социально-психологический фон, способствовавший известному обострению межнациональных отношений. Без учета этого нельзя понять и объяснить межнациональные конфликты при проведении аграрных реформ начала 20-х гг. в Казахстане.

Трагической особенностью общественно-политической жизни Казахстана середины 20-х гг. являлось то, что с этого времени идеологический аппарат сталинизма начал проводить широкомасштабные мероприятия, направленные на искоренение исторической памяти народов и физическое уничтожение носителей этой памяти — видных представителей национальной интеллигенции. Известно, что народы Советского Востока, частично Поволжья, в течение многих столетий пользовались арабским алфавитом. В конце 20-х гг. по приказу сверху он был заменен на латинский, а в 1940 г. — на кириллицу. В результате в течение жизни одного поколения казахи были отлучены от письменности, на которой веками создавались шедевры национальной духовной культуры, издавались книги, газеты и журналы, научные труды, накапливались ценные исторические материалы.

С укреплением тоталитарного режима постепенно усилились политические преследования участников партии «Алаш», а также руководящих работников республики, занимавших свою позицию в вопросе о темпах и методах социально-экономических преобразований в крае и высказывавших сомнения в правильности политики центра, грубо попиравшего суверенные права республики в решении хозяйственно-политических и кадровых вопросов, не считавшегося с национальными особенностями и интересами коренного населения.

Политика давления на республику усилилась и приняла особенно жесткую линию с приходом Ф. И. Голощекина, направленного в сентябре 1925 г. на пост первого секретаря Казкрайкома ВКП(б). К этому времени партийные органы, подменившие все демократические институты власти, сами оказались заложниками установленной ими системы. Ф. И. Голощекин был избран в состав крайкома и его секретарем методом кооптации.

Во второй половине 20-х гг. общественно-политическая жизнь в Ка-

захстане круто изменилась. Решение V краевой партконференции, проходившей в декабре 1925 г., о «советизации аула» дано импульс резкому обострению классовой борьбы. Так создавалась идеологическая база для проведения «Малого Октября» в республике, приведшего к немыслимым бедствиям и трагедии казахского народа в период насильственной коллективизации и массовых репрессий 1937-1938 гг.

Немалый «вклад» в нагнетание истерии о националистах и национал-уклонистах и преследование местных кадров внес и Н. И. Ежов, посланный в 1923 г. из Марийского обкома на должность секретаря Семипалатинского губкома ВКП (б), а затем назначенный заведующим организационно-инструкторским отделом крайкома партии. Одновременно было сломлено сопротивление крупных ответственных работников, не согласных с голощекинско-сталинской моделью «преобразований» в Казахстане. Под различными предлогами в 1927—1929 гг. из республики были удалены видные государственные и общественные деятели Казахстана Н. Нурмаков, Т. Рыс-кулов, С. Ходжанов, М. Мурзагалиев. Сняты со своих постов председатель КазЦИК Ж. Мунбаев, нарком просвещения С. Садвакасов, нарком земледелия Ж. Султанбеков и др. Большая часть казахских работников была обвинена в групповой борьбе, о чем свидетельствует резолюция 6-й краевой партконференции, проходившей в ноябре 1927 г. Хотя Центральная контрольная комиссия ВКП (б) специально занималась делом одного из главных «группировщиков» С. Садва-касова, наличие такой группировки не обнаружила. В письмах И. В. Сталину, В. М. Молотову и Л. М. Кагановичу Н. И. Ежов доносил о том, что все национальные кадры, все казахские коммунисты заражены национал-уклонизмом и группировочной борьбой, что среди них нет здоровых партийных сил[1]*. Так «оттачивал» свою карьеру перед переводом в Москву будущий нарком внутренних дел СССР, чьими стараниями были проведены массовые репрессии 1937 г.

К концу 20-х гг. нагнетание обстановки и подозрительность стали всеобщими. Нарастание борьбы в центре с троцкистско-зиновьев-ской оппозицией и «правыми оппортунистами» в национальных республиках проявилось в форме репрессии представителей национально-освободительного движения. В конце 1928 г. по ложному обвинению были арестованы 44 человека из числа так называемых «буржуазных националистов» — бывших деятелей «Алаш-Орды», в том числе А. Байтурсынов, М. Дулатов, М. Жумабаев, Ж. Аймаутов, Х, Габбасов и др. Другая группа национальной интеллигенции (около 40 чел.) в составе М. Тынышбаева, Х. Досмухамедова, Ж. Досмухаме-дова, Ж. Акпаева и др. была арестована в сентябре-октябре 1930 г. Вскоре 15 из них (М. Тынышбаев, Ж. Акпаев, Х. Досмухамедов, Ж. Досмухамедов, К. Кементеров и др.) были сосланы в Центрально-Черноземную область России. Почти все они были репрессированы в 1937—1938 гг.

В конце 20-х — начале 30-х гг. по мере обострения кризиса в социально-экономическом развитии СССР, широкие масштабы приобрели поиски подрывных антисоветских элементов и подпольных организаций. По аналогии с центром (судебные процессы над участниками «промпартий», «крестьянской партии» и т. д.) в Казахстане начались поиски

врагов в национальном варианте. Случайные аварии на шахтах и предприятиях, падеж скота в колхозах и совхозах, пожары и другие стихийные бедствия объяснялись происками классовых врагов и соответственно этому фабриковались уголовные дела врагов народа и подрывных антисоветских организаций. В 1932 г. в Семипалатинске, Абралинском, Чингистауском и Кувском районах той же области был «раскрыт» филиал несуществующей подпольной «крестьянской партии Казахстана» с центром в Алма-Ате. Однако, несмотря на массовые крестьянские восстания и гибель людей от голода в аулах и селах, «дело» не приобрело широкого характера. По делу к уголовной ответственности привлекли более 20 человек. В 1933 г. на территории Кармакчинского района Кзыл-Ординской области была «вскрыта и ликвидирована байско-националистическая контрреволюционная организация «Джайлас», по делу которой к уголовной ответственности привлекалось 53 человека, в том числе 12 приговорены к расстрелу.

Одновременно проводились чистки в партийных организациях. Все, кто не внушал доверия или когда-то ошибался, безжалостно изгонялись из рядов ВКП (б). Основными пунктами обвинения были принадлежность или сочувствие троцкизму, правым и «национал-уклонистам». Если в 1921 г. в период первой генеральной чистки в Казахстане из партии было исключено 2,1 тыс. человек, то в 1929—1930 гг. — 5,8, в 1935 — 15,4 тыс. человек. В период репрессий 1937—1938 гг. из ВКП (б) было исключено 9223 коммуниста[20].

В обстановке страха и истерии проходило обсуждение проекта новой Конституции СССР, которая была принята на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 5 декабря 1936 г. Согласно новой Конституции СССР, Казахская АССР была преобразована в союзную республику. 26 марта 1937 г. Чрезвычайный X съезд Советов Казахстана утвердил Конституцию Казахской ССР. 12 декабря 1937 г. состоялись выборы в Верховный Совет республики.

Однако эти государственные акты продолжали сопровождаться трагическими событиями: начавшиеся в начале 1937 г. политические репрессии охватили всю страну. В» декабре 1936 г. на Пленуме ЦК ВКП (б), затем на февральско-мартовском Пленуме 1937 г. была дана установка ЦК ВКП (б), И. В. Сталина и его окружения о необходимости «искоренения и уничтожения двурушников», всех врагов народа. Обработка общественного сознания дошла до того, что на массовых митингах, проходивших повсеместно, в том числе и в Казахстане, трудящиеся требовали смертной казни Н. И. Бухарину, А. И. Рыкову и др., оказавшимся на скамье подсудимых. В этой обстановке И. В. Сталин и его соратники решили разом покончить с оппозицией не только в центре, но и в национальных республиках. Как свидетельствуют дела так называемых «национал-фашистов», репрессированных в 1937—1938 гг., Н. И. Ежов и его подручные особо не утруждали себя при их фабрикации. Для придания «делам» «национал-фашистов» и других «врагов народа» широкомасштабного характера была придумана версия о заключении ими блока с троцкистами и правыми.

По аналогии с московскими процессами на местах организовыва-

лись «открытые» судебные заседания, на которых из подсудимых выжимались необходимые «показания». В 1937 г. такие процессы проводились в У рджарском, Пресновском и других районах республики. Большой резонанс получил судебный процесс над руководящими партийно-советскими работниками бывшего Каркаралинского округа А. Асылбековым, Н. Нурсеитовым, М. Гатауллиным и другими, состоявшийся в ноябре 1937 г. в Караганде. Однако судьбы основной массы «врагов народа» решались на заседаниях тройки Военной коллегии Верховного Суда СССР.

В 1937—1938 гг. по ложному обвинению были репрессированы видные государственные и общественные деятели Казахстана Т. Рыскулов, Н. Нурмаков, С. Ходжанов, У. Кулумбетов, У. Джандо-сов, А. Досов, А. Асылбеков, Ж. Садвакасов, Л. Мирзоян, А. Сафар-беков, Ж. Султанбеков, Т. Жургенов, Н. Сыргабеков, З. Торегожин и многие др. Невосполнимую потерю понесли казахская наука и культура. Жертвами репрессии стали А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов, М. Жумабаев, С. Сейфуллин, И. Джансугуров, Б. Майлин, С. Асфендияров, К. Жубанов, Ж. Шанин, Т. Шонанов, К. Кементеров.

Таким образом, в конце 20-х — 30-е гг. тоталитарный режим утвердился во всех сферах общественно-политической жизни. Его проявления в Казахстане приняли особенно уродливые формы, сопровождаясь трагическими событиями пери ода насильственной коллективизации и политических репрессий 1937—1938 гг. Социально-экономические преобразования в крае, придание Казахстану статуса союзной республики, успехи в области культурного строительства, народного образования и науки проходили под жестким идеологическим прессом тоталитарного режима. Все это предопределило дальнейшее развитие Казахстана в составе СССР.

1. Сборн. стат. свед. о движении населения, скота и урожаев по КССР с 1880 по 1922 г Оренбург. 1925. С. 68-69.
2. Там же. С. 44-45.
3. Там же. С. 4—5.
4. *Масанов Н. Э.* Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII—XX веков. Алма-Ата, 1984.
5. Там же.
6. Постановления VI Всеказахскогосьезда Советов. 28 марта—3 апреля 1927 г. Кзыл-Орда, 1928. С. 222.
7. VII Всеказахская партконференция. Стенограф. отчет. Алма-Ата, 1930. С 120—121.
8. *Акишев З. А.* Экономические и политические предпосылки и результаты конфискации собственности кру пных баев-полуфеодалов в Казахстане // Изв. АН КазССР. Сер. экон. Алма-Ата, 1949. Вып. 1.С 21.
9. *Семевский Б. Н.* Экономика кочевого хозяйства Казахстана в начале реконструктивного периода // Изв. Всесоюзного географического общества. М.,— Л., 1941. Т. 23. С. 103.
10. III сессия ВЦИК 13-го созыва. Стен. отчет. Бюл. № 9. М., 1928. С. 19.
11. Подшивка архива КНБ Республики Казахстан.
12. Бюл.КазкрайкомаВКП (б). 1929.№ 14.С. 14.
13. Казахстан за 50 лет: Стат. сб. Алма-Ата, 1971. С. 74; Народное хозяйство Казахской ССР: Юбилейный стат. ежегодник. Алма-Ата, 1987. С. 68.
14. VI Всеказахстанская конференция ВКП (б). 15—23ноября 1927 г.//Стенограф.отчет.Кзыл-Орда. 1927. С 108.
15. Большевик. 1928.№ 1. С. 56—57. 16.ЦГАНХ.Ф.7578.Д.46.Л. 1-17;Д. 17.Л. 14-21. 17. Коммунист. 1923. № 2. С. 120. 18.ЦГАРК.Ф.769.ОП.1.Д. 110. Л.20.;Ф.5.Оп. 10. Д.222.Л. 185.
19. *Осипов В. П.* Всматриваясь в 20—30 годы. Алма-Ата. 1991. С. 159.
20. *Осипов В. П.* Указ раб. С. 108—109.

Глава 3. КАЗАХСТАН В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 ГОДОВ

§ 1. Начало и характер войны. Мобилизация сил на отпор врагу

22 июня 1941 г. войска фашистской Германии вторглись в Советский Союз.

Гитлеровцы рассматривали войну против СССР как решающий этап на пути к созданию «германского территориально-этнического монолита» от Атлантики до Сибири, «очищенного» от «недочеловеков» славянского и тюрко-монгольского происхождения и как предпосылку завоевания мира. До разгрома Англии и США и заселения «монолита» немцами намечалось образовать рейхскомиссариаты Ос-тланд, Украину, Московию, Кавказ с подобием самоуправления. В конце 1941 — начале 1942 гг., когда стал очевидным крах планов «молниеносной» войны и пришлось искать пути ослабления «сил сцепления» советских республик, появились замыслы образовать, кроме того,буржуазно-националистические государства Идель-У рал и Гросстуркестан, а также Карагандинскую, Новосибирскую и Кузнецкую «индустриальные области».

В Великой Отечественной войне Казахстан участвовал как часть единой страны. Накануне ее он располагал большими людскими и природными ресурсами стратегического значения. Несмотря на то, что за два предшествующих десятилетия не удалось осуществить планировавшийся гигантский прыжок из патриархального феодализма в социализм, ликвидировать фактическое экономическое и культурное неравенство народов, сделано было немало.

В короткие сроки были ликвидированы классовый, национальный и колониальный гнет, неграмотность и средневековая отсталость, осуществлены эмансипация женщин, национальный мир и согласие. Немаловажное значение в достижении всего этого имели патриотические традиции народов. Казахский народ на протяжении многих веков успешно защищал рубежи своих необъятных степей. В годы борьбы с колониализмом, трех российских революций, на фронтах гражданской войны, на стройках пятилеток сложилась и окрепла дружба народов. Огромное воздействие на людей оказывала антифашистская пропаганда предвоенных лет.

Но было и негативное в том бурном развитии — голод, необоснованные репрессии, истребление значительной части и без того тонкого слоя национальной интеллигенции, уменьшение численности казахского населения; начало превращения Великой степи в зону переселения репрессированных народов — все это ослабило народы, деформировало их сознание, сдерживало развитие и использование возможностей края для укрепления обороноспособности страны.

Совершая агрессию на СССР, фашистские идеологи не без основания рассчитывали на репрессированных советской властью бывших белогвардейцев, зажиточных крестьян, капиталистов и помещиков, всех тех, кто стал жертвой массового террора и насилия тоталитарного режима.

Большинство же советских людей не допускало мысли о сотрудничестве с врагом. Преданность Родине, патриотизм в сочетании с полити-

ческим пафосом открывателей нового мира позволили широким массам населения преодолеть растлевающее влияние сталинизма и сплотиться во имя защиты Отечества.

По переписи 1939 г. население Казахстана составляло 6,2 млн. человек. В ряды сражавшейся армии в годы войны влились 1 196 164 казахстанца. Сталинизм, используя опыт царизма в 1916 г., создал трудовую армию и специальные строительные части из коренных народов Казахстана и Средней Азии и спецпереселенцев, куда были мобилизованы из Казахской ССР свыше 700 тыс. человек. Даже с учетом размещения в республике примерно 1,5 млн. жителей прифронтовой полосы и репрессированных народов процент мобилизации оказался очень высоким: на фронт и в оборонную промышленность был отправлен каждый четвертый житель республики. Столь высокий процент мобилизации оказался возможным главным образом благодаря аграрному характеру экономики и высокому удельному весу крестьянства среди населения, запоздалому введению практики бронирования рабочей силы в оборонных отраслях индустрии и механизаторов сельского хозяйства в Казахской ССР. Основная масса казахстанцев влилась в действующую армию в качестве маршевого пополнения, а примерно треть была зачислена в соединения и части, создававшиеся в республике. Это были 12 стрелковых и четыре кавалерийских дивизии, семь стрелковых бригад, около 50 отдельных полков и батальонов различных родов войск. Из этого числа три кавалерийских дивизии и две стрелковые бригады были сформированы как казахские национальные соединения. Созданные сверх мобилизационных планов в основном из добровольцев, они почти наполовину состояли из коммунистов и комсомольцев и до передачи в действующую армию содержались и обеспечивались обмундированием и многими другими видами довольствия, обозом и снаряжением за счет республиканского бюджета и добровольных взносов населения[1].

Республика внесла достойный вклад и в подготовку офицерских кадров и резервов для армии и флота[2]. В военные учебные заведения за 1941—1945 гг. было послано более 42 тыс. молодых казахстанцев, а существовавшие на территории республики 27 военных учебных заведений выпустили, по неполным данным, 16 тыс. офицеров.

На военные рельсы переводилась экономика республики: до минимума были сокращены расходы мирного назначения, многие предприятия перешли на выпуск оборонной продукции, в пользу таких предприятий перераспределялись рабочая сила, сырье, станочное оборудование.

Много трудностей принесла вынужденная эвакуация из прифронтовой полосы людей, производственного потенциала и культурных ценностей. В Казахстане в 1941—1942 гг. нашли кров, работу, свое место в строю тружеников тыла 532,5 тыс. жителей западных районов. Сюда же прибыло около 970 тыс. репатриированных поляков, немцев[3]. Большинство их были расселены в аулах и селах. В городах же жилищная проблема и до войны острая, обострилась еще больше: в 1940 г. на одного горожанина приходилось 5,1 кв. м жилой площади, в годы войны — 4,3, а в Караганде — всего 2,2 кв. м.[4].

В 7—15 раз снизилось поступление в розничную торговлю продук-

тов питания и товаров первой необходимости, а цены на рынке поднялись в 10—15 раз.' В стране было введено карточное снабжение хлебом и важнейшими продуктами питания, расширялись сеть подсобных хозяйств, коллективное и индивидуальное огородничество. Совместным^ усилиями государства, трудовых коллективов, жителей республики удалось решить продовольственную проблему. Изобилия не бьЦо, но минимум необходимого получали все.

Составной, частью перестройки тыла стал прием и размещение эвакуированных предприятий. В Казахстан прибыли и были введены в строй 220 фабрик, заводов, мастерских, артелей и промкомбинатов (в ходе войны 20 из них были реэвакуированы). Наибольшее количество предприятий приходилось на долю пищевой (54 завода и фабрики), легкой и текстильной промышленности. Размещались они, как правило, на базе родственных предприятий. Многие эвакуированные предприятия начинали работу в наспех приспособленных помещениях и даже под навесами. Нередко на новые места прибывали едва десятая часть прежнего коллектива рабочих и инженерно-технического персонала. В таких условиях налаживалось производство не только старых видов продукции, но и ряда новых образцов вооружения и боеприпасов.

В 1941—1943 гг., как и в годы коллективизации, в МТС и совхозах был введен институт политотделов, а в тракторных и полеводческих бригадах — политруки. Нередко политрукам передавались функции административные, вплоть до привлечения к ответственности лиц, «злостно не выполняющих норм, бездельников и дезорганизаторов». Администрирование и военизация труда в колхозах и совхозах, массовое применение труда женщин и подростков, уменьшение технической вооруженности аула и деревни, резкое снижение, а во многих колхозах по существу прекращение оплаты трудодней, насильственная контракция скота колхозников, введение военных налогов — все это тяжело отразилось на положении тружеников аула и деревни. В 1943 г. в северных областях республики, а в 1944 г. — в Актюбинской области работали правительственные комиссии по оказанию помощи голодающему населению.

Были расширены права и ответственность наркоматов и их руководителей за положение дел в отраслях. Сокращалось число заседаний, повысилась оперативность, деловитость. Вместе с тем практика культа личности, деформации внутрипартийной жизни способствовали сползанию на путь чрезмерного администрирования. Сказалась порочная практика тех лет по созданию неконституционных, чрезвычайных органов. Так, например, в районах Семипалатинской и Акмолинской областей создавались тройки и чрезвычайные комиссии для руководства севом, по борьбе с пожарами, размещению эвакуированного населения и т. д. Партийные комитеты Акмолинской, Восточно-Казахстанской, Карагандинской, Павлодарской областей в первый период войны применяли методы запугивания коммунистов, грубого администрирования.

Произошли перемены в содержании деятельности Советов всех уровней. Прежде всего были внесены изменения в организационную структуру органов управления. При СНК КазССР и областях были организованы бюро по распределению рабочей силы, отделы по хозяйственному

устройству эвакуированного населения (в некоторых областях они именовались Чрезвычайными комиссиями), государственному обеспечению и бытовому устройству семей вденнослужа-ших, по военным заказам и монтажу эвакуированного оборудования. В 1944 г. при исполкомах районных, городских и областных Советов депутатов трудящихся были созданы отделы по государственным пособиям многодетным и одиноким матерям.

В условиях войны усилилась исполнительно-распорядительная функция Советов. Широко практиковалось принятие Обязательных решений и распоряжений о мобилизации незанятого трудоспособного населения, введении автогужевой повинности. Население городов привлекалось к работам по очистке аэродромов, вывозу топлива из мест добычи. Деятельность Советов в условияхвойны характеризовали единоначалие, централизация власти, высокая организованность, точность и оперативность.

Возросли административно-законодательные функции Советов и ослабились функции культурно-воспитательные. Усиление администрративно-оперативных функций Советов, порожденное условиями войны, порой перерастало в голое администрирование.

В годы войны возродилось женское движение. Создание в 1943 г. отделов по работе среди женщин при партийных комитетах на предприятиях, транспорте, колхозах и совхозах 4300 женсоветов способствовало насыщению активности женщин Востока в защите социалистического Отечества, улучшению идейно-политического воспитания тружениц.

§ 2. Создание военной экономики

Линия фронта не достигала Казахстана даже в дни битвы на Волге, в период наибольшего продвижения немецких войск вглубь СССР. Но и положение прифронтовой зоны наложило отпечаток на жизнь его западных областей. В сентябре 1942 г. на их территории было объявлено военное положение, в Уральске и Гурьеве образованы городские комитеты обороны, объединившие власть государственных, партийных и военных органов. Штаб и военные инженеры Южно-Уральского военного округа определили начертание нескольких линий обороны на случай переправы противника через Волгу и продолжения наступления на восток. В Уральске был создан оперативный узел связи с линиями проводов на Гурьев, Астрахань, Куйбышев и Чкалов (Оренбург), что обеспечивало устойчивую телефонную связь Ставки с фронтами южного направления. В Гурьеве была создана военно-морская база из нескольких кораблей Каспийской морской и Волжской речной флотилий, а также береговых частей и служб. Когда немецкая авиация начала налеты на станции Сайхин, Шунгай, Джанибек, через которые к Сталинграду шли эшелоны с войсками и грузами, на их прикрытие командование выделило три полка 102-й истребительной авиадивизии противовоздушной обороны, два полка зенитной артиллерии, четыре зенитных бронепоезда, четыре батальона воздушного наблюдения, оповещения и связи. Взаимодействуя, они сбили на территории Казахстана около 30 самолетов противника[6].

С первого дня войны Казахстан стал одним из арсеналов фронта. Это потребовало увеличения его вклада в общесоюзную экономику как в тех отраслях, которые уже имелись, так и в тех, которые пришлось создавать заново.

Самоотверженно работали угольщики Караганды. За четыре года они выдали на-гора 34 млн. т угля — на 3 млн. т больше, чем за все время существования бассейна. На 39% увеличалась добыча жидкого топлива на предприятиях Урало-Эмбинского нефтедобывающего района, почти вдвое возрасла выработка электроэнергии[7].

Республика сохранила за собой ведущую роль в производстве меди (35%), свинца (85%) и одновременно построила на базе разведанных месторождений предприятия по добыче, обогащению и выплавке металлов — Восточно-Коунрадский молибденовый, Джездинский марганцевый, Донской хромитовый рудники, Акчатауский молибде-но-вольфрамовый, Текелийский полиметаллический комбинаты и др. Благодаря этому она стала давать 60% союзной добычи молибдена, 65% — металлического висмута, до 79% — полиметаллических руд[8]. Особый вклад в достижение результатов внесли рабочие, техники и инженеры Б. Аймуханов, Б. Исмагулов, В. Дементюк, А. Казакова, Д. А. Косых, Д. А. Кунаев, М. А. Лукьянова, А. Сафин, А. М. Сиразутдинова, Г. Хайдин, их ученики и последователи.

Всего в 1941—1945 гг. было построено 460 заводов, фабрик, рудников, шахт и отдельных производств. В их число вошли и эвакуированные предприятия, в том числе металлообрабатывающие и машиностроительные заводы, выпускавшие мины и снаряды, торпеды и бомбы, огнеметы, радиостанции и другие виды оружия и военной техники. Освоение производства, а потом и совершенствование образцов вооружения было в центре внимания конструкторов, инженеров и передовых рабочих предприятий: И. А. Аристова, Г. А. Барикова, Н. К. Пышкина, П. Х. Резчика, Л. Я. Селеменевой, Я. И. Фефера, Н. Шмарина. Это способствовало росту количественных и качественных показателей производства. Доля металлообработки и машиностроения в валовой продукции индустрии Казахстана выросла с 16 в 1940-м до 35% в 1945 г.

В целом же промышленное производство республики выросло за военные годы на 37%, что на 2% выше прироста ее продукции за четыре предвоенных года[9]. Эти результаты были достигнуты ценой большого напряжения труда, лишений и невзгод. Но война исключила вообще или резко ограничивала возможности выбора путей и методов решения возникавших задач и люди не жалели ни сил, ни средств во имя выполнения требований фронта.

Резко изменились условия труда и задачи работников сельского хозяйства. Самым трудным оказался вопрос о кадрах: примерно две трети общего числа казахстанцев, ушедших на фронт, были из аулов и сел. Основным источником замещения мобилизованных мужчин стали женщины. К окончанию войны во многих колхозах они составляли до 70—80% всех работающих. При этом число женщин, выработавших за год 400 и больше трудодней, т. е. втрое превысивших обязательный минимум — увеличилось с 20 607 в 1940 г. до 94 202 в 1945г.[10]

Даже в засушливый 1943 г. звеньевой колхоза «Курман» Актю-бинской области Ч. Берсиев установил мировой рекорд урожайности 202 ц с гектара проса, звеньевой колхоза «Авангард» Кзыл-Ордин-ской области И. Жахаев такого же успеха добился в выращивании 172 ц с гектара риса, звеньевая сельхозартели им. III Интернационала Каскеленского района М. Мухамедиева собрала по 600 ц с гектара сахарной свеклы.

Не жалели сил, знаний и опыта животноводы. Чабан Ж. Мукашев из колхоза им. Амангельды Джезказганского района ежегодно получал и сохранял до 180 ягнят на каждую сотню овец. Табунщица Ш. Шугаипова из колхоза «Жана талап» Гурьевской области без отхода содержала более тысячи лошадей. В западных районах Казахстана было размещено почти 370 тыс. голов скота из оккупированных районов. В1943 г. он был отправлен обратно». Сохранить собственное поголовье и эвакуированный скот, а к концу войны даже несколько превзойти довоенные показатели по крупному рогатому скоту, овцам и козам, ослабить трудовое перенапряжение колхозников помог своевременный и хорошо организованный переход к отгонному способу содержания части скота на удаленных малоснежных участках по преимуществу в зоне сухой степи и полупустыни. В первую военную зиму на таких участках содержались 2,1 млн голов скота (24% его количества), а в последнюю — 4,4 млн. голов (46%)[12].

Сельские труженики Казахстана выполнили свой патриотический и трудовой долг: за 1941—1945 гг. они дали фронту и стране 5829 тыс. т хлеба, 734 тыс. т мяса и много других продуктов питания и сырья для промышленности[13].

Важным источником пополнения общественного поголовья скота в дни войны стала насильственная контракция личного скота членов сельхозартелей. Так, только в тяжелом 1942 г. у колхозников было закуплено для комплектования колхозных ферм свыше 600 тыс. голов молодняка. Поголовье скота колхозников Казахстана с 1940 по 1943 г. включительно уменьшилось в два с половиной раза.

В условиях войны минимально необходимыми силами и средствами была сохранена и даже развита сеть учреждений здравоохранения, народного образования, культуры и науки. Врачи и медсестры не только обеспечили высокий процент возвращения в строй раненых и больных из госпиталей, но и предотвратили перерастание вспышек сыпного и брюшного тифа и других болезней в эпидемии, в прошлые войны уносившие жертв больше, чем погибало на полях сражений.

Сеть школ всехтипов практически осталась неизменной, но число учащихся, особенно в сельской местности, сократилось: государственные пособия семьям воинов и помощь общественности не могли обеспечить всех нуждающихся детей в одежде и обуви. Из 118 техникумов сохранилось 92, но контингент учащихся уменьшился всего на 389 человек. К 20 вузам довоенного времени добавилось четыре новых, а число обучающихся в них увеличил ось с 10,4 до 15 тыс. человек[14].

В меньшей мере удалось сохранить сеть учреждений культуры. Примерно четвертая часть дворцов культуры и клубов была передана под производственные помещения или госпитали. Более чем вдвое сократи-

лось количество массовых библиотек и на треть — их книжный фонд[15].

Число театров в республике осталось прежним, а в их работе, как и в деятельности вузов, благодаря сотрудничеству местных творческих сил с деятелями искусства России и Украины, находившимися в эвакуации, произошел серьезный качественный рост, особенно в кинематографии. С прибытием Московской и Ленинградской киностудий Алма-Атинскую студию документальных фильмов реорганизовали в студию «Казахфильм», выпускавшую работы различного жанра. Мощным духовным оружием служила многонациональная литература народов Казахстана. Произведения о героях фронта и тыла писали такие мастера, как Джамбул Джабаев, М. Ауэзов, С. Муканов, Д. Снегин, И. Шухов и молодые писатели Б. Булкишев, Н. Жармагамбетов, Д. Мулдагалиев, С. Мауленов, С. Сеитов. Некоторые из них сами были на передовой.

В годы войны стремительно развивалась наука Казахстана. Уже к марту 1942 г. ученые внесли предложения и разработки по 150 темам народнохозяйственного и оборонного значения. Особенно плодотворно работали ученые-геологи, открывшие около 500 и обследовавшие 150 месторождений полезных ископаемых, часть из которых сразу же осваивалась. В 1941—1945 гг. в республике открылось 12 новых научных институтов и их филиалов, а число научных сотрудников увеличилось со 152 до 864 человек. Все это создало предпосылки для реорганизации Казахстанского филиала АН СССР в Академию наук Казахской ССР, что юридически было завершено в июне 1946 г. Первым президентом ее стал известный геолог, академик К. И. Сатпаев, исследовавший недра Джезказгана и создавший науку о прогнозировании поисков полезных ископаемых.

Значительную роль в развитии науки сыграло сотрудничество республик. Рядом с учеными Казахстана работали коллективы более 20 научных учреждений Москвы, Ленинграда, Киева и других городов страны и такие всемирно известные ученые как академики И. П. Вернадский, В. А. Обручев, А. М. Панкратова, А. А. Скочинский и др.[16].

Широкий размах приобрела добровольная помощь фронту. Фонд обороны, составленный из патриотических взносов населения, к октябрю 1943 г. достиг 185,5 млн. руб. деньгами и 193,6 млн. руб. стоимостью сданных облигаций. Осенью 1941 г. началась кампания за приобретение на средства патриотов танков, самолетов, подводных лодок — как одиночных, адресованных конкретным воинам, так и целых колонн и эскадрилий. Всего на создание оружия из Казахстана поступило 480 млн руб., а вместе со стоимостью облигаций военных займов и билетов денежно-вещевых лотерей добровольные взносы населения республики на нужды фронта достигли 4700 млн. руб.[17], что покрывало прямые военные расходы за две недели войны.

Значительной была помощь теплой одеждой, особенно в первую военную зиму. В республике от населения поступило почти 2,5 млн. теплых вещей, в том числе 11,5 тыс. полушубков и 312 тыс. пар валенок. Кроме того, 1600 вагонов с индивидуальными и коллективными подарками солдатам было доставлено на фронт, иногда специальными делегациями областей или республики. Их встречи с защитниками Родины, как и каждый из 1216 концертов, данных артистами Казахстана в при-

фронтовом лесу, подземном клубе или в блиндаже на переднем крае, выливались в яркую демонстрацию единства фронта и тыла[18].

Укреплению единства фронта и тыла, дружбы народов содействовали также переписка населения восточных районов с фронтовиками, а также меры по оказанию помощи семьям воинов, забота о раненых и инвалидах, многогранная бескорыстная помощь районов глубокого тыла населению освобождаемых районов. Республика шефствовала над некоторыми районами Ленинградской и Московской областей, над городами и селами Орловщины. Только в 1943 г. из своих ресурсов Казахстан отправил в Краснодарский и Ставропольский края России и восточные области Украины 2700 тракторов, 123 комбайна, 880 сеялок и 2500 плугов, скот, продукты питания и одежду. Все это доставили на место и остались восстанавливать хозяйство 295 комбайнеров, 636 бригадиров тракторных бригад, 155 механиков, 115 агрономов, 65 директоров МТС[19].

Помощь тыла фронту не только улучшала условия жизни бойцов, но и поднимала их боевой дух, готовность сделать все возможное и невозможное для разгрома врага.

§ 3. Казахстанцы на фронте

Казахстанцы были среди тех, кто в первые минуты войны принял бой на западной границе, и среди тех, кто штурмовал здание рейхстага в Берлине.

В числе других Брестскую крепость защищали пограничники К. Абрахманов и В. Лобанов, стрелок К. Иманкулов, пулеметчик Е. Качанов, минометчик В. Фурсов, артиллерист Г. Жуматов и другие казахстанцы. Казахстанцы сражались за Лиепаю, Перемышль, остров Сааремаа, Мурманск, Одессу и Севастополь. Но несмотря на стойкость и мужество, проявленные тысячами советских солдат и офицеров, война вначале развивалась трагически.

Причин тяжелых поражений первых месяцев войны было несколько. С одной стороны, они были обусловлены силой противника, покорившего 12 государств и имевшего 14 союзников. Экономика почти всей зарубежной Европы работала на вермахт, который в ходе молниеносных побед на Западе получил опыт ведения операций в современной войне и уверовал в свою непобедимость. В развернутых вдоль советских границ войсках из пяти солдат и офицеров трое состояли в нацистской партии и почти все прошли школу политической обработки в рядах Гитлерюгенда[20].

Однако поражения 1941 г. были обусловлены не только силой противника, но и просчетами Советского руководства. СССР вступил в войну без союзников, а антифашистскую коалицию начал создавать лишь в ходе агрессии. К началу военных действий не были завершены отмобилизование, реорганизация и перевооружение армии, а уровень ее боевой подготовки и дисциплины после репрессий 1937—1938 гг. был низким. В армии утвердился дух слепого повиновения, а некомпетентность Сталина, руководившего военными делами, еще более

Бауржан Момыш-улы —
Герой Советского Союза

Маншук Маметова —
Герой Советского Союза

Алия Молдагулова —
Герой Советского Союза

усугубляла положение. Крупной ошибкой было неверное определение срока начала войны. Сталин не допускал мысли о начале войны с Германией до разгрома Англии и завершения подготовки к военным действиям в специфических условиях Советского Союза с его пространствами, бездорожьем и суровым климатом. К тому же Сталин и высшее военное командование ошибочно определяли направления главного удара противника, способы его действий, а в связи с этим и дислокацию собственных войск и баз снабжения.

Вместе взятое это привело к тому, что советские войска потерпели ряд поражений, понесли крупные потери в живой силе и технике.

С первых дней войны на территории оккупированных врагом районов СССР возникло партизанское движение, которое благодаря массовости, организованности, подчинению своих планов задачам командования Советской Армии приобрело стратегическое значение. Участвовали в нем и казахстанцы: в Ленинградской области более 220 казахстанцев, на Смоленщине — свыше 270, на Украине, в Белоруссии — около 3000. Около 300 казахстанцев были участниками движения Сопротивления[21].

Широкую известность в республике получили имена И. С. Арыс-кина, А. Жумагалиева, К. Г. Омарова, З. У. Хусанова, смело действовавших при проведении диверсий на дорогах, в засадах и налетах на гарнизоны захватчиков, при отражении их карательных операций. Большую работу среди партизан и населения вели политработники-казахстанцы Г. Акмолинский, Т. Жангельдин, Ж. Саин, В. Уразбаев и др. Отрядами и соединениями партизан командовали Г. Ахмедь-яров, К. Кайсенов, Н. А. Морогов, С. А. Олексенко, С. О. Тулешев, В. И. Шаруда. Партизанским командирам А. С. Егорову, Н. В. Зебниц-кому и Ф. Ф. Озмителю (посмертно) присвоено звание Героя Советского Союза.

В летне-осенних боях 1941 г. советские войска, несмотря на потери и поражения, сорвали гитлеровский план «блицкрига», а победа под Москвой положила начало коренному перелому в ходе войны. В битве на Волге, Курской дуге и на берегах Днепра они научились строить несокрушимую оборону, прорывать вражескую, окружать и уничтожать крупные группировки противника.

За подвиги в Великой Отечественной войне были удостоены свыше 11600 человек звания Герой Советского Союза, в том числе 497 казахстанцев, среди них 97 казахов[22]. Первому из казахстанцев 22 июля 1941 г. звание Героя Советского Союза было присвоено командиру 19-й танковой дивизии генерал-майору К. А. Семенченко, а последнему (11 декабря 1990 г.) панфиловцу, старшему лейтенанту Б. Момыш-улы, который осенью 1941 г. в битве под Москвой со своим батальоном трижды побывал в окружении. Войну он закончил полковником, командиром 9-й гвардейской стрелковой дивизии.

Четверо наиболее отличившихся воинов звания Героя Советского Союза были удостоены дважды: летчики-штурмовики Т. Я. Бегельдинов, Л. И. Беда, И. Ф. Павлов и летчик-истребитель С. Д. Луганский. Среди Героев имена пулеметчицы М. Ж. Маметовой, снайпера А. Н. Молдагуловой, стрелков С. Баймагамбетова, С. Лут-фуллина, Мин Сен Юра, артиллеристов С. Муткенова, И. К. Новикова, бронебойщика П. К. Миллера, минометчика К. Спатаева, кавалериста м. М. Катаева, сапера

П. И. Гончара, командира торпедного катера ^. П. У щева, командира стрелковой дивизии Г. Б. Сафиуллина; 110 казахстанцев были награждены орденом Славы трех степеней[23].

Республика гордится боевыми делами сформированных на ее территории частей и соединений Советской Армии.

В июньских боях 1941 г. южнее литовского города Шауляя участвовал 219-й стрелковый полк, сформированный еще в октябре 1919 г. в Кустанае из крестьян, добровольно вступивших в Красную Армию. У молдавского города Бельцы в бой вступил 78-й стрелковый полк, ведущий родословную с того же 1919 г.

В сентябре 1941 г. в бой на берегу Свири вступила петропавловская[24] 314-я стрелковая дивизия, а на Волхове — акмолинская 310-я, в октябре — декабре на полях Подмосковья — 312, 316, 238, 391, 387-я стрелковые дивизии, 39-я стрелковая, 74, 75-я морские стрелковые бригады. Остальные казахстанские дивизии, бригады и полки были введены в действующую армию в 1942 г.

Актюбинская 312-я дивизия у Малоярославца в течение недели вела упорные оборонительные бои против трех-четырех дивизий и отошла к р. Нара лишь тогда, когда два стрелковых полка вышли из ее состава, а в третьем оставалось не более трети бойцов. Слитые с остатками двух других соединений, подразделения 312-й составили новую, 53-ю дивизию, которая закончила войну под Веной.

Чимкентская 102-я стрелковая дивизия оборонялась на северо-востоке Украины, отступила на Северный Кавказ и там была расформирована; 74-я морская стрелковая бригада, реорганизованная в 292-ю стрелковую дивизию, после октябрьских боев северо-западнее Сталинграда также была расформирована. Одна кавалейрийская дивизия (96-я казахская национальная) еще в Усть-Каменогорске, а две (Джамбулская 105-я и Акмолинская 106-я казахские национальные) в прифронтовой полосе были расформированы с передачей личного соства в другие соединения в связи с тем, что танковые корпуса и армии вновь стали основной подвижной силой. Джамбулская 81-я кавдивизия до расформирования успела внести весомый вклад в исход боев у Сталинграда: в попытках овладеть городом Котельниково в конце ноября — начале декабря 1942 г. она вскрыла начало создания там вражеской группировки для прорыва к окруженной армии Паулюса. Все 12 сохранившихся к окончанию войны казахстанских дивизий получили почетные наименования, пять из них отмечены одним, четыре — двумя, а две — тремя орденами каждая. Пять дивизий заслужили звание гвардейских: 8-й гвардейская стрелковая Режицкая ордена Ленина, Краснознаменная ордена Суворова, им. Героя Советского Союза генерал-майора И. В. Панфилова (бывшая алма-атинская 316-я), 27-я гвардейская стрелковая Новобугская Краснознаменная ордена Богдана Хмельницкого (бывшая новоказалинская 75-я морская, затем 3-я гвардейская стрелковая бригада), 30-я гвардейская стрелковая Рижская Краснознаменная (бывшая семипалатинская 238-я), 72-гвардейская стрелковая Красноградская Краснознаменная (бывшая акмолинская 29-я), 73-я гвардейская стрелковая Сталинградско-Дунайская Краснознаменная (бывшая алматинская 38-я) дивизии. Особая миссия — поставить последнюю точку в войне — выпала солдатам 150-й стрелковой Идрицкой ордена Кутузова дивизии,

сформированной в конце 1943 г. в районе г. Старая Русса на основе кустанайской 151-й стрелковой бригады. За успехи в наступлении от Одера до Берлина, мужество и отвагу личного состава она получила почетное наименование «Берлинской»; а ее 756-й стрелковый полк, водрузивший Знамя Победы над рейхстагом — орден Красного Знамени. 15 воинов дивизии, в том числе старшина И. Я. Съянов из Кустаная были удостоены звания Героев Советского Союза. Кавалерами орденов и медалей СССР стали лейтенант Р. Кошкарбаев, установивший первый красный флаг в одном из окон рейхстага, помощник начальника разведотдела штаба дивизии капитан Б. В. Чупрета, командир взвода младший лейтенант К. А. Метов, минометчик А. Бахтыгереев, пулеметчик П. Е. Вицько, связист К. М. Волочаев и сотни других.

Активное участие приняли казахстанцы и в ликвидации последнего очага войны на Дальнем Востоке. 9 августа группа капитана Г. А. Голубева из 52-го погранотряда в коротком бою уничтожила 20 и взяла в плен четырех японских солдат на берегу Аргуни, открыв путь для стрелковых подразделений. Через день рядовой 150-го отдельного пулеметного батальона Л. Г. Кравченко телом закрыл амбразуру дота на высоте «Лесной», обеспечив ее взятие и предотвратив гибель товарищей. Командир 165-го стрелкового полка Н. Д. Курманов организовал прорыв обороны японцев на исходном рубеже на Южном Сахалине, что позволило овладеть семью дотами и 198 дзотами Харамитогского укрепрайона. При этом полк окружил и взял в плен пехотный полк противника в полном составе[25]. Командиру роты автоматчиков из 290-го батальона морской пехоты И. М. Яроцкому, командиру роты 179-го стрелковой полка 79-й стрелковой дивизии С. Т. Юдину и летчику-штурмовику Тихоокеанского флота М. Е. Янко (посмертно) было присвоено звание Героя Советского Союза. Первый из них умело руководил подчиненными в десантной операции в корейский порт Сейсин, второй обеспечил захват нескольких дзотов и дотов японцев на Южном Сахалине, а третий бомбами и пушечным огнем потопил транспорт, несколько средних и мелких судов противника в порту Расин, а когда был подбит, направил свою машину в здание, служившее опорным пунктом обороны[26].

С капитуляцией Японии закончилась Великая Отечественная война Советского Союза и вторая мировай война. Человечество было спасено от опасности установления мирового господства фашистско-милитаристской диктатуры.

Победа над германо-итало-японским блоком агрессоров была достигнута ценой огромных усилий и жертв народов антифашистской коалиции. Самые большие потери понес СССР — свыше 27 млн человек. Примерно 410 тыс. из них — казахстанцы. Уроки и выводы из истории войны никогда не должны быть забыты. Годы тяжелейшей из воин и величайшая из побед оказали влияние на все последующее развитие человечества.

1. Республиканский партархив (далее — РПА), ф. 708, оп. 9, д. 114, л. 34—38; Текущий архив Министерства обороны Республики Казахстан. 1944, д. 1, л. 18.
2. РПА, ф. 708, оп. 5, д. 452, л. 12.
3. *Базанова Ф. Н.* Формирование и развитие структуры населения Казахской ССР. Алма-Ата, 1987. С. 87; ЦГА РК, ф. 698, оп. 13, д. 1551, л. 1.

4. РПА, ф. 708, оп. 9, д. 819, л. 16; д. 1551, л. 2.
5. Очерки истории народного хозяйства Казахской ССР. Алма-Ата, 1963. Т. 3. С. 253.
6. *Белан П., Букаткин П.* Прифронтовая зона// Простор. 1967. № 2. С. 48—52.
7. *Темиргалиев К. Е.* Борьба за нефть Казахстана: Партийное руководство развитием нефтяной промышленности (1920—1970). Алма-Ата. 1982. С. 108; *Романов Ю. И.* Укрепление энергетической базы республики в военные годы //Казахстан в Великой Отечественной войне. Очерки. Алма-Ата, 1974. Вып. 2. С. 102.
8. История рабочего класса Советского Казахстана в 3 т. Алма-Ата, 1988. Т. 2. С. 66.
9. *Кольцов В.* Развитие промышленности Казахстана. Алма-Ата. 1957. С. 18.
10. Казахстан в период Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 374; Т. 2. С. 111; *Балакиев Т. Б.* Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны: 1941 — 1945. Алма-Ата, 1971. С. 106; *Козыбаев М. К.* Казахстан — арсенал фронта. С. 389.
11. *Козыбаев М. К.* Казахстан — арсенал фронта. С. 370—372. *Балакиев Т. Б.* Колхозное крестьянство Казахстана. С. 123—124, 146—147 и др.
12. *Балакиев Т. Б.* Колхозное крестьянство Казахстана. С. 165.
13. Преображенная степь: Сельское хозяйство Казахстана за 50 лет Советской власти. Алма-Ата. 1967. С. 187, 189-191.
14. Народное хозяйство Казахской ССР: Стат. сб. Алма-Ата, 1957. С. 284, 285, 326, 322.
15. Там же. С. 331—332.
16. *Едыгенов Е. Н., Сулейменов Р. Б.* Культура и наука Казахстана в военные годы //Казахстан в Великой Отечественной войне. Алма-Ата. 1968. Вып. 1. С.250—254; Сарсекеев М. Сатпаев. М., 1980 и др.
17. По данным Правления Сбербанка Республики Казахстан; См. также: Казахстан в период Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 465.
18. *Жетпакова К. Н.* Всенародная помощь трудящихся Казахстана фронту // Казахстан в Великой Отечественной войне. Вып. 1. С. 275.
19. Российский центр хранения и изучения документов новейшего времени: Документы и материалы отдела Великой Отечественной войны, инв. № 4324. Л. 202—203.
20. *Бурцев М. И.* Прозрение. М., 1981. С. 56. Открытое членство солдат вермахта в нацистской партии было разрешено с 1944 г. Там же. С. 203.
21. Шла война народная: партизаны Великой Отечественной войны — казахстанцы. Алма-Ата, 1985, с. 8; *Магзр И.* Участие казахстанцев в европейском движении Сопротивления // Всегда начеку. Алма-Ата, 1971. С. 165—168.
22. Герои Советского Союза: Кр. биогр. словарь. М., 1967. Т. 1. 1988. Т. 2; Герои Советского Союза — казахстанцы. Алма-Ата, 1968. Т. 1—2; *Белан П. С.* Казахстанцы — кавалеры «Золотой Звезды». Алма-Ата, 1982 и др.
23. *Белая П., Потапов А., Честное С.* Доблесть солдатская. Алма-Ата, 1974. С. 3.
24. Здесь и далее перед номером части или соединения дается их неофициальное наименование по месту формирования.
25. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Алма-Ата, 1981. Т. 5. С. 174-176.
26. Герои Советского Союза: Кр. биогр. словарь. Т. 2. М., 1988. С. 819, 835, 836, 838.

Глава 4. КАЗАХСТАН В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

§ 1. Общественно-политическая жизнь Казахстане в 1946—1970 гг.

Жесткая командно-административная система, восторжествовавшая в Стране Советов к середине 20-х гг., достигла своего апогея в 30-40-е — начале 50-х гг., в том числе и в Казахстане. Ей в полной мере были присущи такие отрицательные явления, как подавление свободы человека, игнорирование его прав, отчуждение людей от средств производства, формирование политики влияния на власть управления государством. В стране доминировал культ И. В. Сталина. Все какие-либо успехи приписывались его умению руководить, а крупные недостатки и провалы — «врагам народа» или всячески замалчивались. Все это отрицательно воздействовало на общественно-политическое развитие республики и обернулось тяжелыми последствиями. Под различными лозунгами с использованием громких политических ярлыков совершались нарушения законности, продолжались злоупотребления властью. Полити-

ческая система демонстрировала свою неспособность к саморазвитию.

Согласно стожившейся традиции, руководящая роль/воспринималась как непосредственное, чисто административно-командное вмешательство партийных органов во все стороны жизни общества. Решая вопросы, находящиеся в компетенции государственных органов, Коммунистическая партия максимально привлекал^ к выполнению народнохозяйственных и социально-культурных задач государственные и общественные организации, лишая их тем самым самостоятельности.

Послевоенные планы развития советского общества органически вписывались в сталинскую антидемократическую, тоталитарную модель социализма. Но народ, перенесший все тяготы и лишения войны, стал иным, чем в предвоенные годы. Произошла известная переоценка ценностей, связанная с утверждением мирного настроя в общественной жизни. В сознании современников все более отчетливо зрело понимание необходимости поворота к социальным программам, к демократии. Нараставшее противоречие между обществом и административно-приказными методами партийно-государственного руководства было реальным фактором переходного периода от войны к миру.

Однако переходу к комплексным программам общественного обновления на всех уровнях общественного сознания мешала устойчивая социально-политическая структура. Более того, победа в тяжелейшей войне создала в послевоенный период уверенность в эффективности действующей системы руководства, а большинство руководителей уверовали в непогрешимость административных методов правления.

Идеология социализма в 40-е—нач. 50-х гг. достигла своего апогея. В этих сложных условиях под неусыпным контролем партийных комитетов развивались общественные науки. Особенно негативно отразилось на дальнейшем положении общественных наук постановление ЦК ВКП (б) «О журналах—«Звезда» и «Ленинград» (14 августа 1946 г.)[1], которое знаменовало собой начало нового витка преследования инакомыслия. В русле указанного постановления строили свою работу и партийные комитеты Казахстана. В постановлении Пленума ЦК КП Казахстана (март 1947 г.) нижестоящим партийным комитетам прямо предписывалось «шире развернуть большевистскую критику политических ошибок и националистических извращений в освещении истории, в литературе и искусстве и обеспечить безусловное выполнение постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам...»[2]

В то время, когда в Ленинграде и Москве фабриковались «Ленинградское дело», «дело врачей», в Казахстане было организовано «дело Бекмаханова».

Молодой, талантливый историк Ермухан Бекмаханов был членом интернационального коллектива ученых, работавших над подготовкой «Истории Казахской ССР», в который входили видные советские историки А. П. Кучкин, А. М. Панкратова, Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин и др. В июне 1943 г. книга вышла в свет. Одни рецензенты считали ее первой и удачной попыткой создания обобщающей истории Казахстана, другие приняли ее как «книгу антирусскую, в которой идеализированы национальные восстания против России»[3]. Оценка антиколониаль-

ных восстаний, данная в «Истории», вызвала в научной среде ожесточенные дискуссии.Научные взгляды Е.Бекма-ханова, высказанные им в монографии «Казахстан в 20-^Ю-е гг. XIX в.» (1947 г.), были объявлены развитием концепции буржуазных националистов: политически вредными. В 1950г. в газете «Правда» в статье «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана» книга Е. Бекмаханова была осуждена[4].

Статья «Правды» явилась началом непосредственной политической расправы над Бекмахановым. 10 апреля 1951 г. ЦК партии Казахстана принял постановление о статье в газете «Правда», в котором признал статью правильной и осудил «буржуазно-националистические взгляды Бекмаханова»[5]. В июне 1951 г. ЦК КП Казахстана вновь вернулся к статье в газете «Правда» и принял ряд дополнительных мероприятий по реализации постановления от 10 апреля 1951 г.

После ряда проработок, доктор исторических наук Е. Бекмаханов был уволен из Академии наук и в 1951—1952 гг. работал в одной из средних школ Чуйского района Джамбулской области, а 4 декабря 1952 г. был осужден судебной коллегией Верховного суда Казахской ССР на 25 лет. Только после смерти И. В. Сталина дело по обвинению Е. Бекмаханова было пересмотрено и прекращено за отсутствием состава преступления. Весной 1954 г. он вернулся в Казахстан.

«Дело Бекмаханова» было не единственным в 40-х— начале 50-х гг. Жертвами подобных несправедливых политических обвинений стали видные ученые-обществоведы республики А. Жубанов, Х. Жума-лиев, Б. Сулейменов, Е. Исмаилов, талантливый писатель Ю. Л. Домбровский. Необоснованно были обвинены в допущении политических и буржуазно-националистических ошибок А. Абишев, К. Аманжолов, К. Бекхожин, С. Бегалин и другие известные ученые и писатели. Президент АН Казахской ССР К. Сатпаев и выдающийся писатель и ученый М. Ауэзов, подвергшиеся гонениям, вынуждены были выехать из Казахстана в Москву. Ряд ученых-биологов, медиков и геологов, обвиненных в космополитизме, также были изгнаны из научных учреждений и кафедр твузов республики.

Зревшее в послевоенные годы в обществе понимание необходимости перемен было умело подавлено административной системой с помощью ряда мер идеологического и репрессивного характера. Но духовная атмосфера середины 40-х — начала 50-х гг. была лишь приглушена, но не сломлена.

Уже в первые годы после смерти Сталина (март 1953 г.) наметились две линии, два подхода к вопросу о характере возможных перемен. В 1953—1954 гг. развернулась дискуссия о характере противоречий в социалистическом обществе, роли личности и народных масс в истории, соотношении теории и практики, коллективности руководства и т. д.

Важной вехой на пути демократизации общественной жизни стало пресечение преступной деятельности Л. П. Берии. Со смертью И. В. Сталина и устранением от власти Л. П. Берии завершилась одна из самых мрачных страниц жестокого режима, существовавшего в Процесс демократических преобразований в стране стал протекать более активно. Но кончина И. В. Сталина не означала демонтаж построенной им

командно-административной системы. Тысячи осужденных по-прежнему сидели в лагерях, а многие политические деятели, так же причастные к нарушению прав человека, как и сам Сталин, продолжали занимать высокие правительственные посты.

Большое воздействие на общественную жизнь республики оказало освоение целинных и залежных земель. В преддверии освоения целинных земель произошли кадровые изменения. На VII съезде Компартии Казахстана вместо Ж. Шаяхметова первым секретарем ЦК Компартии Казахстана был избран П. К. Пономаренко, секретарем — Л. И. Брежнев. Вопрос о смещении Ж. Шаяхметова был решен в Кремле, без консультаций с партийной организацией Казахстана, без совета с коммунистами.

В феврале 1956 г. в Москве прошел XX съезд КПСС, ключевым вопросом которого был вопрос о преодолении культа личности Сталина. Партия коммунистов, во главе с Первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым попыталась проанализировать причины возникновения, сущность и характер проявления культа личности И. В. Сталина и его последствия.

Отмечая мужество и смелость Н. С. Хрущева и его сподвижников, нашедших в себе силы для борьбы с культом И. В. Сталина, неограниченной властью узкого круга лиц, следует подчеркнуть, что наметившийся слом авторитарной системы не был доведен до конца.

Выпустив тысячи невинно заключенных людей из лагерей, реабилитировав некоторых видных деятелей партии, государственный и партийный аппарат вскоре свернул эти реформы. Многие невинно осужденные продолжали томиться в тюрьмах, не получила объективной политической оценки деятельность Л. Троцкого, Л. Каменева, Г. Зиновьева, Н. Бухарина. Замалчивались или преподносились односторонне трагические страницы прошлого: история Октябрьской революции, истоки и характер гражданской войны, голод 30-х гг. и истребление крестьянства. Половинчатость шагов послесталинского руководства проявилась и в том, что, вернув на Родину чеченцев, ингушей, калмыков, балкарцев, она не восстановила в правах корейцев, немцев, крымских татар и турок-месхетинцев. Предпринятые попытки анализа причин экономического отставания страны были быстро пресечены.

ЦК КПСС и Советское правительство, проведя в 1954 г. и 1956 г. комплекс мер, направленных на устранение излишней централизации и расширение прав союзных республик, целым рядом принятых актов свело на нет провозглашенный рост суверенитета. Выработка общей линии в области экономики, назначение и смещение кадров и многое другое оставалось в руках узкого круга лиц, республики оставались отчужденными от них.

Отчужденными от управления обществом оставались и сами трудящиеся. По-прежнему структура общества была построена по принципу сверху — вниз, при котором людям оставалось выполнять только те решения, которые вырабатывались в верхах. Энтузиазм, рожденный победой над фашистской Германией, стал у народа сменяться усталостью. Всплески общественной активности наблюдалисьчаще всего в период выборов в Верховные Советы. Практически всю полноту власти в руки

вяли партийный и хозяйственный аппарат. Тесно встроенными в командно-административную систему и лишенными прав, инициативы оказались профсоюзы и комсомол. Но народ не терял веры в будущее и надежды на лучшую жизнь.

Скоро стало подавляться и политическое инакомыслие. Людей, открыто указывавших на пороки общества, преследовали. Но пресекать инакомыслие прежними методами было невозможно, поэтому политические обвинения стали более скрытыми.

По-прежнему строго контролировала КПСС работу Советов, единолично направляла работу хозяйственных, научных, учебных, армейских, общественных учреждений и организаций.

Политический курс, открытый решениями 1964 г., рождался на базе не оправдавших себя в прошлом подходов к осуществлению реформ. На октябрьском 1964 г. Пленуме ЦК КПСС произошла смена руководства партии и страны. Группа деятелей высшего политического руководства СССР в глубокой тайне подготовила смещение Н. С. Хрущева.

Политика реформирования экономики в 1962—1969 гг. свидетельствовала, что к середине 60-х гг. наступил предел перемен. Проводимые мероприятия не предусматривали крупных радикальных преобразований, затрагивавших экономику. Возникавшие проблемы решались путем субъективистских импровизаций, рассчитанных в основном на эффект организационных перестроек. Непродуманные и часто сменявшие друг друга реорганизации несли серьезную угрозу нестабильности, снижения жизненного уровня и социальных гарантий. Положения не облегчила и идея коммунистической перспективы.

Неудачные попытки реформирования экономики и ее милитаризация, нерациональное размещение производительных сил, непродуманные и частые реорганизации системы управления народным хозяйством отрицательно влияли на экологическую ситуацию в республике. Тяжелая экологическая ситуация складывалась во всех промышленных городах Казахстана, особенно в Усть-Каменогорске, Чимкенте, Джамбуле, Дима-Ате. Очень тяжелые последствия имели испытания ядерного оружия в Казахстане. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР в 1948 г. был сооружен ядерный полигон, расположенный на стыке трех областей: Семипалатинской, Павлодарской и Карагандинской.

Первое испытание ядерного заряда было проведено 29 августа 1949 г. Стоимость одного экспериментального устройства и его подземное испытание, по мнению ученых, в среднем составляет 30 млн. руб. Несмотря на долголетнее молчание военных, а затем попытки объявить воздействие полигона на здоровье населения не внушающим беспокойство, влияние полигона на окружающую природу, состояние здоровья людей было опасным.

По мнению ученых С. Балмуханова, И. Я. Часникова, В. К. Жадыкова, радиационному облучению за годы проведения ядерных взрывов неоднократно подвергались и жители г. Семипалатинска, а также прилегающих районов Павлодарской, Карагандинской областей Казахстана и некоторых районов Алтайского края РСФСР[8].

По данным самого Министерства Обороны СССР, с 1949 г. по 1963

г. на полигоне было проведено 113 взрывов в атмосфере мощностью от нескольких тонн до 100 кт, начиная с 1964 г., проводились только подземные испытания. До 19 октября 1989 г. на Семипалатинском полигоне было проведено 343 испытания мощностью от нескольких тонн до 150 килотонн.

Врачам и фельдшерам запрещалось ставить истинный диагноз умершим от рака, лейкоза, других заболеваний, связанных с ионизирующей радиацией. Медицинские обследования в регионе были запрещены Минздравом СССР, а полученные военными медиками результаты хранились в глубокой тайне и скрывали масштабы вреда, нанесенного деятельностью ядерного полигона. Только начиная с 1962 г. стали проводиться выборочные медицинские обследования состояния здоровья людей, подвергшихся воздействию радиации.

Такое отношение к людям привело к тому, что у населения, проживающего близ полигона, стали развиваться различные болезни. Симптомы лучевой болезни часто фиксировались у жителей Абайского района Семипалатинской области, Егиндыбулакского района Карагандинской области. Отдельные голоса встревоженных влиянием полигона на здоровье населения оставались гласом вопиющего в пустыне. Страна продолжала накапливать оружие. Тайно от населения, в 1969—1970 гг. было проведено три подземных ядерных взрыва и на территории Мангышлакской области[9]. Подземные ядерные взрывы производились в горных породах.

§ 2. Развитие промышленности

Располагая многоотраслевой промышленностью, республика после войны приступила к реализации мер по переводу народного хозяйства на мирные рельсы и значительному увеличению производства гражданской продукции. Объем капитальных вложений в народное хозяйство только за один год четвертой пятилетки почти в два раза превысил затраты в 1941—1945 гг., в том числе по промышленности — в 1,2 раза. Резко увеличились капитальные вложения в отрасли по производству предметов потребления (в 1,47 раза). Казахстан стал одной из опорных баз в восстановлении пострадавших от войны районов, куда из республики шли металл, сырьевые ресурсы, топливо, строительные материалы, промышленные товары и продовольствие, племенной скот и семена. Промышленные предприятия, продолжительное время работавшие на нужды фронта, переключились на выпуск мирной продукции. Шла перестройка технологических процессов, наладка оборудования, капитальный ремонт машин и целых производственных узлов. Устанавливались новые формы производственных связей между предприятиями. Многие из них переходили на новую специализацию или возвращались к прежней.

Строились предприятия тяжелой индустрии. Вступили в строй шесть новых угольных шахт, промыслы Каратон и Мунайлы, завершилось строительство Казахского металлургического завода, увеличивалась мощность Актюбинского завода ферросплавов, вошла в строй первая очередь Каратауского горно-химического комбината. Развивалась энергетика на местном топливе. Выработка электроэнергии в 1950 г. достигла 2,6 млрд. квт. ч. против 0,6 в 1940 г.

Получили дальнейшее развитие отрасли легкой и пищевой промышленности. Расширялся ассортимент товаров народного потребления, производство продуктов питания, улучшалось их качество. Капитальные вложения в пищевую промышленность на 20% превышали объем средств, освоенных за две довоенные пятилетки, а ее валовая продукция возросла на 60% и довоенный уровень производства основных видов пищевых продуктов был значительно превзойден.

Были созданы предпосылки для роста экономического потенциала Казахстана в 50-е гг., когда осуществлялись меры по укреплению материально-технической базы народного хозяйства, вовлечению в хозяйственный оборот новых ресурсов, повышению технического уровня производства. Но опережающими темпами развивались отрасли, производящие сырье и топливо, в ущерб отраслям легкой и пищевой промышленности (примерно 9/10 капитальных затрат в промышленности направлялось на развитие отраслей группы «А»)[10]. В1951—1955 гг. абсолютный объем вложений в промышленность был больше, чем в 1941—1950 гг. в 2,3 раза, а промышленное капитачьное строительство только в одном 1960 гг. превысило соответствующие затраты за всю четвертую пятилетку почти в 1,4 раза. Вошли в строй почти 700 предприятий, в том числе: Усть-Каменогорский свинцово-цинковый комбинат, Джезказганская обогатительнаяфабрика, Усть-Каменогорская и первая очередь Бухтарминской гидроэлектростанций на Иртыше, Карагандинская ГРЭС-2, Соколовско-Сарбайский горно-обогатительный комбинат. Осваивались новые угольные районы (Сарань, Чурубай-Нура, Шахан), был введен первый крупный угольный разрез на Экибастузском месторождении. В1960 гг. в Казахстане было добыто 32,3 млн. т угля против 17,3 млн. т в 1950 г. В 1960 г. в республике было произведено 10,6 млрд. кВт -ч. электроэнергии против 2,6 млрд. кВт.ч. в 1950 г. Вместе с тем резко отставало строительство линий электропередач и распределительных сетей, что значительно снижало эффективность электрификации республики.

В 60-е гг. в Казахстане было осуществлено невиданное ранее промышленное строительство, при этом в республике, вследствие ярко выраженного сырьевого характера ее экономики, преимущественное развитие получили отрасли добывающей промышленности. И хотя существование и развитие основных отраслей промышленности поддерживались не интенсификацией производства, а главным образом за счет увеличения капиталовложений, ввода новых мощностей, тем не менее в базовых, особенно в сырьевых отраслях республики застоя не наблюдалось. Только за 1961—1965 гг. в народном хозяйстве республики было освоено капитальных вложений больше, чем за все предыдущие годы советской власти, благодаря чему промышленный потенциал республики удвоился». Вступило в строй 729 крупных промышленных предприятий и 535 цехов. Во второй половине 60-х гг. были введены в действие еще 445 крупных предприятий и цехов, реконструированы и технически перевооружены сотни заводов и фабрик.

В соответствии с нарастающим участием республики в общесоюзном разделении труда получили ускоренное развитие черная и цветная металлургия, нефтяная и газовая, химическая и нефтехимическая, по-

явился ряд новых отраслей промышленности по производству титана, магния, глинозема, чугуна, кокса, синтетического каучука, подъемных кранов, электродвигателей, новых волочильных станов и кузнечно-прессовых машин, асбеста и др.

Одной из ведущих и перспективных отраслей промышленности Казахстана стала черная металлургия. Вошел в строй Соколовско-Сарбайский горно-обогатительный комбинат, что создало надежную сырьевую базу для металлургических заводов Урала и других предприятий страны. На комбинате провели большую работу по обогащению руд и промышленному производству высококачественных железорудных окатышей. В 1970 г. в республике было добыто 18,2 млн. т. железной руды, что в 3 с лишним раза превысило уровень 1960 г.[12] Карагандинский металлургический комбинат стал крупнейшим предприятием СССР с полным металлургическим циклом. Комбинат производил специальные профили проката, высококачественную сталь и чугун. Вошла в строй первая очередь Ермаковского завода ферросплавов с производством ферросилиция. Все это привело к значительному росту удельного веса Казахстана в общесоюзном производстве черных металлов. Республика заняла первое место в стране по добыче хромитовых руд, третье по добыче железных и марганцевых руд, выросла роль республики в выпуске стали, проката, ферросплавов[13].

Дальнейшее развитие получила цветная металлургия. Были введены в строй Тишинский рудник и цинковый завод на Лениногорс-ком полиметаллическом комбинате, крупнейшие в стране шахты № 55 и № 57 Джезказганского горно-металлургического комбината; комплекс глиноземного производства Павлодарского алюминиевого завода и Усть-Каменогорский титано-магниевый комбинат вышли на первоначальные проектные мощности. Были расширены производственные мощности Усть-Каменогорского свинцово-цинкового и Балхашского горно-металлургического комбинатов.

Ускоренными темпами развивалась и нефтедобывающая промышленность. Благодаря введению в эксплуатацию месторождений Корсак, Танатар, Прорва уровень добычи нефти в 1965 г. составил 3 млн. т. Дальнейшее развитие отрасли было связано с полуостровом Мангышлак, который стал одним из крупных нефтяных районов Советского Союза, в 1970 г. добыча нефти здесь превысила 10 млн. т.[14] Успешно решались сложные технические и транспортные задачи, связанные с добычей и перевозкой высокопарафинистой мангыш-лакской нефти, по внедрению прогрессивных способов эксплуатации месторождений, резкому увеличению фонтанного способа добычи нефти.

Наличиебогатейшихприродныхбогатств выдвинуло Казахстан на одно из ведущих мест в стране по развитию химической промышленности, особенно минеральных удобрений. К концу семилетки комбинат «Каратау» стал крупнейшим в стране поставщиком фосфорсодержащего сырья, на котором работали четыре суперфосфатных завода: один—в Казахстане, остальные в республиках Средней Азии.

На Джамбулском суперфосфатном заводе была полностью освоена проектная мощность суперфосфатного цеха, начал работать цех аммо-

фоса. Юг Казахстана в кратчайшие сроки превратился в крупнейшую базу страны по производству желтого фосфора и сложных высококонцентрированных удобрений. В 1963 г. вступила в строй вторая очередь Актюбинского завода хромовых соединений, что позволило увеличить выпуск продукции почти в 3 раза. Рабочие и специалисты Карагандинского завода СК в короткий срок освоили мощность цеха синтетического каучука. Вступили в строй первые цехи Гурьевского химического завода. В 1959 г. в Чимкенте начал действовать гидролизный завод. В 1963 г. был пущен Чимкентский шиноремонтный завод, построены шиноремонтные заводы в Целинограде, Кустанае, Караганде, Павлодаре.

В 60-е гг. широкое развитие получило кооперирование предприятий химической промышленности с другими отраслями, в частности металлургическими. В 1963 г. были пущены цехи серной кислоты на Балхашском горно-металлургическом комбинате и на Чимкентском свинцовом заводе. На Карагандинском металлургическом заводе получило развитие коксохимическое производство. Все это значительно укрепило фундамент большой химии в Казахстане. В 1970 г. Казахстан производил в стране большую часть желтого фосфора, 40% хромитовых солей, 20% полиэтилена низкого давления, свыше 10% серной кислоты.

Успешно развивалась в республике электроэнергетика. В 1961—1965 гг. были построены и сданы в эксплуатацию такие мощные электростанции, как Карагандинская ГРЭС-2 (мощностью 600 тыс. кВт), Петропавловская ТЭЦ (250 тыс. кВт), Алма-Атинская ГРЭС-2 (200 тыс. кВт), Бухтарминская ГЭС (600 тыс. кВт) и др. Во второй половине 60-х гг. производство электроэнергии увеличилось в 1,9 раза, отпуск тепла возрос в 2 раза. В1970 г. было выработано 34,6 млрд. кВт>ч электроэнергии, что равняется почти четырем планам ГОЭЛРО. С начала пятилетки построено 90 тыс. км электросетей, причем 85 тыс. из них—для сельского хозяйства. Вдвое возрос уровень централизованного электроснабжения объектов, достигший почти 76%[15]. Главными результатами работы энергетиков было создание Севе-ро-Казахстанской объединенной энергосистемы. В 1970 г. в строй действующих вошли третий энергоблок мощностью 300 тыс. кВт на Ермаковской ГРЭС, стотысячная теплофикационная турбина на Усть-Каменогорской ТЭЦ.

Значительное развитие получила угольная промышленность. За 959—1965 гг. в республике было введено производственных мощностей на 19,5 млн. т. На 68% увеличилась добыча коксующихся углей, ее объем составил в. 1965 г. 11044 тыс[16]. Непрерывно расширялась открытая добыча. С1954 г. стало разрабатываться уникальное по мощности угольного пласта Экибастузское месторождение. Уже в 1965 г. объем добычи в бассейне составил 14,3 млн. т угля. К 1970 г. на Карагандинском и Экибастузском бассейнах добыча угля достигла 61 млн. т в год. из них 41% добывалось прогрессивным, открытым, способом[17].

Машиностроение Казахстана специализировалось на обслуживании таких ведущих отраслей народного хозяйства республики, как сельское хозяйство, горнорудная, химическая и нефтяная промышленность. Вступил в строй тракторный завод, ставший основой собственного тракторостроения республики. Вошли в строй и новые мощности на заводе

«Казахсельмаш», специализированные участки по выпуску частей к сельхозмашинам, был освоен выпуск новых машин и оборудования, обеспечивающих механизацию работ в полеводстве и животноводстве.

Вместе с тем машиностроение в республике развивалось недостаточными темпами, его удельный вес в общем объеме промышленного производства возрос всего с 10,4 в 1961 г. до 10,6% в 1970 г. Казахстан производил машиностроительную продукцию весьма ограниченной номенклатуры и в объеме, недостаточном для покрытия нужд республики. В 60-е гг. потребность республики в машинах, приборах и обрудовании на 72% удовлетворялась за счет ввоза из других республик, ввоз продукции машиностроения превышал вывоз в 8,5 раза[18]. В республике отсутствовали предприятия, производящие высокорентабельную конечную продукцию — приборы, автомобили, электротехнические изделия, машины и оборудование.

В легкой промышленности вошел в строй действующих ряд крупных предприятий, в том числе Алма-Атинский хлопчатобумажный комбинат, Джамбулский кожевенно-обувной комбинат. К 1970 г. легкая промышленность республики производила около 16% всего объема общереспубликанской промышленной продукции. Однако выпуск продукции предприятиями легкой промышленности перерабатывающего профиля рос быстрее, чем швейных, трикотажных, обувных, в результате чего производство продукции легкой промышленности в республике было почти в 2 раза меньше, чем в среднем по стране.

В пищевой промышленности только во второй половине 60-х гг. были построены и введены в действие 48 новых предприятий. Тем не менее в 1970 г. на долю пищевой промышленности приходилось всего 7% основных промышленно-производственных фондов и 17% от общего объема промышленного производства, что было значительно меньше, чем в целом по стране.

Значительно возросшие объемы капитального строительства с начала 60-х гг. потребовали создания базы строительной индустрии. Основой для перехода к строительству скоростными индустриальными методами стало формирование и развитие производства сборных железобетонных конструкций и деталей и цементной промышленности. Если в 1955 г. в республике было всего два маломощных цементных завода с годовым производством цемента 365 тыс. т, то в 1965 г. действовало пять заводов — Карагандинский, Актюбинский, Семипалатинский, Усть-Каменогорский и Чимкентский. Производство цемента составило 4037 тыс. т, или в 11 раз больше, чем десять лет назад[11]*.

Особенно мощными были Чимкентский и Усть-Каменогорский заводы, оборудованные современной техникой. Началось сооружение большого числа заводов, цехов и полигонов по производству железобетонных конструкций, панелей и деталей. В крупных областных центрах в 60-е гг. были созданы комбинаты крупнопанельного домостроения, вошли в строй Карагандинский и Семипалатинский заводы асбесто-цементных изделий и Чимкентский комбинат асбес-то-цементных конструкций. Но производству листового стекла, мягкой кровли, керамических изде-

лий, полимерных и других прогрессивных строительных материалов не уделялось достаточного внимания.

Но в развитии капитального строительства существовал ряд проблем, вызванных господством административно-командной системы управления экономикой. Главным недостатком капитального строительства были диспропорции между большим его объемом и ограниченными средствами для его осуществления, имели место многочисленные факты некачественного выполнения проектными организациями рабочих чертежей и смет, технологические нарушения. Строительство развивалось на экстенсивной основе, сроки сооружения объектов и предприятий превышали нормативы, из года в год нарастал объем незавершенного строительства.

§ 3. Научно-технический прогресс и хозяйственная реформа 1965 г.

Важнейшим фактором социально-экономического развития общества является научно-технический прогресс. В широких масштабах достижения научно-технического прогресса внедрялись в 60-е гг.: интенсификация производства за счет электрификации и химизации, оснащение предприятий высокопроизводительным оборудованием большой единичной мощности, механизация и автоматизация участков, цехов, предприятий и т. д.

В горнодобывающей промышленности полностью были механизированы основные процессы добычи угля: зарубка, отбойка и доставка в очистных забоях, подземная откатка и погрузка в железнодорожные вагоныит.д. По оснащенности современными средствами труда, применяемой технологии ведущие горнодобывающие предприятия республики находились на уровне лучших предприятий мира, а по отдельным видам оборудования даже опережали их. Все шире применялись прогрессивная система подземных разработок, высокопроизводительное оборудование, скоростное бурение, механизировались погрузочно-транспортные процессы[20]. На металлургических предприятиях в больших объемах применялся кислород как интенсифи-катор технологических процессов. На Балхашском горно-металлургическом комбинате был внедрен процесс переработки медных концентратов непосредственно в конверторах.

Коренным образом изменилась технология и техника поисково-разведочных работ, нефтедобычи, нефтепереработки. В1965 г. на 308 нефтяных скважинах была осуществлена комплексная автоматизация и телемеханизация процессов добычи нефти, 198 тыс. т нефти было добыто путем применения методов искусственного воздейств» на пласты[21]. В машиностроении внедрялись прогрессивные методы литья, непрерывно совершенствовалась техника сборных, кузнечно-прессовых и других цехов.

И все же высокопроизводительные процессы и технологии внедрялись крайне медленно. В конструкциях выпускаемых изделий не использовались новые прогрессивные материалы-полимеры, древопластики и др. В электроэнергетике менялась структура оборудования, вводились на

электростанциях агрегаты крупной единичной мощности, увеличилось количество агрегатов, работающих на высоком давлении; внедрялись автоматика, телемеханика и электронно-вычислительная техника.

Таким образом, в промышленности республики были достигнуты определенные успехи в реконструкции и техническом перевооружении предприятий, внедрении новой техники, прогрессивной технологии.

В то же время достижения науки и техники внедрялись в производство с огромным трудом и не благодаря, а вопреки существовавшему хозяйственному механизму. Предприятия и целые отрасли практически не были заинтересованы в повышении технического уровня продукции, поскольку над ними довлели план, объем, вал.

Промышленность, как, впрочем, и вся экономика республики, развивалась за счет расширения производственных площадей, вовлечения в хозяйственный оборот новых источников сырья, увеличения численности кадров. Углубилась диспропорция между добывающими и обрабатывающими отраслями промышленности, при которой приоритетное развитие получили добывающие отрасли. Вследствие сложившейся системы высокоцентрализованного административного планирования и ведомственного управления, не обеспечивавшей комплексного подхода к решению вопросов охраны природы, недостаточного уровня демократии и гласности, отсутствия экологической культуры, развитие индустрии сопровождалось резким усилением воздействия вредных отходов на окружающую среду. Ситуация усугублялась вследствие преобладания в экономике экономически «грязных» сырьевых отраслей, в которых использовалась несовершенная, природофобная технология[22].

В 60-е гг. все отчетливее стала проявляться нежизнеспособность бюрократического управления народным хозяйством. Понимая необходимость перемен, тогдашние руководители страны предприняли попытку проведения глубоких экономических преобразований.

Еще в 1959 г. в подчинение Казахстана были переданы все предприятия (29) цветной металлургии, на базе которых образовано соответствующее министерство. В последующие годы в ведение республики перешли еще 144 промышленных предприятия легкой и пищевой, химической, металлургической и других отраслей промышленности, в том числе крупнейшие Семипалатинский, Уральский и Петропавловский мясокомбинаты и др. Это значительно улучшало управление предприятиями на местах, способствовало их развитию, резко изменило структуру промышленной продукции по формам подчинения и т. д.

Пленумы ЦК КПСС, состоявшиеся в марте, сентябре и октябре 1965 г., наметили меры по улучшению управления промышленностью, совершенствованию планирования и усилению экономического стимулирования производства. В соответствии с ними предусматривалось расширение сферы действия хозрасчета на предприятиях и в отраслях, устранялась излишняя регламентация деятельности предприятий, расширялась их хозяйственная самостоятельность, рационально использовались такие важнейшие экономические рычаги, как прибыль, цена, премия, кредит. Повышалась материальная заинтересованность работников и коллективов в более высоких плановых заданиях, в полном использо-

вании производственных фондов, рабочей силы, материальных и финансовых ресурсов, в совершенствовании техники производства и улучшении качества продукции. К концу 60-х гг. на новую систему планирования и материального стимулирования в республике перешли 1467 промышленных предприятий, или более 80% от их общего числа[11]. Хозяйственная реформа придала определенный импульс экономическому развитию республики. Но уже с самого начала реализации реформы, преимущества и возможности, заложенные в новых принципах планирования и экономического стимулирования, использовались неполно. Вновь созданная система экономического управления сдавала позицию за позицией (участились корректировки планов, ограничивались права предприятий, усилился диктат центра и т. д.). Реформа как бы остановилась на уровне предприятий, не дойдя до конкретного рабочего места, с одной стороны, и не затронув эшелоны управления—с другой. Попытки двинуть реформу вниз вылились в экономическое экспериментирование.

Не было сделано коренной перестройки системы управления вследствие отсутствия политических предпосылок. Оставив неизменной политическую систему, руководство страны пыталось совместить несовместимое: административные и экономические методы управления. Это привело к нарастанию бюрократизма и ограничению самостоятельности предприятий, что незамедлило сказаться на падении темпов экономического роста и нарастанию отставания от мирового уровня в ряде областей техники. В экономике усилились инфляционные тенденции, темпы роста цен и размеры дотации, рост вала, прибыли и зарплаты. Реформа не стимулировала повышения качественных показателей производства. Ориентируя экономику на экстенсивные факторы роста, она во многом способствовала развитию затратного механизма.

§ 4. Создание единой транспортной системы в республике

Развитие народного хозяйства в республике в послевоенные годы, в особенности формирование и развитие новых промышленных и сельскохозяйственных районов, освоение целинных и залежных земель, вовлечение в хозяйственный оборот новых месторождений полезных ископаемых требовали ускоренного развития всех видов транспорта, в особенности железнодорожного, который всегда выполнял основную работу по перевозке народнохозяйственных грузов. Эксплуатационная длина железнодорожных линий Казахстана возросла с 8 212 км в 1945 г. до 11 470 км - в 1960 г. и до 13 669 км - в 1970 г.[24]. Масштабы развития промышленности и сельского хозяйства республики обусловили темпы транспортного строительства, в первую очередь железнодорожного.

27 октября 1953 г. в постоянную эксплуатацию была сдана линия Моинты — Чу, которая завершила сооружение Трансказахстанской магистрали. В результате Карагандинская железная дорога по кратчайшему расстоянию связалась с Туркестано-Сибирской. Северный и Центральный Казахстан получили кратчайший выход на юг республики и в Среднюю Азию. В 1953 г. была сдана в постоянную эксплуатацию линия.

Акмолинск — Павлодар, ставшая одним из основных участков Южно-Сибирской магистрали, имевшая исключительное значение для экономических связей Северного и Центрального Казахстана, соединив эти районы с Сибирью, Южным Казахстаном и Средней Азией; Урал с Кузбассом. Огромное влияние она оказала на развитие Экибастузского угольного бассейна, освоение Бошекульских месторождений руды и т. д.

Промышленное освоение нефтеносного района Казахстана, природных богатств полуострова Мангышлак, также в значительной степени зависело от наличия современных путей сообщения. Поэтому в Западном Казахстане началось строительство ряда важнейших железнодорожных линий, таких, как Макат — Актау, Актау—Жеты-бай — Узень, Гурьев — Астрахань, Бейнеу — Кунград, которые кратчайшим путем соединяли нефтяные районы Казахстана с единой железнодорожной сетью страны и создавали возможность широкому промышленному освоению Западного Казахстана.

В 60-е гг. были закончены также железнодорожные линии Куста-най — Тобол, соединившая Соколовско-Сарбайский горно-обогатительный комбинат с железнодорожной сетью страны, и Тобол -Джетыгары, открывшая доступ к освоению богатейшего месторождения асбеста. С целью освоения тургайских бокситов в 1961 г. построили линию Есиль — Аркалык, которая используется и для вывоза сельскохозяйственной продукции из центральных районов Куста-найской и Акмолинской областей. Были также построены железнодорожные линии Ерментау — Аксу — Айсары.

Эксплуатационная длина Казахской магистрали на 1 января 1971 г. составляла 13 120 км, или 9,4% общей протяженности сети страны, грузооборот — 8,3%, пассажирооборот — 5,9% от общего объема железнодорожных перевозок Союза.

В 60-е гг. шло бурные развитие перевозок на дороге. Грузооборот магистрали к концу 60-х гг. достиг 217,5 млрд. тарифных т/км, против 102,7 млрд. тарифных т/км в 1958 г., и пассажирооборот соответственно 13,2 млрд. пассажиро-километров и 7,7 млрд. пассажиро-километ-ров[25].

Вплоть до начала семилетки дорога в основном обслуживалась паровозной тягой, и лишь немногим более 1/3 эксплуатационной линии обслуживалось тепловозной тягой. К 1968 г. новые виды тяги полностью вытеснили паровозную тягу, а к 1 января 1971 г. из общей протяженности магистрали более 97% обслуживалось тепловозной и электровозной тягой. Электрификационные двухпутные участки Целиноград — Ажар, Ажар—Караганда, Тобол—Есиль, Целиноград —СП-90, СП-90—Есиль были оборудованы новейшей техникой путей сообщения. Значительно улучшилась связь при движении поездов; к 1 января 1971 г. было оборудовано современными техническими средствами связи около 82% общей эксплуатационной длины магистрали. Большие работы были проведены на магистрали по механизации и автоматизации производственных процессов. Например, строительство повышенных путей для механизированной выгрузки угля, внедрение погрузочно-разгрузочных машин и механизмов и т. д. позволили поднять уровень механизации погрузочно-разгрузочных работ на магистрали в 1959—1965 гг. с 52,3 до 80%[26].

Применение тяжелых путевых машин, электроисполнительных и гидравлических инструментов, подъемно-транспортных средств позволило за годы семилетки резко поднять уровень механизации работ по ремонту пути: на капитальном ремонте с 28 в 1958 г. до 66% — в 1965 г. на среднем ремонте — соответственно, с 18 до 60,6%, на подъемочном ремонте — с 15 до 53,1%, на текущем содержании — с 6 до 27,1%[27].

Наряду с железнодорожным транспортом в развитии народного хозяйства большую роль в республике играют автомобильный, водный, трубопроводный и воздушный транспорт. Автомобильный транспорт в условиях Казахстана с его огромной территорией имеет крайне важное значение, особенно для районов, удаленных от железных дорог и водных путей. Освоение природных ресурсов, вовлечение в хозяйственный оборот промышленных объектов, бездорожье требовали ускоренного развития автотранспорта. В республике успешно осуществлялось широкое дорожное строительство, в особенности в районах освоения целинных и залежных земель. Протяженность автомобильных дорог с твердым покрытием с 11,2 тыс. км в 1960 г. увеличилась до 41,1 тыс. км. в 1970 г., т. е. в 3,7 раза. Протяженность усовершенствованных дорог с цементно-асфальтобетонным покрытием и черное шоссе выросли в 5 раз — с 4,1 тыс. км в 1960 г. до 21,2 тыс. км в 1970 г.[28]. Благодаря этому в Казахстане к концу 60-х гг. около 90% центральных усадеб совхозов и колхозов и 85,4% крупных населенных пунктов были связаны автобусным сообщением с районными центрами, а 97% районных центров — с областными городами. Все центральные усадьбы совхозов Кокчетавской, Северо-Казахстан-ской, Восточно-Казахстанской областей имели автобусное сообщение. Во многих городах и районных центрах были построены новые автовокзалы, автостанции. Только в 1970 г. вошли в строй четыре новых автовокзала (в Уральске, Петропавловске и Семиозерном) и 51 автостанция.

Ускоренными темпами рос и обновлялся автопарк: автохозяйства пополнялись преимущественно автомобилями повышенной грузоподъемности (ГАЗ-53, ЗИЛ-130, ЗИЛ-130в, МАЗ-503, Урал-377 и др.), автобусный парк только в 1961—1965 гг. вырос более чем в 2 раза. Укрепилась и расширялась ремонтно-производственная база автотранспорта.

Были реконструированы действовавшие и построены новые крупные авторемонтные заводы р Алма-Ате (АРО-2), Кустанае, Семипалатинске, Павлодаре, в пос. Даниловка, Усть-Каменогорске, Актюбинске и др. городах, Алма-Атинский завод гаражного оборудования. Только в 1959—1965 гг. в 5,8 раза возросла мощность этих заводов по производству капитального ремонта автомобилей. Совершенствовалось руководство работой автотранспорта. Были ликвидированы мелкие ведомственные автохозяйства; усилилась их концентрация в системе автотранспорта общего пользования. Таким образом, широкое дорожное строительство, техническое оснащение автохозяйств, количественный и качественный рост автомобильного парка превратили автотранспорт в один из основных видов транспорта по перевозке народнохозяйственных грузов и пассажиров.

В 60-е гг. ускоренными темпами развивался и трубопроводный транспорт. С освоением нефтяных богатств на полуострове Мангышлак на-

чал действовать нефтепровод У зень — Жетыбай — Шевчен ко. В 1970 г. был введен мощный магистральный нефтепровод Узень — Гурьев—Куйбышев для перекачки нефти на Гурьевский, Куйбышевский и Волгоградский нефтеперерабатывающие заводы. С постройкой крупнейшего газопровода Средняя Азия — Центр подведены ветки к Актюбинску, Рудному, Кустанаю. В 1970 г. было завершено сооружение газопровода Бухара — Ташкент, далее через Чимкент, Джамбул и Фрунзе в столицу республики — Алма-Ату. Благодаря этому с каждым годом наращивались темпы газификации в республике. Значительное развитие получили также и такие виды транспорта, как авиационный и водный.

Несмотря на все эти и другие результаты в развитии транспорта, Казахстан все еще ощущал недостатки в обеспеченности совершенными путями сообщения и значительно отставал от ряда других республик и от общесоюзного уровня. Весьма слабо были развиты воздушный транспорт, водные пути и трубопроводы[29]. Вместе с тем 60-е гг. явились периодом создания единой транспортной сети в Казахстане, что стало мощным рычагом углубления территориального разделения труда, расширения и укрепления экономических связей между регионами республики, а также Казахстана с Центром, Уралом, Сибирью и Средней Азией.

Промышленный прогресс создал возможности для роста рабочего класса Казахстана, в особенности в его индустриальных, отраслях труда, предопределил серьезные изменения в социальной структуре населения Казахстана.

§ 5. Рост рабочего класса, его роль и место в социальной структуре республики

Количественный и качественный рост рядов рабочих Казахстана в 60-е гг. превратил их не только в самый крупный, но и наиболее многочисленный класс, который стал подавляющим в республике. В 1970 г. насчитывалось более 3,4 млн. рабочих, что было в 5 раз больше, чем в 1940 г.[29]. К 70-м гг. в Казахстане был наибольший по СССР удельный вес рабочих и наименьший—колхозников. Эти изменения в социальной структуре населения как бы свидетельствовали об усилении тенденции общества к социальной однородности. Хотя в действительности существенные различия не только между классами и социальными группами, но и внутри самого рабочего класса были значительны.

Вплоть до середины 60-х гг. рост численности рабочих опережал увеличение населения республики примерно в 1,5 раза, неизменно повышая их удельный вес. Резкое увеличение численности рабочих было связано не только с расширением формирования их кадров, но и за счет ввода в строй новых предприятий, в особенности вновь создававшихся отраслей промышленности, широкого совхозного строительства, развернувшегося в связи с освоением целинных и залежных земель. С середины 60-х гг. при неуклонном росте абсолютной численности рабочих их удельный вес в составе промышленно-произ-водственного персонала несколько снизился, что было связано с быстрым увеличением численности инженерно-технических работников[30].

Ядром рабочего класса, как известно, являются промышленные рабочие, которые в 1970 г. составляли более 1/4 всего его состава.

Численность промышленных рабочих в 1960—1970 гг. выросла на 39,6% (с 530 тыс. до 877 тыс.). Вследствие преимущественного развития тяжелой индустрии ведущее место в рядах промышленных рабочих занимали труженики машиностроения и металлообработки, промышленности стройматериалов, топливной. Крупным отрядом являлись также рабочие легкой промышленности[31].

Быстро рос промышленно-производственный персонал в Павлодарской, Мангышлакской и Кустанайской областях, но наиболее многочисленным оставались рабочие традиционных промышленных центров—Караганды, Алма-Аты, Южного и Восточного Казахстана.

Усилилась концентрация рабочего класса на крупных предприятиях. Так, удельный вес рабочих, занятых на предприятиях с численностью более 1 тыс. чел., поднялся с 42,4% в 1960 г. до 56,1% в 1973 г. В1973 г. 28,2% рабочих сосредоточивались на предприятиях, где было занято более 3 тыс. чел., а 10,6% рабочих—на предприятиях, численность персонала которых превышала Ютыс. чел.[32]. Индустриальными гигантами являлись Соколовско-Сарбайский ГОК, Карагандинский металлургический и Ачисайский полиметаллический комбинаты и др.

В1970 г. по привлечению женщин к общественному производству Казахстан занимал 8 место по Союзу. Последующий период характерен значительным расширением привлечения женщин в промышленность, их удельный вес поднялся с 37,5% в 1957 г. до 44,4% в 1973 г.[33].

В традиционных сферах женского труда — в легкой и пищевой промышленности — женщины представляли преобладающую часть рабочих коллективов. Однако в республике сохранялось большое число трудоспособных женщин, не занятых в производстве. Основными причинами этого являлись недостаточное строительство сети детских садов, слабое развитие промышленности и сферы бытовых услуг или односторонняя отраслевая структура ряда городов, незначительное использование неполного рабочего дня и паломничества для многодетных матерей.

Изменения коснулись и национального состава рабочего класса, но в промышленности коренное население было представлено очень слабо. Так, удельный вес казахов среди рабочих в 1957—1973 гг. даже сократился с 17,4% до 11,7%. В начале 70-х гг. казахи преобладали только в нефтедобывающей и газовой промышленности (они составляли соответственно 69,5 и 53,6%). Относительно крупные отряды национальных кадров трудились в нефтедобыче (36,7%), полиграфии (27,8%), пищевой промышленности (20,3%), лесоэксплуатации (28,2%). Удельный вес рабочих казахов оставался низким в энергетическом машиностроении (в 1973 г. — 2,2%), приборостроении (4,7%), электротехнической промышленности (6,6%), текстильной (13,6%), швейной промышленности (15,7%).

Основные причины слабого участия казахов в индустриальных отраслях труда кроются в последствиях трагических событий (войн, джутов, голода 30-х), вызвавших резкое сокращение их численности, а также в результатахнепродуманной миграционной политики, когда крупный миграционный поток из других республик в 50—60-е гг. привел к

сокращению удельного веса казахов в этнодемографичес-кой структуре своей республики.

Центральные ведомства не заботились о подготовке квалифицированных работников из коренного населения, а предпочитали привозную рабочую силу, что было экономически невыгодно и впоследствии приводило к перекосам в межнациональных отношениях. Кроме того, на предприятиях и в профтехучилищах не уделялось серьезного внимания приему казахской молодежи, ее обучению престижным профессиям на родном языке, дальнейшему закреплению на производстве.

Отмечался рост культурно-технического уровня промышленных рабочих, совершенствовались их общеобразовательная и специально-техническая подготовка, профессионально-квалификационный состав. В 1959—1970 гг. удельный вес рабочих с высшим и средним образованием (полным и неполным) вырос в 1,5 раза — с 37,2% до 55,5%, а доля рабочих с начальным образованием сократилась с 38,4% до 31,5%[34]. Высокую образовательную подготовку имели рабочие полиграфии, нефтедобычи, металлургии и металлообработки. Уровень образования оставался низким у работников угольной, пищевой, кожевенно-обувной, меховой промышленности и лесоэксплуатации.

Размеры переподготовки рабочих кадров в системе повышения квалификации достигли в исследуемый период такого уровня, что! практически каждому рабочему, занятому квалифицированным трудом, в среднем раз в пятилетие или даже чаше предоставлялась возможность улучшить свои профессиональные навыки и знания. Это позволяло повысить удельный вес высококвалифицированных и квалифицированных рабочих в целом по промышленности республики до 77,1% в 1972 г.[35].

Закономерным следствием научно-технического прогресса являются появление и быстрый рост новых, перспективных и исчезновение старых профессий. Широкое распространение получили такие современные специальности, как электромонтер, электрослесарь, операторы и др., занятые наладкой, настройкой и ремонтом станков, автоматики и приборов. Вместе с тем, несмотря на сокращение темпов количественного роста рабочих, занятые тяжелым физическим, малоквалифицированным трудом, эта категория работников продолжала оставаться многочисленной, при этом значительную массу по-прежнему составляли рабочие, выполнявшие подсобные и вспомогательные работы вручную, что свидетельствует о значительной внутренней социальной неоднородности рабочего класса.

Послевоенные годы ознаменовались ростом социальной активности рабочего класса, что обусловливалось трудовым энтузиазмом после победы в Великой Отечественной войне, «хрущевской оттепелью», хозяйственной реформой и т. д. Рабочие совершенствовали прежние формы соревнования, предлагали новые. Широкое распространение получило движение новаторов производства, тесно связанное с техническими новшествами, улучшением методов и условий труда. Традиционными были соревнования в честь партийных съездов, а также юбилейные вахты. Рабочие коллективы брали обязательства выпускать продукцию отличного качества, боролись за звание «Предприятие высокой культуры» и т.

и. Однако его возможности использовались неполностью. Причины негативных явлений в организации и руководстве соревнованием коренились не только в действиях отдельных руководителей, а исходили из системы административно-командных отношений, когда многие прогрессивные начинания тех лет осуществлялись с помощью старого политического и экономического механизма и не опирались на широкое развитие демократии[36].

Талантливые рабочие в содружестве с учеными, инженерами, конструкторами способствовали научно-техническому прогрессу. Внедрение открытий и изобретений приносило большой экономический эффект: в 1959—1970 гг. он составил 812,8 млн. руб., по этому показателю Казахстан занимал 3-е место в стране. Среди новаторов производства заметное место принадлежало промышленным рабочим, которые в 1965 г. составили 44,5% от общей численности членов казахстанского отделения ВОИР и почти 60% от числа его членов, занятых в промышленности. Удельный вес промышленных рабочих в составе всех рабочих республики — членов ВОИР в 1967 г. достигал 72,6%[37].

Превращение рабочего класса Казахстана в самую крупную социальную группу, качественные сдвиги в составе рабочих кадров являлись важными предпосылками их широкого участия во всех звеньях советской политической системы тех лет — Компартии, Советах, массовых общественных организациях. Удельный вес рабочих в составе Компартии Казахстана в 1960—1970 гг. поднялся с 30 до 43%[38]. Рабочие стали наиболее представительным классом в составе Советов всех уровней. Так, их удельный вес среди депутатов Верховного Совета республики составлял в 1967 г. до 40,1%. В местных Советахв 1971 г. депутаты-рабочие составляли большинство—55,2% (против 29,8% в 1961 г.)[39].

Рабочие активно вовлекались в деятельность профсоюзов и прежде всего в управление производством, осуществляемое через ПДПС, рабочие конференции и собрания, органы народного контроля. В1960—1970 гг. количество общезаводских и цеховых ПДПС в республике выросло с 5327 до 9116. Заметную роль в работе этих совещаний играли рабочие[40].

Однако количественные показатели социальной активности рабочего класса, его широко распространенный образ активного творца истории и гегемона строительства нового общества шли вразрез с действительностью. На самом деле рабочий класс не играл той авангардной роли в общественно-политической жизни страны, какую ему приписывала официальная идеология. Он был своеобразным инструментом в проведении определенного внутриполитического курса. Социальная активность рабочих регламентировалась и направлялась партийно-бюрократической номенклатурой, сконцентрировавшей в своих руках всю государственную власть в республиках и Союзе. В конце 60-х — начале 70-х гг. началось усиление командно-бюрократической системы, огосударствление всех сторон общественной жизни. Диктатура, проводившаяся партийно-государственной верхушкой от лица пролетариата, породила почти полное отчуждение человека труда от собственности и власти, привела к произволу и беззаконию. Ярким свидетельством этому явились трагические события в г. Темиртау в 1959 г. В результате грубого

подавления беспорядков, которые были вызваны невыносимыми производственными и, в особенности, социально-бытовыми условиями труда строителей Карагандинского металлургического завода, имелись человеческие жертвы. Темиртауские события были, безусловно, исключительным явлением в общественно-политической жизни республики, тем не менее, они показали, что с конца 50-х гг. стала накапливаться психологическая усталость людей, их неудовлетворенность существующим положением.

Происходившее в последующие годы свертывание хозяйственной реформы, демократических процессов, замедление темпов экономического роста, снижение социальной активности масс свидетельствовали о развитии негативных явлений, которые привели страну к кризису в конце 80-х — начале 90-х гг.

§ 6. Сельское хозяйство Казахстана

Уже в первые послевоенные годы в сельском хозяйстве стали обнажаться негативные тенденции, носившие изначально характер постепенно складывающихся предпосылок будущего кризиса.

Так, в 1949—1953 гг. среднегодовой сбор зерновых составил только 4,9 млрд. пудов при средней в стране урожайности 7,7 ц/га, что было лишь немногим больше, чем в 1910—1914 гг. (соответственно 4,4 млрд. пудов и 7,0 ц/га)[41]. Вопреки декларациям, прозвучавшим с трибуны XIX съезда КПСС, валовой сбор зерна в 1952 г. дал не 8, а 5,6 млрд. пудов (если же считать не по бункерному весу и потери от хранения, *i* то, вероятно, и того меньше). Даже после изъятия у колхозов и 1 совхозов всего семенного материала удалось заготовить только 2,11 млрд. пудов хлеба, т. е. налицо был явный дефицит потребности[42].

В Казахстане в годы первой послевоенной пятилетки (1946—1950 гг.) статистика фиксировала среднегодовую урожайность, равную показателям 1913 г. (5,6 ц/га). Среднегодовые валовые сборы зерна оказались меньшими, чем в 1928 г., а государственные закупки (в среднегодовом исчислении) уступали по своим объемам уровню 1941 г.[43].

В тяжелейшем состоянии оставалось животноводство республики. В 1951 г. насчитывалось лишь 4,5 млн. голов крупного рогатого скота (в 1928 г. — 6,5 млн); 1,5 млн. лошадей (3,5 млн.), 127 тыс. верблюдов (1 млн.). И только по овцам в силу их большей биологической репродуктивное™ удалось приблизиться к уровню 1928 г. в 1951 г. их насчитывалось 18 036, тогда как в 1928 г. — 18 566 тыс.[44]

Е послевоенную пятилетку (1946—1950 гг.) прослеживались достаточно заметные подвижки, т. е. в целом она дала определенный, восстановительный эффект и импульс дальнейшему развитию народного хозяйства.

Однако кажущийся «позитив» послевоенного развития в СССР меркнет на фоне сравнений с послевоенным развитием Германии и Японии — стран, потерпевших во второй мировой войне сокрушительное поражение. Здесь восстановление разрушенного хозяйства (а в последующим и его быстрое движение к «Экономическому чуду») обеспечива-

лось сугубо за счет реформаторской переориентации хозяйственной политики на императивы рынка. В нашей же стране восстановление народного хозяйства осуществлялось, главным образом, благодаря энтузиазму и патриотизму народа, героически и самоотверженно трудившегося на благо Родины.

За внешне благополучными показателями послевоенной пятилетки стояли каторжный труд сельских тружеников, нищета и голод, эксплуатация детского и женского труда, низкий уровень продолжительности жизни, высочайшие нормативы физического износа населения.

Таким образом, оценивая результаты послевоенного восстановления и развития сельского хозяйства, надо сказать, что эти процессы проходили не благодаря, а вопреки системе, продолжавшей сковывать величайшую энергию масс, огромный потенциал трудового подвижничества, заложенный в природе народа.

На сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС впервые был поставлен вопрос об ослаблении экономического и политического давления на крестьянство. Понимая, что беспредельный грабеж деревни больше продолжаться не может, Н. Хрущев начал внедрять в партийные решения идеи о смягчении государственного налога, увеличении в аграрный сектор инвестиций. В этой связи был предпринят ряд мер по перераспределению национального дохода в пользу села: изменена налоговая политика, повышены закупочные и заготовительные цены.

В то же время новое руководство начинало демонстрировать понимание ущербности прежней ориентации на внешнеэкономические методы принуждения. Это выразилось в отказе от некоторых установлений отработочной, по сути феодальной, системы с ее строго фиксируемым минимумом трудодней (в 1948—1952 гг.).

Отход от сталинской жесткой линии вскоре дал результат. Уже в ответ на первые корректировки в аграрной политике колхозное крестьянство ответило заметным ростом сельскохозяйственного производства.

Созданная Сталиным колхозно-совхозная система все годы своего существования в принципе не выходила из состояния перманентного кризиса. Такая экономика, лишенная механизма самоорганизации и внутренних импульсов саморазвития, могла хоть как-то работать лишь в рамках жестокой тоталитарно-репрессивной системы. При малейшем же послаблении последней она рушилась. Поэтому даже незначительные реформы обнажили пороки и глубинные противоречия, давно и подспудно развивавшиеся в сельском хозяйстве.

В условиях роста численности населения, особенно городов и промышленных центров, потребность в зерне вновь резко увеличилась. Между тем, как отмечалось выше, в 1953 г. в стране заготовили чуть больше 31 млн. т зерна, израсходовав 32 млн. т. Дефицит пришлось восполнить из государственных резервов.

Все говорило о том, что колхозы и совхозы не справляются со своей главной функцией — обеспечением общества продовольствием.

Выход из кризиса предполагал радикальное решение, а именно: глубокую трансформацию системы производственных отношений, т. е. пе-

реход к рынку, а также включение личного хозяйского интереса. Понятно, что подобное развитие событий даже не обсуждалось.

В целях самосохранения система выбрала гораздо более привычную, экстенсивную, модель решения проблемы. Смягчить (а затем и устранить) продовольственный кризис предполагалось за счет резкого увеличения зернового клина. В этой связи был взят курс на распашку гигантских земельных массивов на востоке страны.

В этом смысле целина играла роль негативного фактора, так как работала на реанимирование входившей в состояние комы системы, отдлив ее агонию еще на долгие годы.

Оппоненты данного подхода обычно утверждают, что Хрущев просто не имел другого выхода, ибо подъем зернового производства в традиционно сложившихся земледельческих районах был в то время невозможен в силу неразвитости химической отрасли, т. е. промышленности удобрений.

Между тем идея целины, выдвинутая февральско-мартовским (1954 г.) Пленумом ЦК партии, отнюдь не носила неизбежно-необходимого характера.

Если рассматривать целину в призме современных социально-экономических и политических реалий, то ее роль для республики несомненна. Во многом благодаря ей ныне в Казахстане производится на душу населения гораздо более, чем 2 тыс. кг зерна. Между тем, согласно мировой практике, чтобы решить продовольственную проблему, достаточно иметь показатель в пределах 1 тыс. кг. Таких стран насчитывается в мире лишь несколько (Канада, Австралия, США, Дания, Франция, Венгрия, Румыния). Отсюда ясно, что в принципе Казахстан имеет в'се предпосылки не только для обеспечения собственных потребностей, но и для выхода на мировой рынок зерна в качестве страны-экспортера. Возможности эти тем более возрастают, если учесть, что 90—95% мировых посевных площадей, отводимых под пшеницу, занимают мягкие пшеницы. На целинных же землях Казахстана производится преимущественно твердая пшеница, ее сильные сорта, отличающиеся высоким содержанием белка. Между тем известно, что увеличение белка в зерне лишь на один процент равноценно (по сбору зерна) повышению урожайности на 6—7 ц с га. Качество зерна сказывается и на возрастании материальных затрат. Так, из 100 кг муки, произведенной из низкотехнологического зерна, выпекают 91 кг высокопитательного хлеба. Отсюда очевидно, что желающих покупать целинную пшеницу в мире немало.

Однако, если отвлечься от сегодняшних проблем, носящих преходящий характер, и попытаться рассмотреть вопрос в контексте таких моментов, как экологическая рациональность, экономическая целесообразность и социальная эффективность (политический ракурс дан выше), то выявится немало и негативных сторон целинной эпопеи.

В первые же годы, 1957—58 гг. в результате беспрецедентных распашек начались пыльные бури на легких почвах в Павлодарской области, а в начале 60-хгг. процессы выдувания охватили земли всего целинного региона, причем как на легких, так и на тяжелых почвах.

К 1960 г. в Северном Казахстане было подвержено ветровой эрозии

более 9 млн. га почв, что равнялось тогда примерно всей сельскохозяйственной площади такой страны, как Франция. Правда, в дальнейшем были разработаны почвозащитные системы земледелия, в частности безотвальная обработка почвы. Однако, как отмечают специалисты-экологи, любые мероприятия в современных их формах, как правило, лишь смягчают, но не обеспечивают необходимой экологической защиты окружающей среды.

Выявлена роль гигантских распашек и на глобальное нарастание засушливости (скажем, с 1960 по 1985 гг., т. е. из 25 лет 23 года оказались в районах целинного Казахстана, Нижней Волги и др. засушливыми).

Взяв курс на целину, отражавшую стратегию глобально расширяющегося (экстенсивного) природопользования, партийно-государственное руководство проигнорировало общегуманитарный принцип «Земля — наш общий дом», взяв тем самым на себя моральную ответственность за грядущие экологические катаклизмы.

Что касается экономической целесообразности, тот этот аспект трудно иллюстрируется, ибо такие подсчеты статистика не вела.

Тем не менее, если учесть, что в целинный гектар «вделывается» до 1,5—2 ц зерна, а собирается не более (в среднем) 6—9 (в 1954—1958 гг. средняя урожайность была на уровне 7,3 ц/га, а в 1961—1965 гг. — 6,1 ц/га), то вопрос об экономической целесообразности предстанет весьма актуальным. На величину издержек производства влияли и масштабы привлечения трудовых ресурсов. Ежегодно на целину, на уборку урожая привлекалась масса студентов, городских жителей, комбайнеров, механизаторов из других областей и республик.

Каждую жатву на целину присылались десятки армейских автобатов и подразделений воинов резерва, оттягивавшихся с гражданского производства. Все это, безусловно, сказывалось на рентабельности зернового производства, его себестоимости. Огромны были и энергетические затраты (горюче-смазочные материалы), которые росли в силу просторов целинных совхозных земель (уже одна транспортировка хлеба с полей до совхозного зернотока требовала чрезмерного количества энергоносителей).

Целина породила ряд социальных, негативных моментов. Конечно, она сыграла большую роль в создании в Северном Казахстане обширной социальной и производственной инфраструктур, возникновении новых и бурном расцвете старых городов региона, создании огромной социокультурной и этноконтактной зоны и, как следствие, интернационализации общественной жизни.

Вместе с тем рост населения целинных районов на 61% осуществляется за счет межреспубликанской миграции. Среди прибывших новоселов основной контингент составляли выходцы из Украины, РСФСР, Белоруссии, Молдавии. Средняя плотность населения в Северном Казахстане возросла с 3,3 до 6,8 человека на 1 кв. км, что в принципе уже само по себе следует рассматривать как положительное явление.

Однако обширность миграционного потока имела и отрицательный результат. Так, регионы-доноры, т. е. районы-источники миграционных потоков превратились из трудоизбыточных в трудонедостаточные и на

сегодня сохраняют острейший дефицит рабочей силы (например, Нечерноземье). В то же время неконтролируемая миграция содействовала тому, что удельный вес коренного этноса в республике снизился до 30%. В результате возникла объективная угроза языку и социокультурным институтам казахского этноса, развитию других факторов его жизнеобеспечения. А это не могло не отражаться на всем комплексе межнациональных отношений.

К началу 60-х гг. стало очевидно, что административно-командная система полностью исчерпала себя. Жизнь все больше и больше требовала расширения инициативы и самостоятельности предприятий, укрепления хозяйственного расчета, а следовательно, и радикальных изменений в планировании и организационной структуре, а бесконечная цепочка непродуманных реорганизаций, осуществляемых Н. Хрущевым, не давала эффекта.

Новое руководство партии во главе с Л. Брежневым и правительство, возглавляемое А. Косыгиным, начали свою деятельность с попытки очередного косметического реформирования отдельных элементов системы.

В оценках хозяйственной реформы 1965 г. много противоречивого, однако общим местом является признание половинчатости принятых тогда решений. Прежде всего следует отметить, что реформа касалась лишь некоторых сфер экономики. Преобразования не охватывали политической системы, социальных отношений, духовно-идеологической жизни общества. Но и в экономике реформа касалась лишь отдельных средств экономического управления и не распространялась на всю целостность хозяйственного механизма. Многие намерения так и остались на декларативном уровне. Идея хозрасчета постепенно эволюционировала в сторону локальных экспериментов, что, в конечном счете, свело все на нет.

Тем не менее, отдельные элементы реформы дали временный простор развитию экономики. Это показали, в частности, результаты восьмой пятилетки (1966—1970 гг.) одной из лучших в истории страны.

В Казахстане валовой общественный продукт возрос за эти годы в 1,5 раза. Объем промышленного производства увеличился в 1,6 раза. К концу пятилетки, в 1970 г. 70% прироста продукции в промышленном секторе было получено за счет повышения эффективности производства, тогда как в 1965 г. — 40%.

Некоторые подвижки произошли и в сельском хозяйстве. Прирост в производстве валовой сельскохозяйственной продукции составил во второй половине 60-х годов 28%, а производительность труда в колхозах и совхозах повысилась по сравнению с предыдущим пятилетием в 1,8 раза.

Одним словом, все говорило о том, что экономика Казахстана имеет огромный потенциал.

Республика превратилась в уникальный сельскохозяйственный район. На него приходилось 11% производственного потенциала сельского хозяйства страны.

Однако весь этот огромный народнохозяйственный потенциал сковывался системой и внерыночными императивами, во многом делая ход экономики малоэффективным, а подчас и холостым. Все это особенно усилилось в последующие годы, вошедшие в историю как период застоя.

1. См.: КПСС в резолюциях, конференциях и съездах. Изд. 9-е 1954, Т. 3. С. 485 –488. 2. «Пленум Центрального Комитета К.П (б) Казахстана». 18,21—23 марта 1947 г: Коммунис-. тическая партия Казахстана в резолюциях... Алма-Ата, 1984, Т. 3. С. 394. 3.Там же.
4. Правда, 1950 г. 26 декабря.
5. БольшевикКазахстана. 1951.№1.С. 16.
6. См.: Реабилитация. Политические процессы 30-х- –50-х годов. М., 1991. С. 17- -74.
7. Комсомол Казахстанавцифрахифактах. 1921 –1971 гг.Алма-Ата, 1971.С.28.
8. *Балмуханов С.* Атомный полигон моими глазами // Простор. 1990 г. № 11. С. 155– 174; Казахстанская правда. 1992.21 ноября.
9. См.: Казахстанская правда. 1992, 21 Ноября.
10. ЭкономикаКазахстаназа 60лет (1917–-1977гг.). Алма-Ата, 1977.С. 69.
11. *АсылбековМ. Х., НурмухамедовС. Б., ПанН. Г.* Рост индустриальныхкадровработчегокласса в Казахстане. Алма-Ата, 1976. С. 21.
12. ЦГАРК.ф. 1137.оп.25.д. 1617.с.40.
13. Очерки экономическои историиКазахскойССР (1860 –1970). Алма-Ата, 1974.С.302—303; Народное хозяйство Казахстана. 1972. № 2. С. 10—- 11.
14. Там же.
15. ЦГА РК, ф. 1137, оп. 25, д. 673. л. 104.
16. Экономика Казахстана за 60 лет. С. 155.
17. Там же. С. 156.
18. ЦГАРК,ф. 1137.оп.25,д. 1613.л.42.
19. ЦГАРК.ф. 1137.оп.26.д. 1613.л.42.
20. ЦГА РК. ф. 1137, оп. 25, д. 1609. с. 45.
21. ЦГАРК.ф. 1137.оп.25.д. 1599.с. 14.
22. ЦГА РК, ф. 1655, оп. 25, д. 303, л. 208.
23. Народное хозяйствоКазахстана. 1971.№7.С.4.
24. *Асылбеков М. Х.* Формирование и развитие кадров железнодорожников Казахстана. Алма-Ата, 1973, С. 246.
25. *Асылбеков М. Х.* Формирование и развитиекадров железнодорожников Казахстана. Алма-Ата, 1973, С. 246—247.
26. ТА Каз ж. д., ф. 1, оп. 1, д. 72, л. 1; ТА. Каз. ж. д., отдел учета и отчетности, индекс №380241 за 1967.
27. Там же.
28. Народное хозяйствоКазахстана за 70лет: Стат. сб. Алма-Ата, 1990, С. 308.
29. Народное хозяйство Казахстаназа 60 лет: Стат. сб. Алма-Ата, 1980. С. 148; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г: Казахская ССР. М., 1962. С. 62; Всесоюзная перепись населения 1970 года: Сб. ст. М., 1976. С. 214.
30. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959г. КазССР. М., 1962, С. 80.
31. ЦГА РК. ф. 698, оп. 1, д. 5034. л. 5.
32. Тамже.Оп.4.д. 1029.лл.32—32.45.47.51 об..52об. — 53;д. 2524.лл.33.35.43.47.49идр.
33. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1973. Т. 5. С. 72, 131.
34. *Кошанов А. К.* Индустриальный прогресс Казахстана в период развитого социализма. Алма-Ата, 1979. С. 240.
35. История советского рабочего класса. М., 1988. Т. 5. С. 245.
36. Народное хозяйство Казахстаназа60лет:Стат. сб. Алма-Ата. 1980. С.35; История советского рабочегокласса.Т. 5. С. 263;ЦГАРК. ф. 1834.оп. 1.д. 150.лл. 1 – 20;д.309.л. 1; д.371.лл.3-4.
37. Компартия Казахстаназа50лет (1921 –1971 гг.).Алма-Ата, 1972. С.277.321.
38. Итоги выборов и состав депутатов местных Советов депутатов трудящихся. 1961; Стат.сб. М., 1961. С. 20—21; Итоги выборов... 1971. М., 1972. С. 118; Казахстанская правда, 13 марта 1963 г. и др.
39-40. Архив Казсопрофа. ф. 1655. оп. 3. д. 3274, л. 48 – 49; Коммунистическая партия в условиях развитогосоциализма. Алма-Ата, 1983. С. 175.
41. *ВаловойД.* Экономика в человеческом измерении. М, 1988. С. 79.
42. Там же.
43. Государственный комитет Казахской ССР по статистике. Динамика посевных площа-дей, урожайности, валовых сборов государственных закупок основных сельхозкультур. Алма-Ата, 1989. С. 3.
44. Государственный комитет Казахской ССР по статистике. Животноводство Казахстана. Алма-Ата, 1989, С. 6.

Глава 5. КАЗАХСТАН В 70-80-е гг.

§ 1. Тенденции социально-экономического развития

Экономическая реформа, начатая в 1966 г., на первых порах дала определенный импульсэкономическому развитию. К началудевятой пятилетки по новой системе планирования и экономического стиму-лирования работало 1578 казахстанских промышленных предпри-ятий или 84% от общего количества[1]. План восьмой пятилетки по основным экономическим показателям был выполнен: валовая про-дукция промышленности увеличилась на 56, сельского хозяйства — на *54%*-. Все отрасли промышленности стали рентабельными. Но несмотря на определенный радикализм, экономическая реформа с самого начала несла на себе печать непоследовательности, половин-чатости. Тоталитарная система не допустила ее выхода за пределы существующих экономических структур, скованных в своем развитии господствующей парадигмой бестоварного социализма.

В результате к началу 70-х гг. первоначально заложенные в нее идеи, направле?ные на повышение эффективности общественного производства, оказались искаженными. Основной замысел реформы - расширение хозяйственной самостоятельности предприятий -- фактически свелся к сокращению спускаемых сверху планово-отчет-ных показателей и изменениям порядка формирования поощритель-ныхфондов коллективов. Многае предприятия в погоне за прибылью пошли по наиболее легкому пути -- искусственному повышению цен на свою продукцию. Прибыль, полученная за счет роста цен, позво-лила увеличивать заработную плату, динамика которой стала опере-жать рост производительности труда, что стало причиной инфляци-онныхтенденций уже в начале 70-х годов, отрицательно влиявших на развитие экономики. Половинчатость реформы проявилась и в том, что, расширив самостоятельность предприятий, она усилила адми-нистративные и экономические полномочия министерств и ведомств. Сохранилось централизованное планирование сверху по принципу от достигнутого, продолжали действовать валовые показатели, несмот-ря на их признанное несовершенство.

Но основные причины неудачи реформы крылись в свертывании процесса демократизации в политической сфере. Ограниченная только организационно-технической сферой экономики, она не за-тронула политическихструктур общества,отношений собственности, сохранила монополию государственной собственности — оплота бю-рократии, отвергла рыночные отношения. Брежнев и его окружение были против глубокой перестройки экономики на основе реформы, они стремились к сохранению в неприкосновенности роли админис-тративной системы в функционировании экономики.

В начале 70-х гг. происходит свертывание реформы. И хотя в 70-е годы еще не раз предпринимались попытки улучшить механизм хозяйствования, планирования и стимулирования, должного эффек-та это не принесло. Поднять эффективность общественного произ-водства не удалось. Негативные явления нарастали — снижалась фондоотдача, медленно осваивались новые производственные мощности, усиливался ра-

сточительный характер экономической дея-тельности, экстенсивные факторы по-прежнему определяли разви-тие экономики. Принцип преимущественно директивного управле-ния оставался нетронутым.

К началу девятой пятилетки промышленность занимала ведущее место в экономике республики. В структуре валового общественного продукта в 1970 г. ее удельный вес составлял 48%[3]. На ее долю приходилось 39,8% основных производственных фондов народного хозяйства, на обслуживании которых было занято 1052 тыс. человек, или 22,4% всех рабочих республики[4].

В 1970—1985 гг. шло определенное нарастание индустриального потенциала республики. В развитие промышленности было вложено 40,8 млрд. руб., или 32% от всех капиталовложений в народное хозяйство. Основные производственные фонды увеличились в 3,1 раза, при этом в химической и нефтехимической в 6,5 раз, в машиностроении почти в 4, в топливной промышленности в 3,8 раза[5]. За 15 лет общий объем промышленной продукции увеличился вдвое, а таких отраслей, как машиностроение и химическая промышлен-ность, более чем втрое. Было введено в строй около 1000 новых промышленных предприятий и цехов. В их числе Казахский газопе-рерабатывающий завод, Шевченковский завод пластмасс, Караган-динский завод резинотехническихизделий, Павлодарский и Чимкен-тский нефтеперерабатывающие заводы, цехбелой жести на Караган-динском металлургическом комбинате, Экибастузская и Ермаковс-кая ГРЭС, Капчагайская ГЭС, Чимкентский и Джамбулский фосфор-ные заводы, Жайремский горно-обогатительный комбинат и др. По объему промышленного производства Казахстан занимал третье место в СССР (после РСФСР и Украины). Сформировались террито-риально-производственные комплексы—Мангышлакский, Каратау-Джамбулский и Павлодар-Экибастузский.

Наращивание экономического потенциал а осуществл ялось за счет вовлечения в народнохозяйственный оборот сырьевых и топливно-энергетических ресурсов.

При жесткой централизации управления экономикой неизмен-ной сохранялась отраслевая структура промышленности, характери-зующаяся сырьевой направленностью. Сообразуясь с амбициозными интересами базовых министерств, центр отдавал приоритет в разви-тии экономики республики добывающим отраслям. В них направля-лись крупные капитальные вложения в ущерб развитию наукоемких производств. Доля добывающих отраслей в промышленности респуб-лики в начал е 80-х годов была в 1,7 раза выше, чем в среднем по стране. Около пол овины промышленности республики находилось в ведении союзных министерств. Выкачивая из республики сырьевые ресурсы и получая громадную прибыль, союзные ведомства почти не вклады-вали средства в республиканский бюджет на развитие инфрастукту-ры. При общей прибыли своих предприятий в 15 млрд. руб. в год они отчисляли в него всего 30 млн. руб., или менее 1%. В погоне за валовыми показателями и прибылью союзные министерства игнори-ровали интересы республики в развитии социальной инфраструкту-ры, в подготовке национальных рабочих кадров, в охране окружаю-щей среды.

Ориентация в 70—80-е годы на развитие сырьевых отраслей в форме гигантских предприятий привела к тому, что темпы роста производства обрабатывающей и перерабатывающей промышлен-ности оставались низкими, недостаточно были развиты производст-во товаров народного потребления, пищевая и легкая промышлен-ность. Около 60% потребляемых непродовольственных товаров пос-тупало в Казахстан из других республик, при этом часть из них изготавливалась из казахстанского сырья, но прибыль от реализации конечного продукта оставалась у изготовителей.

Директивное планирование и интересы ведомств-монополистов вели к разбазариванию и выкачиванию из республики невозобновля-емых ресурсов. Добытое сырье и энергия использовались с низкой эффективностью.

Из пятилетки в пятилетку нарастали капитальные вложения в индустрию, характер промышленного строительства определялся гигантскими объемами. Руководство республики поддерживало эту гигантоманию, рапортуя очередным съездам КПСС о пуске крупней-ших в стране или в Европе промышленных предприятий — шахт, нефтепромыслов, комбинатов, заводов. Состояние республики опре-делялось не уровнем жизни населения, полнотой и реальностью ее суверенных прав в Союзе ССР, развитием духовной культуры, а суммой капиталовложений, тоннами добытой руды, угля, нефти и пр.

Насущные задачи в экономике решались преимущественно административно-командными методами. Не претерпело каких-либо су-щественных изменений государственное планирование. Предпри-ятиям директивные плановые задания спускались сверху без согласо-вания с трудовыми коллективами. Планировалась практически вся номенклатура продукции, показатели себестоимости и пр. Это вы-нуждало предприятия выполнять планы любой ценой, лишало пот-ребителей возможности влиять на производство. Из-за несбаланси-рованности производства, директивного управления обычным делом была корректировка годовых, квартальных и месячных заданий. В 1981—1985 гг. в республике планы различныхминистерств и ведомств корректировались более 300 раз[6].

Нараставшие кризисные явления в экономике вели к потере динамизма в развитии народного хозяйства. Среднегодовые темпы прироста промышленной продукции с 8,4% в девятой пятилетке уменьшились до 3,8% — в одиннадцатой, а национального дохода — соответственно с 4,4 до 1,4%[7]. Несмотря на все усилия системы и партийного руководства республики обеспечить выполнение плана любой ценой, план девятой пятилетки по увеличению объема про мышленного производства был недовыполнен на 12,6%, десятой—на 25%, одиннадцатой — на 3,6%[8].

Огромные материальные ценности и труд омертвлялись в неза-вершенном строительстве. По объектам производственного назначе-ния оно составило в 1980—1989 гг. от 85 до 101% от общего объема капитальных вложений[9]. Только за 1976—1985 гг. строители респуб-лики недоосвоили 4,2 млрд. руб. капитальных вложений. В результате население недополучило 1,4 млн. кв. м жилья, 121,5 тыс. школьных мест, 49,5 тыс. мест в дошкольных учреждениях, 67 тыс. — в профтехучилищах и 7

тыс. мест -- в больницах. В капитальном строительстве прочно утвердился «долгострой», сооружалось много неплановых объектов в ущерб плановым, характерны были разбросанность объек-тов, распыление ередств и рабочей силы по многим стройкам, отсут-ствие взаимосвязи между проектированием и поставками оборудова-ния, ввод в эксплуатацию объектов с недоделками и дефектами, приписки и разбазаривание стройматериалов.

Существовавшая система отторгала все начинания, идущие снизу, которые были направлены на оживление экономики. В 70-е гг. в строительстве началось массовое движение развития бригадного и одряда. В его основе лежало стремл ение рабочих навести порядок на производстве в использовании ресурсов, устранить уравниловку в оплатетруда, получитьбольшуюдолюсамостоятельности. Фактичес-ки речь шла о том, чтобы большая часть средств, заработанная рабочими, получалась ими, а не шла на оплату работников многочис-ленных управленческих структур. В 1982 г. в строительстве республи-ки на бригадном подряде работало 5,7 тыс., а в 1985 — 6,8 тыс. бригад. Вэтихколлективахпроизводительностьтрудабы-лана23—25%выше, чем в обычных, а себестоимость работ --- на 13—15% ниже[10] Формаль-но бригадный подряд поддерживался и пропагандировался, но как только дело доходило до сокращения управленческого аппарата и передачи его функций трудовым коллективам, он оказывался подо-рван многочисленными инструкциями, которые лишали трудовые коллективы какой-либо самостоятельности в распоряжении зарабо-танными средствами. Практически несмотря на пропаганду бригад-ный подряд как экономическое явление был похоронен системой.

Не получил в республике распространения и экономический эк-сперимент коллектива химкомбината г. Щекино Тульской области, проходивший под девизом: «Меньше работников — больше продук-ции». При этом сэкономленные от сокращения работников средства заработной платы использовались для материального поощрения работающих. Проведение этого эксперимента вело к сокращению управленцев на предприятиях, в главках, трестах, министерствах. Этот эксперимент также был «успешно» провален бюрократией.

Падение темпов роста производства, ухудшение структуры производства и качества продукции сопровождалось нарастанием и отста-ванием в сфере научно-технического прогресса. С начала 70-х гг. развитые капиталистические страны вступили в новый этап научно-технической революции.

Советское руководство правильно определило в этот период глав-ную задачу в развитии народного хозяйства страны — перевод эконо-мики на интенсивный путь развития и развертывание научно-техни-ческой революции. На первый взгляд имевшийся научно-техничес-кий потенциал в республике как и в стране позволял решать постав-лённые задачи. На конец 1985 г. в Казахстане функционировало вместе с вузами 227 научных учреждений, в том числе 91 научно-исследовательский институт; заводская наука была представлена 108 конструкторскими бюро, 99 лабораториями, 52 опытно-эксперимен-тальными подразделениями».

Не было недостатка в интересных идеях и предложениях, больших масштабов достигло рационализаторство и изобретательство, число ав-

торов, подавших рационализаторские предложения и заявки на предполагаемые изобретения в 1981—1985 гг., составило 818,8 тыс. человек. В1976—1985 гг. в среднем ежегодно поступало более 165 тыс. рационализаторскихпредложений и заявок наизобретения. Руково-дящие органы,партии и правительства ежегодно принимали поста-новления о мёрах по внедрению достижений научно-технического прогресса и повышении эффективности производства. Однако они мало воздействовали на практику внедрения научно-технического прогресса в производстве.

Действуюший механизм хозяйствования по сути противодейство-вал внедрениюдостижений науки итехники в производство. Коллек-тивы предприятий не были заинтересованы в освоении новой техни-ки, так как это отрицательно сказывалось на результатах работы предприятия и каждого рабочего в отдельности. Поэтому сроки освоения и выпуска новой продукции и изделий растягивались на многие годы. Автоматизация и комплексная механизация охватыва-лине весьпроцесспроизводства, атолькоотдельныеучастки. В итоге в середине 80-х годов примерно треть рабочих в промышленности была занята примитивным тяжелым ручным трудом, в строительстве — более половины.

Действующая система показала свою неспособность не только заинтересовать трудящихся в результатах своего труда экономичес-кими методами, но и подрывал а стимулы к новаторству, к творческой активности и высокопроизводительному труду у людей.

В экономике республики в 70—80-е годы проявились все те деформации, которые были характерны для народного хозяйства страны в целом. Это прежде всего упрочение командно-административных методов управления. Игнорируя экономические стимулы, система надолго задержала экономику на рельсах экстенсивного развития. Господство государственной формы собственности, а по существу превращение ее в ведомственную собственность привело к отчужде-нию работников производства по отношению к средствам производ-ства. Система оплаты труда не была увязана с результатами труда. Основы хозяйственной жизни определились директивой ведомств, которые лишали предприятия всякой самостоятельности и инициа-тивы. Народное хозяйство несло большие потери от бесхозяйствен-ности, слабого внедрения новой техники и технологии. В республике это усугублялось диктатом центра в лице экономических ведомств. К середине 80-х гг. экономика республики оказалась в состоянии кризиса.

Разгул ведомственной бюрократии, жесткое директивное управ-ление «сверху», уравнительные тенденции в оплате труда, монопо-лизм государственной собственности и отчуждение работника от собственности и от результатов труда, сужение демократических начал в управлении производством имели своим результатом резкий спад творческой активности рабочего класса. В условиях жесткого директивногоуправления,когдатрудовомуколлективупредназнача-лась лишь роль исполнителя планов и распоряжений вышестоящих органов, привлечение рабочих к выполнению каких-либо управлен-ческих функций на предприятии носило формальный характер. Об-щественные организации, целью которых было привлечение рабочих к управлению производством, раз-

личные общественные бюро, комиссии, постоянно действующие производственные совещания и т. п. в подавляющем своем большинстве работали вхолостую. Боль-шое распространение получила мнимая, или юстративная активность, приписки в области общественной работы стали привычным делом. По отчетным данным общественных организаций считалось, что около 60% рабочих участвует в управлении производством. Факти-чески же по самооценкам рабочих не более 1/6 из них ощущали себя хозяевами на предприятии, реально влияющими на положение дел. Существующий хозяйственный механизм отторгал по-настояще-му инициативных и активных работников, не давал проявлять себя в полную силу новаторам производства. Одних система грубо подавляла, другие, поддерживаемые системой, годами оставал ись «маяками », хотя опыт их не находил распространения. Организация социалисти-ческого соревнования приобрела формальный характер. Хотя по официальным данным в нем участвовало свыше 90% рабочих, это практически не отражалось натемпах роста производства и произво-дительности труда, улучшении качества продукции, совершенствова-нии производства. Заформализованным оказалось после первона-чального всплеска и движение за коммунистическое отношение к труду. Производственная активность также не повышалась, а снижа-лась. Прямым следствием этого явилось падение темпов развития производства, ухудшение качества продукции, падение технологи-ческой и трудовой дисциплины, нарастание отставания в сфере науч-но-технического процесса. В производстве стали привычными равно-душие, небрежность, безынициативность, хищения и другие черты бесхозяйственного отношения к делу.

§ 2. Кризисные явления в сельском хозяйстве

Аграрная реформа, разработанная мартовским (1965 г.) Плену-мом ЦК КПСС, была попыткой перевода сельского хозяйства на интенсивный путь развития. Намечены были меры по перераспреде-лению национального дохода в пользу аграрного сектора, решению социальных проблем села, внедрению хозрасчета, повышению заку-почных цен на сельскохозяйственную продукцию. Но при этом неиз-менным оставались производственные отношения и система управ-ления этой сферой народного хозяйства.

Сельское хозяйство республики получило крупные инвестиции. В 1971—1989 гг. в него было вложено 58,2 млрд. руб., в том числе по объектам производственного назначения — 43 млрд. руб. Основные сельскохозяйственные производственные фонды в расчете на одного работника увеличились более чем втрое[12]. В результате к 1985 г. были полностью механизированы основные полевые работы — пахота, сев, уборка зерновых культур, на 75—98% — основные работы в животно-водстве. Однако комплексной механизации всех отраслей не было достигнуто. Ручной труд преобладал при посадке и уборке овощей, сборе плодов и ягод, на ремонтных работах[13].

Попытки решить проблемы сельского хозяйства только за счет увеличения объема капитальных вложений не дали ожидаемого эф-фекта. Более половины из них, до 55% направлялись на сооружение дорогосто-

ящих гигантских жвотноводческих комплексов, водохо-зяйственное строительство, приобретение сельхозтехники, вместо использования их на повышение плодородия земель, электрифика-цию, создание предприятий по хранению и переработке сельхозпро-дукции. Остаточный принцип господствовал и в социальной сфере обустройства аула и села. Такое пренебрежение к нуждам людей обернулось тем, что в 1987 г. более половины аульно-сельских насе-ленных пунктов не имели учреждений здравоохранения, почти поло-вина сельских больниц размещалась в неприспособленных помеше-ниях, каждая пятая больница не имела водопровода, канализации и пищеблоков.

Не оправдались надежды колхозов и совхозов улучшить свое положение за счет повышения закупочных цен на продаваемую государству сельхозпродукцию. Цены были увеличены примерно вдвое, а на промышленную продукцию для сельского хозяйства они поднялись в 2—5 раз. При этом цена на технику была оторвана от ее производительности. Монопольное право промышленных предпри-ятий устанавливать произвольные цены попирало ценовой паритет между промышленностью и сельским хозяйством. Предприятия вы-нуждали совхозы и колхозы брать ненужную им технику, которая чуть ли не сразу шла в ремонт. Аул и деревню буквально «грабили» предприятия Сельхозтехники, Сельхозхимии, мелиоративные и др. организации. Все это вело к росту себестоимости сельхозпродукции, сокращению размеров прибыли в сельском хозяйстве, снижению материальной заинтересованности сельских тружеников.

Предпринятые государством меры встретили гіоддержку кресть-янства и на первых порах оживили- хозяйственную деятельность совхозов и колхозов. В конце 60-х— начале 70-х гг. улучшилось снаб-жение населения продовольствием, промышленности — сырьем. Од-нако ожидаемого перелома в развитии аграрной сферы не произош-ло. Многое из того, что первоначально декларировалось и планиро-валось, осталось нереализованным. В то время как потребности населения и промышленности в сельскохозяйственной продукции, сырье росли, темпы ее прироста из года в год снижались.

Наращивание производства сельскохозяйственных продуктов в республике проходило крайне неравномерно. Наиболее высокие тем-пы прироста были достигнуты в девятой пятилетке — 3% в год и в 1986—1989 гг. — около 4% в год. В1981—1985 гг. фактически прироста валовой продукции не произоіїіло». Снижалась эффективность про-изводства, его фондоотдача, производительность труда, прибыль хо-зяйств, росла себестоимость продукции. Налицо были все признаки кризиса.

Неустойчивым было развитие зернового производства. При ста-билизации посевных площадей на уровне 25,5—25,1 млн. га урожай-ность зерновых имела тенденцию к снижению.

На протяжении трех пятилеток (1971—1985 гг.) несколько увели-чились валовое производство и государственные закупки хлопка, картофеля, овощей, но сократилось производство сахарной свеклы. Повышению урожайности и росту производства овощей и картофеля способствовало создание вокруг городов промышленных центров, специализированных государственных предприятий и совхозов пригородного

ы. [illegible] е решения о расширении хозяйственной самосто- [illegible] колхозов и совхозов глушились этой системой. Райкомы [illegible] исполкомы, сельскохозяйственные органы являлись сред- [illegible] административным путем как-то компенсировать [illegible] селе нормальных экономических отношений. Хозяйствен- [illegible] кадров парализовалась, ответственность их за результа- [illegible] снижалась, канцелярщина заменила конкретную орга- [illegible] работу. Предпринимавшиеся время от времени попытки [illegible] изменить систему управления сельским хозяйством оказы- [illegible] Очередным таким шагом к ликвидации колхозной [illegible] стало решение ЦК КПСС (1976 г.) о развитии в сель- [illegible] специализацми, кооперации и агропромышленной ин- [illegible]. На его основе происходило по существу насильственное со- [illegible] колхозов совхозов в межхозяйственные и так называемые [illegible] объединения. При создании этих объединений до- [illegible] крупные просчеты.

У [illegible] пайщиков отнимались финансовые и материальные ре- [illegible] сы их мало учитывались аппаратами межколхозных орга- [illegible]

[illegible] льтативными оказались и попытки радикального измене- [illegible] через создание районны- [illegible] (РАПО) наосноверешений майского

82 ма [illegible] РАПО наряду с совхозами и кол- [illegible] обслуживающих отраслей и прере- [illegible]. Как показала практика, такое объеди- [illegible] ось многом [illegible] ным. Р АПО не удалось развить [illegible] связи и преодолеть ведом-ственную разобщенность. [illegible] нередко выступали обслу-живающие организации и пе- [illegible] щие предприятия, которые присваивали себе прибыль, со- [illegible] значительной степени уси-лшими хозяйств.

[illegible] 60-х—70-х гг. усилились административные методы ун- [illegible] ным сектором экономики вопреки концепции хозяйствен- [illegible] й [illegible] 1965 г. Заметно стал сворачиваться процесс демократиза- [illegible] ого самоуправления, усилился контроль со стороны партий- [illegible] и административных органов за финансово-хозяй- [illegible] деятельностью колхозов и совхозов.

Закупочные цены часто не покрывали себестоимость продукции, от- [illegible] нарастало число убыточных хозяйств. Если в 1970 г. удельный вес [illegible] хозяйств совхозов составлял 26%, а колхозов — 4%, то в 1985 [illegible] были 53% совхозов и 49% колхозов. Прибыль в колхозах сократилась за этот период с 240,8 млн. до 83,4 млн. руб., совхозов с 97,4 [illegible] прибыли до 35,7 млн. руб. убытка. За исключени-ем произ- [illegible] птицы производство всех остальных продуктов жи-вотноводства [illegible] убыточным.

[illegible] отчуждения труженика от средств производства и резуль- [illegible] внеэкономического принуждения даже позитивные на пер- [illegible] порах меры, предпринимаемые государством, обращались в свою [illegible]. Так было, например, с введением в июле 1965 г. [illegible] денежной оплаты труда в колхозах. На первых порах

типа, в которых концентрировалось производство этих культур, не использовались прогрессивные методы и способы производства, повышающие урожайность, город оказывал селу эко-номическую и прак вую помощь.

Неравномерным было производство животноводческой продукции. Резкий скачок в увеличении производства молока в совхозах и колхозах произошел в девятой пятилетке (22%), в 1976—1980 гг. темпы прироста снизились до 8%, а в 1981—1985 гг. до 6%. В целом производство молока за 1971—1985 гг. возросло на 17,3%. Но этот прирост произошел исключительно на экстенсивной основе, за счет ростапоголовья коров, так как средний надой в общественном хозяй-стве за эти годы остался неизменным. После длительного застоя положение несколько изменилось в 1986—1989 гг., когда средний удой молока от одной коровы возрос на 2238 кг (12,3%).

В 1971—1985 гг. не было устойчивого роста производства мяса. Если в девятой пятилетке среднегодовые темпы прироста составляли 4,7%, то в 1976—1980 гг. они упали до 0,5% и несколько поднялись в 1981—1985 гг. (3%). Начиная с десятой пятилетки производство мяса в республике составляло более 1 млн. т. Примерно от одной четверти до одной пятой от общего производства мяса поставлялось в общесо-юзный фонд.

Наибольший темп прироста производства мяса был достигнут в птицеводстве, где среднегодовое производство продукции в 1989 г. в сравнении с 1970 г. возросло в 5 раз. Это стало результатом строительства широкой сети государственных птицефабрик, перевода отрасли на промышленнуютехнологию сцентрализованным кормообеспече-нием из государственных ресурсов.

Традиционной отраслью сельского хозяйства Казахстана явля-лось овцеводство. Поголовье овец до одиннадцатой пятилетки хотя и медленно, но возросло с31,8 млн. в 1971 г. до 35,2 млн голов в 1981 г. В 1981—1985 гг. рост почти прекратился, а производство баранины в 1970—1985 гг. сократилось с 272 тыс. т до 220 тыс. т. или на 19%. Причина тому существенное сокращение мясной продуктивности. Не случайно в 80-е гг. торговля в больших размерах стала реализовы-вать баранину ниже средней упитанности, т. н. «тощак». В этой отрасли накопилось немало проблем, сдерживающих ее развитие. Одной из них являлось культивируемое системой безразличие к тяжелому чабанскому труду, игнорирование трудовых навыков каза-хов в содержании скота, утрата прошедших испытания веками наро-дных производственных технологий.

В целом предпринятыегосударством меры по развитию сельского хозяйства оказались половинчатыми и мало что изменили в этой важнейшей отрасли народного хозяйства. В стремлении унифициро-вать сельскохозяйственное производство центральные органы уп-равления мало учитывали интересы республики в разделении и всестороннем развитии труда, региональные потенциальные воз-можности и потребности. В условиях действия единого народнохо-зяйственного комплекса страны усиливалась зависимость республи-ки от центра.

Одной из приЧин бедственного положения сельского хозяйства являлась безраздельная власть над крестьянином административной си

это подняло заинтересованность сельских тружеников в результате своего труда. Однако в дальнейшем денежная оплата утратила характер эквивалента труда. В оплате возобладали уравни-тельные тенденции, платили за отдельные операции независимо от конечного результата. Единые государственные тарифы, коэффици-енты и нормативы, на которых строилась зарплата тружеников села, слабо учитывали разницу в усло́виях труда, сложность и многообра-зие работ, люди часто получали деньги за выход на работу, а не за результат работы. Оплата труда опережала рост его производитель-ности. Это вело к тому, что нередко фонд оплаты труда в колхозе был выше валового дохода.

Нельзя сказать, что общество равнодушно относилось к положе-нию в сельском хозяйстве. На местах велись поиски лучшей органи-зации производства, повышения его эффективности. Но они не только не находили поддержки, но порой и карались. Трагически закончилась попытка изменить организацию труда в производстве и управлять опираясь на экономические рычаги, для руководителя опытного хозяйства по производству травяной муки совхоза Акчи Куртинского района Алма-Атинской области И. Н. Худенко. Соци-шiьная сушноть его эксперимента, проведенного в конце 60-х — начале 70-х гг. в совхозе «Илийский» и в опытном хозяйстве, заклю-чалась в соединении функций производства и управления, и выпол-нения этих функций непосредственно крестьянином, преодолевая его отчужденность от результатов труда. Условия эксперимента были согласованы с союзными и республиканскими органами. На основе внедрения новых форм организации и управления производством производительность труда в опытном хозяйстве увеличилась в 6 раз, заработки втрое по сравнению с обычными совхозами. Оплата труда была поставлена в зависимость от конечного результата. Хозяйство построило поселок с полным набором инженерного оборудования. В несколько раз снизилась себестоимость производства, работники осознали себя полными хозяевами производства. Но вместо поддер-жки и развития эксперимента хозяйство решением Минсельхоза республики было ликвидировано якобы по причине убыточности. Над организаторами эксперимента была учинена форменная распра-ва. Партийное руководство республики поддержало чиновников Минсельхоза в ликвидации эксперимента. Его итоги могли оказать-ся заразительными для других, подрывали существующую систему. Они «кололи глаза», показывая истинное положение дел в системе сельского хозяйства республики.

Система жестоко раСправилась с экспериментаторами. И. Худен-ко исключили из партии, обвинили в попытке хищения государствен-ных средств и судили. В тюрьме он скончался. Только в конце 80-х годов И. Н. Худенко был посмертно реабилитирован решением кол-легии Верховного суда Казахстана и названы поименно губители эксперимента.

В начале 80-х многострадальное сельское хозяйство, замученное бесконечным преобразованиями, укрупнениями, новыми видами уп-равления, экспериментами с технологией, с ценами, интеграцией и специализацией и т. д., находясь под жестким административным контролем, оказалось в кризисной ситуации. Попытки изменить положение путем принятия новых решений не дали существенных результатов.

В одиннадцатой пятилетке в республике сократились закупки зерна хлопка-сырца, сахарной свеклы, подсолнечника. Некоторый рост госпокупок мяса, молока и молочных продуктов, яиц не мог компенсировать возросшего спроса населения на эти продукты[14]. В городской местности было введено нормированное снабжение по ряду основных продуктов питания.

Выдвинутый в апреле 1985 г. ЦК КПСС курснаускорение социально-экономического развития страны, предполагавший изменения и в сельском хозяйстве, довольно быстро обнаружил свою несостоя-тельность. В агропромышленный сектор усилились капитальные вложения Были повышены закупочные цены, списаны долги с кол-хозов и совхозов, проведены очередные «совершенствования» управ-ления агропромышленным комплексом. Но, несмотря на многочис-ленные решения о расширении самостоятельности хозяйств, на прак-тике сохранялись нажимные методы руководства, а возросший аппа-ратуправления не пытался найти оптимальное сочетание централиз-ма и местной инициативы.

Неизменными оставались экономические отношения в сельском хозяйстве. Попытка изменить их путем введения арендных отноше-ний не удалась. Процесс перевода хозяйства на аренду приобрел характер очередной кампании и проводился административными методами. Арендные коллективы противопоставлялись другим фор-мам хозяйствования, создание их необоснованно форсировалось. Аренда не затронула глубинныхэкономических отношений, не изме-?ила принципиально возможностей трудящихся и их коллективов в присвоении средств и результатов труда, создаваемого дохода и рас-поряжения им. Крестьянин по-прежнему не являлся ни собственни-ком средств производства, ни хозяином производимой им продукции. Не получила к 1990 г. широкого распространения система фермер-ских хозяйств и свободных кооперативов. С одной стороны, ее внед-рение тормозилось руководителями колхозов и совхозов и местными партийными органами, с другой — психологической инерцией работ-ников колхозов и совхозов. В итоге происходило дальнейшее падение аграрного производства.

§ 3. Уровень жизни народа: тенденции и противоречия

Еще в середине 60-х гг. партийно-государственное руководство страны взяло курс на повышение денежных доходов населения. Это сыграло определенную положительную роль в повышении жизнен-ного уровня населения в сопоставлении с 40—50-ми гг. В первой половине 70-х гг. в производственных отраслях народного хозяйства были установлены новые ставки и оклады, минимум зарплаты дове-ден до 70 руб. в месяц. В 1977—1978 гг. были введены новые ставки и оклады для работников непроизводственной сферы. Если в 1965 г. только 4% населения имели доход 100 руб. и выше в месяц на члена семьи, то в 1977 г. почти 40%. В целом размер среднемесячной заработной платы рабочих и служащих республики за 1971—1989 гг. увеличился на 89%— со 123,7до 233,7 руб., урабочихпромышленности — соответственно на 93,6% со 133,9 до 259,3 руб. Существенно измени-лась зарплата у работников совхозов

со 121 до 247 руб. Увеличилась гарантированная заработная плата колхозников (100 и 210 руб.), оклады низкооплачиваемых слоев населения подтягивались к опла-те среднеоплачиваемых. Среднемесячная пенсия по возрасту подня-лась до 93,2 руб. в месяц вместо 51,1 руб[15].

Такой рост заработной платы годами выдавался за постоянно растущий уровень жизни народа, но на самом деле это мало соответ-ствовало действительности. Такие факторы, как повышение цен государством и предприятиями-монополистами, снижение качества товаров, рост дефицита, искусственно заниженный размер заработ-ной платы, уравниловка в оплате вели к стагнации жизненного уровня населения. Доля заработной платы в произведенной чистой продукции в промышленности страны постоянно снижалась, соста-вив в 1985 г. 36% против 58% в 1927 г.

На понижении реальных доходов населения сказывались и ин-фляционные процессы, долгоевремя скрывавшиеся государственны-ми органами от народа. С учетом годового темпа инфляции 4% (по оценке ученых) средняя реальная заработная плата за период 1970—1986 гг. снизилась на 20%. В 1985 г. рубль равнялся 54 коп. в сравнении с рублем середины 60-х гг. На XXV съезде КПСС руковод-ство партии было вынуждено признать, что сам по себе рост денежных доходов еще не означает реального подъема уровня жизни[16].

Несколько улучшилось в рассматриваемый период обеспечение населения за счет общественных фондов потребления. Значительная их часть шла на выплату пособий, пенсий и стипендий, получение бесплатного образования, на развитие здравоохранения, культурного и бытового обслуживания. В 1971 г. для колхозников установлен был такой же порядок начисления пенсий, как для рабочих и служащих. В 1972—1974 гг. были увеличены размеры пенсий в среднем на 33% инвалидам войны и труда, в 1975 г.—введены дополнительные льготы инвалидам Отечественной войны. Были приняты меры по охране материнствадетства,улучшеныматериально-бытовыеусяовияучас-тников Отечественной войны, увеличены пособия инвалидам с дет-ства. Однако указанные меры мало повлияли на повышение уровня жизни.

У величение номинального размера пенсий, пособий было невелико, а уровень, от которого шло увеличение,—низким. У значительной части населения, особенно пенсионеров, многодетных семей, доходы оставались низкими и не обеспечивали нередко даже прожиточного минимума. Существенное повышениецен в 70—80-е гг. как официаль-ное, так и скрытое на многие товары массового спроса, бытовые и коммунальные услуги, многие виды транспорта заметно снизили реальные доходы населения.

Нарастал дефицит. Из продажи исчезали дешевые товары для детей, людей пожилого возраста, не хватало многих продовольствен-ных продуктов. Ухудшилось качество продуктов питания, что одновременно означало их удорожание. Привычными стали много-часовые очереди, непременный атрибут советского строя.

В 70—80-е гг. большинство людей воспринимало советское общество как крайне несправедливое. Это было связано прежде всего с привилегиями партийно-государственной, военной, хозяйственной номенкла-

туры. Такие привилегии создавали специфическую форму социального неравенства и, по существу, означали формирование потребительских рынков с разной покупательной стоимостью рубля. Бюрократия строго соблюдалаиерархический принцип в распределе-нии привилегий. Их объем определялся должностным статусом.

Одной из самых острых проблем социальной сферы оставалась жилищная проблема.В рассматриваемый период произошли некоторые сдвиги в ее решении. Было построено 2208,7 тыс. квартир, около 13 млн. человек улучшили свои жилищные условия, получив новые, построив собственные квартиры или расширив свою жилплощадь[17]. Однако в связи с ростом населения обеспеченность жильем была неполной. Капитальные вложения в строительство жилья сокраща-лись, соответственно сокращалось число построенных квартир, не выполнялись планы жилищного строительства. Только в одиннадца-той пятилетке в республике не было введено почти 1,2 млн. кв. м. жилья, не выполнены планы по строительству школ, больниц, детских садов. В то же время в 70-х — начале 80-х гг. в столице республики и областных центрах строились дорогостоящие администрат-ивные объекты.

Подчинение экономики республики центральным ведомствам, недооценка проблем социально-культурной сферы, действие оста-точного принципа выделения ресурсов на ее развитие вели к тому, что по многим показателям, определяющим уровень жизни народа, Казахстан отставал от общесоюзных показателей. Декларируемое положение о выравнивании уровней развития союзных республик в 70—80-е гг. не произошло. Многие районы Казахстана, прежде всего расположенные в зоне действия Семипалатинского ядерного полигона, Приаралья, находились в бедственном положении. Десятки отдаленных сельских районов, населенных преимущественно корен-ным населением, не обеспечивались нормальной медицинской по-мощью, питьевой водой, овощами, фруктами, в них не хватало детских учреждений, библиотек и пр. Такое положение создавало объективную основу для резкого обострения противоречий между республикой и центром,

Рассматривая динамику уровня жизни населения республики в 70—80-е гг. в сравнении спослевоенным периодом, надо Iгоизнать, что положение основной части населения улучшилось. В большинстве семей появились телевизоры, холодильники, стиральные машины, наборы мебели, другие товары длительного пользования. Почти исчезли бараки — характерный атрибут довоенной и послевоенной жизни, сократилось число живущих в коммунальных квартирах. Все больше людей стали совершать туристические поездки за границу и по стране, лечились в санаториях, отдыхали в домах отдыха по льгот-ным путевкам.

Однако проблемы в социальной сфере нарастали быстрее, чем решались, остаточный принцип ее финансирования вел к от ставанию в качестве медицинского обслуживания, дошкольного воспитания, образования. Особенно неблагополучным было положение в сельской местности. Строительство жилья, культурно-бытовых объ-ектов, развитие сферы обслуживания все более отставало от нужд населения, вызывая его обоснованное недовольство. Усиливался дефицит продовольствия и ка-

чественных промышленных товаров, сократилась средняя продолжительность жизни. Массовым явлением стало безразличие к труду, хищения на производстве, падение трудовой дисциплины, пьянство, преступность, развивалась «теневая экономика». Все это свидетельствовало о наличии кризиса в социаль-ной сфере и объективно вело к подрыву тоталитарного режима. Разрушение командно-административной системы, становление рыночных отношений не привели к социальной справедливости, скорее наоборот. Она не только не возросла, но почти до основания разрушена. Произошло обострение социальных противоречий. Экономика была разрушена. Производство не растет, а снижается, а соответственно падает производительность труда и уровень потреб-ления. Социальная справедливость переросла в проблему социаль-ной защиты таких групп, как дети, пенсионеры, инвалиды, многодет-ные семьи. Исчезла уравниловка в оплате труда, но сама оплата далека от справедливости. Новые формы хозяйствования — подряд, аренда, кооперация, СП, частное предприятие, коммерческиебанки, акционерные общества и прочее—создают для людей, занятыхв этих формах, неоправданно высокие заработки. Большие нетрудовые со-стояния наживаются членами торгово-закупочных кооперативов. Развились в невиданных масштабах спекуляция и черный рынок. Социальная дифференциация еще более усилилась. Доходы большинства людей стали ниже потребительского минимума. Развитие инфляции, начавшаяся безработица лишают людей каких-либо надежд на будущее, негативно сказываются на материальном по-ложении населения.

§ 4. Политическая жизнь и национальные отношения

Деформации и ошибки в социально-экономической политике КПСС не могли не сказаться на национальных отношениях. Брежневское руководство представляло их идеальными и беспроблемными. Преувеличение достижений в решении национального вопроса вытекало из концепции развитого социализма. Именно в этот период в системе национальных отношений проблемы нарастали быстрее, чем решались.

Образованный в 1922 г. СССР, задуманный как федеральное государство, на самом деле превратился в унитарное. Союзные республики в нем имели ограниченные права и развивались как автономии, не имея реального суверенитета. Право наций на самоопределение фактически было забыто. На протяжении всей советской истории господствовал миф о том, что в условиях советского федерализма невозможнопоявлениеобособленческихтенденций, что у социалис-тических наций не может возникнуть потребность для выхода из федерации. И поэтому право наций на самоопределение партийные и государственные органы считали раз и навсегда осуществленным. Аргументом в пользу этогоутверждения служилото обстоятельство, что, несмотря на право свободного выхода из СССР, ни один народ не воспользовался им. При этом игнорировалась реальная действительность, когда подобное волеизъявление просто было невозможным в силу деформированности политической демократии.

В рассматриваемый период интернационализм был замкнут в догматические, идеологические рамки. Предполагалось, что лишь путем улучшения интернационального воспитания можно решить все национальные проблемы. Воспитание в этом направлении велось в отрыве от реальной жизни, ограничивалось пропагандой идеи интернационализации. В этом смысле интернациональное воспита-ние подменяло или вовсе заменяло национальную политику[18].

Несмотря на успехи в развитии культуры проблема духовного возрождения оставалась в тени. Национальная по форме культура, образование и воспитание на самом деле были переводными. В 70—80-е годы больше провозглашались советские обычаи, нежели национальные. В национальных республиках, в том числе в Казахста-не, в общественно-политической жизни преобладал европоцентризм, шел процесс абсолютизации роли русской культуры в развитии наро-дов и народностей СССР, что приводило к игнорированию прав социалистических республик на национальную государственность, государственный суверенитет и территориальную целостность. Придавался забвению целый пласт кочевой цивилизации и восточной культуры, являющийся неотъемлемой частью нашей истории, происходил процесс потери исторической памяти, когда настойчиво заставляли забыть все то, что было до Октябрьского переворота 1917 г. Наоборот, чрезмерно идеализировалась история советского периода. Официальные органы и пропаганда внушали всем, что настоящая история казахского и других народов Союза началась именно с 1917 года.

Форсированная интернационализация, стремление ускорить формирование советского народа как единой общности бюрократическими и репрессивными методами, безучета национальных интересов, привело к тому, что в национальной политике были допущены фундаментальные просчеты и серьезные ошибки. Междутем подлинный интернационализм невозможен без понимания национальных интересов «своей» и других наций. Национализм же возникает прежде всего как реакция на ущемление национальных интересов.

Неверное понимание интернационализма привело к тому, что языковую политику в Казахстане сводили лишь к поддержке языка межнационального общения, а о национальном языке умалчивали. Широко пропагандируемое двуязычие в республике было недостаточно обоюдным. Русским языком в республике владели около 60% казахского населения, тогда как казахским — менее 1% русских. Казахский язык выполнял только 10 из 50 социальных функций, необходимых для его полнокровного существования. Он не обслуживал делопроизводство, государственную, дипломатическую, армейскую жизнь, высшую школу, ограничиваясь бытовой сферой. 95% книг издавалось на русском языке, 70% телепередач выходили в эфир на русском языке. Кроме того, следует добавить то, что названия городов, населенных пунктов, колхозов, совхозов, озер, рек и гор работали на укрепление позиций русского языка. Имперская языковая политика в прежнем СССР означала резкое сокращение возможностей социальной мобильности для лиц, не владеющих русским языком.

Деформации в национальной политике, ужесточение политического

климата, нетерпимость власти к свободомыслию вызывало протест, особенно среди интеллигенции. Он проявлялся по-разному. В кругах студенчества, творческой и научной интеллигенции осужда-лась политика русификации республики, высказывалась озабоченность состоянием казахского языка, отсутствием суверенных прав у республики.

Так, в 1963 г. в Москве на основе ансамбля «Жас Тулпар» (Молодой тулпар) возникло одно из первых неофициальных объединений казахской молодежи, обучающейся в московских вузах. В начале оно объединяло в своих рядах около 800 студентов, позднее общество значительно пополнилось. Организаторами и активными членами «Жас тулпара» были М. Ауэзов, Б. Тайжанов, А. Кадыржанов, С. Акатаев, К. Тлеуханов, М. Татимов, М. Балтабаев, С. Байкеков, М. Сембин, М. Айтхожин и др. Подобные объединения затем возникли в Ленинграде, Киеве, Алма-Ате, Одессе, Риге, Павлодаре, Караганде, Акмолинске, Семипалатинске, Чимкенте и др. В Караганде оно называлось «Жас казак», в Семипалатинске — «Тайшубар». Таким образом, «Жас тулпар» превратился в неформальное студен-ческое движение. Молодежь организовывала лекции, концерты, эк-спедиции в аулы и села Джамбулской, Карагандинской, Омской, Уральской, Кзыл-Ординской, Чимкентской, Алма-Атинской, Акмо-линской областей, выступала с радикальными предложениями в вышестоящие инстанции по устранению имеющихся недостатков.

Отношение официальных властей к этому движению в целом было отрицательным, а его деятельность находилась под наблюдени-ем КГБ. Руководители «Жас тулпара» подвергались гонениям, угро-зам, как всегда их называли националистами. К концу 1966 г. деятель-ность «Жас тулпара» пошла на убыль, хотя она и продолжалась до конца 60-х годов. В свое время «Жастулпар» оказал немалое влияние на умы и сердца казахской молодежи. Под его влиянием были организованы ансамбли «Гульдер», «Дос-Мукасан», «Айгуль». Лидеры «Жас тулпара» — казахстанские шестидесятники в последующем стали известными в республике людьми, имеющими определенное влияние в ее общественно-политической жизни, сделали и делают многое для возрождения национального самосознания казахского народа.

Прекращение деятельности «Жас тулпара» и других подобных организаций свидетельствовало об ужесточении системы в 70-е годы. Несмотря на это проблемы национального возрождения казахского народа, которые особенно актуализировались и реализация которых стала возможным только в конце 80-х годов, пробивали себе дорогу. В 1974—1977 гг. Х. Кожахметовым была предпринята попытка создания среди казахской молодежи организации «Жас казак». Им была написана программа и клятва будущих членов этой организации.

Стержневым направлением практической деятельности партий-но-государственных структур в 70-е — начале 80-х гг. по-прежнему оставалась борьба против национализма, проявлений местничества и восхваления патриархального строя. Всякое инакомыслие пресекалось. Представители интеллигенции, чьи взгляды, отраженные в произведениях литературы и искусства, не вписывались в идеологию и догмы системы, подвергались пресяедованию. Такая участь, например, постигла талант-

ливую книгу поэта О. Сулейменова «Аз и Я». Оппоненты О. Сулейменова, выступая на страницах журналов «Молодая гвардия», «Москва», «Звезда» и др., ставили под сомнение идеологическую направленность и цель книги. В ряде выступлений она прямо определялась как националистическая, пантюркистская, антирусская. Поэта обвинили в переоценке и преувеличении роли тюрков в истории[20].

Власти всячески пресекали проявление свободомыслия и среди ученых. Так, в 1976 г. запрещено было издание книги «Познание мира традиционным казахским искусством», подготовленной авторским коллективом Института философии. Идейно вредной была признана книга антрополога. Исмагулова «Этническая геногеография Казахстана». Автора обвинили в ошибках методологического характера, в односторонней трактовке родоплеменных факторов в связи с современностью. Позже все эти обвинения были сняты.

Проявлением нараставших противоречий в национальных отношениях явились события лета 1979 г. в Целинограде. Они показали, что излюбленная практика центра регулировать национальные отношения командным методом, игнорируя интересы коренного населения, исчерпала себя. Попытка создания немецкой автономии в 1979 г. в Казахстане и выступления с протестом казахского населения и сегодня остаются одним из «белых пятен» политической истории республики.

Решение о создании немецкой автономной области в Казахстане было принято на заседании Политбюро ЦК КПСС весной 1979 г. без согласования с правительством и Верховным Совстом республики[21]. Несмотря на свою антиконституционность оно не вызвало какого-либо заметного противодействия со стороны руководства Казахской ССР, втом числе и ЦК Компартии Казахстана. Вобласть предполагалось включить ряд районов Акмолинской, Павлодарской, Карагандинской и Кокчетавской областей, центром был выбран город Ерментау.

Сведения о создании автономной области быстро распространи-лись по республике и вызвали справедливое возмущение казахского населения. Утром 16 июня группы казахской молодежи, в основном из числа студентов вузов и техникумов областного центра собрались на центральной площади города. Молодежь несла транспаранты на казахском и русском языках «Казахстан неделим!», «Нет немецкой автономии!» и др. Митинг принял обращение, осуждающее решение Кремля о создании немецкой автономии.

Партийное руководство области и города, действуя в традициях тоталитарной системы свелофактдемонстрации и возмущение населения непродуманным решением Политбюро к недостаточному уровню идеологической работы. В студенческие общежития были направлены группы пропагандистов для «разъяснительной работы». Заявив о том, что решения о создании автономии не существует, руководство области не без участия руководства республики по существу дистанцировалось от автономистского проекта Политбюро ЦК КПСС.

19 июня в Целинограде состоялась еще одна демонстрация. Ее возглавили ветераны войны и труда, аксакалы, приехавшие из районов. По оценкам разных очевидцев в ней участвовало от 2 до 4 тысяч человек.

Демонстранты передали руководителям области обращение, направленное против образования автономии. Вслед за Целиноградом небольшие митинги и демонстрации состоялись в Атбасаре, Ерментау, Кокчетаве. Репрессивная кампания, последовавшая после этих выступлений, оказалась ограниченной и не сопровождалась (уникальный для эпохи застоя случай) судебными разбирательствами даже по административным делам. Но руководство республики и КГБ приложили все усилия для того, чтобы информация о демонстрациях не получила широкого распространения. Ни в печати, ни на партийных активах и пленумах нельзя было найти даже краткого упоминания о происшедшем.

Напряженность, годами копившаяся в национальных отношениях, неспособность и нежелание системы менять национальную политику при начавшемся реформировании общества в середине 80-х годов привели к открытому столкновению молодой неокрепшей демократии с административно-командной системой в декабре 1986 г. В основе декабрьских событий в Алматы лежит комплекс исторических, социально-экономических и политических факторов. Исторические корни уходят в колониальную политику царизма, которая была продолжена большевиками в ходе осуществления индустриализации, коллективизации, освоения целины и залежных земель. В результате происходило неуклонное демографическое «размывание» нации, бесконтрольный грабеж общесоюзными министерствами и ведомствами национальных богатств, игнорирование экономических интересов казахского народа. Игнорировался государственный суверенитет Казахстана, национальная государственность оставалась простой декларацией.

Выступление казахской молодежи в декабре 1986 г., национальное по форме, не было националистическим. Оно не было направлено против других народов, в том числе против русского. Демонстрация была мирной и носила политический характер, не содержала призывов к свержению государственного строя.

Однако со стороны партийно-бюрократических структур республики и центра это выступление было оценено как бунт кучки националистически настроенной экстремистской части молодежи. Начав с обвинения ее в «казахском национализме», система логически пришла к нарушению национального равноправия.

Правда о характере декабрьских событий, об их масштабах и последствиях утаивалась. Постановление ЦК КПСС «О работе Казахской республиканской партийной организации по интернациональному и патриотическому воспитанию трудящихся», от которого ждали глубокого анализа и всесторонней, объективной оценки событий, вызвало не просто разочарование, а было воспринято как незаслуженное оскорбление целого народа.

Такая оценка призвана была оправдать применение силы и различные репрессивные меры по отношению к участникам событий. В масштабной кампании репрессий основной упор был сделан на поиск организаторов и тайной организации. Следствие по уголовным делам велось в сжатые сроки, поверхностно. Были проведены открытые судебные процессы, повсеместно состоялись комсомольские, партийные, проф-

союзные собрания, на которых настойчиво рекомендовалось исключать участников событий из институтов, увольнять с работы. В ходе этих мероприятий было осуждено 99 человек, из высших учебных заведений исключили 264 человека, из комсомола — 758 человек, различным мерам наказания были подвергауты 1164 членов ВЛКСМ, из КПСС соответственно 52 и 210 человек. Из органов МВД было уволено 1200 чел., из министерств здравоохранения и транспорта — 309, сняты с работы 12 ректоров вузов. Только в первой половине 1988 г. прошли аттестацию 78,2% партийных, 98% советских, 94% профсоюзных и 66% комсомольских работников[22].

Партийные органы оказывали давление на правоохранительные органы в сторону вынесения обвинительных приговоров, а прокуратура не реагировала на творимые беззакония. Официальные данные о последствиях событий противоречивы[23].

При подавлении беспорядков силы охраны порядка совершили неоднократные и вопиющие нарушения законности — избиение задержанных, вывоз их зимой полуодетыми за город, помещение без санкции прокурора в следственные изоляторы и изоляторы временного содержания на несколько суток. При разгоне использовались дубинки, малые саперные лопатки, служебные собаки[24]. Словом, в действиях органов власти без особого труда можно обнаружить весь арсенал средств и методов репрессивной машины, используемых в прошлом для защиты тоталитарной власти.

Таким образом, главной причиной кризисных, застойных явлений в обществе были не столько тоталитаризм и административная система, сколько нерешенность национальных проблем. Именно нерешенность в рамках СССР национального вопроса, отсутствие в республиках подлинной национальной государственности привели к утверждению административно-командной и однопартийной коммунистической системы, всесилию тоталитаризма. Соответственно этому центральное правительство, КПСС строили национальную политику. Столь важная сфера жизни общества решалась фактически на общественных началах: по существу она была отдана на откуп партийным органам и на деле подменялась интернациональным воспитанием, которое ограничивалось лишь пропагандой идей интернационализма.

Равноправие субъектов Союза подменялось патерналистской политикой России в отношении других республик. Низкий уровень развития самой России в целом и отсутствие демократических традиций оказали негативное влияние на другие республики.

§ 5. Казахстан во внешней политике СССР. Движение «Невада — Семипалатинск»

Внешняя политика СССР в 70-е — начале 80-х годов была наполнена противоречиями. На партийных съездах оценка политики носила положительный характер, создавая видимость полного успеха страны на международной арене. В определении приоритетов внешней политики руководство страны исходило как и в годы сталинизма из антагонистического противопоставления двух мировых систем и классовых принципов, полагая, что в мире происходит переход от капитализма к соци-

ализму, что соотношение сил неуклонно меняется в пользу мировой системы социализма и необходимо поддерживать все те силы, которые ориентируются на эту систему. Эта поддержка носила как моральный, так и материальный характер. Такая политика правящих кругов наносила ущерб стране и нарушала основные международные законы о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств. Надо сказать, чтото же самое делалось и правительством США. США и ее союзники рассматривались как главная агрессивная сила, стоящая на пути революционных преобразований, происходящих в мире.

В начале70-х гг. советское руководство сделало ставку на политику разрядки международной напряженности. Нормализовались отношения с США, исходя из общих интересов этих двух государств.

Событием большой важности стало Совещание по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе, состоявшееся в 1975 г. в Хельсинки (Финляндия). Принятый на нем Заключительный акт явился своеобразным сводом новых принципов межгосударственных отношений, отвечающих требованиям политики мирного сосуществования. Во второй половине 70-х годов процесс разрядки замедлился, а в начале 80-х СССР, США и другие страны втянулись в новый виток «холодной войны» и в беспрецедентную гонку вооружений.

В декабре 1979 г. СССР ввел свои войска в Афганистан. Решение об этом было принято узким кругом советского руководства во главе с Брежневым без обсуждения в правительстве, Верховном Совете. Не были поставлены в известность руководители среднеазиатских республик, граничащихся Афганистаном. Афганская авантюра подорвала доверие международной общественности к внешнеполитическому курсу СССР, спровоцировала новый виток напряженности. Советский народ, воспитанный в беспрекословном подчинении партии и государству, в очередной раз поверил официальному объяснению необходимости ввода войск в Афганистан, хотя многие понимали, что это губительная авантюра. Но лишь отдельные лица открыто и решительно осудили ее. Среди них был академик А. Д. Сахаров.

Казахстан сполна ощущал насебе противоречивый характер внешней политики СССР. В конце 60—70-е гг. расширились международные, культурные, экономические и научные связи республики. В 1977 г. число стран, с которыми поддерживались такие связи, достигло 96. Росла доля Казахстана во внешней торговле СССР. Продукция казахстанских предприятий поставлялась почти в 80 стран мира.

Однако экспорт товаров был представлен в основном энергоносителями и сырьем и лишь в небольшом объеме продукцией машиностроения — экскаваторы, бульдозеры, волочильные станы, медицинская аппаратура, сельхозмашины и т. д. Республика же получала технологические линии, станки, дорожно-строительное оборудование, дизель-электростанции, электровозы, мебель, одежду, обувь, медикаменты, электротовары, продукты питания и т. д. Экономические связи Казахстана с зарубежными странами были не прямыми, а через союзные ведомства, которые планировали экспорт и импорт и значительная доля средств от экспорта «оседала» в этих ведомствах. Республике не разрешалоеь даже частично тратить на свои нужды валютные средства, которые причита-

лись ей за экспортируемую продукцию в довольно большом количестве.

Казахстан оказывал научно-техническое содействие и медицинскую помощь ряду государств Азии и Африки. Казахстанские специалисты работали на сооружении промышленных объектов в Индии, Ираке, МНР, НДРИ, Алжире, Турции, Нигерии, на Кубе, участвовали в строительстве ирригационных сооружений во Вьетнаме, Болгарии, Кубе. Казахская ССР являлась участником международных выставок и ярмарок. Заметным явлением в культурной и научной жизни Казахстана стали проведенные в 70-е годы в Алма-Ате международные конференции и симпозиумы по линии СЭВ и ООН, в частности международная конференция Всемирной организации здравоохранения, V Конференция писателей стран Азии и Африки, III музыкальная трибуна стран Азии, международные семинары по народному образованию, библиотечному делу, проблемам безопасности движения и др.

Широкими были научные контакты казахстанских ученых с зарубежными коллегами. Академия наук республики участвовала в исследовании 31 проблемы и темы с научными учреждениями стран СЭВа. Углубились культурные контакты. Признание за рубежом получили творческие коллективы Казахского государственного оркестра народных инструментов им. Курмангазы, Казахского государственного ансамбля классического танца, ансамбля «Отрар сазы», народные артисты СССР Е. Серкебаев, Б. Тулегенова, А. Днишев, а также Р. Рымбаева, Ж. Аубакирова, А. Мусаходжаева, Г. Кадырбекова и др. Свои произведения, исполнительское мастерство демонстрировали в странах Европы, Азии, Африки и Америки казахские писатели, художники, музыканты, мастера оперы и балета.

Расширение международных связей имело фасадную и оборотную сторону. Последнее вытекало из диктата центра и чрезмерной идеологизации политики. Все связи, состав лиц, выезжающих за границу, жестко контролировался партийным и министерским аппаратом и КГБ. Гнет идеологического начальства не допускал каких-либо отклонений от намеченных заранее программ и выступлений, которые призваны были пропагандировать только «успехи и расцвет» культуры и экономики Казахстана. Лица, выпускаемые за рубеж, тщательно просеивались через фильтр «благонадежности». Руководителями различных делегаций и групп, включая туристические, были, как правило, номенклатурные работники партийных, советских или профсоюзных органов и министерств, имевших тесные связи с КГБ. Свободный выезд за границу был запрещен. Ограничены были контакты обществоведов с иностранными учеными, занимающимися поблемами советологии. Обсуждение каких-либо острых проблем, связанных с трагической историей казахского народа после Октября не рекомендовалось.

Для зарубежной, впрочем как и для советской, общественности неведомой оставалась поэзия Шакарима и М. Жумабаева, проза, публицистика и научные труды Ж. Аймаутова, М. Дулатова, С. Асфендиярова, А. Байтурсынова, А. Букейханова и др. При направлении за границу специалистов в аппаратах министерств проявлялись коррупция и взяточничество. Научные статьи и сообщения, направляемые за рубеж, подверга-

лись предварительно жесткой цензуре. Средства массовой информации усиленно создавали «образ врага», мешавший нормальному восприятию реального мира.

Обострение «холодной войны», гонка вооружений тяжелым бременем ложились на экономику республик, включая Казахстан. Республика превратилась в гигантский ядерный полигон оборонного комплекса страны. Помимо того, на ее территории к 1985 г. располагалось 43 крупных предприятия ВПК, охватывающих приоритетные сферы производства. Они воздвигались союзными министерствами без какого-либо согласия республики, нередко вопреки ее интересам. Развертывая производство, они как правило завозили сюда специалистов и квалифицированных рабочих из других республик, нисколько не заботясь о подготовке рабочих кадров из коренного населения, пренебрежительно относясь к его нуждам. Многие предприятия ВПК были экологически вредными, нанося ущерб здоровью населения и природе.

Казахстан продолжал занимать видное место в обеспечении военно-стратегического паритета СССР и США, в частности в модернизации ядерного потенциала страны. Действовали Семипалатинский ядерный, Уральский и другие полигоны для испытаний атомного и других видов оружия. В 80-е годы в общей сложности под полигонами, различными военными объектами было занято около 18 млн. га казахстанской земли. Только Семипалатинский ядерный полигон занимал 8372 кв. км[26] При этом земля забиралась под эти объекты по решению центральных органов без какого-либо согласования и предварительного уведомления республиканских органов. Безмолвными и безропотными рабами системы оказались в этой ситуации высшие должностные лица республики. Ни один из них не возвышал свой голос против ядерных испытаний, которые несли бедствия и нужду народу.

Всего на Семипалатинском и других полигонах было произведено более 500 взрывов ядерных устройств. Десятилетиями замалчивалось воздействие этих взрывов на здоровье населения и окружающую среду. По данным ученых за годы испытаний на полигоне подверглось хроническому облучению ионизирующей радиацией не менее 500 тыс. жителей Семипалатинского региона[27].

Подземные испытания ядерного оружия губительно влияли на состояние обводнительных сооружений в области, нарушали ток подземных вод, снизили дебит водозаборных скважин. Содержание йода, цезия, стронция в кормах и продуктах животноводства в районах вблизи полигона в 30—100 раз выше, чем в отдаленных от полигона районах. Вплоть до 1990 г. министерства обороны и здравоохранения скрывали подлинные данные о воздействии испытаний атомного оружия на здоровье людей. Отсутствовала и какая-либо компенсация людям, подвергшимся облучению. У многих из них, особенно тех, кто проживал на территории, прилегающей к полигону во время атмосферных испытаний в 1949—1963 гг., проявлялись различные заболевания, особенно онкологического характера. Смертность населения от этих заболеваний только в Семипалатинской области за 1975—1985 гг. возросла в 7 раз, наблюдалось снижение деторождаемости, рост психических заболеваний и самоубийств[28].

Помимо Семипалатинского полигона в разные года на территории республики было произведено 38 ядерных взрывов различной мощности в 27 местах. Наиболее активно в этих целях использовалась Атырауская область, где в общей сложности произошло 17 испытаний оружия массового уничтожения. Восемь ядерных зарядов взорвано на полигонах в Приуралье, остальные—в Актюбинской, Акмолинской, Южно-Казахстанской областях[29]. Полигоном для испытаний бактериологического оружия был остров Возрождения в Аральском море.

По существу Казахстан за 40 лет испытаний атомного оружия стал местом ядерной катастрофы. Ее масштабы, последствия до сих пор остаются неизвестными. Совершено было преступление против народа, все делалось втайне, скрытно. Для устранения радиоактивного заражения нужны огромные средства и многие десятилетия.

Изменения, начавшиеся с весны 1985 г. во внутриполитической жизни страны, сказались и на внешнеполитической деятельности советского государства. На место старых догм абсолютизации классовых ценностей и интересов, конфронтационного подхода, делившего мир на две антагонистические системы, пришло понимание того, что приоритет во внешней политике должен быть отдан общечеловеческим ценностям и характер развития мирового сообщества должен определиться не взаимной конфронтацией и борьбой, а мерой реализации общечеловеческого интереса. Суть последнего — в сохранении земной цивилизации, в совместном разрешении экологических, продовольственных, межнациональных и иных проблем современности, в обуздании гонки вооружений.

Советское руководство предприняло конкретные шаги по выходу из тупика конфронтации между Востоком и Западом. В 1985 г. СССР в одностороннем порядке наложил мораторий на свои ядерные испытания. Год молчали полигоны, но в 1987 г. испытания возобновились. В конце 1988 г. Советский Союз принял решение о значительном одностороннем сокращении своих Вооруженных Сил. Эти акции подняли престиж советской внешней политики и развенчали представление об СССР как об «империи зла».

Одним из наиболее значительных достижений перестройки стало урегулирование афганского конфликта. Действия советских войск в Афганистане обходились стране ежегодно в 5 млрд. руб. Тысячи советских семей потеряли близких и родных в этой войне. Не обошла эта война и Казахстан. В ней участвовало 21979 человек из республики. Из них около 780 погибло, 393 стали инвалидами, 22—пропали без вести[30]. В 1988 г. СССР начал вывод своих войск из Афганистана, завершив его в феврале 1989 г. Эта акция подняла престиж СССР в мировом сообществе, показала его готовность делами подкреплять свои миротворческие инициативы. Советская внешняя политика обретала динамизм, которого она была лишена в годы застоя. Улучшились советско-китайские отношения, что имело немаловажное значение для Казахстана, соседствующего с КНР.

Несмотря на смягчение международной обстановки СССР по-прежнему содержал крупную армию и гигантский военно-промышленный комплекс. Провозглашенный руководством страны приоритет общечеловеческих ценностей внутри страны не согласовывался с крупными зат-

ратами на военные расходы, с продолжающимися испытаниями ядерного оружия и его наращиванием. По-прежнему гремели взрывы на Семипалатинском полигоне.

Изменения, происходившие в стране во внутриполитической жизни, вызвали рост народной инициативы и подъем национального самосознания в Казахстане. Одним из проявлений этого явилось формирование народного антиядерного движения. Демократическая общественность Казахстана впервые в СССР выступила с требованием — прекратить испытания и закрыть Семипалатинский полигон.

В феврале 1989 г. на митинге общественности республики было положено начало первому советскому движению «Невада—Семипалатинск». Возглавил его известный общественный деятель, поэт О. Сулейменов. Движение получило мощную поддержку всего населения Казахстана. Его отделения были созданы во многих городах и регионах страны. За короткое время оно стало одним из наиболее действенных общественных движений. Его поддержала и международная общественность, выступающая за ядерное разоружение. 6 августа 1989 г. на митинге Движения близ с. Караул Семипалатинской области было принято обращение к народам и президентам СССР и США о необходимости совместного моратория. В нем говорилось: «Наша степь содрогается от ядерных взрывов, и мы не можем больше молчать. Это 40 лет испытаний, которые вместили в себя тысячи и тысячи Хиросим. Страхом перед будущим отравлено наше сознание. Мы боимся пить воду, есть пищу, рожать детей. Мы организовали Движение «Невада — Семипалатинск», чтобы бороться за прекращение испытаний ядерного оружия в Казахстане, отстоять наше исконное право на мир и безопасность в собственном доме».

Развернулась отчаянная борьба с ВПК за прекращение ядерных испытаний. После долгих лет молчания и унижения человеческого достоинства народ поднял голову и сказал — «Нет!» — ядерным взрывам. О ядерной опасности заговорили ученые в печати, парламентарии на сессиях, медики открыто обсуждали влияние радиации на здоровье людей и методы их лечения, а главное — впервые был услышан голос жертв ядерных испытаний, тех, кто потерял здоровье в результате облучения. Под мощным напором общественности, поддержанной Верховным Советом республики, союзное правительство вынуждено было пойти на сокращение взрывов на Семипалатинском полигоне. В1989 г. из 18 запланированных взрывов на полигоне остановлено было 11. Впервые был установлен мораторий на взрывы не на основе правительственных соглашений на высшем уровне, а благодаря активным действиям общественности.

По инициативе Движения «Невада — Семипалатинск» в Алма-Ате в мае 1990 г. был проведен международный конгресс «Избиратели мира против ядерного оружия», с целью объединения усилий всех антиядерных движений мира за полное прекращение испытаний оружия во всех ядерных державах.

Решающее значение для прекращения испытаний атомного оружия в Казахстане имело обретение республикой независимости. В Декларации о государственном суверенитете Казахстана заявлялось о полном

прекращении разработки, производства и испытания ядерного и других видов оружия массового уничтожения на территории республики. 28 августа 1991 г. Президент Казахстана Н. А. Назарбаев подписал Указ о закрытии Семипалатинского полигона. Таким образом народ Казахстана своими решительными действиями первым остановил крупнейший в стране ядерный полигон и этим внес серьезный вклад в процесс всеобщего ядерного разоружения. После остановки Семипалатинского полигона был объявлен мораторий на российском, американском, французском полигонах.

1. *Сарсурин А. Г.* Деятельность КПСС по индустриальному развитию Казахстана 1955—1975 гг.). Алма-Ата, 1981. С. 72.
2. Народное хозяйство Казахстана в 1971 г. Алма-Ата. 1972. С. 22.
3. Экономика Казахстана за 60 лет (1917—1977 гг.). Алма-Ата, 1977. С. 73.
4. Народное хозяйство Казахстана в 1987 г. Стат. ежегодн. Алма-Ата. 1988. С. 27; Народное хозяйство Казахстана в 1971 г. Стат. ежегод. Алма-Ата. 1972. С. 236.
5. Народное хозяйство Казахстана п 1985 г. Алма-Ата. 1986. С. 37.
6. Народное хозяйство Казахстана. 1987. № 1. С. 3—4.
7. Народное хозяйство Казахстана в 1985 г. С. 31—32. 192.
8. О прошлом для будущего. Алма-Ата, 1990. С. 234.
9. Народное хозяйство Казахстана за 70 лет. Алма-Ата. 1990. С. 294.
10. Народное хозяйство Казахстана в 1985 г. С. 163.
11. Народное хозяйство Казахстана в 1987 г. С. 1 2. О прошлом для будущего. С. 240.
12. Народное хозяйство Казахстана за 70 лет. С. 224.
13. Народное хозяйство Казахстана в 1987 г. Алма-Ата. 1988. С. 23. Народное хозяйство Казахстана за 70 лет. С. 217.
14. Народное хозяйство Казахстана п 1987 г. С. 75, 1 17.
15. Народное хозяйство Казахстана за 70 лет. С. 29—33.
16. Материалы XXV съезда КПСС. М.. 1977. С. 54.
17. Народное хозяйство Казахстана за 70 лет. С. 74, 76.
18. *Абдулатипов Р. Г.* Человек и нация. Общество. М., 1991. С. 171.
19. Подробно см.: *Данчяров Т.* Жас тулпар // Лениншіл жас. 1990. 21—27 апреля (№77—81).
20. Вопросы истории. 1976. № 9. Вопросы языкознания. 1976. № 9. *О. Сулейменов.* Эссе, публицистика. Стихи, поэмы. Азия. Алма-Ата, 1990. С. 586—590.
21. *Поцдморов. В.* Вариант справедливости. — «Немецкая газета». Еженед. приложение к «Дойче Альгемайне». Алма-Ата. 1991. 20 июня, № 24.
22. Подробно см. Алма-Ата. 1986. Декабрь. Алма-Ата. 1991. Кн. 1—II (на каз. и рус. яз.). С.9. 35. 75.
23. Там же. С. 27-28.
24. Там же. С. 27-28. 61.
25. *Кошанов А. К.* Региональные проблемы разгосударствления и приватизации // На переломе. М,. 1992. С. 20.
26. Экокурьер. Алма-Ата, 1992. 10 июля.
27. Бюллетень Международного конгресса: «Избиратели мира против ядерного оружия». Алма-Ата. 14—26 мая. 1990 г.
28. Там же.
29. Известия. 1992. 29 октября.
30. *Таукенов С. С.* Воспитательная работа в частях Среднеазиатского военного округа в 1969—1980 гг.: История и уроки. Автореф. канд. дис. Алма-Ата, 1992. С. 23.

Глава 6. КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ КАЗАХСТАНА (1917-1992 гг.)

§ 1. Преодоление массовой неграмотности населения и развитие народного образования

В начале XX в. основная масса населения края не умела читать и писать. Поэтому сразу же после революции стали открываться школы и курсы для обучения взрослых. В ноябре 1917 г. Аулие-Атинский городской Совет рабочих и солдатских депутатов, рассмотрев вопрос об орга-

низации школы грамотности, решил выделить на эти цели необходимые финансовые средства[1]. В начале 1918 г. школы для неграмотных открылись в Верном, Семипалатинске, Акмолинске и других местах, где имелись соответствующие материальные условия и культурные силы.

В 1920 г. при местных отделах народного образования были созданы чрезвычайные комиссии по ликвидации безграмотности, которые занимались организацией учета неграмотных, подготовкой педагогических кадров, организацией курсов и школ, изданием учебных пособий. Позже эту работу проводили местные отделения Всесоюзного общества «Долой неграмотность». Повсеместно проводились «однодневки», «трехдневки», «месячники», читались лекции, проводились беседы.

В преодолении тяжелого наследия прошлого наибольшую активность проявила молодежь. По ее инициативе в 1928 г. прошел «культурный поход», ставший впоследствии действенной формой борьбы с неграмотностью.

Ликвидация неграмотности проходила в нелегкихусловиях: недоставало средств, не хватало учителей, учебников, пособий, письменных принадлежностей. Дело осложнялось также непродуманными алфавитными реформами. В конце 20-х гг. казахская письменность была переведена с арабской графики на латинскую, через десять лет — с латинской на современную кириллицу. Таким образом, один и тот же человек трижды обучался начальной грамоте.

Во второй половине 30-х гг. появились районы, колхозы и совхозы сплошной грамотности. В 1939 г. уровень грамотности населения Казахстана достиг 83,6%[2]. Полностью искоренить азбучную неграмотность помешала Великая Отечественная война.

После войны эта работа возобновилась и приняла широкий размах в 50-е годы в связи с прибытием из КНР десятков тысяч репатриантов-казахов. В 1959 г. 12 тыс. учителей республики, используя опыт 20—30-х гг., участвовали в мероприятиях по ликбезу[3]. Окончательно ликвидация неграмотности завершилась к концу 60-х гг. В 1970 г. в составе населения Казахстана доля неграмотных составила всего 0,3% против 3,1% в 1959 г[4].

После революции в Казахстане сложилась качественно новая система народного образования, главные принципы которой были определены Положением ВЦИК от 16 октября 1918 г. «Об единой трудовой школе» и постановлением Наркомпроса РСФСР от 31 октября 1918 г. «О школах национальных меньшинств». Огромную тягу к знаниям проявляли сами народные массы. С большой заинтересованностью они участвовали в сооружении школ, интернатов, обеспечении учащихся школьным оборудованием, учебно-письменными принадлежностями, в социально-бытовом обустройстве учительской интеллигенции.

Подвижность казахского кочевого населения требовала творчес-кого подхода к организации школьного дела. Появились школы с общежитиями, заметно выросло число начальных школ. К началу первой пятилетки в республике функционировало 3747 начальных школ против 1953 в 1914/15 учебном г. В них обучалось более 90% всех школьников республики[5].

Правда, материальные условия большинства школ оставались тяжелыми. Многие казахские дети не посещали школы. К концу восстановительного периода среди 233 тыс. учащихся насчитывалось только 70,8 тыс. детей казахов, или 30,4%. Охват детей школьного возраста коренного этноса начальным обучением составлял 18%[6].

Новый этап школьного образования начался с 1930 г., когда был введен начальный всеобуч. Комсомол Казахстанаустановил шефство над всеобучем. Комсомольцы организовали ремонт школьных поме-щений, занимались обеспечением детей обувью, одеждой, горячими завтраками, проводили субботники и воскресники. Увеличилось издание учебников и методической литературы. В1930 г. для начальных школ было издано 12 названий учебников общим тиражом 555 тыс. экз., в 1932 г. — 22 названия тиражом 948 тыс. экз.[7].

К концу второй пятилетки всеобщее начальное обучение в основном завершилось. В 1935 г. 91% детей школьного возраста был охвачен обучением против 42% в 1929 г. и 81% — в 1933 г. В 1937 г. уровень охвата детей начальным обучением достиг 96%[8].

Однако отставало развитие среднего и неполного среднего обра-зования. Накануне войны доля семилетних и средних школ не превы-шала 1/3, затянулось становление казахской средней школы. Лишь в 1935/36 уч. году первые одиннадцать детей казахов окончили среднюю казахскую школу.

Тоталитарный режим идеологизировал школу. Учебники, партийные, комсомольские и пионерские организации, учителя утверждали в сознании и поведении молодого поколения догмы сталинизма. Искажены были и функции школы. Во второй половине 30-х гг., например, вся работа по укреплению и развитию казахской школы подчинялась задаче по уничтожению разрыва «между потребностями техникумов и вузов в казахских контингентах и выпусками из средней казахской школы»[10].

Трудности школьного образования крайне обострились с началом Великой Отечественной войны. Ослабла учебно-материальная база, часть учителей и старшеклассников ушла в армию или на производство. За период 1940/41—1945/46 уч. года численность учащихся сократилась на 30, учителей — на 14%».

Первоочередной задачей школьного образования в 50-х гг. было осуществление всеобщего семилетнего обучения, в 60-е гг. — восьмилетнего, а в 70-е гг. — общего среднего. Большое значение придавалось вовлечению девушек-казашек в школы. Продолжался поиск путей и форм соединения обучения с производительным трудом. В 1984 г. началась школьная реформа по переходу к обучению детей с шестилетнего возраста, созданию учебно-материальной базы для трудового обучения, включению в учебную программу новых предме-тов.

Вместе с тем в развитии школьного образования нарастали недостатки. Партийный диктат над школой нарастал. Идеологизация учебно-воспитательного процесса дополнилась погоней за валовыми показателями,формализациейучебногопроцесса,безразличие мучащихся к учебе. Усилилась деэтнизация школьного образования. Если в 1948/49 уч. году 48% школ системы Министерства просвещения республики были казахскими, хотя дети коренного насел ения составляли 36% всех учащихся,

то в 1955/56 уч. году 43% общеобразовательных школ функционировали на русском языке с охватом 66% учащих-ся,более 100 тыс. казахскихдетейпосещалирусские школы.За20лет (1950—1970 гг.) число казахских школ сократилось с 3891 до 2577, тогда как число русских школ с преподаванием на русском языке увеличи-лось на 1,5 тыс. В 1989/90 уч. году 49% общеобразовательных школ Министерства народного образования Казахстана, где училось 67% учащихся, вели обучение на русском языке, 32% школ — на казахском языке[12].

Кризис школьного образования отражал деформации в экономи-ке, политике и идеологии.

Дореволюционный Казахстан располагал мизерным количест-вом профессиональных учебных заведений — в семи техникумах и училищах обучались 352 человека. Они не составляли и 1% общей численности студентов России. Если в масштабе России на 10 тыс. человек населения приходились три учащихся средних специальных учебных заведений, то в Латвии и Литве — 5,6 в России и на Украине — 4, в Казахстане всего 0,5[13]. Кадры высшей квалификации готови-лись за пределами края.

Первые преобразования после революции выявили острый недо-сток кадров специалистов. Для решения проблемы на местах при-нимались конкретные меры. Постановлением Семиреченского об-ластного Совета в марте 1918 г. в г. Верном было создано Семиреченс-кое сельскохозяйственное училище на 22 учащихся. 30 октября 1918 г. Семиреченский областной комиссариат просвещения известил об открытии 10 ноября 1918 г. мусульманской учительской семинарии в г. Верном в составе двухподготовительных и одного основного класса с предоставлением наиболее нуждающимся стипендии[14]. В1919—1920 гг. в Оренбурге и Семипалатинске открылись институты народного образования, 1-й ударный техникум высшего типа с трехгодичным курсом обучения. Однако очень скоро выяснилось, что молодежь не имеет достаточной подготовки для учебы в профессиональных учеб-ных заведениях. В этой связи были организованы рабочие факульте-ты. Первый рабфак Казахстана открылся в 1921 г. в Оренбурге.

Отсутствие в необходимом количестве профессорско-преподава-тельских кадров, хозяйственная разруха, медленный подъем школь-ного образования задержали процесс организации высшей школы в Казахстане до конца 20-х гг. В годы первой пятилетки открылись КазПИ им. Абая, ветеринарно-зоотехнический, сельскохозяйствен-ный, медицинский институты в Алма-Ате, пединститут в Уральске, геологоразведочный институт в Семипалатинске. В 1931 г. КазПИ им. Абая окончили первые 53 студента[15].

Накануне Великой Отечественной войны в Казахстане было уже 20 высших и 118 средних учебных заведений, в которых обучались более4-0тыс. студентов.Запятьлет(1936—1940 гг.)онивыпустили 24,4 тыс. специалистов, в том числе 1,7 тыс. — для промышленности и строительства, 1,2 тыс. — для транспорта и связи, 4,9 тыс. — для сельского хозяйства, почти 9 тыс.—для просвещения и искусства, 4,7 тыс. — для здравоохранения[16].

Вузы и техникумы Казахстана, несмотря на высокие темпы развития, не удовлетворяли потребности народного хозяйства в кадрах, по-

скольку многие из них находились на стадии становления, некоторые были просто карликовыми. В составе студентов и профессорско-преподавательских кадров медленно росла численность представи-телей коренного населения. В 1936 г. из 42 преподавателей КазГУ было лишь 8 казахов. В 1940 г. среди студентов Алма-Атинского ветеринарно-зоотехнического института удельный вес казахов со-ставлял всего 12%". Проблемы высшей школы усугублялись сталинскими репрессиями, унесшими жизни выдающихся ученых и педагогов А. Байтурсынова, С. Асфендиярова, Х. Досмухамедова, Т. Жургенева, У. Джандосова и др.

В годы войны сетьвысшей школы расширилась: открылись Алма-Атинский институт иностранных языков, Чимкентский технологический институт, Казахский государственный женский пединститут, Казахская государственная консерватория им. Курмангазы, институт физической культуры. Число студентов в вузах Казахстана выросло с 10,4 тыс. в 1941 г. до 15,1 тыс. в 1945 г.»[5].

Однакововсехотрасляхнародногохозяйствареспубликивпервые послевоенные годы ощущалась острая нехватка квалифицированных кадров. В 50-е годы открылось 13 институтов: зооветеринарный и медицинский в Семипалатинске; медицинский, политехнический и педагогический в Караганде; педагогические институты в Гурьеве, Кустанае, Чимкенте и др.

В 60-е—80-е гг. открылось еще 27 высших и свыше 100 средних специальных учебных заведений, т. е. почти столько же, сколько за весь предыдущий период. Увеличился и перечень специальностей, по которым готовились кадры. В 1986 г. в 55 вузах и 246 техникумах и училищах обучались 550 тыс. студентов и учащихся по более чем 200 специальностям[19]. Масштабы перемен хорошо видны на сравнитель-но-сопоставительном фоне: всего за два года (1978—1979 гг.) вузы и техникумы выпустили столько специалистов, сколько в течение 50-х гг. На протяжении всего послевоенного периода наиболее уязвимым участком в жизни высшей школы оставалась слабость учебно-материальной базы. Долгое время не хватало буквально всего: учебных помещений, общежитий, учебников, стипендиального фонда, парт, стульев, тумбочек, постельных принадлежностей. В учебных заведениях использовалось морально и физически устаревшее оборудование, приборы, механизмы, средства обучения.

Квалификационный состав профессорско-преподавательских кад-ров не соответствовал предъявляемым требованиям. В 1960 г. лишь 99 человек, или 2,2% штатных преподавателей вузов имели звание профессора или степень-доктора наук. Доцентов, кандидатов наук насчитывалось 921 человек — 20,3% всего профессорско-преподавательского состава вузов[20]. Ситуация менялась медленно. К 90-м г. более половины профессорско-преподавательского персонала вузов не имели ученых званий и степеней. Количество докторов наук, профессоров непревышало 2% общей численности вузовскихпедаго-гов. В шести высших учебных заведениях докторов наук вовсе не было[21].

Изъяны в материально-техническом обеспечении и кадровом потенциале высшей школы отражались на качестве подготовки специалистов. Но наибольший ущерб делу нанесла идеологизированная политика

партийно-государственных структур в отношении профессиональных учебных заведений. Гонения и репрессивные меры против ученых, вузовских работников, начатые еще в 20-е гг., продолжались до самой смерти Сталина. И в дальнейшем жизнь высшей школы строилась на принципах партийности и классовости. Поэтому контакты и связи университетов, институтов и техникумов с аналогичными учебными заведениями стран несоциалистического лагеря носили символический характер. Содержание многих учебных программ, пособий и учебников не было ориентировано на выработку самосто-ятельного творческого мышления, на изучение новейших достижений науки, техники и технологий. При комплектовании кадрового и студенческого корпуса допускалось взяточничество, трайбализм и другие формы социальной несправедливости.

§ 2. Наука

Состояние науки и ее уровень в послеоктябрьском Казахстане определялись такими объективными принципами, как малочисленность научной интеллигенции и отсутствие сложившихся научно-исследовательских центров. Историко-статистический отдел при штабе Казвоенкомата (1919 г.), Ученая Комиссия отдела просвещения Казревкома (1920 г.), Академический центр Наркомпроса (1921 г.) ограничивались организацией работ краеведческо-прикладного характера.

Постепенно активизировалась деятельность Оренбургского, Туркестанского отделов, Семипалатинского и Алматинского подотде-лов Российского географического общества.

В 20-е гг. в Казахстане работали многочисленные стационарные и экспедиционные отряды Комиссии по изучению естественных производительных сил (КИЕПС), Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик (ОКИСАР) АН СССР и др. Их деятельность проходила под руководством крупных ученых: академиков И. М. Губкина, А. Н. Самойловича, А. Е. Ферсмана, профессоров А. А. Григорьева, С. И. Руденко и др., внесших большой вклад в изучение недр, фауны и флоры Казахстана, истории и этнографии казахского народа.

В 1920 г. группа энтузиастов во главе с ученым-краеведом А. П. Чулошниковым организовала Общество изучения Казахстана, объявившего своей целью изучение Казахстана и сопредельных областей в историко-археологическом, естественно-географическом, этногра-фическом и экономическом отношениях. Общество опубликовало труды А. Ф. Рязанова, А. Диваева, М. Тынышпаева, М. Дулатова, А. П. Чулошникова, не потерявшие значения и сегодня.

Появились первые научно-исследовательские учреждения: в 1922 г. Краевая химико-бактериологическая лаборатория при Нарком-здраве КАССР, в 1924 г. — Краевая станция защиты растений, в 1925 г. — Санитарно-бактериологический институт при Наркомздрава и Ветеринарно-бактериологический институт при Наркомземе, в 1926 г. Институт удобрений и агропочвоведения. К 1932 г. в Казахстане функционировали уже 12 научно-исследовательских институтов, 15 опытных станций, 186 опорных пунктов, лабораторий, гидрометеостан-ций, ряд геологоразведочных

организаций[22]. Тогда же создается Казахстанбкая база АН СССР, реорганизованная в 1938 г. в Казахстан-ский филиал АН СССР. Научные центры сложились в ряде высших учебных заведений. Общесоюзное признание получили результаты геологической и биологической наук, публикации историка С. Д. Асфендиярова, филолога К. К. Жубанова, а также работы профессо-ра А. Н. Сызганова по изучению и лечению зобной эндемии.

Научный потенциал Казахстана вырос в годы Великой Отечес-твенной войны. Это связано прежде всего с временным пребыванием в республике эвакуированных крупнейших ученых и научных учреждений. В годы войны ученую степень кандидата наук и доктора наук получило около 130 преподавателей вузов республики, было организовано семь новых институтов Казфилиала АН СССР. В 1945 г. в структуре Казфилиала имелось 16 институтов, 7 секторов, работали 6 академиков и членов-корреспондентов АН СССР, 60 докторов наук и профессоров, свыше 140 кандидатов наук. Казфилиал организовал свыше 350 экспедиционных отрядов, которые внесли достойный вклад в мобилизацию природных ресурсов Казахстана на нужды фронта[23].

Крупнейшим событием после войны стало открытие Академии наук Казахстана, которое состоялось 1 июня 1946 г. В состав действительных членов (академиков) АН КазССР вошли выдающиеся ученые М. О. Ауэзов, А. Б. Бектуров, М. И. Горяев, А. К. Жубанов, Н. Г. Кассин, Н. Т. Сауранбаев, членов-корреспондентов — Н. У. Базанова, Р. А. Борукаев, А. Х. Маргулан, М. И. Усапович и др. Первым президентом был избран К. И. Сатпаев.

Ряд научных разработок Академии получил мировое признание. В 1958 г. за разработку методики и составление комплексных металлогенических и прогнозных карт Центрального Казахстана ученые И. И. Бок, Р. А. Борукаев, Г. Ц. Медоев, Д. Н. Казанли, К. И. Сатпаев и др. были удостоены Ленинской премии. Цикл работ по открытию и изучению информосом — нового класса внутриклеточных частиц, выполненный группой ученых, среди них кандидатом биологических наук М. А. Айтхожиным, удостоен Ленинской премии в 1976 г.

Исследования ученых способствовали освоению крупных месторождений нефти и газа на Южном Мангышлаке и Урало-Эмбенском бассейне, строительству канала Иртыш — Караганда, внедрению почвозащитной системы земледелия. Работники биологических и сельскохозяйственных наук вывели новые сорта озимой и яровой пшеницы, кукурузы, проса, люцерны, картофеля. Ученые зооветеринары вывели несколько новых пород сельскохозяйственных живот-ных: казахская тонкорунная овца, архаромеринос, казахский белоголовый крупный рогатый скот, алатауская мясомолочная порода крупного рогатого скота, кустанайская верхово-упряжная порода лошадей.

В 70—80-е гг. увидели свет пятитомная «История Казахской ССР», десятитомный «Толковый словарь казахского языка», одиннадцати-томная монографическая работа «Металлогения Казахстана», «Млекопитающие Казахстана» в девяти книгах, труды по «Флоре Казахстана» в девяти томах, ряд фундаментальных монографий по диалектической логике.

Заметным явлением в области общественныхнаук стало изучение и

партийно-государственных структур в отношении профессиональных учебных заведений. Гонения и репрессивные меры против ученых, вузовских работников, начатые еще в 20-е гг., продолжались до самой смерти Сталина. И в дальнейшем жизнь высшей школы строилась на принципах партийности и классовости. Поэтому контакты и связи университетов, институтов и техникумов с аналогичными учебными заведениями стран несоциалистического лагеря носили символический характер. Содержание многих учебных программ, пособий и учебников не было ориентировано на выработку самосто-ятельного творческого мышления, на изучение новейших достижений науки, техники и технологий. При комплектовании кадрового и студенческого корпуса допускалось взяточничество, трайбализм и другие формы социальной несправедливости.

§ 2. Наука

Состояние науки и ее уровень в послеоктябрьском Казахстане определялись такими объективными принципами, как малочисленность научной интеллигенции и отсутствие сложившихся научно-исследовательских центров. Историко-статистический отдел при штабе Казвоенкомата (1919 г.), Ученая Комиссия отдела просвещения Казревкома (1920 г.), Академический центр Наркомпроса (1921 г.) ограничивались организацией работ краеведческо-прикладного характера.

Постепенно активизировалась деятельность Оренбургского, Туркестанского отделов, Семипалатинского и Алматинского подотде-лов Российского географического общества.

В 20-е гг. в Казахстане работали многочисленные стационарные и экспедиционные отряды Комиссии по изучению естественных производительных сил (КИЕПС), Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик (ОКИСАР) АН СССР и др. Их деятельность [illegible] руководствовали крупных ученых: академиков И. М. Губкина, А. Н. Самойловича, А. Е. Ферсмана, профессоров А. А. Григорьева, С. И. Рудненского, внесших большой вклад в изучение недр, фауны и флоры Казахстана, истории и этнографии казахского народа.

В 1920 г. группа энтузиастов во главе с ученым-краеведом А. П. Чулошниковым организовала Общество изучения Казахстана, объявившее своей целью изучение Казахстана и сопредельных областей в историко-археологическом, естественно-географическом, этногра-фическом и экономическом отношениях. Общество опубликовало труды А. Ф. Рязанова, А. Диваева, М. Тынышпаева, М. Дулатова, А. П. Чулошникова, не потерявшие значения и сегодня.

Появились первые научно-исследовательские учреждения: в 1922 г. — Краевая химико-бактериологическая лаборатория при Нарком-здраве КАССР, в 1924 г. — Краевая станция защиты растений, в 1925 г. — Санитарно-бактериологический институт Наркомздрава и Ветеринарно-бактериологический институт при Наркомземе, в 1926 г. Институт удобрений и агропочвоведения. К 1932 г. в Казахстане функционировали уже 12 научно-исследовательских институтов, 15 опытных станций, 186 опорных пунктов, лабораторий, гидрометстан-ций, ряд геологоразведочных

организаций[22]. Тогда же создается Казахстанбкая база АН СССР, реорганизованная в 1938 г. в Казахстан-ский филиал АН СССР. Научные центры сложились в ряде высших учебных заведений. Общесоюзное признание получили результаты геологической и биологической наук, публикации историка С. Д. Асфендиярова, филолога К. К. Жубанова, а также работы профессо-ра А. Н. Сызганова по изучению и лечению зобной эндемии.

Научный потенциал Казахстана вырос в годы Великой Отечес-твенной войны. Это связано прежде всего с временным пребыванием в республике эвакуированных крупнейших ученых и научных учреждений. В годы войны ученую степень кандидата наук и доктора наук получило около 130 преподавателей вузов республики, было организовано семь новых институтов Казфилиала АН СССР. В 1945 г. в структуре Казфилиала имелось 16 институтов, 7 секторов, работали 6 академиков и членов-корреспондентов АН СССР, 60 докторов наук и профессоров, свыше 140 кандидатов наук. Казфилиал организовал свыше 350 экспедиционных отрядов, которые внесли достойный вклад в мобилизацию природных ресурсов Казахстана на нужды фронта[23].

Крупнейшим событием после войны стало открытие Академии наук Казахстана, которое состоялось 1 июня 1946 г. В состав действительных членов (академиков) АН КазССР вошли выдающиеся ученые М. О. Ауэзов, А. Б. Бектуров, М. И. Горяев, А. К. Жубанов, Н. Г. Кассин, Н. Т. Сауранбаев, членов-корреспондентов — Н. У. Базанова, Р. А. Борукаев, А. Х. Маргулан, М. И. Усанович и др. Первым президентом был избран К. И. Сатпаев.

Ряд научных разработок Академии получил мировое признание. В 1958 г. за разработку методики и составление комплексных металлогенических и прогнозных карт Центрального Казахстана ученые И. И. Бок, Р. А. Борукаев, Г. Ц. Медоев, Д. Н. Казанли, К. И. Сатпаев и др. были удостоены Ленинской премии. Цикл работ по открытию и изучению информосом — нового класса внутриклеточных частиц, выполненный группой ученых, среди них кандидатом биологических наук М. А. Айтхожиным, удостоен Ленинской премии в 1976 г.

Исследования ученых способствовали освоению крупных месторождений нефти и газа на Южном Мангышлаке и Урало-Эмбенском бассейне, строительству канала Иртыш — Караганда, внедрению почвозащитной системы земледелия. Работники биологических и сельскохозяйственных наук вывели новые сорта озимой и яровой пшеницы, кукурузы, проса, люцерны, картофеля. Ученые зооветеринары вывели несколько новых пород сельскохозяйственных живот-ных: казахская тонкорунная овца, архаромеринос, казахский белоголовый крупный рогатый скот, алатауская мясомолочная порода крупного рогатого скота, кустанайская верхово-упряжная порода лошадей.

В 70—80-е гг. увидели свет пятитомная «История Казахской ССР», десятитомный «Толковый словарь казахского языка», одиннадцати-томная монографическая работа «Металлогения Казахстана», «Млекопитающие Казахстана» в девяти книгах, труды по «Флоре Казахстана» в девяти томах, ряд фундаментальных монографий по диалектической логике.

Заметным явлением в области общественныхнаук стало изучение и

издание наследия Аль-фараби, Ч. Ч. Валиханова, И. Алтынсарина.

К 90 гг. 32 научныхучреждения АН Казахстана были объединены шестью отделениями: физико-математических наук, наук о Земле, химико-технологических, биологических, общественных наук и Центрально-казахстанским отделением наук. Общее число сотрудников составило 10994 человека, из них научных сотрудников — 4475, в том числе 244 доктора и 1798 кандидатов наук[24].

Однако наряду с успехами в работе казахстанской науки были и крупные проблемы. Отставали темпы подготовки научных кадров и организация научных учреждений по важнейшим направлениям научно-технического прогресса — машиноведению, радиоэлектронике, радиотехнике, автоматике. Слабая координация академической, вузовской и отраслевой науки привела к многотемности, распылению научных сил, отсутствию должной концентрации их на разработке важнейших направлений, параллелизму и дублированию научных работ.

Резко снизилась эффективность научных разработок. Так, в 1985 г. экономическая эффективность одной внедренной разработки по сравнению с 1980 г. снизилась почти вдвое. Ни одно научное учреждение республики не вошло в созданные в стране научно-производ-ственные комплексы.

§ 3. Художественная литература

За годы советской власти художественная культура Казахстана не раз переживала взлеты и падения. Если к моменту победы Октября литература и музыкальная культура казахского народа имели доста-точно богатую историю развития, то изобразительное, театральное и киноискусство находились в зачаточном состоянии или вовсе отсут-ствовали. Творчество художественной интеллигенции четко отража-ло классовое и идейно-политическое расслоение казахского общест-ва, утверждало приоритет классовых принципов над общечеловечес-кими. Надолго прекратились связи Казахстана со странами Цен-тральноазиатского региона, Китаем.

В 20—30-е гг. широкой известностью пользовались произведения Ж. Аймауытова, А. Байтурсынова, М. Жумабаева, Ш. Кудайбердиева, С. Сейфуллина, С. Торайгырова, И. Джунусова, Б. Майлина. Лите-ратурное движение обогатилось именами М. О. Ауэзова, С. Муканова, Г. Мусрепова, Г. Жарокова, Г. Орманова, У. Турманжанова, яркими представителями устного народного творчества были Дж. Джабаев, Н. Байганин, О. Шипин, К. Азербаев, И. Байзаков и др.

Признанным лидером тех, кто без колебаний встретил победу Октября, был революционер и поэт С. Сейфуллин, принявший актив-ное участие в установлении Советской власти на Акмолинщине. Будучи председателем СНК КАССР он вел большую научно-педаго-гическую деятельность.

Верность идеям революции С. Сейфуллин сохранил до конца жизни[26].

Поэта М. Жумабаева современники еще при жизни называли казахским Блоком. Его лирика отличалась тонкостью, новаторством, глубоким

постижением чистоты и красоты человеческой души. Им переведены на казахский язык произведения Гете, Гейне, М. Ю. Лермонтова, М. Горького и др. Но поэтический талант М. Жумабаева не всегда получал правильную оценку. Так, 24 ноября 1924 г. состоя-лось собрание студентов-казахов, обучавшихся в Коммунистическом университете народов Востока в Москве. Предметом обсуждения был сборник избранных стихов М. Жумабаева с предисловием С. Ходжа-нова. Вывод участников обсуждения был категоричен: «Магжан в большинстве рисует прошлое, ищет старое, воспевает национализм, эгоизм, распущенность... его стихи, по существу, имеют явно контрре-волюционную направленность», его творчество направлено «не на объединение трудящихся Казахстана с пролетариатом и крестьян-скими массами других стран, не на интернациональное единство, а, наоборот, на их разобщение и совращение с революционного пути, блуждание в потемках...»[24].

В стихотворениях и поэмах М. Жумабаева предпочтение отдано общечеловеческим ценностям, гуманизму, нежели принципам партийности и классовости. Поэт открыто выражает свою любовь к родной степи, ее жителям, обычаям и традициям, выдержавшим испытание временем, не без подозрений воспринимает расширение границ урбанической, городской культуры, восхищается неповтори-мой красотой восточной женщины и богатством ее духовного мира. Во втфюй половине 20-х гг. зарождается профессиональное теат-ральное искусство и казахская национальная живопись. Певец А. Кашаубаев с большим успехом выступил в концертных залах Парижа, Франкфурта-на-Майне. Накануне Великой Отечественной войны в Казахстане работали Казахский государственный академи-ческий драматический театр, Республиканский русский театр драмы, Казахский государственный театр оперы и балета, Оркестр нацио-нальных инструментов, Симфонический оркестр, Республиканский театр кукол, Союзы художников, писателей Казахстана. Свыше 600 человек обучались в шести учебных заведениях по искусству.

Крупным явлением в казахской литературе военных лет стала первая книга романа-эпопеи М. Ауэзова «Абай». Г. Мусрепов опуб-ликовал повесть «Солдат из Казахстана», Центральная объединен-ная киностудия, организованная на базе эвакуированных «Мосфиль-ма», «Ленфильма» и Алма-Атинской киностудии, создала фильмы «Секретарь райкома», «Русские люди», «Жди меня», «Григорий Ко-товский», «Георгий Саакадзе» и др. Казахский академический театр оперы и балета осуществил постановку оперы Пуччини «Чио-Чио-Сан», Чайковского «Евгений Онегин», балетных спектаклей «Бахчи-сарайский фонтан», «Жизель» Минкуса и др. Композиторы Е. Бруси-ловский, М. Тулебаев, Л. Хамиди написали Государственный гимн Казахской ССР.

В послевоенный период художественная литература республики обогатилась новыми творениями писателей А. Нурпеисова, Т. Ахта-нова, Б. Момыш-улы, С. Муканова, Г. Мустафина, поэтов К. Аманжо-лова, Х. Ергалиева, Ж. Мулдагалиева, Х. Бекхожина, драматургов А. Абишева, А. Тажибаева и др. Всемирное признание получил роман-эпопея М. Ауэзова «Путь Абая». Академик К. И. Сатпаев отметил, что это не только выдающееся художественное произведе-ние, но и огромный по цен-

издание наследия Аль-фараби, Ч. Ч. Валиханова, И. Алтынсарина.

К 90 гг. 32 научныхучреждения АН Казахстана были объединены шестью отделениями: физико-математических наук, наук о Земле, химико-технологических, биологических, общественных наук и Центрально-казахстанским отделением наук. Общее число сотрудников составило 10994 человека, из них научных сотрудников — 4475, в том числе 244 доктора и 1798 кандидатов наук[24].

Однако наряду с успехами в работе казахстанской науки были и крупные проблемы. Отставали темпы подготовки научных кадров и организация научных учреждений по важнейшим направлениям научно-технического прогресса — машиноведению, радиоэлектронике, радиотехнике, автоматике. Слабая координация академической, вузовской и отраслевой науки привела к многотемности, распылению научных сил, отсутствию должной концентрации их на разработке важнейших направлений, параллелизму и дублированию научных работ.

Резко снизилась эффективность научных разработок. Так, в 1985 г. экономическая эффективность одной внедренной разработки по сравнению с 1980 г. снизилась почти вдвое. Ни одно научное учреждение республики не вошло в созданные в стране научно-производ-ственные комплексы.

§ 3. Художественная литература

За годы советской власти художественная культура Казахстана не раз переживала взлеты и падения. Если к моменту победы Октября литература и музыкальная культура казахского народа имели доста-точно богатую историю развития, то изобразительное, театральное и киноискусство находились в зачаточном состоянии или вовсе отсут-ствовали. Творчество художественной интеллигенции четко отража-ло классовое и идейно-политическое расслоение казахского общест-ва, утверждало приоритет классовых принципов над общечеловечес-кими. Надолго прекратились связи Казахстана со странами Цен-тральноазиатского региона, Китаем.

В 20—30-е гг. широкой известностью пользовались произведения Ж. Аймаутова, А. Байтурсынова, М. Жумабаева, Ш. Кудайбердиева, С. Сейфуллина, С. Торайгырова, И. Джунсугурова, Б. Майлина. Лите-ратурное движение обогатилось именами М. О. Ауэзова, С. Муканова, Г. Мусрепова, Т. Жарокова, Г. Орманова, У. Турманжанова, яркими представителями устного народного творчества были Дж. Джабаев, Н. Байганин, О. Шипин, К. Азербаев, И. Байзаков и др.

Признанным лидером тех, кто без колебаний встретил победу Октября, был революционер и поэт С. Сейфуллин, принявший актив-ное участие в установлении Советской власти на Акмолинщине. Будучи председателем СНК КАССР он вел большую научно-педаго-гическую деятельность.

Верность идеям революции С. Сейфуллин сохранил до конца жизни[26].

Поэта М. Жумабаева современники еще при жизни называли казахским Блоком. Его лирика отличалась тонкостью, новаторством, глубоким

постижением чистоты и красоты человеческой души. Им переведены на казахский язык произведения Гете, Гейне, М. Ю. Лермонтова, М. Горького и др. Но поэтический талант М. Жумабаева не всегда получал правильную оценку. Так, 24 ноября 1924 г. состоялось собрание студентов казахов, обучавшихся в Коммунистическом университете народов Востока в Москве. Предметом обсуждения был сборник избранных стихов М. Жумабаева с предисловием С. Ходжа-нова. Вывод участников обсуждения был категоричен: «Магжан в большинстве рисует прошлое, ищет старое, воспевает национализм, эгоизм, распущенность... его стихи, по существу, имеют явно контрре-волюционную направленность», его творчество направлено «не на объединение трудящихся Казахстана с пролетариатом и крестьян-скими массами других стран, не на интернациональное единство, а, наоборот, на их разобщение и совращение с революционного пути, блуждание в потемках...»[2].

В стихотворениях и поэмах М. Жумабаева предпочтение отдано общечеловеческим ценностям, гуманизму, нежели принципам партийности и классовости. Поэт открыто выражает свою любовь к родной степи, ее жителям, обычаям и традициям, выдержавшим испытание временем, не без подозрений воспринимает расширение границ урбанической, городской культуры, восхищается неповтори-мой красотой восточной женщины и богатством ее духовного мира. Во втфюй половине 20-х гг. зарождается профессиональное теат-ральное искусство и казахская национальная живопись. Певец А. Кашаубаев с большим успехом выступил в концертных залах Парижа, Франкфурта-на-Майне. Накануне Великой Отечественной войны в Казахстане работали Казахский государственный академи-ческий драматический театр, Республиканский русский театр драмы, Казахский государственный театр оперы и балета, Оркестр нацио-нальных инструментов, Симфонический оркестр, Республиканский театр кукол, Союзы художников, писателей Казахстана. Свыше 600 человек обучались в шести учебных заведениях по искусству.

Крупным явлением в казахской литературе военных лет стала первая книга романа-эпопеи М. Ауэзова «Абай». Г. Мусрепов опуб-ликовал повесть «Солдат из Казахстана», Центральная объединен-ная киностудия, организованная на базе эвакуированных «Мосфиль-ма», «Ленфильма» и Алма-Атинской киностудии, создала фильмы «Секретарь райкома», «Русские люди», «Жди меня», «Григорий Ко-товский», «Георгий Саакадзе» и др. Казахский академический театр оперы и балета осуществил постановку оперы Пуччини «Чио-Чио-Сан», Чайковского «Евгений Онегин», балетных спектаклей «Бахчи-сарайский фонтан», «Жизель» Минкуса и др. Композиторы Е. Бруси-ловский, М. Тулебаев, Л. Хамиди написали Государственный гимн Казахской ССР.

В послевоенный период художественная литература республики обогатилась новыми творениями писателей А. Нурпеисова, Т. Ахта-нова, Б. Момыш-улы, С. Муканова, Г. Мустафина, поэтов К. Аманжо-лова, Х. Ергалиева, Ж. Мулдагалиева, Х. Бекхожина, драматургов А. Абишева, А. Тажибаева и др. Всемирное признание получил роман-эпопея М. Ауэзова «Путь Абая». Академик К. И. Сатпаев отметил, что это не только выдающееся художественное произведе-ние, но и огромный по цен-

ности научный труд. «Мимо этой книги, — подчеркнул он, — не пройдет ни один историк, изучающий прошлое казахского народа, ученый-филолог почерпнет из него богатый мате-риал как из области формирования и становления казахского лите-ратурного языка; ученый-этнограф найдет здесь интереснейшие де-тали жизни и быта, ныне уже ушедшие в прошлое; главы романа, посвященные описанию охоты с беркутом на лисиц, свадебных и поминальных обрядов казахов, обстановки и картин суда биев, могли бы явиться, каждая в отдельности, законченной научной работой в этнографическом отношении; ученые-экономисты получат яркую и правдивуюкартинуструктурыскотоводческогохозяйстваКазахстана XIX века, своеобразных форм классовой борьбы в нем; ученые-юристы почерпнут здесь ценнейшие сведения о правовой жизни степи — от шариата до суда биев...»-».

В 60—80-е гг. казахская литература добилась серьезных успехов благодаря творчеству И. Есенберлина, М. Макатаева, Т. Айбергено-ва, О. Сулейменова, М. Шаханова, К. Мырзалиева, Ф. Онгарсыновой, А. Кекильбаева, О. Бокеева и др.

В золотой фонд музыкальной культуры Казахстана вошли оперы М. Тулебаева «Биржан и Сара», Е. Брусиловского «Дударай», К. Кожамьярова «Назугум», песни композиторов Ш. Калдаякова, Л. Хамиди, Н. Тлендиева, А. Еспаева, И. Жаханова и др.

Добрые традиции, заложенные еще А. Кашаубаевым, приумножи-ли Б. Тулегенова , Е. Серкебаев, А. Днишев, Р. Баков, Р. Багланова, Р. Рымбаева.

Лучшими творениями киноискусства республики стали «Бота-гоз», «Его время придет», «Меня зовут Кожа», «Кыз-Жибек», «Конец атамана», «Транссибирский экспресс», «Султан Бейбарс». Успехи казахского кино во многом связаны с творчеством артистов Н. Жан-турина, И. Ногайбаева, А. Ашимова, А. Боранбаева, режиссеров Ш. Айманова, М. Бегалина, С. Ходжикова, А. Карсакпаева, Т. Теме-нова и др.

В послевоенные годы появились такие мастера изобразительного искусства, как К. Тельжанов, М. Кенбаев, Н. Нурмухамедов, Е. Сидоркин, Н. Гаев, Х. Наурызбаев, С. Мамбеев, Р. Сахи и др.

§ 4. Формирование и судьбы национальной интеллигенции

Казахская национальная интеллигенция начала складываться задолго до революции Октября 1917 г. Ее численность и структура, уровеньобразования иподготовки определялисьобщественным стро-ем и условиями жизни. По неполным данным, в дореволюционном крае насчитывалось 3 тыс. учителей, 590 специалистов сельского хозяйства, 244 врача, 393 средних медицинских работника.

Малочисленность и нехватка кадров специалистов еще более обострилась в результате гражданской войны и иностранной интер-венции. Так, к 1919 г. на всей территории Казахстана осталось всего 33 врача и несколько ротных фельдшеров.

Нелегким и длительным был процесс использования старой ин-теллигенции, переход ее на позиции социализма. 4 апреля 1919 г. ВЦИК объявил амнистию лидерам партии «Алаш» и правительства «Алаш-Орда». Возвращению старой интеллигенции к работе по специальности

благоприятствовали также наступлениеиис долгождан-ного мира, введение нэпа, успешное преодоление последствий двух войн.

Тактичное, деловое отношение к старым специалистам, работни-кам умственного труда вообще стало нарушаться с приходом Ф. И. Голощекина в 1925 г. к руководству краевой партийной организа-цией. На III пленуме Казкрайкома ВКП(б) 1926 г. резкой критике подверглись А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов, С. Менде-шев, Ж. Аймаутов, С. Ходжанов и др. Вскоре критика переросла в открытые гонения и репрессии против интеллигенции.

В 20—30-е гг. высшая школа хотя и росла количественно, не оказала решающего влияния на пополнение рядов специалистов и формирование кадров интеллигенции. Ибо, во-первых, казахстанс-кие вузы и техникумы были еше слабы, во-вторых, потребности в специалистах опережали рост их выпуска. Поэтому на должности специалистов выдвигались рабочие и крестьяне. Для них открыва-лись многочисленные краткосрочные курсы.

Массовое перемещение рабочих и крестьян в сферу умственного труда вызвало количественный рост интеллигенции. За 1926—1939 гг. численность занятыхумственным трудом в Казахстане выросла в 7,9 раза — с 54 тыс. до 429,8 тыс. человек[29]. Однако это не означало, что в республике сложилась собственная интеллигенция. Значительная часть их не имела соответствующего образования. Удельный вес казахов-специалистов оставался низким. В 1939 г. среди казахов численность интеллигенции составляла 8%[30]. Нехватка кадров спе-циалистов особенно ощущалась в аульно-сельской местности. В со-ставе работников умственного труда слабо были представлены жен-щины. Пагубно отразились на процессе формирования интеллиген-ции репрессии 1937—1938 гг.

В послевоенные годы решающий вклад в дело подготовки кадров специалистов внесли высшие и средние специальные учебные заве-дения. Только за 1945—1957 гг. вузы Казахстана подготовили 43,5 тыс, специалистов, в том числе 16,5 тыс. казахов[31]. Большое количество их приобрело специальность в учебных заведениях союзных республик. С 1960 по 1977 г. численность казахов-специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве Казахстана, возросла почти в 5 раз (с 65,3 до 315,7 тыс.), русских — примерно в 3 раза (с 202,2 до 601,9 тыс.), украинцев — в 2 с лишним раза (с 33,2 до 82 тыс.), татар — в 3 раза (с 8,3 до 23,8 тыс.), узбеков — в 5 раз (с 2,9 до 14,7 тыс.)[32].

На рубеже 60—70 гг. завершился процесс формирования казахс-кой национальной интеллигенции. К этому периоду в социальной структуре казахского населения интеллигенция представляла крупную социальную общность (в 1959 г. — 16%, в 1970 г. — 25,1%). В 70-х гг. доля казахов в составе работников умственного труда республики выросла до 30%.

Таким образом, потребовалось более полувека после Октябрь-ской революции 1917 г., чтобы в Казахстане сложилась многочислен-ная и стабильная национальная интеллигенция с высоким уровнем образова-

ния и основными социально-профессиональными отрядами.

§ 5. Современные культурные процессы

Современный культурный процессхарактеризуется противоречи-вымитенденциями. Народноеобразованис, наукаи культураполучи-ли широкое пространство для саморазвития, свободы от идеологи-ческих догм и стереотипов. Это позволило преодолеть схематизм и однообразие во всехструктурныхэлементахи звеньяхдуховной жиз-ни. Так, вместо единой трудовой школы утверждается плюрализм школьного образования. Открыты и начали функционировать гим-назии, лицеи, колледжи, частные и авторские школы. Издаются новыс учебники по истории, зоологии и другим школьным предме-там.

Ведущие высшис учебные завсдения — Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматинский государственный уни-верситет им. Абая, Казахский политехнический институт и другис — открыли новые факультеты, необходимые для подготовки кадров специалистов, способных взять на себя ответственную задачу по осуществлению независимой внутренней и внешней политики Рес-публики Казахстан. Приняли первых студентов Международный ка-захскотурецкий университет им. Х. А. Яссави в Туркестане, Инсти-тут культуры в Уральске и другие высшие учебные заведения.

Расширились международные связи системы народного образова-ния. В 1991 г. свыше 1000 казахстанских учеников, студентов и аспи-рантов продолжили обучение за рубежом[34].

Приводится в соответствие с новыми требованиями структура и тематика научных поисков Национальной академии наук Республи-ки Казахстан. Организованы новые научно-исследовательские ин-ституты, как Институт археологии им. А. Х. Маргулана, институты космических исследований, механики и машиноведения, проблем информатики и управления, физико-технический и др.

Расширяется сеть отраслевых академий наук. Начали работать Инженерная и Сельскохозяйственная академии РК. Для присужде-ния ученых степеней и присвоения ученых званий, контроля качества диссертационных работ создана Высшая аттестационная комиссия республики.

Полным ходом идет реабилитация репрессированных ученых, писателей и специалистов. Увидели свет книги А. Байтурсынова, Ш. Кудайбердиева, М. Жумабаева, Х. Досмухамедова, М. Дулатова, Ж. Аймаутова и др.

Чрезвычайную актуальность приобрела проблема возрождения казахского языка. Согласно закону о языках и Конституции Респуб-лики Казахстан казахский язык объявлен государственным языком. Намечен и осуществляется комплекс мер по переводу делопроизвод-ства на казахский язык. За два года открыты 654 казахских детских дошкольныхучреждений и 292 общеобразовательные казахские шко-лы[35]. Повышается роль государственного языка в работе средств массовой информации.

Крупным событием в культурной жизни республики стал Всемирный конгресс казахов, впервые собравший со всех концов планеты изве-

стных писателей и поэтов, художников и политологов, ученых и бизнесменов и других соотечественников.

Вместе с тем современная культура Казахстана испытывает немалые трудности. Перевод плановой экономики на рельсы рыночных отношений, сопровождающийсяпадением объемапроизводсгва; выз-вал серьезные издержки в материально-техническом и финансовом обеспечении учреждений культуры, народного образования и науки. Гуманитарная интеллигенция и специалисты непроизводственной сферы оказались социально незащищенными, что стало причиной забастовок учителей и медиков Казахстана в 1992 г. Наблюдается тенденция коммерциализации культуры. Под предлогом демократи-зации общества в духовную сферу проникли низкопробные изо- и кинопродукты, пропагандирующие порнографию, насилие, жестокость.

Современные культурные процессы в Казахстане отражают, с одной стороны, крах тоталитарной системы, трудности рождения нового независимого государства, отказ от прежних узкоклассовых принципов, а с другой стороны, первые шаги утверждающего плюра-лизма, разных форм собственности, общественно-политических структур и мнений.

1. Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане: Летопись событий (27 февраля 1917 г. — 30 июля 1918 г.). Алма-Ата. 1967. С. 225.
2. Народное образование, наука и культура в СССР: Стат. сб. М., 1971. С. 22.
3. ЦГА РК. ф. 1876, оп. 1, д. 13, л. 77—81.
4. Народное образование, наука и культура в СССР: Стат. сб. С. 22.
5. Казахстан за 40 лет: Стат. сб. Алма-Ата. 1960. С. 420.
6. Сембаев А. Казак, совет мектебінің тарихы. Алматы, 1967. С. 117. Социалистическое строительство Казахской ССР. М., Алма-Ата, 1936. С. 280.
7. Культурное строительство в Казахстане: Сб. документов и материалов. Алма-Ата. 1965. Т. 1. С. 239; Казахстан к IX съезду Советов (1931—1934). Алма-Ата, 1935. С. 175.
8. Культурное строительство в Казахстане (1933 — июнь 1941 гг.): Сб. документов и материалов. Алма-Ата. 1985. Т. 2. С. 92. 99.
9. Казахстан за 40 лет: Стат. сб. С. 420.
10. Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях... Алма-Ата, 1981. Т. 2. С. 342. 1 1. Казахстан за 40 лет. С. 420.
12. ЦГА РК, ф. 1479, оп. 5, д. 477, л. 32; ф. 698, оп. 8, д. 831, л. 65; Культурное строительство СССР: Стат. сб. М., 1956. С. 186—187; Казахстан в цифрах: Крат. стат. сб» Алма-Ата. 1990. С. 62; Задорожный Г. К. Школы Казахстана (1946—1970 гг.). Алма-Ата. 1975. С. 20; Щербаков А. Народное образование Казахстана в девятой пятилетке 1971—1975 гг. Алма-Ата. 1971. С. 12.
13. Среднее специальное образование в СССР. Стат. сб. М., 1962. С. 62; Народное образование, наука и культура в СССР: Стат. сб. С. 157, 166, 167.
14. ЦГА РК, ф. 1481, оп. 13—2 доп., д. 3, л. 2; Культурное строительство в Казахстане (1918—1932). Т. 1. С. 253.
15. Советская степь. 1931. 18 декабря.
16. ЦГА новейшей истории РК. ф. 708, оп. 10, д. 1479, л. 2; Культурное строительство в Казахстане (1933 — июнь 1941 г.). Т. 2. С. 128.
17. Народное образование, наука и культура в СССР: Стат. сб. С. 157, 166; Культурное строительство в Казахстане (1933 — июнь 1941 г.) Т. 2. С. 137.
18. Народное образование, наука и культура в СССР: Стат. сб. С. 157.
19. Народное хозяйство Казахстана в 1987 г.: Стат. ежегодн. Алма-Ата, 1988, С. 268.
20. МечтоваИ. И. Социально-экономические проблемы перестройки высшего образования Алма-Ата. 1990. С. 169.
21. Народное образование и наука в Казахской ССР: Ст. сб. Алма-Ата. 1990. С. 81; Партийная жизнь Казахстана. 1985. № 9. С. 65, 69; Казахстан коммунист. 1987. № 10. С. 50.
22. Казахстан к IX съезду Советов (1931 —1934). С. 181, 188; История Казахскон ССР: Эпоха социализма. Алма-Ата. 1963. С. 402.
23. Сатпаев К. И. Избранные статьі о науке и культуре. Алма-Ата. 1989. С. 100, 124, 125.
24. Наука и техника СССР. 1917-1987 гг. Хроника. М.. 1988. С. 453.
25. XVI съезд Коммунистической партии Казахстана: Стеногр. отчет. С. 263—264.
26. Сакен Сейфуллин. Избранное. Алма-Ата. 1984. С. 80-81.
27. Еңбекшы қазақ. 1925. 14 января.

28. Казахстан за 40 лет: Стат. сб. С 474, 483.
29. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Казахская ССР. М., 1962. С. 141, 151.
30. Социально-культурный облик советской нации: По материалам этно-социологического исследования. М., 1986. С. 48, 50.
31. Культура советского Казахстана: Сб. статей. Алма-Ата. 1957. С. 39.
32. Народное хозяйство Казахстана в 1977 г.: Стат. ежегодник. Алма-Ата. 1978. С. 141.
33. Социально-культурный облик советских наций. С. 50, 55. О некоторых показателях демографического и социального развития казахского населения республики по областям II г. Алма-Ата (поданным Всесоюзных переписей населения 1970 и 1979г.). Алма-Ата, 1987. С. 120.
34. Акикат. 1992. № 6. С. 82.
35. Там же. С. 82.

Глава 7. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ (1897-1992 гг.)

Население суверенного государства Республики Казахстан в про-цессе формирования своей этнической территории и демографи-ческого состава прошло сложный и трудный исторический путь.

Численность населения в Казахском ханстве в период складыва-ния в середине XV в. составляла около 200 тыс. человек. На протя-жении последующих 70 лет шел форсированный рост населения за счет собирания казахской народности и ее территории. В начале XVI в. число подданных хана Касыма составило 1 млн. человек[1].

Начало формирования многонационального состава населения Казахстана относится к XVI в., .когда русские, украинцы, татары и представители других национальностей, бежавшие от преследова-ний российских властей, объединялись в так называемые казачьи вольницы. В 1890-е гг. усиливается крестьянская колонизация из России и Украины. На основе крепостей, построенных в ходе военной и миграционной экспансии России, возникли первые колониальные города, заселенные по преимуществу русскими, украинцами и татара-ми. В1881—1883 гг. из Синьцзяна (Китай) переселились около 50 тыс. уйгур и дунган, основная масса которых разместилась на территории Казахстана.

По данным переписи населения Российской империи 1897 г. на территории Казахстана выделялось три наиболее крупные этничес-кие группы: казахи, составлявшие 81,7% населения, русские — 10,9 и украинцы —1,9%. Но уже в 1914 г. удельный вес казахов снизился до 65,1, а восточных славян (русские, украинцы, белорусы) возрос до 29,6%[2]. Следовательно, за 1897—1914 гг. удельный вес казахов снизил-ся на 16,6 пункта, а славянского населения поднялся на 16,8 пункта.

Главной причиной снижения удельного веса коренного населе-ния и его соотношения с другими этническими группами было поло-жительное сальдо миграции русского и украинского населения. Крестьянская колонизация Казахстана особенно усилилась в пос-леднем десятилетии XIX в. — начале XX в. в связи со столыпинской аграрной реформой. Всего за46 лет (1871—1917 гг.) в крае осело свыше 1,6 млн. чел. (без вернувшихся обратно), подавляющее большинство, которых прибыло в 1907—1916 гг. В результате этого в конце XIX — начале XX в. ускорился процесс формирования многонационально-го состава населения Казахстана[3]. К началу XX в. в крае проживали представители около 60 на

циональностей, среди которых, кроме тюркоязычного населения (узбеки, уйгуры, кйргизы, каракалпаки, татары, башкиры и т. д.) были немцы, поляки, мордва, дунгане, таджики, евреи и др[4].

В годы первой мировой войны значительно сократилась численность казахов, что объясняется снижением уровня естественного прироста и ростом смертности. Это были последствия поражения восстания в 1916 г., когда сотни тысяч казахов погибли от рук карателей и вынуждены были бежать за пределы империи. Только из Семиреченской области в 1916 г. эмигрировало 150 тыс. казахов. Так были заложены основы превращения казахов в меньшинство на своей исконной территории.

Эти и другие тенденции этно-демографического развития, в особенности процесс усиления многонациональности Казахстана получили резкий толчок в послеоктябрьский период, в годы Советской власти, что было связано с осуществлением социалистической индустриализации, коллективизации, другими социально-экономическими преобразованиями, последствиями Великой Отечественной войны. Во всех областях, негативно отразившихся на демографическом развитии казахского народа, отрицательную роль сыграла миграционная политика.

В октябре 1920 г. была провозглашена Казахская Автономная Советская Социалистическая Республика в составе Российской Федерации, столицей которой стал г. Оренбург. Это позволило объединить большую часть этнической территории казахов в составе национального государственного образования.

В 1924 г. произошло национально-территориальное размежевание республик Средней Азии, в результате которого казахские районы Туркестанской АССР (Сырдарьинской и Джетысуйской областей) вошли в состав Казахстана. Оренбургская губерния была передана Российской Федерации. Произошли определенные изменения в демографической ситуации республики.

По переписи 1926 г. в современных границах Казахстана проживали более 6198,4 тыс. чел., из них казахов 58,5%, русских — 20,6, украинцев — 13,9, узбеков — 2,1, татар — 1,3, уйгуров — 1,0, немцев — 0,8 и т. д. Если сравнить с данными Всероссийской переписи 1897 г., то за эти 29—30 лет население республики выросло примерно в 1,5 раза, в том числе русских — в 2,8 раза, представителей других нацио-нальностей — в 4,3 раза, казахов — всего на 234,8 тыс. чел., т. е. на 7%. Удельный вес казахов снизился на 23,2 пункта, русских повысился на 9,6 пункта, других — на 13,7 процентных пункта.

Численный рост большинства основных национальностей Казахской АССР шел по четырем основным каналам: положительное сальдо миграции в результате превышения притока населения над оттоком с середины 20-х гг.; естественный прирост, превышение рождаемости над смертностью; расширение фактических административных границ республики после образования автономной рес-публики и национально-территориального размежевания Средней Азии в 1924 г.; ассимиляционные и консолидационные процессы.

Как известно, демографическая ситуация в начале 20-х гг. была неблагоприятной, с одной стороны, во время неурожая и джута 1921 г. часть

крестьян стала стихийно переселяться в РСФСР и на Украину. ЦИК Казахской АССР обратился к крестьянскому населению республики со специальным обращением с целью сдержать отток из республики. С другой—в начале 20-х гг. из различных районов России (например, из Саратовской, Астраханской губернии) в Казахстан переселялось или возвращалось не только крестьянское (русское, украинское, мордовское и др.) но и казахское население.

В 1925—1926 гг., по всей видимости, определился баланс прилива и отлива мигрантов, постепенно складывавшийся в положительное сальдо миграции.

Общая численность мигрантов при 6268 тыс. постоянного населения, отмеченная на момент переписи 1926 г, достигла 1601 тыс. человек. Из них половину составляли крестьяне-переселенцы и коренное население, сменившее место жительства до 1916 г.[6]. Таким образом, в декабре 1926 г. было отмечено свыше 800 тыс. неместных жителей, переехавших в период с 1916 по 1926 гг.

Переселившихся в республикубылобольше, чем выехавших за ее пределы, на 638,8 тыс. Большая часть мигрантов прибывала с Украи-ны, из Поволжья, с Севера, Запада, Центра РСФСР, меньшая из Сибири, Урала, Белоруссии, Средней Азии, Дальнего Востока. Мигранты из европейской части предпочитали районы богарного земле-делия. Так, в Кустанайском округе разместилось 15% всех прибыв-ших, в Акмолинской и Актюбинской—40, в Семипалатинской — 24% мигрантов. Это объясняется тем, что районы богарного земледелия в лесостепной и степной зонах были близки по климатическим и почвенным характеристикам районам выхода мигрантов. К тому же приехавшие из европейской части России в этих зонах попадали в близкую этническую среду.

Миграционные контакты сложились и с республиками Средней Азии. Кроме перечисленных выше факторов на миграционные процессы этого района влияло национально-территориальное размежевание. В пределы республики из Восточного Туркестана возвращались участники национально-освободительного движения 1916 г. Внутриреспубликанская миграция характеризовалась перемещением в связи с оседанием коренного населения из пустынных и полупустынных земель в районы поливного и богарного земледелия. Одновременно наблюдался приток коренного населения в города.

В 1926—1928 гг. в Казахстане продолжался рост темпов прироста населения. Стало заметным расхождение тенденций демографического развития в СССР и в Казахстане: в промышленно развитых и урбанизированных районах страны рождаемость снижалась, на юго-востоке повышалась. Снижения рождаемости в республике не было и у русского, и украинского населения.

В 1930—1933 гг. в Казахстане произошелся голод, вызванный политикой силовой коллективизации в сочетании с оседанием кочевников и полукочевников, а также искусственной урбанизацией. Погибли сотни тысяч русских, украинцев, уйгуров и т. д. национальностей, но основная часть погибших приходилась на казахов. По имеющимся подсчетам за 1928—1934 гг. погибло 1610 казахов, около 135 тыс. человек погибло в

1935—1938 гг. в результате социальных и политических репрессий. Всего среди казахов убыль составила 1745 тыс. человек[7].

Стихийная миграция населения, продолжавшаяся до середины 20-х гг., постепенно приобрела организованный характер. Огромная безработица в центральных промышленных районах страны, доходившая до 1,3 млн. чел.[8], заставляла десятки тысяч людей в поисках работы и хлеба уезжать в Казахстан на строительство Турксиба, Карагандинского угольного бассейна, Балхаша и др. Только по организованному набору рабочей силы в Казахстан из других районов страны в 1931—1940 гг. прибыло 509 тыс. чел.[9]. Подавляющее большинство рабочих и трудоустроившихся безработных после завершения строительства промышленных предприятий и железных дорог, городов и рабочих поселков, оставалось, переходя на постоянную работу.

Параллельно шло аграрное переселение. В конце 20-х— начале 30-х гг. в Казахстан стали прибывать раскулаченные крестьяне-спецпереселенцы из России, с Украины и др. республик, а также демобилизованные красноармейцы и крестьяне-переселенцы из европейской части страны и Сибири, организовавшие на местах поселения коммуны и сельскохозяйственные артели. В течение 1928—1930 гг. в Казахстан на работу в создаваемые совхозы из разных областей страны прибыли 65 тыс. семей. В 1940 г. началось организованное переселение крестьян-добровольцев из малоземельных районов Украины и РСФСР, особенно из Мордовии, Чувашии, Татарии и др. республик. В Казахстан прибыли свыше 24,4тыс. семей, которые поселились в северных областях республики для развития зернового хозяйства на целинных землях.

В конце 30-х гг. началась депортация ряда этнических групп, часть которых выселялась в Казахстан. В октябре-ноябре 1937 г. с Дальнего Востока в Казахстан были выселены 110 тыс. корейцев[15], из Азербайджана и Армении — свыше 2,4 тыс. семей иранцев, азербайджанцев, курдов и армян в Южно-Казахстанскую, Джамбулскую и Алма-Атинскую области. Накануне войны были депортированы поляки из Западной Украины и Западной Белоруссии, а также граждане Прибалтийских республик.

По переписи 1939 г. в республике проживало 6094 тыс. чел., т. е. по сравнению с 1926 г. население республики сократилось на 105 тыс. чел., или на 1,7%. Наибольший урон приходился на казахов, численность которых теперь составляла всего 2 314 тыс. чел., по сравнению с 1926 г. уменьшилось на 1 314 тыс., или на 63,8%. Число украинцев стало меньше на 203 тыс., узбеков — на 26 тыс., уйгуров — на 28 тыс. Но в период 1926—1939 гг. произошло увеличение численности других этносов, в особенности русских — на 1174 тыс. чел., т. е. на92%, татар — на 27 тыс. — 34%, белоруссов — на 6 тыс. — 22%.

Таким образом, к 1939 г. в Казахстане сложилось совершенно новое соотношение этносов. Миграционная экспансия шла интенсивнее. Удельный вес казахов по сравнению с 1926 г. упал на 20,5 пункта и равнялся 38%, доля украинцев сократилась с 13,9 до 10,8%, узбеков — с 2,1 до 1,7%, уйгуров — с 1,0 до 0,6%. Русские представляли наибольшую этническую группу Казахстана, их удельный вес вырос почти на 20 пунк-

тов и достиг 40,2%. Немцы составляли 1,5%, корейцы — 1,6, татары — 1,6, белорусы — 0,5% и т. д.

Дальнейшее усиление миграционной экспансии Казахстана в ущерб интересам коренных жителей республики и с увеличением удельного веса мигрантов продолжалось и в период Великой Отечественной войны и после нее.

В годы войны миграционный поток в Казахстан резко усилился.

Кроме 536 тыс. чел. эвакуированного из западных регионов страны населения в Казахстан были депортированы целые народы, автоном-ные образования которых предварительно ликвидировались. Накануне массовой депортации, по переписи 1939 г., в Казахстане проживало 54696 поляков, 3569—латышей, 808—литовцев и т. д. Такая же судьба постигла немецкое население страны. В августе 1941 г. в Казахстан переселили 349713 человек, и общая численность немцев составила 441713. Перемещение оставшейся части немцев в Казахстан шло в 1944—1945 гг. Кроме того, на территории Казахстана и др. регионов страны работали немецкие и японские военнопленные, общей численностью 2,5 млн. человек. В 50-е гг. завершилось возвра-щение военнопленных на родину».

В феврале 1944 г. в Среднюю Азию и Казахстан насильственно были переселены чеченцы и ингуши, в марте — балкарцы, в ноябре — турки-месхетинцы, а также крымские татары, карачаевцы и др. народы.

После восстановления в 1957 г. автономии чеченского и ингушского народов началось их возвращение на Северный Кавказ. Интенсивно шло возвращение карачаевцев, балкарцев, калмыков. Возвращалась в места прежнего жительства часть греков, турков-месхетинцев, крымских татар, поляков, корейцев, немцев Поволжья. Однако их основная масса оставалась в Средней Азии и Казахстане. Интенсивно возвращались латыши, эстонцы, литовцы в республики Советской Прибалтики.

После войны, до середины 50-х гг. организованное переселение в Казахстан проводилось слабо. Наиболее крупный миграционный поток в республику произошел в связи с освоением целинных и залежных земель, которое по времени совпало с крупными промышленными стройками. На освоение целинных и залежных земель в Казахстан в 1954—1962 гг. прибыло около 2 млн. чел., в основном из европейской части страны. По межреспубликанскому организованному набору рабочей силы для промышленности, строительства и транспорта в 1954—1965 гг. прибыло почти 0,5 млн. чел., что составляло почти 80% всего оргнаора республики. Большинство рабочих направлялось на Украину, в Белоруссии, Молдавии и Литве. Это еще более усилило разрыв между численностью коренного населения, с одной стороны, и пришлого, с другой. В 1959 г. удельный вес русских достиг 42,7%, а казахов упал на 8 пунктов по сравнению с 1939 г. и составил всего 30%. Удельный вес других этнических групп резко не изменился. Миграционный поток в Казахстан, хотя в несколько ослабленном темпе, продолжался и позднее, но к началу 70-х гг. сформировалось отрицательное сальдо.

Население республики в 1959 г. составляло 9294741 человек, т. е. в 1,5 раза превышало довоенную численность.

За 20 лет (1939—1959 гг.) численность казахов выросла всего на 474

тыс. чел. (20%), русских — 1523 тыс. (62%), украинцев — на 105 тыс. (16%), татар — на 85 тыс. (79%), узбеков — 33 тыс. (32%), белорусов - 76тыс. (3,4 раза), уйгуров—24,4 тыс. (69%),других—311 тыс. (2,6 раза). Известно что в 1939 г. численность немцев составляла 92379 чел., а в 1959 г. 659658, азербайджанцев —12 тыс. и 38 тыс. чел. Удельный вес корейцев за это время снизился на 0,8% при абсолютном уменьшении более чем на 22 тыс. чел.

К 1970 г. население Казахстана составляло уже более 13 млн. чел, увеличившись почти на 40%, из них казахи составляли 4234 тыс. (32,6%), русские — 5522 тыс. (42,5), украинцы — 933 тыс. (7,2), немцы - 858 тыс. (6,6), татары — 288 тыс. (2,2), узбеки — 216 тыс. (1,7), белорусы — 198 тыс. (1,5), уйгуры — 121 тыс. (0,9), корейцы — 81 тыс. (0,6), азербайджанцы — 58 тыс. (0,4), другие нац. — 498 тыс.

Как видно, наиболее многочисленным этносом Казахстана на продолжении между переписями 1939, 1959, 1970 гг. оставались русские[13]. Русские, украинцы, белорусы (вместе взятые) на протяжении 1939—1970 гг. составляли абсолютное большинство.

Тем не менее именно в 1959—1970 гг. произошел перелом в демографическом развитии казахского народа. Этому способствовал ряд факторов: сравнительно высокий естественный прирост, снижение эффективности мифационной экспансии, отрицательное миграционное сальдо. В результате наметилась тенденция неуклонного роста не только общей численности казахов, но и их удельного веса в составе населения республики. Последний, как известно, непрерывно падал с дореволюционных времен, а в 1897—1959 гг. — с81,8 до 30%. Абсолютная численность казахов в республике выросла в 1959—1970 гг. на 1446, 9 тыс. чел., т. е. на 51,9%. Тем самым в 60-е гг. XX в. были заложены основы для сравнительно быстрого естественного прироста казахов и превращения ихв перспективе в наиболее многочисленный народ на своей этнической территории.

Заметно сократился 1970 г. разрыв в уровне урбанизированности основных этносов. Уровень урбанизированности казахов и русских в 1970 г. различался более, чем вдвое, тогда как в 1926 г. эта разница была в 10 раз. Резкому сокращению этой разницы способствовали индустриализация республики, коллективизация сельского хозяйства, культурная революция в СССР. Русские, татары, корейцы оставались по преимуществу городскими этносами, казахи, немцы, узбеки, азербайджанцы — сельскими.

Если в целом, в республике удельный вес городских жителей поднялся с 1959 по 1970 гг. на 6,5 пункта, то наиболее быстро урбанизировались русские (10,1), украинцы (13,4), корейцы (17,9), азербай-джанцы (13,1 пункта). Прежние темпы урбанизации сохраняли только белорусы (6,0%), остальные этносы отставали в формировании городского населения.

В1989 г. урбанизированность казахов составил а уже 38,4%, немцев — 49,1, узбеков—37,3, уйгуров—34,2%. Наиболее урбанизированными оставались русские (77,8), украинцы (65,3), татары (77,2), белорусы (61,6), корейцы (84,2%).

В1979—1989 г. наиболее быстрые темпы урбанизации имели казахи — 53,3%, уйгуры — 52,8%, узбеки — 30%, отмеченные прежде как аграрные этносы. Таким образом, обе группы этносов Казахстана имеют тенденцию к быстрому выравниванию в социально-экономическом развитии, хотя между ними сохраняется громадная разница. В1970—1989 гг. продолжает не только сохраняться, но и усиливаться этническая компактность казахского сельского населения. Этому способствовали высокий уровень естественного воспроизводства населения в сельской местности, непривлекательность для мигрантов европейской части СССР, Сибири и Дальнего Востока, природно-климатических условий полупустынных и пустынных зон юга, юго-запада и юго-востока Казахстана. Однако в города этих областей усилиями центральных ведомств СССР продолжали направлять мигрантов для экстенсивного промышленного развития, больших масштабов капитального строительства.

В целом в 1951—1970 гг. наблюдалось угасание миграционного процесса в Казахстан из других республик СССР. В 1951—1970 гг. с величины свыше 100 тыс. он изменился до отрицательного миграционного прироста. Одновременно шло возвращение казахов из других республик, а также из Китая в 1955—1959 и 1962 гг.

Рост отрицательного межреспубликанского миграционного прироста наблюдался в 1970—1990 гг. В 1970 г. миграционный отток составил 35 тыс., в 1988 — уже 95 тыс. человек. Рост межреспубликанских потерь усиливается в 1985—1988 гг. оттоком русских в Россию в результате неблагоприятных для них политических процессов в Казахстане. Международная эмиграция в Казахстане в 1983—1987 гг. была малочисленной. С 1988 г. ограничения на эмиграцию из СССР стали сниматься. В 1988 г. из Казахстана эмигрировало 23,5 тыс., процесс продолжал расти и в 1990 г. достиг 92,3 тыс. человек. Основную часть эмигрантов составляют немцы, евреи, греки.

В 1989—1990 гг. наблюдалось сокращение межреспубликанского отрицательного миграционного прироста с 46,8 тыс. в 1989 г. до 38,6 тыс. в 1990 г.

Среди выезжающих по межреспубликанской миграции из Казахстана в 1989—1990 гг. русские составляли 53—55%, украинцы — 9—12, немцы — 6—8, казахи — 6—9%, а среди въезжающих в 1990 г. в республику: русские составляли 48%, украинцы — 8, немцы — 5, казахи — 20. Таким образом, в 1990 г. численность русских по межрес-публиканской миграции сократилась на 17,7, украинцев — 4,1, казахов возросла на 16,6 тыс. чел. Усилился процесс собирания казахского этноса. С 1989 г. вновь продолжился процесс возвращения казахов в Казахстан из Узбекистана (в особенности из Каракалпакии), России, Туркмении.

Начиная с 1991 г. началось новое явление в миграции населения. Оно характеризуется ростом оттока неказахского населения из Казахстана, нарастающим потоком мигрантов казахов из Узбекистана (в том числе Каракалпакии), Туркмении и России. В 1991 г. сальдо миграции Казахстана со странами СНГ составило 10 тыс. чел., север и восток Казахстана собирает русских из всего СНГ. В 1991 г. наблюдался приток казахов из Монголии —12,5 тыс. чел., которые намерены поселиться постоянно.

Всего из Монголии за 1991—1992 гг. прибы-ло 41 тыс. казахов. Из Казахстана выезжают рабочие специалисты из стран Восточной Европы, но приезжают на заработки (сельхозработы и коммерция) китайцы из КНР.

Результат этномиграционных обменов Казахстана в 1991 г. составил по нашим подсчетам (со всеми странами ближнего и дальнего зарубежья) показахамплюс41,0тыс. человек, порусским — минус— 24,0 чел. Приток русских в Казахстан очевиден только в северных областях, из южных и западных областей, а также из Семипалатинской, Тургайской, Жезказганской областей наблюдается отток русско-язычного населения.

Общая тенденция течения демографических процессов в период 1926—1979 гг. скорее показывает выравнивание демографических характеристик и превращение некогда разнонаправленных тенденций в однозначные. Русское, украинское, белорусское население, начиная с середины 20-х гг., распространило практику снижения рождаемости не только в городе, но и на селе. Этот процесс усилился у них в годы первой и второй пятилеток, особенно среди прибывшего из других республик населения. В эти же годы резко возросла миграция населения: из села в город, из города в город, из центральных районов в Сибирь, Среднюю Азию, Дальний Восток.

Рост миграции населения, вовлечение все большей части женекого населения в общественное производство, урбанизации населения, ускорение социально-экономичесой жизни — все это способствовал о снижению рождаемости. Процесс продолжался несмотря на то, что в период с 1939 г. по 1955 г. абортбыл запрешен[14]. Эта мера ожидаемого эффекта не принесла, хотя временно подняла рождаемость. Падение рождаемости в последующие годы у русского, украинского, белорусского-населения, составляющего в 1959г. в Казахстане относительное и абсолютное большинство, даже ускорилось. Фактором, определившим падение рождаемости, были социально-экономические, стадиальные, демографические закономерности развития этноса.

Динамика этнодемографического состава в 1979 —1989 гг. показывает, что в 1979—1989 гг. удельный вес казахов в общем приросте населения составил 70, русских — 13, немцев — 3% и т. д. Причем прирост казахов в Казахстане составил 23,5%, русских—3,9%, немцев — 6,4%, татар — 4,6, узбеков — 26,1, белорусов — 0,6, уйгуров — 25,3 и корейцев 12,3%. Ориентация на число детей в семье у казахов неук-лонно снижается: в 1972 г. — 5,01, в 1978 г. - 4,85, в 1985 г. — 4,27. Суммарная рождаемость у казашек в 1979 г. составляла — 5,787, в 1989 г. — уже 3,584, что составляет 61,9% от уровня 1979 г. Естественный прирост у казахов в Казахстане в 1962 г. был 110 тыс. чел. (37% от всего естественного прироста населения), в 1964 г. —111 тыс. (43%), в 1970 г. - 107,7 тыс. (48,1%), 1972 г. - 114 тыс. (49,0%), 1979 г. - 125 тыс. (52,1%), 1989 г. - 162 тыс. чел. (63,5%).

Весьма высок среди казахов показатель детской смертности, средняя продолжительность жизни ниже, чем у русских. Вместе с тем у русских, украинцев и немцев Казахстана сравнительно старая возрастная структура, ниже чем у казахов показатели рождаемости, выше общий коэффициент смертности, минимален естественный прирост. Этот процесс привел к этнодемографическому доминированию в одиннадцати из девятнадцати областей. Начиная с 1980 г. наблюдается перемещение ка-

захов с юга на север Казахстана, а также с запада на север республики. Вместе с тем очевидно продолжение возвраще-ния части казахов в Казахстан из России, Средней Азии, Монголии и др. стран.

1. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Алма-Ата. 1979. Т. 2. С. 259, 270. *Клинтюрны Г С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летописьтрех тысячелетий. Алма-Ата. 1992. С. 287.
2. *Базанова Ф. Н.* Формирование этнического состава населения дореволюционного Казахстана // Вестник АН КазССР. 1977. № 7. С. 65; *Ц-ко-нко Н.* В. Население дореволюционного Казахстана: численность, размещение, состав (1 880- 1914 гг.). Алма-Ата, 1981. С. 85.
3. *Бекмаханова Н. Е.* Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма. М., 1986. С. 161.; Алексеенко Н. В. Население дореволюционного Казахстана. Алма-Ата. 1981. С. 70; Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957. С. 274-276.
4. *АлексеенкоН. В.* Указ. раб. С. 84.
5. *Нусупбеков А. Н.* Объединение казахских земель в Казахской Советской Социалистичес-кой Республике. Алма-Ата, 1953. С. 70 - 74; Казахстанская правда. 1990. 28 октября.
6. Всесоюзная перепись населения. 1926 г. Т. 42. М. 1930. С. 41 - - 43. *Гатев А. Б.* К истории миграции населения Казахстана // Вестник АН КазССР. 1979. №5. С. 54 56.
7. Вопросы истории. 1989. № 7. С. 53-71; Заря. 1989. № 1. С. 12-13.
8. *Рогачевская Л. С.* Ликвидация безработицы в СССР. 1917-- 1930 гг. М., 1973. С. 88.
9. *Сонин М. Я.* Воспроизводство рабочей силы в СССР баланс труда. М. 1959. С. 182.
10. Казахстанская Правда. 1989. 18 июня. ЦГА РК. ф. 698, оп. 14. д. 244, л. 50 (сведения за 4 ноября 1941 г.); Там же, оп. 21, д. 226. л. 1. 2.5.; Литературная газета. 1988. 7 сент. С. 10.; История СССР. 1991 г. № 1. С. 122 --159; Социологические исследования. 1991. № 1. С. 5---26.
11. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 4. М.. 1973. С. 13.
12. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 4. М.. 1973. С. 13.
13. См: Сб. Законов СССР в двух томах: М., 1968. Т. 2. С. 423.

Глава 8. КАЗАХСТАН — СУВЕРЕННОЕ, НЕЗАВИСИМОЕ ГОСУДАРСТВО

Конец 80-х гг. знаменовал начало распада Советского государства. Уже на первом съезде народных депутатов и партийных форумах стала обсуждаться идея суверенитета, экономической самостоятельности, разделения полномочий между центром и субъектами федерации, заключения нового Союзного договора. Развитие демократических преобразований и процессов национального возрождения, логика событий требовали принятия адекватных мер со стороны партийного и государственного руководства, гармонирующих отношения центра с союзными республиками.

Идея формирования Союза с учетом новых реалий нашла широ-кую поддержку и шла «снизу» — от автономий и союзных республик. В Казахской ССР была разработана концепция самоуправления и самофинансирования республики, в которой обосновывались права собственности республики на природные ресурсы и средства производства на территории Казахстана, включая предприятия базовых отраслей промышленности, было решительно заявлено о необходимости реального наполнения суверенитета республики в политической и экономической областях. Движение к обновлению общества возглавил Н. А. Назарбаев, всегда искавший наиболее демократические пути решения сложнейших проблем. В противовес правому и левому радикализму Н. А. Назарбаев проводит политику последовательных демократическихреформ и социального прогресса, сохранения межнационального согласия на основе равенства прав всех казахстанцев, соблюдения приоритета политической стабильности как основополагающего принципа государственной политики.

Но начавшийся в Казахстане демонтаж административно-командной системы тормозился жестким диктатом государственных управленческих структур, Коммунистической партией Казахстана.

Усилия отдельных партийных организаций по перестройке своей работы с учетом новыхтребований не приводили к серьезным результатам. Начиная с 1988 г., наметился переход к критике Компартии Казахстана со стороны нарождавшихся политических оппонентов, что резко ударило по расшатанной, но все еще имевшей определенный престиж партии коммунистов.

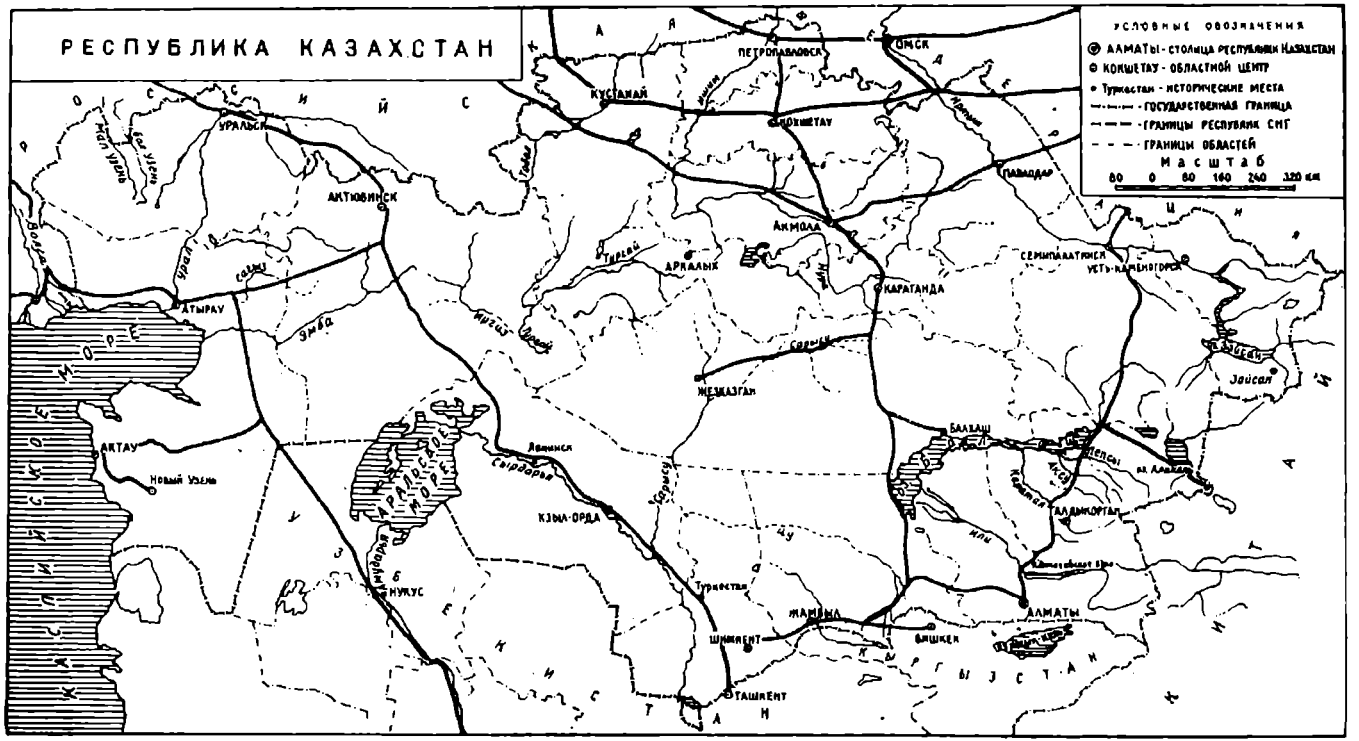
Закономерным явлением общественной жизни в Казахстане стало развитие неформального движения, первоосновой которого стало экологическое движение, атакжеобщественно-политическая атмосфера в республике после декабрьских (1986 г.) событий в Алма-Ате.

В августе 1987 г. образовалась первая независимая организация — социально-экологическое объединение «Инициатива», которое ставило своей целью содействие повышению социальной активности населения на основе антивоенных, экологических, гуманистических и миротворческих идеалов, принципов гласности, демократизации, социального равенства и справедливости: оказание моральной и организационной, правовой, консультативной, информационной, экспертной поддержки начинаниям общественности, трудовых коллективов и граждан. Позднее от этого объединения отпочковались другие политические организации, в том числе «Зеленый фронт», социал-демократическая партия Казахстана. Экологическими организациями республиканского, затем международного масштаба, становятся антиядерное движение «Невада—Семипалатинск» и общественный комитет по проблемам Арала, Балхаша и экологии Казахстана.

Серьезной политической силой стало рабочее движение. Особую роль в нем занимали шахтеры Карагандинского угольного бассейна, чьи выступления совпали по амплитуде с забастовками в других угольных районах Советского Союза. Начавшиеся с чисто экономическихтребований, они быстро политизировались. С 1989 г. функционирует областной рабочий забастовочный комитет, который на правах коллективного члена входит в союз трудящихся Карагандинской области. Животрепещущие проблемы в социально-экономической сфере высветили события в Новом Узене (1989 г.), вызванные недоразвитостью инфраструктуры и просчетами в размещении производительныхсил, укоренившейся практикой применения вахтового метода при незанятости местного населения.

Появились организации, альтернативные женсоветам, которые как правило, создавались снизу: Республиканский комитет солдатских матерей, Лига женщин-мусульманок Казахстана, союзы многодетных матерей, семей, ассоциации деловых женщин «Айша», «Белая юрта» и др. Значительное место в политической расстановке сил в республике занимает молодежное движение. До осени 1991 г. оно было представлено Комитетом молодежных организаций республики, ЛКСМ Казахстана и 48 другими структурами и организациями.

В середине 1990 г. появилось движение «Азат» и одноименная политическая партия. Главной целью «Азат» определил борьбу за государственный суверенитет Казахстана в рамках содружества независимых государств.


РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
АЛМАТЫ - столица республики Казахстан
КОКШЕТАУ - областной центр
Туркестан - исторические места
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГРАНИЦА
ГРАНИЦЫ РЕСПУБЛИК СНГ
ГРАНИЦЫ ОБЛАСТЕЙ
Масштаб
80 0 80 160 240 320 км
ПЕТРОПАВЛОВСК
ОМСК
КУСТАНАЙ
КОКШЕТАУ
ПАВЛОДАР
УРАЛЬСК
АКТЮБИНСК
АКМОЛА
АРКАЛЫК
КАРАГАНДА
СЕМИПАЛАТИНСК
УСТЬ-КАМЕНОГОРСК
АТЫРАУ
ЖЕЗКАЗГАН
БАЛХАШ
Зайсан
АКТАУ
Новый Узень
Янгиюль
КЫЗЫЛ-ОРДА
НУКУС
Туркестан
ЖАМБЫЛ
ШЫМКЕНТ
БИШКЕК
АЛМАТЫ
ТАШКЕНТ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
ОЗЕРО ЗАЙСАН
КИРГИЗИЯ
УЗБЕКИСТАН
КИТАЙ

Кроме названных, действовали и другие политические партии и движения, а всего в 1991 г. в республике насчитывалось свыше 120 самостоятельных объединений.

В значительной степени политизация населения Казахстана отражала неудовлетворенность общественности положением дел в республике, коллективный поиск путей выхода из кризиса.

Анализируя процесс становления многопартийности в Казахста-не, можно констатировать только начало переходного периода от тоталитаризма к демократии. Отсутствие исторических традиций многопартийности, развитой политической культуры населения рес-публики приводит к возникновению политических объединений без широкой и прочной социальной базы, отличающихся крайностью политической ориентации. Эта оценка применима к партиям «Алаш» и «Желтоксан», социалистической, социал-демократической и коммунистической партиям Казахстана. Тем не менее, существуют предпосылки для объединения усилий политических сил, отстаивания общих целей, выработанных за «круглым столом», которые придали бы межпартийным отношениям цивилизованный и позитивный характер. К примеру, близкие программы выдвигают партия Народный Конгресс Казахстана и союз Народное Единство Казахстана, призывающие к гражданскому миру и межнациональному согласию. Важную роль в Демократизации общества играла законотворческая деятельность Советов народных депутатов. Ведущее место в этой области занимал Верховный Совет Казахской ССР двенадцатого созыва (с апреля 1990 г.). В Законах республики, принятых в 1990—1991 гг. уделялось большое внимание обеспечению необходимых условий для проявления свободы и достоинства каждого человека на основе тщательно разработанных и законодательно закрепленных правовых и юридических процедур. Обновление Законов республики в соответствии с требованиями сложившихся реалий стали заметным шагом на пути строительства правового государства. Законы были призваны на деле укрепить политический и экономический суверенитет Казахстана, консолидировать все созидательные силы на пути к демократии. Они значительно расширяли права граждан, отвечали на запросы людей всех национальностей, населяющих республику. Историческим событием стало принятие парламентом рес-публики Закона «О языках Казахской ССР», придавшего казахскому языку статус государственного.

Вусловиях стремительного развала системы государственной власти и экономики страны закономерным стало введение президентского правления в Казахстане, способствующего стабилизации политической и экономической жизни. 24 апреля 1990 г. Верховным Советом республики был учрежден пост Президента Казахской ССР и в ре-зультате тайного голосования на сессии парламента им был избран Н. А. Назарбаев. Своеобразными вехами демократических преобразований в Казахстане стали Указы Президента о запрещении ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне, о мерах социальной помощи участникам Великой Отечественной войны и приравненных к ним граждан. Президиум Верховного Совета республики образовал специальную комиссию по окончательной оценке обстоятельств, связанных с событиями в г. Алма-Ате декабря 1986 г.

25 октября 1990 г. Верховный Совет республики принял Декларацию о государственном суверенитете Казахской ССР[2]. Обретение суверенитета в целом ускорило течение демократических процессов в Казахстане, которые были тесно взаимоувязаны с событиями, происходившими в стране. Уже к середине 1991 г. Казахстан в числе других республик фактически составлял оппозицию центру. По инициативе Казахстана были заключены двусторонние договоры с Белоруссией, Украиной, Россией и другими республиками, признающими суверенитет друг друга, сложившиеся границы, устанавливающие взаимовыгодные экономические связи. В декабре 1990 г. четыре республики — Россия, Украина, Беларусь и Казахстан выступили с инициативой создания Союза суверенных государств. Началась совместная работа по выработке новоогаревского соглашения.

Августовские события 1991 г. прервали эту работу, ускорили рас-пад СССР и суверенизацию бывших союзных республик, в том числе Казахстана. Ушла с политической арены КПСС и как часть ее КП Казахстана.

В этих сложных условиях назрела необходимость предоставления в рамках демократизации казахстанской государственности достаточных полномочий Президенту Казахской ССР, как главе высшей исполнительной и распорядительной власти в республике. Они были предоставлены Законом КазахскойССР «Осовершенствовании структуры государственной власти и управления Казахской ССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию» (Основной закон) Казахской ССР», принятым парламентом республики 20 ноября 1991 г.

1 декабря 1991 г. состоялись всенародные выборы первого в истории Казахстана Президента республики. В результате демократического волеизъявления народа им стал Н. А. Назарбаев.

В республике были проведены преобразования: департизация органов прокуратуры, государственнойбезопасности, внутренних дел, юстиции, судов; создан Государственный комитет обороны Казахстана; вышли указы Президента о переходе государственных предприятий и организаций союзного подчинения в ведение правительства Казахской ССР, об обеспечении самостоятельности внешнеэкономической деятельности республики, о создании золотого запаса и Алмазного фонда в Казахстане. 2 октября 1991 г. впервые за 40 лет существования на казахской земле космодрома Байконур с него стартовал в космос первый космонавт казах Т. О. Аубакиров.

10 декабря 1991 г. вступил в должность первый всенародно избранный Президент, Верховный Совет республики принял решение о переименовании Казахской Советской Социалистической Республики в Республику Казахстан, а 16 декабря 1991 г. Верховный Совет провозгласил государственную независимость Республики Казахстан — демократического государства, обладающего всей полнотой власти на своей территории, самостоятельно определяющего и проводящего внутреннюю и внешнюю политику[3]. Начался новый этап в истории республики.

На ашхабадской встрече лидеры республик Средней Азии и Казахстана, проанализировали беловежское соглашение, правовые аспекты проблемы и выразили готовность к полноправному участию в формиро-

вании нового содружества. 21 декабря 1991 г. в Алма-Ате на совещании глав 11 независимых государств, входивших в состав бывшего Союза ССР, был подписан протокол соглашения о создании СНГ.

В Казахстане начался динамичный процесс развития суверенной государственности.

В политической сфере был взят курс на формирование сильной президентской республики с последующей реформой парламентской власти, предлагающей профессиональный Верховный Совет. Проведено обсуждениепроекта новой Конституции республики. На основании закона о местном самоуправлении в областях, городах и районах проведена реформа исполнительной власти. На переходный период введены должности глав администраций, на которых возложена вся полнота ответственности за состояние экономики, выполнение президентских и правительственных решений на местах. Назначение и досрочное освобождение глав администраций осуществляется строго по вертикали: Президентом республики и главами вышестоящих администраций. За Советами оставлено право разрабатывать и утверждать бюджет, контролировать ход его выполнения, вести работу с депутатами, руководитьдеятельностью постоянныхкомиссий, разрабатывать стратегические направления развития регионов, сотрудничать с различными общественными организациями.

Положено начало формированию многопартийной системы. Созданы условия для функционирования независимых средств массовой информации. Казахстан стал полноправным членом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), гарантирует соблюдение прав человека, национальных меньшинств. Права нации приравнены к правам личности, и государство одинаково заботится обо всех гражданах Казахстана. Это важно еще и потому, что только социальная стабильность и межнациональное согласие позволят обеспечить дальнейшее динамичное развитие Казахстана, где из 17 миллионов населения казахи составляют 42% всех жителей, русские соответственно 37, украинцы — 5,2, немцы — 4,4%.

С обретением независимости Казахстан вышел на международную арену в качестве суверенного государства. 3 марта 1992 г. Республика Казахстан вступила в Организацию Объединенных Наций, стал а членом Международного валютного фонда, Международного банка реконструкции и развития, Всемирного банка, международной ассоциации развития, многостороннего агентства гарантий инвестиций, международного центра по урегулированию инвестиционных споров, Всемирной организации здравоохранения и целого ряда других организаций. Свыше ста стран признали наше государство, с многими из них установлены дипломатические отношения на уровне посольств и представительств. Внешнеполитический курс республики состоит в поддержании взаимовыгодных дружественных отношений на принципах полного доверия с сопредельными государствами, включая СНГ, а также развитие широких связей со всеми другими странами на основе справедливости и международного партнерства. В перспективе, ядерное оружие, размещенное на территории Казахстана, в рамках договорного процесса будет ликвидировано, и республика обретет статус безъядерного государства.

Возрождаются культура и традиции народов Казахстана, растет национальное самосознание. Консолидируется казахская нация; казахский язык стал государственным; возвращаются из небытия имена лучших представителей казахского народа, восстанавливается историческая топонимика; созданы условия для расцвета национальной культуры; приняты законы о миграции и гражданстве. Осенью 1992 г. проведен всемирный курултай казахов, собравший представителей 10-миллионного казахского народа[4].

В условиях экономического кризиса в республике взят курс на реализацию собственной модели экономических преобразований и перехода к рынку, исходящий из наличия богатейших запасов природных ресурсов, необходимости формирования альтернативных форм собственности регионов и субъектов хозяйственной деятельности, конверсии оборонного комплекса и более рационального использования научно-технического и производственного потенциала[5]. Активно развивается внегосударственный сектор экономики республики. В середине 1992 г. к нему относились 35 акционерных обществ, 76 межотраслевых и внешнеэкономических ассоциаций, около 30 концернов и консорциумов. В республике функционировало 120 коммерческих банков, 60 бирж, 40 страховых и 20 лизинговых компаний, два крупных аудиторских центра. Действует 230 средних промышленных предприятий, почти 11 тыс. кооперативов, свыше 5,5 тыс. малых предприятий, в которыхтрудятся 15% Занятых в народном хозяйстве. В сельском хозяйстве насчитывается около восьми тысяч крестьянских хозяйств. Приватизировано 1 806 предприятий и организаций, из них около двух третей перешли в коллективную соственность, одна четвертая — в частную.

Во внешнеэкономической политике широко используются иностранный капитал, техника и технологии. На территории республики зарегистрировано 1085 промышленных предприятий—участников внешнеэкономических связей, в народное хозяйство направлены самые крупные в масштабах СНГ иностранные инвестиции. Экспортно-импортные оПерации проводятся в основном через республи-канские внешнеэкономические структуры и развивается тенденция к переориентации республиканского экспорта в развитые капиталистические страны. В структуре казахстанского экспорта, а он возрос с 31 страны в 1988 г. до 86 в 1992 г., преобладает сырьевая направленность. Заключены договоры, соглашения с крупнейшими зарубежны-ми фирмами и корпорациями, в том числе американской «Дау кемекал», английскими «Бритиш петролиум» и «Бритиш газ», французской «Эльф Акитен» и др.

Примером привлечения крупных капиталовложений в экономику Казахстана стало подписание меморандума о создании совместного предприятия «Тенгизшевройл», сроком на 40 лет. Распределение доходов в течение всего срока действия совместного предприятия должно обеспечить 80% Казахстану и 20% «Шеврону».

Рыночные реформы проходят болезненно, в условиях обострен-ной социально-экономической обстановки, вызванной последствиями дезинтеграции бывшей советской экономики. Но общенациональное согласие казахстанцев дает надежду на лучшее будущее, отраженное в новом

государственном флаге Республики Казахстан, где сине-голубое поле отражает единение и безоблачное небо, мир и благополучие; золотое солнце — покой и богатство, степной орел — щедрость и зоркость, высоту помыслов; верх — шанырак — символизирует отчий дом.

28 января 1993 г. Верховный Совет республики принял первую Конституцию независимого Казахстана, служащую фундаментом создания правового государства, гарантом становления ее государственности, обеспечения независимости, успешного продвижения по пути экономического, культурного и научно-технического прогресса[6]. Согласно Конституции, Республика Казахстан демократическое, светское и унитарное государство, обеспечивающее равные права всем своим гражданам. Подчеркивается целостность, неделимость и неприкосновенность ее территорий. Государственная власть в Рес-публике Казахстан основывается на принципе ее разделения на законодательную, исполнительнуюи судебную, единственным источ-ником государственной власти признается народ Казахстана. Респуб-лика Казахстан высшей ценностью признает человека, его жизнь, свободу и независимость, неотъемлемые права и осуществляет свою дсятольность в интересах гражданина и оощества. Так народ Казахстана творит свою историю.

1 Указ Президента Казахской Советской Республики о закрытии Семипалатинскогоиспытательного ядерного полигона. - «Казахстанская правда», 1991, 30 авг.
2. Декларация о государственном суверенитете Казахской Советской Республики.- «Казахстанская правда», 1990, 28 окт.
3. Конституционный Закон Республики Казахстан «О государственной независимости Республики Казахстан>>. — «Казахстанская правда», 1991,19 дек.
4. Дипие жизі казақтарының құрылтайы. Алматы. 1993.
5. *Назарбаев Н. А.* Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства. Алматы, 1992,Конституция Республики Казахстан. Принята 28 января 1993 г. на девятой сессии Верховного Совета Республики Казахстан двенадцатого созыва. Алматы, 1993.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

РАЗДЕЛ I. КАЗАХСТАН В ДРЕВНОСТИ

Глава 1. Казахстан в эпоху каменного века 4
§ 1. Природные условия и среда обитания древних гоминид 5
§ 2. Ранний палеолит 8
§ 3. Поздний палеолит 11
§ 4. Неолит 13
Глава 2. Бронзовый век
§ 1. Древние земледельцы и пастухи 16
§ 2. Древние рудокопы, металлурги и гончары 22
§ 3. Религия и искусство 26
Глава 3. Союзы племен и ранние государства на территории Казахстана 30
§ 1. Политическая история саков 31
§ 2. Хозяйство и общество саков 37
§ 3. Искусство и мифология 41
§ 4. Усуни 43
§ 5. Государство Кангюй 46
§ 6. Хунну 50
§ 7. Сарматы 53

РАЗДЕЛ II. КАЗАХСТАН В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Глава 1. Государства раннего и развитого средневековья (VI— нач. XIII вв.)
§ 1. Тюркский и тюргешский каганаты (552—756 гг.) 56
§ 2. Карлукское государство (756—940 гг.) 60
§ 3. Огузское государство (IX— нач. XI вв.) 62
§ 4. Кимекский каганат (IX— нач. XI вв.) 65
§ 5. Государство Караханидов (942— 1210 гг.) 68
§ 6. Государство Каракитаев (1128— 1213 гг.) 70
§ 7. Кыпчакское ханство (нач. XI в.—1219 г.) 72
Глава 2. Великий Шелковый путь на территории Казахстана. Город и степь 78
§ 1. Направления и трассы Великого шелкового пути 80
§ 2. Взаимодействие и взаимообогащение культур 84
§ 3. Города и поселения в VI — первой половине IX вв 90
§ 4. Города и поселения во второй половине IX— нач. XIII вв 92
§ 5. Памятники кочевников Казахстана 95
Глава 3. Казахстан в монгольскую эпоху 97
Глава 4. Средневековые государства в XIV—XV вв.
§ 1. Политическая история 105
§ 2. Экономика и культура 115
Глава 5. Этногенез и этнические процессы на территории Казахстана
§ 1. Антропологические аспекты происхождения казахского народа 118
§ 2. Этнические процессы на территории Казахстана 131
§ 3. Завершение формирования казахской народности 136
Глава 6. Казахское ханство в XV—XVII вв.
§ 1. Политическая история 144
§ 2. Экономика и культура 156
Глава 7. Позднесредневековая городская культура
§ 1. Города и поселения в XIII — первой половине XV вв 165
§ 2. Города и сельские поселения в последней четверти XV—XVII вв 169

РАЗДЕЛ III. КАЗАХСТАН В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Глава 1. Присоединение Казахстана к России: вхождение, завоевание, колонизации 175
Глава 2. Социально-экономическое развитие казахского общества в XVIII - середине XIX вв.
§ 1. Хозяйство 186
§ 2. Социальная организация 191
§ 3. Социальная стратификация 195
Глава 3. Народно-освободительная борьба в период присоединения Казахстана к России
§ 1. Основные этапы, итоги и проблемы освободительных движений периода

присоединения Казахстана к России....201
§ 2. Восстание казахов Младшего жуза под предводительством Срыма Датова (1783-1797 гг.)....203
§ 3. Восстание под предводительством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова....209
§4. Восстание 1837—1847 гг. под руководством хана Кенесары....214
§ 5. Восстание сырдарьинских казахов под предводительством Джанхожи Нурмухамедова.... 221
Глава 4. Социально-экономические отношения в Казахстане во второй половине XIX в....224
Глава 5. Культура Казахстана в XVIII— начале XX вв....235
§ 1. Народное образование....236
§ 2. Наука и научное изучение Казахстана....239
§ 3. Художественная культура. Печать....244
§ 4. Материальная культура казахов. Обычаи и обряды....248
§5. Революционные разночинцы в Казахстане....257
Глава 6. Казахстан в начале XX в.
§ 1. Социально-экономическое положение края в начале века....260
§ 2. Участие населения края в российской революции 1905—1907 гг....265
§ 3. Борьба трудящихся Казахстана в условиях нового революционного подъема и первой мировой войны....268
§ 4. Национально-освободительное движение 1916 г. в Казахстане....273
§ 5. Февральская революция в Казахстане....277
РАЗДЕЛ IV. КАЗАХСТАН В УСЛОВИЯХ ТОТАЛИТАРНОЙ СИСТЕМЫ
Глава 1. Казахстан в период гражданского противостояния
§ 1. Казахстан после падения царского самодержавия....283
§ 2. Установление советской власти и ее первые шаги в хозяйственном и культурном строительстве....289
§ 3. Казахстан в годы гражданской войны....296
Глава 2. Казахстан в период становления тоталитарной системы
§ 1. Аул и деревня в годы нэпа....298
§ 2. Коллективизация в Казахстане....306
§ 3. Индустриальное развитие Казахстана в 1921-1940 гг....311
§ 4. Общественнополитическая жизнь....319
Глава 3. Казахстан в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.
§ 1. Начало и характер войны. Мобилизация сил на отпор врагу....325
§ 2. Создание военной экономики....328
§ 3. Казахстанцы на фронте....332
Глава 4. Казахстан в послевоенные годы (1946—1970 гг.)
§ 1. Общественно-политическая жизнь Казахстана в 1946—1970 гг....337
§ 2. Развитие промышленности....342
§ 3. Научно-технический прогресс и хозяйственная реформа 1965 г....347
§ 4. Создание единой транспортной системы в республике....349
§ 5. Рост рабочего класса, его роль и место в социальной структуре республики....352
§ 6. Сельское хозяйство....356
Глава 5. Казахстан в 70-е —80-е гг.
§ 1. Тенденции социально-экономического развития....361
§ 2. Кризисные явления в сельском хозяйстве....367
§ 3. Уровень жизни народа: тенденции и противоречия....372
§ 4 Политическая жизнь и национальные отношения....375
§ 5. Казахстан во внешней политике СССР. Движение «Невада—Семипалатинск»....380
Глава 6. Культурная жизнь Казахстана (1917—1992 гг.)
§ 1. Преодоление массовой неграмотности населения и развитие народного образования....386
§ 2. Наука....391
§ 3. Художественная культура....393
§ 4. Формирование и судьбы национальнойи интеллигенции....395
§ 5. Современные культурные процессы....396
Глава 7. Социально-демографические процессы в Казахстане (1897—1992 г.)....399
Глава 8. Казахстан — суверенное, независимое государство 407